

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

А. А. ГРЕЧКО (председатель)

Г. А. АРБАТОВ, В. А. ВИНОГРАДОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ, Б. Г. ГАФУРОВ,
С. Г. ГОРШКОВ, А. А. ГРОМЫКО, А. А. ЕПИШЕВ, А. С. ЖЕЛТОВ, П. А. ЖИЛИН
(заместитель председателя), Е. М. ЖУКОВ (заместитель председателя), С. П. ИВАНОВ,
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, В. М. КОЖЕВНИКОВ, В. Г. КУЛИКОВ (заместитель председа-
теля), С. К. КУРКОТКИН, Е. Е. МАЛЬЦЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, П. Н. ПОСПЕЛОВ,
А. И. РАДЗИЕВСКИЙ, С. И. РУДЕНКО, А. М. РУМЯНЦЕВ, М. И. СЛАДКОВСКИЙ,
Т. Т. ТИМОФЕЕВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ (заместитель председателя), С. К. ЦВИГУН,
С. М. ШТЕМЕНКО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1973

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ.
БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ
ЗА СОХРАНЕНИЕ МИРА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1973

9 (М) 72
И 90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЕРВОГО ТОМА

Г. А. ДЕБОРИН (главный редактор), О. Ф. СУВЕНИРОВ (заместитель главного редактора), В. Г. КЛЕВЦОВ, Е. Ф. НИКИТИН, Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. П. СЕРЕГИН,
К. К. ШИРИНЯ

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Шесть долгих лет полыхала вторая мировая война. За всю свою историю человечество еще не испытывало столь острого военного конфликта между силами крайней реакции и силами общественного прогресса. Все, что создавалось умом и руками поколений на протяжении столетий, было брошено на чашу весов войны. Страшно представить себе, во что превратилась бы жизнь на земном шаре, если бы фашистской агрессии не преградили путь силы свободы и прогресса, главной из которых явилась материальная и духовная мощь Советского Союза. Навечно запечатлен в благодарной памяти человечества беспримерный подвиг тех, кто ценою неимоверного напряжения сил, кровью и жизнью своей завоевал великую победу над фашизмом.

Победа прогрессивных сил способствовала ускорению необратимого процесса становления нового, социалистического мира. Она подтвердила всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, ее могучее, жизнеутверждающее влияние на судьбы человечества. Роль Советской державы, руководимой Коммунистической партией, как базы мирового революционного процесса, оплота свободы и независимости народов еще более возросла.

Вторая мировая война проходила в новую эпоху всемирной истории, открытую Октябрьской революцией, — в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Главная историческая закономерность этой эпохи — революционное утверждение нового, коммунистического общественного строя — неуклонно преодолевала возникавшие на ее пути трудности и чинимые старым миром препятствия. Ее неодолимая сила проявлялась в растущих успехах первого в мире социалистического государства, в усилении его влияния на ход международных событий и развитие мирового революционного движения. Она особенно отчетливо сказалась в том, что именно Советское социалистическое государство внесло решающий вклад в сокрушение агрессоров в ходе второй мировой войны.

Советская историческая наука уже многое сделала для всестороннего исследования истории второй мировой войны. Значительных успехов достигли историки социалистических стран. Большую работу проводят прогрессивные авторы в капиталистических государствах,

особенно те, которые руководствуются марксистско-ленинской методологией.

Изданы сборники документов, многотомные исследования и книги. В них рассматриваются причины войны, ее характер, ход и исход, показана решающая роль народных масс в победе над фашизмом, вскрыты подлинные мотивы политики различных государств, глубоко проанализированы военные действия на всех фронтах войны и деятельность тыла воевавших государств. Советские историки убедительно показали несокрушимую силу и могущество социалистического общественного и государственного строя; руководящую и направляющую роль Коммунистической партии, ее огромный авторитет в массах; стойкость, воинскую доблесть и величайшую энергию нашего народа в ратном деле и в труде.

Прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим. Его оценка носит классовый характер. Реакционные авторы преднамеренно извращают события недавнего времени. Они дают им ложную трактовку, прилагают все усилия, чтобы обелить капитализм, стараясь снять с него ответственность за возникновение войны. Некоторые из них, признавая, что войну развязал фашизм, отрицают, однако, тот непреложный факт, что эта террористическая диктатура монополистической буржуазии есть порождение империализма. Часть фальсификаторов пытается даже возложить ответственность за возникновение войны на Советский Союз. С этой целью они возрождают гитлеровскую версию «превентивной войны» Германии против СССР.

Реакционная историография замалчивает значение величайших битв на советско-германском фронте, в которых был сломлен хребет немецко-фашистской армии и предрешен полный разгром гитлеровской Германии. В то же время она возвеличивает операции, проводившиеся войсками США и Англии на второстепенных фронтах, всячески оправдывает и защищает правящие круги США и Англии, надолго затянувшие открытие второго фронта в Европе и уклонявшиеся от выполнения торжественных обязательств, принятых союзными державами в годы войны. Ее представители не скрывают своей неприязни к советскому партизанскому движению и движению Сопротивления в оккупированных захватчиками странах Европы и Азии. Одновременно они превозносят буржуазную оппозицию коллаборационистам в этих странах и фашистской диктатуре в Германии. В ложном свете представляется освободительная миссия Советских Вооруженных Сил, которым приписываются чуждые им вследствие самой социальной природы Советского государства экспансионистские намерения. Фальсифицированная подобным образом историография второй мировой войны сливается в единое целое с пропагандой откровенного милитаризма. Такое положение вызывает особую необходимость создания научной истории минувшей войны.

Великая победа свободолюбивых народов над фашизмом во второй мировой войне оказала глубокое воздействие на ход всемирной истории, общественное сознание и психологию населения всех стран, создала новые возможности для развития мирового революционного процесса.

Почти три десятилетия отделяют нас от того времени, когда закончилась вторая мировая война. Давно зарубцевались раны войны на опаленной огнем боев земле, поднялись из руин и пепла города и села. Более половины населения планеты родилось и выросло после войны. Однако ее история, итоги и последствия продолжают оказывать воздействие на современную международную обстановку, общественные процессы, имеют непреходящее значение и для военно-патриотического воспитания наших воинов, всех советских людей. Именно поэтому и принята разработка на основе марксистско-ленинской методологии много томного труда «История второй мировой войны». Труд, в основу которого положены достижения исторической науки в Советском Союзе и в других странах и в котором широко использованы новые материалы и не вовлекавшиеся еще в научный оборот документы советских и многих зарубежных архивов, призван обобщить имеющиеся исследования, разоблачить фальсификаторов истории, активно помогать борьбе социалистической идеологии против идеологии империализма.

История второй мировой войны показывает величие и непреодолимую силу социализма, патриотический и интернациональный подвиг многонационального народа нашей страны, сплоченного вокруг Коммунистической партии — организатора и вдохновителя всех его побед.

Исторический опыт зовет народы к бдительности, к активному участию в борьбе за предотвращение новой мировой войны.

Изучение истории второй мировой войны — важная составная часть воспитания большого патриотического чувства всего нашего народа — общенациональной гордости советского человека — и пролетарского интернационализма у тех, кто победил фашизм, а также и у молодого поколения, выросшего после войны. Правдивая история второй мировой войны, рассказывая о героизме советских людей, помогает жить и творить сегодня, давая мощные побудительные моральные стимулы, укрепляя ненависть к порабощению и насилию, решимость бороться за мир.

Много томный труд по истории второй мировой войны — исследование, в котором рассматриваются все стороны и процессы, особенности и характерные черты войны: ее предыстория, зарождение и развитие; цели воюющих сторон, ход военных действий на всех театрах и континентах; партизанское движение, антифашистская борьба и движение Сопротивления; уровень технической оснащенности вооруженных сил, принципы и возможности эффективного управления ими; развитие военной науки, стратегии, оперативного искусства и тактики; экономика, политика и идеология в странах — участницах войны; переплетение национально-освободительных и социальных, а также интернационалистических целей рабочего класса и всех трудящихся в борьбе с фашизмом; место и роль коммунистических и рабочих партий в сплочении масс; международные отношения и дипломатическая борьба; итоги, уроки и последствия войны. При освещении всех многообразных проблем войны особое место уделяется показу роли народных масс — подлинных творцов истории, деятельности коммунистических, рабочих, всех прогрессивных партий. Все эти силы внесли решающий вклад в достижение победы над фашизмом.

I

Подготовка и развязывание второй мировой войны реакционными и агрессивными кругами империализма — тяжчайшее преступление перед народами всей планеты.

Вторая мировая война возникла не внезапно, она вызревала в течение двух десятилетий, отделявших ее от конца первой мировой войны. Все эти годы шел процесс углубления общего кризиса капитализма, обострения всех его экономических и социальных противоречий. Возрастала роль государственно-монополистического капитализма в экономике и политике буржуазных государств, усиливался милитаризм, эксплуататорские классы ряда стран стали прибегать к фашистским методам упрочения своего господства.

Война вспыхнула внутри капиталистического мира в результате резкого обострения антагонизмов между капиталистическими странами в силу действия закона неравномерности их развития при империализме. Ответственность за ее возникновение лежит на империализме как общественной системе, на господствующих классах и правительствах крупнейших капиталистических держав. Однако в новых исторических условиях, порожденных Великой Октябрьской социалистической революцией и существованием Советского государства, противоречия между капиталистическими державами и их группировками не были единственным фактором мировой политики. Они развивались во взаимодействии с коренным противоречием эпохи — между двумя противоположными социальными системами: капитализмом и социализмом. Постепенно складывавшиеся два противостоящих империалистических военных блока (Германия, Италия и Япония — Англия, Франция и США), борясь между собой, в то же время стремились уничтожить Советский Союз и добиться мировой гегемонии.

С назреванием войны между двумя капиталистическими группировками держав возрастало и их стремление к образованию единого фронта против крепнувшего социализма. На антисоветизме политически спекулировали правящие круги Германии, Италии, Японии. Когда же по воле монополистов в Германии установилась фашистская диктатура, реакционные круги США, Англии и Франции сочли, что с ее помощью удастся сокрушить Советский Союз и разрешить в пользу капитализма главное противоречие эпохи. Вот почему агрессивному фашистскому режиму было оказано с их стороны всемерное политическое, дипломатическое и финансово-экономическое содействие. Вот почему правительства США, Англии и Франции противились созданию единого фронта обеспечения мира. В этих условиях гитлеровская Германия взяла на себя роль главной ударной силы мировой империалистической реакции.

Общий кризис капитализма обострял экспансионистские намерения империалистических держав. В то же время возрастало противодействие народов наступлению государственно-монополистического капитала и угрозе войны, развивалась революционная инициатива масс. Борьба прогрессивных сил, особенно Советского Союза и международного рабо-

чего класса, против готовившейся мировой войны создавала серьезные препятствия для воинственной политики империализма.

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, имелась реальная возможность сохранить мир. Она была обусловлена постоянным укреплением экономического и оборонного могущества СССР, его миролюбивой политикой, общим подъемом коммунистического, революционно-демократического, национально-освободительного движения, ростом массовых выступлений рабочего класса, широких слоев населения в защиту мира. Опираясь на совокупность этих факторов и условий, Советский Союз энергично боролся за обуздание фашистской агрессии. Выдвинутый им план коллективной безопасности реалистически учитывал соотношение сил на нашей планете, кровную заинтересованность народов в сохранении мира, перспективы развития международных отношений. Реализация этого плана могла бы преградить путь фашистским агрессорам.

Прогрессивная общественность всех стран понимала, что надвигающаяся война принесет человечеству невиданные бедствия и явится со стороны фашистских государств реакционной, захватнической, империалистической. И если несправедливый характер первой мировой войны определялся стремлением капиталистических участников к переделу мира, то во второй мировой войне планы фашистских государств шли значительно дальше. Они были рассчитаны на то, чтобы ликвидировать величайшие социалистические завоевания человечества, воплощенные в социалистическом государстве, чтобы поработить и истребить целые народы, ввергнув их в пучину такой бесчеловечности, какой еще не знала история. Поэтому борьба против фашизма, отвечая коренным интересам народов, приобретала справедливый и освободительный характер. Именно такой характер носили войны в защиту национального суверенитета Китая, Эфиопии, республиканской Испании и Албании.

Объективной возможности сплотить антифашистские силы в международном масштабе и сохранить мир противодействовала политика правящих кругов США, Англии и Франции. Поощрение ими фашистской агрессии, граничившее с национальным предательством, прикрывалось фиговым листком «умиротворения» Германии. Кульминационным пунктом такой политики явилось мюнхенское соглашение 1938 г., которое услужливо выдало Гитлеру на растерзание суверенное чехословацкое государство, предоставило захватчикам аванс для дальнейшего движения на восток.

Мюнхенский сговор таил в себе тем большую опасность, что он мог привести к созданию агрессивного антисоветского блока Германии и Италии с Англией и Францией. Стремясь предотвратить такое, губительное для прогрессивного человечества развитие событий, Советский Союз продолжал прилагать усилия, направленные на создание коллективной безопасности, на заключение договора о взаимной помощи против агрессии. Однако англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. показали, что правительства Англии и Франции предпочитают такому договору антисоветское соглашение с Германией, с которой уже обменялись обязательствами о ненападении. Это вынудило СССР согласиться на заключение

договора о ненападении с Германией. Используя острые империалистические противоречия между капиталистическими державами, Советский Союз предотвратил этим образование единого враждебного ему фронта.

Растущей угрозе войны противостоял международный рабочий класс. Но единство его усилий подрывалось лидерами правых социалистов. Когда фашизм рвался к власти и, захватив ее, устремился по пути к войне, они отказались от совместных действий с коммунистами, другими левыми силами и фактически способствовали развитию агрессии. Вопреки воле рабочих, составлявших большинство членов социал-демократических партий, вожди правых социалистов солидаризировались с правительствами своих стран в проведении позорной политики «невмешательства» и «нейтралитета», потворствовавшей агрессии и сыгравшей немалую роль в развязывании мировой войны.

В создавшихся исторических условиях не удалось преградить путь империалистической агрессии. Силы, противостоявшие войне, действовали разрозненно и оказались недостаточными, чтобы отвести военную угрозу, нависшую над человечеством. Одной из главных причин этого явился раскол рабочего класса капиталистических стран лидерами правых социалистов. Материальная же мощь социализма была не настолько велика, чтобы самостоятельно решить в полном объеме задачу обуздания агрессии.

Однако вторая мировая война вопреки замыслам правящих кругов Англии, Франции и США началась со схватки двух капиталистических коалиций.

Произошло это по ряду причин. Во-первых, потому, что война рождалась внутри капиталистического мира, вне которого она и не могла бы возникнуть. Во-вторых, потому, что антагонизм между двумя различными социальными системами отнюдь не исключал обострившихся внутренних противоречий империализма; они еще более усиливались, так как капиталистические державы с ожесточением боролись за мировое господство. В-третьих, добиваясь международной изоляции Советского Союза, правящие круги Англии и Франции подорвали возможное уже тогда единство противников фашистских государств, ослабили свои собственные страны, поставили их лицом к лицу с алчущими хищниками — германским фашизмом и японским милитаризмом. В-четвертых, постоянные поиски Англией, Францией и США путей для сделок за счет СССР рассматривались фашистскими государствами как свидетельство слабости политических позиций своих конкурентов и привели к тому, что гитлеровское правительство решило начать осуществление своих планов завоевания мирового господства с разгрома сначала более слабых противников, какими оно считало Польшу, Францию и Англию.

Война, разразившаяся внутри капиталистической системы, со стороны Германии, Италии, Японии на всем своем протяжении по политическим целям и характеру была несправедливой и захватнической. Планы и действия блока фашистских государств, возглавляемого Германией и Японией, выражали интересы самых реакционных общественных сил, противоречили прогрессивному ходу исторического развития.

Объявление Англией и Францией войны Германии было с их стороны вынужденным актом, признанием полного банкротства предвоенной политики правительств этих стран. Открывалась возможность перехода к новой политике — политике отпора агрессору. Но эта возможность в те месяцы не превратилась в действительность потому, что правительства Англии и Франции по отношению к гибнущей Польше оставались верны своему прежнему курсу «невмешательства». Они не хотели разгрома германского фашизма, той системы, которую еще в мирное время признали отвечающей их классовым интересам. Они настойчиво продолжали стремиться к тому, чтобы побудить Германию повернуть оружие против Советского Союза, добиться их обоюдного ослабления в кровопролитной борьбе, сохранить и расширить свои позиции в мире.

Когда пламя войны уже запылало на просторах Европы, Англия и Франция не предприняли против Германии никаких наступательных действий. Их война в сентябре 1939 г. — апреле 1940 г. буржуазными публицистами была названа «странной», что подчеркивало ее главную особенность — отсутствие активных военных действий со стороны Англии и Франции вопреки своим заявлениям о намерении дать отпор Германии. Если сущность войны заключается в продолжении политики господствующих классов насильственными средствами, то «странная война» со стороны Англии и Франции продолжала их мюнхенскую политику в измененной форме и фактически без применения насильственных средств. Таким образом, «странная война» не содержала ничего странного. Это был определенный политический курс, направленный своим острием против СССР и имевший целью создание антисоветского фронта. В то время как на биваках и в блиндажах французской линии Мажино гремела браваурная музыка, а солдаты игрой в футбол заполняли свой досуг, реакционеры Англии и Франции в глубокой тайне от народов предпринимали новые шаги не только к сговору с Германией против СССР, но и к военному нападению на Советский Союз. Что же касается фашистской Германии, то она сочетала активные военные действия со стратегическими паузами, во время которых перегруппировывала и наращивала свои вооруженные силы.

Вторая мировая война, порожденная взаимной борьбой капиталистических держав, началась как империалистическая с обеих сторон — и со стороны Германии, Японии и со стороны Англии, Франции. В воззвании к 22-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Коминтерн следующим образом оценил войну: «Эта война есть продолжение многолетней империалистической тяжбы в лагере капитализма»¹. Но она не могла остановить и тем более устранить объективные процессы постепенного нарастания справедливой борьбы народов против фашистского угнетения.

Коммунисты и возглавляемые ими подлинно патриотические силы Германии, Японии и Италии, а также стран-сателлитов стояли за поражение правительств и тоталитарных режимов в несправедливой войне. Коммунистическая партия Германии призвала трудящихся страны и сол-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8—9, стр. 3—4.

дат гитлеровского вермахта к солидарности с народами, ставшими жертвами агрессии, к развертыванию движения Сопротивления «против внутреннего врага»¹.

Для Польши, ставшей жертвой фашистской агрессии, война против гитлеровской Германии приняла характер справедливой, освободительной, антифашистской. Так произошло потому, что отпор захватчикам был отнюдь не продолжением империалистической, антисоветской политики правящих кругов предвоенной Польши, а своеобразным ее отрицанием, полным ее крахом. Вооруженный отпор гитлеровцам выражал коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, всей нации, над которой нависла реальная угроза физического уничтожения. Справедливая война народных масс Китая против японских захватчиков, патриотические выступления трудящихся Чехословакии также были наглядным проявлением национально-освободительной борьбы. В ряде документов Коминтерна констатировалось развитие национально-освободительного движения во второй мировой войне. Коммунистическим партиям рекомендовалось всемерно способствовать дальнейшему усилению этого характера борьбы. Именно так говорилось, в частности, в директиве Г. Димитрова и К. Готвальда Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии, датированной 14 сентября 1939 г.²

Каждый новый акт агрессии фашистских государств вызывал растущий отпор народов и приводил ко все большему расширению национально-освободительного движения. Со стороны Норвегии, Бельгии и Голландии война против напавшей на них Германии носила справедливый, национально-освободительный характер³.

«Странная война» со стороны Англии и Франции была логическим продолжением их мюнхенской политики. Но когда гитлеровская Германия вторглась во Францию, дальнейшее продолжение этой политики, несмотря на ее рецидивы, стало невозможным, ибо вело прямым путем к гибели. Объективный ход событий выдвигал задачу защиты национальной независимости от угрозы фашистского порабощения. Коммунистические партии Франции и Англии выступили с требованием изменить характер войны против нацистской Германии, превратить ее в национально-освободительную, справедливую. Коммунистическая партия Франции выдвинула программу обороны, исходившую из предпосылки, что война превращается в народную войну за сохранение французского самостоятельного государства, за спасение нации⁴. В дни, когда германские полчища устремились к Парижу, компартия вновь потребовала «изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины»⁵.

На вторжение гитлеровцев народы европейских стран отвечали усилением сопротивления, придавая ему четко выраженный антифашистский,

¹ Zentrales Parteiarchiv der SED (далее — ZPA), NL BS (1) 2860, Bd.6.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 495, оп. 18, д. 1283, л. 101.

³ Правительство Дании отказалось от борьбы и сразу же капитулировало.

⁴ Histoire du Parti communiste français. Paris, 1964, p. 389.

⁵ М. Т о р е з. Сын народа. Перевод с французского. М., 1950, стр. 142.

национально-освободительный характер. Вскоре оно стало называться движением Сопротивления. На Европейском континенте оно возникло в Чехословакии и Польше, затем в Норвегии, Голландии, Дании, Бельгии и Франции. В него включились патриоты Югославии, партизанская борьба которых особенно быстро набирала силу, а также и Греции.

Усиление национально-освободительного характера войны против фашистской Германии свидетельствовало о непреклонности воли народов к сопротивлению фашизму. На британское правительство оказывало влияние постепенное осознание того факта, что Германия создала реальную угрозу национальному существованию Англии и что путь сговора с Германией пагубен. Вот почему правительство Великобритании наконец решило отказаться от этого пути, рассчитывая этим укрепить свои позиции в Британской империи.

Нападение гитлеровской Германии на СССР явилось прямым выражением политики империализма, резким усилением реакционности войны с ее стороны. Великая Отечественная война, на которую поднялись народы СССР во главе с ленинской партией, стала важнейшей составной частью второй мировой войны, высшей ступенью справедливой войны — войной в защиту социалистического Отечества. Рабочий класс и трудящиеся массы всего мира обрели ясную программу борьбы за полный разгром агрессоров и уничтожение фашизма, спасение народов от варварства и зверств, предоставление им свободы социально-экономического устройства.

Развернулось вооруженное противоборство социалистического государства в союзе с демократическими силами многих стран против их злейших и коварных врагов — германского фашизма и японского милитаризма, образовавших наиболее реакционную группировку капиталистических стран. Это противоборство означало коренное качественное изменение в социально-политическом характере, масштабе, ходе и перспективах второй мировой войны. Оно носило ярко выраженный классовый характер и было чрезвычайно острым проявлением борьбы двух противоположных социальных систем. Борьба между ними развернулась во всех сферах: военной, политической, экономической, дипломатической и идеологической.

В декабре 1941 г. нападение Японии на Соединенные Штаты Америки вовлекло США в войну против фашистских государств. Однако финансово-промышленные круги заокеанской державы не менее рьяно, чем английская буржуазия, стремились использовать военные действия в своих классовых целях.

Совпадение коренных национальных интересов ряда государств и освободительный характер войны против блока агрессоров стали той цементирующей основой, на которой впервые в истории сложился международный фронт различных социально-политических сил. Созданию антигитлеровской коалиции, главную роль в которой играл героический советский народ, активно способствовала советская внешняя политика. Страна Советов следовала завету В. И. Ленина не отказываться «от военных соглашений с одной из империалистских коалиции против другой

в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы...»¹.

В военной и политической стратегии правительств США и Англии в годы вооруженной борьбы сказывались их империалистические расчеты. Но им противостояла программа демократического разрешения всех международных вопросов, выдвинутая Советским Союзом в строгом соответствии с освободительными целями борьбы против фашизма и поддержанная народами всего мира.

Именно эта благородная программа была положена в основу решений Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференций руководителей трех великих держав — СССР, Англии и США. Она предусматривала полный разгром фашизма, демократизацию Германии, Италии и Японии, а также их сателлитов, предоставление всем народам свободы и независимости, права выбора формы государственного правления, сохранение и развитие международного сотрудничества государств антигитлеровской коалиции. Такие меры открывали перспективу победы в войне и последующего мирного развития для всех стран нашей планеты.

Сложившаяся и окрепшая в ходе вооруженной борьбы антигитлеровская коалиция народов и государств включала страны с различным социально-политическим строем, что влияло на политические цели войны, характер и масштабы участия в ней государств и народов.

Исторически доказанным и неоспоримым является тот факт, что Советский Союз выдержал основную тяжесть войны и внес самый большой вклад в разгром фашистской Германии и ее сообщников.

II

Верная заветам В. И. Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза всегда считалась с угрозой империалистического нашествия и проявляла неустанную заботу об укреплении экономического, морально-политического и оборонного могущества Советского государства. Вторая мировая война показала историческую правоту ленинской политики партии, под руководством которой волей и энергией народа страна, отстававшая от более развитых на 50—100 лет, за сравнительно короткий срок была преобразована в могучую социалистическую державу.

Коммунистическая партия и Советское правительство учитывали возможность нападения фашистской Германии на СССР. Задачи дальнейшего укрепления обороны страны были глубоко обоснованы XVIII съездом ВКП(б) и закреплены в законах, принятых Верховным Советом СССР. Состоявшаяся в феврале 1941 г. XVIII конференция ВКП(б) рассмотрела конкретные вопросы развития оборонного производства, повышения боевой готовности Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Выванные у реакционных сил в результате заключения советско-германского пакта о ненападении дополнительные двадцать два мирных

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 323.

месяца были использованы для хозяйственного строительства и для укрепления военной мощи социалистического государства.

Осуществляя решения XVIII съезда и XVIII партийной конференции, Центральный Комитет ВКП(б), опираясь на победу социализма в СССР, провел огромную по своим масштабам и значению работу по подготовке страны к обороне на случай вражеского нападения. Партия и правительство подготовили большие производственные мощности для развертывания военного производства и активно организовывали разработку новых, весьма совершенных образцов боевой техники и оружия. Важное значение имело перемещение части производительных сил страны на Восток. Развивались и совершенствовались Вооруженные Силы, происходила их передислокация к западным границам СССР. Партия воспитывала советских людей в духе ненависти к фашизму и патриотической готовности защищать свое социалистическое Отечество. Партия пробуждала в советских людях чувство национальной гордости за великие свершения социализма и его ведущую роль в мировом революционном процессе, чувство личной ответственности за судьбы победившего в стране социализма. Так под благотворным влиянием коммунистических идей развивались те истоки массового героизма советских людей, которые столь величественно проявились во время Великой Отечественной войны.

Если в идейном и политическом отношении советский народ встретил войну в полной патриотической готовности, то далеко не все намеченные мероприятия по укреплению обороны страны удалось осуществить: слишком незначительным был срок для этого. Сыграли свою роль и допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на Советский Союз гитлеровской Германии, и упущения в подготовке к отражению первых вражеских ударов.

И все же ослепленные антикоммунизмом фашистские правители, принимая роковое для Германии решение о нападении на СССР, недооценили экономическую, морально-политическую и военную мощь социалистического государства, неисчерпаемые возможности, заложенные в социалистическом государственном и общественном строе. В перспективе такая авантюристическая политика и военная стратегия неизбежно должны были привести к краху гитлеровской агрессии, крушению казавшегося непобедимым «третьего рейха». В недооценке возможностей социалистического государства заключался просчет всей мировой империалистической реакции.

В нападении Германии на СССР особенно наглядно проявился классовый, крайне реакционный, империалистический характер войны со стороны фашистского блока. Германский империализм ставил целью ликвидировать форпост социализма на земном шаре, захватить земли и национальные богатства советских людей, установить диктатуру немецких помещиков и капиталистов в нашей стране и превратить ее народ в рабов, ликвидировать национальную государственность народов СССР и разобщить их, уничтожить социалистические завоевания трудящихся, их самобытную национальную культуру и открыть себе путь к мировому господству. Агрессия против советского народа, тяжкие преступления

немецко-фашистской военщины были заранее скрупулезно спланированы германским правительством и генеральным штабом.

На карту была поставлена не только независимость нашей Родины, но и перспективы мирового социализма, судьбы всего человечества, честь и свобода народов земли. Вынужденное вступление в войну СССР означало, что из многих переплетавшихся на международной арене противоречий на первый план прочно выдвинулась борьба между двумя социальными системами, принявшая характер вооруженного столкновения германского империализма с народом, построившим социализм. Это противоречие определило бескомпромиссный характер вооруженной борьбы, решающее значение советско-германского фронта, от которого зависел исход всей мировой войны, а следовательно, и общее направление мирового исторического развития.

Для США и Великобритании противоречия с Германией и Японией носили иной социальный характер и потому не были столь непримиримыми, оставляли возможность для соглашений с правящими кругами стран фашистского блока прежде всего за счет СССР. Различие в социально-политическом строе государств антигитлеровской коалиции предопределяло и неравную степень мобилизации сил на нужды войны, неодинаковые политические, стратегические цели вооруженной борьбы и возможности военных усилий.

Великая Отечественная война Советского Союза была войной страны победившего социализма против ударных сил международной реакции. Это была последовательно сочетавшая патриотизм и пролетарский интернационализм героическая борьба за судьбы социализма и упрочение базы мирового революционного процесса, в защиту общественного прогресса и человеческой цивилизации. Цели Великой Отечественной войны были исключительно гуманными и близкими для народов всех стран. Они сводились к тому, чтобы отстоять от врага само существование социалистического Отечества, разгромить фашистских захватчиков и осуществить великую миссию освобождения от фашистских мракобесов поработенной Европы, в том числе и Германии, предоставить народам возможность самим решать вопросы государственного и социально-экономического устройства.

Чем дальше уходят в прошлое грозные события войны, тем очевиднее становится факт, что ни одна другая страна, оказавшись в положении Советского Союза, не выдержала бы столь трудных испытаний. Только героический советский народ, который под руководством Коммунистической партии совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, победил в войне с белогвардейцами и иностранными интервентами, преодолел разруху, построил социализм в окружении враждебной капиталистической стихии, мог встать несокрушимой стеной на пути немецко-фашистских претендентов на мировое господство, а затем разгромить их вооруженные силы.

Социалистический способ производства, плановость народного хозяйства и научный характер управления им, мощь Советского государства, руководящая роль Коммунистической партии, социально-политиче-

ская и идейная сплоченность всех классов и наций общества — таковы те объективные основы, которые предопределили решающий вклад СССР в разгром врага. Советские люди не только с честью отстояли свои социалистические завоевания, но и спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства, оказав тем самым мощную поддержку освободительной борьбе народов.

Во главе Советского Союза, боровшегося против фашистской Германии, находилась ленинская партия — боевой авангард рабочего класса и всего советского народа. Центральный Комитет ВКП(б), сознавая свою историческую ответственность за судьбы народа и государства, за дело социализма, проявил мудрость и величайшее мужество в преодолении колоссальных трудностей, вызванных войной, мобилизовал все материальные и интеллектуальные силы общества, вдохновил и организовал советских людей на разгром врага и завоевание полной победы. Сплоченность всего народа под знаменем Коммунистической партии — один из главных источников непобедимости социалистической державы, важнейшее условие ее решающего вклада в разгром врага. Победа была завоевана в вооруженной борьбе с фашизмом совместными усилиями рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, всех наций и народностей.

Советская Армия сыграла главную роль в вооруженной борьбе с фашистским вермахтом. Наши Вооруженные Силы — часть советского народа; они опираются на созданное им материальное, политическое, социальное и духовное могущество социалистического государства, воплощают достижения передовой советской военной науки, основы которой были заложены В. И. Лениным. Непрерывно совершенствовались отечественное оружие и техника. В ходе войны развивались советская стратегия, оперативное искусство, тактика. В Вооруженных Силах постоянно велась научная работа по изучению и обобщению опыта войны. Важнейшим условием быстрого творческого развития военного искусства был патриотический подъем всего личного состава армии, авиации, флота, его активность, боевое мастерство, готовность неустанно громить ненавистного врага. Советские Вооруженные Силы решительно заменяли старые, отжившие формы и способы ведения войны новыми, передовыми.

В начале Великой Отечественной войны Советской Армии и всему народу пришлось испытать горечь неудач. Вооруженные Силы СССР вынуждены были сражаться в самых невыгодных, тяжелейших условиях, когда материальное превосходство было на стороне врага, пользовавшегося и фактором внезапности своего вероломного нападения.

В дальнейшем в ходе войны сказалось превосходство советской военной стратегии. Чтобы измотать и обескровить крупные группировки врага, выиграть время для создания и подтягивания резервов, подготовить условия для перехода в мощное наступление, умело использовалась стратегическая оборона. Наступательные операции советских войск отличались продуманностью, учетом реальной обстановки, широким использованием преимуществ социалистического строя и его военной организации. Эти операции характеризовались огромным пространственным раз-

махом, новаторством, маневром на окружение крупных группировок противника. Оперативные планы советского командования сочетали решительность действий с искусным выбором направлений главных ударов и соответствующим массированием сил и средств, внезапность наступления с высокой эффективностью действий по окружению и уничтожению противника.

Разрабатывала и проводила крупные стратегические операции на фронтах войны Ставка Верховного Главнокомандования. Деятельность ее протекала под руководством Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона, председателем которого был секретарь ЦК ВКП(б) и председатель СНК СССР И. В. Сталин. При планировании и осуществлении операций Ставка опиралась на Генеральный штаб и командование фронтов. Она своевременно вырабатывала и принимала оперативно-стратегические решения, наиболее отвечающие на том или ином этапе войны ее основным политическим целям, создавала и умело использовала стратегические резервы, что позволяло успешно влиять на ход и развитие событий, общую военно-политическую обстановку и изменять ее в пользу Советской Армии.

В предвоенные годы и особенно в ходе войны выросли советские полководцы, проявившие во всем блеске свои знания и талант. Под их руководством прошли школу военного дела многие командиры, которые продемонстрировали умение управлять войсками в сложных боевых условиях, обобщать боевой опыт и извлекать из него уроки для дальнейшего развития военного искусства. Вооруженные Силы располагали замечательными кадрами политработников, среди которых были видные деятели партии и государства. Умножая боевые традиции и славу советского оружия, командные и политические кадры обеспечивали успешную подготовку и ведение операций по разгрому врага.

Значительный вклад в победу внесли советские партизаны и партийное подполье на оккупированной врагом территории, где развернулась всенародная борьба с захватчиками.

Боевые операции носили динамичный характер. На военные действия влияли уровень технической оснащенности видов вооруженных сил и родов войск, степень их моторизации, развитие наиболее эффективных ударных сил и средств, их огневая мощь. В годы войны получила первое применение зарождавшаяся тогда реактивная и радиолокационная техника.

В борьбе против немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов участвовали народы и армии не только Европейского континента, но и Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Китая. В этих армиях активно сражались передовые силы нации: рабочие, крестьяне и интеллигенция; коммунисты, социал-демократы и представители других массовых организаций трудящихся. Среди политических и военных деятелей союзных с СССР стран было немало таких, кто искренне стремился к подлинному сотрудничеству с Советским государством, самоотверженно боролся с общим врагом.

Однако для капиталистических государств, входивших в антигитлеровскую коалицию, война не означала устранения антагонизмов, прису-

щих эксплуататорскому строю. В. И. Ленин писал, что «и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы»¹.

Буржуазные правительства стран — участниц антигитлеровской коалиции на протяжении всей войны вели себя недостаточно лояльно по отношению к социалистическому государству, ставшему их союзником. Второй фронт в Европе был открыт лишь в июне 1944 г., когда стало совершенно очевидно, что Советский Союз, одержавший решающие победы на Восточном — главном фронте мировой войны, в состоянии совместно с борцами движения Сопротивления завершить разгром фашистской Германии и освободить всю Европу.

Высадка англо-американских войск в Нормандии имела определенное положительное значение: войска государств антигитлеровской коалиции наконец совместно встали против общего врага, Германия оказалась зажатой в тиски двух фронтов, ее разгром был ускорен.

Но даже тогда, когда второй фронт был создан, основное бремя войны лежало по-прежнему на СССР. Правящие круги США и Англии, открывая второй фронт, стремились не только принять участие в достижении победы над Германией, но и укрепить свои классовые позиции в Европе, осуществить такие цели, которые не отвечали освободительному характеру войны, а были направлены на утверждение пошатнувшегося господства финансовой и промышленной эксплуататорской верхушки, на завоевание более прочного положения за столом будущих конференций по послевоенному урегулированию в Европе и за ее пределами.

Расхождение политики США и Англии с освободительным характером второй мировой войны особенно остро проявилось в военных действиях в Северной Африке, а затем на Тихом океане. Наступление англо-американских войск против Японии велось с таким расчетом, чтобы ее господство над колониальными народами перешло в руки США и Англии. В начале августа 1945 г. американские правящие круги пошли на чудовищное злодеяние — на японские города Хиросима и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Этот преступный акт был направлен на устрашение народов земного шара, прежде всего Советского Союза; его цель состояла в том, чтобы открыть США путь к мировому господству, основанному на монопольном владении оружием массового уничтожения.

Героически сражались против немецко-фашистских войск в годы второй мировой войны народно-освободительные армии Югославии и Албании, войска Польши и Чехословакии, а на завершающем этапе войны — армии Болгарии и Румынии. В боях окрепло боевое содружество армий этих стран с Советскими Вооруженными Силами.

Участники движения Сопротивления вели против оккупантов напряженную мужественную борьбу, которая, охватив глубокие тылы оккупационных войск, значительно ослабляла боевые возможности вермахта. В этом движении участвовали передовые национальные силы во главе с рабочим классом и его боевым авангардом — коммунистическими партиями.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 41.

Коммунисты давали патриотам ясную перспективу и вдохновляющую программу не только национального, но и социального освобождения. Они были среди участников движения Сопротивления самыми бесстрашными и самоотверженными борцами против поработителей.

Мужественно сопротивлялись политике правящих кругов своих стран немецкие, японские, итальянские патриоты, находившиеся в глубоком подполье, и прежде всего коммунисты. Героическую борьбу с японским империализмом вел китайский народ, опиравшийся на дружественную поддержку трудящихся Советского Союза и Монгольской Народной Республики. В национально-освободительную войну на Дальнем Востоке включились также народы Кореи, Вьетнама и других стран Азии.

Попытки англо-американской и западногерманской реакционной историографии принизить роль Советского Союза в завоевании победы объясняются определенными социально-классовыми и политическими соображениями, буржуазным национализмом, желанием поднять престиж своих стран, затушевать факты частого бездействия войск США и Англии во время решающих сражений второй мировой войны. Объективная оценка решающей роли Вооруженных Сил СССР в разгроме врага означает признание крепости и неодолимости социалистической системы. Пытаясь умалить вклад СССР в разгром гитлеризма, буржуазия стремится скрыть от народных масс правду об огромной жизненной силе социализма, взять под сомнение его оборонную мощь и тем самым поощрить те империалистические круги, которые все еще помышляют о третьей мировой войне.

Признание того факта, что поражение агрессивного блока государств, возглавлявшегося фашистской Германией и империалистической Японией, во второй мировой войне было не случайным, а закономерным, имеет большое значение. Буря, пробужденная зачинщиками второй мировой войны, превратилась в ураган, который смел военную машину фашистских агрессоров и их политические режимы.

Опыт борьбы двух систем в годы второй мировой войны показал, что социализм в состоянии разгромить наиболее реакционные силы империализма и тем ускорить общественное развитие и революционные перемены. Но этот объективный результат победы свободолюбивых народов достался дорогой ценой. Марксисты-ленинцы никогда не считали мировую войну обязательным условием революционного переустройства общества на социалистических началах.

Всемирно-историческая победа свободолюбивых народов во второй мировой войне — это не только славное прошлое. Она находится в органической связи с современной борьбой, которую ведут народы против всевластия монополий и империалистического насилия, за мир, демократию и социализм, борьбой, имеющей насущное значение для всех народов мира.

Священна память о тех, кто с величайшим напряжением всех своих сил сражался за освобождение людей от фашизма, шел на смерть ради жизни на земле.

Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев говорил от имени всей нашей партии и советского народа: «...мы с гордостью и благоговением думаем о людях, чей беспримерный героизм

решил исход великой битвы с фашизмом. Павших нельзя воскресить. Но дело, за которое они боролись, бессмертно»¹.

И как символ неоплатного долга всех живущих перед павшими воинами в столицах и городах многих стран мира горит Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата, чей подвиг бессмертен. Это отблеск того душевного тепла, которое отдают все честные люди земли светлой памяти борцов за свободу.

Победа во второй мировой войне закономерно повлекла за собой коренные изменения в соотношении мировых сил, существенно отразилась на дальнейшем развитии всемирной истории.

Вторая мировая война завершилась полным крушением планов завоевания мирового господства, которые выдвигались германским и японским империализмом, показав неосуществимость подобных замыслов в современных условиях. Она не остановила поступательный ход истории, прогрессивные силы добились победы. Так еще раз в самые трудные для человечества дни, когда над ним нависла смертельная угроза, с новой силой раскрылось великое историческое значение Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР, лишивших империализм былой возможности по своему усмотрению распоряжаться судьбами народов и государств. Объективный результат второй мировой войны приобрел антиимпериалистическую направленность. Итоги и поучительные уроки войны служат грозным предостережением всем агрессивным силам империализма.

Победа над фашизмом ярко подтвердила решающую роль народных масс в общественной жизни, их величайшую волю и героизм, моральное превосходство над мировой реакцией. Все послевоенное мировое развитие свидетельствует, что только прогрессивный, революционный класс — рабочий класс способен решить те социальные задачи, которые соответствуют поступательному ходу истории, общественному прогрессу в целом. Вместе с тем стало еще более очевидным, что монополистическая буржуазия утратила историческую перспективу.

Главным и решающим итогом второй мировой войны явилось убедительнейшее доказательство того, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм. В гигантском военном столкновении с фашизмом победили советский общественный и государственный строй, социалистическая экономика, передовая марксистско-ленинская идеология.

Победа над ударными силами мировой реакции нанесла невосполнимый урон империализму. Она знаменовала новый важный этап исторического движения человечества от старого, отжившего свой век капитализма к новому, социалистическому строю, которому принадлежит будущее. Итоги борьбы с фашизмом показали, что социализм становится ведущей силой международного развития, что от него зависит прогресс человечества и будущее народов, само их существование. В тесном взаимодействии с боровшимися против оккупантов народами Советская Армия освободила целый ряд стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Ев-

¹ Л. И. Б р е ж н е в. Великая победа советского народа. М., 1965, стр. 47.

ропы, а также Восточной Азии. Другие страны обрели свою свободу в упорной национально-освободительной борьбе, успешно развивавшейся в непосредственной связи с разгромом главных сил фашистского блока войсками антигитлеровской коалиции.

Вторая мировая война оказала огромное влияние на сознание народов. Она явилась школой обучения масс политике, способствовала вовлечению их в активную политическую жизнь как в национальном, так и международном масштабе. Весь мир увидел, что империализм не гнушается никакими преступлениями, глубоко враждебен трудящимся и несет им муки и страдания, вплоть до рабства и физического истребления. В то же время война с еще большей силой доказала, что в современных условиях только социализм может обеспечить народам национальное и социальное освобождение, мир и подлинное процветание. Вполне закономерно поэтому, что трудящиеся стран Европы и Азии в ходе антифашистской борьбы стремились к коренному изменению условий своей жизни, разрыву с империализмом и колониализмом, переходу на путь революционно-демократического и социалистического развития.

Победоносное наступление Советской Армии в 1944—1945 гг. органически слилось с борьбой народов Европы за коренные социально-экономические и политические изменения, с антифашистской борьбой широких слоев населения, руководимых коммунистами. В результате народно-демократические и социалистические революции победили в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Албании. Вскоре революция победила в Восточной Германии, где затем по воле народа была создана Германская Демократическая Республика.

Революционный процесс развивался в Италии, Франции, Бельгии, Норвегии, Дании, Греции. Однако пребывание на территории этих государств английских и американских войск помогло крупной буржуазии сохранить свои позиции, упрочило власть монополистического капитала, помешало проведению глубоких прогрессивных преобразований.

Крупные исторические сдвиги происходили в странах Азии, где образовались новые социалистические страны — Демократическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика. Вмешательство империалистов привело к тому, что Вьетнам и Корея оказались разделенными. Народ Китая вплоть до 1949 г. вел гражданскую войну, завершившуюся победой и образованием Китайской Народной Республики.

Социализм как новая общественная система, представленный до войны только Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, перешагнул прежние географические рамки и прочно утвердился на мировой арене, все более укрепляя свои позиции в соревновании с капитализмом. Впоследствии, уже в изменившейся международной обстановке, первой из стран Западного полушария на социалистический путь развития вступила Куба.

Образование мировой системы социализма явилось самым важным, подлинно всемирно-историческим событием после Великой Октябрьской социалистической революции. Оно было закономерным следствием раз-

грома фашизма во второй мировой войне, свидетельством великого торжества социализма над империализмом. Итоги второй мировой войны убедительно показали, что империализм бессилен вернуть утерянную в Октябре 1917 г. монополию в области решения международных вопросов и в определении перспектив развития мировых событий. Ход всемирной истории подтвердил неотвратимость процесса перехода человечества от капитализма к социализму.

Нелегко досталась советскому народу победа над фашистскими агрессорами. Самой тяжелой и непоправимой утратой была гибель более двадцати миллионов его сынов и дочерей. Колоссальным оказался и материальный ущерб. Враги считали, что пройдут десятилетия, прежде чем Советская страна поднимется из руин и пепла, залечит раны, нанесенные войной. Но, обратив свою энергию и энтузиазм на мирное созидание, наш народ под мудрым руководством партии в общем строю с народами других стран социализма семимильными шагами пошел вперед. Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства явилось новым историческим подвигом советского народа.

Успехи экономики социалистических стран — главная движущая сила мирового революционного процесса. Они все заметнее меняют международную обстановку в пользу социализма.

Национально-освободительная борьба народов в годы второй мировой войны охватила ряд стран Азии, Африки и Латинской Америки. В послевоенное время могучий поток национально-демократических революций смел со своего пути колониальную систему империализма — систему рабства, эксплуатации и угнетения. На месте прежних колоний и полукolonий возникло более 70 независимых национальных государств, часть которых ныне придерживается социалистической ориентации.

Коммунистические и рабочие партии, находившиеся в дни войны в первых рядах антифашистского, освободительного движения народов, показали себя и в послевоенный период наиболее стойкими, последовательными борцами за национальную независимость и свободу. Их влияние на широкие слои населения усилилось. Несмотря на то что эти партии понесли наибольшие потери в борьбе с фашизмом, их численность и авторитет неуклонно возрастали. Коммунистическое и рабочее движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности.

Под влиянием антифашистской борьбы и активной деятельности коммунистов в массах создавалась новая обстановка в международном демократическом движении. Произошло сближение и усилилась координация сил социализма и демократии в их борьбе за предотвращение мировой войны и исключение ее из жизни общества, против всевластия монополий, господства империализма.

Магистральный путь развития человечества теперь определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы.

Понесенные империализмом поражения и потери, итоги и уроки второй мировой войны явились важным фактором международной обстановки после войны. Однако на протяжении почти четверти века «холод-

ной войны» империализм пытался не считаться с этим. Мир за послевоенные годы не раз оказывался на грани всемирной тотальной войны. И если она не стала фактом, то это результат возросшей политической, экономической и военной мощи СССР, других стран социализма, активной борьбы всех народов против преступных планов империализма. Организация Варшавского Договора, возникшая в противовес агрессивному блоку НАТО, соединила воедино оборонные усилия ряда европейских социалистических стран, стала могучим щитом, обеспечивающим безопасность народов.

ЦК КПСС и Советское правительство многое сделали для претворения в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом партии, в частности, для того, чтобы урегулировать проблемы, оставшиеся после второй мировой войны, оздоровить политический климат в мире.

Советский народ, социалистическое содружество, международное коммунистическое движение успешно ведут работу исторической важности по закреплению незыблемости послевоенного устройства Европы. «И сегодня,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— мы вправе сказать: ничто из результатов освободительной антифашистской борьбы народов не утрачено, плоды великой победы сохранены и упрочены!»¹

Отношения Советского Союза со многими буржуазными государствами, в том числе с большинством стран капиталистической Европы, а также с Соединенными Штатами Америки перешли на рельсы разрядки и взаимовыгодного сотрудничества.

ЦК КПСС поручил Политбюро неуклонно осуществлять определенный XXIV съездом КПСС внешнеполитический курс, бороться за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер².

В современных условиях священный интернациональный долг и классовое предназначение Вооруженных Сил СССР состоят в том, чтобы надежно оберегать мирный, созидательный труд советского народа, строящего коммунизм, вместе с братскими армиями обеспечивать защиту стран социалистического содружества, служить мощной опорой в борьбе против империалистического экспорта контрреволюции, быть несокрушимым оплотом мира и безопасности.

На страницах всемирной истории человечества навсегда запечатлены социально-политические последствия второй мировой войны. И если в тяжелые военные годы Советский Союз был оплотом борьбы народных масс против фашизма, то в послевоенный период в тесном братском еди-

¹ Л. И. Б р е ж н е в. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1972 г. М., 1972, стр. 37.

² О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 27 апреля 1973 года («Правда», 28 апреля 1973 г.).

нении с социалистическими странами он сплачивает и мобилизует прогрессивные силы, противостоящие империализму, его политике войн и порабощения народов.

III

Главная редакционная комиссия труда «История второй мировой войны» считает, что в основу научной периодизации войны должны быть положены коренные, качественные изменения в ее ходе, характере и классовой сущности; в политике, которую продолжает в иной форме воюющее государство; в военно-политической обстановке и вооруженной борьбе; в соотношении военных, экономических, политических и моральных сил борющихся стран. Такие изменения носят многосторонний, всеобъемлющий характер в смысле их взаимосвязи на всех театрах военных действий и связи военных событий с событиями политическими, экономическими, дипломатическими, идеологическими.

Так, крутой поворот в ходе второй мировой войны произошел в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР. Последнее привело к огромному расширению театра военных действий, коренным сдвигам в самой сущности войны против фашистского блока, усилению ее справедливого, освободительного характера и соответствующих ему политических целей. В вооруженную борьбу с фашизмом включилась могучая материальная, моральная и военная сила, способная полностью разгромить агрессора, перечеркнуть его планы на мировое господство. Все это дает основание считать начало Великой Отечественной войны важнейшим рубежом в периодизации второй мировой войны.

Выделяя периоды войны, Главная редакционная комиссия учитывала коренные изменения в военно-стратегических планах, которые происходили в ходе вооруженной борьбы на основных и решающих театрах военных действий, размах и напряженность операций и кампаний, а также реально сложившееся количественное и качественное соотношение участвовавших в них сил. Принималось во внимание решение государствами задач вооруженной борьбы и реализация ими своих политических целей.

Научная периодизация строится на учете причинной связи и взаимной обусловленности явлений. Например, в тот день, когда фашистская Германия напала на Польшу, война еще не приобрела всемирного размаха. Тем не менее это нападение было началом мировой войны; с данного момента, в силу закономерной взаимосвязи явлений, масштабы войны неуклонно расширялись. Вот почему датой начала второй мировой войны является 1 сентября 1939 г.¹

Внутри исторических периодов имеют место отдельные этапы как составные части периодов. Эти этапы характеризуются существенными изменениями в ходе военных действий и военно-политической обстановке,

¹ Западногерманские неофашисты, пытаясь обелить гитлеровцев, утверждают, будто началом второй мировой войны было не нападение Германии на Польшу, а формальное объявление войны Германии Англией и Францией (Europa in Flammen 1939—1945 Bd II Vlotho/Weser, 1967, S 18)

знаменующими собой переход от одной составной части периода к другой; сменой крупных военных кампаний, переходом от стратегической обороны к наступлению; значением этапа для создания предпосылок к изменению политических и стратегических задач, подготавливающих смену одного периода другим; взаимодействием событий и явлений войны в рамках данного периода.

При определении этапов также учитывались: ход перестройки работы тыла, успехи партизанского движения и национально-освободительной борьбы народов, создание новых политических структур в странах.

Главная редакционная комиссия пришла к выводу о необходимости выделения предвоенного периода, в течение которого империализм подготавливал вторую мировую войну. В этом периоде просмагиваются два исторических этапа. Первый этап (до осени 1935 г.) характеризуется крушением версальско-вашингтонской системы мирных договоров, зарождением второй мировой войны, образованием ее очагов, подготовкой фашистских государств к мировой войне, широкой помощью им со стороны американских, английских и французских монополий. Второй этап (осень 1935 г. — август 1939 г.) характеризуется переходом европейского фашизма к открытой агрессии, формированием фашистского военного блока, мюнхенским предательством интересов мира, предвоенным политическим кризисом. На протяжении всего предвоенного периода захватническим планам империализма противостояла миролюбивая политика Советского государства, боровшегося за предотвращение войны и оказание коллективного отпора агрессии. Проводя эту политику, Советский Союз опирался на свою возросшую оборонную мощь, с которой не могли не считаться империалисты.

В ходе второй мировой войны отчетливо выделяются пять периодов.

Первый период (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.) — начало войны и вторжение германских войск в страны Западной Европы.

Второй период (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) — нападение фашистской Германии на СССР, расширение масштабов войны, крах гитлеровской доктрины блицкрига и мифа о непобедимости немецкой армии.

Третий период (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.) — коренной перелом в ходе всей второй мировой войны, крушение наступательной стратегии фашистского блока.

Четвертый период (январь 1944 г. — май 1945 г.) — разгром фашистского блока, изгнание вражеских войск за пределы СССР, создание второго фронта, освобождение от оккупации стран Европы, полный крах Германии и ее безоговорочная капитуляция.

Пятый период (май — сентябрь 1945 г.) — разгром империалистической Японии, освобождение народов Азии от японской оккупации и окончание второй мировой войны.

Учитывая объективный ход событий, Главная редакционная комиссия следующим образом определила разделение томов «Истории второй мировой войны».

Первый том охватывает период с конца первой мировой войны до осени 1935 г. Его первая часть посвящена зарождению войны в системе

мирового империализма, показу фашизма как ударной силы империализма и милитаризма, истории возникновения первых очагов новой мировой войны. Во второй части тома раскрывается всемирно-историческое значение строительства социализма в СССР, развитие его Вооруженных Сил, напряженная борьба миролюбивых народов во главе с Советским Союзом против опасности новой мировой войны.

Второй том посвящен событиям, связанным с непосредственной подготовкой второй мировой войны империалистическими государствами, переходом европейского фашизма к открытой вооруженной агрессии, разоблачением политики попустительства агрессорам со стороны Англии, Франции и США. В нем освещается борьба Советского Союза и других прогрессивных сил против фашизма и угрозы войны.

Третий том рассматривает военные действия в Европе, непосредственную подготовку фашистской Германии к нападению на СССР и подготовку Советского Союза к отражению агрессии.

Четвертый том посвящен политическим и военным событиям, связанным с расширением масштабов войны в результате вероломного нападения Германии на Советский Союз и агрессии Японии против США и Англии. В нем рассматриваются начало Великой Отечественной войны советского народа, срыв гитлеровского плана «молниеносной войны», победа Советских Вооруженных Сил зимой 1941/42 г., процесс формирования антифашистской коалиции и деятельность коммунистических партий по мобилизации народных масс на борьбу против фашизма.

Пятый том рассматривает военные действия летом и осенью 1942 г., в ходе которых усилиями советского народа были сорваны планы фашистской Германии сокрушить СССР в этом году и расширить фронт агрессии в странах Ближнего и Среднего Востока, а также подготовлены условия для коренного перелома во второй мировой войне.

Шестой том охватывает события важнейшего этапа минувшей войны, когда начался и нарастал коренной перелом в пользу антигитлеровской коалиции. В нем показана решающая роль СССР и его Вооруженных Сил в создании этого перелома.

Седьмой том посвящен исследованию военных, политических и экономических процессов, определивших завершение коренного перелома в войне, показу решающей роли СССР в этом переломе и началу распада фашистского блока.

Восьмой том рассматривает события первой половины 1944 г., в результате которых были сорваны планы фашистской Германии на затягивание войны путем стабилизации советско-германского фронта. Освещаются мероприятия союзников по подготовке открытия второго фронта в Европе.

Девятый том исследует крупнейшие победы Советских Вооруженных Сил, которые привели к полному изгнанию фашистских агрессоров с советской территории и освобождению стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В нем освещаются события, связанные с открытием второго фронта союзниками, военные действия на Тихом океане и в Азии.

Десятый том посвящен завершающим победам Советских Вооруженных Сил и войск союзников над гитлеровской армией, приведшим к безоговорочной капитуляции фашистской Германии, раскрытию ведущей роли Советского Союза в принятии решений на конференциях в Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско по послевоенному устройству мира.

Одиннадцатый том раскрывает агрессивную политику японского милитаризма, разгром и безоговорочную капитуляцию Японии, разоблачает реакционную сущность атомной стратегии США, показывает освободительную миссию Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке.

Двенадцатый том анализирует военные, экономические, политические и идеологические факторы, определившие ход и исход второй мировой войны, дает теоретические и практические выводы из истории войны, раскрывает коренные изменения в расстановке сил в мире после второй мировой войны.

* * *

Подготовка многотомного труда осуществляется Институтом военной истории Министерства обороны СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтами всеобщей истории и истории СССР Академии наук СССР. В соответствии с многосторонним комплексным характером труда к работе над ним привлечены представители различных специальностей — историки, экономисты, философы, социологи, юристы, статистики. В подготовке труда активное участие принимают видные военачальники, партийные, советские и дипломатические работники. Перед авторами труда стоит задача — объективно осветить историю второй мировой войны, исследовать ее проблемы на основе марксистско-ленинской идеологии и методологии, с позиций материалистического понимания истории.

Главная редакционная комиссия и весь авторский состав надеются, что их коллективный труд поможет глубже разобраться в сложных процессах второй мировой войны, по достоинству оценить беспримерную борьбу свободолюбивых народов против реакционных сил империализма и милитаризма и решающий вклад Советского Союза в достижение всемирно-исторической победы, извлечь необходимые уроки во имя торжества прогресса и мира на Земле.

ВВЕДЕНИЕ

История империализма неопровержимо свидетельствует, что все большие войны готовились им в глубокой тайне от народов. Вторая мировая война не составляет исключения из этого правила. Она зарождалась в недрах капиталистической системы задолго до того, когда народы мира реально ощутили непосредственное ее приближение.

Неоценимое значение для анализа истории происхождения второй мировой войны имеют труды В. И. Ленина. Исследуя историю возникновения первой мировой войны, В. И. Ленин всесторонне и убедительно доказал, что она была порождена всей системой европейских капиталистических государств. Чтобы понять, подчеркивал он, каким образом из этой системы неизбежно и неуклонно вытекла первая мировая война, надо взять всю политику всей этой системы, изучить и понять ее во всей совокупности « за целый ряд десятилетий до войны »¹.

Процесс вызревания второй мировой войны в недрах капитализма занял примерно двадцать лет. И лишь всесторонне проанализировав политику всех великих держав за эти два предвоенных десятилетия, можно обнажить самые глубокие корни войны, убедиться, что она не была случайностью, а явилась закономерным порождением системы империализма, что она начала зарождаться задолго до того, как прогремели ее первые залпы.

Первые годы после войны 1914—1918 гг. капиталистические державы — победительницы были заняты переделом колоний, сфер влияния, перекраиванием границ многих государств за счет побежденных. Но вместе с тем победа Великой Октябрьской социалистической революции означала решающее социальное поражение всего капиталистического мира.

Правящие круги побежденной Германии, а также причисленных к победителям Италии и Японии остались не удовлетворенными тем разделом добычи, который организовали правители США, Англии и Франции. Монополисты Германии, Италии и Японии еще в ходе войны помышляли о новом переделе земного шара, США, Англия и Франция стремились удержать и расширить свое преобладание в буржуазном мире за счет ослабления Германии, Италии и Японии.

Противоборство в капиталистическом мире усиливалось, общий кризис капитализма углублялся. Наряду с факторами, разъединявшими империалистов, существовали и факторы, их объединявшие: ненависть к СССР, стремление уничтожить социалистическую систему.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 82.

Ненависть мировой реакции к социалистическому государству в самой острой форме проявилась в военной интервенции против Советской России. Даже после победы советского народа над его врагами они не отказались от своих замыслов. Одновременно обострялись противоречия между капиталистическими державами. Все это привело к тому, что опасность новой большой войны стала нарастать сразу же после окончания первой мировой войны. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) принял резолюцию «О грядущей империалистической войне». В ней говорилось: «Съезд считает необходимым, чтобы пролетариату было указано, что буржуазия вновь готовится к грандиозной попытке обмануть рабочих, разжечь в них национальную ненависть и втянуть в величайшее побоище народы Америки, Азии и Европы, а вслед за этим неминуемо и остальных частей света»¹.

По мере обострения противоречий в капиталистическом мире процесс зарождения новой мировой войны становится все более зримым. Уже на конференции в Локарно (1925 г.) была заложена основа антисоветского блока Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши, Чехословакии. XIV съезд ВКП(б) оценил итоги конференции как крайне опасные для дела мира². Сговор в Локарно бросил черную тень на последующее развитие событий.

Так зарождалась вторая мировая война. Объективный ход исторического процесса свидетельствует, что предыстория войны включает два основных этапа. На первом — до осени 1935 г. — складывалась расстановка сил в капиталистическом мире для борьбы за мировое господство, возникали очаги мировой войны. Самым зловеющим событием этого этапа был фашистский переворот в Германии и последующая быстрая ее подготовка к войне. Этот переворот внес глубокие изменения во всю международную обстановку, особенно когда развернулся процесс перевооружения Германии, включавший создание вермахта, милитаризацию экономики и всей духовной жизни страны. Второй этап — с осени 1935 г. — характеризуется переходом европейского фашизма к открытой агрессии.

С образованием двух очагов новой мировой войны довольно четко сложилась та расстановка сил, с которой буржуазный мир и вступил через четыре года в военную схватку.

Два очага новой мировой войны возникли в первой половине 30-х годов. Первый — в 1931—1932 гг. в результате вторжения войск милитаристской Японии в северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию). Этот локальный военный конфликт таил в себе опасность большой войны Японии против Китая и в не меньшей степени против Советского Союза, а также против США и Англии. Второй очаг возник в 1933—1935 гг. в связи с фашистским переворотом в Германии и широко развернувшимися в стране приготовлениями к мировой войне, которую немецкие монополисты собирались предпринять как против западных держав, так и против СССР.

Для того чтобы очаги войны определились в полной мере, помимо действий японских и германских империалистов нужны были соответствующие международные условия. Они создавались политикой попустительства и поощрения агрессивных устремлений германских и японских милитаристов, проводимой правящими кругами США, Англии и Франции. Государственные деятели этих стран рассматривали германский и японский монополистический капитал, его военную мощь в качестве ударной силы, способной сокрушить СССР и тем самым разрешить

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Издание восьмое, дополненное и исправленное (далее — КПСС в резолюциях). Т. 2. М., 1970, стр. 261.

² КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 245.

основное противоречие современной эпохи — между двумя социальными системами — в пользу капитализма. Эти деятели способствовали созданию условий для того, чтобы германский, итальянский и японский милитаризм двинулся ко всемирной войне.

В разгоравшиеся очаги мирового военного пожара подбрасывали горючий материал лидеры правых социалистов. Вопреки воле большинства членов своих партий они отказались от совместной с коммунистами борьбы против военной опасности. Английские правые лейбористы поддерживали курс правительства, рассчитанный на возрождение милитаристской Германии и ее подталкивание к войне с Советским Союзом. Вожди германских социал-демократов отклонили предложение коммунистов об объединении усилий рабочего класса, направленных на то, чтобы остановить фашизм внутри страны. Французские правые социалисты во многом были солидарны с лейбористскими лидерами.

Агрессивной политике империализма противостояла мощная классовая сила в лице Страны Советов, твердо и последовательно боровшейся против фашизма и войны. В тесном единении с Советским Союзом выступали за мир коммунистические партии капиталистических стран. Боролись за мир также левые социалисты, борцы за национальную свободу и независимость, зарубежные массовые организации трудящихся — профсоюзные, молодежные, объединения интеллигенции, сторонники мира.

Опираясь на рабочий класс и демократические слои населения, коммунистические и рабочие партии стран капитала боролись против антинародной политики монополий и буржуазных государств, оказывали серьезное давление на реакционные правительства с целью не допустить войну и обуздать фашизм. Антивоенную деятельность компартий направлял III, Коммунистический Интернационал¹ — боевая международная организация рабочего класса. Объединяя пролетарские партии разных стран, он сплачивал социальные силы, противостоявшие фашизму, предупреждал трудящихся о реальной угрозе мировой войны. Летом 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна было принято историческое решение о единстве действий рабочего класса против фашизма и опасности войны, выдвинута идея создания на базе пролетарской солидарности широкого антифашистского народного фронта. Коминтерн неутомимо призывал трудящихся к мобилизации прогрессивных сил на помощь странам, боровшимся за свою независимость, против агрессии и империалистического угнетения.

Большое значение в борьбе за мир приобретали согласованные действия коммунистов с другими политическими партиями, их способность объединить здоровые силы нации, проводить в жизнь политику отпора готовившейся войне, добиваться единства взглядов по коренным вопросам организации и тактики антифашистского движения. Выступая ведущей партией в Коминтерне, Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) выдвигала на принципиальной основе гибкие и динамичные формы сотрудничества с другими партиями и организациями, показывала международному коммунистическому и рабочему движению образец борьбы за единство всех антифашистских сил.

¹ К о м и н т е р н (III, Коммунистический Интернационал, 1919—1943 гг.) — международная революционная марксистская организация рабочего класса, основанная по инициативе В. И. Ленина. Коминтерн — преемник и прямой наследник лучших революционных традиций мирового рабочего движения. Он сыграл выдающую роль в воспитании руководящих кадров марксистско-ленинских партий, в борьбе с «левым» и правым оппортунизмом за чистоту марксизма, в сплочении трудящихся различных стран вокруг марксистско-ленинских партий и их мобилизации на борьбу против фашизма и войны, в укреплении интернациональных связей между трудящимися всех стран, в защите их экономических и политических интересов.

Несмотря на чудовищный террор реакционных правящих кругов и вызванные им огромные потери коммунистов, самоотверженную антифашистскую борьбу вели в глубоком подполье коммунистические партии Германии, Италии, Японии. Они разъясняли массам всю опасность войны, призывали их к активной борьбе против милитаризма и агрессии.

Противоречивость и сложность международной обстановки, внутренних и внешних условий развития колониальных и зависимых стран Азии и Африки вызвали многообразие форм участия их народов в борьбе за предотвращение мировой войны. Одни из этих стран еще задолго до того, как война стала мировой, превратились в поле вооруженной борьбы с фашизмом и милитаризмом, другие, прикованные к колеснице англо-французского колониализма, следовали по пути своих метрополий, третьи находились в стороне от зарождавшейся войны. Развитие антифашистского движения, его размах и напряженность в этих странах зависели от зрелости общественных сил, способных возглавить антиимпериалистическую борьбу.

Объединенными действиями всех сторонников мира, опиравшихся на моральную и материальную мощь Советского государства и его Вооруженных Сил, при наличии системы коллективного отпора фашистской агрессии в Европе можно было надолго задержать зарождение второй мировой войны, а может быть, и вовсе не дать ей зародиться. Но Советский Союз был в кругу враждебных ему империалистических государств, все время под угрозой создания объединенного фронта обеих складывавшихся капиталистических коалиций. Лавина зверских расправ, обрушенная реакционными силами ряда капиталистических стран на рабочий класс, его партии и другие массовые организации, привела к тому, что сотни тысяч коммунистов, профсоюзных деятелей, сторонников мира, борцов-антифашистов были уничтожены, загнаны в концлагеря или вынуждены были действовать в трудных условиях подполья. Губительную роль сыграло отсутствие единства рабочего класса, расколотого правыми лидерами социал-демократии.

Несмотря на то что социальным силам, выступавшим против войны, не удалось помешать зарождению и развитию ее очагов, их усилия и жертвы не пропали даром и создали определенные предпосылки для мобилизации в будущем свободолюбивых народов на справедливую войну против фашизма.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ТОМА

Г. А. ДЕБОРИН и О. Ф. СУВЕНИРОВ (руководители), А. А. БАБАКОВ, А. В. БЕШЕНЦЕВ, В. Г. КЛЕВЦОВ, Р. Б. САМОФАЛ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, В. П. СЕРЕГИН, В. Т. ФОМИН, С. К. ЦВИГУН, К. К. ШИРИНЯ.

Отдельные разделы написаны И. И. ГАГЛОВЫМ, В. Н. КОНЮХОВСКИМ, Ю. И. КОРАБЛЕВЫМ, Г. З. ЛЕКОМЦЕВЫМ, Б. Р. ЛСПУХОВЫМ, О. А. РЖЕШЕВСКИМ, А. С. САВИНЫМ, П. В. СОКОЛОВЫМ, А. И. УТКИНЫМ, Н. Н. ЯКОВЛЕВЫМ.

При написании некоторых разделов использованы материалы А. С. АВЕТЯНА, Р. Г. ГРИГОРЬЕВА, В. Д. ДАНИЛОВА, В. П. КАРПУНИНА, В. С. КИРИЛЛОВА, Д. Ф. МАКИЕВА, К. МАММАХА (ГДР), Т. Б. МИТРОХИНА, А. М. НОСКОВА, Г. К. ПЛОТНИКОВА, А. И. ПУШКАША, В. И. ФОМИНА, А. С. ЯКУШЕВСКОГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ
НА ПУТИ
К ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АГРЕССИВНОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Капиталистическая система после первой мировой войны

Первая мировая империалистическая война возникла в результате длительного развития противоречий капиталистической системы. Она была порождена ею, зрела и вызрела внутри нее. Война явилась острейшим проявлением империалистических противоречий, кризисом капитализма.

«Европейская война,— писал В. И. Ленин,— означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнуть авторитеты»¹. Капитализм, втаптывавший многие народы в кровавое месиво всемирной войны, вступал в новый этап своего развития — общий кризис.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эпоху всемирной истории. Содержание этой эпохи — переход человечества от капитализма, переставшего быть всеохватывающей мировой системой, к социализму.

В условиях общего кризиса капитализм стал еще более агрессивным. Наряду с дальнейшим развитием его внутренних противоречий возникло и новое противоречие — между двумя противоположными социальными системами, ставшее главным противоречием новой исторической эпохи. Органически присущая капитализму враждебность коренным интересам народных масс усугубилась.

Еще не завершилась первая мировая война, как в недрах капитализма стала постепенно зарождаться новая мировая война. Это был внутренний, спонтанный процесс.

Империализм по своей экономической сущности является монополистическим капитализмом. В годы войны произошло соединение могущества монополий и банков с охраняющей их классовые интересы государственной машиной капиталистических стран, возник единый механизм угнетения, эксплуатации, крайней реакции, агрессии. Капитализм становился государственно-монополистическим. Капиталистические государства, находясь на страже корыстных интересов финансовой олигархии, во имя прибылей монополий не собирались останавливаться перед любыми мерами классового террора, любыми актами насилия, экспансии, агрессии.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 102—103.

После войны капиталистические правительства полностью или частично отказались от тех мер регулирования производства и снабжения предприятий сырьем, которые проводились в обстановке военного времени. Однако система государственно-монополистического капитализма продолжала развиваться. Усиление эксплуатации трудящихся и милитаризацию в мирное время господствующие классы объясняли «необходимостью» преодоления последствий мировой войны, экономическими кризисами и надуманными угрозами извне.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в результате общего подъема классовой борьбы рабочих против гнета и произвола монополий по всему миру прокатилась революционная волна. Сбылось пророчество Ф. Энгельса: короны катились по мостовым. Народы смели прочь германскую и австро-венгерскую монархии, на их месте возникли буржуазные республики, произошло национальное самоопределение народов Австро-Венгрии. Но республиканская форма, предоставлявшая некоторые возможности для деятельности прогрессивных политических организаций и партий, была лишь формой экономического и политического господства монополистической буржуазии. Типичным примером такого капитализма была послевоенная Германия, о которой В. И. Ленин писал: «Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*»¹.

Демократические формы, которые приобрела сразу же после войны буржуазная диктатура во многих странах, вовсе не исключали применения капиталистическими правительствами террористических мер против тех, кто не желал мириться с произволом и гнетом монополий. За фасадом «демократического образа жизни» скрывались крайности диктатуры. Кровавые расправы с недовольными стали обыденным явлением в ряде капиталистических стран, включая Германию периода Веймарской республики².

Все более широкое применение капиталистическими правительствами военно-полицейского террора, усиление реакции по всем линиям несли в себе новую грозную опасность для человечества. Сама природа государственно-монополистического капитализма порождала тенденции к развиту ультраправых партий и организаций, к авторитарным режимам и диктатурам, включая фашистские. Угроза войны была постоянной. Опыт истории учит: тот, кто взялся за оружие против своего народа, при первом удобном случае с величайшей готовностью применит его и против других народов.

Порождение войн империализмом обусловливается прежде всего глубинными экономическими факторами. К ним относятся дальнейшее развитие процесса концентрации и централизации капитала, рост экономической и политической мощи монополий, их стремление к всевластию не только в своей стране, но и за ее пределами. Монополистический капитал по самой своей природе стремится к безграничному преобладанию и господству, к международной монополии. Отсюда острота борьбы за рынки сбыта и сырья, за сферы приложения капитала и тем более за то, чтобы вернуть те времена, когда капитал безраздельно господствовал на земном шаре, когда его всемогуществу не противостояла социалистическая система. Обострение неравномерности развития и проистекающее

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 210.

² Так называлось государственное устройство Германии в 1919—1933 гг. Оно основывалось на конституции, принятой учредительным собранием в Веймаре. Правительство республики, руководимое сначала правыми социал-демократическими лидерами, а затем представителями партий крупного капитала, расчистило фашизму путь к власти.

отсюда изменение в соотношении сил капиталистических держав обуславливали особенно быстрый рост военной опасности.

Потенциальная опасность новой мировой войны порождалась самой природой империализма и существовала с первых дней того империалистического «мира», которым завершилась война. Да иначе и не могло быть — характеру закончившейся войны полностью соответствовал и характер «мирного» устройства.

Окончание первой мировой империалистической войны было отмечено в странах капиталистического Запада колокольным звоном и орудийными салютами, торжественными богослужениями и восторженными статьями буржуазной прессы, елейными речами политических буржуазных деятелей и высокопарными заявлениями правосоциалистических лидеров. Пацифистские организации, которые преследовались в дни войны, получили теперь самые благоприятные возможности для своей деятельности. Подлаживаясь под настроения масс, главы буржуазных правительств выступали с пацифистских позиций. Они заверяли, что отныне пришел конец войнам, тем более мировым. Такими были речи британского премьера Д. Ллойд-Джорджа и президента США В. Вильсона. И эти речи произносились в те дни, когда войска интервентов бесчинствовали на советской земле, когда империалистические правительства прилагали все усилия, чтобы вооруженной рукой ликвидировать ненавистную им Советскую власть. Вести войну и давать клятвы, что войн больше никогда не будет, — своего рода вершина буржуазного лицемерия.

Что касается французского премьера Ж. Клемансо, получившего за свою воинственность прозвище «тигр», то он не скрывал своих агрессивных устремлений и говорил, что последовавший за первой мировой войной мир «является и не может не быть лишь продолжением войны»¹.

Международное коммунистическое движение, его вождь В. И. Ленин дали глубокий научный анализ положения в мире, сложившегося в послевоенные годы. Марксисты предупреждали, что опасность новых захватнических войн не устранена, что за первой мировой войной может последовать и вторая. В. И. Ленин говорил в 1922 г.: «Реакционные империалистические войны на всех концах мира неизбежны. И забыть то, что десятки миллионов перебиты тогда и будут еще биты теперь... человечество не может, и оно не забудет»².

Однако, потерпев поражение в интервенции против Советского государства, капиталистические правительства, занятые дележом добычи, доставшейся им после первой мировой войны, еще лишь помышляли о будущей мировой схватке. Развитие противоречий капитализма в 20-е годы протекало подспудно, было прикрыто, подобно тому как поток раскаленной лавы скрывается остывающей коркой.

Появились буржуазные теории, будто бы капитализм вступил в новую полосу развития, исключаящую мировые войны, — в «эру пацифизма». В. И. Ленин отмечал в 1922 г., что «пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны и против мира (имеется в виду Версальский мир. — *Ред.*) раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало»³.

Характеризуя истинную сущность буржуазного пацифизма в 20-е годы, VIII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в мае 1927 г. констатировал в своих тезисах, что «в обстановке усиленных приготовлений к империалистическим войнам

¹ Цит. по: А. T a r d i e u. La paix. Paris, 1921, p. XIX.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 108.

³ Там же, стр. 240—241.

разговоры буржуазных правительств и мелкобуржуазных пацифистов о разоружении являются величайшим лицемерием и издевательством..»¹.

Уже в 20-е годы съезды большевистской партии предупреждали об угрозе новой мировой войны

История убедительно показала правоту коммунистов. Теперь, основываясь на историческом опыте, даже некоторые буржуазные историки признают, что «под грохот орудийного салюта была погребена первая мировая война и зачата вторая»² Однако они не говорят главного, в чем лоне совершилось это зачатие? Ответ на этот вопрос крайне важен, так как речь идет о виновности не отдельных преступников, а целой общественной системы. Многие буржуазные авторы стремятся обелить систему капитализма. Американский историк Перкинс прямо заявляет: «...капиталистическое общество отнюдь не является воинственным по самой своей природе..»³ Факты же свидетельствуют, что вторая мировая война, как и первая, была порождена системой империализма, свойственными ей противоречиями. Она вызревала внутри этой системы. Предсказание Ф. Энгельсом первой мировой войны Владимир Ильич назвал гениальным⁴. Столь же гениальным явилось предвидение В. И. Лениным возможности второй мировой войны и тех основных направлений, в русле которых будет назревать мировой военный конфликт, значительно превосходящий первый. «Вопрос об империалистских войнах,— писал В. И. Ленин в 1921 г,— о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая неизбежно порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, удушения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых» держав,— этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это — вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек»⁵

Грозовые тучи сгущались над планетой. Первая мировая война завершилась империалистическим миром, оформленным договорами версальско-вашингтонской системы послевоенного устройства⁶. И при раз-

¹ Против войны Вопрос о войне на VIII пленуме Исполкома Коминтерна М — Л, 1928, стр. 85.

² Дж. Фуллер Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. Перевод с английского М., 1956, стр. 30

³ D. Perkins The American Approach to Foreign Policy. Cambridge, 1954, p. 99

⁴ В. И. Ленин приводит слова Ф. Энгельса, обращенные к «государственным мужам» Европы «И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец,— мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все же таки неизбежна» (В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 36, стр. 473).

⁵ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 44, стр. 148

⁶ Эти договоры были подписаны в результате Парижской мирной конференции 1919 г. Версальский мирный договор с Германией (28 июня 1919 г.), Сен-Жерменский мирный договор с Австрией (10 сентября 1919 г.), Нейский мирный договор с Болгарией (27 ноября 1919 г.), Трианонский мирный договор с Венгрией (4 июня 1920 г.), Севрский мирный договор с Турцией (10 августа 1920 г.), а также договоры, заключенные на Вашингтонской конференции в 1921—1922 гг. договор четырех держав (Англия, США, Франции, Японии) о защите их территориальных «прав» на Тихом океане, договор девяти держав (Англии, Бельгии, Голландии, Италии, Китая, Португалии, США, Франции, Японии), направленный на закабаление Китая империалистическими государствами, договор пяти держав (Англии, Италии, США, Франции, Японии) об ограничении морских вооружений, изменивший соотношение последних в пользу США.

работке договоров, и в самом их содержании сказались империалистические противоречия, хищнический характер империализма, органически присущие ему стремления к ликвидации революционных завоеваний народов и ко все большему их закабалению. Это определяло политику крупнейших капиталистических государств.

Для осуществления своих планов правящие круги США направили в Европу в 1919 г. президента Вильсона. Буржуазная, а также социал-демократическая пропаганда превозносила президента, замалчивая его подлинную роль главы американских миллиардеров. Ожидать справедливости от Вильсона, ставшего «идолом мещан и пацифистов»¹, конечно, не приходилось.

Как на важнейшее орудие своей политики, США рассчитывали на Лигу наций². Американские империалисты надеялись превратить ее во всемирный управляющий орган, всецело находящийся в их руках, в постоянное политическое орудие внешней политики США, в генеральный штаб мировой реакции, который бы выполнял карательные функции против рабочего и национально-освободительного движения, а также подготовил и осуществил антисоветский военный поход.

В манифесте II конгресса III, Коммунистического Интернационала справедливо говорилось, что правящие круги США пытались с помощью Лиги наций «прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона. Лига наций должна была стать по существу мировой монопольной фирмой «Янки и К°»³.

Однако захватить руководящую роль в этой международной организации Соединенным Штатам Америки, столкнувшимся с решительным сопротивлением ряда европейских капиталистических правительств, не удалось. Это повлекло за собой демонстративный отказ США от участия в Лиге наций. Правительство заокеанской империалистической державы ограничивалось лишь посылкой на ее заседания своих «наблюдателей» — официальных и неофициальных.

Создание Лиги наций и ее деятельность в первые годы носили совершенно определенную антисоветскую направленность. Об этом с восторгом писали буржуазные газеты. Одна из них заявляла: «По существу, Лига наций, когда она будет образована, должна будет расправиться с Россией и восстановить порядок»⁴.

Усилившись в годы первой мировой войны, американские империалисты стали претендовать на колонии своих конкурентов из европейских капиталистических стран.

Возросшая неравномерность экономического развития капитализма придавала вопросу о переделе колониального мира еще большую напряженность. Учитывая все это, В. И. Ленин с полным основанием говорил: «Америка не может помириться с остальной Европой... потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что Америка богаче других»⁵.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 224.

² Создание Лиги наций представляло собой составной элемент версальско-вашигтонской системы. С момента основания (1919 г.) и до вступления в нее СССР (1934 г.) Лига наций не являлась орудием мира, а служила для проведения империалистической политики государствами-победителями, и в первую очередь Францией и Англией. «...Лига наций, — отмечал В. И. Ленин, — союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 142).

³ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М., 1933, стр. 140.

⁴ «Evening Star», January 16, 1919.

⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 67, 68.

Антагонистические противоречия между США, Антантой¹ и Германией, вызвавшие кровопролитную первую мировую войну, не были устранены, а лишь приняли иные, по-прежнему опасные для мира в Европе формы. Налицо был новый конфликт между Англией, Францией и США — странами-победительницами, с одной стороны, и побежденной Германией — с другой. Ряд важных обстоятельств придавал этому конфликту особую остроту.

Первое из таких обстоятельств заключалось в том, что даже побежденная империалистическая Германия сохраняла гигантские экономические возможности. Она «благодаря своему развитию и ресурсам оставалась потенциально самой сильной страной» в Европе². Неравномерность развития буржуазных стран обуславливала выдвижение Германии вперед в самом ближайшем будущем. Конфликт между соотношением сил «великих» империалистических держав и разделом между ними колониальных владений не был ликвидирован и в конечном счете неминуемо вел к новой мировой войне. Даже в первые послевоенные годы правящие круги Германии не хотели смириться с тем, что их политическое положение в мире не соответствует той экономической силе, которой обладала страна. Германские монополисты вели борьбу «за место под солнцем», за мировые позиции и мировые рынки, за создание столь желанной сердцу промышленников, банкиров и юнкеров огромной колониальной империи. Еще в ходе первой мировой войны, 16 мая 1918 г., в дюссельдорфском «Штальхофе» — мрачном серокаменном здании в центре города — состоялось совещание самых влиятельных представителей делового мира (А. Тиссен, Г. Стиннес, А. Фёглер, Э. Кирдорф, А. Гугенберг, П. Клёкнер, Э. Пенсен и другие). Обсуждались предложения о том, чтобы «Германия и ее союзники на длительное время осуществили военную оккупацию коммуникаций, связывающих европейские страны с Севером России», и вопрос «освоения» России, Украины и лимитрофов³. Центральная мысль, как гласит протокол, состояла в том, чтобы обеспечить «возможно более глубокое финансовое проникновение в Россию для сохранения политического и военного превосходства Германии»⁴. Все помыслы немецких монополистов были направлены к реваншу, к тому, чтобы вновь обрести возможность стать на дорогу войны. За их мнимой покорностью скрывались острая ненависть к победителям и уверенность в том, что войну удастся «переиграть».

Версальская система империалистического мира означала торжество победителей над побежденной Германией и ее союзниками. Она была направлена против Советской России и носила контрреволюционный характер, создавалась в интересах борьбы с революционным и национально-освободительным движением. Это была система беспримерного грабежа и порабощения сотен миллионов людей во всех концах земного шара. Версальская система поставила ряд европейских стран в неправомерное положение. Установленные Версалем линии новых границ безжалостно кромсали живые тела европейских наций. Перекраивая карту Европы, империалисты стремились к тому, чтобы не допустить дальнейшего рас-

¹ Антанта (от франц. Entente cordiale — сердечное согласие) — блок империалистических государств — Англии, Франции и России, созданный в 1891—1907 гг. для войны с другим блоком — германо-австрийским. После Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство порвало с Антантой. Англо-французская Антанта и США в 1918 г. организовали военную интервенцию против советских республик.

² G. Weinberg. The Foreign Policy of Hitler's Germany. Diplomatic Revolution in Europe 1933—1936. Chicago — London, 1970, p. 357.

³ Л и м и т р о ф ы — пограничные государства. Термин, применявшийся после первой мировой войны к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польше.

⁴ Deutsches Zentralarchiv Potsdam (далее — DZP). Akten des Reichswirtschaftsamtes. Ausfuhr nach Rußland. Bd. I, H. 16, 9. November 1918.

пространения революционного пожара и задушить Советскую Россию¹. Но они оказались не в состоянии помешать многим важным процессам, развернувшимся вопреки их воле. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и в результате внутренних факторов во многих государствах Европы, Азии и Африки высоко поднялась волна национально-освободительного движения. Версальским «миротворцам» пришлось признать факт образования ряда новых государств в Европе, признать тем самым успех национально-освободительной борьбы.

Зато они, используя крупную буржуазию молодых государств и позицию социал-демократических партий, приложили максимум усилий, чтобы подчинить себе эти государства. Обосновывая этот курс, официальный меморандум американской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г. назвал буржуазные правительства пограничных с Советской Россией стран «последним рубежом обороны между Германией, где продолжает расти влияние большевизма, и силами Ленина в России... падение последнего барьера между русскими большевиками и партией Либкнехта в Германии может привести к тому, что большевизм наводнит Западную Европу, вплоть до Рейна, где стоят союзные войска»².

Создавая антисоветский плацдарм, руководящие деятели Англии, США, Франции и Италии избегали употребления данного термина, опасаясь, что это может выдать их агрессивные намерения. В документах делегаций, не предназначенных для опубликования, еще можно было встретить слова «линия обороны», в печати же говорилось о «защитном барьере». Свой вклад в поиски подходящего термина внес итальянский премьер Орландо. Он первым заговорил о «санитарном кордоне». А французский премьер Клемансо заявил в палате депутатов: «Мы желаем поставить вокруг большевизма железный занавес, который помешает ему разрушить цивилизованную Европу»³. За этим символическим занавесом сосредоточивались те силы, которым империализм отводил роль штурмового отряда против Советской России.

Империалисты умышленно противопоставляли друг другу большие и малые народы Европы, пытались натравить государства континента на Советскую Россию. Они жестоко мстили странам, в которых наиболее сильно проявлялись революционные тенденции, происходили крупные революционные события. США, Англия и Франция вознаградили Италию за ее участие в войне на их стороне многими славянскими землями, находившимися ранее в составе Австро-Венгрии и освобождение которых от чужеземного ига выдавалось за одну из целей первой мировой войны.

Ряд стран Африки, избавленных от германского господства, тут же оказался под не менее тяжким колониальным ярмом империалистических победителей. Владения Турции также стали их колониями, а сама она подверглась грабежу, и лишь национально-освободительная революция, победившая при братской поддержке советских республик, спасла национальную независимость и целостность этой страны.

Вашингтонская система договоров, вступившая в силу через три года после версальской, вырабатывалась также без участия Советского государства, вопреки его интересам и против него. Участники конференции подписали договор о совместной защите их колониальных владений, направленный против национально-освободительного движения и Советского государства.

США и Англия в острой дипломатической схватке с Японией добились ликвидации многих важных экономических и политических позиций,

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Washington, 1942, p. 95—97.

² Ibid., p. 481—482.

³ Цит. по: Н. S l o v e s. La France et l'Union Soviétique. Paris, 1935, p. 118.

занятых ею в Китае в годы войны и ставивших его в подневольное положение. Место Японии в грабеже Китая спешили занять Соединенные Штаты. Вашингтонская система стала новой петлей, наброшенной империалистическими поработителями на шею многострадального китайского народа. Во всех вопросах, обсуждавшихся во время создания данной системы, сказывались глубочайшие империалистические противоречия: японо-американские, англо-японские, англо-американские, франко-итальянские, англо-французские и другие.

В. И. Ленин большое значение придавал конфликту между Японией и Соединенными Штатами Америки. «Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить»¹, — говорил он уже в декабре 1920 г. В. И. Ленин предвидел также дальнейшее обострение противоречий между Америкой и всем остальным капиталистическим миром, особенно между США и странами капиталистической Европы.

Антинародные захватнические цели версальско-вашигтонской системы определили ее противоречивость и неустойчивость, усугублявшиеся соперничеством империалистических держав. Версальско-вашигтонская система послевоенного устройства была лишь временным закреплением передела капиталистического мира в пользу держав-победительниц. Старые конфликты между этими державами сохранились, возникли также и новые.

Но главное отличие обстановки после первой мировой войны от обстановки, предшествовавшей этой войне, состояло в том, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции завершилась эпоха всевластия капитала на земном шаре и началась новая историческая эпоха — эпоха перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму. Сфера господства империалистических держав и возможности порабощения и ограбления ими других народов сократились, что неизбежно обостряло их взаимную борьбу.

Наряду с теми глубокими антагонизмами, которые разъединяли империалистические государства и проявлялись в их взаимной борьбе, у них имелись и определенные общие стремления, порожденные классовой ненавистью монополистической буржуазии к СССР, ее желанием уничтожить социалистическое государство. Не ослабляя взаимной борьбы за мировое господство, правящие круги капиталистических держав пытались сговориться между собой и объединиться в едином антисоветском фронте. Такая опасность была вполне реальной, и если империалистическая дипломатия формировала подобный фронт, то советская социалистическая дипломатия мобилизовала все свои возможности и все свое мастерство, чтобы, используя противоречия империализма, воспрепятствовать его созданию.

Первая мировая война и Октябрьская революция положили начало новому общему кризису капитализма. Главнейшим его фактором явилось возникновение и успешное развитие первой на земном шаре социалистической страны. Общий кризис капитализма означал, что этот общественный строй клонится к закату и гибели, что неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, его политику и идеологию. В капиталистическом мире были победители и были побежденные. Но весь этот мир в целом понес тяжчайшее поражение. И хотя империализм еще располагал большими экономическими и военными возможностями, хотя он мнил себя властителем судеб народов и мира, это самомнение уже не отвечало новой обстановке на земном шаре, сложившейся после победы Октябрьской социалистической революции.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 61.

Великий Октябрь оказал неизмеримое революционизирующее влияние на народы капиталистических стран и колоний. Победа над первым военным высуплением мирового империализма против Советской России показала всему трудовому народу планеты способность освобожденных рабочих и крестьян с оружием в руках отстоять свои завоевания, а успешное строительство социализма в СССР стало главнейшей составной частью и могучей движущей силой мирового революционного процесса.

Новая расстановка классовых сил на мировой арене открывала и новое направление в их борьбе. Возникновение и развитие Советского социалистического государства, ставшего центром притяжения всего международного революционного и национально-освободительного движения, переместило главную ось мировой политики и международных отношений в плоскость борьбы старого капиталистического мира с крепнущим, набирающим силы советским социалистическим обществом. Это основное противоречие новой исторической эпохи ослабляло капитализм, углубляло все внутренние и внешние противоречия мировой капиталистической системы.

В правящих кругах капиталистических стран существовали две основные тенденции в отношении к Советскому государству. Одна тенденция, представленная наиболее агрессивными империалистическими силами, заключалась в стремлении во что бы то ни стало уничтожить Советскую Россию путем войны. Ее проявлением была вооруженная интервенция против советских республик. Эта тенденция долго преобладала в высших сферах Англии, Соединенных Штатов Америки и Франции.

Классовая злоба туманила сознание политических деятелей буржуазии, успевших забыть ту спасительную для их стран роль, которую сыграла в годы первой мировой войны ненавистная им теперь Россия. Английские лидеры хотели не только уничтожить Советскую власть, но и расчлениить Россию. Если они произносили в парламенте более осторожные речи, то лишь из-за страха перед возможной реакцией народных масс, память которых не была столь короткой. Французские руководящие деятели, сознавая, что их страна всегда нуждалась в сильном союзнике на востоке Европы, не разделяли намерений уничтожить Россию как государство, хотя также были преисполнены ненависти к Советам, и потому принимали самое активное участие в организации и осуществлении вооруженной интервенции.

Другая тенденция в правящих кругах капиталистических стран свидетельствовала о некотором благоразумии и большей дальновидности ее сторонников. Представители этой тенденции, оставаясь на классово враждебных СССР позициях, считали опасным и бесперспективным намерение уничтожить его вооруженным путем. Они рассчитывали на то, что реставрация капитализма в нашей стране будет достигнута методами идеологического проникновения, диктатом и экономической интервенцией. Эта тенденция отражала взгляды тех кругов, которые были заинтересованы в советском рынке и торговых отношениях с Советами.

В. И. Ленин призывал различать сторонников одной и другой тенденций. Считая вопрос о взаимоотношениях государств двух различных социальных систем коренным в международной политике, партия во главе с В. И. Лениным энергично боролась за то, чтобы эти отношения основывались на принципах мира и развивались в обстановке мирного сосуществования.

На Парижской конференции 1919 г. при решении вопросов послевоенного устройства разрабатывались планы антисоветской вооруженной интервенции. Но империалистическим замыслам противостояла выдвинутая Советской властью программа подлинно демократического мира,

провозглашенная уже в ленинском Декрете о мире Эта программа, а также огромное революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на трудящихся всего земного шара явились важнейшими факторами, которые наряду с другими предопределили крах надежд на мировую гегемонию той или иной капиталистической державы

По мере того как империалисты убеждались, что свалить Советскую власть не удастся, в их политике по отношению к побежденной Германии складывалась новая стратегическая линия Ее смысл состоял в установлении тесного сотрудничества с германским империализмом, в содействии возрождению его экономических и военных сил, в использовании реакционных, реваншистских и агрессивных устремлений Германии против Советского государства Этот курс отчетливо проявился уже на Парижской мирной конференции У. Черчилль в своих воспоминаниях так представит линию США, Англии и Франции в отношении Германии «Трое государственных людей (речь идет о Вильсоне, Ллойд Джордже и Клемансо — *Red*), занятых разработкой послевоенного устройства, и прежде всего обсуждением «русского вопроса», пришли к следующему выводу несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии» Сделав этот вывод, «трое государственных людей» приняли следующее решение «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»¹

Так возник план превращения побежденной Германии из противника по первой мировой войне в союзника Англии, США и Франции против Советского государства Германских империалистов такой поворот событий ободрил Впрочем, план использования Германии в качестве такой контрреволюционной силы был подсказан самими немецкими монополистами, банкирами, юнкерами В. И. Ленин еще в конце 1918 г. отметил, что «германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться»² И германский империализм стремился сделать все, чтобы продемонстрировать способность выполнить предназначенную ему роль ударной силы в борьбе с мировым большевизмом Резко усилилась антисоветская направленность политики наиболее агрессивных кругов Германии, еще более беспощадными и кровавыми стали расправы с участниками рабочего, революционного движения Однако плану правящих кругов Англии, США и Франции использовать Германию против социалистического государства активно противодействовала советская внешняя политика Ее большим успехом стало заключение в 1922 г. советско-германского договора в Рапалло, ставшего на ряд лет основой добрососедских отношений двух стран

Первая мировая война наглядно разоблачила агрессивную природу империализма Пережитые народными массами страдания во время войны и в послевоенные годы, пример победоносной социалистической революции в России убеждали их, что вне социализма не может быть спасения от войны, не может быть коренных перемен в условиях жизни трудящихся

Несмотря на жестокие меры буржуазных правительств, в революционную борьбу втягивались громадные людские массы на всех континен-

¹ В. Черчилль. Мировой кризис. Перевод с английского. М. — Л., 1932, стр. 6

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 133

тах земного шара. Развитие этого процесса шло не по прямой линии. Его крутой подъем произошел сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, что было отражением ее международного значения и влияния. На этой стадии возникли советские республики в Венгрии, Баварии, Словакии¹. Позиции капитализма в Германии были поколеблены Ноябрьской революцией 1918 г. Не было такой страны в капиталистическом мире, которая не испытала бы влияния Октябрьской революции. В этой обстановке мощного революционного подъема в марте 1919 г. создается III, Коммунистический Интернационал. На его первый конгресс прибыли делегаты из 30 стран.

Изменившие делу рабочего класса в годы первой мировой войны, вожди II Интернационала и на новом этапе мировой истории сыграли позорную роль спасителей капиталистического строя, идейно разоружали пролетариат, парализовали его волю и энергию, решимость навсегда покончить с капитализмом. Предательство лидеров социал-демократии, при слабости ее революционного крыла, было основной причиной того, что первый революционный натиск пролетариата ряда стран (преимущественно Европы) был отбит. Но уже в 1926 г. в Англии разразилась всеобщая забастовка пролетариата, невиданная и по своему размаху, и по проявившейся в ее ходе международной солидарности рабочих. Это говорило о серьезных препятствиях на пути агрессивной политики империализма. В июле 1927 г. антифашистская демонстрация и всеобщая забастовка трудящихся Вены переросли в уличные бои с полицией.

В годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда его тяжелые последствия обрушились прежде всего на трудящихся, классовый антагонизм в главных капиталистических государствах еще более обострился.

Рост безработицы и снижение реальной заработной платы сочетались с увеличением интенсивности труда и степени его эксплуатации в капиталистическом производстве. В этом отношении показательны данные таблицы 1, относящиеся к Соединенным Штатам Америки.

Т а б л и ц а 1

Усиление эксплуатации рабочего класса США²

Годы	Процент безработных в обрабатывающей промышленности ко всей реальной рабочей силе каждого года	Индекс часовой выработки на одного рабочего (1920 г. — 100 процентов)
1920	7,5	100
1925	16,5	129,5
1929	12,5	146,0
1930	24,0	153,4
1931	40,0	161,5
1932	56,5	172,4
1933	59,0	175,1
1934	52,5	171,5
1935	51,5	174,6

¹ Венгерская советская республика была провозглашена 21 марта 1919 г. Ее правительство, сформированное из представителей коммунистической и социал-демократической партий, возглавили Б. Кун и Т. Самуэли. Под ударами объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции 1 августа 1919 г. Венгерская советская республика пала.

Баварская советская республика создана 13 апреля 1919 г. Германское социал-демократическое правительство вооруженной силой ликвидировало ее.

Словацкая советская республика образовалась 16 июня 1919 г. Ее правительство возглавил коммунист А. Яноушек. В начале июля 1919 г. чешская и словацкая буржуазия с помощью иностранных империалистов задушила республику.

² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1941, № 1, стр. 21.

Эта таблица показывает, как с возраставшей расточительностью в отношении ресурсов рабочей силы усиливалась эксплуатация рабочих, занятых в промышленности. В 1932—1935 гг. более половины рабочих обрабатывающей промышленности США находились в рядах безработных. Но каждый занятый рабочий давал продукции на 70 с лишним процентов больше, чем в 1920 г.

Условия жизни трудящихся неизменно побуждали их к борьбе против засилья монополий.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции чрезвычайно усилились противоречия между капиталистическими метрополиями и их колониями, возник острейший кризис колониальной системы империализма, широко развернулось национально-освободительное движение народов колоний и зависимых стран. Устои капитализма подтачивались и со стороны колониальных тылов. На национально-освободительном движении также сказывались приливы и отливы революционной волны, хотя отливы ее были не столь ясно выраженными, как в классовых боях в капиталистических странах. В первые годы после Великого Октября крупные события национально-освободительной борьбы — от восстаний до народных революций — охватили Афганистан, Египет, Индию, Персию (Иран), Корею, Монголию, Турцию и другие страны. Молодое Советское государство оказало поддержку многим из этих революций. Именно благодаря его поддержке революции в Афганистане, Монголии, Турции смогли устоять против вооруженной интервенции империалистов или их агентуры.

В последующие годы национально-освободительные восстания произошли в Бирме, Индии, Индокитае, Марокко, Палестине, Сирии, в некоторых случаях вылившись в войну против империалистических захватчиков; все более развивалась антиимпериалистическая, антифеодальная революция китайского народа.

XIV съезд ВКП(б) констатировал, что налицо «подрыв всей системы империализма со стороны пробуждающихся колониальных и полуколониальных народов (Китай, Индия, Сирия, Марокко), движение которых, приняв местами форму освободительных национальных войн, достигло огромных, ранее невиданных размеров...»¹. Стремясь сохранить колониальную систему, империалистические державы отвечали на революции и восстания нескончаемыми колониальными войнами. Такие войны разжигали аппетиты капиталистических хищников, все более жаждущих мировой войны.

Капитализм после войны 1914—1918 гг. в еще большей степени, чем до нее, представлял собой постоянный источник военной опасности. Над человечеством нависала угроза новых войн и интервенций.

2. Обострение противоречий между империалистическими государствами

В послевоенные годы развертывается непрерывный процесс дальнейшего обострения присущих империализму коренных противоречий. В его основе находились глубинные экономические факторы, действовавшие как внутри отдельных стран, так и в капиталистическом мировом хозяйстве в целом.

Крайне обострилось противоречие между общественным характером производства и частнособственнической природой капиталистического присвоения. Именно оно обусловило глубокие и затяжные кризисы перепроизводства, сотрясавшие капиталистический мир. С окончанием первой

¹ КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 244.

мировой войны и империалистической военной интервенции против Советского государства развернулся экономический кризис 1921—1923 гг. Последовавшая за ним стабилизация капитализма была временной, относительной и частичной. Затем разразился самый разрушительный за всю историю капитализма мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Его сменила длительная депрессия особого рода. С 1937 г. в ряде капиталистических стран вновь возник экономический кризис, развитие которого прервала мировая война.

Напряженное экономическое положение в странах капитала породило систематическую недогрузку производственного аппарата и сделало безработицу хроническим, неустранимым явлением. Ограниченная невысокой покупательной способностью населения емкость внутренних рынков предопределила возросшую для капиталистических государств роль внешних рынков.

Но и эти рынки сократились вследствие выпадения России из орбиты мирового капиталистического хозяйства, развития национально-освободительного движения народов колоний и полуколоний, а также и потому, что капитализм продолжал держать в нищете население колониальных стран. Все это свидетельствовало о дезорганизации мирового капиталистического хозяйства, порожденной общим кризисом капитализма и составлявшей одну из наиболее важных сторон этого кризиса ¹.

Успешное развитие социалистической системы, представленной в те годы Советским Союзом, обнажало враждебность империализма коренным интересам народов, его несостоятельность в решении назревших социально-экономических проблем, способствовало широкому распространению социалистических идей. Борьба старого, отживающего свой век капиталистического строя против растущего социализма еще более усугубляла внутренние противоречия империализма.

Неравномерность развития, представляющая собой безусловный закон капитализма, приобрела после первой мировой войны новые черты. Общий кризис капитализма усилил тенденцию к торможению технического прогресса. Но эта тенденция в одних странах, например в Англии, проявлялась в большей степени, в других она сказывалась меньше (Германия и Япония). После первой мировой войны дальнейшее обострение неравномерности развития капитализма было связано в значительной степени еще и с международной экономической политикой монополистического капитала. Сказывалось растущее значение международных монополий. Большая роль в изменении соотношения экономических потенциалов принадлежала тому курсу, который проводился правящими кругами капиталистических держав-победительниц в отношении Германии.

Производственные мощности Германии пострадали от военных действий, репарационных поставок и оккупации Рура Францией и Бельгией в 1923 г.; в течение ряда лет не обновлялся основной капитал промышленности. Для широкой модернизации производства не хватало средств, тем более что Германия, лишенная колоний, не имела внешних источников прибылей. Ее капиталистические противники по первой мировой войне могли, казалось, торжествовать победу над своим опаснейшим конкурентом, возрождение экономического потенциала которого неизбежно могло бы затянуться на долгие годы, в то время как производство в других капиталистических странах шло бы вперед.

Но в критический момент (1923—1924 гг.) под пошатнувшееся здание германского империализма началось подведение нового фундамента. Главенствующую роль в этом сыграли американские монополии. Ими руководило отнюдь не сострадание, столь чуждое империалистам. Напротив,

¹ КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 464.

заокеанские монополисты хотели нажиться за счет трудящихся Германии, использовать ее в целях войны против СССР. В Германии издержки производства, прежде всего заработная плата в первые послевоенные годы, были низкими, что сулило добычу за счет эксплуатации рабочего класса. Укрепляя власть капитала в Германии, реакционные круги США стремились превратить эту страну в своего рода «антибольшевистский бастион» в Европе. Они сознательно делали ставку на возрождение военного могущества германского империализма, видя в нем подходящее орудие для осуществления своих планов, направленных против социализма, национального освобождения народов, демократии и мира.

Важной вехой на пути формирования и проведения в жизнь этого опасного для дела мира политического курса явился «план Дауэса», утвержденный державами-победительницами в августе 1924 г. и закрепивший ведущую роль Соединенных Штатов Америки в германском вопросе. Оккупация Рура французскими войсками прекращалась. Предоставлялись кредиты для возрождения германской экономики и военного потенциала. Подсчитано, что только в 1923—1929 гг. Германия получила около 4 млрд. долларов иностранных займов, из них — 2,5 млрд. от США¹.

Финансовая поддержка США и Англии дала возможность германским монополиям в течение 5—6 лет воссоздать тяжелую индустрию и мощную военную промышленность — важнейшую предпосылку будущей агрессии. Главным источником репарационных платежей, которые по-прежнему должна была выплачивать Германия, становились налоги на предметы потребления, что означало перенесение тяжести репараций на плечи германских трудящихся. «План Дауэса» был рассчитан на реализацию германской промышленной продукции на советском рынке, что должно было сорвать индустриализацию СССР и превратить его в аграрно-сырьевой придаток капиталистической Германии.

С помощью США преодолевалась нехватка в стране военно-промышленного сырья, было начато производство синтетического горючего, искусственного каучука и волокна, спасен от банкротства пушечный король Крупп, германская тяжелая промышленность за несколько лет была обновлена и модернизирована. Возрождение тяжелой промышленности и военной индустрии Германии шло на основе уже не старой, а новой, наиболее совершенной по тому времени техники и технологии. Германская промышленность по технической оснащенности вскоре превзошла промышленность других капиталистических стран Европы.

Поступления капиталов из-за рубежа способствовали дальнейшей концентрации производства и развитию в Германии системы государственно-монополистического капитализма.

США обеспечили себе большое участие в промышленных предприятиях Германии. Монополии заокеанской державы стали владельцами либо совладельцами автомобильной фирмы «Опель» и заводов Форда в Германии, электро- и радиofирм «Лоренц» и «Микст-Генест», угольного концерна «Гуго Стиннес», нефтяного концерна «Дойч-американише петролеум», химического концерна «ИГ Фарбениндустри», объединенного «Стального треста» и других промышленных гигантов.

Один из главных авторов «плана Дауэса» — германский финансовый король Шахт, сыгравший впоследствии важную роль в установлении фашистской диктатуры, откровенно признавал, что он «финансировал перевооружение Германии деньгами, принадлежавшими иностранцам». С возрождением Германии в качестве первой классной индустриальной

¹ J. T e n e n b a u m. American Investments and Business Interests in Germany. New York, 1940, p. 5.

державы немецкие милитаристы опять обрели промышленную базу для вынашиваемых ими планов новой агрессии.

Германское правительство обсуждало проблемы новой мировой войны еще тогда, когда не закончилась первая мировая война. Этому вопросу были посвящены два заседания в военном министерстве, состоявшиеся 14 июня и 5 сентября 1917 г. На первом из них был высказан взгляд, что Германии следует «как можно лучше развивать хозяйственную жизнь в мирный период, приспособлявая ее к использованию в военных целях... Чем сильнее мы развиваем экономику в мирное время, тем лучше мы готовы к войне. Ни в коем случае нельзя допустить ослабления этого процесса»¹. О будущей войне участники заседания говорили как о чем-то предпрешенном. Но в отношении срока, который понадобится для воссоздания военно-промышленного потенциала, они особого оптимизма не проявляли. Характерно, что обсуждение этих проблем было продолжено спустя восемь лет в имперских министерствах экономики и обороны², словно не было поражения Германии в первой мировой войне, Ноябрьской революции и образования Веймарской республики.

Ураган экономического кризиса 1929—1933 гг. тяжело поразил Германию. Ее правящие круги воспользовались моментом для усиления политического и экономического нажима на трудящихся. Безработица в стране достигла огромных размеров. Со злобой взирали немецкие монополисты на своих соседей на Западе, воспользовавшихся поражением Германии для захвата многих внешних рынков. Не могли они мириться с тем, что доля Германии в экспорте капиталистических стран уступала Англии. Доля отдельных стран в общем экспорте капиталистического мира составляла в 1929 г. (в процентах): США — 15,6, Англии — 10,7, Германии — 9,2, Франции — 5,9³. Германия становилась опаснейшим конкурентом на мировых рынках не только для Англии и Франции, но и для США. Она стремилась к захвату главенствующего положения на их рынках, в то время как ее соперники прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить и упрочить свою монополию. Уже в этой борьбе крылись глубокие причины второй мировой войны.

Представление о неравномерности развития капитализма после первой мировой войны и до середины 30-х годов может дать таблица 2.

Данные этой таблицы свидетельствуют о быстром росте производства в Германии и особенно в Японии по сравнению с США, Англией и Францией. Одним из проявлений неравномерности развития было то, что Германия в сравнительно короткие сроки преодолела последствия экономического кризиса 1929—1933 гг., а в США, Англии и Франции даже в 1935 г. размеры производства в тяжелой промышленности оставались ниже докризисного. В японской промышленности быстро развивались даже те отрасли, для которых в стране не было необходимого количества собственного природного сырья.

Так в капиталистическом мире складывалось новое соотношение экономических потенциалов. Оно все менее соответствовало сложившемуся распределению колониальных владений. Перед первой мировой войной Германия обладала колониями в Африке и бассейне Тихого океана, хотя они и уступали английским в 10 раз по территории и в 30 раз по населению. После первой мировой войны Германия была лишена всех колоний, в то время как Англия еще более увеличила их. Соответствующие данные приведены в таблице 3.

¹ DZP. Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt der OKW, Film № 2327.

² Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны (далее — Анатомия войны). Перевод с немецкого. М., 1974, стр. 67—68.

³ Международная торговля. М., 1954, стр. 225.

Таблица 2

**Развитие ряда отраслей экономики главных капиталистических стран
в 1920—1935 гг.¹**

Годы	США	Англия	Франция	Германия (включая Саар)	Япония
Добыча угля (млн. тонн)					
1920	597	233	24	229	29
1925	528	247	47	285	32
1930	487	248	54	302	31
1935	385	226	46	290	38
Выплавка чугуна (млн. тонн)					
1920	38	8	3	7	1
1925	37	6	9	12	1
1930	32	6	10	12	1
1935	22	7	6	13	2
Выплавка стали (млн. тонн)					
1920	43	9	3	8	0,8
1925	46	8	8	14	1,3
1930	41	7	9	13	2,3
1935	35	10	6	16	4,7
Производство электроэнергии (млрд. квт/ч)					
1930	115	12	17	29	16
1932	99	14	15	24	18
1934	110	17	17	31	23
1935	119	19	18	37	25
Выплавка алюминия (тыс. тонн)					
1920	89	8	12	31	Нет све- дений
1930	103,9	13,2	24,6	30,7	
1932	47,6	10,2	14,4	19,3	
1935	54,1	15,1	22	70,8	

Примечание. Производство электроэнергии в Германии в 1930—1934 гг. без Саарской области. По Англии — отпуск с шин, по другим странам — валовая выработка.

Таблица 3

**Размеры и население колониальных владений
империалистических держав²**

Страны	Площадь (млн. кв. километров)		Население (млн. человек)	
	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.
Англия	29,7	34,6	376,7	406,2
Франция	10,5	11,7	53,4	58,8
США	0,3	0,3	9,7	12,4
Германия	3,0	Не имела	12,3	Не имела

¹ «Конъюнктурный бюллетень». Приложение к журналу «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 10, стр. 6, 8, 10; Statistical Year-book 1949—1950. Statistical Office of the United Nations. New York, 1950, p. 265.

² Ю. Кучинский. Очерки по истории мирового хозяйства. Перевод с немецкого. М., 1954, стр. 81.

Борьба на внешних рынках оказалась более напряженной и более важной для капиталистических стран, чем ранее. Объяснялось это общим сокращением сферы эксплуатации в результате Великой Октябрьской социалистической революции и обусловленным ею подъемом национально-освободительного движения, нехваткой рынков сбыта, кризисами перепроизводства и, наконец, возросшей ролью многих видов колониального сырья и топлива, особенно нефти. Коренной передел мира на основе применения вооруженной силы казался монополистам единственным выходом.

Как и перед первой мировой войной, в капиталистическом мире возник вопрос о коренном переделе колоний и сфер влияния в соответствии с реальным соотношением сил «великих» держав. Развитие этого противоречия неумолимо вело к новому предвоенному политическому кризису, к вооруженной борьбе империалистических государств.

Наряду с противоречиями между вчерашними победителями и побежденными усилилось соперничество между самими победителями.

Используя свою экономическую мощь, американские монополии теснили английских конкурентов, особенно там, где их позиции были наиболее уязвимы. «Америка сменила Германию в качестве главной соперницы Англии в финансовых и коммерческих вопросах, а также в области морского могущества, заметно оттеснив последнюю от валютного и финансового контроля над мировым рынком»¹. Уязвимыми районами Великобритании были ее доминионы: Канада, Австралия, Новая Зеландия; ряд зависимых стран Латинской Америки: Аргентина, Бразилия, Уругвай; наконец, некоторые страны Юго-Восточной Азии, а также Китай. Соединенные Штаты Америки с успехом применяли такое важное оружие экономического закабаления, как предоставление займов, использование силы финансового капитала. Уже в 1925 г. XIV съезд ВКП(б) отметил «небывало возросшую роль Северо-Американских Соединенных Штатов, граничащую с их мировой финансовой гегемонией...»².

Все более усиливавшиеся экспансионистские устремления американского империализма в отношении Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна наталкивались на встречный поток экспансии, шедшей из Японии. Первая мировая война была широко использована японским империализмом для овладения важными стратегическими и экономическими позициями. Япония, укрепившись в Китае, превращала его в свою колонию, ее товары проникли на рынки не только многих близлежащих стран, но даже Мексики и других государств Западного полушария. Однако многие приобретения Японии были отняты у нее на Вашингтонской конференции, где Англия по ряду вопросов выступала единым фронтом с США против Японии.

В последующие годы английская дипломатия заигрывала с Японией, стремясь использовать в своих интересах японо-американские империалистические противоречия. Это еще более обостряло антагонизм США и Великобритании. Президент Соединенных Штатов К. Кулидж в 1927 г. с раздражением сообщал конгрессу: «Япония во многом идет на сотрудничество с нами, но мы не в состоянии прийти к соглашению с Великобританией»³. Спустя два года при обсуждении в конгрессе программы военно-морского строительства сенатор Уолш из Монтаны с предельной откровенностью заявил: «Совершенно очевидно, что строительство крейсеров, предлагаемое законопроектом, рассчитано на войну в первую очередь с Англией, во вторую — с Японией»⁴.

¹ Н. Barnes. World Politics in Modern Civilization. New York, 1930, p. 588.

² КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 244.

³ «Chicago Tribune», December 7, 1927.

⁴ «Current History», 1929, April, p. 31.

Если Соединенным Штатам Америки не всегда удавалось заручиться поддержкой Англии в делах стран Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, то в европейских делах между ними существовало далеко идущее согласие в стремлении превратить враждебную им Германию в своего союзника против Советского государства. С течением времени и в отношении Японии все более утверждалось подобное направление совместной англо-американской политики.

В сложном положении оказалась после первой мировой войны Франция. Ранее при недостаточном военно-экономическом потенциале ее позиции в Европе во многом определялись союзом с Россией, который поднимал политический вес Франции. Взяв непримиримо враждебный курс в отношении Советской страны и поставив в годы вооруженной интервенции своей задачей воссоздание России царского типа, французские политические деятели в конечном счете принесли в жертву классовым интересам престиж своего государства. Утрату союза с Россией против Германии правящие круги Франции пытались компенсировать военными блоками с Польшей и Малой Антантой¹. Эти блоки носили антисоветский характер, не отвечали подлинным национальным интересам Франции и поэтому не могли укрепить ее позиции в Европе, в том числе и в отношении Германии. Попытки же удержать немецкую экономику на уровне первых послевоенных лет, даже с применением мер насильственной политики (оккупация Рура), потерпели полное крушение, знаменовавшее с принятием англо-американского «плана Дауэса» конец периода относительного преобладания Франции в послевоенной капиталистической Европе и переход руководящей роли к Англии и США. Окончательно прекратила существование и англо-французская Антанта. Последующие шаги британской дипломатии, уравнивавшей в правах победительницу Францию и побежденную Германию (как это было сделано на конференции в Локарно), способствовали еще большему обострению империалистических противоречий в Европе.

Новое положение Франции среди европейских капиталистических держав ободрило итальянских империалистов, давно уже зарившихся не только на французские и английские колонии в Африке, но и на близлежащую часть территории Франции.

Бурная схватка разыгралась между Италией и Францией на Лондонской морской конференции 1930 г. из-за программы военно-морского строительства. В ее повестке дня стоял вопрос о распространении на крейсера, эсминцы и подводные лодки той пропорции, которая была принята на Вашингтонской конференции в 1922 г. в отношении самых крупных военных кораблей. Суть этой пропорции состояла в том, что совокупные тоннажи линкоров США, Англии, Японии, Франции и Италии должны были относиться соответственно, как 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75, а авианосцев как 5 : 5 : 3 : 2,22 : 2,22. Однако новое соглашение было принято на Лондонской морской конференции лишь между США, Англией и Японией. Франция и Италия не присоединились к соглашению потому, что не смогли, несмотря на все усилия британской дипломатии, договориться между собой. Франция требовала для себя более высокой относительной доли, с чем не соглашалась Италия. Разрешить этот конфликт оказалось невозможным, и итало-французское соглашение об ограничении суммарного тоннажа крейсеров и подводных лодок достигнуто не было.

¹ М а л а я А н т а н т а (1920—1938 гг.) — политический блок буржуазных правительств Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный с целью сохранения и укрепления соотношения сил, сложившегося в Дунайском бассейне и на Балканском полуострове в результате первой мировой войны. Малая Антанта, осуществляя интересы империалистических государств, в частности Франции, проводила в отношении СССР враждебную политику.

Аппетиты итальянского фашизма увеличивались, так как Англия в значительной мере поддерживала Италию в борьбе против Франции. Британская дипломатия, сближаясь с фашистской Италией, стремилась обрести союзника против Франции и отвести в ее сторону захватнические притязания итальянского империализма, использовать его для укрепления своих позиций в мире, а также для агрессии против СССР.

Англо-итальянское сближение оказывало отрицательное влияние на положение в Европе, подрывало даже те слабые устои европейской безопасности, которые пыталась создать в своих интересах буржуазная Франция. В орбиту англо-итальянской политики оказались втянутыми Венгрия (итало-венгерский договор 1927 г. о дружбе) и Болгария. Чтобы разложить Малую Антанту изнутри, Италия пыталась сговориться с Югославией и ослабить союзнические отношения Франции с Румынией. В 1926 г. с этой целью был заключен на антисоветской основе итало-румынский договор. При поддержке британской дипломатии Италия утвердила свое господство над Албанией (итало-албанский договор 1926 г., сделавший Италию ее «гарантом»).

Продолжалась давняя тяжба между Италией и Германией в связи с итальянскими претензиями на часть территории Австрии. Временами она приобретала острую форму, а Италия даже позволяла себе недвусмысленно угрожать своей сопернице, которая до поры до времени старалась избегать конфликтов.

Мировая война зрела внутри капиталистического мира. В этом мире существовал ряд направлений, по которым могла развернуться новая всемирная военная схватка. «Чего хотят короли промышленности, снова организуя всемирную бойню? — писал в эти годы М. Горький. — Они воображают, что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса, созданного анархией производства, идиотизмом страсти к наживе»¹.

Наряду с враждебной напряженностью в отношениях между империалистическими державами обострялось и противоречие между двумя противоположными социальными системами. Все более опасными становились коварные стремления правящих кругов стран капитала вынести назревавшую войну за пределы порождавшей ее системы капитализма и попытаться разрешить внутренние противоречия этой системы, а также классовый антагонизм двух систем путем войны против Советского Союза. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) отмечал в 1927 г., что «подготовка войны против СССР означает не что иное, как воспроизведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистской буржуазией и победоносным пролетариатом. Именно таков будет классовый смысл этой войны». В решении пленума подчеркивалось, что «если внутренние противоречия между различными империалистскими государствами чреваты крупнейшими конфликтами между ними (англо-американский, итало-французский, балканский и средне-европейский, польско-германский, японо-американский и т. д.), то, с другой стороны, не исключен и временный блок этих государств против СССР, т. е. прямая военная или финансовая поддержка сил, непосредственно ведущих операции против государства рабочего класса»².

Противоречия империализма, его классовый антагонизм к Советскому Союзу обуславливали рост милитаризма во внутренней жизни, идеологии и политике главных капиталистических держав. Милитаризм был призван служить классовым целям внутренней и внешней политики монополистического капитала. О социальных функциях милитаризма

¹ М. Г о р ь к и й. Собрание сочинений. Т. 26. М., 1953, стр. 343.

² КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 466.

В. И. Ленин еще в 1908 г. писал: «Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)¹.

После первой мировой войны милитаризм особенно наглядно проявлялся в росте вооружений в мире капитала, в агрессивном внешнеполитическом курсе капиталистических государств и в идеологической подготовке империализмом новых войн.

3. Рост вооружений в капиталистических странах

Дальнейшее обострение противоречий капитализма являлось объективной основой порождения империализмом постоянной военной опасности. Но было бы ошибкой рассматривать на этом основании милитаристов как невольные жертвы исторического процесса, исключать роль субъективного фактора. Подобно всем предшествовавшим эксплуататорским классам, капиталисты всегда рассматривали войны как совершенно естественное дело, подготовку и руководство их ведением считали своей неотъемлемой прерогативой. Таким образом, получалось определенное единство, теснейшее переплетение объективных и субъективных предпосылок новой войны. История неопровержимо свидетельствует, что с первых дней мирного периода милитаристское крыло монополистической буржуазии совершенно сознательно, планомерно и целеустремленно вело всестороннюю подготовку новых войн.

Алчность империалистической буржуазии, абсолютная несовместимость ее коренных интересов с прогрессивным развитием человечества особенно проявились в постоянной всеохватывающей гонке вооружений. Окончилась первая мировая война, армии военного времени были демобилизованы, а рост вооружений продолжался. Прошло уже пять месяцев мирного времени, но по-прежнему, по словам В. И. Ленина, «...весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обследуя способы нападения»².

Политические деятели буржуазии понимали, что трудящиеся до крайности измучены войной и что открыто выступить с программой вооружений невозможно. Чтобы успокоить жаждущие мира массы и отвлечь их внимание от милитаристской деятельности правительств, были организованы долгие и бесплодные словесные турниры на многочисленных заседаниях Лиги наций, посвященных проблеме разоружения³. Прикрываясь маской сторонников мира, капиталистические державы добивались лишь ослабления империалистических соседей (особенно вероятных противников) и стремились всемерно усилить свою военную мощь. И не случайно, что все проекты и предложения о «разоружении» составляли в капиталистических странах, как правило, те, кто непосредственно планирует войну: генеральные штабы. Дело дошло до того, что в 1926 г. Гинденбург собирался назначить представителем Германии на переговорах по разору-

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 284.

³ К марту 1928 г. кроме общего собрания Лиги наций и Совета Лиги наций, которые занимались обсуждением вопроса о разоружении на своих 38 сессиях, не менее 14 комиссий и других органов Лиги посвятили этому вопросу еще более 120 сессий. Только одним общим собранием и Советом Лиги было вынесено 111 резолюций по вопросу о разоружении (см. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 21 марта 1928 г.).

жению в системе Лиги наций одного из наиболее отъявленных милитаристов той поры — генерал-полковника фон Секта¹. Но немецкие милитаристы все же не рискнули бросить столь наглый вызов мировому общественному мнению.

Надо ли удивляться тому, что Лига наций не сумела даже в самой малой мере и хотя бы на самый короткий срок приостановить гонку вооружений. Реальное разоружение вовсе не входило в расчеты создателей этой международной организации.

Росту вооружений в мире капитала способствовало и то, что в ходе войны многие решающие позиции в политической жизни воюющих стран захватила военщина. Характеризуя это обстоятельство, В. И. Ленин писал в январе 1920 г.: «...преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата»². Говоря о возрастании роли реакционного офицерства в политической жизни капиталистических стран, В. И. Ленин подчеркивал также, что оно обеспечено сочувствием буржуазии и помещиков³. Как справедливо заметил американский историк антифашист Г. Фрид, Веймарская республика лучше заботилась об офицерах старого режима, чем сама вильгельмовская монархия⁴.

Рост вооружений обеспечивался прежде всего увеличением военных бюджетов, в значительной мере связанным с повышением технического уровня буржуазных армий. Под убаюкивающие речи о минувшей «последней войне» и «вечном мире» империалистические правительства, где явно, где тайно, неуклонно увеличивали ассигнования на военные нужды.

В Германии сверх официальных ассигнований на военные нужды ежегодно бесконтрольно и тайно «выкраивалось» из средств других министерств от 35 млн. до 74 млн. марок⁵. Японской военщиной по чрезвычайным военным бюджетам только с декабря 1925 г. по март 1927 г. было получено более 900,5 млн. иен⁶. Военные расходы Италии на душу населения возросли в 1927 г. против довоенного времени (1909 г.) на 64 процента⁷. Так обстояло дело в странах будущей фашистской коалиции.

Подобная картина наблюдалась и в других капиталистических странах. Даже по официальным данным, ежегодные расходы военного министерства США за первые три послевоенных года в среднем превосходили довоенный уровень более чем в 19 раз⁸. Справедливо писала тогда газета «Нью-Йорк уорлд»: «Соединенные Штаты тратят больше на подготовку к будущим войнам, чем любое другое государство в мире. Бессмысленно говорить об экономии в расходах федерального правительства, если будет продолжаться это бессмысленное расточительство»⁹.

Военные бюджеты всех главнейших капиталистических стран в совокупности (без Германии) возросли с 1912 г. по 1924/25 г. на 1 442 млн.

¹ W. H u b a t s c h. Hindenburg und der Staat. Bd. II. Göttingen, 1966, S. 256.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 57.

³ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 355.

⁴ G. F r i e d. The Guilt of German Army. New York, 1943, p. 114, 117.

⁵ H. H a b e d a n k. Der Feind steht rechts. Bürgerliche Linke im Kampf gegen den deutschen Militarismus (1925—1933). Berlin, 1965, S. 208.

⁶ 我等の新兵器東京, 昭和17年, 21頁。

⁷ С. С л о б о д с к о й. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, стр. 107.

⁸ Historical Statistics of the United States, 1789—1945. Washington, 1949, p. 299.

⁹ Цит. по: J. V i n s o n. The Parchment Peace. University of Georgia Press, 1955, p. 56.

рублей¹. Военные расходы на душу населения в середине 20-х годов составляли (в долларах): в США — 5,7, Франции — 8,7 (для сравнения отметим, что в СССР — 1,5).

Бурный рост прямых военных расходов продолжался и во второй половине 20-х годов. По данным Лиги наций, расходы Франции на содержание сухопутной армии, воздушных и военно-морских сил возросли с 5 543,6 млн. франков в 1925 г. до 11 599,7 млн. франков в 1930/31 г.². Огромные суммы на подготовку войны привлекались и дополнительно. Так, в 1927/28 г. в связи с принятием законов «Об общей организации армии в мирное время», «О составе кадров и численности армии», «О комплектовании армии» и проведением других военных мероприятий было выделено дополнительно свыше 5 млрд. франков³.

Увеличение расходов на вооружение не остановил даже мировой экономический кризис 1929—1933 гг. По исчислениям берлинского конъюнктурного института, произведенным на основе военных бюджетов 53 стран, индекс мировой продукции (за 100 процентов взят уровень 1928 г.) составлял в 1913 г. — 54, в 1932 г. не превышал 56; в то же время индекс мировых расходов на производство вооружения вырос с 64 в 1913 г. до 107 в 1932 г.⁴.

В росте вооружений в 20-е годы имелась определенная особенность: упор делался прежде всего на совершенствование оружия, военной техники и профессиональной подготовки личного состава, что обуславливалось появлением новых средств вооруженной борьбы.

Отмечая это стремление буржуазии, В. И. Ленин писал в 1920 г.: «...после великой империалистской бойни все правительства в мире стали бояться всенародной армии, открытой для крестьян и рабочих, стали переходить тайком ко всевозможным приемам подбора специально подобранных из буржуазии и специально снабженных особенно усовершенствованной техникой воинских частей»⁵.

На обоснование именно такого курса были направлены и многие военные теории тех времен: теория «самостоятельной воздушной войны», «малых профессиональных армий», «механизированной», или «танковой», войны.

Заветную мечту эксплуататорских классов ярко выразил английский военный теоретик Фуллер: «...идеальная армия, к которой надо стремиться, это — не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхчеловек, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами науки в мирное время»⁶.

Наиболее дальновидные военные теоретики понимали всю неосуществимость подобных стремлений. Они вынуждены были считаться с реальным положением вещей и учитывать возрастающую роль человека в современных войнах. Бывший начальник генерального штаба французской армии генерал М. Дебенэ писал: «Нельзя забывать, что техника, приобретая господство и ставшая богом войны, — эта техника сама по себе инертна. Каков бы ни был ее характер: пушки ли это, пулеметы, самолеты, танки, газы или другие смертоносные орудия, они приобретают цен-

¹ СССР в борьбе за разоружение. Советская делегация на IV сессии подготовительной комиссии по разоружению. М., 1928, стр. 46.

² «Annuaire militaire». Société des Nations. Genève, 1932, p. 159.

³ M. W e y g a n d. Histoire de l'Armée française. Paris, 1938, p. 389—390; M. G a m e l i n. Servir. Prologue du drame (1930—août 1939). Paris, 1946, p. 20—21.

⁴ Мировая война в цифрах. М. — Л., 1934, стр. 97.

⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 195.

⁶ Дж. Ф у л л е р. Танки в великой войне 1914—1918 гг. Перевод с английского. М., 1923, стр. 254—255.

ность только в руках человека; поэтому первейшим требованием техники является требование... в людской силе»¹. Французскому генералу вторил австрийский — Эймансбергер: «И в будущем решающим фактором будет не машина, а человек, который ее применяет»².

Большинство военных деятелей капиталистических государств не только признавали решающую роль человека на войне, но и отвергали идею малой профессиональной армии, считая ее неспособной обеспечить защиту коренных интересов господствующих классов. Итальянский подполковник Р. Маретта в книге «Какой будет завтрашняя война?» писал: «Это безумие позволить ослепить себя призраком малой ударной армии»³. И правительства крупнейших империалистических держав, как правило, следовали курсу на сохранение и расширение массовых армий. В странах-победительницах и нейтральных странах в 1925 г. численность вооруженных сил почти на 1,2 млн. человек была больше, чем в 1913 г.⁴. Мировая война закончена, Германия повергнута, а победители упорно увеличивают численность своих армий.

Специфической особенностью послевоенного периода являлся бурный рост «неофициальных армий». Во всех капиталистических странах велась подготовка военнообученных резервов различными внеармейскими организациями (спортивными клубами, стрелковыми союзами, боевыми фашистскими отрядами и т. д.).

В США такие кадры создавались прежде всего в национальной гвардии. Новый закон о национальной обороне, принятый конгрессом США в июне 1920 г. (действовал до 1950 г.), определил верхний порог ее численности в 436 тыс. человек, то есть на 70 процентов больше последующей (1922—1935 гг.) среднегодовой численности регулярных вооруженных сил США⁵.

В Японии подготовкой неофициальной армии занимались различные милитаристско-фашистские организации: «Союз резервистов империи», «Общество вишни» («Сакурайкай»), состоявшее из офицеров военного министерства и генерального штаба армии, «Общество государственных основ» («Кокухонся»), в которое входило около 200 крупных представителей военицины («гумбацу») и монополий («дзайбацу») ⁶. По данным 1928 г., из 5 млн. учащихся средних и высших школ Японии военное обучение проходило свыше 1 400 тыс. человек ⁷.

В Германии сразу после первой мировой войны рассадниками милитаризма стали «Германский офицерский союз», объединявший до 100 тыс. человек, и солдатские союзы, насчитывавшие в конце 1927 г. до 2 млн. человек. С 1918 г. активно действовала одна из наиболее крупных вооруженных организаций монополистической буржуазии и юнкерства «Стальной шлем» («Stahlhelm») ⁸. Процессу ремилитаризации немало способствовали и такие реакционные военизированные организации, как «Союз имперского флага» («Reichsbanner»), «Орден молодых немцев» («Jungdeutsche Orden»), «Танненбергбунд», «Вервольф» и другие. Формировались и укреплялись вооруженные отряды национал-социалистской партии. Многочисленные

¹ Цит. по: «Военный зарубежник», 1934, № 11, стр. 2.

² Л. Эймансбергер. Танковая война. Перевод с немецкого. М., 1937, стр. 296.

³ Цит. по: «Военный зарубежник», 1935, № 13, стр. 5.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. X. М., 1965, стр. 515.

⁵ American Military History. Washington, 1969, p. 411; The Statistical History of the United States from Colonial Times to the Present. New York, 1965, p. 736.

⁶ 樹下半二 日本ファシズム史, 第一巻, 東京, 昭和24年, 152頁.

⁷ И. Лемин. Пропаганда войны в Японии и Германии. Минск, 1934, стр. 77.

⁸ По оценке второго бюро французского генерального штаба, в 1930 г. в «Стальном шлеме» было до 500 тыс. человек, имевших боевую подготовку (G. Castella. Le Réarmement clandestine du Reich 1930—1935. Paris, 1954, p. 304).

случаи финансирования рейхсвером¹ военных учений, организуемых штурмовыми отрядами, а также передачи им крупных партий оружия были зарегистрированы еще в 1929 г. Вопреки статье 177 Версальского мирного договора, категорически запрещающей гражданским союзам и учреждениям заниматься какими-либо военными вопросами, особенно проводить обучение или упражнения «в военном искусстве или употреблении военного оружия»², все эти организации готовили кадры для армии.

Особенно широко военизация населения проводилась в тех странах, где фашизм уже успел захватить государственную власть. Так, в Венгрии вся молодежь в возрасте от 12 до 21 года должна была в обязательном порядке заниматься в военно-спортивном обществе «Левенте». По донесению главного руководителя этого общества, уже к октябрю 1927 г. военной подготовкой было охвачено 700 тыс. человек³.

Фашистская Италия, по существу, была превращена в настоящий военный лагерь — дети 6—8 лет входили в отряды так называемых «младенчат», 8—14 лет — в отряды «балилла», организованные по военному разряду; молодежь в возрасте 14—18 лет включалась в отряды «авангарстов», а с 18 лет наиболее «испытанные» и «благонадежные» переводились в «юношеские фашистские боевые группы»; университетская молодежь входила в особые военизированные фашистские организации; в университетах и средних учебных заведениях вводились курсы «военной культуры» для получения аттестата средней школы учащийся должен был сдать экзамен на офицерский чин. Эта фашистская система получила юридическое оформление в законе от 31 декабря 1934 г. «О военизации итальянской нации», устанавливавшим, что «военное обучение должно начинаться как только ребенок в состоянии учиться, и продолжаться до тех пор, пока гражданин в состоянии владеть оружием»⁴.

Общая численность неофициальной армии во многих капиталистических странах была огромной. По имеющимся данным, она к 1927 г. достигала в Великобритании более 656 тыс., в Италии — 800 тыс. человек (не считая бойскаутов), в Соединенных Штатах Америки — 1 855 тыс., в Германии — почти 4 млн. человек⁵. Глубокая научная оценка роли и места этих вооруженных отрядов буржуазии дана в тезисах «Задачи Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности», утвержденных VIII пленумом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в мае 1927 г.: «До мировой войны 1914 г. капитализм знал распространения в широком размере этого вида чисто классово-контрреволюционной армии. Он пользовался для борьбы с массовыми движениями «государственными» органами, постоянной армией, полицией, жандармерией. Обострение классовой борьбы после войны совлекло на задний план остатки «демократизма» с буржуазии. Повсюду капитал организовал свои боевые организации, численность которых в целом ряде стран превосходит размеры регулярной армии. Задача этих отрядов помимо поддержания внутренней реакции в «мирное» время заключается в военное время в том: а) чтобы быть постоянным надежным резервом для подавления революционных движений, возникающих во время войны или к концу войны; б) чтобы гнать массы штыками на войну в случае мобилизации; в) чтобы

¹ Р е й х с в е р (нем. Reich — империя, государство и Wehr — оборона) — германские вооруженные силы (1919—1935 гг.), созданные в соответствии с Версальским мирным договором.

² Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника М., 1925, стр. 68.

³ Hadörténelmi Intézet Levéltára. Levente és egyéb iratok, 1919—1927. Dob. 9 111. old.

⁴ С. С л о б о д с к о й. Итальянский фашизм и его крах, стр. 107—108.

⁵ Против войны. Вопрос о войне на VIII пленуме Исполкома Коминтерна, стр. 28.

быть готовыми кадрами для современных армий на случай империалистической войны»¹.

Используя все средства для увеличения и подготовки неофициальной армии, империалистическая буржуазия исключительное внимание уделяла и повышению боеспособности регулярных вооруженных сил. Об этом заботились правительства всех стран капитала, но особую изворотливость проявили германские монополисты, вынужденные хотя бы внешне считаться с ограничениями, содержащимися в Версальском договоре. Достаточно указать, что, по некоторым данным, Веймарская республика в 1930 г. расходовала на содержание стотысячного рейхсвера столько же, сколько Франция тратила на содержание армии численностью 750 тыс. человек².

Германский империализм сумел даже в условиях «демократической» Веймарской республики возродить главное орудие осуществления своих агрессивных планов — армию. Уже в те годы армия снова стала «государством в государстве», «замкнутая в самой себе серошинельная масса с унифицированным духом, вновь образец исполнительности, дисциплины, порядка, прусского долга в условиях мирного времени; благодаря неустанному, упорному, часто изнурительному труду прекрасно обученная военному делу, внешне монолитная и снова авторитетная, армия, представляющая собой силу для враждебной коалиции, несмотря на свою малочисленность. Все негативные явления 9 ноября полностью преодолены, машина снова функционирует до самого мельчайшего колесика...»³.

Особое внимание уделялось подбору и подготовке офицерского состава. Все шире развертывалось обучение офицеров запаса из числа студентов высших и средних специальных учебных заведений. Например, в США в 1928 г. оно было организовано в 325 учебных заведениях; офицерские звания присваивались ежегодно более чем 6 тыс. студентов, которые включались в корпус офицеров резерва⁴. Быстро росли командные кадры и в веймарской Германии. Статья 160 Версальского мирного договора, по которой общая численность офицеров, включая персонал штабов, не должна была превышать 4 тыс. человек, грубо нарушалась. Уже в 1929 г. в рейхсвере на каждую тысячу солдат приходилось 100 офицеров, 30 старших унтер-офицеров и 300—400 унтер-офицеров, в генеральном штабе рейхсвера числилось 992 офицера — на 303 офицера больше, чем в генеральном штабе кайзеровской армии мирного времени. Численность аппарата военного министерства также намного превышала штат кайзеровского министерства. Широко применялась система досрочного перевода большей части офицеров в запас и зачисления их на государственную пенсию.

При подборе и комплектовании офицерского корпуса неуклонно проводился принцип буржуазной классовости. В подавляющем большинстве офицерский корпус, и особенно генералитет, во всех империалистических странах состоял из представителей верхушки господствующих классов. Об этом неопровержимо свидетельствуют статистические данные по ряду стран, в том числе и по веймарской Германии (см. таблицу 4).

Рейхсвер республиканской Германии был прямым наследником кайзеровской армии и ее милитаристских традиций. Это находило свое проявление, в частности, и в том, что особым влиянием в рейхсвере пользовались офицеры дворянского происхождения. Дворяне составляли только немногим более 0,1 процента общей численности населения Веймарской

¹ Против войны. Вопрос о войне на VIII пленуме Исполкома Коминтерна, стр. 80—81. Кратко характеризуя сущность так называемого мобильного корпуса во Франции, Морис Торез писал, что это «армия гражданской войны на службе капитала» (M. T h o r e z. Oeuvres. Livre II. T. II (juin 1931—février 1932). Paris, 1950, p. 150).

² G. B a d i a. La fin de la République allemande (1929—1933). Paris, 1958, p. 33.

³ O. S c h ü d d e k o p f. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover — Frankfurt a/M., 1955, S. 129.

⁴ American Military History, p. 411—412.

**Классовое происхождение генералов и офицеров германского рейхсвера
(по данным на 1930 г.)¹**

Генералы и офицеры по их происхождению	Количество (проценты)
Из крупных промышленников, банкиров, крупных торговцев, директоров, руководящих служащих хозяйства	7,3
Из помещиков, крупных арендаторов	5,3
Из офицеров	54,4 ²
Из высших чиновников и лиц свободных профессий	28,1
Из низших и средних чиновников, служащих, крестьян, кустарей и ремесленников	4,8
Из рабочих	0,1

республики, но на 1 мая 1932 г. дворянами по происхождению было 52 процента генералов рейхсвера, 29 процентов полковников, 23 процента подполковников, 16 процентов майоров, 17 процентов капитанов и ротмистров, 23 процента обер-лейтенантов и лейтенантов³. Характерно, что за годы республиканского режима в Германии количество офицеров дворянского происхождения в армии почти не уменьшилось (21,3 процента в 1921 г. и 20,5 процента в 1932 г.)⁴.

Классовый подбор офицерского корпуса во многом определял его лицо. Верность этого корпуса монополистической буржуазии, обусловленная его принадлежностью к классу господ, закреплялась широко развернутой системой идеологической обработки личного состава армии и флота. И в этом господствующие классы опирались на все самое реакционное, закостеневшее, лишь бы добиться желанного результата — обеспечить слепое повиновение масс воле империалистических правительств. Даже буржуазная печать, характеризуя систему воспитания личного состава рейхсвера, вынуждена была признать, что оно осуществлялось «методами реакционной прусско-кайзеровской школы», что «все офицеры, начиная от капитана и выше, — отборные феодально-реакционные элементы. Всякая самостоятельная мысль в рейхсвере бесцеремонно убивается, культивируется вера в авторитет, слепое и мертвое подчинение начальству...»⁵. И совсем не случайно это офицерство впоследствии составило костяк гитлеровской армии.

В реакционном духе воспитывался офицерский корпус и в Японии. В газете «Мияко» 3 марта 1930 г. генерал-лейтенант Тамон опубликовал статью под многозначительным названием «Мозг нации и армии», в которой прямо заявлял, что «никакая административная или политическая организация страны не может заменить собой офицерский корпус, несущий в себе высокий дух японизма, беспредельную преданность божественному императору и готовность умереть за него»⁶.

¹ «Militar Wochenblatt», Juli 11, 1930

² В кайзеровской армии в 1913 г. офицеры, отцы которых были офицерами, составляли лишь 24 процента офицерского корпуса (K. D e m e t e r Das Deutsche Offizierkorps in Gesellschaft und Staat 1650—1945 Frankfurt a/M, 1962, S. 53)

³ K. R e i b n i t z Im Dreieck Schleicher, Hitler, Hindenburg Manner des deutschen Schicksals Dresden, 1933, S. 144

⁴ E. L u d w i g Hindenburg und die Sage von der deutschen Republik Amsterdam, 1935, S. 233; W. G o r l i t z Der deutsche Generalstab Geschichte und Gestalt (1657—1945) Frankfurt a/M, 1952, S. 376

⁵ Цит. по В. К у л ь б а к и н. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М., 1954, стр. 143

⁶ Цит. по Японский милитаризм (военно-историческое исследование) Под редакцией и со вступительной статьей академика Г. М. Жукова (далее — Японский милитаризм). М., 1972, стр. 114.

Чтобы обеспечить беспрекословное подчинение рядового состава, буржуазные правительства не брезговали и палочной дисциплиной. Например, в хоргистской армии офицеры и унтер-офицеры широко применяли унижающие человеческое достоинство физические наказания солдат ¹. Основой политического воспитания личного состава во всех буржуазных армиях было разжигание национализма и шовинизма, беспардонная ложь о том, что армия якобы стоит вне политики, над классами и служит всему обществу, возбуждение ненависти к революционным массам всех стран, и особенно к народам Советского Союза.

Многие буржуазные армии участвовали в новых колониальных войнах, различных вооруженных акциях против народов других государств. Так, после взятия города Нанкин китайской Национально-революционной армией корабли военно-морского флота США, а также британский корабль 24 марта 1927 г. подвергли зверской бомбардировке жилые кварталы города, в результате чего было убито и ранено 2 тыс. человек.

Одним из главных направлений в гонке вооружений являлось техническое усовершенствование военной машины. Резко возрастала оснащённость войсковых соединений более совершенными средствами вооруженной борьбы. Если в начале войны 1914—1918 гг. на пехотную дивизию военного времени приходилось во Франции и США по 24 пулемета, то в 1927 г. во Франции — 483, а в США — уже 947 ². Особенно бурно в течение первого послевоенного десятилетия росло количество боевых самолетов. По официальной справке Наркомата иностранных дел СССР, представленной в Лигу наций, к концу 1927 г. военно-воздушные силы Франции имели в своем составе 6114 самолетов, Соединенных Штатов Америки — 3800, Великобритании — 3460, Италии — 1700, Польши — 498 самолетов ³.

Продолжалась гонка и в строительстве военно-морского флота (таблица 5). В США в 1922 г. стоимость материальной части (кораблей и их вооружения) почти в 3,6 раза была выше, чем до войны (в 1912 г. — 402 млн. долларов, в 1922 г. — 1 446 млн. долларов) ⁴.

В империалистических странах шла усиленная милитаризация всех отраслей хозяйства, особенно промышленности. В Японии в 1929 г. 63 процента продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности производилось на заводах военных arsenалов. В 1930 г. около 50 процентов всех рабочих этих двух отраслей промышленности были заняты в военном производстве ⁵. Более 2 тыс. фабрик и заводов Японии имели заказы для военного и военно-морского министерств ⁶. К 1931 г. частные компании, получив крупные субсидии правительства, построили 8 самолетостроительных, 6 авиамоторных заводов, а также заводы точных приборов, радиооборудования и другие ⁷.

В Польше в целях более тщательного приспособления всего государственного аппарата к войне в течение 1927—1929 гг. почти во всех министерствах, государственных банках, управлениях и учреждениях, вплоть до воеводских управлений, были организованы военные отделы, которые возглавлялись ставленниками диктатуры Ю. Пилсудского.

Почти во всех капиталистических странах бурными темпами развивалась имеющая громадное значение для военного дела химическая (особенно азотная) промышленность.

¹ G o d ó A., S z t á n a B A Horthy-rendszer katonai ideológiája. Budapest, 1965, 179 old

² Документы внешней политики СССР, т. X, стр. 516.

³ СССР в борьбе за разоружение. Советская делегация на IV сессии подготовительной комиссии по разоружению, стр. 48.

⁴ Historical Statistics of the United States, 1789—1945, p. 10—11.

⁵ 經濟年報, 東京, 昭和 7 年, 1 1 7 頁。

⁶ Япония. Кризис и военно-фашистское движение. Хабаровск, 1932, стр. 11.

⁷ 米沢滝多郎 軍備と産業発展問題, 東京, 昭和 5 年, 1 8 2 頁。

Таблица 5

Морское соперничество крупнейших капиталистических держав¹

Военные корабли	Британская империя			США			Япония		
	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.
	кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)		кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)		кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)	
Линкоры	2	67400	15	—	—	15	—	—	9
Авианосцы	3	55850	6	4	91500	4	4	74600	4
Крейсеры А	15	146800	19	16	160000	15	12	108400	18
Крейсеры Б	13	89600	28	4	40000	10	23	132455	19
Лидеры и эсминцы	63	86469	148	32	50800	174	86	117053	94
Подводные лодки	35	45719	55	10	17102	83	78	90979	55

Военные корабли	Франция			Италия			Германия		
	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.	построены и начаты постройкой в 1922—1933 гг.		состав флотов на конец 1933 г.
	кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)		кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)		кол-во (шт.)	водоизмещение (тонн)	
Линкоры	1	26501	8	—	—	4	3	30000	3
Авианосцы	1	21800	1	—	—	—	—	—	—
Крейсеры А	7	70000	10	7	70000	7	—	—	2
Крейсеры Б	12	82902	6	12	68086	13	5	30000	5
Лидеры и эсминцы	59	112000	66	57	66046	91	12	9600	16
Подводные лодки	79	84644	77	54	44865	60	—	—	—

Широкий размах приобрела торговля оружием. Только за 1931 г., по официальным (сильно преуменьшенным) данным, Англия экспортировала оружия на 13 366 тыс. долларов, США — на 3 897 тыс., Франция — на 2 730 тыс., Италия — на 2 243 тыс. долларов. Малые страны также спешили урвать свою долю от жирного военного пирога. В том же 1931 году Чехословакия продала оружия на 3 922 тыс. долларов, Швеция — на 3 705 тыс., Бельгия — на 1 490 тыс. и Голландия — на 708 тыс. долларов².

При явном попустительстве и прямой денежной помощи монополистов США и Англии стремительно развивался процесс тайной ремилитаризации Германии. В своей статье «Руководители и рабочие оружейных заводов», опубликованной 1 марта 1942 г. в журнале фирмы, Г. Крупп хвастался, что почти с самого момента поражения Германии в ноябре 1918 г. и даже тогда, когда победители в Версале пререкались по поводу условий, на которых компания Круппа могла продолжать существование, он на-

¹ Мировая война в цифрах, стр. 109 Сведения об авианосцах (построено и начато постройкой) даны по N P o l m a i Aircraft Carriers New York, 1969, p. 720, 724—726, 731, 743 Состав флотов на конец 1933 г дан по: Е Ш в е д е Военные флоты 1936 г М, 1936, стр. 16—38, 78—83, 124—144, 204—222, 268—278, 328—342; Jane's Fighting Ships London, 1934, p. 66 В первой графе этой рубрики учтены не только линкоры, но и линейные крейсера По некоторым данным, водоизмещение построенных в Германии за 1925—1933 гг военных кораблей равнялось 71 450 тоннам (С. Н е г м а n n. Deutsche Militargeschichte. Frankfurt a/M, 1968, S. 421).

² Peace Year-Book, 1934, p. 251 .

чал тайно готовиться к последующему перевооружению Германии¹. Уже в 1922 г. между командованием рейхсвера и фирмой Круппа было заключено секретное соглашение о разработке конструкций танков и артиллерийских орудий². А в октябре 1926 г. генерал Хаге, принимая у фон Секта командование рейхсвером, заявил ему «Вы снова посадили Германию в седло. Мне остается только удержаться в нем»³.

Еще более благоприятные условия для тайного перевооружения рейхсвера создались после того, как в декабре 1926 г. прекратилась работа Союзной военно-контрольной комиссии в Германии. В 1928—1929 гг. развернулось строительство военных самолетов, бронеавтомобилей и танков. Чтобы обойти ограничения, установленные Версальским договором, немецкие монополисты вступали в различные альянсы с иностранными фирмами или создавали подставные компании за границей, вследствие чего германские конструкторы могли производить военную технику на зарубежных заводах. Часть боевых самолетов строилась на заводах Хейнкеля, перебазированных после войны в Швецию и Данию, другая часть производилась на предприятиях — филиалах фирмы «Дорнье» в Италии, Швейцарии и Испании⁴. К концу 1929 г. в самой Германии существовало 12 самолетостроительных фирм, 4 фирмы, строившие планеры, 6 авиамоторных, 4 фирмы, выпускавшие парашюты⁵. В 1929 г. была создана новая модель миномета. Примерно в 1931 г. изготовлен танк, явившийся прототипом тех Т-III, с которыми германские танковые дивизии прошли Западную Европу в 1940 г. Дальнейшее развитие этой конструкции дало возможность в 1943 г. начать выпуск танков «тигр»⁶. Велись активные изыскания в области военной химии. Производство военной оптики на предприятиях концерна Цейсса с 1923—1924 гг. до начала 30-х годов возросло в четыре с лишним раза⁷.

Мероприятия по вооружению Германии проводились в глубокой тайне, но общегосударственный курс на всемерное возрождение военно-экономического потенциала был секретом полишинеля. В 1929 г. 13 стран, в том числе Франция, Китай, Испания и Бельгия, сообщили Лиге наций, что Германия является их главным поставщиком оружия и боеприпасов⁸. Впоследствии немецкие монополисты и бывшие гитлеровские генералы и адмиралы признавали, что именно тайная ремилитаризация веймарской Германии создала решающую предпосылку для быстрого роста агрессивной военной мощи Германии после захвата власти фашизмом⁹.

Даже самый краткий анализ практической деятельности империалистических государств в первое послевоенное десятилетие неопровержимо

¹ P. Batt y The House of Krupp London, 1966, p. 144

² T. T a y l o r Sword and Swastika The Wehrmacht in the third Reich London, 1953, p. 53

³ Цит. по W. E r f u r t h Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945 Göttingen, 1957, S. 110

⁴ Д. В у д м а н Германия вооружается Перевод с английского. М., 1935, стр. 84—85

⁵ Германский империализм и милитаризм М., 1965, стр. 307

⁶ P. B a t t y. The House of Krupp, p. 150—151.

⁷ K. S c h u t z l e Reichswehr wider die Nation Berlin, 1963, S. 43

⁸ Р. С э с ю л и ИГ Фарбениндурии Перевод с английского М., 1948, стр. 104.

⁹ «После захвата власти Адольфом Гитлером я (Г. Крупп — Ред.) с удовлетворением мог доложить фюреру, что Крупп готов после короткого периода перевооружения начать перевооружение германского народа без какого-либо перерыва в работе» (P. B a t t y The House of Krupp, p. 145) «Исключая штурмовые орудия, все новое оружие было создано до «прихода к власти», хотя его качество еще нуждалось в улучшении» (E. M a n s t e i n Aus einem Soldatenleben Bonn, 1958, S. 238) «Никогда не было бы возможности в течение немногих лет между 1933 и 1939 гг. создать боеспособный флот, если бы уже в годы Веймарской республики не был создан прочный фундамент» (E. R a e d e r Mein Leben Von 1935 bis Spandau 1955 Bd. 2 Tübingen — Neukar, 1957, S. 15).

доказывает глубокую правоту официального заявления советской делегации на IV сессии подготовительной комиссии Лиги наций по разоружению в ноябре 1927 г.: «...ни количественного, ни качественного роста вооружений не посмеет отрицать никто»¹. Так обстояло дело во всех крупных капиталистических державах, в том числе и в Германии, уже в 20-х годах грубо нарушавшей многие военные статьи Версальского мирного договора.

4. Агрессивный внешнеполитический курс капиталистических государств

В двадцатилетии, разделявшем мировые войны, трудно найти такой год, когда в какой-либо части земного шара не велась война. Самую значительную из них — вооруженную интервенцию против Советского государства — империалистические державы организовали еще до завершения первой мировой войны. Интервенция явилась решающим фактором в развертывании гражданской войны в России. В. И. Ленин отмечал, что именно «всемирный империализм... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...»². Вооруженная интервенция и гражданская война представляли собой ярчайшее проявление классовой ненависти и самую острую форму классовой борьбы империалистической буржуазии, свергнутых в России эксплуататоров против рабочих и крестьян.

Со стороны трудящихся Советской России гражданская война была справедливой, освободительной, законной. За свое право строить социализм им пришлось заплатить дорогой ценой. За три года войны против интервентов и белогвардейцев количество убитых, раненых, умерших от эпидемий и голода лишь по РСФСР составило примерно 8 млн. человек. Огромный ущерб нанесли интервенты уже пострадавшему в годы первой мировой войны народному хозяйству страны.

Поражение, понесенное империализмом в его попытках задушить социалистическую революцию «в её колыбели», еще более разожгло ненависть правящих кругов капиталистических государств к Стране Советов, к рабочему, демократическому и национально-освободительному движению. Эта ненависть проявилась в преступлениях интервентов против Советской России, в кровавых расправах империалистов и их ставленников с поднявшимися на революционную борьбу рабочими и крестьянами Болгарии, Венгрии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Финляндии, Эстонии. Контрреволюционный террор в тех или иных формах проявлялся и во Франции, Соединенных Штатах Америки и многих других капиталистических государствах.

Руководящая роль в происках и действиях контрреволюции повсеместно принадлежала правящим кругам держав — победительниц в первой мировой войне. Главной силой мировой реакции в условиях первых послевоенных лет являлись империалисты Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции. «Демократические свободы» буржуазного мира служили лишь прикрытием диктатуры его властителей.

В эти годы империалисты развязали ряд войн против народов колониальных и зависимых стран, поднявшихся на борьбу за национальное освобождение. Против революции в Турции, свергнувшей власть султана, империалисты принудили выступить Грецию, предоставив ей оружие и финансовую помощь. В 1919 г. Англия начала войну против Афганистана, вставшего на путь национального освобождения. Соединенные Штаты Америки осуществляли непрерывные акты агрессии против стран Запад-

¹ Документы внешней политики СССР, т. X, стр. 517.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 343.

ного полушария. В течение 1918—1919 гг. их войска неоднократно вторгались на территорию Мексики, в Доминиканскую Республику, Гватемалу, Панаму, Гаити. Настоящая война была предпринята Соединенными Штатами Америки в 1926—1933 гг. против законного правительства Никарагуа, возглавлявшегося президентом Х. Сакасой и национальным героем А. Сандино. Испания и Франция в 1921—1926 гг. вели войну против народных масс Марокко, создавших независимую республику Риф, Франция в 1920—1926 гг. выступила против национально-освободительного восстания друзов в Сирии. В 1927 г. началась открытая англо-американская интервенция в Китае, облегчившая контрреволюционный переворот правым кругам гоминьдана во главе с Чан Кай-ши.

Все эти войны и интервенции не заслоняли империалистам их главной цели — уничтожения Советского государства. Бесславное поражение в войне против только что рожденной Республики Советов ничему не научило правящие круги западных стран. Стремясь держать Советскую Россию в постоянном напряжении и препятствовать мирному социалистическому строительству, империалисты прибегали к организации налетов вооруженных банд финских реакционеров — на Карелию, петлюровцев — на Украину, басмачей — на Среднюю Азию. В 1929 г. китайские милитаристы организовали вооруженный конфликт на границах СССР.

Империалисты планировали новую вооруженную интервенцию и рассчитывали осуществить ее совместными усилиями единого антисоветского фронта капиталистических держав. В середине 20-х годов руководящая роль в борьбе за создание такого фронта принадлежала правящим кругам Англии и Соединенных Штатов Америки. В качестве главной ударной силы и орудия всей мировой реакции против социалистического государства предполагалось использовать Германию. Сильная и в то же время находившаяся в зависимости от английских и американских монополий, Германия должна была оправдать их доверие и взять на себя миссию вооруженной борьбы с революционными силами Европейского континента. Между Англией и США сложилось своего рода «разделение труда». Американские банки и монополии взяли на себя главную роль в возрождении тяжелой индустрии и военного потенциала Германии, что и было наиболее важной стороной «плана Дауэса». Английская дипломатия занялась политическим оформлением антисоветского блока.

Германские империалисты хотели получить в награду новые территории. Министр иностранных дел Германии Г. Штресеман пояснил свою позицию в частном письме достаточно откровенно. «Я рассчитываю... — писал он, — получить обратно германские земли на Востоке»¹. Слово «обратно» имело здесь особый смысл, оно отражало мнение империалистов Германии, что им «на Востоке» должны принадлежать все те земли, на которые немецкие завоеватели устремлялись со времен средневековья вплоть до первой мировой войны. Такой курс полностью соответствовал и тайным планам немецкой военщины. Один из типичных ее представителей — генерал Гренер писал тогда в дневнике: «С тех пор как я стал военным министром, все мои помыслы были направлены только к осуществлению одной цели: освобождению страны (под «освобождением» немецкие милитаристы всегда понимали захват соседних земель. — *Ред.*). Ясно, что эту цель я не мог открыто высказать ни для общественности, ни при посещении войск. Такая цель не может быть достигнута быстрым натиском, а только при большом терпении. В трудной парламентской борьбе я стремился поднять рейхсвер на высшую ступень совершенства и в предстоящее время превратить его в боевой инструмент современного способа ведения войны»².

¹ G. Stresemann, *Vermächtnis* Bd II Berlin, 1932, S. 246.

² D. Groener-Geyer, *General Groener Soldat und Staatsmann*. Frankfurt a/M., 1955, S. 272—273.

В целях обмана общественного мнения многоопытная английская дипломатия решила представить создание антисоветского блока как «защиту» капиталистического мира от «советской угрозы», как обеспечение европейской безопасности. В феврале 1925 г. министр иностранных дел Англии О. Чемберлен составил секретную записку, в которой писал, что Советская Россия «нависла, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы — угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная». Он предлагал «определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, именно из-за России»¹. Так обрисовывалась агрессивная сущность предлагаемой им «политики безопасности».

Для практического осуществления намеченной политики в октябре 1925 г. в Локарно (Швейцария) была созвана конференция представителей Англии, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Польши, Чехословакии. Она рассматривалась как политическое продолжение «плана Дауэса». Именно так оценил ее Ф. Келлог, занимавший в то время пост государственного секретаря США. «Конференция в Локарно, — говорил он в конгрессе, — выдающееся достижение, она естественно следовала за работой комитета Дауэса»². Она юридически оформила новую политику вчерашних победителей в отношении Германии.

Соединенные Штаты Америки из тактических соображений не приняли непосредственного участия в Локарнской конференции, но по активности в ее проведении не уступали ведущей державе — Англии. Подлинная роль США была тогда же разоблачена Э. Тельманом: «Американские банкиры не участвуют в Локарно официально. Ни один представитель американской буржуазии не подписал договора. Но американский финансовый капитал, рассматривающий Европу как большую колонию, из которой он может выкачать чудовищные прибыли, весьма деятельно сотрудничал при осуществлении Локарно. В конторах банкиров, крупных промышленников и крупных аграриев представители американского финансового капитала недвусмысленно дали понять, что американский империализм желает Локарно»³.

Между участниками Локарнской конференции имелись острейшие империалистические противоречия. Однако они отошли на второй план перед ненавистью к Советскому Союзу, ставшей лейтмотивом всей работы конференции и ее решений. С полным основанием корреспондент газеты французских коммунистов писал из Локарно: «Дипломатических представителей объединяет только одно: ненависть к большевизму и Советскому государству»⁴.

Выражением антисоветизма явился гарантийный пакт Германии, Бельгии, Франции, Англии и Италии, подписанный в результате Локарнской конференции. Первая его статья устанавливала «сохранение территориального «статус-кво», вытекающего из границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, и неприкосновенность указанных границ...». Вторая статья обязывала эти страны «не предпринимать друг против друга какого бы то ни было нападения или вторжения и ни в коем случае не прибегать к войне друг против друга»⁵. Гарантия соблюдения договора возлагалась на всех его участников.

Таким образом, в гарантийном пакте можно отчетливо видеть характерный для внешней политики Англии, Франции и США совершенно определенный курс. Его смысл заключался в том, чтобы застраховать эти страны от германской агрессии и в то же время открыть для нее путь на

¹ Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959, стр. 43.

² Congressional Record. Vol. 67. Pt. 1. Washington, 1926, p. 906.

³ E. T h ä l m a n n. Locarno der neue Kriegspakt. Berlin, 1925, S. 4.

⁴ «L'Humanité», 6 octobre, 1925.

⁵ Локарнская конференция 1925 г., стр. 485.

Восток, против Советского Союза. Именно этот курс нашел впоследствии отражение в мюнхенском империалистическом сговоре.

Участники Локарнской конференции замыслили агрессивную войну против Советского Союза. Но перед лицом общественного мнения они прибегали к лживой увертке, будто бы речь идет о такой войне, которая будет предпринята Советским Союзом. С большим удовлетворением встретили они выступление министра иностранных дел Германии Г. Штреземана, заявившего, что, если против Советской России начнется война, «Германия не сможет считать себя безучастной и должна будет, несмотря на трудности, выполнить свои обязательства... Германия не сможет избежать войны, если она начнется». И тут же, играя на антисоветских настроениях собравшихся, Штреземан поставил вопрос о вооружении Германии¹. Отвечая ему, О. Чемберлен сказал: «Германия станет союзником всех остальных государств — членов Лиги. Ее сила станет их силой. Ее слабость будет их слабостью. Все остальные государства будут вынуждены оказать помощь Германии, и те, кто разоружил Германию, должны будут опять вооружить ее»². Так Штреземан добился того, чего хотел: обязательств Англии и Франции, за которыми находились и Соединенные Штаты Америки, обеспечить вооружение Германии. А как использовать это вооружение, в какую сторону повернуть жерла орудий — у Штреземана имелись свои соображения, делиться которыми он не собирался.

В Локарно позорную роль сыграли представители Польши и Чехословакии — А. Скшинский и Э. Бенеш, подписавшие арбитражные договоры с Германией. Подлинный смысл соглашений заключался в следующем: вместо гарантии польско-германской и чехословацко-германской границ, как это было сделано в отношении франко-германской и бельгийско-германской границ, решение всех спорных вопросов предоставлялось постоянной согласительной комиссии из представителей обеих сторон и назначенных ими же представителей третьих государств. Таким образом создавались условия для капитуляции буржуазных правительств Польши и Чехословакии, как только Германия вновь приступит к традиционному «дранг нах Остен»³.

Арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией нанесли сокрушительный удар по системе союзов, созданных после первой мировой войны буржуазной Францией не только против Советского государства, но и в интересах своей безопасности от германской агрессии. Пытаясь сохранить эту систему, правительство Франции заключило в Локарно союзные договоры с Польшей и Чехословакией. Договоры предусматривали взаимную помощь, но не против любой германской агрессии, а лишь против неспровоцированного применения Германией оружия в ее отношениях с одной из договаривавшихся сторон⁴. Тем самым отнюдь не исключался «мирный» захват Германией стран Восточной Европы или пропуск через эти страны ее войск для нападения на СССР.

Новоявленные локарнские «миротворцы» были награждены Нобелевской премией мира. В общий хор, прославлявший Локарно, влились и голоса правых лидеров социал-демократических партий. Социалистический рабочий интернационал⁵ объявил Локарнскую конференцию «первым шагом на пути к умиротворению Европы». В противоположность этому XIV съезд ВКП(б) прозорливо отметил, что локарнские «гарантийные дого-

¹ Локарнская конференция 1925 г., стр. 321.

² Там же, стр. 323.

³ «D r a n g n a c h O s t e n» (нем. — натиск на Восток) — лозунг захватнической политики империалистических кругов Германии в отношении народов Восточной Европы, и особенно славян.

⁴ Локарнская конференция 1925 г., стр. 497.

⁵ Социалистический рабочий интернационал — международное объединение социал-демократических партий, созданное в 1923 г.

воры» ...означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»¹.

Ближайшими последствиями Локарно явились критические события 1927 г., когда Англия предприняла серьезную и крайне опасную попытку развязать войну против Советского Союза силами объединенного антисоветского фронта, хотя его формирование было далеко от завершения. Но английских политических деятелей это обстоятельство не смущало. Они считали, что предпринятые ими провокации приведут в действие все враждебные СССР силы и укрепят роль Англии как лидера антисоветского фронта. В том же году в СССР активизировались троцкисты, перешедшие к открытой борьбе против Коммунистической партии и Советского государства.

23 февраля 1927 г. английская дипломатия начала наступление. Она направила Советскому Союзу ноту с вымышленными обвинениями и угрозы разрыва торговых и дипломатических отношений. В апреле китайская полиция с прямого согласия английского и американского послов совершила налет на советское полномочное представительство в Пекине. Спустя месяц английская полиция совершила аналогичный налет на советское торговое представительство в Лондоне и на общество англо-русской кооперативной торговли (АРКОС). 27 мая правительство Великобритании порвало дипломатические отношения с Советским Союзом. По наущению английской реакции 7 июня был злодейски убит в Варшаве советский посол П. Л. Войков. Правительства Англии и США всячески побуждали Польшу к военным действиям против СССР. Американские бизнесмены предоставили Польше крупные средства для закупки вооружения.

Однако решающая роль в планируемой английским империализмом войне против СССР отводилась Германии. После убийства П. Л. Войкова британское министерство иностранных дел запросило министерство иностранных дел Германии, будет ли разрешен проход английских войск через ее территорию на восток. Берлин не спешил с ответом, понимая, что такой проход войск неминуемо втянул бы в войну и немцев². 23 июля 1927 г. Штресеман заявил в рейхстаге, что Германия не намерена участвовать в военном походе против СССР и будет соблюдать нейтралитет.

Подобная позиция Германии была обусловлена, с одной стороны, советской внешней политикой, выразившейся в ряде важных акций, которые противодействовали локарнскому стовору, с другой стороны — столкновениями империалистических интересов. Одним из проявлений этих противоречий были неоднократные заявления германских руководителей в закрытом кругу о том, что они пойдут лишь на такую войну, которая будет выгодна их стране, а не какой-либо иной державе, например Англии. Руководители Франции также заверили Советское правительство в том, что Англии не удастся увлечь их на путь разрыва с СССР.

Англия так и не смогла завершить создание антисоветского фронта и предпринять «крестовый поход» против СССР. XV съезд ВКП(б) в резолюции по отчету Центрального Комитета Коммунистической партии отмечал: «.. правильная политика Центрального Комитета обеспечила в труднейших условиях отчетного периода укрепление международной мощи СССР, повышение роли нашей страны как фактора международного мира, рост авторитета СССР как очага всемирного революционного движения»³.

В условиях мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 г., произошло дальнейшее обострение всех противоречий империализма.

¹ КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 245.

² R u e l l Europe. A History of Ten Years. London, 1929, p. 289.

³ КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 13.

В правящих кругах ряда империалистических держав возник новый план разрешения противоречий за счет Советского Союза путем войны. Расстановка антисоветских сил в лагере империализма претерпела некоторые изменения. В связи с внешнеполитическими поражениями Великобритании антисоветские происки в Европе поспешили возглавить правящие круги Франции. Стремясь создать против СССР политический блок европейских государств, правительство и военное командование Франции развернули активную деятельность в странах Прибалтики, Восточной и Юго-Восточной Европы. Военные миссии Франции систематически посещали эти страны, вели переговоры об унификации вооружения и поставках оружия, о подготовке военных кадров, а также о реорганизации армий. На перевооружение предоставлялись значительные займы. Особыми симпатиями французских империалистов пользовались фашистский диктатор Польши Пилсудский и румынские реакционеры. Польша и Румыния получали наибольшие займы и кредиты на закупку оружия. Большую роль в планах антисоветской войны французские империалисты отводили остаткам белогвардейского отребья, которое спешно приводилось в боевую готовность, переучивалось и вооружалось.

Снова со всей остротой встал вопрос о том, присоединится ли Германия к антисоветскому фронту. Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в докладе на сессии ЦИК СССР в декабре 1929 г. говорил: «...в Германии имеются лица, группы, организации и даже партии, которые ставят своей целью радикальное изменение всей политики Германии в сторону антисоветских махинаций...»¹ Внешняя политика СССР вела активную борьбу за сохранение добрососедских отношений с Германией. Этой борьбе способствовали заинтересованность германских промышленников в торговле с Советским Союзом, а также развитие империалистических конфликтов в связи с французскими планами гегемонии в Европе.

Обострение империалистических противоречий сказывалось и в итало-французских отношениях. Италия предъявляла собственные претензии на участие в руководстве Европой. На этих противоречиях играла английская дипломатия.

Усиленно готовился к войне японский империализм. Подобно германским монополистам, правящие круги Японии вынашивали антисоветские планы, не желая, однако, чтобы их осуществление пошло на пользу США и Англии.

Таким образом, во второй половине 20-х и начале 30-х годов были две антисоветские «военные тревоги»². В 1927 г. английская реакция, а в 1930 г. французская усиленно провоцировали нападение ряда связанных с ними государств на Советский Союз. Совершенно четко обозначилось основное направление политики Англии, Франции и США, рассчитанной на взаимное ослабление Советского Союза и Германии войной между ними, на уничтожение Советской власти. США, Англия и Франция пытались проводить аналогичную линию и в отношении Японии.

Однако благодаря активности миролюбивых сил, прежде всего Советского Союза, в обоих случаях война была предотвращена. Вместе с тем организованные империалистами «военные тревоги» имели тяжкие последствия для дела мира и во многом предопределили развитие событий на пути ко второй мировой войне.

¹ Документы внешней политики СССР, т. XII, стр. 629.

² Выражение «военная тревога» укоренилось в истории международных отношений и дипломатии применительно к событиям 1875 г., когда Германия едва не напала на Францию. Ф. Энгельс посвятил этой «военной тревоге» статью «Официозный вой о войне» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 557—565).

С увеличением экономической и военной мощи Германии, ростом захватнических устремлений ее правящих кругов разрабатывалась и соответствующая программа действий, которую германские руководители даже не считали нужным скрывать. Подводя итог поступавшей обширной информации, заместитель мистера иностранных дел Англии Ванспиттарт 12 мая 1930 г. писал, что германское правительство стремится восстановить свою страну в качестве мировой державы и колониальной империи, присоединить Австрию, перевооружить свою армию и изменить польско-германскую границу¹. Английские политические деятели тешили себя мыслью, что Германия дополнит данную программу планами войны против СССР и этим ограничится. Но, как показало развитие событий, германские империалисты шли гораздо дальше в своих планах борьбы за мировое господство.

Сложную обстановку в Европе, отвлекавшую внимание капиталистических правительств, использовали японские империалисты для того, чтобы подготовить и незамедлительно предпринять войну против Китая, начав ее захватом Маньчжурии. Японское правительство решило прикрыть агрессию антисоветскими лозунгами в расчете на благожелательную позицию своих империалистических соперников. Вторжение Японии в Маньчжурию не было лишь очередной локальной войной, а явилось составной частью тех действий, которые представляли собой новый этап в зарождении второй мировой войны — образование конкретных ее очагов. Предыстория этих событий включает «план Дауэса», конференцию в Локарно и попытки новых антисоветских походов.

5. Идеологическая подготовка империализмом новых войн

Непрерывная гонка вооружений и неизменно агрессивный внешнеполитический курс государственно-монополистического капитализма создавали на нашей планете все более напряженную обстановку. Анализируя ее, В. И. Ленин писал в 1920 г.: «...новые империалистские войны уже готовятся теперешней политикой *в с е х* буржуазных государств, — и не только готовятся сознательно, но и вытекают с объективной неизбежностью из всей их политики...»²

Огромную роль в подготовке новых войн империалисты всех стран отводили идеологии. При этом они не только опирались на исторический опыт эксплуататорских классов, всегда уделявших серьезное внимание идеологической подготовке войны, но и тщательно учитывали некоторые важнейшие особенности новой эпохи, обусловившие значительное возращание роли идеологии в жизни человеческого общества.

В пучину первой мировой войны были втянуты колоссальные людские массы, в том числе и из колониальных стран. В ходе ее трудящиеся ценой бесчисленных жертв подходили к правильному пониманию причин происхождения войны, неоплатной вины мирового империализма за муки и гибель многих миллионов людей, к осознанию своих коренных классовых интересов, ибо, как говорил В. И. Ленин, «война в XX веке в цивилизованной стране заставляет правительства разоблачать самих себя»³.

Всемирно-историческое значение для роста политической зрелости трудящихся всего мира имела победа Великой Октябрьской социалистической революции. Правда о Советской власти проникала в самые глухие уголки нашей планеты. Уже в марте 1920 г. В. И. Ленин с гордостью от-

¹ Documents on British Foreign Policy (далее — DBFP). Second series. Vol. I. London, S. a., p. 603.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 58.

³ Т а м ж е, стр. 210.

мечал: «...нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли»¹. В великой жизненной силе идей марксизма-ленинизма империалисты убедились и на собственном опыте в процессе вооруженной интервенции против молодых советских республик, когда, по словам В. И. Ленина, «путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска»².

Готовя новые войны, империалисты учитывали этот печальный для них опыт. Они, широко используя печатную пропаганду, радио, кино и другие средства массовой информации, по всем направлениям продолжали усердно внедрять идеологию милитаризма, что явилось прелюдией непосредственной идеологической подготовки второй мировой войны.

Вдохновляющему воздействию революционных идей империалистическая буржуазия противопоставила свою идеологию, включая пропаганду милитаризма.

Когда-то буржуазия немало гордилась тем, что в противовес средневековому невежеству и культу грубой силы провозгласила победу разума, идей свободы, равенства и братства. Но эти времена давно остались позади. Органически присущая эпохе империализма реакция во всех сферах общественной жизни утвердилась и в идеологии. «В цивилизованной и передовой Европе, — писал В. И. Ленин еще накануне первой мировой войны, — с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»³.

Но буржуазия не только пытается в самых хитроумных «новейших» формах гальванизировать давно осужденные всеми честными людьми, но столь нужные ей человеконенавистнические идеи угнетателей прошлых времен. Для наиболее эффективного воздействия на сознание народа она, продолжая кичиться своей «объективностью», в действительности идет на прямую фальсификацию исторических событий, свою пропаганду совершенно сознательно основывает на прямом обмане, изощренной, а порой и грубой лжи. Все это убедительно подтверждает справедливость положения, выдвинутого В. И. Лениным еще в 1914 г.: «...буржуазные влияния на рабочих никогда и нигде в мире не состояли только в идейных влияниях. Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»⁴.

Однако, несмотря на антинаучность и ложность основных посылок буржуазной идеологии, было бы серьезной ошибкой недооценивать ее опасность, так как эта идеология насаждается представителями экономически господствующего класса капиталистических государств.

На духовную подготовку народов к войне капиталистами был брошен весь арсенал буржуазной идеологии — взгляды политические и правовые, философские и религиозные, этические и эстетические.

Извращенно истолковывая весь ход развития человеческого общества, не только многие историки, философы, юристы, публицисты, военные теоретики, но и государственные деятели буржуазных стран проповедовали культ войны и армии. В новых условиях повторилась та ситуация, при которой, как писал К. Маркс еще в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «усы и солдатский мундир» провозглашались «высшей

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 177.

² Там же, стр. 125.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 352.

мудростью общества и его наставниками»¹. Особенно рьяно эта проповедь велась в странах, потерпевших поражение в первой мировой войне или считавших себя обделенными.

В Германии популярный в те годы философ О. Шпенглер утверждал, что война вообще есть вечная форма и высшая ценность человеческого бытия и весь смысл существования государства состоит якобы в ведении войн². Это был милитарист-теоретик. А милитарист-практик генерал Г. фон Сект прославлял военщину и агрессию еще более усердно: «Я могу сказать, что милитаризм сделал Пруссию и затем Германию большими и сильными»³.

Культ войны буквально пронизывал фашистскую библию «Майн кампф». А в тайном меморандуме Гитлера, распространенном в 1927 г. монополистом Кирдорфом среди германских промышленных магнатов, ставились все точки над и: «В этом мире последнее решение в экономической борьбе не определяется более или менее значительной деятельностью конкурентов, а, напротив, силой меча... который должен быть брошен на чашу весов»⁴.

В мире найдутся люди, которые и сейчас могут сказать, что ведь это писал нацистский фюрер. Но вот «демократический» министр иностранных дел Штресеман в своих осторожных, но многочисленных высказываниях еще за несколько лет до гитлеровского меморандума неустанно утверждал, что «в конечном счете большие вопросы решались всегда с помощью меча»⁵.

В Японии 20-х годов всячески внедрялась формула «война — отец созидания и мать культуры», широко пропагандировались принципы «Хакко Ити У» и «Кодо»⁶, ставшие, по определению Международного военного трибунала, «символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы»⁷. В учебниках истории, пропагандистских статьях, «научных» трудах широко популяризировались итоги войн, которые японский империализм вел в 1894, 1904 и 1914 гг. В них утверждалось, что Япония должна каждые десять лет испытывать «благодетельный ветер войны» и что источником всех несчастий страны стало отсутствие войны в 1924 г.⁸. Культ войны и армии усиленно насаждался и религией; одним из наиболее распространенных символов синтоизма⁹ являлся меч, и поклонение ему занимало важное место во многих церемониях. Военнослужащим усердно прививалась старинная мораль «бусидо» («путь воина»), воспевавшая верность самураев¹⁰ императору, которая, как считало

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 135.

² О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. Перевод с немецкого. Пг., 1923.

³ Н. Сект. Gedanken eines Soldaten. Berlin, 1929, S. 12.

⁴ «The Journal of Modern History». Vol. 40, 1968, № 3, p. 348.

⁵ Цит. по: W. Руге. Weimar-Republik auf Zeit. Berlin, 1969, S. 143.

⁶ «Хакко Ити У» — «Объединение всех углов мира в одну семью»; «Кодо» — сокращение старинной фразы, которая буквально означала: «Единство императорского пути».

⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 100.

⁸ И. Лемин. Пропаганда войны в Японии и Германии, стр. 38—39.

⁹ Синтоизм (от японского «синто» — путь, учение богов) — древняя религия, обожествлявшая императорскую династию Японии. Наряду с буддизмом она являлась официальной религией в стране с 1868 по 1946 г. Японская военщина накануне второй мировой войны широко использовала синтоизм для воспитания народа в духе милитаризма, крайнего шовинизма и беспрекословного подчинения воле императора.

¹⁰ «Самурай» (от японского «самурау» — служить) тождественно слову «буси» — воин. Этим термином принято называть людей, пронизанных идеологией крайнего расизма и милитаризма, рабски послушных господствующим классам, специализировавшимся на военном грабеже других стран и жесточайшем подавлении народных движений.

командование, «будет решающим условием победы Японии в войне с ее противниками»¹. В проекте наставления по «моральному воспитанию», составленном генеральным штабом, было сказано, что «победа дается только тем, кто проникнут духом преданности императору»².

Позицию итальянского империализма выражал Б. Муссолини. Он публично заявлял, что «фашизм . не верит ни в возможность, ни в пользу постоянного мира »³, ратовал за войну и призывал итальянцев «воспринять дух и свободу империалистического Рима»⁴. Разжигая милитаристский психоз, Муссолини говорил командному составу армии 26 августа 1933 г. «Война может разразиться внезапно, с минуты на минуту, поэтому нужно быть готовым к войне не завтра, а сейчас. Мы всегда были и остаемся прежде всего военной нацией. Поскольку у нас нет страха перед словами, добавим — милитаристской. И дополним — воинствующей нацией!»⁵.

Хотя в Англии и США тогда еще не существовало массовых постоянных армии, милитаристская пропаганда и там приняла значительные размеры. «История показывает, — писал У. Черчилль, — что война — удел человеческой расы. За исключением только кратких и случайных перерывов, на земле никогда не было мира. Когда история еще не начиналась, земля была полна убийственных распрей»⁶.

Одним из важных направлений в идеологической подготовке империализмом новых войн было дальнейшее разжигание национализма и расизма. В ходе первой мировой войны стараниями монополистов, военщины и их ученых прислужников шовинистические страсти в воюющих странах были «разожжены до последней степени»⁷. Они не угасли и с наступлением мира.

Спекулируя на условиях Версальского договора и опираясь на реакционные традиции пруссачества, германские милитаристы вдабливали в голову бюргеров идеи пангерманизма, «богоизбранности» немецкой нации, призванной вернуть себе былое могущество. В марте 1924 г. Штрейземан на съезде германской народной партии в Ганновере говорил, что национальная идея должна быть поднята в сердцах всех немцев и явиться «моральным оружием» в их борьбе за свое будущее⁸. Это было тем более возможно, что немецкий мелкий буржуа, представитель средних слоев, прошел в свое время школу вильгельмовского воспитания, которое всеми средствами вытравляло из сознания немцев демократические идеи, покрывало романтической позолотой все реакционное в истории Германии, насаждало дух высокомерия по отношению к другим народам. От самой глухой деревенской школы до университета немцу твердили «Все величайшие в истории военные подвиги — прусские, все величайшие творения искусства — германские, самые великие изобретения и самые выдающиеся ученые — немецкие, самые сильные гимнасты — немецкие, самая лучшая промышленность — германская, а самые толковые рабочие — немцы»⁹. Именно на этих националистических антиверсальских дрожжах росла нацистская партия, широчайшим образом использовавшая дикий шовинизм и расизм для подготовки народа к новой мировой войне.

¹ 林千治郎 武士道史と皇道関係論, 東京, 大正11年, 154頁。

² 天皇陛下軍の精神教育, 草案, 参謀本部, 昭和1年, 7頁。

³ B. Mussolini, La dottrina del fascismo Milano, 1935, p. 23.

⁴ Цит. по Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник статей. М., 1936, стр. 279.

⁵ Цит. по L. Salvatorelli, G. M. La Storia d'Italia nel periodo fascista Torino, 1961, p. 739.

⁶ В. Черчилль. Мировой кризис, стр. 310.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 158.

⁸ G. Stresemann. Reden und Schriften Bd. 2. Dresden, 1926, S. 176.

⁹ А. А. Буш. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. Перевод с немецкого М., 1962, стр. 193.

В Японии пропагандой национализма и расизма занимались многочисленные военно-фашистские организации, печать, театр, кино. В учебнике «Ниппон синто-рон» («Теория японского синтоизма») утверждалось, что японский император — божество, японцы — раса богочеловеков, все другие люди — существа «пресмыкающиеся», «подобные червям»; японская «священная империя возвышается над всем в мире в своем единственном и недостижимом превосходстве», а все другие государства «эфемерны, как утренняя заря»¹.

Стремясь возбудить великодержавные чувства, Муссолини говорил в мае 1927 г. о «необходимости» создать такую могучую авиацию, чтобы «рев ее моторов смог бы заглушить любой другой шум на полуострове (Апеннинском. — *Ред.*), а тень от ее крыльев заслонила бы солнце над нашей землей. И тогда, в период между 1935 и 1940 годами, когда, как мне кажется, наступит решающий момент в истории Европы, мы сможем заставить выслушать нас и признать, наконец, наши права»².

В хортистской Венгрии усиленно насаждалась своя разновидность расизма — так называемый туранизм, направленный в конечном счете на «обоснование» агрессивных претензий хортистской клики на господство среди народов Дунайского бассейна. Пышным цветом при режиме Пилсудского распустился национализм в Польше.

В своеобразных формах пропаганда шовинизма и расизма велась после первой мировой войны в США, Англии, Франции и других капиталистических странах.

Особое место в идеологической подготовке империализмом новых войн занимала геополитика. Эта реакционнейшая теория порождена империализмом на заре его истории. Ф. Ратцель в Германии, Г. Маккиндер в Англии, А. Тайер Мэхэн в США, Ю. Челлен в Швеции еще на рубеже XIX—XX веков заложили основы геополитики. Таким образом, как справедливо подчеркивается в марксистской литературе, геополитика — это межгосударственное явление эпохи империализма³.

После первой мировой войны геополитические взгляды особенно усиленно пропагандируются в Германии; издается специальный журнал «Цайтшрифт фюр геополитик», выходят в свет книги А. Дикса, О. Мауллы, А. Грабовского, Н. Кребса, К. Хаусхофера⁴. Первое место среди этих проповедников агрессии принадлежало, бесспорно, бывшему генералу кайзеровской армии, а затем профессору географии Мюнхенского университета Хаусхоферу, который помог превратить геополитику в составную часть фашистской идеологии. Через своего бывшего адъютанта и ученика Р. Гесса он устанавливает контакт с Гитлером с самого начала нацистского движения, затем посещает его в Ландсбергской тюрьме и оказывает на него сильное влияние. Именно от Хаусхофера была воспринята Гитлером идея завоевания Германией «жизненного пространства»⁵, ставшая одной из первооснов национал-социалистского мировоззрения и сыгравшая зловещую роль в идеологической подготовке фашистской агрессии.

¹ Цит. по: А. Демиденко. Расизм на службе империализма. М., 1954, стр. 10.

² B. M u s s o l i n i. Scritti e discorsi. Vol. VI. Milano, 1934, p. 72.

³ Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. Перевод с немецкого. М., 1960, стр. 79.

⁴ A. D i x. Politische Geographie. Weltpolitisches Handbuch. München und Berlin, 1922; O. M a u l l. Politische Geographie. Berlin, 1925; A. G r a b o w s k y. Deutschland und das Weltbild der Gegenwart. Berlin, 1928; N. K r e b s. Deutschland und Deutschlands Grenzen. Berlin, 1929; K. H a u s h o f e r. Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Berlin, 1924; K. H a u s h o f e r. Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Berlin, 1927.

⁵ A. D o r p a l e n. The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. New York — Toronto, 1942, p. 17.

Геополитические взгляды как средство «оправдания» подготовки войны распространялись и в других странах. Японская доктрина «сферы взаимного процветания» была нацелена на захват всей Азии. Муссолини заявлял, что фашистская Италия «должна расшириться или задохнуться»¹. В хортистской Венгрии в печати, по радио, в устной пропаганде звучал лозунг, призывавший к пересмотру условий Трианонского договора, ревизии послевоенных границ².

Для разжигания милитаристских чувств в Германии велась широкая и разнообразная колониальная пропаганда. Лишившись заокеанских владений, германские монополисты делали все возможное, чтобы подготовить население страны к борьбе за возврат потерянных и приобретение новых колоний. Ведущую роль в этой поджигательской деятельности играли возвратившиеся из колоний германские предприниматели, дельцы, чиновники, военные; по данным на 1921 г., их число достигало 200 тыс.³.

Главным центром колониальной пропаганды было существовавшее еще с 80-х годов XIX века «Германское колониальное общество». В 1926 г. оно имело 250 отделений в городах страны и насчитывало 30 тыс. членов; во главе его стояли бывший губернатор Германской Восточной Африки депутат рейхстага Г. Шнее и активный колониальный делец Т. Зейтц⁴. Это общество было окружено широко разветвленной сетью дочерних колониальных организаций. Вскоре после первой мировой войны создаются «Германское общество участников колониальной войны», «Союз памяти колониальных воинов», «Колониальнохозяйственный комитет», «Колониальный союз германских националистов», «Женский союз Красного Креста для немцев, проживающих в колониях», «Объединение для германских поселений и путешествий». Осенью 1922 г. они вошли во вновь созданное «Колониальное имперское объединение».

Все эти «общества» и «союзы» вносили свою посильную лепту в подготовку новой войны. Уже в 1920 г. под воззванием с требованием возврата колоний было собрано около 4 млн. подписей⁵. В Рендсбурге специальная школа подготавливала немецких девушек к жизни в заокеанских странах⁶. Для колониальной пропаганды широко использовалась пресса, применялись порой самые неожиданные средства, вплоть до изготовления и распространения специальных подставок для пивных кружек, снабженных колониальными лозунгами. В 1928 г. колониальные объединения, предпринимательские хозяйственные союзы опубликовали «Всеобщую германскую колониальную программу», подписанную руководящими представителями германского монополистического капитала. В ней открыто выдвигались требования передела мира.

Почти все буржуазные партии Веймарской республики в своих программах заявляли о необходимости признать права Германии на экономическую и политическую деятельность в колониях⁷. В сентябре 1924 г. в ноте Совету Лиги наций правительство Веймарской республики выдвинуло требование вернуть ей колонии как предварительное условие вступления Германии в Лигу наций, а через три месяца в новом меморандуме этого правительства говорилось, что Германия имеет виды на терри-

¹ «New York Times», July 24, 1926.

² G o d ó A., S z t á n a B. A Horthy-rendszer katonai ideológiája, 26. old.

³ В. Ш е т ц е л ь. Политические итоги мирных договоров (1919—1925 гг.). М. — Л., 1926, стр. 55.

⁴ W. S c h m o k e l. Der Traum vom Reich. Der Deutsche Kolonialismus zwischen 1919 und 1945. Gütersloh, 1967, S. 16.

⁵ Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten, Gedanken und Gestalten aus den letzten fünfzig Jahren. Leipzig, 1938, S. 489—490.

⁶ W. S c h m o k e l. Der Traum vom Reich, S. 16.

⁷ Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Bd. 3. Berlin, S. a., S. 96, 103, 105, 108, 110.

тории, находящиеся в подмандатном управлении¹. Немецкие правящие круги стремились привлечь на свою сторону симпатии народов Востока, выдвигая демагогические лозунги: «Германия и Восток, обманутые Версалем», «Германия и Восток — жертвы империалистического произвола»².

На протяжении всего первого послевоенного десятилетия колониальная пропаганда велась также в Италии и Японии. В Англии, Франции, США наряду с этим осуществлялись меры по удержанию колоний, вплоть до вооруженной борьбы против народов, пытавшихся вырваться из-под ига колониализма. А когда положение колонизаторов осложнялось, они — уже в 20-е годы — прибегали к организации коллективного колониализма. Примером этого может служить координация усилий и взаимная помощь Франции и Испании в удушении республики Риф в 1925—1926 гг.³.

В идеологической подготовке империализмом новых войн большое место занимала фальсификация истории, истории первой мировой войны в особенности. Империалисты, учитывая все возрастающее значение исторических знаний для формирования сознания народа, во всех странах капитала широким фронтом вели работу по использованию истории для политических нужд дня.

Прежде всего германские империалисты стремились искоренить из народного сознания революционные воспоминания и традиции. Немецкая буржуазная историография имела в этом позорном деле немалый опыт. Ведь именно она нарекла славный 1848-й «безумным годом» («Das tolle Jahr»). В 50-е и 60-е годы XIX века, по оценке К. Маркса, «реакции в Германии удалось совершенно вытравить воспоминания о 1848—1849 годах»⁴. Еще большую волну ненависти вызвала у империалистов Ноябрьская революция 1918 года. Оклеветать, извратить ее сущность и роль в истории страны, представить революцию как «стихию безумия», заставить забыть, любыми путями вытравить революционные традиции у широких кругов трудящихся, сохранить и укрепить милитаристские традиции — таково было стремление реакционных немецких историков. «Gegen Demokraten helfen nur Soldaten» («против демократов помогают только солдаты») — вот главное правило, основной принцип «исследования» истории немецкими реакционерами начиная с 1848 г. и до наших дней.

Милитаристским реваншистским духом были пронизаны исторические изыскания, касающиеся любого периода немецкой истории. Известный историк Г. Риттер писал о Мартине Лютере, что «он — это мы сами: вечный немец». При анализе эпохи освободительных войн начала XIX века Риттер недвусмысленно пытался призвать немцев к такой же решительной борьбе против капиталистических конкурентов и в современных условиях. С особым усердием немецкие историки изучают эпоху Бисмарка. В 1919 г. выходит в свет третий том «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка, с 1924 г. издаются его «Собрания трудов»; широко публикуются мемуары других политиков, дипломатов, военных деятелей тех времен, а также исследования и статьи. Весь этот поток литературы должен был, с одной стороны, убедить широкие массы в правильности воинственной политики «железного канцлера» и германского империализма в целом, а с другой — всемерно возбудить националистические чувства. И совершенно не случайно тот же Риттер доклад о Бисмарке в 1928 г. закончил словами: «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt» («Германия, Германия превыше всего, превыше всего в целом мире»).

¹ Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten, Gedanken und Gestalten aus den letzten fünfzig Jahren, S. 500.

² G. G l a s n e c k, J. K i r c h e i s e n. Türkei und Afganistan — Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968, S. 179.

³ W. H a r r i s. France, Spain and the Rif. London, 1927, p. 203.

⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 32, стр. 496.

В эпицентре идеологической борьбы находилась история первой мировой войны, особенно вопрос о ее виновниках. Общую линию империалистов охарактеризовал в 1927 г. американский исследователь Г. Ласвель: «Не должно быть колебаний по отношению к тому, кого нужно ненавидеть. Причиной войны не должны выставляться ни мировая система управления международными делами, ни тупость и недоброжелательство правящих классов, но исключительно хищнические инстинкты неприятеля. Преступность и простодушие должны быть разграничены географически, причем вся преступность должна находиться по ту сторону границы»¹.

Именно по этому рецепту страны-победительницы записали в Версальском договоре, что единственной виновницей войны 1914—1918 гг. является Германия (немецкой делегации было заявлено, что данный вопрос не подлежит дискуссии). Выступая в марте 1921 г. в Лондоне, Ллойд-Джордж говорил: «Для союзников германская ответственность за войну является основным положением. Это — базис, на котором воздвигнуто здание Версальского договора. Если это положение будет отклонено или если тут будет сделана уступка, договор окажется разрушенным. Мы желаем поэтому уяснить раз и навсегда, что союзники должны рассматривать германскую виновность как установленный факт»².

Конечно, это решение противоречило истине, потому что организаторами первой мировой войны были империалисты всех стран. Но и немецкие буржуазные историки и политики, выступая против тезиса Версальского договора о виновности Германии, боролись не за истину, а за оправдание германского империализма и создание идеологических предпосылок для подготовки им новых войн. К. Каутский писал в 1920 г., что «Германия не планировала войны» и «пыгалась избежать ее»³. Президент Гинденбург в 1927 г. говорил, что «война была для нас крайним средством самозащиты всего народа от врагов в мире посредством тяжелых жертв. С чистым сердцем мы выступили на защиту отечества, и чистыми руками немецкое войско владело оружием»⁴. Таким образом, создавался своеобразный единый фронт от правых социал-демократов и буржуазных историков до престарелого фельдмаршала. Все они пытались представить германский империализм в виде непорочного агнца и всю ответственность за мировую войну переложить либо на Россию, либо на Францию и Англию.

Через три с половиной месяца после прихода Гитлера к власти официальный нацистский журнал откровенно писал: «Не следует забывать, что германская историческая наука предприняла борьбу против Версальского договора. Ее задача — выковырять историческое оружие против лжи о виновниках войны, относительно «коридора» и Верхней Силезии, за присоединение Австрии и для борьбы за Рейн»⁵. Это заявление нельзя рассматривать лишь как изложение взглядов фашизма на роль истории. В нем не только ставились задачи перед германской исторической наукой, но и был брошен ретроспективный взгляд на деятельность историков в период Веймарской республики. Большинство их в 20-е годы, выполняя социальный заказ германского империализма, все усилия сосредоточили на том, чтобы распороть по всем швам Версальский договор, воспитать немцев в духе национализма, шовинизма и реваншизма.

¹ Г. Л а с в е л ь. Техника пропаганды в мировой войне. Сокращенный перевод с английского. М. — Л., 1929, стр. 55.

² Цит. по: А. W e g e r e r. Die Widerlegung der Versailler Kriegsschuldthese. Berlin, 1928, S. 112.

³ К. К а у т с к и й. Delbrück und Wilhelm II. Ein Nachwort zu meinem Kriegsbuch. Berlin, 1920, S. 37.

⁴ Цит. по: W. H u b a t s c h. Hindenburg und der Staat. Bd. I, S. 105.

⁵ Цит. по: А. Е р у с а л и м с к и й. Германский империализм: история и современность. М., 1964, стр. 351.

Широко развернутая антивоенская пропаганда по вопросу о виновниках войны сочеталась со столь же лживой трактовкой причин печального для Германии исхода войны. Поражение страны приписывалось пресловутому «Dolchstoß» («кинжал в спину»), якобы всаженному левыми силами.

Культивируя миф о непобедимости германской армии и правоте генерального штаба, о гениальности полководцев Гинденбурга и Людендорфа, реакционная немецкая историография вносила свой немалый вклад в подготовку новой мировой войны. Об истинном характере работ историков веймарской Германии один из видных идеологов германского империализма — генерал Кейм откровенно писал в конце 1920 г.: «Старый милитаризм... мы не в состоянии возродить. На этот счет не надо себя обманывать. Но подлинный военный дух мы должны лелеять и растить. Дух Танненберга, который вел нас к победе в бесчисленных боях, — тот дух, который в августе 1914 г. воодушевлял всех немцев и теперь еще воодушевляет многие сотни тысяч соотечественников... Для этого следует непрестанно напоминать народу, во всех его слоях, о героических воинских подвигах мировой войны, воплощающих истинную германскую доблесть»¹.

Возрождение милитаризма в Германии началось прежде всего с воссоздания и широкого распространения его идеологии и традиций в государственном аппарате, школе, рейхсвере. Как свидетельствует генерал Мюллер, работавший в 20-е годы в военно-политическом отделе министерства рейхсвера, «традиции в Веймарской республике культивировались ради подготовки к реваншу»². Значительная часть работников немецкой культуры и науки, в том числе и исторической, сыграла крайне неблагоприятную роль по отношению к своему и другим народам, поддерживая, разрабатывая и насаждая милитаристские традиции и идеологию. Если о прусском учителе говорили, что он выиграл сражение за создание германской империи при Бисмарке, то реакционные авторы периода Веймарской республики несут большую ответственность за то, что они идеологически подготовили молодежь для агрессии против других народов, для бесчисленных жертв мировой войны.

Пропаганда культа войны, разжигание националистических страстей, реваншизма, попытки геополитического «оправдания» агрессивных вождедений, фальсификация истории в милитаристских целях — все это не представляло чего-либо совершенно нового. Подобные приемы идеологической подготовки войн в той или иной форме, в том или ином масштабе применялись всеми эксплуататорскими классами и ранее. Характерным для межвоенного периода было то, что пропаганда войны стала еще более откровенной и навязчивой, резко возросли ее масштабы и размах, значительно усовершенствовались ее технические возможности.

Одно из существенных различий в империалистической пропаганде до первой мировой войны и после нее состояло в том, что буржуазная пропаганда все в большей мере прибегала к демагогии, к бездоказательным обещаниям, лишь бы увлечь массы за собой, не обращая внимания на то, что ее элементы не были не только в логической связи между собой, но даже противоречили друг другу. Видный буржуазный исследователь истории германского фашизма В. Хофер писал: «Неясность в программных положениях позволила национал-социалистам одновременно выступать и в антикапиталистическом и в антипролетарском облачении, изображать себя в качестве силы одновременно реставраторской и революционной, называть себя националистами и одновременно социалистами.

¹ «Monatshefte für Politik und Wehrmacht», 1920, Dezember, S. 561—562.

² В. М ю л л е р. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. Перевод с немецкого. М., 1964, стр. 140.

В результате партия (гитлеровская.— *Ред.*) сумела приобрести себе союзников в различных социальных слоях немецкого народа»¹.

В системе идеологической подготовки войны в межвоенный период появилось качественно новое направление — антикоммунизм, антисоветизм. Оно сразу же стало главным, доминирующим во всей идеологической подготовке войн и охватило все без исключения империалистические страны.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции и всемирно-исторических побед молодой Советской власти буржуазия была смертельно «запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения...»². Безраздельно господствуя многие столетия, буржуазия в гуле вооруженного восстания в Петрограде, в победном марше красноармейских полков впервые расслышала звуки похоронного колокольного звона для себя как класса. И с этого момента она страстно желала уничтожения Советской власти, мирового большевизма. Б. Колби, государственный секретарь США в 1920—1921 гг., откровенно заявил в начале 30-х годов, что американская политика непризнания Советского государства с самого начала «была основана на определении России враждебным государством»³. А в мае 1931 г. он разъяснял в печати: «Когда я говорю о России как о «враждебном государстве», я утверждаю только то, что свободно признавалось и нигде не отрицалось»⁴. У. Черчилль, заявляя в ходе дебатов в английском парламенте в 1926 г., что надеется дожить до того дня, когда в России будет свергнута Советская власть и создано «цивилизованное правительство»⁵, выразил заветную мечту не только свою, но и мировой империалистической буржуазии. Черчилль в данном случае высказал лишь то, что давно уже было сокровенной мечтой также и его единомышленников, которые не только рассуждали, но и начали конкретную расстановку сил для осуществления антисоветских планов.

15 января 1920 г. командующий американскими оккупационными войсками в Германии генерал Г. Аллен записал в дневнике: «Германия является государством, наиболее способным успешно отразить большевизм». Далее он недвусмысленно расшифровывает свое понимание этого «отражения»: «Расширение Германии за счет русской территории на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряженность их отношений с Западной Европой»⁶.

Такой «социальный заказ» англо-франко-американских империалистов полностью соответствовал мировому антикоммунизму, антисоветским планам германской военщины. Буквально на второй день после Ноябрьской революции — 10 ноября 1918 г. — канцлер Эберт по телефону договаривался с верховным главнокомандованием сухопутных войск о совместных действиях против большевизма и леворадикальной части германского рабочего класса⁷. В тот же день фельдмаршал Гинденбург специальной телеграммой потребовал от офицеров и солдат принять все меры для того, чтобы «воспрепятствовать распространению террористического большевизма»⁸. О «необходимости» борьбы с коммунизмом генерал Гренер

¹ «Jahrbuch der deutschen Geschichte». Bd. IV. Abschnitt 4. Konstanz, S. a., S. 14.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 85.

³ U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 2nd Session of the 72nd Congress. March 1, 1933, vol. 76, Washington, 1933, p. 5486.

⁴ Цит. по: Г. Цветков. Шестнадцать лет непризнания. Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971, стр. 7.

⁵ «Times», June 21, 1926.

⁶ H. Allen. Mein Rheinland - Tagebuch. Berlin, 1923, S. 51.

⁷ O. Schüdderkopf. Das Heer und die Republik, S. 14.

⁸ E. Volkman. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. Berlin, 1925, S. 315—316.

писал Гинденбургу в 1923 г.¹. 15 марта 1929 г. Гитлер заявил: «Каждый офицер должен знать, что марксизм разрушил старую империю»². В феврале 1930 г. начальник войскового управления генерал фон Хаммерштейн писал: «Рейхсвер решительным образом ведет борьбу против линии коммунизма, третьего интернационала»³.

В общем антисоветском хоре слышался голос и японских милитаристов. В 1928 г. Алкава Такахару написал книгу «О современных идеях в армии», которая легла в основу идеологической обработки японского солдата. В этой книге автор утверждал, что теперь уже невозможно полностью оградить армию от идей социализма и коммунизма и поэтому воспитатели армии должны «смело вступить в столкновение с Марксом и расправиться с коммунистами»⁴.

Мировая буржуазия стремилась любыми путями как можно быстрее уничтожить нарождающийся социалистический мир. На это прежде всего и была направлена ее экономическая, политическая, военная и идеологическая деятельность.

В области идеологии первая заповедь империалистов заключалась в том, чтобы не допустить в свои страны «идейной заразы большевизма», скрыть от народа самый факт успешного практического осуществления идей научного социализма. Буржуазия когда-то пыталась игнорировать появление марксизма. Тогда эта попытка провалилась. Но обреченные классы, как правило, плохо внимают урокам истории. Империалисты «заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности»⁵.

Но, как известно, идеи путешествуют без виз, и, несмотря на все препоны, правда о Советах доходила до трудящихся капиталистических стран. На борьбу с идеями социализма буржуазия мобилизовала все, что только могла: прессу, кино, радио, театр, литературу. И везде была ложь, везде буржуазная печать «в миллионах экземпляров своих изданий поливала большевиков отвратительными клеветами...»⁶, «нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы»⁷. Но пожалуй, наиболее излюбленными были утверждения о «красном милитаризме». В январе 1921 г. народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин вынужден был послать всем советским дипломатическим представителям за границей телеграмму о том, что «кампания лжи по поводу наших якобы агрессивных намерений против наших соседей становится настолько необузданной, что мы не можем продолжать относиться к ней равнодушно, а действительная цель подстрекания против нас мирно живущих в соседстве с нами народов становится все более очевидной»⁸.

По мере успехов Советской власти размах клеветнической кампании еще более возрастал. В интервью сотруднику Российского телеграфного агентства (РОСТА) в июле 1925 г. Г. В. Чичерин говорил как о типичнейшем явлении противостоявшего нам политического лагеря — о вошедших в систему и превратившихся в ремесло подлогах. Они были составной частью кампании лжи и клеветы, развернутой против СССР его противниками и сделавшейся в эти годы особенно ожесточенной. В интервью перечислялось 20 фальшивок, обнаруженных за короткое время, и на основе

¹ O. S c h ü d d e k o p f. Das Heer und die Republik, S. 184.

² I b i d., S. 283.

³ Цит. по: К. S c h ü t z l e. Reichswehr wider die Nation, S. 61.

⁴ Цит. по: И. Л е м и н. Пропаганда войны в Японии и Германии, стр. 108.

⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 301.

⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 293.

⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 396.

⁸ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 462—463.

неопровержимых фактов делался вывод о том, что связанные с правительствами органы большей частью совершенно сознательно пользовались подобными фальсификациями и оплачивали их ¹.

Лидеры правых социалистов продолжали верно служить своим хозяевам-империалистам. В резолюции Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) летом 1927 г. отмечалось, что «идейную подготовку войны против СССР наряду с буржуазией берет на себя и так называемая международная социал-демократия вместе с «ультралевыми» ренегатами коммунизма: всемерное дискредитирование СССР как государства; клевета о перерождении, кулацкой политике... и бонапартизме; крики о «красном империализме», о якобы поджигательской роли СССР, который «виновен» в нарушении мира, заботливо «охраняемого» Лигой наций... — все это должно служить *прикрытием и оправданием* классовой войны империалистской буржуазии против пролетарского государства и отвлечь рабочих Европы от выполнения пролетарского долга защиты всеми мерами СССР»².

Что же касается входивших в социал-демократические партии рабочих, то значительная их часть не поддерживала внешнеполитического курса своих правых лидеров и занимала позитивную позицию в вопросах защиты мира. Антивоенные выступления рабочих — социал-демократов вливались в общее русло борьбы за сохранение мира.

* * *

Итак, едва завершилась первая мировая война, как международный империализм стал угрожать человечеству новой мировой войной. Эта опасность порождалась как обострением всех противоречий капитализма в период его общего кризиса, усилением неравномерности развития, так и обусловленным самой природой империализма его реакционным внутривнутриполитическим и агрессивным внешнеполитическим курсом, ростом вооружений, милитаристской идеологией. Систематическая пропаганда антикоммунизма во всех капиталистических странах в огромной степени способствовала созданию милитаристского угара. Именно в атмосфере, отравленной духом антикоммунизма, могло появиться такое чудовищное общественное явление, как фашизм. Ныне всему миру известно, какую роковую роль сыграли идеи антикоммунизма в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Практическую подготовку войны за новый передел мира империалисты фактически начали сразу же после окончания первой всемирной вооруженной схватки. «Война окончена, да здравствует новая война!» — вот девиз государственно-монополистического капитализма.

¹ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 17 июля 1925 г.

² КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 466.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФАШИЗМ — НАИБОЛЕЕ МРАЧНОЕ ПОРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Социально-политические корни фашизма и пути его прихода к власти

Фашистские движения и режимы возникли после первой мировой войны как выражение стремлений наиболее реакционных, шовинистических кругов финансового капитала к открытой террористической диктатуре. Эта тенденция была прослежена В. И. Лениным задолго до появления первых фашистских групп и диктатур, когда еще и понятия «фашизм» не существовало. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» он раскрыл закономерности, присущие государственно-монополистическому капитализму, которые ведут к подобным диктатурам, показал неразрывную связь усиления государственной машины империализма с неслыханным ростом ее чиновничьего и военного аппарата для репрессий против пролетариата и широких народных масс как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах. Характеризуя империализм как последнюю стадию капитализма, Ленин писал: «Всеобщее увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени»¹.

Фашизм — это детище общего кризиса капитализма, кризиса всей социально-экономической, политической и идеологической структуры буржуазного общества. Монополистическая буржуазия, а в ряде случаев и немонополистическая, опасаясь за судьбы своего классового господства, видела в фашизме ту силу, которая должна расправиться с революционными массами, и прежде всего с рабочим классом². Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве отметило, что «фашизм усиливает свою активность в момент обострения кризиса империализма, когда возрастает стремление реакции применять методы грубого подавления демократических и революционных сил»³.

При быстром развитии и обострении кризиса «верхов», с одной стороны, и возрастающей мобилизации и революционной решимости «низов» — с другой, государственная власть буржуазии становится шаткой. В такой момент создается обстановка, когда господствующие классы уже не в силах управлять по-старому, а рабочий класс и его союзники еще не готовы предпринять решительные совместные действия для выхода

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 407.

² Ныне даже некоторые буржуазные исследователи вынуждены открыто признать, что «фашизм развивался как противовес угрозе социализма в промышленных странах» (S. W o o l f (Ed.). European Fascism. London, 1968, p. 3).

³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, стр. 322.

из кризиса революционным путем. Господствующий класс, чтобы укрепить свою власть, прибегает к методам террористической диктатуры, одну из разновидностей которой и представляет собой фашизм. Конечно, ставка на фашизм — политический риск, но правящие круги, как доказывает опыт, идут на такой риск.

Фашизм — это террористическая диктатура монополистического капитала. Ее цель — укрепление классового господства крупной буржуазии, предотвращение революционного взрыва, подавление рабочего класса и его организаций.

Фашистские движения и диктатуры возникли в 20-е и 30-е годы в тех странах, где влияние общего кризиса капитализма было особенно сильным и назревало его разрешение революционным путем.

В эпоху империализма происходит самое тесное и сложное переплетение интересов и связей монополий, банкового капитала не только в национальном, но и в международном масштабе. Фашизм везде и всюду, где он получал распространение, выступал под флагом шовинизма. Но его стремление к мировому господству не препятствовало международным связям монополистов. Монополии фашистских государств состояли в бесчисленных картельных соглашениях с крупнейшими монополиями других капиталистических стран, особенно с теми из них, которые носили международный характер.

Тесные экономические связи монополий порождали политическое, дипломатическое и военное сотрудничество фашистских правительств с правительствами других буржуазных государств.

В области идеологии и пропаганды единство классовых интересов монополистов проявилось в том, что кровавые расправы фашистов со всеми, кто противился их произволу, не осуждались, а восхвалялись политическими деятелями и печатью «демократических» государств. Этим же занимался и Ватикан. Римский папа Пий XI заявил в 1929 г.: «Муссолини ниспослан нам провидением; это человек, свободный от политических предрассудков либерализма»¹.

Фашистское движение до захвата власти — это терроризм, нелегальные боевые организации, антипарламентаризм, национальная и социальная демагогия. После установления фашистской диктатуры — это устранение с политической арены всех других партий и в особенности беспощадная ликвидация всех рабочих организаций, режим террора, «тоталитарное» государство.

В. И. Ленин отмечал, что существует совершенно определенное полицейское правило, которое выражается в следующем: «Против народной революции, против классовой борьбы нельзя опираться на полицию, надо опираться тоже на народ, тоже на классы»². Иначе говоря, реакция всегда пытается кроме полиции и армии создать себе более или менее широкую социальную опору, привлекая на свою сторону деклассированные элементы, чтобы формировать из них ультраправые организации и вооруженные отряды.

Фашизм создал себе массовую социальную базу, применяя методы демагогии и обмана. Ложь сопутствовала фашистским диктатурам на протяжении всей их истории, отмеченной преступлениями и кровью. Широкое использование фашизмом социальной демагогии³ отличало его

¹ Цит. по: У. Ф о с т е р. Очерк политической истории Америки. Перевод с английского. М., 1955, стр. 573.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 333.

³ Только за 1928 г. гитлеровцы провели в Германии 20 тыс. собраний и демонстраций, а в 1929 г. это число почти удвоилось, так что ежедневно по стране проводилось в среднем 100 собраний нацистов (K. S c h e e l. Krieg über Ätherwellen. Berlin, 1970, S. 21).

в известной мере от других буржуазных партий. Если последние, как правило, замалчивали кризис капиталистической системы, то фашисты «смело» критиковали ее, предлагали свой выход из кризиса и даже демагогически заявляли о ликвидации классов и классовых различий, о введении социального равенства.

Гитлер в книге «Майн кампф» писал: «Национал-социалистское государство не знает «классов». Оно в политическом отношении знает только граждан, пользующихся совершенно одинаковыми правами и несущих одинаковые обязанности»¹. Фашистские главы поносили «плутократов», обещали ликвидировать «процентное рабство», навсегда покончить с экономическими кризисами и безработицей. Спекулируя на стремлении масс к социализму, фашизм называл себя революционным, социалистическим движением — «национал-социализмом».

Фашистская демагогия оказывала тлетворное влияние на определенные слои общества, прежде всего на те, которые испытывали тяжелые последствия наступления крупного капитала, экономических кризисов: мелкую и среднюю буржуазию, безработных и люмпен-пролетариев, утративших перспективу и отчаявшихся людей.

В фашистскую партию шли прислужники контрреволюции: чиновничество, военщина, полицейские агенты и провокаторы, охранники и жандармы. Но не только они составляли социальную базу фашизма. Фашизм сумел опутать своими сетями сравнительно широкие слои мелкой буржуазии и часть рабочих. Некоторое представление о социальной базе фашизма можно получить из официальных данных состава гитлеровской партии. В 1930 г. в рядах германских нацистов состояло: «самостоятельных хозяев» (владельцев промышленных и торговых предприятий, банкиров, монополистов и кулаков) — 20 процентов (всего состава партии), крестьян — 11 процентов, крупных чиновников — 13 процентов, служащих (главным образом бывших военных) — 21 процент. Промышленные рабочие составляли в 1930 г. лишь 20 процентов фашистской партии, в то время как их удельный вес в обществе составлял 45 процентов².

Буржуазная демократия казалась фашистам опасной, и они, готовя войну, с неистовством обрушивались на ее институты. В угоду промышленным и финансовым акулам, организовавшим военное производство, фашизм ввел систему государственного регулирования, аналогичную той, которую проводили правительства воевавших капиталистических стран в годы первой мировой войны. Осуществление регулирования производства и распределения представляло собой дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма, создание военной экономики.

Захватывая власть и выполняя социальный заказ буржуазии, фашисты старались прежде всего истребить передовую часть рабочего класса, разгромить его организации.

Фашистские главы задолго до второй мировой войны планировали дальнейшее усиление репрессий и расправ, так как они знали, что население их стран войны не хочет и придется столкнуться с сильным антивоенным движением. Главный палач гитлеровской Германии — Гиммлер в одном из своих выступлений перед руководителями офицерского корпуса фашистского вермахта откровенно заявил: «В предстоящей войне мы будем иметь не только сухопутный фронт на земле, морской фронт на воде, воздушный фронт в небе, мы будем иметь еще и четвертый театр войны внутри Германии. Это та основа, из которой мы должны исходить»³.

¹ A. H i t l e r. Mein Kampf. München, 1933, S. 465.

² H. S c h u m a n n. National-Sozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover — Frankfurt a/M., 1958, S. 35; S. L i p s e t. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960, p. 148.

³ Archiv des Deutschen Instituts für Militärgeschichte, Bd. 77, S. 852.

Характерная черта фашизма — грубое беззаконие, бесчеловечные расправы с трудящимися массами, противниками фашистского режима, поборниками сохранения мира. Фашизм всюду опирался на национализм, шовинизм, расизм, а в ряде стран и на реваншизм. Не случайно фашистские диктатуры утвердились именно там, где национальное чванство, проповедь ненависти к другим народам больше всего оказывали пагубное влияние на политическую жизнь и идеологию и где все эти черты, подогретые поражением в первой мировой войне, породили шовинизм.

Марксистские партии дали точную характеристику классовой сути фашизма с момента его появления. V конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в 1924 г., записал в своей резолюции: «Фашизм является одной из классических форм контрреволюции в период развала капиталистического строя и пролетарской революции — особенно там, где пролетариат, борясь за власть, но не обладая революционным опытом и не имея революционной руководящей классовой партии, не смог организовать пролетарской революции и довести массы до установления пролетарской диктатуры.

Фашизм представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом... Питательной средой для его корней являются, главным образом, те средние слои буржуазии, которые капиталистический кризис обрекает на гибель, а также элементы, деклассированные войной, как бывшие офицеры и пр., отчасти даже некоторые элементы пролетариата, горько разочаровавшиеся в своих надеждах на революцию и озлобленные»¹. Это было обобщением событий, происходивших в Италии.

Летом 1935 г. VII конгресс Коммунистического Интернационала решительно выступил против недооценки фашистской угрозы как в отдельных странах, так и во всем мире. Конгресс с большой тревогой отмечал, что фашизм превратился в угрозу международную, что фашизм — это наиболее опасный и наиболее жестокий враг, с которым когда-либо сталкивалось международное рабочее и демократическое движение. Мобилизуя коммунистов против всякой недооценки фашизма, конгресс осудил «опасные иллюзии автоматического краха фашистской диктатуры» и призвал трудящихся к бдительности по отношению к каждому шагу фашистского движения. Конгресс дал развернутую характеристику фашизма, его сущности, социальной базы, его политики и классового предназначения.

В докладе Г. М. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» и в резолюции конгресса предельно ясно было сказано о социально-политических корнях фашизма и его классовой функции. В этих документах раскрывалась полная несостоятельность утверждений социал-демократических лидеров о том, что фашизм — это якобы власть восставшей мелкой буржуазии, стоящая над пролетариатом и буржуазией. «Нет, — говорил Димитров. — Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»².

Приход фашизма к власти не был обыкновенной заменой одного буржуазного правительства другим. То была смена одной государственной

¹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932, стр. 448.

² Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения. Т. I (1910—1937 годы). Перевод с болгарского. М., 1957, стр. 377.

формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии — другой ее формой — открытой террористической диктатурой. Фашизм приходил к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе разных групп монополистической буржуазии, в борьбе в самом фашистском лагере, которая иногда доходила до вооруженных столкновений, как это было, например, в Германии и Австрии. Однако во всех случаях путь фашизму прокладывали правящие буржуазные круги. Западногерманский философ К. Ясперс резонно замечает: «Поток не прорвал бы плотины, если бы люди, сидевшие на решающих постах, не открыли ему шлюзы»¹.

Каким бы путем фашизм ни развивался и какие бы средства ни использовал для захвата власти, он всегда и везде характеризовался свирепейшим наступлением капитала на трудящиеся массы, бешеной реакцией и контрреволюцией, безудержным шовинизмом и захватнической политикой.

Эта характеристика фашизма, данная XIII пленумом Исполкома Коминтерна и VII конгрессом Коминтерна, раскрывает не только природу, но и основную классовую функцию фашизма.

Фашистские диктатуры характеризовались слиянием сил монополий, государственной машины, военщины, гангстерских штурмовых отрядов, разбойничьей идеологии в единый механизм, направленный против рабочего класса и всех освободительных движений человечества. «Никакая фантазия не в состоянии выдумать того, — писала старейшая деятельница КПСС Е. Д. Стасова, — что осуществляли и осуществляют каждый день в концентрационных лагерях, в казармах штурмовиков, в огромной тюрьме, в которую фашизм превратил Германию, носители новой «национальной немецкой культуры»².

Вся политика фашизма, и внутренняя, и внешняя, определялась интересами монополий. Так, например, решающее влияние на колонизаторскую политику гитлеровской Германии оказывали банки, угольные, стальные, химические и другие монополии.

О покровительстве фашизму со стороны официальных властей имеется множество неопровержимых доказательств. Итальянский историк-антифашист Г. Сальвемини рассказывает следующее. В 1920 г. либеральный кабинет Джолитти, пост военного министра в котором был предоставлен социал-реформисту Бономи, «считал, что следует использовать фашистское наступление для того, чтобы сломить социалистов и коммунистов», и «поэтому позволил руководителям армии снабжать фашистов ружьями и грузовиками и разрешил отставным офицерам и офицерам запаса командовать ими»³.

В Германии фашизм вырос еще в большей мере, чем в Италии, под руководством и заботливой опекой старого режима и особенно военных властей. Его с самого начала поддерживали, финансировали и субсидировали представители крупной буржуазии. Еще в 1924 г. процесс над Гитлером — Людендорфом и следственная комиссия баварского парламента обнаружили факты финансовой поддержки гитлеровцев со стороны крупной буржуазии.

Глава «Стального треста» Ф. Тиссен и глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката Э. Кирдорф убедили руководителей германского уруского капитала согласиться на то, чтобы все угольные и стальные

¹ К. J a s p e r s. Wohin treibt die Bundesrepublik? München, 1966, S. 142.

² Коричневая книга. О поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. М., 1933, стр. 3.

³ G. S a l v e m i n i. The Fascist Dictatorship in Italy. Vol I. New York, 1928, p. 56.

концерны вносили обязательный налог в избирательный фонд национал-социалистов. Во время выборов президента в 1932 г. Тиссен передал национал-социалистам в течение нескольких дней более 3 млн. марок¹. Без этой помощи гитлеровская агитация в 1930—1933 гг. не могла бы принять таких фантастических размеров.

В национал-социализме монополистическая буржуазия имела готовое орудие для осуществления своих целей. Нацистская партия давала ей то, в чем она нуждалась больше всего: массовую базу, без которой нельзя держаться у власти, а главное, помышлять о реванше. Германские монополисты мечтали о времени, когда прекратятся ненавистные забастовки, с улиц исчезнут красные флаги и можно будет без помех приступить к непосредственной подготовке новой мировой войны.

Германский империализм вручил в январе 1933 г. политическую власть национал-социалистской партии потому, что видел в ней наиболее пригодный инструмент для осуществления своих планов завоевания мирового господства.

Во многих капиталистических странах руководящая роль переходила к поджигателям войны и самым оголтелым представителям империализма. Но даже в большинстве тех стран, где сохранилась буржуазно-парламентская система, наблюдалось дальнейшее усиление политической реакции и фашизма.

Правящие круги Англии, Франции, других капиталистических государств не только не выступили на борьбу с той смертельной опасностью, которую представлял собой фашизм для демократии и мира, но и сами в большинстве своем были заражены убеждением, что капитализм можно укрепить только при помощи фашизма и войны. Они надеялись на то, что война, к которой со всей очевидностью готовился фашистский блок — Германия, Япония, Италия, — будет войной против ненавистного им Советского государства.

Выдвижение фашизма выражало стремление империалистической буржуазии поставить у власти силу, которая сумела бы осуществить непосредственную материальную и, что не менее важно, идеологическую подготовку новой мировой войны.

2. Фашизм в Италии

Италия вышла из первой мировой войны настолько ослабленной, что ее территориальные притязания мало принимались во внимание. Настроения реванша и ущемленного национального самолюбия стали важным фактором развития политической жизни в стране.

Внутреннее положение Италии характеризовалось серьезными социально-экономическими потрясениями. Война дезорганизовала экономику и финансы. Государственный бюджет, ложившийся всей тяжестью на народ, не покрывал расходы своими доходами. Усиливалась инфляция, и курс бумажной лиры падал. Государственный долг достиг огромных размеров.

Демобилизованные из армии солдаты не находили работы. Рост безработицы осложнялся тем, что эмиграция из страны, всегда отвлекавшая часть рабочей силы и прекратившаяся во время войны, не сразу возобновилась с наступлением мира.

Классовые противоречия и классовая борьба резко обострились. События Великой Октябрьской социалистической революции в России нашли

¹ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a/M., 1955, S. 100.

широкий отклик среди итальянских трудящихся масс. Первые послевоенные годы (1918—1920) были для Италии временем сильного революционного движения. Его кульминационным пунктом явились массовые выступления трудящихся в августе — сентябре 1920 г., когда итальянские металлисты, а затем и рабочие других отраслей промышленности начали захватывать фабрики и заводы по всей стране. Эти события вплотную подвели пролетариат к решению вопроса о власти.

В сельскохозяйственных районах страны развернулась борьба за раздел помещичьих земель. Широкие размеры приняло забастовочное движение батраков. Почти в каждой деревне существовали так называемые «камеры труда» и «красные лиги», которые регулировали зарплату, продолжительность рабочего дня батраков, добивались ликвидации феодальных пережитков в отношениях между помещиками и крестьянами.

Сентябрь 1920 г. показал, что обострившаяся до предела классовая борьба в Италии грозит опрокинуть капиталистический строй.

Но итальянская социалистическая партия и Всеобщая конфедерация труда не обнаружили в то время достаточной революционности и решительности, не возглавили движение, не повели пролетариат от захвата отдельных фабрик и заводов к захвату государственной власти. Их правые оппортунистические элементы старались потушить революционное движение, увлечь пролетариат на путь борьбы за частичные реформы. А господствовавшие в партии центристы, испугавшись размаха и характера борьбы, не встали во главе масс. Предоставленные самим себе, лишенные руководства, рабочие не смогли захватить власть. Движение оказалось в тупике и замерло.

Буржуазия отлично понимала, почему ей удалось удержаться. «Италии грозила катастрофа, — писала влиятельная буржуазная газета «Коррьере делла сера». — Революция не произошла не потому, что ей кто-либо преградил путь, а потому, что Всеобщая конфедерация труда ее не захотела»¹. Но правящие классы получили серьезный урок. Они поняли, что выступление пролетариата не всегда может быть «побеждено непротивлением», как характеризовал прошедшие события военный министр Бономи², призывая к более решительным действиям.

Стремление монополистов к сохранению своего классового господства любой ценой сказалось в том, что они поспешили заблаговременно организовать силы, которые смогли бы не допустить новой вспышки революционной борьбы, осуществить превентивную контрреволюцию и, более того, использовать нараставший революционный гнев народа в своих классовых целях. Такой силой стал фашизм — выразитель интересов самых агрессивных кругов монополистической буржуазии, орудие в ее руках в борьбе с пролетариатом, трудящимися массами и прогрессивной интеллигенцией.

Организатором первых фашистских отрядов, а затем вождем фашистского движения в Италии стал Б. Муссолини. Исключенный в начале первой мировой войны из социалистической партии, он был одним из лидеров движения за вступление Италии в войну. Ярлык «социалиста», который он продолжал носить, помог ему проникнуть в рабочую среду. На деньги французской буржуазии, заинтересованной в том, чтобы втянуть Италию в войну, Муссолини основал свою газету «Народ Италии» («Popolo d'Italia»), страницы которой в годы первой мировой войны заполнялись крикливой милитаристской пропагандой. «Нейтральные не двигают событиями, а подчиняются им. Только кровь дает бег звенящему колесу истории»³.

¹ «Corriere della Sera», 29 settembre, 1920.

² I. B o n o m i. Dal Socialismo al fascismo. Roma, 1946, p. 36.

³ B. M u s s o l i n i. Scritti e discorsi, vol. I, p. 153.

В этих напыщенных фразах весь Муссолини с его дешевой риторикой и демагогией, рассчитанной на экзальтированных и не искушенных в политике людей. «Кто слишком дрожит за свою шкуру, не пойдет сражаться в траншеях, но вы не встретите его и на баррикадах»¹ — вот обычная для Муссолини политическая спекуляция.

Такое же сочетание яростного национализма с социальной демагогией было характерно и для деятельности фашистской организации, созданной Муссолини в марте 1919 г., под названием «Союз борьбы» (*Fascio di combattimento*)². Вначале организация насчитывала всего несколько десятков человек, но постепенно стала расширять свои ряды, главным образом за счет бывших фронтовиков.

На первых порах фашисты вербовали своих сторонников, прикрываясь внешнеполитическими лозунгами и пытаясь представить себя защитниками «национальных интересов». Исходным пунктом этой пропаганды стали жалобы на «испорченную победу» (*Sconfitta vittoria*). Муссолини и другие фашистские вожди изображали дело так, будто весь мир (и больше всего правители стран Антанты) заражен ненавистью к Италии, которая окружена врагами, а правительство проявляет преступную слабость и безволие. Фашистские заправилы уверяли, что только фашизм может положить этому конец, только он даст возможность Италии получить господство над Адриатическим морем. «Если какое-либо правительство Италии в прошлом пошло на позорные уступки, — писал фашист Гарголини, — это не значит, что итальянская нация согласится отдать Адриатическое море — *mare nostrum* (наше море. — *Ред.*) — на усмотрение всемогущих узурпаторов и ростовщиков. Греция, Югославия и Албания ненавидят нас. Но еще больше ненавидят нас великие державы, которые... издеваются над нами, третируют и обессиливают нас. Мы сумели подняться из трясин военного Капоретто. Восторжествуем и над нашим дипломатическим Капоретто»³.

От проклятий, адресованных бывшим союзникам, фашисты переходили к проклятиям в адрес «прогнившей демократии», «неспособных и продажных парламентских болтунов и демагогов», которые объявлялись виновными за все внешне- и внутриполитические беды Италии.

Фашизм постарался завербовать на свою сторону прежде всего наиболее неустойчивые элементы вернувшейся с фронта молодежи, среди которой происходило резкое политическое расслоение. Наиболее сознательная часть ее искала выход из тяжелого экономического положения страны в классовой революционной борьбе. Другая значительная часть, главным образом выходцы из мелкобуржуазных семей, достигшая на войне разных чинов и почестей, не собиралась заниматься скромным трудом конторщиков, учителей, техников, мелких адвокатов, тем более что Италия давно страдала перепроизводством работников этих профессий. Трескучие фразы, эффектные жесты, абсолютная политическая беспринципность — все, что было в избытке у фашистских вождей, привлекало эту молодежь, готовую на что угодно, лишь бы не тянуть лямку прозаического существования.

Но не только некоторая часть молодежи становилась легкой добычей фашизма. Тяжелый материальный и моральный кризис переживали средние слои населения, мелкая буржуазия. С падением курса лиры превращались в призрак накопленные сбережения, приобретенное положение

¹ В. М у с с о л и н и. Scritti e discorsi, vol. I, p. 23.

² Слово «фашизм» происходит от итальянского «fascio» — пучок, связка, союз.

³ Цит. по: Г. С а н д о м и р с к и й. Фашизм. М. — Пг., 1923, стр. 48.

К а п о р е т т о — населенный пункт в Северо-Восточной Италии. В октябре 1917 г. австро-германские войска нанесли здесь решительное поражение итальянской армии.

и доходы. Будущее казалось беспросветным. Материальная необеспеченность многочисленной буржуазной интеллигенции низводила ее в социальном отношении до уровня люмпен-пролетариата. Война увеличила и без того большую амплитуду политических колебаний в этой разношерстной среде.

Фашизм воспользовался неустойчивым экономическим положением мелкой буржуазии, политическими шатаниями в ее рядах для того, чтобы превратить ее в орудие контрреволюции и осуществить планы укрепления капиталистических порядков. Лозунги защиты мелкой собственности, демагогия, направленная против нажившихся на войне «акул капитализма», создавали фашизму видимость общности его интересов с интересами средних слоев и мелкой буржуазии. Выбитая из колеи ростом дороговизны, разочаровавшаяся в либерализме, ищущая спокойствия и материального благополучия, замороженная призраком «великой Италии», масса мелкой буржуазии и средних слоев населения устремилась к фашизму, который представлялся ей спасителем нации и единственным средством наведения «порядка» в стране.

Фашистские дельцы вербовали в свои отряды и крестьян, вернувшихся с войны и заставших разоренное за время их длительного отсутствия хозяйство, и рабочих, нашедших запертыми ворота заводов вследствие сокращения военного производства и пополнивших ряды безработных.

Фашизм установил тесные связи с группами сельской буржуазии и помещиками, которые испытывали страх перед ростом крестьянского движения, грозившего ликвидировать их привилегии. Одновременно фашизм стал создавать свою массовую базу и среди части среднего крестьянства, напуганного слухами об экспроприации земли, движением батраков и сельскохозяйственных рабочих. Для борьбы с ненавистными «красными лигами» сельская буржуазия и помещики звали фашистов, и те выступали орудием реакции в итальянской деревне. Эта борьба развернулась вскоре во всех земледельческих округах Италии. Особенно жестоко было подавлено аграрное движение в Болонье и Ферраре.

Резкое усиление фашизма началось после сентября 1920 г., когда его поддержала крупная буржуазия, а он предоставил в ее распоряжение свои вооруженные отряды. Начались погромы рабочих и демократических организаций, избиения и убийства политических и профсоюзных деятелей, в стране царили террор и насилие.

На путь решительной борьбы против фашизма встала оформившаяся в январе 1921 г. коммунистическая партия Италии. В ряде мест были созданы комитеты пролетарской защиты, отряды «народных смельчаков». В них вступали антифашисты независимо от классовой и политической принадлежности. Однако эта зародышевая форма единого антифашистского фронта не привела к единству даже в рабочем движении. Руководство итальянской социалистической партии в течение долгого времени придерживалось в отношении фашизма тактики «пассивного сопротивления». Эффективность же действий молодой коммунистической партии снижалась из-за ее попыток повести антифашистское движение исключительно по пути борьбы за диктатуру пролетариата.

Неорганизованному антифашистскому фронту противостояла партия фашистов с ее вооруженными отрядами чернорубашечников, пользовавшимися всемерной поддержкой буржуазно-демократического правительства, военных властей, полиции, суда и крупной буржуазии. Военные власти давали оружие, а профессиональные офицеры обучали банды и руководили их операциями. Генеральный штаб издал в октябре 1920 г. циркуляр, предлагавший дивизионным командирам поддерживать фашистские организации. Рабочих и крестьян разоружали, а фашисты открыто носили оружие. Полиция в лучшем случае оставалась пассивной, чаще же прямо

поддерживала фашистов. Суды выносили суровые приговоры рабочим, подвергавшимся нападению чернорубашечников, которых оправдывали.

Известный американский журналист Моурер писал: «В этой атмосфере убийств, насилий и поджогов полиция оставалась «нейтральной»... Должностные лица пожимали плечами, в то время как вооруженные банды под страхом смерти вынуждали социалистов уходить в отставку или устраивали форменные судилища, приговаривая своих врагов к телесным наказаниям, изгнанию или казни... Иногда карабинеры и королевские гвардейцы открыто выступали вместе с фашистами, парализуя сопротивление крестьян. С одними фашистами крестьяне справились бы, но они были беспомощны в борьбе с объединившимися фашистами и полицией»¹. Итальянский историк Сальвемини также отмечал единство фашистов и милитаристов. Он писал: «Профессиональные военные, поставлявшие фашистским бандам оружие и офицеров, внесли в фашистское движение свои умонастроения, а с ними и методическую жестокость, не свойственную политической борьбе в Италии до 1921 г. Именно военные специалисты передали фашистам свой принцип строгой иерархии. Без их помощи никогда не могли бы быть созданы вооруженные отряды фашистов, а организация фашистской партии ничем бы не отличалась от организации любой другой итальянской партии»².

Армия и правительственные органы знали о намерениях фашистов захватить власть. Начальник службы армейской информации доносил 17 октября 1922 г.: «Муссолини настолько уверен в победе и в том, что он является хозяином положения, что предвидит даже первые шаги своего правительства. Кажется, он намеревается совершить переворот не позже 10 ноября, но возможно — 4 ноября»³.

Однако никаких мер, чтобы остановить фашистов на пути к захвату власти, правительство не предприняло. Да и трудно было ожидать этого после того, как в течение почти двух лет сменявшие друг друга «либеральные» и «демократические» правительства Италии потворствовали и помогали фашистам. Открытая передача власти в руки фашизма произошла в 1922 г. 28 октября был совершен фашистский переворот, названный Муссолини «великим походом на Рим». Этим дуче хотел создать видимость того, что фашистским отрядам пришлось сломить противостоявшие им вооруженные силы. В действительности все происходило по-другому. Правительство Факта, который уже вел переговоры с фашистами, подало в отставку. Муссолини получил от короля предложение сформировать новое правительство, и «великий поход» на Рим выразился в том, что 30 октября дуче прибыл в столицу Италии в спальном вагоне. В этот же день он приветствовал вместе с королем проходившие по улицам «вечного города» отряды фашистов.

Сразу же после переворота, несмотря на сохранение парламентских форм, появились два новых государственных института: в декабре 1922 г. «Большой фашистский совет» (БФС) и в январе 1923 г. королевским декретом было закреплено юридическое признание созданной год назад фашистской милиции, которая отныне стала называться «Добровольная милиция национальной безопасности» (ДМНБ). БФС был организован на базе дирекции фашистской партии с добавлением к ней министров-фашистов и некоторых фашистских лидеров, назначенных лично Муссолини, ставшим председателем БФС. Этот совет контролировал законопроекты перед внесением их в парламент, деятельность самого правительства. Созданием ДМНБ Муссолини стремился добиться преобладания исполни-

¹ E. M o w r e r *Immortal Italy* New York — London, 1922, p. 361—362.

² G. S a l v e m i n i *The Fascist Dictatorship in Italy*, vol. 1, p. 87.

³ Archivio Centrale dello Stato. Giolitti, busta 6, fascicolo 103

тельной власти в лице фашистского правительства над законодательной в лице короля и парламента. Передача ДМНБ в подчинение Муссолини усиливала его личную власть.

После фашистского переворота коммунисты и социалисты организовали отдельные выступления трудящихся, главным образом забастовки. Обострение политической ситуации произошло летом 1924 г. Поводом для массового выступления широких слоев трудящихся послужило убийство фашистами депутата-социалиста Д. Маттеотти. Депутаты оппозиционных партий вышли из парламента и образовали так называемый «Авентинский блок»¹. Компартия предлагала либерально-демократическим и социалистическим руководителям блока объединиться и начать борьбу с фашизмом. Но и на этот раз решительные действия не были предприняты, и фашистам быстро удалось овладеть положением.

В январе 1925 г. Муссолини заявил о своем твердом намерении силой обуздать всякую оппозицию. Это был сигнал к началу нового фашистского наступления, направленного на ликвидацию остатков буржуазно-демократических свобод. В июне на съезде фашистской партии Муссолини провозгласил стремление фашизма трансформировать моральное и политическое сознание итальянцев в сознание монолитное и тоталитарное: «Мы хотим фашизировать нацию... Фашизм должен стать образом жизни... должны быть итальянцы эпохи фашизма, как были, например, итальянцы эпохи Возрождения». Здесь же было впервые объявлено о стремлении фашизма к созданию империи².

В усилении фашистской диктатуры особое значение имел закон от 3 апреля 1926 г., утвердивший контроль правительства над профсоюзами. После покушения в конце октября на Муссолини 5 ноября 1926 г. был издан закон о роспуске всех «антинациональных» партий, чем формально завершался переход к однопартийной системе. В апреле 1927 г. была принята так называемая «Хартия труда», по которой устанавливался корпоративный принцип структуры государства и общества Италии. Вместо классовых профсоюзов создаются корпорации, объединявшие рабочих и предпринимателей каждой отрасли производства. Эти корпорации, находившиеся под государственным контролем, должны были стать краеугольным камнем фашистской государственности.

Кандидатов в парламент теперь могли выдвигать только корпорации. После одобрения кандидатур «Большим фашистским советом» их включали в списки для голосования. Таким образом, оппозиция не имела никаких возможностей для противоборства фашизму на парламентском поприще.

Механизм законченной фашистской диктатуры включал в себя партийные, а также профсоюзные, молодежные, студенческие, женские и спортивные организации. Подобно паутине, они опутывали все слои и группы населения фашизированного государства и общества.

В основе фашистской доктрины лежала идея «общенациональной власти», стоявшей якобы на страже «общих интересов». Исходя из этой идеи, фашисты требовали от народа полного подчинения. «Все в государстве, и ничего вне государства» — эти слова Муссолини — своего рода формула фашистского тоталитаризма.

Итальянский фашизм первым из режимов подобного рода стал насаждать систему массового психоза, безумия экзальтированной толпы, уверовавшей в фашистского дуче и утратившей способность к самостоятельному мышлению. Такой массовый психоз был использован для разжигания жажды крови, оправдания зверств и насилия.

¹ А в е н т и н — один из холмов Рима, где, по преданию, сосредоточивались плебеи для борьбы с патрициями.

² Partito Nazionale Fascista. Atti del V Congresso nazionale. Roma, 21—22 giugno 1925, p. 154.

Фашизм означал специфическую форму государственно-монополистического капитализма, которая обеспечивала фашистскому руководству возможность действовать в интересах всей верхушки монополистического и финансового капитала. Показательно в этой связи усиление процесса сращивания государственного и капиталистического хозяйственного аппарата. Фашистские деятели, находившиеся у власти, используя свое положение, сами становились крупными промышленниками и финансистами. Из 400 депутатов фашистского парламента, избранных в 1929 г., 175 занимали оплачиваемые посты в административных советах крупных акционерных обществ; один из депутатов сотрудничал в 43 акционерных обществах, другой — в 33 и т. д.¹

Государственно-монополистическое регулирование осуществлялось фашистским режимом в интересах экономической подготовки войны с целью реализации агрессивных планов итальянского империализма по созданию огромной империи на всех берегах Средиземного моря с его превращением в «итальянское озеро». Философ Д. Джентиле, поставивший себя на службу фашизму и написавший основные части «Доктрины фашизма», официально приписываемой Муссолини, говоря о функциях фашистского государства, утверждал: «Для фашизма стремление к империи, то есть к национальному распространению, является жизненным проявлением. Обратное, то есть «сидение дома», — это признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, являются империалистами»².

Таким образом, террористические функции фашистского государства, все его организационные и экономические мероприятия связывались с захватническими внешнеполитическими планами. По мере роста насилия внутри страны фашистское государство становилось все более агрессивным во внешней политике, активизировало военную подготовку к созданию империи.

В Германии эти характерные черты фашизма были продемонстрированы в еще более широких масштабах.

3. Германский фашизм

Обстановка, в которой оказалась Германия после первой мировой войны, была во многом сходной с условиями, сложившимися в Италии. Но при всем сходстве существовали и значительные различия в глубине и остроте происходивших событий. Они объяснялись конкретными социально-экономическими и политическими факторами.

Особенность исторического развития германского капитализма заключалась в том, что со второй половины и особенно с конца XIX века экономика Германии росла более быстрыми темпами, чем в других капиталистических странах Европы. В. И. Ленин отмечал, что «быстрое развитие капитализма Германии было развитием молодого и сильного хищника...»³. Сказывалось действие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма.

Германский империализм выступил на мировую арену в то время, когда все кресла за капиталистическим «столом яств» были заняты. Германия, «которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно «обижена» при разделе колоний»⁴, выступила с воинственными требованиями передела мира. Итальянские монополисты хотя и негодовали по поводу «испорченной победы», но при-

¹ Struttura del monopoli industriali in Italia. Roma, 1949, p. 14.

² B. M u s s o l i n i. La dottrina del fascismo, p. 38.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 84.

⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 20.

надлежали к лагерю победителей. Германия же была побеждена и на время вычеркнута из числа великих империалистических держав.

Возникшая в Италии революционная ситуация была сведена на нет пассивностью руководства социалистической партии, его нежеланием возглавить революционную борьбу масс. В Германии Ноябрьскую революцию 1918 г. предала в буквальном смысле этого слова правая социал-демократия. Ее лидеры стали душой контрреволюционного заговора. В январе 1919 г. возглавлявшие правительство социал-демократы Эберт и Шейдеман потребовали вооруженного разгрома революционных рабочих. Это грязное дело от имени правительства они поручили своему «партайгеноссе» Г. Носке, который, принимая поручение, заявил: «Кто-нибудь ведь должен стать кровавой собакой»¹.

При помощи правых социал-демократов было совершено одно из самых подлых злодеяний — убийство вождей германского пролетариата Карла Либкнехта и Розы Люксембург. «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами, — писал В. И. Ленин. — Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости»².

В Германии в противоположность Италии в процессе подавления революции было установлено прямое сотрудничество правой социал-демократии и командования рейхсвера. Правосоциалистические политики чувствовали себя в сильнейшей зависимости от военного командования и при каждой революционной вспышке обращались за помощью и поддержкой к вооруженным силам.

В Германии, как и в Италии, имелись те же достаточно большие социальные слои, которые легко могли поддаться демагогии фашистов. Это слои мелкой буржуазии, деклассированные элементы, офицерство, демобилизованное из армии в связи с окончанием первой мировой войны и не приспособившееся к жизни в условиях мира. Новый порядок их не привлекал, они ненавидели его лидеров — «людей Ноября». Они жаждали восстановления старых порядков.

Особенно остры были эти чувства у тех, кто оказался вне рядов сильно сокращенной армии. Они не могли и не хотели приспособиться к гражданской жизни, были вырваны с корнем из привычной им обстановки и чувствовали себя изолированными и преданными, окруженными враждебным миром. Они хотели действий, действий любой ценой, все равно против кого — большевиков, славян, «красных», спекулянтов, евреев, правительства или держав-победительниц.

Германский монополистический капитал, разгромив революцию руками социал-демократов и военщины, не испытывал столь острой, как в Италии, потребности в создании какой-то новой политической силы, способной осуществить немедленно превентивную контрреволюцию. В этом сыграли роль милитаристские традиции, укоренившиеся веками во всей общественной и политической жизни Германии. В Европе не существовало страны, подобной Пруссии, где бы военное ремесло было овеяно таким романтическим ореолом, а военная служба столь почетной, где бы милитаризм и все, связанное с ним, возводилось на такой высокий пьедестал. Вокруг Пруссии «железом и кровью» была объединена Германия. Агрессивность империализма множилась на воинственность прусского юнкерства, которое и в германской империи сохранило многие привилегии. Слова Бисмарка: «Мы имеем самую лучшую армию, самый лучший офицер-

¹ G. N o s k e. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin, 1920, S. 68.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 460.

ский корпус! С прусским лейтенантом никто не сравнится!» — неустанно вбивались в головы немцев. Каждый мелкий чиновник или лавочник, надевший в годы войны офицерскую форму, считал, что на него уже распространяется блеск прусской офицерской касты, а вместе с тем и ее привилегированное положение в обществе. Офицеры старались использовать любой предлог, чтобы сохранить свои привилегии и звания.

Центром притяжения деклассированных элементов вначале стали полувоенные «добровольные» формирования, создававшиеся рейхсвером в обход Версальского договора в качестве своего резерва и носившие полуфашистский характер. Они использовались военным командованием как важное средство давления на правительство, усиливая его зависимость от военщины.

Державы Антанты терпимо относились к явному нарушению Версальского договора ввиду настойчивых заверений германских государственных деятелей, что такие формирования необходимы для борьбы с революцией. Стремление любой ценой помешать победе демократических сил народа, использовать германскую военщину для борьбы с революционным движением не только в Германии, но и за ее пределами вело к тому, что западные державы сами поощряли восстановление германского милитаризма.

Возникшие после войны многие фашистские и полуфашистские организации, объединявшие часто лишь по несколько десятков человек, самостоятельного значения не имели и нередко рассматривались командованием рейхсвера как ширма для создания новых военных и полувоенных формирований. В одну из таких организаций, именовавшую себя «Германской рабочей партией», армейское командование в Мюнхене направило в качестве политического агитатора Гитлера. Он был преуспевающим буржуа, длительное время укрывавшимся от военной службы, а в годы войны не продвинулся в армии далее чина ефрейтора¹. Начиная с 1919 г. Гитлер получил поддержку и покровительство капитана Э. Рема — начальника штаба военного коменданта Мюнхена. В короткий срок он занял руководящее положение в организации, получившей название «Национал-социалистская германская рабочая партия». Разоблачая фальшь этого наименования, Э. Тельман писал: «...за их словами «нация» и «социализм» скрывается зверская рожа капиталистов-эксплуататоров»². Национал-социалисты избрали свой партийный символ и флаг: черную свастику в белом круге на красном фоне. Такое сочетание, подсказанное, очевидно, рейхсвером, должно было сохранить белый, черный и красный цвета старого имперского флага, а эмблема указывала на родственную связь с националистическими военными формированиями, символом которых являлась свастика. Но основным цветом флага был красный. Он должен был подчеркнуть, что партия является «национал-социалистской» и «рабочей». Новый флаг сыграл немалую роль в пропаганде. Все плакаты и листовки гитлеровцев имели красный цвет, их грузовые машины декорировались алыми флагами. С той же пропагандистской целью гитлеровцы одевались под рабочих.

В феврале 1920 г. появилась программа партии. Она носила националистический, расистский, реваншистский характер. Программа призвала к созданию «великой Германии» путем захвата земель и колоний, аннулированию Версальского и Сен-Жерменского договоров, которые ли-

¹ W. M a s e r. Die Fruhgeschichte der NSDAP Hitlers Weg bis 1924 Frankfurt a/M — Bonn, 1965, S. 66—128. Факты опровергают легенду, распространяемую западногерманскими неонацистами, будто бы Гитлер, будучи немецким патриотом, как герой прошел через всю первую мировую войну (Europa in Flammen 1939—1945 Bd. I, S. 15).

² Э. Т е л ь м а н. Избранные статьи и речи. Т. II. Перевод с немецкого. М., 1958, стр. 360.

шили Германию территорий на востоке и западе, колоний и воспретили объединение ее с Австрией. Расизм программы выражался в требованиях, что только лица германской крови могут быть гражданами немецкого государства, допускаться к решению вопросов законодательства и руководства государством. Социальная демагогия гитлеровцев сказывалась в обещаниях, содержащихся в программе. упразднить нетрудовые доходы и «процентное рабство», конфисковать все военные прибыли, национализировать тресты, обеспечить всеобщее участие в прибылях концернов, ввести смертную казнь для ростовщиков и спекулянтов.

В выступлениях по поводу своей программы Гитлер делал особый упор на статьи, требовавшие аннулирования Версаля и создания великой Германии «от Немана до Братиславы, от Кенигсберга до Страсбурга», и истерически вопил о ликвидации «засилья евреев».

В декабре 1920 г. Гитлер приобрел расистскую газету «Фелькишер беобахтер», которая стала центральным партийным органом. Деньги на эту покупку были предоставлены частично из фондов рейхсвера.

В 1921 г. национал-социалисты создали полувойсковые формирования, названные штурмовыми отрядами — СА (Sturmabteilungen). Под руководством офицеров эти отряды скоро превратились в большую силу контрреволюции. Они располагали собственной кавалерией, артиллерией, техническими средствами.

По характеристике известного немецкого историка Э. Никиса, «любой человек с инстинктами убийцы и садиста был в СА на своем месте. Чем более жестоко он себя вел, тем больше его уважали; здесь можно было вволю быть скотом. В СА получали полную свободу все преступные наклонности. Казармы штурмовиков являлись средоточием всех мыслимых пороков: тунеядцы, пьяницы, жизненные банкроты, громилы, гомосексуалисты, убийцы готовили здесь свои самые темные деяния, при помощи которых надлежало «пробудить Германию»¹.

В то же время устанавливается тесная связь нацистов с генералом Э. Людендорфом. По мере того как росла гитлеровская партия, ее глава проявлял все большую самостоятельность, отказываясь от безоговорочного подчинения рейхсверу.

Одновременно Гитлер находит покровителей среди монополистов. Уже в начале 20-х годов в Баварии сложилась группа промышленников, делавших ставку на гитлеровскую партию и выделявших для нее значительные средства. Но даже в свой «мюнхенский период» руководство гитлеровской партии уже не ограничивалось Баварией и устанавливало связи с влиятельными представителями монополистической верхушки Германии.

Короли угля и стали Рейнско-Вестфальского района, а также прусское юнкерство, ненавидевшие даже само слово «демократия», считали необходимым покончить с республиканскими порядками, «политикой выполнения» Версальского договора и путем военного переворота установить милитаристскую диктатуру как шаг к реставрации монархии.

В 1923 г. внутренняя и внешнеполитическая обстановка Германии резко обострилась. В январе этого года Франция под предлогом невыполнения Германией условий Версальского договора и неплатежа ею репараций оккупировала Рур. Сердце немецкой промышленности было парализовано. В ответ германское правительство провозгласило политику «пассивного сопротивления». На Германию обрушились тяжелые социальные потрясения. Субсидирование политики «пассивного сопротивления» привело к невиданной до сих пор инфляции. Рабочие и служащие не могли приобрести на свою зарплату даже хлеба. Спекуляция достигла небывалых

¹ E. N i e k i s c h. Das Reich der niederen Dämonen. Berlin, 1957, S. 188.

размеров. Все основы общественной и экономической жизни страны были подорваны.

Коммунистическая партия выдвинула лозунг единого фронта борьбы против оккупантов и отечественных капиталистов и создания рабоче-крестьянского правительства. Вскоре в Саксонии и Тюрингии были образованы рабочие правительства. 23 октября началось героическое Гамбургское восстание. Но социал-демократы взорвали единый фронт. В конечном счете контрреволюция победила.

Создавшейся обстановкой воспользовались национал-социалисты, чтобы нанести удар по республиканскому правительству и установить военно-террористическую диктатуру. 8 ноября генеральный комиссар Баварии фон Кар должен был выступать на митинге почетных граждан города Мюнхена в пивном зале «Бюргерброй». По приказу Гитлера СА, усиленные сохранившимися еще в Баварии «добровольными» военными отрядами, окружили пивной зал и одновременно заняли некоторые другие общественные здания. Как только Кар начал речь, в зал ворвались вооруженные штурмовики во главе с Гитлером, который, вскочив на стул, для большей убедительности выстрелил в потолок, а затем провозгласил программу — образование «национального правительства». В ультимативной форме он предложил Кару и генералу Лоссову, командующему войсками рейхсвера в Баварии, присоединиться к нему. Находившийся тут же Людендорф заявил, обращаясь к Лоссову: «Вы сделаете это, Лоссов». На что тот ответил: «Желание вашего превосходительства — приказ для меня».

Однако когда Кар и Лоссов вернулись в свою резиденцию, то получили категорический приказ из Берлина покончить с мятежом. Поэтому они заявили Гитлеру и Людендорфу, что слово, данное под пистолетом, их ни к чему не обязывает, и потребовали, чтобы те сложили оружие. Гитлер и Людендорф на другой день вывели своих сторонников на демонстрацию, чтобы показать, «кто хозяин в городе». Но в центре города их встретил огонь полиции, усиленной частями рейхсвера. В считанные минуты все было кончено. Перепуганные насмерть Гитлер и Людендорф успели скрыться¹. Так бесславно закончилась баварская попытка «похода на Рим».

Крупная германская буржуазия, имевшая большой опыт подавления революционных выступлений рабочего класса, опасалась, что попытка реакционного переворота может вызвать такой отпор революционных сил, который опасен для нее самой, и в тех условиях не рискнула пойти на установление открытой фашистской диктатуры.

Отказав Гитлеру в немедленной поддержке, монополистическая буржуазия тем не менее решила сохранить его в качестве резерва на будущее. Гитлер и его сообщники, представ перед судом, были осуждены на короткий срок тюремного заключения. Уже в конце 1924 г. их освободили.

Находясь в заключении, Гитлер слепил из разных реакционных произведений книгу «Майн кампф» — библию национал-социализма и его программу. Здесь было преклонение перед прусским милитаризмом; стремление искоренить марксизм; звериная ненависть к народам Европы, в первую очередь к французам и славянам как «неполноценным» и «выродившимся»; призыв возвратиться к традициям Тевтонского ордена и его политике «дранг нах Остен»; антисемитизм, доведенный до погромной травли, расистские рассуждения о «расе господ», аккумулировавшие взгляды империалистических идеологов разных стран; мистическая идея «третьего рейха», призванного господствовать над всеми народами. Гитлеровская программа провозглашала законной и необходимой войну за

¹ F. C a r s t e n. The Rise of Fascism. Berkeley — Los Angeles, 1969, p. 114—115.

утверждение господства «высшей расы» над всеми другими народами. В этой программе нашли свое выражение захватнические планы германского империализма.

Обыватель Германии в силу полученного им воспитания и всей системы идеологического воздействия был весьма податлив явлениям массового психоза, и на этом играли гитлеровцы. Немецкий мещанин — филистер, тот самый, которого так ненавидели и с гневом и презрением клеймили К. Маркс и Ф. Энгельс, тосковал. Ему не хватало божества в виде императора, которому он мог бы поклоняться, изображения которого висели бы перед его глазами, при мысли о котором он мог бы замирать от восторга. Генрих Манн в романе «Верноподданный» в Дидерихе Геслинге вывел образ немецкого бюргера и красочно нарисовал картину психоза и ажиотажа вокруг персоны, олицетворяющей единоличную власть: «Опьянение, сильнее, чудеснее того, какое может дать пиво, приподняло его над землей, понесло по воздуху. Он размахивал шляпой высоко над головами толпы, в атмосфере kloпочущего энтузиазма... Там, под триумфальной аркой, скакала на коне сама власть, с каменным ликом и сверкающими очами. Власть, которая растаптывает нас, а мы целуем копыта ее коня... Она вошла в нашу кровь, потому что покорность у нас в крови. Мы лишь атом, бесконечно малая молекула ее плевка... Жить в ней, быть ее частицей, беспощадной ко всем, кто не с ней, и ликовать, хотя бы она растаптывала нас, ибо этим-то она и оправдывает нашу любовь!»¹

Название романа Манна «Верноподданный» стало нарицательным для обозначения немецкого филистера, который был опорой для самых реакционных начинаний правителей Германии. На таких «верноподданных» не без основания рассчитывали гитлеровцы.

Постепенно гитлеровская партия была восстановлена в Баварии. В северных районах Германии ее воссозданием занимался Г. Штрассер, добивавшийся автономного положения по отношению к баварскому центру. В Берлине в качестве гаулейтера действовал переметнувшийся от Штрассера к Гитлеру И. Геббельс. Ему была поставлена задача пропагандой и силой привлечь рабочих столицы на сторону нацизма².

Гитлер одел свои СА в новую, коричневую форму, ввел не военное, а фашистское приветствие, в 1925 г. организовал СС (Schutzstaffeln) — специальные отряды безопасности для охраны собственной особы и расправы со своими противниками³. Его партия продолжала расти. В 1926 г. она насчитывала 17 тыс., в 1927 г. — 40 тыс., в 1928 г. — 100 тыс., в 1929 г. — 178 тыс., в 1930 г. — около 380 тыс., а к концу 1931 г. — уже более 800 тыс. человек⁴. Этот рост шел в значительной степени за счет поглощения многих расистских и националистических групп, десятки которых существовали в различных частях Германии. В гитлеровские вооруженные отряды вливались остатки «добровольных» военных организаций, ушедших после их формального роспуска в подполье.

Фашистская партия в Германии превратилась в центр притяжения всех реакционных, расистских и антисемитских организаций. Ее фанатический динамизм привлекал как студенческую молодежь, так и старых солдат, ищущих «героических» подвигов в битвах с политическими про-

¹ Г. Манн. Сочинения в восьми томах. Т. 3. М., 1957, стр. 58—59.

² F. Carsten. The Rise of Fascism, p. 129.

³ С января 1929 г. по апрель 1932 г. количество эсэсовцев возросло более чем в 107 раз (с 280 человек до 30 тыс.). Общая численность СА в 1930 г. составляла уже 100 тыс. человек (R. Manvell, H. Fraenkel. Heinrich Himmler. London, 1965, p. 28—29).

⁴ К. Гейден. История германского фашизма. Перевод с немецкого. М., 1935, стр. 205; А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967, стр. 374; F. Carsten. The Rise of Fascism, p. 143.

тивниками. Полиция смотрела сквозь пальцы на похождения фашистских молодчиков. Отряды СА проходили специальную подготовку к уличным боям. Был выдвинут лозунг: «Улица — наша трапезная». Молодежь, наслушавшаяся в школе о подвигах немецких солдат, млела от счастья, что она может показать свою храбрость народу вместе с «фронтовыми солдатами».

Гитлеровцы принимали энергичные меры, чтобы заслужить доверие крупного капитала. Во время референдума 1926 г. по вопросу, возместить или нет дому Гогенцоллернов и владельческим князьям стоимость конфискованного у них после Ноябрьской революции имущества, они решительно встали на сторону монархистов. Для объяснения этого они вновь прибегли к социальной демагогии, заявив, что защищают принцип частной собственности, в сохранении которого, дескать, заинтересованы и ремесленники, и квалифицированные рабочие, и низшие слои гражданских служащих.

Буржуазия оценила поведение нацистов в этой важной политической кампании. Руководители торговли и промышленности Гамбурга приглашали Гитлера выступать на их собраниях. Темой своих речей он избрал жгучий для монополистов вопрос о восстановлении Германии как великой державы, требовал полного искоренения марксизма, давал понять, что эту задачу может выполнить только национал-социалистская партия. «Перед Бисмарком благоговели, — говорил Гитлер. — Почему? Широкие массы любят мужественность, потому что они женственны; они хотят, чтобы их вели, и не желают иметь такого ведущего, который бы говорил им: это можно сделать одним путем, можно другим, а возможно, и еще как-нибудь. Массы хотят человека, который, топнув сапогом, говорит: вот правильный путь»¹.

Все это импонировало представителям большого бизнеса. В апреле 1927 г. Гитлер был приглашен на встречу с 400 предпринимателями Рура, проходившую на вилле Круппа. После этого он и его партия стали регулярно финансироваться крупными промышленными монополиями и банками, связанными с международными деловыми и политическими кругами. Крупный бизнес признал способность гитлеровской партии в случае необходимости превратиться в массовую опору открытой диктатуры монополистического капитала. Близился конец капиталистической стабилизации, надвигался шторм экономического кризиса, первые признаки которого проявились уже в 1928—1929 гг. В этой обстановке германские монополисты, чувствовавшие возрождение экономической и военной мощи их страны, с особенной силой мечтали о такой диктатуре, которая крайним насилием подавила бы внутреннее сопротивление и открыла путь к реваншу. Гитлер казался вполне подходящей кандидатурой для этого. «Мы его ангажировали»², — сказал о нем Ф. Папен.

Многие западные авторы, обеляя буржуазную демократию, отрицают преемственность, связывавшую Веймарскую республику с гитлеровским рейхом. Этот взгляд с предельной точностью разоблачен в программном документе ЦК СЕПГ, утвержденном вторым пленумом ЦК в апреле 1963 г., — «Очерк истории немецкого рабочего движения». В нем говорится: «Четырнадцатилетняя история Веймарской республики доказала, что на путях формальной буржуазной демократии, которая прикрывает диктатуру монополистического капитала, невозможно защитить интересы рабочего класса и решить жизненные вопросы нашего народа. История Веймарской

¹ Цит. по: W. J o s h m a n. Im Kampf um die Macht Frankfurt a/M, 1960, S. 110—111.

² Цит. по: H. H e g n e r. Die Reichskanzlei von 1933—1945. Anfang und Ende des Dritten Reiches. Frankfurt a/M., 1960, S. 116.

республики не была историей демократии, служащей интересам народа. Это была история формирования империалистических, антидемократических сил финансового капитала и милитаризма и их политики, которая, прикрываясь буржуазно-демократическим фасадом веймарского государства, была направлена на уничтожение демократии и установление открытой фашистской диктатуры над германским рабочим классом и всем немецким народом. История Веймарской республики показала, что господство империализма и подлинная демократия находятся в несовместимом антагонизме»¹.

Взаимоотношения монополистического капитала с его фашистским детищем становились все более прочными, что и определило характерные черты гитлеризма.

В области политической был взят курс на открытую террористическую диктатуру крупного германского финансового капитала, на отказ от буржуазной парламентской демократии и замену ее новой формой власти — кровавой фашистской тиранией как крайним средством подавления рабочего движения и развязывания агрессивных авантюр.

Немецкие фашисты преследовали цель низвести народ до уровня безмолвного и слепого орудия монополистов. Для обмана народа фашисты называли себя националистами и социалистами. Они даже были готовы бросить подачки массам со стола монополистического капитала, особенно за счет завоевания и разграбления других стран. Но на самом деле, стремясь к захвату чужих территорий, порабощению европейских наций, включая германскую, и добиваясь мирового господства, гитлеровская партия выступала в качестве партии империалистической, захватнической, угнетательской.

Идеология гитлеровцев, главной составной частью которой был крайний антикоммунизм, нашла выражение прежде всего в варварском расовом учении, в теории о недостаточном для немцев «жизненном пространстве», в диком шовинизме. Она явилась средоточием всех наиболее реакционных, псевдонаучных и антигуманистических теорий, выдвигавшихся в интересах господствующих эксплуататорских классов.

Ставшая официальной военной доктриной фашизма теория «тотальной войны» свидетельствовала о том, что гитлеровцы не собирались делать различий между армией и мирным населением страны, подвергшейся нападению. Они преднамеренно готовили уничтожение городов и деревень, массовое убийство гражданского населения, вплоть до физической ликвидации целых народов, угон на каторжные работы в Германию трудоспособных мужчин, женщин, подростков.

К важнейшим характерным чертам германского фашизма в области экономики относятся: его стремление к утверждению государственно-монополистических методов капиталистического хозяйства, преимущественное развитие военной экономики, осуществление широкой программы военных мероприятий, требующих привлечения большого количества рабочей силы (строительство автострад и др.).

Одной из характерных черт германского фашизма является прочный союз с милитаризмом. Гитлеровцы насаждали в стране культ армии, культ войны, превозносили военщину, насильственные методы решения вопросов внутренней и внешней политики. Они усугубили такую порочную традицию германского милитаризма, как переоценка своих сил и недооценка сил противника. Это обуславливало авантюристичность планов и действий гитлеровцев. Крайняя реакционность германского империализма вылилась в созданный им союз темных сил — фашизма и милитаризма.

¹ Grundriß der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, S. a., S. 165—166.

4. Фашизм в других странах

На первом этапе общего кризиса капитализма стремление крупной буржуазии к установлению фашистской диктатуры проявилось не только в Италии и Германии, но и в ряде других капиталистических стран, выразившись в активизации ультраправых организаций и групп. Однако выбор правящими кругами формы своего господства — буржуазно-демократической или фашистской — зависел от многих факторов, среди которых главенствующее значение принадлежало соотношению сил борющихся общественных классов.

В тех странах, где развитие революционного движения не создавало прямой угрозы диктатуре монополистической буржуазии, она предпочитала сохранить традиционные буржуазно-демократические формы государственного устройства, отводя ультраправым и явно фашистским организациям и группам роль своего резерва. Так обстояло дело в Англии, Соединенных Штатах Америки, а также в Чехословакии, где монополии активно содействовали развитию фашизма, но в своем большинстве предпочитали обходиться без фашистской диктатуры. Это отнюдь не исключало того, что другая, меньшая часть монополистического капитала толкала ультраправых на осуществление государственного переворота в ее интересах. Следовательно, на выбор формы государственного правления буржуазии влияла также и борьба в ее собственных рядах. Но многие группировки крупной буржуазии Англии и Соединенных Штатов Америки с явным сочувствием относились к итальянскому и германскому фашизму, с неослабным вниманием изучали его опыт, который намеревались использовать при опасном для них повороте событий. И в международном, а не только внутреннем плане монополисты видели в фашизме своего классового союзника, свой резерв. Так, американские правые открыто предупреждали, что Муссолини «может понадобиться, чтобы спасти страну от американского эквивалента Ленина»¹.

Были и такие страны, в которых монополисты сделали свой выбор в пользу фашизма, но не смогли его осуществить в силу мощного отпора рабочего класса попытке фашистского переворота. Так, например, во Франции многочисленные ультраправые организации («Боевые кресты» полковника де ля Рока, «Французское действие», «Французская солидарность», «Патриотическая молодежь» и их юношеские и спортивные филиалы) располагали большим количеством оружия, вплоть до самолетов, и не нуждались в средствах. Они получали субсидии даже из специальных правительственных фондов, а многие министры либо тайно входили в фашистские организации, либо были тесно с ними связаны. Пользуясь поддержкой правительства Даладье, французские фашисты предприняли в феврале 1934 г. вооруженную попытку государственного переворота. Эта попытка встретила такой отпор трудящихся масс, что перепуганная буржуазия сменила свою ориентацию: правительство приказало муниципальной гвардии и полиции принять участие в ликвидации мятежа. В последующее время были многочисленные фашистские провокации, к которым, однако, крупный капитал относился с опаской. Отпор же этим провокациям с возраставшей силой оказывали французские трудящиеся. Во главе борьбы с фашизмом шла Французская коммунистическая партия. Вокруг нее и сложился широкий антифашистский Народный фронт.

Фашистские диктатуры возникли лишь в некоторых государствах, принимая различные формы в зависимости от соотношения классовых сил, исторических, социальных и экономических условий, националь-

¹ Цит. по: J. Diggins. Mussolini and Fascism The View from America Princeton, 1972, p. 209.

ных особенностей и даже международного положения данной страны. Таким образом, фашизм представлял собой явление международное и борьба против него неизбежно становилась интернациональной, предполагая единство действий прогрессивных сил. Наряду с законченными фашистскими диктатурами имелись такие реакционно-террористические режимы, которым была свойственна лишь часть характерных для фашизма особенностей. В соответствии с этим они и назывались по-разному: фашистскими, монархо-фашистскими, полуфашистскими, военно-диктаторскими. Иной раз возникали наименования, порожденные местными условиями, например режим санации¹ в Польше. По оценке историков Польской Народной Республики, некоторые черты санации «либо сближали ее с фашизмом, либо готовили для него почву»².

Для исследования социальных процессов капиталистического мира в межвоенные годы и происхождения второй мировой войны крайне важно выявить общие и особенные черты реакционно-террористических диктатур того времени. Прежде всего, естественно, встает вопрос об их классовом содержании. В своей основе оно было повсеместно одним и тем же — формой власти крупного капитала и помещиков. Характерным примером явилось поведение крупной буржуазии и помещиков в Польше в 1926 г., когда пилсудчики осуществили «поход на Варшаву». 180 представителей крупного капитала Польши, объединенных в «Центральный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов», подписали специальное заявление о решительной поддержке состоявшегося переворота. Такое же заявление сделали земельные магнаты на своем съезде, проходившем в октябре 1926 г. в имении князя Радзивилла.

В отличие от Германии и Италии в ряде стран решающая роль в установлении фашистских или полуфашистских диктатур принадлежала внешним силам. Различие между фашистскими группировками нередко определялось их внешнеполитической ориентацией. Военно-диктаторские режимы в некоторых странах Латинской Америки возникли по воле и под прямым, иногда даже военным, давлением Соединенных Штатов. В странах Юго-Восточной Европы длительное время шла борьба за власть между фашистскими организациями, ориентировавшимися на Францию или Англию. После установления фашистской диктатуры в Германии решающую роль приобрели прогерманские реакционные силы стран этой части континента. Большинство фашистских режимов в малых странах Европы превратилось в прямых союзников и пособников гитлеровской Германии.

Безудержный террор против прогрессивных сил, острейшая классовая ненависть к революционным движениям, Советскому государству представляли собой главную общую черту всех без исключения фашистских и полуфашистских диктатур. Однако остатки буржуазной демократии в ряде случаев эти диктатуры не только сохранили, но и поставили себе на службу. Так обстояло дело в Австрии, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, где продолжали существовать парламенты, хотя их роль была низведена до покорного служения диктатурам, а избирательные права трудящихся предельно урезаны. Напротив, в Испании в годы фашистского режима генерала Primo de Rivera кортесы были распущены, а в Югославии после государственного переворота 1929 г. Народная скупщина даже упразднена.

Сложность и пестрота социальной структуры стран Юго-Восточной и Центральной Европы, связанная с этим общая политическая неустойчи-

¹ С а н а ц и я — от латинского «sanatio» — оздоровление.

² А. С з у б и н с к и (Red.). Polski ruch robotniczy. Zarys historii. Warszawa, 1972, str. 198.

вость порождали множество конкурировавших между собой и боровшихся за власть фашистских группировок, ориентировавшихся на ту или иную империалистическую державу. Вот почему фашизм в этих странах не мог пойти на полную ликвидацию буржуазно-парламентской формы правления и допускал существование «оппозиционных» партий. По этому поводу Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна говорил: «В одних странах, преимущественно там, где у фашизма нет широкой массовой базы и где борьба отдельных группировок в лагере самой фашистской буржуазии достаточно сильна, фашизм не сразу решается ликвидировать парламент и сохраняет за другими буржуазными партиями, а также за социал-демократией известную легальность»¹.

Итальянскому и германскому фашизму удалось методами социальной демагогии создать себе значительную массовую базу. Социальная демагогия была присуща всем фашистским партиям и организациям и в других странах. Однако создать такую же массовую базу они не смогли, хотя некоторая часть населения была обманута фашистскими посулами.

К характерным чертам диктатур Муссолини в Италии и Гитлера в Германии относится «фюрерство», то есть олицетворение в лице диктатора верховной, беспартийной и не связанной никакими законами государственной власти. Примечательным было то, что итальянский дуче верховодил, несмотря на формальное сохранение королевской власти в Италии.

В других странах фашистские диктаторы так и не стали «фюрерами». Некоторым подобием были лишь Пилсудский в Польше и отдельные главы в странах Латинской Америки. В Болгарии, Греции, Югославии, Японии диктатура приобрела монархо-фашистскую форму — она опиралась на верховную власть короля (Греция, Югославия), царя (Болгария) или императора (Япония).

Определенные различия имелись и в области идеологии. Речь идет, конечно, не о ее социальной сущности, реакционно-буржуазной, а лишь о степени, в которой эта идеология была пронизана крайним расизмом и шовинизмом. В данном отношении в одном ряду с итальянским и германским фашизмом находился их японский сородич. Национализм пустил глубокие корни в буржуазно-помещичьей Польше и, в той или иной степени, в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Одним из его проявлений были преследования национальных меньшинств, в Польше — белорусов и украинцев. Но все же ни в одной из этих стран он не достиг таких вершин изуверства, как в фашистских Германии и Италии.

Всем разновидностям фашизма была присуща агрессивность. Японский монархо-фашизм в этом отношении не уступал итальянскому и германскому². Три главных зачинщика новой мировой войны стремились к господству над всем земным шаром или над значительной его частью. В других странах, не располагавших большим военно-экономическим потенциалом, была также ненасытная жажда территориальных приобретений, столь присущая крупной буржуазии и помещикам, но она не выливалась во всемирные масштабы, а проявлялась в захватнических претензиях по отношению к соседним государствам. Правящие круги Польши и Румынии хотели реализовать свои территориальные претензии за счет СССР.

Когда речь шла об агрессии против СССР, все реакционные режимы в силу их классовой природы обнаруживали поразительное единство, несмотря на противоречия между ними. Ненависть к СССР объединяла

¹ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 377—378.

² См. главу третью.

фашистские режимы с германским империализмом и его гитлеровским порождением. Это было в значительной мере связано еще и с тем, что правящие круги стран Центральной и Юго-Восточной Европы сознавали могущество Советского Союза и хотели бы воевать против него вместе с более мощными капиталистическими державами. Их фашистские диктаторы тешили себя расчетами на то, что их страна сможет стать равным партнером гитлеровской Германии в агрессии против Советского Союза и осуществить свои захватнические притязания.

Историческая заслуга коммунистических партий стран с диктаторским режимом заключается в том, что в самых трудных условиях жесточайшего террора правящих кругов они неустанно вели борьбу против фашизма и войны, за подлинные национальные интересы народов своих стран. Они прозорливо предупреждали о неизбежных губительных последствиях реакционно-агрессивного курса¹.

5. Фашизм — это война

Одной из главных задач фашистских диктатур явилось проведение определенных государственных мероприятий по регулированию производства, дальнейшее развитие системы государственно-монополистического капитализма в целях скорейшей подготовки к войне, к осуществлению агрессивных планов господствующих классов.

В тех странах, где к моменту прихода фашизма к власти еще не было развитого монополистического капитализма, установление фашистской диктатуры способствовало ускоренной монополизации и насаждению системы государственно-монополистического регулирования хозяйства.

Внешнеполитические цели фашизма находились в зависимости от степени могущества той или иной страны. Но везде фашистские диктатуры использовались империалистической буржуазией в агрессивных целях, несли с собой смертельную угрозу для Советского Союза, международного коммунистического движения, для демократических прав и свобод трудящихся, национального и даже биологического существования многих народов.

Фашизм — это война, сразу же сказали коммунисты. «Так как фашизм, — отмечает Р. Палм Датт, — является... выражением наиболее насильственной политики капитализма, охваченного кризисом, то он неизбежно означает войну»². Фашистские клики бешено форсировали подготовку и развязывание войны, объективные причины которой глубоко коренились в самой системе государственно-монополистического капитализма. Западногерманский историк Хофер согласен признать, что «национал-социалистская диктатура в Германии является той предпосылкой, без которой вторая мировая война как историческое явление была бы немыслима; национал-социалистская диктатура выступает как главная ее причина»³. Но фашизм был порождением империалистической системы. Хофер не раз-

¹ Например, Коммунистическая партия Румынии в июле 1935 г. указывала на величайшую опасность ориентации на гитлеровскую Германию, отказа от сотрудничества с СССР. Предупреждая о неизбежных тяжелых последствиях такого курса, она подчеркивала, что те, кто поднимает руку на Советский Союз, роют могилу национальной независимости Румынии, готовят ее раздел фашистскими агрессорами (Documente din istoria Partidului communist din Romania. Vol. IV. 1934—1937. Bucureşti, 1957, p. 278—279).

² Р. Датт. Фашизм и социалистическая революция. Перевод с английского. М., 1935, стр. 186.

³ W. H o f e r. Die Entfesselung des zweiten Weltkrieges. Eine Studie über die internationalen Beziehungen im Sommer 1939. Mit Dokumenten. Frankfurt a/M.— Hamburg, 1960, S. 7.

облачает ее виновность в возникновении мировых войн. В действительности же именно алчный финансовый капитал Германии, как пишет А. Норден, «указал путь, на который Гитлер должен был вступить с оружием в руках»¹.

Самый влиятельный человек в концернах Веймарской республики — К. Дуисберг, председатель наблюдательного совета «ИГ Фарбениндустри» и президент имперского союза германской промышленности, был одним из тех, кто пестовал фашистскую партию. И не удивительно, что Дуисберг приветствовал приход фашистов к власти. «При режиме, установленном Адольфом Гитлером, Германия вновь станет могущественной»², — заявил он.

Ошибочно было бы считать, что буржуазная демократия может стать полной гарантией против войны. Исторический опыт свидетельствует, что даже самые «демократические» буржуазные государства прибегают к захватническим войнам и агрессии против других стран и народов и что каждая такая война сочетается с усилением реакции и террора внутри ведущей ее страны.

Но фашистский политический режим принуждал к принятию той программы, которая наиболее отвечала воле финансового капитала. Осуществлялось интенсивное идеологическое принуждение. Фашистский террор распространился и на область идеологии. Фашистские органы пропаганды (в Германии было создано министерство народного разъяснения и пропаганды) во главе с Геббельсом действовали в тесном контакте с политической полицией (гестапо в Германии) и широко пользовались ее услугами. Они не переубеждали людей, придерживавшихся других взглядов, они их уничтожали.

Ими усиленно насаждалась самая реакционная идеология — комплекс политических, философских, религиозных, моральных (фактически аморальных) и художественных (на деле антихудожественных) взглядов. Идеология фашизма, как и он сам, — характерный продукт общего кризиса капитализма.

Идеологи фашизма отдавали себе отчет в своей неспособности противопоставить марксизму какую-либо научную теорию. Поэтому в их программы вошло отрицание общественных наук, научных знаний, научного мировоззрения, призывы к варварству. Фашистские идеологи открыто говорили: «Мы скорее за мировоззрение, которое ругают как варварство, ибо мы считаем наилучшим боевой клич, провозглашенный в последние годы: назад к варварству»³. Вскоре на улицах и площадях фашистских стран запылали костры сжигаемых книг, а впоследствии небо над Европой затмил черный дым крематориев.

Из отрицания науки давалось и характерное для фашистов определение мировоззрения, которое они рассматривали не как научное познание закономерностей общественного развития, а как слепую, безрассудную веру в «истины», провозглашаемые фюрером. Служебное предназначение подобного понимания мировоззрения Гитлер определил следующими словами: «Человек может умирать (на войне. — *Ред.*) только за ту идею, которую он не понимает». Иначе говоря, если бы люди поняли классовый смысл нацистских идей, они бы не стали за них воевать.

Комплекс фашистских идей был почти одинаков во всех странах, где установились подобные диктатуры. На первом месте находилась расовая теория, согласно которой данная нация является единственной, «богом избранной», и потому ей должно принадлежать мировое господст-

¹ А. Н о р д е н. Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. Перевод с немецкого. М., 1972, стр. 132.

² Цит. по: А. Н о р д е н. Так делаются войны, стр. 133.

³ Wir suchen Deutschland. Berlin, 1930, S. 159.

во и все богатства земли. Ведь «избранная нация» не может жить в условиях ограниченного и потому недостаточного «жизненного пространства»! В действительности фашисты заботились только о монополистической верхушке. Чтобы скрыть истинное значение своих лозунгов, фашистские лидеры усиленно убеждали население страны в полном совпадении и единстве своих идей с национальными интересами.

Другой важной составной частью фашистской идеологии и политики было прославление грубой силы, являющейся будто бы главным фактором общественного прогресса и всего развития человечества. С этим неразрывно связывался культ вождя, «сверхчеловека», отличающегося от простых смертных силой своего интеллекта, волей к всеобъемлющей власти, способностью подчинить себе массы и средствами крайней жестокости осуществить свои цели. Образцами таких «сверхчеловеков» провозглашались фашистские вожди, фюреры.

Идеология фашизма требовала признания абсолютной правоты фюрера и безграничного к нему доверия. Всеми средствами — от печати и радио, театральных постановок и массовых зрелищ до концентрационных лагерей и пыток — фашисты убеждали население в том, что такое доверие не требует ни размышлений, ни доказательств, что оно основывается исключительно на вере, носящей религиозный характер. И Муссолини, и Гитлер называли фашизм религиозной концепцией, высшей формой религиозного культа.

Фашистский культ вождя используют и некоторые современные буржуазные авторы, для того чтобы доказать, что фашизм был порождением лишь отдельных личностей.

Представителей различных направлений буржуазной историографии объединяет стремление скрыть классовый характер фашизма как диктатуры монополистического капитала. Буржуазные историки, философы и социологи пытаются изобразить фашизм как своеобразный конгломерат «революционных и консервативных» сил, не поддающийся четкой социально-политической характеристике.

Для современной профашистской литературы характерна книга английского автора Гамильтона, выдающего себя за историка. В предисловии он пишет: «По существу, фашизм был «мифом», полной противоречий «системой идолов», не поддающейся логическому определению или рациональному анализу»¹. Он пытается уверить молодежь, не пережившую войны и бомбежек германской авиацией английских городов, что никакого фашизма вообще не было, существует лишь миф о фашизме. Впрочем, за его туманными формулировками скрывается определенная концепция, которую раскрыло издательство, поместившее на суперобложке книги Гамильтона следующую аннотацию: «Современные историки предпочитают пересмотреть правду о фашизме, не говорить о том, что он в начальные годы апеллировал к разумным людям доброй воли. Было бы слишком просто... рассматривать раннее развитие фашизма как злокачественное образование, как неизбежную предтечу гитлеровских концентрационных лагерей».

Так фашистские палачи изображаются выразителями доброй воли разумных людей! Берется под сомнение злокачественная природа фашизма, не только породившая чудовищные злодеяния, но и проявившая себя в этих преступлениях против человечества.

Широкое распространение на Западе получили концепции американского историка Д. Вейсса, англичанина С. Вульфа и западногерманского историка Э. Нольте. Все они хотят предать фашизм забвению, вычеркнуть из истории недавнего прошлого важную составную ее часть — борьбу

¹ A. H a m i l t o n. The Appeal of Fascism. A Study of Intellectuals and Fascism 1919—1945. London, 1971, p. XIX.

народов против фашизма. Вульф предлагает «хотя бы временно выбросить из политического словаря слово «фашизм»¹. Вейсс называет фашизм «последним издыханием консерватизма»². Для Нольте фашизм — это консервативный феномен, имевший свою собственную природу³. И Вейсс, и Нольте пытаются найти истоки фашизма в феодальной реакции на Великую французскую буржуазную революцию. Эта концепция игнорирует, следовательно, присущий империализму симбиоз феодальной и монополистической реакции, единство милитаризма и государственно-монополистического капитализма.

Большая группа буржуазных исследователей, отрицая генетическое родство между фашизмом и крайним консерватизмом, делает упор на «революционные» компоненты фашизма. Подобные взгляды наиболее активно отстаивает американский историк Э. Вебер. Он недоволен тем, что еще находятся ученые, которые продолжают смешивать реакционеров и фашистов⁴. Фашисты, по утверждению Вебера, «были или хотели быть революционерами»⁵.

Концепции реакционной историографии, зачастую на первый взгляд взаимно друг друга исключаящие, пропитаны стремлением реабилитировать фашизм, помешать борьбе прогрессивных сил против неофашизма. Реакционная историография скрывает подлинное классовое лицо и служебное предназначение фашизма, представляющего собой целую иерархическую систему организованного массового насилия, созданную финансовым капиталом. Фашизм был призван империалистическими законами сыграть роль организатора новой мировой войны.

* * *

История фашизма как определенного социального явления, которое приобрело различные конкретные формы в отдельных странах, убедительно раскрывает его суть. Фашизм представлял собой прямое порождение мирового империализма, был им впоен и вскормлен. Он появлялся там, где был особенно нужен монополистическому капиталу. Террористическая фашистская диктатура имела совершенно определенное классовое предназначение. Она создавалась для расправы с революционным, демократическим, национально-освободительным, коммунистическим движением, для подготовки и развязывания агрессивных войн. Поскольку природа империализма не изменилась, фашизм и сегодня реально существует в некоторых странах и представляет собой значительную потенциальную угрозу в капиталистическом мире.

Служебная роль фашизма не ограничилась задуманными и осуществленными им по воле монополий многочисленными локальными актами агрессии. Именно империализм и его детище — фашизм образовали очаги второй мировой войны.

¹ S. W o o l f (Ed.). European Fascism, p. 1.

² J. W e i s s. The Fascist Tradition. Radical Right-Wing Extremism in Modern Europe. New York, 1967, p. 5.

³ E. N o l t e. Der Nationalsozialismus. Frankfurt a/M.— Berlin — Wien, 1970, S. 202.

⁴ E. W e b e r. Varieties of Fascism. New York, 1964, p. 44.

⁵ W. L a q u e u r, G. M o s s e (Eds.). Journal of Contemporary History: 1. S. a. e. l., p. 104.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОЧАГ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

1. Империалистические противоречия на Тихом океане и Дальнем Востоке

В годы первой мировой войны и в послевоенный период Япония укрепила свои позиции на Азиатском континенте и в бассейне Тихого океана. С таким положением не хотели мириться другие капиталистические державы, и прежде всего давний соперник Японии в борьбе за господство в этой части мира — Соединенные Штаты Америки.

Вскоре после войны правительство США решило, что наступило подходящее время не только положить предел экспансии Японии, но и заставить ее вернуть захваченное. Отношения между этими странами достигли наивысшей напряженности. «Америка и Япония, — говорил В. И. Ленин в марте 1920 г., — накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай...»¹

Отступление Японии на Вашингтонской конференции предотвратило ее вооруженное столкновение с США на определенный период, но не ослабило конфликта между ними. Не успели еще высохнуть чернила подписей на вашингтонских договорах, как в Японии развернулась широкая кампания против условий, на которые согласились ее представители. Но этого согласия требовало реальное соотношение сил: Япония значительно уступала в экономическом и военном потенциале США и Англии.

Социально-экономическая структура японского общества в 20-х годах была своеобразной и сложной. Более половины населения занималось сельским хозяйством, в котором сохранялись феодальные пережитки и процветала жестокая эксплуатация. Крестьянское хозяйство основывалось на мелком землевладении и аренде.

Доминирующую роль в промышленности страны играло текстильное производство, охватывавшее в 1930 г. 50 процентов общего числа рабочих. Стоимость продукции промышленности, производящей средства производства, достигала лишь 30 процентов общей стоимости всей промышленной продукции.

Японская промышленность включала огромное количество мелких предприятий. В 1929 г. на крупных предприятиях было занято немногим более половины рабочих, а остальные — на средних и мелких. Металлургия и машиностроение были развиты слабо.

Уязвимое место японского капитализма — недостаточная сырьевая база. В стране нет собственной железной руды, хлопка, цветных металлов

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 180.

(кроме меди), мало угля, да и тот низкого качества. Собственным производством Япония удовлетворяла лишь 58 процентов потребности в чугуне и 76 процентов в стали.

При очень высокой степени эксплуатации рабочих и крестьян их жизненный уровень оставался особенно низким. Зато войны приносили большие прибыли капиталистам и банкирам. С конца 1914 и до 1920 г. число фабрик и заводов Японии увеличилось с 32 тыс. до 46 тыс., объем производства в машиностроении возрос в восемь раз, металлургии — в шесть с половиной раз¹. В. И. Ленин отмечал, что японский империализм опирался не только на свое экономическое могущество, но и на грабеж экономически слабых соседей².

Война и колониальные захваты на протяжении ряда десятилетий были основными вехами японской истории. Кратковременные передышки между войнами служили главным образом для ликвидации последствий прошедшей войны и подготовки к следующей. Масштабы войн с каждым разом становились все более широкими. Это предопределило значительную роль милитаризма в жизни государства, влияние его на внешнюю и внутреннюю политику.

Японская военщина в классовом отношении была тесно связана с помещиками — многие офицеры вышли из этой среды, но как инструмент японской империалистической политики она была спаяна единством классовых интересов со всей системой монополистического капитала страны. Военные активно выступали за укрепление монархии. Мощным орудием угнетения, подавлявшим всякое сопротивление народных масс путем жесточайшего военно-полицейского террора, служил огромный военно-бюрократический аппарат абсолютной монархии. Для империалистической буржуазии он явился не только гарантом ее господства внутри страны, но и главным орудием колониального разбоя. Представители военных кругов неизменно входили в состав правительства или возглавляли его. Урезанная, формальная парламентская система в Японии не мешала монополиям и военщине проводить свою политику.

Всеобщее избирательное право для мужчин (со множеством оговорок) было введено лишь в 1925 г., а первые выборы прошли только в 1928 г. В стране сохранялись императорская власть, влиятельные военные группировки. Большой силой в политической жизни страны обладали феодальные круги: генро — пожизненные советники императора, дзюсины — его приближенные и ведущие сановники, тайный совет. Их решения были непреложными. Пропитанные национализмом в его крайних формах, эти закулисные круги сумели прийти к соглашению с монополистическим капиталом, соединить самурайскую воинственность с присущей капитализму тягой к внешней экспансии.

Буржуазный парламентаризм был лишь фасадом, прикрывавшим сложные переплетения феодализма, императорского всеислия, могущества монополий, тесно связанных с милитаризмом, с немощными буржуазно-демократическими партиями. Избираемый путем всеобщих выборов (лимитируемых всевозможными цензами), парламент и назначаемое им правительство не имели полной власти в решении важнейших государственных вопросов, включая военные и военно-морские, не всегда могли влиять на решения высшего органа феодально-милитаристской олигархии — тайного совета. Функции контроля за его действиями фактически принадлежали приближенным императора, находившимся в тесном союзе с милитаристами и крупнейшими промышленниками.

¹ История войны на Тихом океане. Т. I. Агрессия в Маньчжурии. Перевод с японского. М., 1957, стр. 27.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 174.

Буржуазная военно-политическая машина Японии была полностью поставлена на службу реакции. Действуя в духе закона «О поддержании общественного спокойствия», принятого в 1925 г., правительство направляло репрессии против коммунистов и всех прогрессивных элементов внутри страны. В 1928 г. была запрещена новая рабоче-крестьянская партия, поставлены вне закона совет профсоюзов левого объединения, Всеяпонская лига пролетарской молодежи.

Демократические и пацифистские силы преследовались. В то же время велась широкая националистическая пропаганда. Ее исходным пунктом являлась расистская теория превосходства японской нации над другими. Провозглашалась непримиримая борьба с коммунистическим и прогрессивным движением не только в Японии, но и по всей Азии. Особая воинственность проявлялась в отношении Советского Союза, чьи дальневосточные земли давно не давали покоя правящей клике Японии.

Потерпев поражение на Вашингтонской конференции, Япония не отказалась от своих захватнических планов в отношении Китая и, используя его политическую раздробленность и непрекращавшуюся милитаристскую междоусобицу, продолжала борьбу с США за овладение этой страной.

Однако с конца 1924—начала 1925 г. в Китае развернулись важные политические события. Назревала революционная ситуация. Усилилась борьба масс против реакции. Компартия и гоминьдан образовали единый фронт.

Империалистические державы решили сообща подавить освободительное движение китайского народа. В декабре 1924 г. государства, подписавшие Вашингтонское соглашение девяти держав, потребовали от бэйпинского правительства исполнять все договоры, уважать привилегии и соблюдать право неприкосновенности, которыми пользовались иностранцы в Китае. Американский сенатор Бора отмечал: «Невозможно передать словами то, как ... иностранный капитал в Китае эксплуатирует человека. Нет другого места на земле, кроме Китая, где бы так успешно чеканились доллары и центы из крови беспомощных детей»¹. Затем США, Англия, Франция, Италия и Япония направили в порты Китая свои военные корабли. В мае 1925 г. в Шанхае полиция международного селтльмента расстреляла демонстрацию китайских студентов и рабочих, а в июне английская и французская полиция открыла огонь по мирной демонстрации в Кантоне. Это вызвало глубокое возмущение народа. По стране прокатилась волна стачек, митингов, демонстраций. В Гонконге вспыхнула всеобщая забастовка. Ее поддержали рабочие Шанхая, Кантона, Нанкина. Бэйпинское правительство обратилось к иностранным державам с призывом пересмотреть неравноправные договоры.

Мощный подъем освободительного, демократического движения вылился в антиимпериалистическую революцию 1925—1927 гг., основными лозунгами которой были: полное восстановление национального суверенитета Китая, свержение власти империалистической агентуры в лице феодальных милитаристов, политическое объединение страны под властью демократического правительства. В революции участвовали рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия. К революционному движению примыкали значительные слои помещиков.

В июле 1926 г. Национально-революционная армия Китая начала поход с революционного Юга на Север, чтобы объединить всю страну. Советский Союз поставлял революционной армии оружие и боеприпасы. Военно-стратегический план этого похода был разработан при участии советских военных специалистов во главе с В. К. Блюхером. Северный

¹ Цит. по: Ch. Tansill. Back Door to War: The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952, p. 64.

поход явился важным этапом национально-освободительной войны китайского народа. Он привел к огромному расширению революции. Войска реакционных милитаристов были разгромлены.

Империалисты ответили на развитие революции открытой вооруженной интервенцией. К апрелю 1927 г. в китайских водах сосредоточилось около 200 иностранных военных кораблей.

Чтобы запугать народные массы и ускорить переход буржуазно-помещичьего крыла гоминьдана в лагерь контрреволюции, корабли Англии и США подвергли жестокому обстрелу Нанкин. Одновременно китайские милитаристы организовали серию антисоветских провокаций. Эти акции послужили сигналом к контрреволюционному выступлению военного лидера гоминьдана Чан Кай-ши, перешедшего на сторону помещиков и компрадорской буржуазии. 12 апреля по его приказу была учинена расправа над рабочими Шанхая. Контрреволюционные перевороты произошли в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу и завершились созданием в Нанкине правого гоминьдановского правительства во главе с Чан Кай-ши. Гоминьдан из партии единого национального антиимпериалистического фронта превратился в реакционную буржуазно-помещичью партию.

После прихода к власти Чан Кай-ши борьба империалистических государств за сферы влияния в Китае вступила в новый этап. Соперничество между ними развернулось за контроль над гоминьдановским правительством. США и Англия заявили о широкой политической, финансовой и экономической поддержке Чан Кай-ши. В Нанкин начали прибывать многочисленные американские экономические миссии; при гоминьдановском правительстве появились советники Вашингтона. Чан Кай-ши стал ориентироваться на Америку, от которой рассчитывал получить займы, экономическую помощь и военную поддержку в борьбе против своих конкурентов.

В целом ситуация в Китае к этому моменту характеризовалась спадом революционной волны, консолидацией реакционных сил, укреплением позиций гоминьдана. Правительство Чан Кай-ши проводило открытый террор против коммунистов, рабочего и крестьянского движения.

Коммунистическая партия Китая приняла решение организовать вооруженный отпор реакции, для чего взяла курс на создание Красной армии, революционных баз на юге страны и расширение партизанского движения.

В начале 30-х годов в руководстве КПК образовалась «левая» авантюристическая группировка во главе с Ли Ли-санем. Она считала, что мировая война обеспечит «взрыв мировой революции», «подтолкнет революцию в Китае». Ли Ли-сань и его сторонники жаждали военного столкновения Японии с СССР, которое должно было возникнуть из «восстания в Маньчжурии». Этот провокационный план поддержал фронтовой комитет во главе с Мао Цзэ-дуном. Авантюристическую линию в руководстве КПК сурово осудил Коминтерн¹.

Активизация партизан, частей и соединений Красной армии серьезно беспокоила Чан Кай-ши и его окружение. В ноябре 1930 г. они организовали первый поход с целью подавления революционных сил, который, однако, оказался безуспешным. Потерпела поражение и вторая экспедиция. Окончился крахом третий поход с участием 300 тыс. гоминьдановцев в июне 1931 г., а также и все последующие походы.

Империалистические государства внимательно следили за развитием событий в Китае, где так сложно переплетались англо-американские, американо-японские и англо-японские противоречия.

¹ Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении (далее — Коминтерн и Восток). М., 1969, стр. 328—329.

Важные экономические позиции в Китае занимала Англия; к 1931 г. ей принадлежало 36,7 процента всех иностранных инвестиций в Китае. На долю Японии приходилось 35,1 процента, США и Франции соответственно — 6,1 и 5,9 процента¹. Около 40 процентов английского капитала в Китае было вложено в торговлю и банки. Основным капиталом английского «Гонконг-Шанхайского банка», занимавшего особое положение в экономической жизни Китая, составлял 50 млн. гонконгских долларов. Банк предоставлял Китаю займы, хранил средства, полученные в счет таможенных и соляных пошлин. Немалую роль играли и другие английские банки, находившиеся в этой стране.

Большая часть английских капиталовложений в Китае приходилась на горнодобывающую промышленность. Англичане контролировали два крупных предприятия: «Бэйпинский синдикат» и «Китайскую машиностроительную и горную компанию», которые имели исключительное право на добычу угля, железной руды, сооружение железных дорог, верфей. В Шанхае, Амое и Тяньцзине было несколько английских машиностроительных и судостроительных заводов. Под контролем англичан находились Шанхай-Нанкинская, Шанхай-Нинбоская, Кантон-Коулунская, Пукоу-Цзинаньская и некоторые другие железные дороги. Британский капитал играл важную роль и в торговом судоходстве страны: к концу 1930 г. более двух третей внешнеторговых перевозок Китая и около одной пятой перевозок речного флота приходилось на английские суда.

Британских предпринимателей больше всего интересовали район бассейна реки Янцзы и провинции Гуанси и Гуандун, где концентрировалась большая часть их капиталовложений. На Шанхай, в котором проживало более 10 тыс. британских подданных (всего в Китае их было около 13 тыс.) и располагались главные конторы английских банков и компаний, приходилось около трех четвертей всех английских инвестиций.

Англичане занимали прочные позиции и в Южном Китае, особенно в Гонконге и Кантоне. Через Гонконг, один из крупнейших портов мира, проходила значительная часть экспорта и импорта Китая.

Гораздо меньше английский капитал был заинтересован в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия), где инвестиции его не превышали 3—4 млн. фунтов стерлингов, то есть менее 3 процентов всех иностранных капиталовложений в Маньчжурии². Доля Англии во внешней торговле Маньчжурии также была невелика.

Великобритания имела в Китае широкую сеть военных баз (7 тыс. английских солдат и 365 офицеров)³. В 1929—1930 гг. в китайских водах находилось одновременно 40—50 английских военных кораблей, в том числе 5—6 крейсеров, 1 авианосец, 8 эсминцев и 18 канонерских лодок⁴. Опираясь на военно-морскую базу Гонконг, англичане контролировали морские подступы ко всему Южному Китаю. Под их неослабным контролем находились также Шанхай и река Янцзы. 17 марта 1930 г. министр иностранных дел Великобритании Гендерсон заявил в палате общин: «Численность и размещение английских гарнизонов в Китае соответствуют рекомендациям наших военных советников»⁵.

В Северо-Восточном Китае особенно сильны были позиции Японии. Здесь находилась большая часть всех ее капиталовложений в Китае. Крупнейший банк «Иокогама сппи банк» открыл в Маньчжурии шесть отделений и совершал значительную часть валютно-расчетных сделок.

¹ C. R e m e r. Foreign Investments in China. New York, 1933, p. 76.

² E. G u l l. British Economics Interests in the Far East. New York, 1943, p. 146.

³ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 238. London, 1930, col. 1600.

⁴ Parliamentary Debates, vol. 236, col. 1302.

⁵ I b i d., col. 1686.

Большая часть чугуна, железной руды и угля из этого района поставлялась в Японию. К 1931 г. основные командные экономические позиции в Северо-Восточном Китае находились в руках японских монополий. Крупнейшее объединение, управлявшее Южно-Маньчжурской железной дорогой, имело свои склады, паровозный завод, флотилию, пристани, угольные шахты, газовые и лесопильные заводы, доменные печи и т. д. Концерны Мицубиси, Мицубиси, Окура, Ясуда, Сумитомо являлись обладателями акций Южно-Маньчжурской железной дороги. Япония занимала первое место во внешней торговле Маньчжурии, которая была важным источником сырья. В 1930 г. на долю Японии приходилось 96,9—99,9 процента всего экспортированного из Китая чугуна и железной руды, 70,5 процента каменного угля, 88,5 процента шелковых коконов, 78 процентов хлопка¹.

Позиции США в Китае были более слабыми в сравнении с Англией. Но предприниматели США, активно наступая, увеличивали вложения капитала в китайскую промышленность. С 1913 по 1930 г. их инвестиции возросли в два раза. В Китае действовали семь американских банков. Важнейшими из них были «Международная банковская корпорация» (филиал банка «Нейшнл сити») и «Азиатская банковская корпорация».

С каждым годом увеличивалось количество американских фирм. В 1929 г. авиационная компания США заключила с Чан Кай-ши контракт на китайско-американскую почтовую связь и получила право на эксплуатацию трех основных авиалиний: Шанхай — Ханькоу, Нанкин — Бэйпин (Пекин) и Шанхай — Кантон.

Экспансия США распространилась и на Маньчжурию. В 1929 г. «Нейшнл сити» принял решение о создании в Харбине филиала с 27 отделениями по всему Северо-Восточному Китаю. В 1930 г. была организована американо-китайская авиационная компания, пытавшаяся получить концессию на авиалинию Мукден — Харбин. Против этого решительно выступили японцы, и американцы вынуждены были отступить.

К концу 20-х годов США заняли более прочные позиции в Шанхае в долине реки Янцзы. Особенно преуспев в области торговли, они намного опередили Англию. Председатель американской торговой палаты в Шанхае С. Френч заявил спустя год после прихода к власти Чан Кай-ши: «Америка крайне нуждается в значительно более широком выходе для ее продукции... Мы должны сделать все от нас зависящее для сохранения и расширения доли Америки в этом грандиозном потенциальном рынке Азии»².

Однако экспансионистские устремления Вашингтона встретили ожесточенное сопротивление со стороны Лондона и Токио. Борьба за господство в Китае приняла напряженный характер и явилась одной из главных причин того, что американские монополисты и военные стратеги стали считать Японию главным врагом США в Азии.

В 1924 г. был утвержден план военных действий против Японии, получивший название «Оранжевый план». Он оставался в силе до 1938 г. Основная его идея заключалась в создании превосходства военно-морского флота США над японскими силами в западной части Тихого океана и укреплении Филиппин как плацдарма для удара по Японии с юга.

А тем временем Япония продолжала свою линию в отношении Китая. В январе 1927 г. министр иностранных дел Сидэхара выступил перед парламентом с речью, которая определила позицию японской дипломатии в китайском вопросе (она была названа дипломатией Сидэхары). Японский министр обосновал необходимость установления между Китаем и Японией «особых отношений», «сосуществования и сопроцветания». При этом полу-

¹ «Вестник Маньчжурии», 1931, № 10, стр. 8.

² «Правда», 4 апреля 1928 г.

чение особых прав японцами в Китае должно было произойти путем договоренности с местными лидерами ¹.

В то же время государственный секретарь США Келлог в инструктивном письме посланнику США в Китае Муррею рекомендовал изыскать пути и средства для защиты принадлежавших США прав, учитывая «невозможность в настоящее время использовать сухопутные войска и военно-морской флот Соединенных Штатов» ².

Соединенные Штаты Америки стремились добиться экономического господства во всем Китае. Япония, уступая США в экономической мощи, не могла поставить перед собой такую задачу. Ее правящие круги решили прибегнуть к традиционному для них методу — недостаток экономических возможностей компенсировать военной силой. В связи с этим они отводили первое место Северо-Восточному Китаю. Японские монополисты хотели превратить этот район в свою сырьевую базу и использовать его в качестве стратегического плацдарма для нападения на Китай и СССР. В приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников второй мировой войны подчеркивается: «В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против Советского Союза» ³.

16 апреля 1927 г. генерал Танака подверг резкой критике позицию Сидэхары. Он считал ее слабой и призывал к «великому обновлению» политики Японии в отношении Китая. На следующий день кабинет Вакацуки пал. Танака, придя к власти, объединил в своем лице два важнейших поста — премьер-министра и министра иностранных дел. Отбросив «слабую дипломатию Сидэхары», он начал проводить более решительную политику: на рейде Шанхая появилась японская эскадра, а в провинции Шаньдун высадились японские войска.

В июне 1927 г. начальник штаба Квантунской армии представил меморандум с планом захвата северо-восточных провинций Китая, в котором предусматривалась экспансия и в Монгольскую Народную Республику. Если же Китай, указывал он, воспротивится такому развитию событий, вопрос должен решаться силой. Премьер полностью разделял эти взгляды и неоднократно подчеркивал «уникальность» связей Японии и Маньчжурии. Завоевательная политика правительства Танаки в отношении Юго-Восточной Азии была конкретизирована на Восточной конференции руководителей военного министерства, генерального штаба, Квантунской армии и видных японских дипломатов.

Генеральный консул США в Мукдене Майерс сообщал в Вашингтон, что после прихода к власти генерала Танаки активность японцев в Маньчжурии возросла и что Япония намерена в конечном итоге аннексировать Маньчжурию.

В 1928 г. представители штаба Квантунской армии заявили, что три северо-восточные провинции Китая должны превратиться в японский протекторат.

К этому времени внутривнутриполитическая жизнь Японии сдвинулась резко вправо. Укрепился союз монополий с милитаризмом. Монополистический капитал нашел в самурайской военщине, одержимой фанатизмом, орудие экспансии, насилия и войны.

¹ A k i r a Iriye. After Imperialism. The Search for a New Order in the Far East, 1921—1931. Cambridge, 1965, p. 111.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1927. Vol. II. Washington, 1942, p. 382, 383.

³ Цит. по: М. Рагинский, С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников. М. — Л., 1950, стр. 247.

Милитаристы Японии объединялись в открытые и тайные военно-фашистские организации, опиравшиеся на мощную финансово-промышленную олигархию, и все более консолидировались вокруг сторонников военной диктатуры.

2. Новый этап японской агрессии

Японская агрессия на Дальнем Востоке готовилась по всем линиям: политической, экономической, идеологической. В конце 20-х — начале 30-х годов в правящих кругах Японии не было больших разногласий по вопросу об этапах осуществления обширной захватнической программы. Предполагалось, что на первом этапе сравнительно легко будет захвачен Северо-Восточный Китай. Следующие этапы включали военные походы с этого плацдарма против МНР, СССР и всего Китая.

Происходило укрепление союза монополий с военщиной и значительное усиление влияния военно-фашистских кругов, перевооружение армии и флота, увеличение их численности. С конца 20-х годов милитаристские круги Японии совместно с ведущими монополиями разрабатывали план новых крупных государственных субсидий военной промышленности, и особенно тем ее отраслям, которые в случае войны должны использоваться в первую очередь. В 1929—1930 гг. правительство принимало активные меры для того, чтобы расширить капиталовложения в военную промышленность, поднять ее технический уровень. К 1930 г. на заводах-арсеналах, подчиненных военному ведомству, было занято 100 тыс. человек.

Военное производство стало основным для многих монополий. Более 2 тыс. фабрик и заводов выполняли заказы военного и военно-морского министерств. Металлургические заводы Явата поставляли на нужды военного производства 62,3 процента стали и проката. В сентябре 1931 г. авиационные заводы Мицубиси впервые приступили к серийному выпуску тяжелых бомбардировщиков. Алюминиевая промышленность, созданная в начале 30-х годов и послужившая базой для японского самолетостроения, в 1933 г. дала 19 тыс. тонн алюминия в слитках ¹.

К началу 30-х годов в Японии был создан государственный аппарат по мобилизации военной промышленности, снабжению военными материалами в условиях воздушных налетов, действия которого в конце 1930 г. проверялись на учениях в городах Киото, Осака и Кобе. Рос бюджет армии и флота, увеличивались военные расходы в целом.

Таблица 6

Бюджетные расходы Японии в 1931—1934 гг.²

Бюджетный год	Все расходы (млн. иен)	Военные расходы	
		млн. иен	проценты
1931	1477	434	29,4
1932	1950	733	37,6
1933	2225	873	39,2
1934	2163	955	44,2

В Японии не произошло перехода государственной власти к фашистской партии и создания диктатуры, заменяющей прежний государст-

¹ Дж. К о е н. Военная экономика Японии. Перевод с английского. М., 1951, стр. 3.

² Т а м ж е, стр. 5.

венный аппарат, но постепенно и планомерно господствующая роль закреплялась за наиболее реакционными и агрессивно настроенными элементами. К 1933 г. в Японии насчитывалось несколько сот реакционных организаций, из них более 80 крупных ¹.

В начале 30-х годов правящие классы сконцентрировали свои политические силы для создания «правительства сильной руки», то есть для укрепления существовавшего аппарата монархии, его фашизации, концентрации власти в руках наиболее реакционных представителей военщины.

Чтобы еще более укрепить свое положение в государственном аппарате, военщина использовала социальное разочарование и волнения широких слоев мелкой буржуазии, потерю ими доверия к парламентским гартиям. Брожение усилилось в связи с мировым экономическим кризисом, крайне обострившим классовые противоречия внутри страны. Среди мелкой и средней буржуазии укреплялось мнение, будто военщина является единственной силой, способной вывести Японию из кризиса. Военная клика, особенно шовинистически настроенное «молодое офицерство», активно выступала против «негативной» внешней политики правительства, ратуя за войну с Китаем, а в дальнейшем и Советским Союзом.

Для достижения этих целей военщина использовала свое влияние на бывших военнослужащих. Под ее непосредственным руководством находился «Императорский союз резервистов», а также некоторые воензированные спортивные общества, насчитывавшие свыше 7 млн. человек.

Наиболее видные представители японского милитаризма вынашивали планы установления в Японии фашистского режима, для чего они поддерживали тесные связи с финансовыми магнатами, «Обществом государственных основ», объединявшим до 200 профашистских деятелей правящих кругов Японии.

Фашистское «молодое офицерство» в борьбе за власть стало на путь заговоров, убийств и путчей. Один из его руководителей — генерал Араки, требуя коренных преобразований японской государственной политики, давал понять, что военщина готова стать идейным вдохновителем движения за агрессивный курс, направить его на осуществление планов японского империализма.

В стране широко распространялась печатная продукция, воспевавшая войну, завоевания, убийства, смерть. Фашистские писатели вбивали в голову каждого японца, что мужчина — это только «мясо великого стада войны», а женщина — покорная рабыня, добыча воина. Воспевая пафос легкой смерти, они призывали японцев не рассуждая умирать за императора.

Эти идеи особенно усердно пропагандировались среди военнослужащих, которых давно готовили к завоевательным походам в соседние страны.

В 20-е и начале 30-х годов происходила реорганизация армии, оснащение ее новейшими образцами стрелкового и артиллерийского вооружения.

По мнению японских правящих кругов, в 1931 г. создалась благоприятная внутренняя и международная обстановка для осуществления захватнических планов. Глубокий и длительный экономический кризис, охвативший капиталистический мир, сильно поразил и Японию. Промышленный кризис совпал с аграрным. В стране резко упало производство промышленной продукции, армия безработных и полубезработных достигла почти 3 млн. человек. Заработная плата рабочих значительно

¹ Японский милитаризм, стр. 138.

уменьшилась. В 1931 г. внешняя торговля по сравнению с 1929 г. снизилась по экспорту на 47 и по импорту на 55 процентов¹. Цены на отдельные важные промышленные товары и основные продукты сельского хозяйства — рис и шелк-сырец — упали более чем наполовину.

Американский рынок стал для японских товаров труднодоступным. Цена на шелк снизилась до одной четверти прежней, что уменьшило стоимость японского экспорта в США более чем на 40 процентов. В июне 1930 г. США подняли таможенные пошлины на японские товары в среднем на 23 процента.

Экономические потрясения усилили недовольство среди трудящихся Японии. Возросло количество забастовок в городе и конфликтов крестьян с землевладельцами в деревне. В правительственных и военных кругах страны видели выход из сложившейся ситуации в завоевании новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала. Правые элементы активизировали свою деятельность. Возник союз военных «критиков» внешней политики и фашистских организаций, использовавших недовольство масс в своих политических целях. Милитаристы нуждались в массовой опоре, а фашисты — в оправдании своих демагогических лозунгов, которые можно было осуществить с помощью военной клики, ратававшей за «национальное обновление». Внешняя экспансия широко рекламировалась как средство решения внутренних противоречий.

Первым объектом для нападения агрессоры избрали Северо-Восточный Китай. На его долю приходилось 93 процента добычи нефти, 79 процентов выплавки железа, 55 процентов добычи золота, 41 процент железнодорожных линий, 37 процентов запасов железной руды, 23 процента выработки электроэнергии и 37 процентов внешнеторгового оборота Китая². Империалисты в Токио определенно рассчитывали на «понимание» мировым империализмом захвата Северо-Восточного Китая, благодаря которому Япония оказывалась в прямом приграничном соприкосновении с СССР.

В Японии развернулась широкая антисоветская пропаганда под лозунгом защиты Маньчжурии «от большевистской угрозы». В июле 1931 г. в прессе было опубликовано выступление генерала Койсо на заседании кабинета министров, в котором он заявил, что «выполнение пятилетки (в СССР. — *Ред.*) создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения».

Подобные выступления преследовали двоякую цель: подготовить общественное мнение страны и заверить западные державы, что острие агрессии направляется против СССР.

Одновременно японская дипломатия, стремясь обеспечить внезапность нападения, вступила в переговоры с гоминьдановским правительством об урегулировании разногласий. В Лондоне начались переговоры о разделе Китая на сферы влияния. Создавалось впечатление улучшения американо-японских отношений. За два дня до выступления японцев в Маньчжурии японский посол Дебуци в связи с предстоящим отпуском нанес визит государственному секретарю США Стимсону. Собеседники нашли, что момент, выбранный для отдыха посла, весьма удачен, так как в ближайшее время на дружественные отношения, установившиеся между их странами, ничто не сможет повлиять.

В связи с подготовкой к войне в первой половине 1931 г. японский генерал Харада посетил Европу для изучения обстановки. На обратном пути он остановился в Москве, где встречался с послом Хиротой и воен-

¹ Мировые экономические кризисы. 1848—1935. Т. I. М., 1937, стр. 420—424.

² Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950, стр. 84—85.

ным атташе Касахарой. Посол просил Хараду передать начальнику генерального штаба, чтобы Япония «проводила решительную политику против Советской России и была готова в любую минуту начать войну с целью захвата Восточной Сибири»¹. 29 марта 1931 г. Касахара писал в генеральный штаб, что Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы.

В марте полковник Судзуки был направлен в Северо-Восточный Китай и Корею с целью изучения вопроса о возможности использования этого района в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз. «Военные действия в Приморье, — писал Судзуки в докладе генштабу, — в основном предусматривают высадку главных сил армии на побережье восточнее Владивостока, причем части, действующие в Северной Корее, согласуют свои операции с главными силами, с тем чтобы вести самостоятельные действия в отрыве от главных сил»².

Японские милитаристы понимали, что рискованно начинать войну против СССР лишь своими силами. Поэтому японская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы создать агрессивный антисоветский блок капиталистических государств. Особую активность в этом отношении проявляли военные атташе, аккредитованные в Берлине, Варшаве, Анкаре, Лондоне, Париже, Риме.

Подготовка к агрессии сопровождалась усилением репрессий против борцов за мир и демократию. В 1929 г. было арестовано 4942 человека, в 1930 г. — 6124, в 1931 г. — 10 422, в 1932 г. — 13 938 человек³. Осенью 1932 г. полиция арестовала всех членов конференции компартии и произвела массовые аресты коммунистов в стране.

Но Коммунистическая партия Японии продолжала жить и бороться. Она разъясняла трудящимся смысл и характер перехода японского капитала в наступление, вскрывала причины взрыва национального шовинизма, призывала к интернациональной солидарности. Выполняя свой классовый долг, японские коммунисты предупреждали народ о готовящейся агрессии.

Японская промышленность быстро переводилась на военные рельсы, разворачивались новые отрасли военного производства, налаживался массовый выпуск вооружения и боеприпасов. Приоритет отдавался авиации и танкостроению. Возводились новые военно-морские судостроительные верфи. Параллельно создавался комплекс подсобных отраслей химии, металлургии цветных, легких и редких металлов.

Подробный план захвата Маньчжурии разрабатывался в штабе Квантунской армии летом 1931 г. Предлог для начала агрессии искали недолго — 18 сентября 1931 г. неподалеку от Мукдена на Южно-Маньчжурской железной дороге японская агентура совершила диверсию. Незначительные повреждения, причиненные взрывом, послужили «основанием» для оккупации японскими войсками всей Южной Маньчжурии. В трехмесячный срок Маньчжурия оказалась в руках агрессора. Но это явилось результатом не столько высокой боеспособности армии самураев, сколько отсутствия серьезного сопротивления со стороны китайских войск.

Как только началось японское нападение, Чан Кай-ши телеграфировал правителю Северо-Восточного Китая Чжан Сюэ-лянгу: «Избегать

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 90.

² ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 195, л. 178.

³ Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. Перевод с японского. М., 1955, стр. 124.

расширения инцидента, решительно не допускать сопротивления»¹. Чжан Сюэ-лян отдал приказ своим войскам, расположенным в Мукдене, оставить оружие в казармах, не применять его и не отвечать на огонь каким-либо другим способом². Чан Кай-ши считал главным врагом Коммунистическую партию и Красную армию Китая и, чтобы расправиться с ними, был готов пойти на стовор с Японией. Отсюда его политика: не оказывать вооруженного сопротивления японцам, не втягивать в антияпонскую борьбу китайский народ, не ослаблять свою армию и попытаться полностью переложить ликвидацию агрессии на Лигу наций.

Вот почему правительство Китая направило письмо на имя генерального секретаря Лиги наций. Китайский представитель просил немедленно созвать Совет Лиги и принять меры для сохранения мира между народами. В этом письме правительство Чан Кай-ши даже не квалифицировало нападение Японии на Китай как акт агрессии, хотя Япония нарушила договор девяти держав, пакт Бриана — Келлога³ и устав Лиги наций.

При обсуждении письма китайского правительства участники заседания Совета Лиги показали, что они не желают принимать каких-либо действенных мер против Японии. Объясняя это, британский представитель лорд Сесиль заявил: «Япония всегда была одним из столпов Лиги наций»⁴. Он предложил урегулировать конфликт на месте.

Совет Лиги наций принял решение послать японскому и китайскому правительствам телеграммы с предложением воздержаться от дальнейших враждебных действий и найти возможность отозвать свои войска. Таким образом, Лига прибегла к тому способу, который впоследствии неоднократно применялся империалистами: агрессор и его жертва получили одинаковые предостережения. Такое решение Лиги наций не было направлено против Японии. Генеральный секретарь Лиги наций Э. Друммонд в разговоре с японским делегатом отметил «отвагу» японских войск, а к китайскому правительству обратился с предупреждением, что эффективность действий Совета Лиги наций зависит от способности китайского правительства сдерживать антияпонское движение и соблюдать спокойствие⁵.

В первый же день рассмотрения японо-китайского «конфликта» Совет Лиги наций обратился с письмом к правительству США. «Позиция Соединенных Штатов имеет решающее значение для членов Лиги»⁶, — писал в своих мемуарах Вильсон, занимавший в то время пост американского посланника в Женеве.

Американское правительство через государственного секретаря Стимсона дало понять, что США не примут участия в расследовании мукденского инцидента. В кругу советников Стимсон осудил Лигу наций, «старшую передавать ношу» США, и указывал на необходимость избегать всего, что могло бы вызвать недовольство Японии.

¹ Лю Д а н я н ь. История американской агрессии в Китае. Краткий очерк. Перевод с китайского. М., 1951, стр. 107.

² «New York Times», September 19, 1931.

³ П а к т Б р и а н а — К е л л о г а (назван по имени министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога) — договор о запрещении войны в качестве орудия национальной политики. Советский Союз, проводя последовательную борьбу против агрессии и войны, за мир между народами, 6 сентября 1928 г. присоединился к пакту, а затем явился инициатором заключения Московского протокола о досрочном вступлении в силу этого пакта.

⁴ «League of Nations». Journal officiel. December, 1931, p. 2269.

⁵ Sadako O g a t a. Defiance in Manchuria. The Making of Japanese Foreign Policy, 1931—1932. Berkeley, 1964, p. 86.

⁶ N. W i l s o n. Diplomat Between Wars. New York, 1941, p. 260.

Стимсон телеграфировал в Женеву, что США не будут участвовать в обсуждении «японо-китайского спора» на форуме Лиги наций, и дал инструкции Вильсону всячески противодействовать созданию посреднической комиссии и содействовать тому, «чтобы Япония и Китай достигли соглашения между собой посредством прямых переговоров»¹. Высказывание заместителя государственного секретаря Кэстла было более определенным. Он считал, что наилучшим выходом из создавшегося положения «было бы установление полного контроля Японии над Северо-Восточным Китаем. Естественно, что в Токио испытывали большую признательность за такое «понимание». Стимсон вскоре записал в дневнике: «Японцы очень довольны моей предупредительностью, которую я им продемонстрировал, сопротивляясь слишком суровому обращению с ними...»² Весь капиталистический мир одобрил «тактичную» дипломатию Стимсона. Протестовали лишь жертва агрессии и Советский Союз.

Во второй половине октября на специальном заседании правительства президент США сформулировал свои взгляды по вопросу японских военных действий в Маньчжурии, которые затем изложил в пространным меморандуме. «Предположим,— писал Гувер,— Япония наберется смелости и заявит: «Больше мы не можем терпеть эти договоры. Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривается договорами. Значительная часть территории Китая находится под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках военного авантюриста, не признающего китайское правительство, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиниться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо. Само существование нашего народа зависит от расширения экспорта наших промышленных товаров в Китай и от гарантии поставок сырья из этой страны. Сегодня наша экономика почти парализована в связи с тем, что в Китае происходят беспорядки. Кроме того, при наличии большевистской России на севере и возможности появления на нашем фланге большевистского Китая наша независимость окажется под угрозой. Либо страны, поставившие свои подписи под пактом девяти держав, должны объединиться с нами и восстановить в Китае порядок, либо мы должны сделать это сами в качестве акта самосохранения. Если вы к нам не присоединитесь, мы будем считать себя свободными от взятых обязательств, поскольку ныне обстановка полностью изменилась».

Америка, разумеется, не приняла бы такое предложение, но и не смогла бы выдвинуть серьезные возражения против этого шага японцев»³.

Таким образом, президент США, по существу, рассматривал военные действия Японии в Маньчжурии как «наведение порядка» в Китае. Его беспокоило прежде всего национально-освободительное движение китайского народа и влияние Советского Союза на Дальнем Востоке. Поэтому в заключении меморандума говорилось, что США не будут предпринимать ни военных, ни экономических санкций против Японии⁴.

В Вашингтоне считали, что японские военные действия в Маньчжурии заставят Чан Кай-ши еще больше ориентироваться на США, приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к столкнове-

¹ FRUS. 1931, vol. III, p. 49.

² R. C u r r e n t. Secretary Stimson. A Study in Statecraft. New Brunswick, 1954, p. 75.

³ The Memoirs of Herbert Hoover. The Cabinet and the Presidency. 1920—1933. Vol. I. New York, 1952, p. 369.

⁴ I b i d., p. 370.

нию Японии с СССР. Для американского правительства важно было направить японскую экспансию на север, а не на юг.

Позиция Англии определялась в значительной степени тем, что в Маньчжурии у нее были малые экономические интересы. Поэтому в Лондоне полагали, что японские военные действия в северо-восточных провинциях Китая создадут военную угрозу Советскому Союзу, отвлекут внимание Чан Кай-ши от районов, в которых сосредоточены британские экономические интересы. Кроме того, нанкинское правительство вынуждено будет обращаться к Англии за помощью и поддержкой. Принималось во внимание и то, что Япония могла быть использована в случае необходимости для подавления национально-освободительного движения в Китае. Интересы Франции заключались в том, чтобы отвлечь внимание Японии от Индокитая.

Для обсуждения вопроса о вторжении Японии в Маньчжурию в середине октября 1931 г. вновь собрался Совет Лиги наций.

Стимсон телеграфировал американскому консулу в Женеве Джильберту, чтобы он покинул кресло за столом Совета и присутствовал в зале заседаний Совета лишь в качестве наблюдателя, как это было прежде¹. Его участие в работе Совета Лиги наций свелось к тому, что США присоединились еще к одной безрезультатной посылке Японии и Китаю напоминания о нарушении ими пакта Бриана — Келлога. Японцам было рекомендовано к 16 ноября 1931 г. вывести войска с оккупированной территории. Напрасно некоторые члены Лиги убеждали Вашингтон принять участие в обсуждении вопроса. В американской столице не желали противодействовать японской агрессии.

16 ноября Совет Лиги наций еще раз собрался в Париже для рассмотрения обстановки в Маньчжурии. Стимсон говорил по телефону американскому послу в Англии Дауэсу: «Мы не хотим, чтобы Вы или кто-нибудь еще бывали на заседаниях Совета Лиги, но мы желаем, чтобы они пришли к Вам и обсудили с Вами, а Вы с ними вопросы, которые интересуют США»².

Накануне открытия сессии Совета Лиги Саймон и японский посол в Лондоне Мацудайра пришли к единству мнений по вопросу о положении в Северо-Восточном Китае. Одновременно Дауэс вел переговоры с Мацудайрой, в ходе которых была достигнута договоренность о том, что «Лига должна отказаться от установления определенного срока эвакуации японских войск» и стремиться к прекращению «военных действий путем перемирия». После этого американский посол согласовал эту позицию с английским министром иностранных дел Саймоном. Затем Дауэс, прибыв в Париж, поспешил заручиться согласием Бриана³. Следовательно, основные вопросы были решены еще до открытия заседания Совета Лиги наций.

Одновременно реакционная печать Англии и Франции развернула широкую антисоветскую кампанию. Английская газета «Таймс» писала 14 ноября, что «с политической и экономической точки зрения действия Японии имеют значительное оправдание». На следующий день японскую агрессию оправдывала «Обсервер». Французская газета «Тан» 21 ноября утверждала: «Япония — цивилизованная нация, наш верный союзник в войне — представляет и защищает на Востоке мир социального порядка и мир против дикой анархии...» В тот же день другая французская газе-

¹ D. B o r g. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938. Cambridge, 1964, p. 5.

² FRUS. 1931, vol. III, p. 407—408.

³ Ch. D a w e s. Journal as Ambassador to Great Britain. New York, 1939, p. 412, 416.

та — «Орор» откровенно писала, что Япония «является в Китае хорошим жандармом», а «Матэн» выразила сожаление по поводу того, что действия японцев «развертываются только в Маньчжурии».

В печати раздавались и прямые призывы к войне против СССР. «Советская держава,— писала газета «Либерте»,— уязвима в Сибири. И если Европа поймет свой долг перед цивилизацией, то бесконечные степи Сибири могут стать в ближайший день полем битвы, в которой погибнет большевизм».

Политика поощрения агрессора особенно ярко проявилась в том, что под звуки успокоительных речей дипломатов в Лиге наций американские бизнесмены осенью 1931 г. и в 1932 г. предоставили Японии военные поставки на 181 млн. долларов¹, а военный министр Франции разрешил торговцам оружием тайно отправить в Германию порох для изготовления боеприпасов, заказанных Японией².

Явное попустительство США, Англии и Франции ободряло японских империалистов. Их войска предприняли наступление на север. В ноябре они захватили Цицикар и вышли на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В самой Японии усилилась антисоветская кампания.

10 декабря 1931 г. Совет Лиги наций принял решение, вполне устроившее агрессора: для расследования «маньчжурского инцидента» образовать комиссию во главе с англичанином лордом Литтоном. Это означало, что Лига наций окончательно решила не противодействовать японской агрессии, но произвести разведку дальнейших намерений Японии.

Первым против агрессоров выступил рабочий класс северо-восточных провинций Китая. 19 сентября рабочие Мукдена приняли активное участие в уличных боях против японских войск. С первых дней японского нападения на Маньчжурию Коммунистическая партия Китая противопоставила предательской политике гоминьдановской реакции действительную программу активной борьбы с агрессором. 22 сентября 1931 г. ЦК КПК выпустил воззвание с призывом организовать массовую борьбу против вооруженного вторжения Японии. Китайские патриоты во главе с компартией призывали правительство начать войну за изгнание японских милитаристов.

В Шанхае, Ухани, Нанкине, Бэйпине, Гонконге прошли массовые забастовки и демонстрации трудящихся. 23 сентября 1931 г. в Нанкине состоялся митинг, на котором присутствовало около 100 тыс. человек. Собравшиеся требовали от правительства объявить войну японским захватчикам. 26 сентября в Шанхае участники массового митинга призывали к развертыванию антиимпериалистической, антияпонской войны, объединению для этого всех сил китайского народа.

Коммунистическая партия развернула работу по организации анти-японских отрядов и созданию северо-восточной народно-революционной армии, по оказанию помощи добровольческим частям. На оккупированной территории возникли партизанские отряды, состоявшие из рабочих Южно-Маньчжурской железной дороги, горняков Бэньси и Фушуня, металлургов Мукдена и Аньшаня. Уже в ноябре 1931 г. двухтысячный партизанский отряд напал на японский гарнизон Фушуня. Партизаны нанесли ряд ударов по интервентам в промышленных районах Северо-Восточного Китая.

Еще большего размаха движение достигло в декабре 1931 г. В Нанкин прибыло более 50 тыс. представителей от различных организаций Китая.

¹ Ph. Noel - Baker. The Private Manufacture of Armaments. Vol. I. London, 1936, p. 49.

² «Journal officiel», 11 février, 1932, p. 575, 576.

Все они требовали от правительства Чан Кай-ши ответных военных действий против Японии. 2 декабря демонстрации прошли в Нанкине и Фучжоу, 5 декабря — в Бэйпине. 6 декабря гоминьдановское правительство объявило в столице военное положение. Несмотря на это, 28 декабря в Нанкине состоялась демонстрация 60 тыс. студентов, прибывших из Шанхая, Бэйпина, Ухани, Циндао и других городов. Участники демонстрации оказали сопротивление полиции.

Китайские патриоты стали широко применять экономическую форму борьбы против захватчиков: они повсеместно бойкотировали японские товары. В бойкоте приняли участие широкие слои китайского населения, включая часть национальной буржуазии, которая была заинтересована в вытеснении японских товаров и замене их китайскими.

Антияпонские выступления трудящихся Китая встретили поддержку и сочувствие советского народа, верного принципам классовой солидарности и пролетарского интернационализма. Газета «Правда» 25 сентября 1931 г. писала: «Есть только одна сила, способная положить конец насилию империалистов над трудящимися Китая, — это победа рабоче-крестьянской революции в Китае под руководством китайской компартии. Рабочие и крестьяне Китая уже несколько лет ведут не без успеха вооруженную борьбу против империалистов и гоминьдана. Теперь, когда японский империализм пытается расправиться с китайским народом, рабочие всего мира поднимаются на защиту китайской революции. Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием, их сочувствие на стороне китайского народа». Советские люди понимали, что захват северо-востока Китая положил начало активному проникновению Японии на континент, что Япония, осуществлявшая свою программу аннексий, создавала очаг мировой войны.

Оккупация Маньчжурии явилась нарушением русско-японского Портсмутского договора 1905 г. Продвижение японских войск на север, непосредственно к границам СССР, угрожало безопасности нашей страны.

Последовательно проводя миролюбивую внешнюю политику, Советское правительство в декабре 1931 г. предложило Японии заключить пакт о ненападении. После года проволочек токийское правительство заявило, что момент для заключения пакта о ненападении еще не созрел.

Высшее военно-политическое руководство Японии, став на путь агрессии против Китая и подготовки к войне против СССР, США и Великобритании, всемерно повышало мощь вооруженных сил. Увеличивалась численность личного состава, совершенствовались вооружение, организационная структура войск, оперативно-тактическая подготовка, усилилась идеологическая обработка военнослужащих. Япония создавала плацдармы в Маньчжурии и Корее для нападения на Советский Союз и военно-морские базы для ведения боевых действий против Соединенных Штатов Америки и Англии.

В 1930—1935 гг. вооруженные силы Японии увеличились с 250 тыс. до 400 тыс. человек, в том числе военно-морской флот — с 75 тыс. до 100 тыс. человек¹. Особенно быстро росла Квантунская армия. Ее численность с января по август 1932 г. увеличилась более чем в два раза, а количество орудий, танков, бронемашин, самолетов — в три раза.

Главкомандующим вооруженными силами Японии был император Хирохито, которому подчинялись военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота и генеральный инспектор военного обучения². В качестве совещательных органов при императоре

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 127; Япония. Сборник статей и материалов. М., 1934, стр. 245, 262.

² Н. L o r y. Japan's Military Masters. New York, 1943, p. 110.

имелись высший военный совет, совет фельдмаршалов и адмиралов и совет приближенных императора (дзюсинов). На период войны предусматривалось создание императорской ставки, состоящей из секций армии и флота и совета национальных ресурсов¹.

Сухопутные войска подчинялись военному министру и начальнику генерального штаба армии. Объединения, соединения и части армии входили во внутренние округа (Северный, Западный, Восточный и Центральный), группы войск (Квантунскую, Корейскую и Формозскую) и в экспедиционные войска в Китае.

Высшим объединением сухопутных войск являлась полевая армия, включавшая одну — четыре дивизии, одну или несколько пехотных бригад, бронетанковые, артиллерийские и другие части. Высшим соединением была пехотная дивизия двухбригадного состава, в которую входили четыре пехотных, артиллерийский, кавалерийский полки, бронетанковый отряд и другие части и подразделения общей численностью 26 тыс. человек. Штатная численность офицеров была рассчитана на развертывание каждой бригады в дивизию. В армии имелись и другие типы пехотных дивизий, в которых насчитывалось по 9 тыс. человек (в метрополии), по 14—17 тыс. (в Северном Китае), по 21 тыс. (в Квантунской армии)².

В 1930 г. сухопутные войска имели 720 танков, 600 самолетов, 1184 орудия, 5450 станковых и ручных пулеметов³. За 1931—1935 гг. намного увеличилась огневая мощь сухопутных войск. Они получили 574 танка, 1070 самолетов, 1651 орудие, более 10 тыс. пулеметов⁴.

В военно-морской флот Японии, руководство которым осуществляли военно-морской министр и начальник морского генерального штаба, входили созданный в мае 1933 г. объединенный флот (1, 2 и 3-й флоты и учебный отряд) и восемь военно-морских баз с «охранными эскадрами»⁵. 1-й флот (база Йокосука) имел наиболее мощные линкоры, новые крейсера, эсминцы и подводные лодки. Во 2-м флоте (база Сасебо) находились современные боевые корабли — крейсера, эсминцы и подводные лодки. 3-й флот, действовавший в китайских водах, состоял из кораблей устаревших типов. В 1931—1935 гг. военно-морской флот Японии пополнился 46 новыми боевыми кораблями, в основном крейсерами и эсминцами, общим водоизмещением 134 536 тонн⁶. Морская авиация в сентябре 1931 г. имела 472 базовых и 329 корабельных самолетов⁷. Всего военно-морской флот насчитывал в 1935 г. 9 линейных кораблей, 5 авианосцев, 2 авиатранспорта, 12 тяжелых и 22 легких крейсера, 7 устаревших крейсеров постройки 1899—1902 гг., 110 эсминцев и 63 подводные лодки⁸. В 1932—1935 гг. военно-морской флот получил 1980 новых базовых и корабельных самолетов, заменивших самолеты устаревших типов.

Подготовка вооруженных сил к расширению агрессии основывалась на опыте интервенции против Советской России, военных действий в Маньчжурии и Северном Китае; учитывались также военно-теоретические взгляды, распространенные в европейских странах и США.

¹ 服部卓四郎 大東亜戦争全史, 東京, 昭和45年, 142頁.

² Японский милитаризм, стр. 98, 161.

³ И. Попов. Япония. М., 1940, стр. 119.

⁴ 太平洋戦争終結論, 東京, 昭和33年, 321頁.

⁵ Е. Шведе. Военно-морской флот Японии. М.—Л., 1939, стр. 41.

⁶ 太平洋戦争終結論, 321頁.

⁷ М. Покладок. Япония и ее вооруженные силы. М., 1933, стр. 17.

⁸ Е. Шведе. Военные флоты 1937 г. Справочник по военно-морским силам иностранных государств. М.—Л., 1938, стр. 354—368; Masatake Okumiyu and Jiro Horikoshi with M. Saidin. Zero! The Story of Japanese Navy Air Force 1937—1945. London, 1957, p. 138—139.

В связи с тем что театры военных действий, на которых японское командование планировало проводить операции, имели самый разнообразный рельеф, растительность, водные бассейны и климатические условия, в оперативно-тактической подготовке армии большое внимание обращалось на отработку действий соединений, частей и подразделений в условиях ночи, в горах, с форсированием водных преград, в лесу, населенных пунктах, в пустыне, зимой. Основным видом боевых действий считалось наступление. При обучении войск ведению наступательного боя особенно тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия всех родов войск, а также организации совместных действий армии и военно-морского флота. С декабря 1933 г. Квантунская армия начала усиленную подготовку частей и соединений к нападению на СССР¹.

Основное внимание военно-морских сил Японии направлялось на подготовку к военным действиям против флотов США и Великобритании на Тихом океане и в районе Южных морей². Летом и осенью флот проводил большие маневры, которые начинались с длительного совместного плавания и заканчивались «сражением». Отрабатывались варианты действий с целью нарушения морских коммуникаций вероятного противника и обеспечения своих коммуникаций между японскими островами и китайским побережьем. К маневрам привлекались авианосный флот и базовая авиация военно-морских сил.

Захват Маньчжурии и программа дальнейших завоевательных походов использовались для усиления шовинистической пропаганды в стране. Росли популярность и авторитет военных кругов. По всей стране демонстрировался фильм, пропагандировавший особую роль Японии в Азии. На экране возникала политическая карта мира, в центре ее находились Япония и Маньчжоу-Го, а к этому «центру нового порядка» примыкали Сибирь, Китай, Индия и страны Южных морей. Изображение сопровождалось словами военного министра Араки: «Придет день, когда мы заставим весь мир относиться с уважением к нашим национальным ценностям... Соотечественники! Взгляните на положение в Азии. Будет ли оно неизменным вечно? Наша высшая миссия — создать в Азии рай. Я обращаюсь к вам с горячим призывом устремиться вперед в едином порыве». Вслед за этим на экране на длительное время появлялась надпись: «Свет приходит с Востока»³. Пропаганда такого рода захлестнула Японию.

Идеологическая подготовка японской армии представляла собой совокупность мероприятий правящих кругов, командования, реакционных организаций, специального пропагандистского аппарата, направленных на привитие личному составу тэнноистских⁴, шовинистически-милитаристских и антикоммунистических взглядов.

У военнослужащих воспитывались безграничная преданность императору и беспрекословное подчинение стоящим выше по должности. Смерть за императора считалась проявлением высшего патриотизма. «Кардинальными моментами в деле воспитания армии, — писал генерал Араки, — являются тренировка и закалка духа воина, чтобы он, не колеблясь ни минуты, готов был отдать жизнь за процветание императорского дома...»⁵ Воспитывая в личном составе стремление сознательно идти на смерть, командование превозносило героизм трех солдат-подрыв-

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 120.

² 高島辰彦 皇戦, 東京, 昭和13年, 208—209頁。

³ R. B u t o w. Tojo and the Coming of the War. Princeton, 1961, p. 46.

⁴ От слова «тэнно» — японский император.

⁵ Цит. по: Л. П е т р о в. Политаппарат японской армии и методы обработки японского солдата. М.—Л., 1934, стр. 30.

ников, погибших во время операции в Китае под Цзянванем¹. В центре Токио им был поставлен памятник. Японской военщине прививалась кастовая, профессиональная «этика», выраженная в самурайских традициях «бусидо». Их основной принцип — «отречение... от всех благ земной жизни и от самой жизни во имя идеи великой империи, вершиной которой является вера в императора и его божественное происхождение»². Личному составу внушалась также идея «кодо» («императорского пути»). Широкая пропаганда принципа Хакко Ити У внедряла идею создания колониальной империи под владичеством Японии. В армии повседневно пропагандировалось, что военная служба — особая честь, а военный — лучший человек: «Нет цветка краше вишни и человека лучше военного».

Для идеологической обработки населения, в особенности молодежи, были мобилизованы политические учреждения, например парламент, а также пресса, радио, кино, театр, учебные заведения, религия. Классовому отбору в вооруженные силы способствовала территориальная система комплектования. Как правило, полк дислоцировался в районе своего комплектования. По мнению военно-политического руководства Японии, это помогало установить тесную связь между командованием частей, местными властями и реакционными организациями для усиления идеологического воздействия на военнослужащих, а также для отсева призывников, пребывание которых в армии считалось нежелательным. Средний офицерский состав армии на 30 процентов был представлен сыновьями крупных и мелких помещиков, кулаков, на 30—35 процентов — выходцами из крупной и средней буржуазии, чиновничества и интеллигенции, на 35—40 процентов — из мелкобуржуазной среды и прочими элементами. Унтер-офицеры рекрутировались в основном из кулачества, мелких разорившихся торговцев, городского мещанства и интеллигенции. Рядовой состав пополнялся главным образом из крестьян. В армию, как правило, призывались младшие братья, не пользовавшиеся правом наследования и не имевшие средств к существованию. Из 500 тыс. призывников в строй становилось лишь около 100 тыс. человек³. При этом производился отсев политически неблагонадежных и физически слабых.

Ответственность за идеологическую обработку военнослужащих возлагалась на командиров всех степеней, которые в процессе воспитания личного состава должны были проявлять знание политики, основ педагогики и психологии солдат⁴. Командование жестоко наказывало офицеров за упущения в политическом воспитании. Например, в 1932 г. на шанхайском фронте была расстреляна в полном составе восставшая рота 24-й бригады: солдаты за мятеж, а офицеры за то, что не смогли предупредить солдатское выступление и справиться с ним.

Система идеологической обработки японских вооруженных сил сумела до такой степени извратить сознание военнослужащих, что они воспринимали агрессивные действия Японии как священное и патриотическое дело, стоящее любых жертв.

Курс на агрессию и войну нашел конкретное воплощение в военно-стратегических планах против Китая («Хэй») и против СССР («Оцу»)⁵, разработанных генеральным штабом армии Японии в конце 20-х —

¹ Солдаты, шедшие на штурм крепости, взрывались вместе с зарядами, которые они несли. (飯塚小路 日本の軍隊, 東京, 昭和43年, 35—36頁; 島崎平田 我等はもしたたかわば, 東京, 昭和8年, 77—78頁)。

² 林千治郎 武士道史と皇道関係論, 154頁。Согласно религии «синто», японский император является потомком богини солнца Аматэрасу.

³ Япония. Сборник статей и материалов, стр. 316.

⁴ 飯塚小路 日本の軍隊, 137, 150, 151—154頁。

⁵ «Хэй» и «Оцу» — циклические знаки в японском алфавите, означающие буквы А и Б.

начале 30-х годов. Генеральный штаб флота составил планы нападения на колониальные владения Великобритании, Франции и США.

В декабре 1933 г. генерал Тодзио, весьма влиятельный политический деятель, назвал Советский Союз первым врагом Японии. Он заявил, что для выполнения великой миссии «расы Ямато» (японцев. — *Ред.*) необходимо страну сплотить воедино и развивать вооруженные силы; прибегая к дипломатии, помнить, что «дипломатия, если она не поддержана силой, никогда не может достигнуть результата»¹.

В 1933 г. после захвата Маньчжурии и части территории Северного Китая генеральный штаб армии уточнил и детализировал план «Оцу»: из 30 дивизий, которые предполагалось сформировать, 24 выделялись для военных действий против Советского Союза. В первые же дни войны планировалось вторжение на территорию СССР. После успешного завершения операций, развиваемых на восток, намечалось нанести удар в северном направлении с целью овладения районом озера Байкал. Новый оперативно-стратегический план на 1934 год отличался от предыдущего тем, что предусматривал начало наступления еще до прибытия в Маньчжурию дополнительных контингентов японских войск. В нем была учтена вероятность ведения военных действий одновременно против Советского Союза и Китая².

Еще до оккупации Маньчжурии генеральный штаб армии спланировал военные действия против Китая: захват Бэйпина и Тяньцзиня, Шанхая и прилегающих к нему районов³. Для развертывания агрессии против США и Великобритании японское командование считало необходимым овладеть плацдармом в Южном Китае, расторгнуть Вашингтонское соглашение об ограничении морских вооружений и укрепить базы на Тихом океане, в первую очередь на Марианских и Каролинских островах. Планируя расширение агрессии, японское правительство приняло решение заключить военный союз с Германией⁴.

Правительство СССР, внимательно следя за действиями дальневосточного агрессора, изыскивало возможности организации коллективного отпора Японии. В этом большую роль могло сыграть правительство Китая.

Солидарность советского народа с китайским народом, боровшимся против японской агрессии, и готовность СССР оказать помощь жертвам этой агрессии нашли отклик среди китайских патриотов.

После захвата северо-восточных провинций Китая командование японской армии выбрало следующим объектом нападения Шанхай — крупнейший промышленный центр и ключ к долине реки Янцзы. Командующий японским экспедиционным корпусом Иосидзава 26 января 1932 г. заявил иностранным корреспондентам, что «займет Шанхай в течение трех часов без единого выстрела». Через три дня японцы вторглись в город, но неожиданно натолкнулись на мужественное сопротивление. Началась героическая оборона Шанхая. Народное ополчение и рабочие воодушевили солдат расположенной в городе 19-й китайской армии. Защитники Шанхая сумели в самоотверженной борьбе остановить противника, вторжение которого поддерживали 3 авианосца, 11 крейсеров и 36 эсминцев.

Попытка японцев захватить Шанхай вызвала крайнее беспокойство в лагере империалистов других стран, обострила их противоречия. Даль-

¹ R. B u t o w. Tojo and the Coming of the War, p. 45—46.

² Сабуро Х а я с и. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. Перевод с английского. М., 1964, стр. 24.

³ Т а м ж е, стр. 25—26.

⁴ В свою очередь германская сторона рассматривала Японию как потенциального союзника в германо-советском конфликте (J. M e s k i l l. Hitler and Japan: the Hollow Alliance. New York, 1966, p. 4).

нейшее распространение японской агрессии затрагивало интересы западных держав, так как через Шанхай проходило 40 процентов торговли Китая. Было ясно, что, захватив этот город, Япония займет господствующее положение в Центральном Китае. Новое японское наступление, отмечал английский исследователь, вызвало отрицательную реакцию общественного мнения в Англии, а также создало предпосылки для англо-американского сотрудничества на Дальнем Востоке¹. Президент США Гувер послал в Шанхай для совместных с англичанами действий войска и военные корабли. Коменданты военных баз на Филиппинах и Гавайских островах получили приказ укрепить эти американские форпосты.

Между тем Япония продолжала всемерно усиливать свои позиции в Китае. В целях маскировки агрессии японское правительство тщательно разработало и осуществило специфическую форму колониального режима в Маньчжурии. Система колониального господства прикрывалась местной национальной вывеской: 9 марта 1932 г. Япония провозгласила создание марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с Пу И — последним китайским императором из маньчжурской династии. Вскоре после образования Маньчжоу-Го японские наместники огласили его конституцию. Спустя 14 лет Пу И дал следующие показания: «На бумаге, чтобы обманывать народ и весь мир, они (японцы. — *Ред.*) представляли Маньчжурию как независимое государство. Но в действительности Маньчжоу-Го управлялось Квантунской армией»².

В конце февраля при посредничестве командующего английским флотом на Дальнем Востоке адмирала Келли начались японо-китайские переговоры о прекращении военных действий. В условиях нараставшего народного сопротивления гоминьдановское правительство 5 мая 1932 г. поспешило заключить перемирие с японским командованием. Вновь обнаружилось нежелание Чан Кай-ши дать отпор захватчикам.

С оккупацией Маньчжурии японскими войсками начался новый этап национально-освободительного движения китайского народа. Революционные силы во главе с коммунистической партией активизировали вооруженную борьбу. 14 апреля 1932 г. Временное центральное правительство освобожденных районов Китая обратилось к народу страны с манифестом, в котором официально объявило войну Японии. Партия призывала широкие массы под руководством этого правительства сплотиться в национально-революционной борьбе.

В ответ на этот призыв патриотические слои населения Северо-Восточного Китая, возглавляемые коммунистами, взяли курс на организацию вооруженного отпора японским агрессорам. Вместе с ними на путь вооруженной борьбы вступили и корейцы, эмигрировавшие в Северо-Восточный Китай. Вооруженной борьбой корейцев руководили коммунисты, которые видели в ней возможность избавления своей поработенной родины от ига японского милитаризма.

Наиболее широкий размах партизанское движение корейцев, проживавших на территории Северо-Восточного Китая, приобрело в пределах Цзяндао³. Именно здесь, в уезде Аньту, был создан первый парти-

¹ R. B a s s e t t. Democracy and Foreign Policy. A Case History. The Sino-Japanese Dispute, 1931—1933. London, 1952, p. 65.

² ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 188, л. 412.

³ Ц з я н д а о — юго-восточная часть провинции Гири (Цзилинь), а после образования Маньчжоу-Го — провинция этого марионеточного государства; площадь — свыше 30 тыс. кв. км. Сюда от произвола полицейских властей после оккупации Кореи японскими войсками стали уходить в массовом порядке корейцы. По данным на конец 1943 г., в Цзяндао проживало 848,8 тыс. жителей, из которых 622,6 тыс. человек, или 73 процента, — корейцы.

занский отряд под руководством Ким Ир Сена (Ким Сон Чжу). Партизанское движение двух соседних народов против общего врага стало сливаться в единый поток. По мере его расширения на территории Маньчжурии начали формироваться крупные партизанские соединения. В 1934 г. было создано и самостоятельное соединение корейских партизан — корейская Народно-революционная армия (КНРА).

Партизанские армии стали наращивать удары по оккупантам, и прежде всего по полицейским учреждениям, марионеточным воинским формированиям и даже регулярным войскам японской Квантунской армии. В борьбе с оккупантами они накапливали боевой опыт и совершенствовали организационные формы. К концу 1935 г. в Северо-Восточном Китае действовало уже семь партизанских армий, в том числе и КНРА. Партизанские армии не имели единого руководящего органа и действовали обособленно. Лишь в 1937 г. было создано объединенное командование партизанских армий, которое возглавил китайский коммунист Ян Цзин-юй.

Новый этап национально-освободительного движения китайского народа характерен постепенным образованием единого антиимпериалистического фронта борьбы, который складывался под непосредственным влиянием Коминтерна при руководящей роли Коммунистической партии Китая. В июне 1932 г. политическая комиссия ИККИ отмечала, что в Китае намечается тенденция к слиянию борьбы масс освобожденных районов с рабочим движением на гоминьдановской территории. В этом слиянии — залог победоносного развития антиимпериалистической борьбы.

3. Образование очага новой мировой войны

Милитаристская Япония, захватив северо-восточные провинции Китая, экспроприировала все расположенные на территории Маньчжурии китайские железные дороги, аннулировала китайские банкноты. Оккупированная Маньчжурия стала важнейшим источником сырья для Японии. Промышленный потенциал этой богатейшей части Китая привлекал японские монополии. Выгодное географическое положение Маньчжурии позволяло превратить ее в плацдарм для агрессии на север, запад и юг Азиатского континента. Поэтому японский генеральный штаб считал Маньчжурию главным опорным пунктом дальнейшей экспансии.

В первые же месяцы оккупации Япония приступила к выкачиванию из Маньчжурии всех видов сырья, прежде всего для тяжелой промышленности. В метрополию пошел поток каменного угля, железной руды, бокситов, цинка, олова, леса. В расхищении естественных богатств захваченной территории объединили свои силы концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и государственная машина, предоставившая монополиям-гигантам не только исключительно выгодные концессии на эксплуатацию сырьевых ресурсов, но и огромные субсидии. С 1932 по 1936 г. сумма чистых капиталовложений Японии в экономику Маньчжурии составила 1,2 млрд. иен (приблизительно 90 процентов всех иностранных капиталовложений)¹.

В целях максимальной эксплуатации природных и людских ресурсов Маньчжурии, ставшей, по существу, колонией Японии, оккупанты форсировали развитие ее экономики. Стратегическим «освоением» этого богатейшего края непосредственно занялся штаб Квантунской армии. Под его руководством составлялись первый и второй варианты «экономической программы», рассчитанные главным образом на то, чтобы обес-

¹ Дж. К о е н. Военная экономика Японии, стр. 46.

печить всем необходимым из местных ресурсов Квантунскую армию, готовившуюся для захвата обширных территорий Китая и советского Дальнего Востока. С этой целью на предприятиях Маньчжурии увеличивалась выплавка чугуна, стали, добыча угля, производство синтетической нефти. Военные заводы приступили к серийному выпуску новых видов стрелкового и артиллерийского вооружения. Немного позже была составлена дополнительная программа, предусматривавшая серийное производство танков и бронемашин.

Оккупанты развернули у китайской, монгольской и советской границ интенсивное строительство аэродромов, железных и шоссейных дорог. К 1934 г. в Северо-Восточном Китае и Корее — тыловой базе маньчжурского стратегического плацдарма — было построено около 40 аэродромов и 50 посадочных площадок. Начала действовать важнейшая стратегическая железная дорога между Кореей и Маньчжурией, и Япония приобрела возможность перебрасывать войска к границам СССР вдвое быстрее, чем прежде. В Маньчжурии было построено около 1000 километров железных дорог стратегического значения. Все ближе к советским границам выдвигались базы снабжения, парки автомашин, арсеналы, пункты военного обеспечения.

Японские империалисты проявляли особую заботу о Квантунской армии, предназначавшейся для выполнения широких агрессивных планов. Эта армия представляла собой одну из наиболее сильных и хорошо оснащенных группировок японских войск. Ее личный состав прошел длительную специальную подготовку с учетом географического положения и климатических условий Дальневосточного театра военных действий и был воспитан в духе непримиримой ненависти к Советскому Союзу. Квантунская армия непрерывно пополнялась новыми частями и соединениями. В 1934 г. в ее составе находилось пять пехотных дивизий, две пехотные и три охранные бригады, пять авиаполков, танковый, тяжелый артиллерийский полки, железнодорожный полк и полк связи. На границах с Советским Союзом — в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах — в 1935 г. было сосредоточено более 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских солдат и офицеров, свыше 200 боевых самолетов¹.

Квантунская армия, чувствуя себя полновластным хозяином, ввела строжайший контроль за экономической и политической жизнью Маньчжурии. Население оккупированных районов воспитывалось в духе покорности японскому диктату, антикоммунизма и антисоветизма. В школьные программы включалось изучение географии «великой Японии», к которой причислялись территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала. Под руководством штаба армии было создано «Общество молодых патриотов». В его задачу входило «поднятие культурного и морального уровня населения и воспитание у него уважения к Японии и верности ей»². Вскоре общество уже насчитывало 2917 штабов в провинциях и городах Маньчжурии. В центральном штабе работали 73 офицера Квантунской армии.

Создавались многочисленные японские поселения, размещавшиеся, как правило, неподалеку от советской границы. Японские переселенцы имели оружие, обучались военному делу и могли быть в любое время использованы для захватнической войны против СССР и МНР.

Таким образом, путем колониальной эксплуатации местного населения, усиленного развития военной промышленности, строительства

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 136; д. 275, л. 100; Сабуро Х а я с и. Японская армия в военных действиях на Тихом океане, стр. 25.

² 大和田三木尾 満州国文化総論, 東京, 昭和16年, 94頁。

аэродромов, стратегических железных и шоссейных дорог японские руководящие круги стремились подготовить Маньчжурию в качестве своего плацдарма.

14 июля 1932 г. военный атташе Японии в Москве Кавабэ направил специальный доклад японскому генеральному штабу, предлагая усилить подготовку к войне с Советским Союзом, которая, по его мнению, была неизбежна¹. На следующий день начальник русского отделения 2-го (разведывательного) отдела японского генерального штаба Касахара телеграфировал Кавабэ, что «подготовка (армии и флота. — *Ред.*) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии»². В 1933 г. военный министр Араки на совещании губернаторов заявил: «...в проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом, поэтому Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири»³.

Как было подтверждено на процессе в Токио, в генеральном штабе «между начальниками отделов и отделений существовала договоренность о том, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена к 1934 г.»⁴.

Усиливались провокации японской военщины и ее маньчжурских ставленников на принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороге. В заявлении Наркоминдела СССР от 16 апреля 1933 г., переданном японскому послу в Москве, перечислялись многочисленные факты нарушения японцами договорных заверений, данных ими в отношении КВЖД. Стремясь пресечь провокационные выступления японских милитаристов, Советское правительство предложило Японии купить КВЖД. После длительных отказов и проволочек японское правительство в 1935 г. согласилось на приобретение дороги государством Маньчжоу-Го за 140 млн. иен плюс 30 млн. в качестве компенсации советским железнодорожным служащим. Цена была явно заниженной, но СССР, стремясь отсечь узел японских провокаций, согласился на такие условия.

4 января 1933 г. правительство Советского Союза повторно предложило Японии заключить пакт о ненападении. Начальник бюро европейско-американских дел японского МИД Того в секретном меморандуме вынужден был признать, что «желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»⁵. Но в Токио оставались верными антисоветскому курсу — предложение СССР не было принято. Позиция Советского Союза по этому вопросу была высказана на XVII съезде ВКП(б). «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении... — говорилось в Отчетном докладе ЦК съезду, — лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается»⁶.

Границы Советского Союза и Монгольской Народной Республики стали ареной непрерывных японских провокаций. СССР и МНР пресекали

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 256, л. 163.

² Там же.

³ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. Январь — июнь 1948 г. Ч. I. М., 1950, стр. 454.

⁴ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 195, л. 234.

⁵ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 256, л. 164.

⁶ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет (далее — XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет). М., 1934, стр. 14.

их силой оружия. Только за один 1935 год было зарегистрировано около 80 случаев провокаций японской военщины и агентуры на границах СССР. Усилились провокационные действия судов Сунгарийской флотилии Японии. В 1936 г. советская пограничная охрана задержала 137 японских агентов ¹.

Перед советским военным командованием стояла сложная и трудная задача. Защита границы, протянувшейся на тысячи километров и отдаленной от основных индустриальных центров страны, требовала большого напряжения сил. Выполняя интернациональный долг, Советская Армия оказала помощь в укреплении обороны Монгольской Народной Республики, имевшей большую и уязвимую границу с Маньчжоу-Го. 24 ноября 1934 г. правительство СССР по просьбе монгольского правительства заключило с МНР соглашение, по которому оба государства давали обязательства в случае нападения на одну из сторон оказывать друг другу помощь вплоть до военной. И это было своевременно, поскольку уже с 1935 г. японская армия начала сосредоточивать свои силы по всему фронту монголо-маньчжурской границы. Положение на дальневосточных рубежах СССР и союзной МНР становилось все более напряженным.

В Токио тем временем решали вопрос о районе концентрации военных усилий. Строителей «японской империи» привлекал Китай, ослабленный гражданской войной и разрухой. Китай так и не получил никакой поддержки от США и Англии для отражения японской агрессии. В марте 1933 г. японские войска захватили китайскую провинцию Жэхэ, миновали Великую Китайскую стену и оказались на путях, ведущих в Центральный Китай.

Попав в тяжелое положение, китайское правительство вступило с японцами в тайные переговоры о перемирии. Скрытность их была обусловлена требованием японской дипломатии не уведомлять и не вовлекать в переговоры третью сторону. Утром 31 мая 1933 г. китайская делегация, согласно выработанному японцами унижительному ритуалу, покинула свои роскошные вагоны и по пыльной дороге направилась в резиденцию японского командования, где подписала соглашение о перемирии, по которому японцы удерживали все захваченное. Перемирие в Тангу (по месту подписания) означало капитуляцию правительства Чан Кай-ши перед агрессором. Чан Кай-ши вновь обратился к своим покровителям и союзникам в Западной Европе и США с просьбами о помощи и предоставлении займов ².

В Токио внимательно следили за дипломатическими демаршами своей жертвы и выжидали момента, когда изолированный и ослабленный националистический Китай пойдет на новую сделку с Японией.

США и Англия проявили циничное равнодушие к судьбе Китая. Более того, они оказывали Японии экономическую помощь и прямую военную поддержку. США являлись главным поставщиком дефицитных материалов и стратегического сырья для японской промышленности. Сразу же после вторжения японских войск в северо-восточные провинции Китая поток военно-стратегических материалов возрос во много раз. Импорт бензина полностью контролировался американскими компаниями. Представители военно-морского флота США полагали, что не только позволительно, но и желательно продавать военное снаряжение Японии. Англия также поставляла ей вооружение и дефицитные материалы.

Ободренная своими успехами, Япония 27 марта 1933 г. официально возвестила о выходе из Лиги наций. Даже эта международная органи-

¹ Архив Министерства обороны СССР (далее — Архив МО), ф. 13, оп. 13714. д. 1, лл. 26—27.

² FRUS. 1933, vol. III, p. 495, 643.

зация расценивалась в Токио как препятствие на пути осуществления экспансионистского курса.

Но отношение Японии к Лиге наций не меняло политику США и Англии. Американский посол в Японии Грю сообщал своему правительству, что «большая часть общества и армия под влиянием пропаганды пришли к выводу о неизбежности войны Японии с Соединенными Штатами, либо Японии с Россией, либо с обеими сразу»¹. Посол говорил о быстром укреплении и высокой боеспособности японской армии и флота, об их крайней агрессивности. Но все эти сообщения не влияли на курс Вашингтона. Впрочем, и сам Грю был непоследователен. В одних случаях он признавал, что японская агрессия опасна и для США, в других опасность исключал. Он писал, что с практической точки зрения оккупация Маньчжурии Японией принесла много преимуществ: созданное и управляемое японцами Маньчжоу-Го будет служить бастионом на пути большевизма. Доказывая возможности «бастиона», Грю сообщал в Вашингтон, что японские вооруженные силы являются самыми мощными в мире².

В октябре 1933 г. государственный секретарь США Хэлл писал Грю «о своей радости» по поводу улучшения отношений между США и Японией³.

Американские правительственные круги радовало то направление, в котором, как им казалось, развивалась агрессия их империалистического конкурента на Тихом океане: японские дивизии тогда находились на советской границе. Все расчеты правящих кругов США и Англии строились из предположения японо-советской войны. Американское посольство каждые две недели сообщало в Вашингтон о состоянии отношений между Японией и СССР⁴. Оно предсказывало, что нападение на Советский Союз осуществится сразу же, как только японская армия завершит модернизацию. По мнению посольства, японцы не станут откладывать начало военных действий на более поздний период, так как всякая отсрочка будет на руку Советскому Союзу, энергично осуществлявшему оборонительную программу на Дальнем Востоке.

Учитывая позицию США и Англии, Япония стала действовать более решительно. 17 апреля 1934 г. заведующий отделом информации МИД Японии Амо сделал иностранным корреспондентам неофициальное заявление о том, что Япония играет в делах Восточной Азии особую роль и будет противостоять любым действиям Китая или третьих держав в случае организации сопротивления ее политике, если даже это выразится в форме технической или финансовой, не говоря уже о военной помощи Китаю⁵.

Правительства США и Англии поняли смысл заявления. Посол Грю отмечал, что осуществление принципов, изложенных в нем, поставит Китай в зависимое положение от Японии⁶. Английский министр иностранных дел Саймон в разговоре с послом США в Англии Бингхэмом сказал, что он с большим опасением относится к подобным заявлениям Токио⁷. Однако политика «умиротворения» возобладала и на этот раз.

Используя тяжелое положение Китая, Япония все более открыто требовала установления своей опеки над ним. Чрезвычайные эмиссары Токио в строжайшей тайне почти ежедневно беседовали с Чан Кай-ши, и

¹ FRUS. 1933, vol. III, p. 196.

² D. B o r g. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938, p. 32, 38.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan 1931—1941. Vol. I. Washington, 1947, p. 125.

⁴ Наиболее значительные из этих сообщений см. FRUS. 1933, vol. III, p. 421, 424, 434, 458; 1934, vol. III, p. 32, 297; 1938, vol. III, p. 49, 106.

⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan 1931—1941, vol. I, p. 224—225.

⁶ FRUS. 1934, vol. III, p. 121.

⁷ I b i d., p. 122.

иностранные посольства могли лишь фиксировать продолжительность бесед.

В новых тайных переговорах с Японией гоминьдановский Китай демонстрировал свою сговорчивость. С согласия Чан Кай-ши между представителями китайской и японской сторон была достигнута договоренность, в результате которой 51-я армия и дивизии, подчинявшиеся центральному правительству, были выведены из провинции Хэбэй, все органы гоминьдана распущены, было объявлено о запрещении антияпонской агитации. Вскоре та же участь постигла и провинцию Чахар¹.

Уверовавшая в безнаказанность, японская военщина теперь уже не пыталась даже скрыть своих планов. 17 октября 1935 г. командующий японскими войсками в Северном Китае генерал Тада выступил с меморандумом, в котором заявил, что на Японию возложена божественная миссия «освобождения народов Востока, стонущих под игом белой расы». Китай, заявил генерал, должен признать, что единственным реальным решением всех его проблем было бы сотрудничество с Японией. Тада обещал создать «рай сосуществования и общего процветания». Первые шаги к этому «раю», говорил он, следует сделать в Северном Китае². 29 октября Тада обвинил центральное китайское правительство в невыполнении обещаний о роспуске всех антияпонских организаций в Северном Китае. Вслед за этим прокатилась волна арестов известных своим свободомыслием лиц, всех заподозренных в «нелояльном» отношении к японцам.

В октябре 1935 г. Япония провозгласила свою политику в отношении Китая. Она заключалась в «трех принципах», изложенных японским министром иностранных дел Хиротой: союз Китая с Японией для подавления коммунизма в Азии; отход Китая от политики сотрудничества с «варварами» (имелись в виду все иностранные державы, кроме Японии.— *Ред.*); установление экономического сотрудничества между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем³. Вполне очевидно, что следование Китая данным принципам означало: согласие на занятие китайской земли японскими оккупационными силами; установление опеки Японии над Китаем, особенно во внешней политике и в экономической области; поглощение китайской экономики японской.

Подготавливая измену в национальном масштабе, Чан Кай-ши начал переговоры с японским послом об осуществлении «трех принципов» Хироты. Оправдывая политику «умиротворения» агрессора, Чан Кай-ши осенью 1935 г. открыто заявил: «Ради высоких идеалов взаимного процветания и совместного существования двух народов, а также ради сохранения мира в Восточной Азии мы готовы пойти на разумные уступки для удовлетворения японских интересов»⁴. Японцы в подкрепление «аргументов» своего посла направили воинские части к Бэйпину и Тяньцзиню. 27 ноября армия оккупантов захватила важные стратегические дороги севера. В результате военного давления и политического шантажа Япония добилась успеха: в конце декабря 1935 г. в полусекретной обстановке, опасаясь народного гнева, гоминьдановская верхушка Китая дала согласие на образование зависимого от Японии сепаратного Хэбэй-Чахарского политического совета. Таким образом, в страхе перед прогрессивным движением, упрочивая свою власть какими угодно методами, гоминьдановские правители выдали агрессору еще две крупные провинции Китая. Так Япо-

¹ Royama Masamichi. Foreign Policy of Japan, 1914—1939. Tokyo, 1941, p. 95—96.

² «The China Weekly Review», vol. 74, Shanghai, November 2, 1935, p. 306.

³ D. Borg. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938, p. 148; Seiji Hishida. Japan Among the Great Powers. London, 1940, p. 357—359.

⁴ Цит. по: В. Аварин. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947, стр. 95.

ния, расширяя экспансию, добилась установления господства над значительной территорией Северного Китая. В результате опасность японской агрессии для Советского Союза еще более усилилась.

Развертывая подготовку войны против СССР и Китая, японские милитаристы внимательно следили за складывавшейся в мире обстановкой. Они понимали, что США и Великобритания не намерены открыто противостоять Японии в ее экспансии. Учитывая то, что управляемый гоминьдановским правительством Китай также не стремился встать всеми силами на пути японского продвижения в глубь Азии, в Токио приходили к выводу, что единственной силой, способной нарушить их планы, является Советский Союз, сумевший в чрезвычайно трудных условиях надежно укрепить оборону своих дальневосточных рубежей. Японская правящая верхушка, сознавая это, искала в мире такие силы, которые могли бы отвлечь боевую мощь армии социалистического государства.

Вот почему захват гитлеровцами власти в Германии рассматривался правящими кругами Японии как своего рода дар судьбы. Азиатский агрессор смотрел на нацистского хищника с тайной надеждой, что тот в своем стремлении занять господствующее положение в Европе сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, США, Англии и Франции, а это облегчит осуществление захватнических планов японских монополистов.

Нацистские стратеги со своей стороны видели в милитаристской Японии потенциального союзника, способного создать против СССР второй фронт — на востоке, ослабить страну социализма, увеличить удельный вес Германии в Европе. Обоюдная «симпатия» двух мировых агрессоров начинает обнаруживаться уже в 1933 г. Японо-германское сближение прогрессировало с каждым последующим годом, несмотря на то что еще в первой мировой войне обе державы воевали друг против друга и самурайский дух «стоявшей в центре мира» Японии не терпел конкурентов, а гитлеровская идеология считала желтую расу одной из низших рас человечества.

Агрессивные интересы японского и германского империализма — вот что сближало эти столь далеко расположенные друг от друга державы. Их объединяла ненависть к первой в мире стране социализма, расчет на взаимопомощь в осуществлении планов овладения миром. Правящие круги обеих стран алчно взирали на потенциальную добычу — британские и французские колониальные владения. Агрессивная идеология самураев находилась в кровном родстве с теориями «избранного народа» нацистов. Насилие, подавление внутренней оппозиции, вся внутренняя структура Германии и Японии предопределили их сближение.

Когда глава японской делегации в Лиге наций Мацуока 24 февраля 1933 г. покинул зал заседаний, символизируя выход Японии из этой международной организации, он не спешил вернуться на родину. Мацуока — теперь уже неофициально — посетил ряд европейских столиц. В начале марта новые хозяева Германии показали ему гигантские промышленные комплексы «ИГ Фарбениндустри», Круппа и Сименса. 4 марта в немецкой прессе Мацуока назвал Германию «одной и единственной страной в истории, которая имеет столько параллелей с историческим путем Японии и которая также борется за признание своего места в глазах всего мира»¹. Мацуока был принят руководителями рейха.

В конце марта 1933 г. немецкие консулы в Маньчжурии получили из Берлина приказ тесно сотрудничать с японцами. Официоз нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер» 14 августа 1933 г., поддерживая японскую агрессию, писала: «Япония сто раз права, когда стремится играть

¹ F. P r e s s e i s e n. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy 1933—1941. The Hague, 1958, p. 32.

особую роль в Восточной Азии». На Нюрнбергском процессе Риббентроп показал, что в 1933 г. Гитлер запрашивал его мнение о возможности союза с Японией на антисоветской основе ¹.

В сентябре 1933 г., когда Квантунская армия терзала свою жертву, гитлеровский идеолог Розенберг говорил на съезде нацистской партии в Нюрнберге: «Мы признаем закономерность развития желтой расы и желаем ей в пределах своего жизненного пространства создать такую культуру, которая соответствовала бы ее духу»².

В январе 1934 г. в Японии вышел сборник речей нацистского фюрера со специальным «обращением автора к японскому народу», призывавшим крепить германо-японские связи.

Дипломатическое сближение двух стран ускорило с назначением послом Германии в Токио Дирксена. Перед отбытием в японскую столицу его инструктировали Гинденбург, Гитлер и военный министр Бломберг. Последний дал понять, что цель Гитлера — установление тесных отношений с Японией, которую он желает видеть своей военной союзницей ³. Посольство США в Берлине 9 февраля 1934 г. сообщило своему государственному секретарю, что германское министерство пропаганды обязало все немецкие газеты и журналы не публиковать статьи, неприятные японцам ⁴. Обе страны установили регулярную радиосвязь, была создана германо-японская ассоциация. Президент палаты пэров Японии Токугава во время визита в Германию, обставленного с большой помпой, заявил, что «дружба между нашими могущественными странами будет еще более крепкой»⁵.

Началось сближение и по военной линии. Немецкий флот обращался за новейшими достижениями в области кораблестроения в первую очередь к Японии, а не к Англии, как ожидали в Лондоне. Германию особенно интересовала техника строительства авианосцев. Посол Дирксен с удовлетворением сообщал, что японцы, изменив прежней скрытности, дали чрезвычайно важные сведения немецким специалистам. Американский посол в Японии отметил «интимный характер обмена мнениями и информацией, существующий между Японией и Германией»⁶. В мае 1935 г. 70 японских офицеров направились в Германию «для службы связи». В июне — июле американский посол в Берлине сообщал, что, по его мнению, Гитлер в стремлении окружить Россию решил заключить союз с Японией ⁷. Чтобы как-то «сократить» географическую отдаленность, между Токио и Берлином устанавливается телефонная связь через страны Южных морей.

В июне 1935 г. непосредственно встает вопрос о японо-германском военном союзе. Риббентроп, а затем и Гитлер через военного атташе Японии генерала Осиму предложили заключить союз, направленный против СССР ⁸. Отвечая на запрос Осимы, Токио послал в Берлин представителя генерального штаба Вакамацу. В декабре в германской столице в обстановке крайней секретности состоялась конференция, участниками которой были Осима, Вакамацу, Риббентроп и Бломберг ⁹. Японский эмиссар

¹ F. Presseisen. Germany and Japan, p. 43.

² A. Rosenberg. Blut und Ehre. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919—1933. München, 1939, S. 347.

³ F. Presseisen. Germany and Japan, p. 43, 45.

⁴ F. Ikle. German-Japanese Relations 1936—1940. New York, 1956, p. 26, 199; F. Presseisen. Germany and Japan, p. 45.

⁵ Okanouye Kurota. Japan und Deutschland. Die beiden Welträtsel. Politische, wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung. Berlin, 1936, S. 121—122.

⁶ J. Grew. Ten Years in Japan. New York, 1944, p. 155.

⁷ FRUS. 1935, vol. II, p. 311.

⁸ F. Presseisen. Germany and Japan, p. 83; R. Buto. Japan's Decision to Surrender. Stanford, 1954, p. 104.

⁹ F. Presseisen. Germany and Japan, p. 84—85.

довел до присутствующих мнение своего генерального штаба о желании заключить договор с Германией. Главные пункты его надлежало выработать и согласовать в первую очередь генеральным штабам обеих стран.

Так была заложена основа для заключения в следующем году военного пакта агрессоров.

Тем временем глубокие изменения происходили во внутрисполитической жизни Китая. Тяжелое чувство национального унижения охватило широкие слои населения. Среди представителей различных классов и социальных групп — рабочих, крестьян, интеллигенции, буржуазии и даже части помещиков — росло стремление оказать отпор захватчикам, укреплялось сознание необходимости объединить все силы китайской нации для решительного вооруженного сопротивления агрессии. В результате возникли объективные предпосылки для создания единого национального антияпонского фронта.

Встал вопрос о немедленном прекращении гражданской войны, которую вел Чан Кай-ши против революционных сил Китая. В июне 1935 г. в воззвании центрального правительства и реввоенсовета революционных баз говорилось о создании «единого народного фронта всех борющихся против японского империализма и Чан Кай-ши»¹. При самом активном участии ИККИ было подготовлено обращение ЦК КПК и Временного рабоче-крестьянского правительства (декларация 1 августа 1935 г.), в котором предлагалось положить конец междоусобной борьбе, выражалась готовность Красной армии Китая прекратить военные действия против чанкайшистских войск и организовать совместную борьбу против японского империализма. «За последние годы, — говорилось в обращении, — наша страна и наш народ находятся на волоске от гибели. Если Японии будет дан отпор — Китай будет жить; если нет — Китай погибнет. Отпор Японии и спасение родины стали священным долгом каждого китайца»². Это обращение явилось важным поворотным моментом в политике сплочения антиимпериалистических сил в Китае.

Реальная оценка сложной обстановки на Дальнем Востоке приводила Советское правительство к бесспорному выводу: милитаристы Японии встали на путь агрессии против стран Азиатского континента и в своем движении на северо-запад создали большую угрозу для Советского государства. Это настоятельно требовало ускорить подготовку дальневосточных районов СССР к неожиданным поворотам авантюристического курса милитаристской Японии. Прилагая огромные усилия в области социалистической индустриализации, Страна Советов вынуждена была крепить свои дальневосточные рубежи. Только мощь Советской Армии могла отрезвить японских генералов, опьяненных безнаказанностью агрессии в Китае.

Коммунистическая партия и Советское правительство разработали и в короткие сроки осуществили ряд важнейших мероприятий по дальнейшему укреплению дальневосточных рубежей.

Дальний Восток превратился в огромную строительную площадку, вступали в строй новые заводы и фабрики. Темпы строительства возрастали из года в год. В 1932 г. ассигнования на капитальное строительство на советском Дальнем Востоке превысили уровень 1928 г. в 5 раз, а в 1937 г. — в 22,5 раза.

За годы второй пятилетки в Приморье выпуск валовой продукции крупной промышленности возрос почти в три раза, добыча угля увеличилась почти вдвое, золотодобыча — втрое, выпуск продукции машиностроения и металлообработки — в четыре с лишним раза³.

¹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 388.

² Коминтерн и Восток, стр. 350—351

³ Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971, стр. 195.

Расширялись посевы хлеба, овощей и картофеля. Был создан особый колхозный корпус (ОКК). В постановлении Центрального Комитета ВКП(б) от 16 марта 1932 г. указывалось, что цель создания ОКК состоит в том, «чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развивать экономику Дальнего Востока»¹.

Для укрепления дальневосточных границ большое значение имело освоение новоселами, и в том числе военнослужащими, уходившими в запас, огромных просторов благодатного края. Только за два года (1931—1932) на Дальнем Востоке поселилось более 14 тыс. бывших военнослужащих и их семей. Большую роль в подъеме промышленности, сельского хозяйства и заселении края сыграло принятое в декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР постановление «О льготах для населения Дальневосточного края».

Учитывая нарастание угрозы военного нападения на СССР со стороны Японии, Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли срочные меры к усилению войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). 13 января 1932 г. комиссия обороны при СНК СССР в постановлении об усилении ОКДВА войсками и военно-техническими средствами указала на необходимость перевести на штаты кадровых четыре территориальные стрелковые дивизии и перебросить их в течение января — марта этого года в Приморье и Забайкалье². Созданная еще в 1931 г. Приморская группа войск к 1934 г. имела в своем составе шесть стрелковых и кавалерийскую дивизию³. Переброска новых частей и соединений на Дальний Восток продолжалась непрерывно. В 1931—1937 гг. сюда прибыли из центральных и западных округов 12, 22, 40, 59-я стрелковые, 8-я и 31-я кавалерийские дивизии, десятки отдельных танковых батальонов, артиллерийских дивизионов, зенитных батарей, бомбардировочных и истребительных авиабригад⁴.

Партия и правительство приняли ряд важных постановлений, направленных на повышение боевой готовности войск. В постановлении от 27 мая 1933 г. «О мероприятиях первой очереди по усилению ОКДВА» указывалось на необходимость сооружения бензохранилищ, укрепленных районов, дорог, складов⁵.

Для развертывания оборонительных работ в конце января 1934 г. в состав ОКДВА вошел отдельный корпус военно-строительных частей Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Он был сформирован из военно-строительных частей Московского, Ленинградского военных округов и включал 15 строительных батальонов.

Укреплялись не только сухопутные, но и морские границы. К середине 30-х годов была значительно усилена боевая мощь Краснознаменной Амурской военной флотилии. По постановлению Совета Труда и Обороны от 17 февраля 1934 г. в состав флотилии вошло восемь канонерских лодок и бронекатеров. А к концу 1934 г. ее боевая мощь еще более усилилась. В 1932 г. для защиты советского Дальнего Востока создается Тихоокеанский флот. Части Советских Вооруженных Сил были выдвинуты к грани-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 876, л. 34.

² З. Я н г у з о в. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929—1938 гг.). Благовещенск, 1970, стр. 156—157.

³ Архив МО, ф. 1, оп. 78441, д. 35, л. 47.

⁴ Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 33879, оп. 21, д. 13, лл. 39, 99, 239, 243, 263—265, 282; д. 14, лл. 89, 112, 152; д. 15, лл. 9, 46, 53.

⁵ Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 485, л. 276.

цам Маньчжурии. В кратчайшие сроки создавались пограничные укрепленные районы. На важных операционных направлениях побережья Тихого океана устанавливалась береговая артиллерия, пополнялась новыми самолетами морская авиация.

Бурное развитие экономики Советского Союза в годы первой и второй пятилеток, и особенно оборонной промышленности, позволило оснастить армию и флот новейшей техникой и оружием. В дальневосточных дивизиях и частях появились новые орудия и зенитные установки, ручные и станковые пулеметы. На вооружение артиллерийских частей начали поступать тракторы Сталинградского и Челябинского заводов, что позволяло приступить к переводу корпусной артиллерии с конной тяги на механическую.

Все эти меры носили оборонительный характер и были обусловлены новой обстановкой на Дальнем Востоке и в зоне Тихого океана.

* * *

Вся внутренняя и внешняя политика правящих классов Японии, начиная с середины 20-х годов, сосредоточивалась на подготовке большой войны, грабеже соседних стран. Открытая агрессия японских милитаристов против Китая, в результате которой Япония захватила Маньчжурию и вышла к границам СССР, создала сложное международное положение. Подталкиваемая империалистами Англии, США и Франции к походу на север, японская военщина образовала очаг войны на Дальнем Востоке и усиленно готовилась к нападению на Советский Союз.

Центральный Комитет ВКП(б), Советское правительство, неизменно проводя политику мира, принимали все меры к укреплению дальневосточных границ. Советские люди были твердо уверены, что если японские милитаристы попытаются напасть на СССР, то получат сокрушительный отпор.

В замыслах правящих кругов США, Англии и Франции таился опасный для них же самих просчет, заключавшийся в уверенности, что японская агрессия будет направлена только против СССР и не коснется западных держав. Однако японские монополисты не собирались следовать только по тому пути, на который их настойчиво толкала мировая реакция. Афишируя антисоветские планы, они готовили также войну против США, Англии, Франции, Голландии, помышляя о захвате их владений в бассейне Тихого океана. На Дальнем Востоке возник опасный очаг мировой войны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАВНОГО ОЧАГА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Фашистский переворот в Германии

Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., обнажил все противоречия империализма, привел к небывалому обострению политического положения как внутри капиталистических стран, так и в международной обстановке. Усилились агрессивность империализма, его стремление найти выход из создавшегося положения на путях подготовки и развязывания новой мировой войны.

Германия занимала особое место в системе империализма. Ее промышленность в течение десяти послевоенных лет быстро восстанавливалась. К 1929 г. ее уровень повысился по сравнению с довоенным в полтора раза. Германия производила почти 12 процентов мировой промышленной продукции¹. В экономической и политической жизни страны возросла роль монополий. Гигантских размеров достигли концерны Круппа, Флика, Сименса, «Стальной трест», «ИГ Фарбениндустри», «АЭГ». Процесс концентрации промышленности сопровождался централизацией банковского капитала в руках «Дойче банк», «Дрезденер банк», «Донат банк» и немногих других.

Высокая степень концентрации капитала и огромная производственная мощность промышленности Германии привели к тому, что она оказалась глубоко пораженной экономическим кризисом.

Кризис охватил все отрасли хозяйства страны. В течение 1929—1933 гг. индекс ее индустриальной продукции упал более чем на 40 процентов. Промышленный кризис сопровождался финансово-кредитным: только за первые два его года обанкротилось более 200 мелких и средних банков². Экономический кризис перерос в кризис всей политической системы империализма. Германия стала центром противоречий империалистического лагеря.

Кризис нанес тяжелый удар прежде всего по немецкому рабочему классу. Сокращение производства привело к тому, что почти половина промышленного пролетариата страны (8 млн. человек) осталась без работы³. Как отмечал в 1932 г. американский публицист Г. Кникербокер, Германия «побила мировой рекорд по сокращению заработной платы»⁴.

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. IV. Berlin, 1966, S. 219.

² И. Ф а й н г а р. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 125, 126.

³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. IV, S. 335—336.

⁴ I b i d., S. 225.

Переплетение промышленного кризиса с аграрным ухудшило и положение крестьянства. Разорялись также особенно многочисленные в Германии средние слои — ремесленники, кустари, лавочники. Положение немецкого народа осложнялось еще и тем, что он находился под гнетом не только германского, но и иностранного капитала, так как выплачивал репарации и проценты по долгам и кредитам.

В этих условиях рабочий класс решительно выступил в защиту своих политических прав. В стране нарастал революционный кризис. Осенью и зимой 1929/30 г. в Берлине, Саксонии и других местах Германии прошли забастовки протеста, жестоко подавленные правительством¹. 24 августа 1930 г. ЦК КПП обратился ко всем антифашистским и демократическим силам страны с программой национального и социального спасения немецкого народа.

В период острого политического кризиса в Германии верхи уже не могли управлять страной прежними методами — руками социал-демократов проводить политику выхода из кризиса за счет трудящихся. Не имея возможности сдержать растущее влияние коммунистов, буржуазия стала все шире применять террористические методы господства и форсировать милитаризацию страны.

Опасаясь революционного взрыва в Германии, международная реакция пришла на помощь немецким империалистам. В 1929 г. вместо репарационного «плана Дауэса» был разработан новый, так называемый «план Юнга», способствовавший притоку капиталов в Германию и предусматривавший снижение взимаемых с нее репараций. Фактически же они вскоре были отменены, как и вся система контроля над Германией, установленная Версальским договором. Германский империализм вновь обрел полный экономический и финансовый суверенитет. Принятие «плана Юнга» сопровождалось антисоветской кампанией. Под флагом антикоммунизма и антисоветизма создавался единый фронт германской и международной империалистической реакции, ставивший целью ликвидировать остатки Веймарской республики и установить режим открытой террористической диктатуры империалистической буржуазии.

Фашистская партия с ее антикоммунистической, шовинистической и реваншистской внутренней и внешней политикой все сильнее привлекала симпатии германского финансового капитала, который видел в ней орудие для расправы с рабочим движением и подготовки страны к агрессивной войне. В 1929—1930 гг. германские монополисты стали теснее сближаться с гитлеровцами. Магнаты рейнско-вестфальской тяжелой промышленности Э. Кирдорф, Ф. Тиссен и А. Фёглер, и ранее связанные с нацистами, взяли курс на укрепление этой партии. В феврале 1930 г. рурский угольный синдикат в Эссене обязал каждого своего члена вносить в кассы фашистской и немецкой национальной народной партий, других реакционных организаций семь пфеннигов с каждой тонны проданного угля для поддержки «национальных интересов»². Подобную поддержку фашистской партии оказывали также многочисленные немецкие князья и бароны, крупные землевладельцы, иностранные монополисты, например английский нефтяной магнат Г. Детердинг, американский автомобильный король Г. Форд и другие.

23 сентября 1930 г. атташе американского посольства в Берлине Д. Гордон доносил государственному секретарю США Г. Стимсону: «Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определенных крупных промышленников... Ставшие известными в последние дни факты создают впечатление, что важные финансовые

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. IV, S. 225—226.

² I b i d., S. 232.

круги — пусть даже и не в таком объеме, как сообщалось ранее, — оказывали и оказывают давление на канцлера и других членов кабинета, чтобы предпринять эксперимент с участием нацистов в правительстве (можно полагать, что социал-демократы в качестве платы за свое активное сотрудничество с правительством будут настаивать на неприятных для финансистов условиях). Как раз сегодня до меня дошел слух из источника, обычно хорошо информированного, что представленные здесь различные американские финансовые круги весьма активно действуют в том же направлении»¹.

С помощью полученных от монополистов средств нацисты создавали свой разветвленный партийный аппарат, печатали и распространяли многочисленные газеты и листовки. Эти средства использовались ими также для расширения террористических организаций нацистской партии — СА и СС, все более рьяно участвовавших в кровавых расправах с революционным рабочим движением.

30 марта 1930 г. в связи с обострением классовых противоречий в стране на смену кабинету Г. Мюллера пришло правительство блока буржуазных партий во главе с лидером правого крыла католической партии центра Г. Брюнингом, в которое вошли доверенные лица монополий и юнкерства. Правительство Брюнинга не считалось с мнением рейхстага и, фактически являясь «президентским кабинетом», правило страной с помощью «чрезвычайных декретов» о снижении заработной платы рабочим и служащим, введении новых налогов на трудящихся и уменьшении обложения капиталистов, сокращении пособий по безработице и социальному страхованию. В результате в 1929—1932 гг. средний недельный заработок германского рабочего сократился вдвое, а общая сумма зарплаты и жалованья, которая выплачивалась предпринимателями, — с 44,5 млрд. до 25,7 млрд. марок. Пособие по безработице было снижено до 9 марок в неделю², что едва обеспечивало полуголодное существование самого безработного, не говоря уже о его семье.

Используя трагическое положение миллионов трудящихся, национал-социалисты развернули небывалую по масштабам пропагандистскую кампанию под реваншистскими, расистскими, шовинистическими лозунгами. Они обещали: рабочим — ликвидировать безработицу, крестьянам — запретить продажу земли с торгов, лавочникам — закрыть крупные универмаги, ремесленникам — снизить цены на сырье и установить более высокие цены на их продукцию и всем — уничтожить «процентное рабство». Нацисты не останавливались ни перед чем. Стремясь привлечь на свою сторону женщин, они выдвинули циничный лозунг: «Каждая женщина получит мужчину, дайте только Гитлеру прийти к власти»³. Нацистская агитация оказывала сильное разлагающее действие.

Фашисты широко использовали в своих целях буржуазно-демократические свободы. «Мы идем в рейхстаг, — говорил Геббельс в 1928 г., — чтобы в арсенале демократии вооружиться ее собственным оружием. Мы становимся депутатами, чтобы парализовать веймарский дух с его же помощью. Если демократия настолько глупа, что предоставляет нам для этой медвежьей услуги бесплатные билеты и дотации, то это ее дело. Для нас хорош любой легальный способ, чтобы круто повернуть нынешнее положение... Мы приходим как враги! Мы приходим так, как волк врывается в овечье стадо»⁴.

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1930. Vol. III. Washington, 1945, p. 84.

² Р. Д а т т. Фашизм и социалистическая революция, стр. 103.

³ S. E r s k n e r. L'Allemagne, champ de manoeuvre. Le fascisme et la guerre. Paris, 1934, p. 199.

⁴ Цит. по: НДП — новая нацистская партия. Сборник статей. М., 1968, стр. 15.

Усиливался фашистский террор. Отряды СА фактически превратились в настоящую армию численностью до 300 тыс. человек. Более 60 процентов ее составляли люди, длительное время лишенные работы и заработка. Многие из них были переведены на казарменное положение, что давало им пищу и кров. Хорошо вооруженные отряды, в которые включали и уголовников, организовывали кровавые побоища на улицах, срывали митинги и собрания коммунистов, убивали антифашистов. Гитлеровцам удалось завлечь в свои сети значительную часть студенчества, мелкой буржуазии, всевозможные деклассированные элементы, служащих и отсталые слои рабочего класса, поэтому на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. они собрали 6,41 млн. голосов, почти в 8 раз больше, чем в 1928 г.

Воротилы финансового капитала приветствовали успех гитлеровцев на выборах и оказывали им еще большую поддержку. Со своей стороны гитлеровцы стали активнее добиваться поддержки монополистов. Как писал руководитель фашистской прессы О. Дитрих, «летом 1931 г. фюрер принял решение заручиться поддержкой ведущих представителей немецкой экономики, чтобы разрушить существующую правительственную систему... В последующие месяцы фюрер на своем «мерседесе» исколесил всю Германию, повсюду устраивая секретные совещания с авторитетными лицами»¹. Одна из таких встреч состоялась 19 июня 1931 г. в Мюнхене между Гитлером, монополистом Стиннесом и нацистским гаулейтером Вагнером. Вскоре Стиннес в письме к Гитлеру выразил восхищение «проектом расширения немецкого жизненного пространства на востоке» и рекомендовал избрать в качестве первой цели агрессии Советский Союз и страны Юго-Восточной Европы².

11 октября 1931 г. в Гарцбурге состоялось совещание Гитлера с главарями других фашистских организаций, в котором участвовали бывший директор рейхсбанка Шахт, магнаты капитала — Тиссен, Флик, Крупп, Пенсген, Гугенберг, генерал Сект и немецкие принцы. Шахт в своих мемуарах пытается умалить значение этого сборища, получившего наименование «гарцбургского фронта». Он утверждает, что «этого фронта никогда не существовало»³. В действительности именно тогда немецкая реакция и создала блок гитлеровцев с генералитетом и юнкерством и разработала план передачи власти фашистам⁴.

9 декабря 1931 г. Тиссен и Фёглер встретились с Гитлером в берлинском отеле «Кайзерхоф»⁵; в середине декабря 1931 г. восточнопрусская знать потребовала от президента Гинденбурга передачи власти Гитлеру⁶.

Для того чтобы монополисты не опасались некоторых демагогических антикапиталистических положений, записанных в программе нацистской партии, принятой в 1924 г., гитлеровцы пересмотрели ее и внесли ряд изменений⁷. Требование национализации концернов, синдикатов и трестов было заменено обязательством не покушаться на частную собственность, включая крупные промышленные предприятия. В январе 1932 г. Гитлер сообщил об этом собранию крупнейших монополистов, состоявшемуся в Дюссельдорфе. Присутствовавшие с восторгом приняли заявление Гитлера о намерении «искоренить марксизм в Германии» и завоевать «жизненное пространство», так как в его речи в полной мере были выражены агрессивные стремления королей германской тяжелой индустрии, финан-

¹ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1953, № 6, S. 894.

² *I b i d e m*.

³ H. S c h a c h t. 76 Jahre meines Lebens. Badworishofen, 1953, S. 366—367.

⁴ K. B r a c h e r. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 410.

⁵ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. IV, S. 306.

⁶ *I b i d e m*.

⁷ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt a/M., 1957, S. 28—31.

систов и юнкеров. Чтобы обеспечить мировое господство, Гитлер намеревался создать многомиллионную армию, для вооружения которой потребуется огромное количество орудий, танков, военных кораблей. Такой план произвел на собравшихся промышленников глубокое впечатление, и в результате большие суммы из сейфов воротил тяжелой промышленности потекли в кассу национал-социалистической партии.

Вопрос о наделении Гитлера полномочиями рейхсканцлера был решен. Но за кулисами шел отчаянный торг: на каких условиях гитлеровцы должны быть допущены к власти? В торг включилось и командование рейхсвера, которое стремилось, используя национал-социалистов в качестве опоры, держать правительство в своих руках. Гитлеровцы же гребовали всей полноты власти. Позднее, на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, Г. Димитров говорил, что «фашизм приходит обыкновенно к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе даже в самом фашистском лагере...»¹.

В мае 1932 г. под давлением финансово-юнкерских кругов, особенно «клуба господ», объединявшего 300 богатейших семей Германии, правительство Брюнинга ушло в отставку. Рейхсканцлером был назначен барон фон Папен, а в качестве министров в его кабинет вошли видные представители промышленников и банкиров: генерал Шлейхер, барон Нейрат и другие. Создание такого правительства открыло нацистам путь к власти. Опасность фашизма стремительно нарастала. Гитлеровцы усилили кровавый террор против рабочего класса и демократических организаций.

Коммунистическая партия Германии призвала трудящихся и все прогрессивные силы нации сплотиться в движении «Антифашистского действия». Фашизм мог быть остановлен. Борьба немецкого народа против гитлеровцев к лету — осени 1932 г. приобрела такую силу, что влияние фашистов пошло на убыль.

В то время при наличии единства рабочего класса, к которому призывали коммунисты, еще можно было сломать хребет фашистскому зверю. Но руководители социал-демократии отклоняли все их предложения и проводили политику «меньшего зла», которая предусматривала поддержку буржуазных правительств, осуществлявших власть с помощью чрезвычайных декретов якобы для предотвращения установления фашистской диктатуры. На президентских выборах в марте — апреле 1932 г. они призывали голосовать за ставленника монополий, аграриев и милитаристов — Гинденбурга. Но если коммунисты говорили: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну»², то социал-демократы заявляли: «Кто выбирает Гинденбурга, бьет по Гитлеру». В итоге голосования за Гинденбурга было подано 18,6 млн. голосов, и он стал президентом. Гитлер собрал 11,3 млн. голосов³.

В июле 1932 г. было разогнано прусское конституционное правительство, что явилось дальнейшим шагом на пути фашизации страны. Однако и к этому социал-демократы отнеслись пассивно. Когда коммунисты предложили организовать всеобщую забастовку, они отказались. Социал-демократия без боя сдала нацистам Веймарскую республику. Она не просто «пролядела» фашизм, она фактически расчистила ему путь. После безмолвного ухода социал-демократов с министерских постов в Пруссии фашисты поняли, что никакого сопротивления с их стороны не будет.

Единственным до конца последовательным борцом против фашистской опасности была Коммунистическая партия Германии. В условиях жестоких

¹ Г. Димитров. Избранные произведения, т. I, стр. 378

² Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. IV, S. 328

³ H. Volz. Daten der Geschichte der NSDAP. Berlin — Leipzig, 1939, S. 39.

преследований в стране с сентября по декабрь 1932 г. состоялось 1100 стачек, много митингов с участием коммунистов¹. Численность компартии выросла со 125 тыс. человек в 1928 г. до 360 тыс. к концу 1932 г.²

На выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. за компартию было подано около 6 млн. голосов (каждый шестой избиратель), она приобрела 100 мандатов

Рост влияния коммунистов серьезно беспокоил заправил германских и международных монополий. 11 ноября 1932 г. Тиссен советовал управляющему делами союза охраны совместных экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии М. Шленкеру оказать Гитлеру всемерную поддержку. Руководители монополистического капитала видели, что стоявшие у власти буржуазные партии не способны предотвратить надвигающийся революционный кризис, и предпринимали меры для устранения разногласий по вопросу состава будущего правительства Германии. Одни монополии требовали назначить рейхсканцлером Гитлера, другие настаивали на создании коалиционного правительства, руководящая роль в котором принадлежала бы лидерам старой реакционной партии монополистического капитала и юнкерства — немецкой национальной народной партии — во главе с Гугенбергом. Но гитлеровцы, претендовавшие на руководящую роль, отказались войти в такое правительство.

В середине ноября 1932 г. 17 крупных промышленных и банковских магнатов направили президенту Гинденбургу петицию с требованием назначить рейхсканцлером Гитлера, а Шахт сообщил об этом последнему³. Тогда же советник Гитлера по экономическим вопросам Кепплер, тесно связанный с германскими монополиями, сообщил банкиру К. Шредеру, что достигнута полная договоренность о создании правительства во главе с Гитлером. В это же время к Гинденбургу дважды обращается с письмами бывший кронпринц и настойчиво советует ему «Пока еще не поздно, примите, Ваше превосходительство, величайшее историческое решение: уполномочьте Гитлера теперь же сформировать правительство...»⁴. Во втором своем письме от 2 декабря 1932 г. кронпринц совершенно откровенно определяет и заветную цель всей этой акции. «Будет создан отчетливый национальный фронт против левых»⁵.

3 декабря 1932 г. было сформировано правительство во главе с генералом Шлейхером, доверенным лицом руководства рейхсвера. Э. Тельман предвидел, что новое правительство сыграет роль своеобразного трамплина для установления фашистской диктатуры. И действительно, в дни канцлерства Шлейхера германская империалистическая реакция завершила закулисную подготовку передачи власти гитлеровцам.

4 января 1933 г. на вилле Шредера, близ Кельна, состоялись секретные переговоры Гитлера с Папенем, а 7 января — новое совещание, о котором Кирдорф писал: «В последний раз перед захватом власти встретились в моем доме вожди хозяйства с А. Гитлером, Р. Гессом, Г. Герингом и другими руководящими лицами»⁶. Владельцы металлургических концернов и банкиры приняли окончательное решение о передаче власти фашистам.

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd IV, S. 365—366

² О В и н ц е р 12 лет борьбы против фашизма и войны. Перевод с немецкого М., 1956, стр. 39

³ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946 (далее — IMT) Vol I Nuremberg, 1949, p. 535

⁴ Институт военной истории Министерства обороны СССР (далее — ИВИ) Документы и материалы, инв. № 7193, лл. 77—78

⁵ Там же, л. 79

⁶ Цит. по W U l b r i c h t Der faschistische deutsche Imperialismus 1933—1945 Berlin, 1952, S. 21

Сговор заправил монополий с гитлеровцами сопровождался усилившимся террором фашистских банд, убийствами антифашистов, разгромом демонстраций и митингов рабочих, а также помещений демократических организаций. Компартия Германии продолжала самоотверженную борьбу против растущей опасности прихода фашистов к власти. В начале января 1933 г. КППГ призвала к массовой демонстрации протеста против правительства Шлейхера, невыносимого положения трудящихся и фашистского террора. На призыв компартии откликнулись сотни тысяч антифашистов в важнейших промышленных центрах Германии.

Но германский империализм упорно проводил принятый курс. 28 января 1933 г. президент Гинденбург дал отставку Шлейхеру и поручил Гитлеру сформировать новое правительство. Так 30 января фашистская партия овладела государственной властью. В Германии установилась террористическая диктатура наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных кругов финансового капитала.

М. Горький писал в 1934 г. по поводу прихода Гитлера к власти: «Если нация, которая дала миру Ганса Сакса, Гёте, Бетховена, семью Бахов, Гегеля, Гумбольдта, Гельмгольца и многих десятков крупнейших «мастеров культуры», — если эта нация избирает вождем своим Гитлера, это, конечно, факт, свидетельствующий об истощении творческой энергии ее командующего класса...»¹

30 января 1933 г. — один из самых черных дней в истории Германии. Это — переломный момент в процессе зарождения второй мировой войны; с этого дня началось стремительное превращение Германии в государство войны, принесшее неисчислимые беды немецкому народу и всему человечеству. Даже такой реакционер, как генерал Людендорф, сумел понять роковое значение этого события. В направленном 1 февраля 1933 г. письме Гинденбургу он писал: «Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из наибольших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю Вам, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неопишное несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали»². В другом письме президенту Людендорф дал следующую оценку террору, воцарившемуся в «третьей империи» с приходом к власти гитлеровцев: «Все более ужасные отношения устанавливаются в руководимом Вами рейхе. Право все более попирается вопреки болтовне о правопорядке и о введении нового права. Неслыханным образом поправа и физическая свобода немцев. А там, где для немецкой духовной жизни созданы «культурные камеры», а вернее, «свинцовые камеры», похоронены и последние остатки духовной свободы, чего не было даже ни в иезуитском государстве Парагвай, ни в период мрачного средневековья»³.

Передача власти Гитлеру не была победой «легальной оппозиции», как ныне утверждают западногерманские буржуазные фальсификаторы истории и авторы мемуаров⁴. Это был фашистский переворот, заранее подготовленный путем закулисного сговора заправил германских монополий, финансистов, реакционного генералитета и аграриев при тайном участии лидеров правых социал-демократов.

Германский нацизм имел много общих черт с фашизмом в других странах. Но именно он стал самой зверской и человеконенавистнической его формой, для которой характерно: особое рвение к выполнению социального заказа монополий; тесная уния нацистских фюреров с монополистическим капиталом; яростный антикоммунизм, откровенный шовинизм, поли-

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 27, стр. 206.

² Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958, S. 367.

³ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7125, л. 44.

⁴ H. S c h a c h t. Abrechnung mit Hitler. Hamburg — Stuttgart, 1948, S. 7—9.

тика кровавого террора; всесторонняя лихорадочная подготовка мировой войны во имя достижения главной цели — мирового господства, устранения капиталистических конкурентов и ликвидации классового противника — Советского Союза.

Гитлеровское государство, так называемая «третья империя»¹, — самое мрачное порождение монополистического капитала. Фашистская диктатура была призвана в кратчайшие сроки и наиболее эффективно обеспечить восстановление военно-промышленного потенциала страны и подготовить ее к войне не только материально, но и морально: пробудить измененные инстинкты, оболванить миллионы солдат, превратив их в автоматы, способные только грабить и убивать.

Если империалисты Италии на первых порах хотели превратить Средиземное море в «итальянское озеро» и создать империю в Африке — на большее они при своих ограниченных возможностях рассчитывать в то время не могли, — то в Германии дело обстояло иначе. Высокая концентрация и централизация производства и капитала, исключительная агрессивность ее буржуазии, выросшая на почве захватнических традиций прусского милитаризма и безмерном национальном чванстве², давняя мечта обеспечить себе «место под солнцем», наконец, доведенная до уровня истерии жажда реванша — все это породило плапы невиданной в истории агрессии.

Для современной реакционной историографии, стремящейся снять с империалистов ответственность за подготовку и развязывание второй мировой войны, утверждение о том, что германские монополии не имели ничего общего с гитлеровским правительством, стало трафаретным приемом. Один из представителей этой историографии — К. Штехерт писал: «Широко распространенное мнение, будто крупная немецкая промышленность поддерживала гитлеровскую партию, является объективно неверным»³. Несколько по-другому сформулировал аналогичный тезис западногерманский историк Г. Якобсен, считающий, что фашистская диктатура, как и война, представляла собой импровизацию одного лишь Гитлера. «Я сознательно ограничиваюсь... личностью Гитлера, — говорил он, — так как в нем и принятых им преимущественно самостоятельно и самовластно решениях следует искать один из важнейших ключей к пониманию начала, хода и результатов этой глобальной войны»⁴. Такого же мнения придерживается западногерманский историк Г. Михаэлис, утверждающий, что вторая мировая война является «одной из самых грандиозных импровизаций в истории»⁵. Следовательно, он пытается отрицать, что немецкие монополисты и их ставленник — гитлеровская партия заблаговременно и всесторонне готовили войну.

Исторические факты, не говоря уж об элементарной логике, полностью опровергают концепцию адвокатов германского империализма, которые, по сути дела, продолжают линию официальной пропаганды, проводившейся в Германии в годы фашистской диктатуры. Германия изображалась как «общенародное государство», возглавляемое фюрером, олицетворявшим якобы интересы немецкой нации. В действительности фюрер выражал интересы монополистического капитала — подлинного властелина «третьей

¹ Гитлеровцы делили историю Германии на три периода: «первая империя» — «священная римская империя» (962—1806 гг.), распавшаяся в итоге наполеоновских завоеваний, «второй империей» они называли германское государство, существовавшее с 1871 г. до его поражения в первой мировой войне и свержения монархии (кайзера), 30 января 1933 г. — день установления фашистской диктатуры — нацисты определили началом «третьей империи»

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 3, стр. 473.

³ K. Stecher Wie war das möglich? Stockholm, 1945, S. 316

⁴ Вторая мировая война Т. I М., 1966, стр. 280.

⁵ H. Michaelis Der zweite Weltkrieg 1939—1945 Konstanz, 1963, S. 9

империи». Именно монополии определяли внутреннюю и внешнюю политику Германии, а гитлеровцы в конечном счете лишь выполняли их социальный заказ.

Руководитель отдела декартелизации американской военной администрации в Западной Германии Д. Мартин так охарактеризовал роль монополий в фашистской Германии: «Довоенные фильмы изображали маршировавших прусским шагом нацистов полновластными хозяевами Германии. Стоит, мол, Гитлеру скомандовать, и самые могущественные власти Германии донацистского периода бросаются выполнять его приказания, опасаясь возможных репрессий. Но после того как мы ознакомились с архивами на вилле Хюгель и порасспросили Альфреда Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не осталось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забывать, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников»¹. Впрочем, даже эта оценка не может быть признана полной. Взаимоотношения монополистов с гитлеровцами не ограничивались предоставлением помощи. Здесь имело место нечто гораздо большее. Оно заключалось в том, что гитлеровская партия выполняла волю монополистического капитала и была его верным орудием, орудием террора, войны, крайней бесчеловечности. Конечно, это не означает, что лидеры германского фашизма были безвольными приказчиками капиталистов. Установленный ими режим служил интересам монополий и имел определенное классовое предназначение, которое могло и не совпадать с частными устремлениями отдельных монополистов. Гитлеровские лидеры старались примирить интересы различных, нередко враждовавших между собой монополистических групп и проявляли инициативу в поисках таких решений, которые полнее отвечали бы желаниям главных представителей финансовой олигархии.

Фашистская диктатура, добившись невиданного ранее сосредоточения власти в руках государственного аппарата, в то же время усилила его зависимость от монополий, вследствие чего до крайности возрос их гнет над многомиллионными массами трудящихся.

Наиболее активную роль в определении курса политики гитлеровского правительства играли такие «киты» промышленно-финансового капитала, как Шахт, Крупп, Тиссен, Шредер, Рехлинг, Флик, Рехберг и другие. Все они поддерживали самые близкие отношения с фашистскими главарями и в своих многочисленных памятных записках высказывали им предложения о проведении тех или иных мероприятий по подготовке к войне. Тесную связь с Гитлером установил, например, «Имперский союз германской промышленности» во главе с Круппом. 24 марта 1933 г. союз направил верноподданническое письмо Гитлеру, в котором заверял в готовности сделать «все, что в его силах, чтобы помочь правительству осуществить сложные задачи, вставшие перед ним»². Правительство в свою очередь помогало союзу промышленников всеми имевшимися в его распоряжении средствами.

Монополисты оказывали решающее влияние не только на определение внутренней и внешней политики гитлеровского правительства — они поддерживали его морально и материально. Крупные денежные суммы регулярно переводились в кассы гитлеровской партии и после установления фашистской диктатуры. В июне 1933 г. «Имперское объединение германской промышленности» (так был переименован союз) учредило «фонд

¹ Д. Мартин. Братство бизнеса. Перевод с английского М., 1951, стр. 115.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах (далее — Нюрнбергский процесс (в трех томах). Т. I. М., 1965, стр. 739.

Адольфа Гитлера из пожертвований германской экономики». Все члены объединения были обязаны систематически перечислять средства на текущий счет этого фонда, председателем попечительского совета которого стал Крупп, лично внесший за предвоенные годы 12 млн. марок¹. Всего за время фашистской диктатуры через фонд Гитлера нацистская партия получила около 700 млн. марок².

Заместитель Гитлера по нацистской партии Р. Гесс в секретном циркуляре разъяснил значение фонда для внутренних мероприятий фашистской верхушки: фонд предоставит, с одной стороны, «имперскому руководству средства, необходимые для СА, СС, «гитлеровской молодежи» и других организаций», а с другой — даст «участвующим в фонде предпринимателям уверенность, что их работа по восстановлению немецкой экономики не будет заторможена». Под «восстановлением» понималось возрождение военной мощи Германии и ее подготовка к агрессивной войне.

Многие монополии субсидировали мероприятия гитлеровцев непосредственно. Например, концерн «ИГ Фарбениндустри» с 1933 по 1939 г. перевел политическому руководству нацистской партии более 580 тыс. марок, СС — 512 тыс., СА — 258 тыс., корпусу летчиков — 639 тыс. марок и т. д. Каждый совершенный немецкими фашистами территориальный захват сопровождался обильными даяниями монополистов. Накануне Мюнхена концерн «ИГ Фарбениндустри» «пожертвовал» 600 тыс. марок в фонд «помощи» Судетам³.

Тесное сотрудничество гитлеровцев с монополистами проявлялось и в том, что важные государственные посты, особенно в области экономики, были предоставлены руководителям крупнейших концернов. В августе 1934 г. Шахт, глава рейхсбанка, тесно связанный не только с немецким, но и американским и английским финансовым капиталом, занял пост министра экономики⁴, превратившись фактически в финансово-экономического диктатора Германии. Тиссен и Рейнхардт стали государственными советниками в Пруссии, причем они управляли теми районами, в которых находились принадлежавшие им промышленные предприятия.

Гитлеровское правительство создало целую систему подчинения монополистам всей экономики страны. 15 июля 1933 г. был учрежден генеральный совет хозяйства, в котором заправляли пушечный король Крупп, промышленный магнат Рура Тиссен, генеральный директор заводов «Стального треста» Феглер, электрический король Сименс, крупнейший банкир и финансовый посредник между Гитлером и американскими банками Шредер, председатель наблюдательного совета коммерческого банка Рейнхардт, генеральный директор германского калиевого синдиката Дин, президент центральной ассоциации банков и банковских предприятий Фишер. Этот орган с полным основанием можно было назвать «действительным правительством Германии»⁵.

27 февраля 1934 г. был издан закон «О подготовке новой органической структуры германской экономики», в соответствии с которым создавались 6 имперских хозяйственных групп (промышленности, энергетики, банков, страхования, ремесла и торговли). Им подчинялись 31 отраслевая и около 300 специальных групп и подгрупп⁶, ставших единственными представителями в своих отраслях. Каждый предприниматель был обязан присое-

¹ К. М и к у л ь с к и й. Концерн Круппа. М., 1959, стр. 36.

² Анатолия войны, стр. 100.

³ Нюрнбергский процесс (в трех томах), т. I, стр. 699—701.

⁴ O M e i s s n e r. Staatssekretar unter Ebert — Hindenburg — Hitler. Hamburg, 1950, S. 329.

⁵ W P i e c k. Reden und Aufsätze. Bd. I. Berlin, 1950, S. 150—151.

⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 58—59.

диниться к одной из них. Таким путем представители ведущих концернов овладели всем хозяйственным и финансово-политическим аппаратом фашистской Германии, подчинив общественно-экономическую жизнь страны своей диктатуре. Созданные на основе закона имперская хозяйственная палата и хозяйственные палаты в провинциях (18 палат) обладали большими полномочиями в распределении заказов и сырья. Германия была, кроме того, разбита на военно-хозяйственные округа.

Все более широкое применение в экономике получала практика фюрерства, введенного законом «Об упорядочении национального труда» от 20 января 1934 г. Предпринимателям предоставлялась фактически неограниченная власть. Закон устанавливал, что предприниматель является «фюрером» предприятия и рабочие обязаны хранить ему верность, основанную якобы на общности их производственных интересов. Узаконивалось полнейшее единовластие капиталиста над рабочими, которые становились, по сути дела, подневольными рабами.

26 июня 1935 г. был принят имперский закон «О трудовой повинности», имевший большое практическое значение для подготовки Германии к новой мировой войне. Он был определенным дополнением к всеобщей воинской повинности и обязывал каждого молодого немца до призыва на действительную военную службу отработать год на сооружении военных объектов.

Союз гитлеровцев с монополистами был закреплен тем, что сами фашистские главари стали владельцами или совладельцами крупных капиталов. По свидетельству Тиссена, ко времени захвата государственной власти фашистские правители не имели ничего, кроме долгов, однако очень скоро, после 1933 г., стали миллионерами. Они не жалели никаких средств на свои прихоти, особенно в том случае, если расходы покрывались за счет государственной казны. Олицетворением расточительства и казнокрадства «третьего рейха» был Геринг. Этот высокопоставленный фашист был одновременно премьер-министром Пруссии и министром авиации, председателем рейхстага и генеральным инспектором лесов и охоты. Общий размер годового вознаграждения Геринга составлял около 2 млн. марок. Кроме того, он получал огромные доходы от государственного концерна «Имперские заводы Германа Геринга» и из других источников. Будучи главой правительства Пруссии, он распоряжался ею как собственной вотчиной, раздавая приближенным государственные земли. Тиссен писал о Геринге: «То, что принадлежит Пруссии, — принадлежит ему»¹.

Гитлер — фюрер и рейхсканцлер, верховный главнокомандующий вермахтом — нажил миллионы от продажи книги «Майн кампф», которую распространяли в принудительном порядке. Он стал совладельцем фашистского издательства «Эйер», подчинившего себе все другие. Только от выпуска ежедневных газет издательство получало в год около 700 млн. марок чистой прибыли, значительная часть которой доставалась Гитлеру. Он обогащался сам и поощрял к этому своих приближенных, поговаривая: «Пусть они делают что хотят, лишь бы они не дали себя накрыть на этом».

Обер-палач гитлеровской Германии Гиммлер наживался на ограблении репрессированных антифашистов и конфискации имущества евреев. Он терпеливо ждал своего часа и основным источником личного обогащения сделал присвоение государственных и частных ценностей в оккупированных странах, имущества безвинных жертв фашизма, уничтожаемых в лагерях смерти.

Руководитель «Немецкого трудового фронта» Лей обогатился на грабеже профсоюзных средств и взносов рабочих и служащих в фонд «трудо-

¹ F. T h y s s e n. I Paid Hitler. New York — Toronto, 1941, p. 170.

вого фронта». Свою жизненную «философию» он выражал словами бульварной песенки: «Срывайте розы, прежде чем они увянут!»

Геббельс присваивал миллионы марок из контролируемых им фондов прессы, радио и кино. «Черный фонд» его министерства, отмечает Тиссен, составлял около 200 млн. марок в год¹.

Риббентроп и ранее имел крупное состояние, а став министром иностранных дел, начал обогащаться с еще большим усердием. Он первым среди гитлеровских главарей предпочел «на всякий случай» размещать свои капиталы за границей. Американский журналист Кникербокер подсчитал, что только шесть или семь фашистских главарей к началу войны поместили в иностранных банках около 1,5 млрд. франков².

Большую роль в приходе гитлеровцев к власти сыграла немецкая военщина. Многие буржуазные историки обычно замалчивают или даже пытаются отрицать эту зловещую роль милитаристов.

Тесный союз гитлеровцев с генералитетом сложился сразу же с появлением нацистской партии. Фашистский переворот 1933 г. осуществлялся при активном содействии президента Германии — военного деятеля первой мировой войны главнокомандующего вооруженными силами фельд-маршала Гинденбурга.

Буржуазные историки, как правило, усиленно подчеркивают некоторые раздоры между командованием рейхсвера и гитлеровцами в 20-е годы. Они пространно пишут о «колебаниях» руководителей рейхсвера генералов Шлейхера, Хаммерштейн-Экворда, Адама, Бредова и Бусше в тревожные январские дни 1933 г., когда наступил кризис правительства Шлейхера.

Конечно, расхождения между верхушкой нацистской партии и руководством генералитета были, причем временами они обострялись и приводили к взаимным выпадам в печати. Но дальше «семейной ссоры» они не заходили и касались некоторых вопросов тактического характера, особенно того, кто из них должен играть первую скрипку в системе диктатуры империалистической буржуазии. Руководство рейхсвера стремилось подчинить себе нацистское движение, «приручить» его крайне честолубивых, неразборчивых в средствах фюреров и использовать их массовую базу, в особенности же ударную силу — штурмовые отряды, в интересах подготовки к войне. Однако Гитлера и его ближайшее окружение не устраивали вторые роли, они безудержно рвались к власти, и по мере превращения национал-социалистской партии в одну из наиболее влиятельных политических сил их аппетиты возрастали.

Понимая, что без помощи рейхсвера они не получают власть, гитлеровцы искали наиболее приемлемую форму соглашения с его руководством. Нацистскую партию и рейхсвер давно объединяли общие цели подготовки тотальной войны, антикоммунизм и реваншизм.

С обострением экономического и особенно политического положения в Германии конкретно встал вопрос о способах и формах привлечения гитлеровцев к участию в правительстве.

Уже в декабре 1930 г. все еще влиятельный в милитаристских кругах генерал Сект заявил в печати: «На вопрос, желательно ли участие гитлеровской партии в правительстве, я отвечаю безусловным «да». Оно не только желательно, а более того — необходимо»³.

В последующие годы руководители рейхсвера неоднократно вели переговоры с Гитлером относительно привлечения нацистов в имперское правительство. В августе 1932 г. министр рейхсвера Шлейхер во время

¹ F. T h y s s e n. I Paid Hitler, p. 182.

² Немецкие банкиры и плутократы. М., 1945, стр. 78.

³ Цит. по: O. S c h ü d d e k o p f. Das Heer und die Republik, S. 323.

очередных переговоров с Гитлером в принципе согласился с его требованием предоставить пост рейхсканцлера (надеясь сохранить за собой занимаемый пост) и после встречи усиленно уговаривал президента Гинденбурга назначить фюрера главой правительства. В январе 1933 г. Шлейхер, являясь уже не только министром рейхсвера, но и канцлером, снова вступил (через посредников) в переговоры с Гитлером и вместе со своими сторонниками, высшими руководителями рейхсвера генералами Хаммерштейн-Эквордом, Бусше и Бредовым, высказался за кандидатуру Гитлера как единственную возможность решения правительственного кризиса¹. Но оказалось, что их уже обошли более активные приверженцы нацистов. Гитлер получил пост рейхсканцлера, министром рейхсвера стал генерал Бломберг, а Шлейхер и его сторонники получили отставку, не оказав при этом никакого сопротивления. Проиграв гонку за высшие командные должности в нацистском государстве, они вынуждены были уступить дорогу более реакционным и пронырливым генералам, таким, как Бломберг, Рейхенау, Кейтель, сделавшим при Гитлере головокружительную карьеру.

Против прихода фашистов к власти решительно выступила Коммунистическая партия Германии. Она развернула самоотверженную борьбу против установленного террористического режима.

30 января 1933 г., в то самое время, когда отряды СА устраивали митинги и факельные шествия в честь правительства Гитлера, ЦК КПП обратился к СДПГ и христианским профсоюзам с призывом провести совместную генеральную забастовку, направленную на свержение нового правительства, и определил его как «правительство открытой фашистской диктатуры .. грубое и неприкрытое объявление войны трудящимся, немецкому рабочему классу». Коммунистическая партия предупреждала: «Бесстыдное урезывание заработной платы, безудержный террор коричневой смертоносной чумы, попрание последних скудных остатков прав рабочего класса, беззастенчивый курс на подготовку империалистической войны — вот что предстоит нам пережить в ближайшее время»². По мнению КПП, гонения, развернутые фашистами против коммунистов, являлись лишь прологом к уничтожению всех рабочих организаций. «Кровавый, варварский режим фашистского террора навис над Германией»³. ЦК КПП призывал всех рабочих, независимо от их партийной принадлежности, создать совместно с коммунистами единый фронт борьбы за свержение гитлеровского правительства и привлечь на свою сторону остальные слои трудящихся — крестьян, среднее сословие, интеллигенцию.

Правление социал-демократической партии отклонило обращение компартии Германии от 30 января.

7 февраля 1933 г. на нелегальном заседании ЦК КПП Э. Тельман охарактеризовал правительство Гитлера как открытую фашистскую диктатуру. «В лице Гитлера рейхсканцлером стал человек, поставивший во главу угла своей внешней политики войну против Советского Союза»⁴. Тельман призвал членов партии и ее активистов использовать самые различные формы сопротивления гитлеровскому режиму.

Таким образом, с первых дней существования фашистской диктатуры ЦК КПП правильно оценил классовый характер, а также агрессивную сущность ее внешней и внутренней политики. В качестве ближайшей цели руководство КПП выдвинуло свержение фашистской диктатуры единым фронтом рабочего класса и его союзников. Члены партийных организаций КПП в листовках и выступлениях перед рабочими предприятий и жите-

¹ Von Weimar zu Hitler. 1930—1933 Köln — Berlin, 1968, S. 181—182.

² ZPA, 10/158, Bl. 98.

³ I b i d e m

⁴ I b i d e m.

лями городов вскрывали цели гитлеровского режима и призывали бороться против него.

В конце января — феврале коммунисты, социал-демократы, члены профсоюзов и другие противники нацизма организовали совместные демонстрации и митинги, требуя свержения гитлеровского правительства. Такие выступления состоялись в Берлине, Дюссельдорфе, Вуппертале, Дортмунде, Кёльне, Гамбурге, во многих городах Тюрингии, Мекленбурга и Померании. Вечером 31 января 10 тыс. коммунистов и других антифашистов Штутгарта после митинга, организованного КПП, прошли по улицам города. В Касселе коммунисты и находившиеся под влиянием социал-демократов железнодорожники сорвали факельное шествие отрядов СА. 19 февраля 20 тыс. рабочих Лейпцига, принадлежавших к различным партиям и общественным организациям, собрались на митинг протеста против прихода к власти гитлеровского правительства. 23 февраля перед тысячами берлинских трудящихся на последнем открытом митинге КПП во дворце спорта выступил Вильгельм Пик. В своей речи он призвал немецкий рабочий класс к созданию единого фронта для борьбы против фашизма¹.

Факты опровергают измышления реакционных англо-американских и западногерманских историков, будто рабочий класс Германии безропотно подчинился фашистской диктатуре и «за одну ночь утратил свой боевой дух». В труднейших условиях многие немецкие рабочие вели борьбу против фашистской диктатуры. Однако совместные действия трудящихся не приняли массового характера. Практически единства рабочего класса добиться не удалось. Лидеры СДПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов саботировали создание единого фронта. 7 февраля на митинге в берлинском Люстгартене, где присутствовало 200 тыс. трудящихся, в том числе много коммунистов, социал-демократические лидеры, руководившие митингом, не разрешили представителю КПП огласить обращение Центрального Комитета КПП к руководству СДПГ, в котором говорилось о необходимости единства действий всего рабочего класса. В Дортмунде начальник городской полиции социал-демократ К. Цёргибель направил против антифашистской демонстрации, организованной коммунистами, полицейские подразделения и приказал арестовать ее участников. Полицейские начальники — социал-демократы принимали репрессивные меры против антифашистской деятельности даже членов своей партии.

Решив не вести переговоров с КПП и занять выжидательную позицию, руководители СДПГ делали вид, будто они лишь выбирают подходящий момент, чтобы «броситься в драку». На самом же деле правые лидеры СДПГ отказались от борьбы против фашизма и продолжали занимать позиции воинствующего антикоммунизма. Они всячески сдерживали антифашистскую деятельность членов своей партии и находившихся под ее влиянием организаций, стремились не допустить единства действий рабочего класса — главной силы в борьбе за свержение фашистской диктатуры, выступили против проведения всеобщей забастовки.

Руководители Всеобщего объединения немецких профсоюзов заняли такую же негативную позицию. «Не позволяйте втянуть вас в поспешные действия и совершать пагубные акции»², — призывали они рабочих в листовке, изданной 30 января.

Некоторые представители интеллигенции и буржуазных партий предупреждали об опасности, которую несла с собой фашистская дикта-

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 14—16, 23; «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung» (далее — BzG), 1971, № 1, S. 120.

² Цит. по: H. B e d n a r e c k. Gewerkschafter im Kampf gegen die Todfeinde der Arbeiterklasse und des deutschen Volkes. Zur Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung von 1933 bis 1945. Berlin, S. a., S. 12.

тура для немецкого народа. Буржуазный публицист К. Осецкий, выступая на последнем легальном собрании берлинской группы союза немецких писателей в феврале 1933 г., говорил: «Я не принадлежу ни к какой партии. Я боролся на стороне всех течений, чаще правых, но иногда и левых. Сегодня мы должны понять, что все, кто стоит слева,— наши союзники. Знамя, под которое я становлюсь, является... знаменем объединенного антифашистского движения»¹.

Отношение так называемых умеренно буржуазных партий к правительству Гитлера определялось антикоммунизмом. Их лидеры видели в фашизме лишь врага коммунистов, которых они считали и своими врагами. Заняв примиренческую позицию по отношению к нацистам, они подготовили этим поражение своих партий.

Обстановка сложилась таким образом, что и социал-демократическая и буржуазные партии не противостояли фашистскому перевороту. Значительная часть населения была введена в заблуждение и поддержала гитлеровский режим. Некоторая часть немецкого народа заняла выжидательную позицию. В первые дни и месяцы нацистской диктатуры количество активных борцов движения Сопротивления было незначительным.

Захват власти в Германии фашистами — не случайное явление. Фашистская диктатура не была властью, которая, по утверждению многих буржуазных фальсификаторов истории, якобы стояла над классами. Она представляла собой одну из форм политического господства монополистической буржуазии. «В лице гитлеровской партии,— пишут историки Германской Демократической Республики,— власть взяла та партия, которая своим авантюризмом, своим террором против народных масс, своим оголтелым реваншизмом и антисоветизмом и своей безудержной национальной демагогией больше всего отвечала классовым интересам наиболее реакционных групп немецкого финансового капитала. Фашистское господство явилось открытой террористической диктатурой самых реакционных, самых шовинистических и империалистических элементов немецкого финансового капитала. При фашизме достигло своего апогея переплетение власти немецкой финансовой олигархии с государственной властью, развитие государственно-монополистического капитализма»².

2. Карательные и разведывательные органы — орудие укрепления фашистской диктатуры

Важнейшее значение для установления и упрочения открытой террористической диктатуры монополистического капитала имела перестройка государственного аппарата фашистской Германии. Основными элементами этой перестройки были: обеспечение монопольного положения национал-социалистской партии; отказ от буржуазно-демократических методов деятельности и переход к открыто насильственным, репрессивным методам; «очищение» государственного аппарата от демократических элементов, настроенных оппозиционно или могущих, по мнению фашистских главарей, стать в оппозицию по отношению к проводимому ими курсу; резкое усиление роли карательных и разведывательных органов; изменения в структуре, компетенции и взаимоотношениях государственных органов, уничтожившие все буржуазно-демократические государственно-правовые институты, установленные веймарской конституцией³ (права

¹ Цит. по: С. В р ü с к. Im Namen der Menschlichkeit. Bürger gegen Hitler. Berlin, 1964, S. 42.

² Очерк истории немецкого рабочего движения. Перевод с немецкого. М., 1964, стр. 139.

³ Официально веймарская конституция по соображениям главным образом демагогического порядка не была отменена.

парламента, автономия земель, местное самоуправление, буржуазная законность и т. п.).

Непосредственная перестройка государственных органов проводилась с конца марта 1933 г. до начала 1935 г. В это время создавались главные звенья государственного аппарата и определялись все основы его деятельности. К числу важнейших законодательных актов, оформивших государственный строй фашистской Германии, относились: закон от 24 марта 1933 г. «О ликвидации нищеты народа и рейха» (закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий); закон от 14 июля 1933 г. «Против образования новых партий», который карал как тяжкое преступление попытки создания других (кроме национал-социалистской) партий; закон от 1 декабря 1933 г. «Об обеспечении единства партии и государства»; закон от 30 января 1934 г. «О новом устройстве государства» (о ликвидации автономии земель); закон от 2 августа 1934 г. «О верховном главе государства»; положение от 30 января 1935 г. «О германских общинах» и некоторые другие.

В результате перестройки государственного аппарата быстрым темпом происходило его сращивание с монополиями и национал-социалистской партией.

Высшая власть сосредоточилась в руках фашистского правительства, в первую очередь Гитлера, получившего новый титул фюрера фашистской партии и государства, на практике равный титулам цезаря, императора.

Поворот от буржуазной демократии к фашистской диктатуре повлек за собой большие изменения в системе карательных и разведывательных органов и общее повышение их роли в механизме государства. В систему карательных и разведывательных органов вошли организации национал-социалистской партии: СА, СС и СД¹.

Фашистское правительство объявило о полной поддержке штурмовых отрядов, возвело их в ранг вспомогательной полиции и заявило о единстве целей государства и СА. Так, газета «Эсэсовец» от 6 января 1934 г. писала: «Новая Германия не могла бы существовать без бойцов СА... То, что сделано до сих пор, а именно захват власти в государстве и уничтожение всех... последователей марксизма, либерализма, уничтожение этих людей — это только предварительная задача... к выполнению... больших национал-социалистских задач...»²

СА стали важнейшим орудием борьбы с антифашистским движением, фашистское руководство запретило полиции вмешиваться в действия штурмовых отрядов, предоставив им полную свободу. 3 марта 1933 г. Геринг, говоря о расправах штурмовых отрядов с коммунистами, заявил: «Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтожение... Борьбу не на жизнь, а на смерть... я поведу с помощью... коричневорубашечников»³.

Штурмовые отряды занимали значительное место в системе карательных органов. «Внутренние политические оппоненты, — говорил Геббельс в 1935 г., — исчезли не по каким-то никому не известным тайным причинам. Нет, они исчезли потому, что движение наше располагало самым сильным оружием в стране, и этим самым сильным оружием являлись отряды СА»⁴.

¹ СД — служба безопасности (Sicherheitsdienst).

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах (далее — Нюрнбергский процесс (в семи томах). Т. VI. М., 1960, стр. 85.

³ Там же, стр. 593.

⁴ Там же, стр. 712.

Особое место среди карательных органов фашистской Германии занимали отряды СС (в 1933 г. в них было 52 тыс. человек). Они осуществляли «охрану внутренней безопасности империи»¹.

Нацистское руководство, ликвидировав всякие рамки, ограничивавшие деятельность карательных органов, использовало их для проведения открытого и неограниченного террора. В приказе министра внутренних дел Фрика указывалось: «Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции могут принимать административные меры, необходимые для поддержания порядка и безопасности, даже если они выходят за законные пределы административных мер»².

После прихода к власти фашисты перестроили полицейскую систему, затронув все стороны ее организации и деятельности. Главная задача полиции заключалась в том, чтобы осуществлять массовый террор и истреблять физически коммунистов и антифашистов.

В специальном приказе о применении полицией оружия, изданном Герингом в феврале 1933 г., говорилось: «Полицейским чиновникам, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство, независимо от последствий употребления оружия. Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердечие, должен ждать наказания по службе. Всякий чиновник всегда должен помнить, что непринятие мер — большой проступок, чем допущенная ошибка при их проведении»³.

Фашистская партийно-государственная верхушка полностью подчинила своему произволу систему судебных органов, превратив их в орудие террора против коммунистов и антифашистов.

Для рассмотрения дел «политического» характера на территории, подведомственной областному (земскому) суду, создавались «исключительные суды». Упрощенный порядок судопроизводства превращал их в оперативные органы расправы с антифашистами.

Как создавались «исключительные суды» в фашистской Германии, можно видеть на примере так называемого «народного суда», учрежденного 24 апреля 1934 г. Этот суд создавался канцлером (по представлению министра юстиции) из двух членов и трех заседателей для разбора дел о государственной измене, которые до того рассматривались имперским судом. Порядок производства дел в «народном суде», по существу, не отличался от принятого в остальных «исключительных судах».

Съезд нацистской партии, состоявшийся в 1935 г., официально провозгласил окончательный отказ от либералистского исходного пункта старого уголовного законодательства «ни одного наказания без закона» и установил принцип «наказание за каждый проступок»⁴, означавший на деле оправдание и обоснование любых варварских методов фашистской юстиции и всей системы карательных органов, направленных на уничтожение людей, не угодных гитлеровскому режиму.

Повальный террор, тотальная слежка, всеобъемлющая фашистская пропаганда превратили Германию в чудовищную казарму, а большинство немцев — в послушные существа, над которыми витал дух гитлеризма. Полиция, гестапо, ведомство Геббельса все делали для того, чтобы этот дух стал душой всего сущего в «третьем рейхе». Американский писатель Эптон Синклер, суммировав рассуждения одного из главарей фашистской Германии — Геринга, так выразил античеловеческие, антисоциальные

¹ ЦГАОР, ф. 3855/7445, оп. 1, д. 12, л. 342.

² Там же, л. 192.

³ К. Гейден. История германского фашизма, стр. 296.

⁴ Der Parteitag der Freiheit vom 10—16. September 1935. Offizieller Bericht. München, 1935, S. 201.

устремления нацистов: «У нас есть специалисты по всем областям знания, и они годами вырабатывали для нас способы сломить волю тех, кто становится нам поперек дороги. Мы изучили тело человека, его мозг и то, что вам угодно называть душой, мы знаем, как с ним нужно обращаться. Мы посадим его в специально сконструированную камеру, где он не сможет ни стоять, ни сидеть, ни лежать, не испытывая при этом неудобства. Яркий свет днем и ночью будет слепить ему глаза, и если он на секунду забудется сном, то его растолкает приставленный к нему сторож. В камере будет поддерживаться определенная температура — не настолько низкая, чтобы он умер от холода, но вполне подходящая, чтобы превратить его нравственно в послушный комок глины»¹.

Существенно возрастала роль разведывательных органов в подавлении сопротивления эксплуатируемых масс и осуществлении агрессивных внешнеполитических замыслов германского империализма. Для достижения своих целей фашисты выдвинули разведку на первый план среди других звеньев государственного механизма. Создание новой системы разведки стало важнейшей практической задачей нацистов. Это объяснялось тем, что тотальный шпионаж наиболее полно отвечал планам монополистической буржуазии и самому существованию фашистской диктатуры, исключительной по своей реакционности и агрессивности.

Планы создания системы разведки обсуждались в Мюнхене на совещании верхушки нацистской партии еще в середине 1932 г.² После прихода фашистов к власти эти вопросы были поставлены в ряд первоочередных.

Реорганизация разведывательного аппарата Германии представляла собой неотъемлемую часть общего процесса фашизации политической надстройки, в частности государственного аппарата. В основу ее были положены те же принципы, которые характеризовали организацию и деятельность всего государственного аппарата фашистской Германии: тотальность, несвязанность законом и т. п.

Создание фашистского разведывательного аппарата происходило в 1933—1935 гг. путем реорганизации разведки веймарского периода и образования новых служб. В эти годы сложились основные звенья разведывательного аппарата, вполне отчетливо проявились важнейшие фашистские принципы его организации и деятельности.

Особую роль в системе государственной разведки фашистское руководство отводило политической полиции. В результате целого ряда мероприятий политическая полиция была превращена в широко разветвленный, централизованный аппарат, наделенный карательными функциями.

В апреле 1933 г. указом Геринга в Пруссии была создана государственная тайная полиция (гестапо). Она объявлялась высшей полицейской властью, подчинялась министерству внутренних дел и должна была решать задачи политической полиции³. В последующем гестапо превратилось в исключительный по своему положению орган. Согласно указу Геринга от 30 ноября 1933 г. гестапо подчинялось только премьер-министру Пруссии. В марте 1934 г. районные управления гестапо отделились от местных властей и получили независимость от всех других государственных органов. При этом руководящие органы общей полиции были обязаны действовать в соответствии с директивами гестапо⁴. В дальнейшем гестапо стало одним из управлений главного управления имперской безопасности Германии.

¹ Э. Синклер. Зубы дракона. Перевод с английского. Магадан, 1943, стр. 61.

² К. Рисс. Тотальный шпионаж. Перевод с английского. М., 1945, стр. 23, 78, 79.

³ «Preussische Gesetzsammlung», 1933, S. 122.

⁴ ЦГАОР, ф. 3853/7445, оп. 1, д. 12 (т. V), лл. 447—448.

В борьбе с авангардом рабочего класса и антифашистскими силами гестапо на основании декрета президента Гинденбурга от 28 февраля 1933 г. широко использовало превентивный арест и заключение в концентрационные лагеря коммунистов и прогрессивных лиц.

Деятельность гестапо была не чем иным, как легализованным произволом и расправой. Гестаповцы бросали в концентрационные лагеря не только коммунистов и антифашистов, но и лиц, не угодных нацистскому режиму, всех инакомыслящих для их последующего физического уничтожения или превращения в рабов.

На службу фашистам был призван один из «старых» разведывательных органов Германии — отдел контрразведки военного министерства (абвер), возглавляемый адмиралом В. Канарисом. Еще в дофашистский период этот отдел начал заниматься не только контрразведкой, но и разведкой. К 1935 г. абвер превратился в основной разведывательный центр фашистского государства, предназначенный для ведения шпионажа и совершения диверсионных и террористических актов в СССР, а также в капиталистических странах.

Абвер создал свою агентурную сеть в государственном аппарате, различных общественных организациях многих стран, а также в армейских штабах (даже в разведывательных и контрразведывательных органах). Так, сотрудник австрийской военной разведки полковник Лахузен в действительности являлся агентом Канариса и по его заданию готовил аншлюс Австрии.

Абвер работал в тесном контакте с разведывательными службами союзных с Германией стран — Италии, Испании, Японии. Его глава еще задолго до второй мировой войны под предлогом борьбы с коммунизмом налаживал связи с английской (Интеллидженс сервис) и американской (Си-Ай-Си) разведками.

У абвера имелись свои подразделения в военных округах и стратегических центрах, в союзных и нейтральных странах, а также в разведывательно-диверсионных школах, готовивших агентуру.

Готовясь к агрессивной войне, фашистское руководство значительно усилило и расширило деятельность своей разведки и контрразведки. При этом большая роль отводилась абверу. Именно он приступил к сбору сведений о военно-промышленном потенциале других государств.

В 1935 г. Гитлер поручил абверу добывать шпионскую информацию об оборонной мощи стран, прежде всего Советского Союза, в отношении которых разрабатывались планы военного нападения. Гитлеровскую разведку интересовали стратегические и мобилизационные планы страны, местонахождение правительственных учреждений, оборонных предприятий, телеграфов, электростанций, железнодорожных вокзалов, морских и речных портов, арсеналов и складов, количество подвижного состава и прохождение грузов, система обороны пограничных районов и т. д.

В Германии кроме абвера существовали и другие, негосударственные разведывательные учреждения. В 1933—1935 гг. количество их значительно увеличилось, и они приобрели большой вес, став составной частью фашистской разведки. Важнейшее место среди них занимали различные организации национал-социалистической партии.

Общее руководство разведывательным аппаратом различных ведомств сосредоточилось в объединенном штабе связи. Его возглавляли фашистские заправилы Гесс (председатель), Геббельс, Риббентроп, Розенберг, Боле, Борман.

В апреле 1933 г. в Берлине создается отдел внешней политики национал-социалистической партии во главе с Розенбергом. Отдел руководил всеми внешнеполитическими действиями фашистской партии и германского правительства. Одновременно в широких масштабах осуществлялась

замена доверенными лицами ответственных чиновников дипломатических учреждений Германии за границей, в первую очередь в Лондоне, Париже, Риме, Варшаве и Москве.

Для усиления разведывательной деятельности против Советского Союза ведомство Розенберга направило своих постоянных тайных представителей в Москву, Ленинград, Харьков и Магнитогорск. Кроме того, проводились вербовочные мероприятия в отношении сотрудников отдельных германских фирм, в частности фирмы «Отто Вольф», имевшей соглашение с советскими хозяйственными учреждениями.

С организацией внешнеполитического отдела Розенберг получил большие полномочия для расширения своей агентуры на юге и востоке Европы. Под руководством этого отдела в Вене действовал особый украинский комитет, который вел пропаганду по «украинским делам», налаживал связи с украинскими националистами на территории Украины и в центрах украинской эмиграции, главным образом в Варшаве, Париже, Праге и Белграде. В Вене также было создано особое разведывательное бюро, в задачи которого входило ведение разведки против Советской Украины, а также установление контактов с профашистскими организациями в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии. Подобный орган для осуществления разведки на Балканах и в Советском Союзе действовал и в Венгрии.

Придавая особое значение организации подрывной деятельности на советской территории, немецко-фашистская разведка использовала все возможности для проведения шпионажа, диверсий, антисоветской пропаганды.

Под флагом шовинистической идеи о единстве германской нации фашисты намеревались подчинить своему влиянию всех немцев на земном шаре, считая, что они должны служить интересам только Германии. Исходя из этого, гитлеровская разведка развернула активную работу по установлению связей и привлечению к подрывной деятельности против СССР немцев, переселившихся в свое время из Германии и проживавших на Украине, Кавказе, в Поволжье, Средней Азии и других районах. Под видом помощи переселенцам отдел зарубежных немцев, созданный по указанию национал-социалистической партии, и фашистские разведывательные органы систематически направляли из Германии в СССР посылки и денежные переводы в целях вербовки новой агентуры.

Засланные агенты абвера и гестапо выискивали среди получателей почтовых отправок из Германии политически неустойчивых лиц для осуществления подрывных акций. Чтобы вовлечь в шпионскую работу советских граждан немецкого происхождения, разведывательные службы фашистской Германии действовали всеми доступными им способами: шантажом, угрозами, подкупом и т. п.

В сборе шпионской информации активно участвовали германское посольство в Москве, дипломатические миссии и другие представительства. Немецкие дипломаты-разведчики привлекали к шпионажу против Советского Союза многих сотрудников дипломатических представительств Австрии, Турции и некоторых других капиталистических государств, представителей различных фирм, акционерных обществ и иных организаций, участвовавших в строительстве новых предприятий на территории СССР.

Для вербовки агентуры и организации разведывательно-подрывной деятельности на территории СССР гитлеровцы использовали деловые связи Германии. Именно в этих целях в Германии был создан русский комитет германской промышленности, во главе которого стоял опытный разведчик Чунке. Сотрудники немецких торгово-промышленных учреждений, находившихся в СССР, тщательно отбирались, проходили спе-

циальную разведывательную подготовку и только после этого направлялись для «коммерческой» деятельности в Советский Союз.

Одним из легальных прикрытий для фашистской агентуры являлся высший церковный совет — руководящий орган лютеранской церкви, который поддерживал связь с находившимися в СССР пасторами. От некоторых из них разведка получала сведения об экономике и политическом положении Советского Союза. Германская разведка активно использовала немцев — проповедников сектантских групп (менонитов и адвентистов), существовавших в Москве, Ленинграде, Поволжье, среднеазиатских республиках, Азербайджане, Орджоникидзевском крае. Фашистские разведывательные органы полностью подчинили своему влиянию находившиеся в Германии центры украинских, армянских и грузинских буржуазно-националистических организаций.

Разоблачение агентов разведывательных служб Германии, заброшенных в СССР, показывало, что фашистские лазутчики стремились получить сведения не только о количестве и качестве вооружения и боевой техники, но и о стратегических пунктах и подходах к ним, рельефе местности, мостах и переправах; это свидетельствовало о том, что немецкие шпионы собирали данные, необходимые для разработки плана нападения на Советский Союз.

Процесс создания фашистского тотального разведывательного аппарата и процесс формирования вермахта протекали параллельно, во взаимной связи. Они в основном завершились к 1935 г. В разведывательную деятельность было вовлечено огромное количество учреждений и организаций, создана массовая агентура внутри страны и за границей. Однако в своей враждебной по отношению к СССР деятельности германская разведывательная служба потерпела полное поражение.

3. Превращение Германии в государство войны: политическая и экономическая подготовка агрессии

С приходом гитлеровцев к власти развернулась лихорадочная подготовка к войне, которая стала главным содержанием деятельности немецко-фашистского государства. Внутренняя и внешняя политика нацистской Германии, ее экономика, официальная наука и культура, система начального, среднего и высшего образования, спорт, вся гигантская пропагандистская машина были направлены на форсированную милитаризацию страны. Подтвердилось то, о чем предупреждали германские коммунисты, их вождь Э. Тельман еще до захвата нацистами власти: «Гитлер — это война!»

Факты полностью опровергают вымысел реакционных буржуазных историков, будто в своей политике Гитлер всегда импровизировал и оказался втянутым в войну вопреки своему желанию. В действительности правящие круги фашистской Германии готовились к тотальной войне сознательно, планомерно, невиданными темпами, с исключительной целеустремленностью, дьявольской энергией. Если в веймарской Германии милитаризация велась подспудно, методично, с известным соблюдением, по крайней мере внешним, международных договорных обязательств, то фашистский режим сразу дал бешеный разгон всей деятельности по подготовке агрессии — экономической, политической, идеологической и военной.

Разгромив прогрессивные организации, а заодно отбросив буржуазно-демократические институты и порядки как «гнилые», мешавшие сконцентрировать усилия государства на быстром наращивании военного потенциала, гитлеровцы безоговорочно объявили о полном подчинении всех сфер общественной жизни политике милитаризации. Руководители

нацистского государства взяли курс на создание в максимально короткие сроки самой мощной в мире военной машины, чтобы осуществить бредовые планы установления мирового господства германского империализма. Они бросили открытый вызов веками складывавшимся международно-правовым нормам и по мере укрепления вооруженных сил все более решительно переходили к разбойничьим мегодам односторонних действий и «свершившихся фактов».

Получив полномочия рейхсканцлера, Гитлер сразу же продемонстрировал особое внимание нового режима к рейхсверу. Утром 31 января 1933 г., на другой день после формирования фашистского правительства «национальной концентрации», он выступил перед личным составом ряда частей. 3 февраля фюрер подробно изложил основные цели и принципы политики нацизма командованию рейхсвера. Конфиденциальное программное заявление означало, что преступные цели и методы нацистской партии, давно известные мировой общественности по устным и печатным выступлениям ее руководителей и погромным акциям фашистских организаций, теперь были возведены в ранг государственной политики страны, которая занимала второе место в капиталистическом мире по индустриальной мощи.

Новый рейхсканцлер подчеркнул, что первейшей целью возглавляемого им правительства является «восстановление политического могущества. На это должны быть направлены все усилия государственного руководства (всех его ведомств!)». Под «восстановлением политического могущества» он понимал воссоздание мощных вооруженных сил и установление при их поддержке политической гегемонии германской империи. «Строительство вермахта, — подчеркивал фюрер, — важнейшая предпосылка для достижения цели — завоевания политического могущества».

Гитлер определил два основных направления в своей агрессивной политике: «Отвоевание новых рынков сбыта... и, пожалуй, это лучшее — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». Необходимость последнего он обосновывал тем, что «жизненное пространство для немецкого народа слишком мало» и требуется «радикальное изменение» обстановки.

В соответствии с захватническими целями глава фашистского правительства определил главные задачи нацистского государства внутри страны: «Полное, коренное изменение современного внутриполитического положения в Германии. Никакой терпимости по отношению к взглядам, препятствующим достижению наших целей (пацифизм). Кто не исправится, должен быть сломлен. Беспощадное искоренение марксизма. Внушение молодежи и всему народу идеи, что спасти нас может только борьба и перед этой идеей отступает на задний план все остальное... Закалка молодежи и усиление военного духа, используя для этого все средства. Смертная казнь за измену стране и народу. Строжайшее авторитарное государственное руководство. Ликвидация раковой опухоли демократии!»¹

Заявив о «необходимости» введения воинской повинности, Гитлер подчеркнул: «Государственное руководство должно позаботиться прежде всего о том, чтобы военнообязанные не были отравлены ядом пацифизма, марксизма, большевизма как до призыва на военную службу, так и после ее прохождения». Он назвал вермахт «важнейшей и самой социалистической организацией государства», дав понять тем, кто еще не уразумел суть национал-социалистской демагогии, какой смысл вкладывается гитлеровцами в термин «социализм». Пообещав генералам, что вооруженные силы и впредь останутся «неполитическими и надпартийными» в том смысле, что

¹ Н. J a c o b s e n 1939—1945 Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961, S. 95.

«борьба внутри страны — не их дело, а функция нацистских организаций», рейхсканцлер заверил, что слияния армии с СА не предусматривается¹.

В заключение фюрер отметил: «Самый опасный период — строительство вермахта. В это время выявится, имеет ли Франция государственных мужей; если да, она нам не предоставит этого времени, а обрушится на нас (по всей вероятности, вместе с восточными сателлитами)»².

Следовательно, уже на первом совещании с командованием рейхсвера Гитлер достаточно откровенно и доверительно изложил суть внешней, внутренней и военной политики фашистского режима. Он не скрывал и тех опасностей для страны в целом, которые таила в себе такая политика. Тем не менее генералы и офицеры не только не протестовали, а, не теряя времени, развернули бурную деятельность, причем вплоть до 1938 г. руководству рейхсвера была предоставлена возможность самостоятельно решать все практические вопросы военного строительства. Поэтому совершенно несостоятельными выглядят утверждения многих буржуазных историков, будто германские генералы вплоть до 1937 г. оставались в неведении относительно опасных планов Гитлера.

Выполняя изложенную перед командованием рейхсвера программу, Гитлер и стоявшие за ним реакционные империалистические силы развернули всестороннюю подготовку к агрессивной войне. Прежде всего нацистское руководство позаботилось об укреплении фашистского режима и создании внутриполитических условий для подготовки и развязывания такой войны.

В восьмитомном труде «История германского рабочего движения», созданном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, говорится: «Главная задача гитлеровской диктатуры состояла в том, чтобы в интересах германского монополистического капитала, юнкеров и милитаристов сломить силу немецкого рабочего класса и его союзников путем уничтожения его марксистско-ленинского авангарда — коммунистической партии, поработить рабочий класс, а также другие силы народа и сделать их пригодными для войны»³.

Сразу после переворота гитлеровцы развернули репрессии против Коммунистической партии. Приказом Геринга были запрещены собрания и демонстрации этой партии. 23 февраля 1933 г. полиция произвела налет на здание ЦК КПГ. Однако разгромить компартию было далеко не просто: она пользовалась огромным авторитетом и доверием значительной части немецкого населения. Чтобы развязать себе руки и перейти к открытому массовому террору, гитлеровцы решились на чудовищную провокацию — поджечь рейхстаг и обвинить в этом коммунистов.

В ночь на 28 февраля 1933 г. поджигатели собрались в доме председателя рейхстага Геринга. По подземному ходу они проникли в здание парламента и совершили свое черное дело. Вскоре было опубликовано правительственное сообщение, в котором виновниками поджога объявлялись коммунисты. Гитлер, прибыв к месту происшествия, в присутствии многочисленных журналистов воскликнул: «Это перст божий! Теперь никто не помешает нам уничтожить коммунистов железным кулаком!»⁴ Нацистская печать изощрялась в нападках на коммунистов, утверждая, что «пожар должен был послужить сигналом для начала страшной всеокрушающей борьбы против немецкой нации, немецкой культуры и немецкой экономики»⁵.

¹ H. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 95—96.

² Ibid., S. 96.

³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 11—12.

⁴ Цит. по: E. K a l b e. Freiheit für Dimitroff. Berlin, 1963, S. 56.

⁵ Vom 30. Januar zum 21. März. Leipzig, 1933, S. 97.

Действительно, было совершено злодейское, и притом далеко не последнее, нападение на немецкую нацию, человеческую культуру, цивилизацию, организованное гитлеровцами. Пламя над рейхстагом явилось первым вестником тех пожаров, которые вскоре запылали по всей Европе, отмечая путь немецко-фашистской агрессии.

Обстоятельства поджога рейхстага были документально раскрыты после войны на Нюрнбергском процессе, но западногерманские неонацисты во второй половине 60-х годов снова стали распространять гитлеровскую версию и даже пропагандировали ее по телевидению.

В связи с этим директор института истории Бернского университета В. Хофер заявил: «Приказ о поджоге поступил из высших сфер нацистской партии, и он был выполнен специальной командой сотрудников служб СС и СА»¹. Раскрылись и новые детали преступления. В частности, установлено, что, когда спустя год после пожара возник конфликт между Гитлером и руководством фашистских штурмовых отрядов, последнее предприняло неудавшуюся попытку перебросить за границу сведения об организации поджога рейхстага. Это ускорило разгром руководства штурмовых отрядов и уничтожение участников провокации.

После поджога рейхстага антикоммунизм стал официальной, государственной доктриной германской империи. Организации КПП, ее активисты подверглись чудовищному фашистскому террору. Гинденбург подписал заранее подготовленные чрезвычайные законы «О защите народа и государства», «Против измены германскому народу и изменнических действий», направленные на беспощадное подавление всякого сопротивления фашизму и реакции. Под предлогом «защиты от опасных для государства коммунистических насильственных акций» отменялось действие семи статей конституции, в которых были зафиксированы элементарные буржуазно-демократические права (свобода личности, свобода выражения мнения, свобода печати, союзов, собраний, сохранение тайны почтовой переписки, телефонных разговоров). Вводились обыски и аресты без ордеров, смертная казнь за разнообразные «преступления» политического характера². В стране было объявлено чрезвычайное положение. Начались массовые облавы и аресты. В ночь на 28 февраля только в одном Берлине было арестовано 1500 человек, а по всей стране — более 10 тыс.³ 3 марта фашисты схватили руководителя Коммунистической партии Германии Э. Тельмана.

Многих руководящих деятелей КПП нацистские палачи уничтожили при аресте или в концентрационных лагерях. Биографии и предсмертные письма части погибших активистов партии, заботливо собранные и опубликованные в ГДР, раскрывают их высокий моральный дух, верность своему народу и коммунистическим идеалам⁴. Партия была вынуждена переправить за границу членов ЦК КПП — В. Пика, В. Ульбрихта, В. Флорина, Ф. Геккерта и других видных деятелей.

Предпринимая поход «за искоренение марксизма», против организованного рабочего движения, немецкие империалисты хотели получить возможность беспрепятственно проводить политику войны как внутри страны, так и за ее пределами. 5 марта 1933 г. состоялись выборы в рейхстаг. Несмотря на свирепый террор, Коммунистическая партия собрала 4 848 тыс. голосов⁵, что свидетельствовало о доверии к ней широких слоев народа. Однако гитлеровцы не допустили коммунистов-депутатов в рейхстаг и, попирая все демократические законы, аннулировали их мандаты.

¹ Цит. по: «Правда», 19 октября 1969 г.

² Von Weimar zu Hitler 1930—1933, S. 505—507.

³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 25

⁴ Deutsche Widerstandskämpfer 1939—1945, Bd. 1—2. Berlin, 1970.

⁵ Von Weimar zu Hitler. 1930—1933, S. 499.

Коммунистическая партия Германии была официально запрещена, а не успевшие скрыться депутаты-коммунисты арестованы

24 марта рейхстаг, перечеркнув веймарскую конституцию, предоставил правительству Гитлера чрезвычайные полномочия. В его руках фактически сосредоточилась вся законодательная и исполнительная власть. Представители буржуазных партий поддержали создание режима открытой террористической диктатуры. Например, 30 марта 1933 г. было опубликовано заявление фракции католической партии центра в кельнском муниципалитете (лидер — К. Аденауэр). В нем говорилось: «Мы приветствуем уничтожение коммунизма и подавление марксизма, осуществленные ныне в таких масштабах, которые были невозможны в течение всего послевоенного периода»¹. В начале августа 1934 г. после смерти Гинденбурга пост президента был упразднен, и Гитлер официально сконцентрировал в своих руках все управление страной. Депутатов в рейхстаг больше не избирали — их назначали фашистские главы².

Придя к власти, нацисты поставили своей целью истребить передовую часть пролетариата. Рабочие и демократические организации были разгромлены. Террор фашистов прежде всего направлялся против коммунистов. Из 300 тыс. человек, состоявших в партии к началу 1933 г., 150 тыс. подверглись преследованиям, были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, десятки тысяч членов партии убиты³. Террор был распространен и на социал-демократов, правые лидеры которых сыграли столь неблагоприятную роль, фактически содействуя установлению фашистской диктатуры в Германии. Всего по стране было уничтожено 200 тыс. человек; около миллиона томилась в заключении.

В начале мая 1933 г. гитлеровцы разогнали профсоюзы. Созданный ими так называемый «Немецкий трудовой фронт», включавший как рабочих, так и предпринимателей, должен был демонстрировать отсутствие в фашистском государстве классовых противоречий. Его задача состояла в том, чтобы полностью подчинить рабочих предпринимателям и закрепить их за предприятиями. По словам известного немецкого экономиста Ю. Кучинского, «в течение приблизительно ста дней у немецких рабочих были отняты и уничтожены все основные буржуазно-демократические права и свободы, которые они завоевали за сто лет тяжелых боев»⁴.

Расправа с коммунистами должна была, по мнению гитлеровцев, не только укрепить фашизм внутри страны, но и обеспечить сочувствие буржуазного Запада, поставить немецких империалистов во главе реакционных сил Европы. Консервативная печать демократических государств, пишет Г. Якобсен, выразила свое «почтительное понимание мероприятий по сплочению национального фронта в Германии, причем она подчеркивала прежде всего объявленные Гитлером защитные акции против большевизма»⁵.

Фашистская Германия постепенно превращалась в международную базу контрреволюции. В борьбе против революционного движения германское сотрудничество с полицией Австрии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, Чехословакии и других стран. В Вене была создана международная полицейская комиссия под председательством Гиммлера. На конференциях этой «политической полиции» присутствовали представители 50 капиталистических государств. Особенно тесные контакты гитлеровцы

¹ Цит. по «Правда», 25 сентября 1958 г.

² H. H e g n e r Die Reichskanzlei von 1933—1945 Anfang und Ende des Dritten Reiches, S. 428.

³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 436—437.

⁴ J. K u c z y n s k i Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus Bd. II, Teil 1 Berlin, 1953, S. 121.

⁵ H. J a c o b s e n Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938 Frankfurt a/M — Berlin, 1968, S. 392.

установили с полицейскими организациями Чехословакии и Польши, которые передавали посольствам и консульствам, а иногда и непосредственно гестапо материалы о зарубежной деятельности германских антифашистов. Характерно, что польская полиция расправлялась и с теми немецкими антифашистами, которые предупреждали о готовившемся нападении Германии на Польшу¹.

С 21 сентября по 23 декабря 1933 г. в Лейпциге проходил провокационный судебный процесс по делу о поджоге рейхстага. Организаторы пожара посадили на скамью подсудимых выдающегося деятеля международного коммунистического движения Г. Димитрова, в лице которого суд должен был обвинить компартию Германии, Коминтерн, Советский Союз. Лейпцигский процесс был призван дать гитлеровцам идеологическое оружие для антисоветской войны.

Против Г. Димитрова фашисты мобилизовали весь государственно-полицейский аппарат. Разыгрывая роль свидетелей, перед судом предстали полицейские, шпики, провокаторы. Выступили даже Геринг и Геббельс, которые рассчитывали решающим образом повлиять на ход судебного процесса. Но Димитров, сумевший превратить его в суд над фашизмом, опрокинул все планы нацистов. Мощная волна антифашистского движения во всем мире, мужественная и умелая защита Димитровым дела коммунизма, разоблачение им провокаторов и фашистского судилища — все это привело лейпцигский процесс к позорному провалу. Фашисты не смогли доказать причастность Димитрова к пожару. Признав фактически полную бездоказательность обвинения, суд вынужден был оправдать бесстрашного революционера. Фашизм потерпел крупное моральное и политическое поражение.

Лейпцигский процесс, кроме того, наглядно показал, что Коммунистическая партия Германии представляет собой большую силу и борется против гитлеровского режима. Ни одна буржуазная партия, а вместе с ними и социал-демократическая не пошли по пути решительного противодействия нацистам. Позорно вели себя их депутаты рейхстага. 17 мая 1933 г., когда Гитлер выступил с прониженным жаждой военного реванша заявлением по внешнеполитическим вопросам, они проголосовали за резолюцию, в которой говорилось, что рейхстаг единодушно поддерживает имперское правительство Гитлера².

Пассивность и даже угодничество лидеров социал-демократии не удовлетворили фашистов: их беспокоило наличие в партии рабочих. Вот почему вслед за коммунистической они запретили социал-демократическую и остальные (кроме национал-социалистской) политические партии. Все буржуазные партии поспешили заявить о самороспуске.

И только Коммунистическую партию Германии нацистам сломить не удалось. Несмотря на большие потери от фашистского террора, она и в глубоком подполье продолжала свою благородную борьбу за мир, демократию и социализм, своевременно выдвигая новые стратегические и тактические задачи. Величайшее мужество и самоотверженность проявили немецкие коммунисты, партия которых жила и действовала все годы фашистской диктатуры и второй мировой войны как подлинно proletарская, верная марксизму-ленинизму. Надежды фашистского руководства на полное «единство нации» в войне за мировое господство немецких монополий оказались несостоятельными. В секретном циркуляре гестапо от 3 июня 1935 г. говорилось: «Находящаяся на нелегальном положении коммунистическая партия Германии не только не прекращает своей деятельности, но и продолжает ее в широких масштабах»³. Такое при-

¹ ZPA, St 3/432, Bl 71—84.

² Verhandlungen des Reichstages, 8. Wahlperiode Bd. 457. Berlin, 1933, S 54.

³ ZPA, OI/25, Bl. 185.

знание классового врага — свидетельство героизма немецких коммунистов.

По мере того как раскрывалось подлинное лицо фашистской диктатуры, оппозиция режиму возникла даже в гитлеровских штурмовых отрядах, являясь отражением недовольства обманутой мелкой буржуазии и средних слоев. Под влиянием демагогии и террора гитлеровцев, непреодоленных последствий кризиса 1929—1933 гг. ряды СА с полумиллиона человек в 1933 г. выросли до 4 млн в 1934 г.¹ Чувствуя свою «силу числа», рядовые штурмовики и даже младшие командиры стали довольно громко поговаривать о необходимости «второй революции»². В середине 1934 г. вспыхнули волнения в отрядах СА Берлина, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, Дрездена, Эссена, Дортмунда, Касселя, Кенигсберга и Фрейбурга. Руководители СА во главе с Ремом пытались использовать брожение в своих целях. Они стремились выдвинуться путем превращения штурмовых отрядов в основу регулярных вооруженных сил. Обеспокоенный Гитлер под предлогом участия в свадьбе гаулейтера Тербовена прибыл в Эссен, где обратился за советом к Круппу. Получив его, он тут же вылетел в Мюнхен, откуда дал приказ об уничтожении руководителей штурмовых отрядов. Ночью 30 июня 1934 г., названной «ночью длинных ножей», а также 1 и 2 июля с личным участием фюрера была учинена кровавая расправа с руководством СА. В своей речи в рейхстаге 13 июля 1934 г. Гитлер объявил, что был расстрелян 71 человек. На самом деле число убитых превысило 1070, а арестованных — 1120³. Последующей «чисткой» из отрядов было удалено 200 тыс. штурмовиков. Попутно Гитлер свел счеты с деятелями буржуазной оппозиции и некоторыми генералами, не проявившими должного уважения к военным познаниям недавнего ефрейтора. Среди убитых оказались генерал фон Шлейхер, который долгое время был ближайшим сотрудником Гинденбурга и возглавлял правительство Германии, а также генерал Бредов. Гинденбурга не возмутили убийства, он даже направил Гитлеру благодарственную телеграмму за решительность в расправе с недовольными.

Руководство рейхсвера приняло активное участие в подготовке и проведении акции 30 июня. Рейхсвер был приведен в полную боевую готовность и оказывал содействие эсэсовцам в массовых арестах и расстрелах без суда и следствия. Министр рейхсвера распорядился разъяснить всем офицерам, что о «реабилитации» убитых генералов не может быть и речи⁴. В связи с этим О. Винцер, министр иностранных дел ГДР, справедливо отмечал: «Во имя вооружения и подготовки к войне тогда, как и сегодня, милитаристы, идеалом которых был и остается фельдмаршал в президентском кресле, всегда были готовы принять участие в любом позорном деле»⁵. Оценивая значение этой кровавой акции, один из ближайших приспешников Гитлера — А. Розенберг записал в своем дневнике «НСДАП расчистила себе дорогу к завершению создания третьего рейха»⁶.

С установлением фашистского режима все более усиливались гонения против еврейского населения Германии. В 1933—1935 гг. были изданы

¹ H. H e g n e r Die Reichskanzlei von 1933—1945 Anfang und Ende des Dritten Reiches, S. 428

² «Первой революцией» считался захват власти гитлеровцами 30 января 1933 г.

³ W. G o r l i t z, H. Q u i n t Adolf Hitler Eine Biographie Stuttgart, 1952, S. 438

⁴ K. M u l l e r Das Heer und Hitler Armee und nationalsozialistisches Regime 1933—1940 Stuttgart, 1969, S. 606

⁵ О. В и н ц е р 12 лет борьбы против фашизма и войны, стр. 66

⁶ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40 Nach photographischer Wiedergabe der Handschrift aus Nürnberger Akten herausgegeben und erläutert von H. G. S e r a p h i m Gottingen, 1956, S. 41

законы, запрещавшие евреям работать в государственных учреждениях, служить в армии; их лишили прав гражданства, запретили браки с «арийцами». Вскоре нацисты перешли к прямому террору, организовав погромы и бесчеловечные расправы. Впоследствии евреи были переданы в распоряжение СС, гестапо и уничтожались в лагерях смерти. Гитлеровцы полагали, что, участвуя в этих расправах, немцы проникнутся сознанием своего расового превосходства над другими народами.

В интересах укрепления режима и подготовки страны к войне фашисты непрерывно усиливали централизацию государства. Ликвидировав все представительные учреждения и выборные должности, они последовательно проводили в жизнь принцип фюрерства, согласно которому подчиненные назначались вышестоящим начальником и безоговорочно подчинялись ему. На вершине иерархической лестницы стоял «фюрер и рейхсканцлер германской империи».

Происходило сращивание партийного и государственного аппарата. 1 декабря 1933 г. был издан закон «Об обеспечении единства партии и государства», первый параграф которого гласил, что нацистская партия «является носителем идей государства и неотделима от государства, устройство ее будет частью народного права, а организация ее будет определяться волей фюрера»¹. Почти все лидеры нацистской Германии совмещали государственные и партийные должности.

В соответствии с законом от 30 января 1934 г. были ликвидированы права самоуправления провинций и земель, где учреждались должности имперских наместников. В одних землях наместник сам возглавлял кабинет министров, в других имел право назначать и смещать председателя и членов правительства, а также чиновников и судей. Гитлеровцы разделили страну на 32 гау (области), которые возглавлялись назначенными Гитлером гаулейтерами.

Установление и укрепление фашистского режима, беспощадное подавление и уничтожение прогрессивных организаций и всех инакомыслящих, строжайшая централизация государства, концентрация власти в руках самых реакционных, агрессивных и авантюристических сил германского империализма, готовых на все во имя осуществления захватнических планов, создали важнейшие государственно-политические предпосылки для подготовки и ведения тотальной войны за мировое господство.

Одновременно германские империалисты развернули военно-экономическую подготовку страны. Они учли опыт первой мировой войны, когда кайзеровский генеральный штаб и правительство недооценили значения своевременного развертывания военной экономики, и задолго до прихода нацистов к власти (в 1924—1929 гг.) при активном участии американского и английского капитала создали военно-промышленный потенциал. Поэтому подъем военного производства, который отмечался после установления гитлеровской диктатуры, явился продолжением прежнего курса, но с применением новых методов и несравнимыми с предшествовавшим десятилетием темпами и размахом. В лице Гитлера немецкие монополии нашли наконец то, что долго искали. Им было известно, что еще осенью 1931 г. Гитлер заявил: «Если я теперь приду к власти, то вызову военного министра и спрошу его: «Во что обойдется тотальное вооружение?» И если он потребует 20, 40, 60 и даже 100 миллиардов марок, он безусловно их получит, и тогда будем вооружаться, вооружаться, вооружаться до полной готовности, а потом...» Когда один из участников беседы заметил: «Потом мир опять объединится против Германии. Вы получите вторую мировую войну, которую проиграете так же, как мы проиграли первую»,

¹ Цит. по: А. Б л а н к. Германский фашизм и западногерманский неонацизм (1919—1969 гг.). Ч. I. Вологда, 1971, стр. 117.

Гитлер ответил: «Я прикажу расстрелять каждого, кто проговорится...» Собеседник пытался еще возражать, но Гитлер буквально прорычал: «Расстрелять, расстрелять...»¹ И вот теперь Гитлер дорвался до власти и горячо взялся за «дело».

Являясь председателем союза германских промышленников, Г. Крупп представил Гитлеру проект реорганизации промышленности страны, чтобы ускорить перевооружение рейхсвера. Его фирма одна из первых приступила к массовому производству военной продукции. «Вместо грузовиков на конвейерах появились танки, а тысячи стальных болванок, заготовленных в предшествующие годы... стали превращаться в оружейные стволы. На кильских судоверфях Крупп начал широкое строительство подводных лодок, минных тральщиков и эсминцев... Когда Геринг заявил о возрождении люфтваффе, Крупп уже открыто испытывал на побережье Балтийского моря новое зенитное орудие»².

Крупные военные заказы от правительства получили и другие концерны, способные наращивать производство вооружения. Среди монополистических объединений, немало сделавших для перестройки промышленности уже в первый год фашистской диктатуры, выделялся концерн Флика³. В апреле 1933 г. глава крупнейшей фирмы Тиссен по прямому поручению Гитлера провел совещание с представителями авиационной промышленности, на котором было принято решение резко увеличить производство боевых самолетов всех типов — от одноместных истребителей до крупных бомбардировщиков⁴. В июле 1933 г. обсуждался вопрос о производстве танков и выборе наиболее правильных технических решений при разработке моделей, предназначенных для массового выпуска⁵. О темпах роста военной промышленности Германии можно судить по данным выпуска самолетов. В 1931 г. их было произведено лишь 13, в 1933 г. — 368, в 1935 г. — 3183⁶. Это были преимущественно военные самолеты или такие «гражданские», которые легко могли быть переоборудованы в военные.

Старые предприятия вскоре перестали удовлетворять потребности рейхсвера. В срочном порядке началось возведение новых. В первые три года фашистской диктатуры вступило в строй более 300 военных заводов, в том числе 55—60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанковых, 70 военно-химических, 15 военно-судостроительных и 80 артиллерийских⁷.

Большое значение в системе мероприятий по созданию военной экономики имело расширение сырьевой базы, осуществлявшееся многими путями: разведкой и организацией добычи полезных ископаемых внутри страны, принудительным изъятием изделий из цветных металлов у населения, ограничением потребления военно-стратегического сырья в гражданских отраслях производства, усиленным ввозом его из-за границы, разработкой и внедрением всевозможных заменителей. На все это было израсходовано уже в первые годы фашистской диктатуры до 10 млрд. марок.

Размеры капиталовложений в военное производство видны из таблицы 7.

¹ W. G ö r l i t z. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt (1657—1945), S. 383.

² P. B a t t y. The House of Krupp, p. 162—163.

³ «Deutsches Wirtschaftsinstitut Bericht» (Berlin), 1959, № 11, S. 5—6.

⁴ Анатомия войны, стр. 93—94.

⁵ Там же, стр. 101—103.

⁶ Ю. К у ч и н с к и й. История условий труда в Германии. Перевод с немецкого. М., 1949, стр. 328.

⁷ П. Б е л о в. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951, стр. 123.

Капиталовложения в экономику Германии¹

Годы	Все капиталовложения (млн марок)	В том числе в военное производство	
		сумма (млн марок)	процент ко всем капиталовложениям
1932	2590	620	24
1933	3150	720	23
1934	6760	3300	49
1935	9040	5150	57

Существенно важным в подготовке к войне явилось строительство дорог военно-стратегического значения. Некоторые автостреды, пересекая Германию с запада на восток, обеспечивали быструю переброску войск с одного театра военных действий на другой.

Как заявил на съезде нацистской партии Тодт, руководивший автомобильным строительством, в 1935 г. в строительстве автостред участвовало 120 тыс. человек. 170 тыс. человек строили другие автомобильные дороги. Всего же, с учетом предприятий-поставщиков, с автомобильным строительством было связано 440 тыс. рабочих и служащих². Расходы на строительство железных дорог с 805 млн. марок в 1932 г. возросли до 1 876 млн. марок в 1935 г.³

Милитаризация экономики способствовала усилению процесса концентрации капиталов и всевластия монополий. По данным германского статистического управления, в конце 1935 г. доля концернов в общей сумме акционерного капитала составляла: в каменноугольной промышленности — 82,4 процента, в черной металлургии — 76,6, в производстве электроэнергии — 85,2 процента. Уже тогда концерны контролировали 85 процентов всего акционерного капитала⁴. Особенно большая роль принадлежала «ИГ Фарбениндурии», «Стальному тресту», «Всеобщей компании электричества» и концерну Круппа. Быстро набирали силу фирмы, которые представляли бурно развивавшиеся отрасли военного производства. Среди них ведущее место занимал концерн Круппа. Количество его рабочих стремительно увеличивалось и в конце 1935 г. составляло 90 тыс. человек. Концерн представлял собой гигантский комплекс металлургических, машиностроительных, танковых, артиллерийских, автомобильных, авиационных и судостроительных заводов. Его обороты выросли со 191 млн. марок в 1932/33 г. до 896 млн. марок в 1936/37 г.⁵. За это время вдвое увеличились обороты концернов Сименса и «ИГ Фарбениндурии», в восемь-девять раз — концерны «Юнкерс». Деятельное участие в вооружении фашистской Германии принял концерн Цейса, изготовлявший точные оптические приборы, так необходимые в артиллерии, авиации, на боевых кораблях.

В. И. Ленин подчеркивал, что «капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*...»⁶. Ленинские слова полностью подтверждаются данными об источниках финанси-

¹ R E r b e Die nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933—1939 im Lichte der modernen Theorie Zurich, 1958, S 25

² Der Parteitag der Freiheit vom 10—16 September 1935 Offizieller Bericht, S 205

³ R E r b e. Die nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933—1939 im Lichte der modernen Theorie, S 26

⁴ «Die deutsche Volkswirtschaft», 1937, № 7, S 229

⁵ К. М и к у л ь с к и й. Концерн Круппа, стр. 37, 42.

⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 173.

ния военной экономики фашистской Германии, потребовавшей огромных средств государственного бюджета. Валютные резервы рейхсбанка были сравнительно невелики. Золотой запас Германии составлял всего около 900 млн. марок, его хватило лишь на первые полтора года фашистской диктатуры, поэтому главным источником финансирования было увеличение всякого рода поборов с трудящихся: прямых и косвенных налогов, принудительно размещаемых государственных займов, поборов в фонд «трудового фронта» и т. д. Широко гитлеровцы прибегали и к прямому ограблению населения и общественных организаций. Так, ими были захвачены кассы распущенных буржуазных партий и разгромленных профсоюзов.

12 июня 1933 г. был издан закон «О защите германского народного хозяйства», который санкционировал грабеж лиц «неарийского происхождения» и всех неугодных гитлеровцам. По признанию Шахта, благодаря другому закону («О государственной измене») удалось получить 100 млн. марок¹.

Одной из форм финансирования программы вооружений явился выпуск государственных краткосрочных беспроцентных векселей и так называемых «векселей по созданию работ». В 1933—1938 гг. было выпущено на 12 млрд. марок «мефо-векселей» (векселей без реального обеспечения)². Законом «О сокращении безработицы» от 1 июня 1933 г. предусматривалось проведение крупных работ с использованием принудительного труда безработных за грошовое вознаграждение. В гигантских военных приготовлениях первых лет фашистской диктатуры участвовало 4 млн. безработных. Это позволило гитлеровскому правительству хвастливо объявить об «успешном» решении проблемы занятости рабочей силы и вместе с тем сэкономить крупные средства при создании военного хозяйства.

Часть капиталовложений в военное производство шла из прибылей монополий, увеличивавших таким образом свой основной капитал. Особенно быстро росли прибыли самых крупных военных концернов. Так, чистая прибыль концерна «ИГ Фарбениндустри» с 71 млн. марок в 1923 г. увеличилась до 153 млн. марок в 1936 г.³ Прибыли «Стального треста» со 121 млн. марок в 1934 г. за три года выросли до 257 млн. марок⁴. Обогащение Круппа происходило еще стремительнее, причем прибыли концерна находились в прямой зависимости от количества полученных военных заказов. Об этом свидетельствует таблица 8.

Таблица 8

Рост прибылей концерна Круппа⁵

Годы	Количество военных заказов	Прибыль (млн. марок)
1932/33	9	7
1933/34	53	12
1934/35	62	60
1935/36	80	91

Непосредственное руководство экономической подготовкой к войне в 1933—1935 гг. осуществляли министерство хозяйства и военное мини-

¹ «Der deutsche Volkswirt», 1953, № 12-13, S. 536.

² F. F e d e r a u. Der zweite Weltkrieg. Seine Finanzierung in Deutschland. Tübingen, 1962, S. 17.

³ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte in München. IG Farben, Bd. 5, Dok. Nr. № 10002, Bl. 222.

⁴ О. В и н ц е р. 12 лет борьбы против фашизма и войны, стр. 125.

⁵ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte in München. Krupp, Bd. 15, Dok. Nr. № 4221, Bl. 10; Dok. Nr. № 13035, Bl. 55.

стерство. Уже в 1933 г. Я. Шахт, министр хозяйства, организовал точный учет предприятий, наиболее важных в военном отношении. Были разработаны экономические планы производства 200 важнейших видов военных материалов, а также план подготовки к войне сельского хозяйства. В 1935 г. заготавливались и рассылались на места продовольственные карточки. Шахт беспокоился, чтобы о них не стало известно за рубежом, потому что «такое мероприятие было бы расценено как подготовка к предстоящей вскоре войне и тем самым как доказательство агрессивных намерений Германии»¹.

Тайно изданным 21 мая 1935 г. законом «Об обороне империи» вводилась должность генерального уполномоченного по военной экономике, на которого возлагалось руководство подготовкой экономики к войне, а в военное время — мобилизацией «всех экономических сил для ведения войны»². На этот пост был назначен Шахт. Однако его компетенция не распространялась на военную промышленность, руководство которой осуществляло военное министерство через военно-экономический штаб во главе с полковником (позже генералом) Томасом. Все военно-экономические мобилизационные мероприятия генеральный уполномоченный по военной экономике и военный министр должны были проводить в тесном сотрудничестве³.

Наряду с быстрым развитием военной промышленности экономическая подготовка предусматривала: достижение автаркии⁴ в снабжении сырьем; равномерное рассредоточение промышленных объектов по всей территории страны; увеличение производственных мощностей предприятий, обслуживающих и питающих войну; проведение технической реконструкции и рационализации в важных в военном отношении отраслях промышленности⁵.

Германские монополии не только усердно выполняли задания фашистского правительства и органов экономической подготовки к войне, но и сами проявляли инициативу, подсказывая нацистским руководителям мероприятия, которые вскоре приобретали силу законов и неукоснительно проводились в жизнь. Промышленник Рехлинг в записке Гитлеру «Мысли относительно подготовки к войне и ее ведения» предлагал исходить из того, что война неизбежна и к ней надо готовиться «всеми средствами». «Предстоящая война, — отмечал он, — будет в первую очередь войной техники...»⁶, без разделения на фронт и тыл. Монополисты обсуждали с представителями военного министерства вопросы применения различного оружия, поставляемого концернами. Директор фирмы Круппа Г. Купке консультировался с представителями вермахта о подготовке сменяющихся колесных пар для транспортирования 280-мм пушек, чтобы обеспечить переход на русскую железнодорожную колею⁷.

В меморандуме «ИГ Фарбениндурии», представленном в 1935 г. совету вооружений имперского министерства обороны, указывалось: «Если не копировать только организационные формы, возникшие в силу необходимости во время войны (имеется в виду первая мировая война. — *Ред.*), а исходить из интересов подчинения в будущем всех производителъ-

¹ Анатомия войны, стр. 122.

² IMT, vol. XXXVI, p. 247—248.

³ I b i d., p. 248.

⁴ А в т а р к и я (греческое слово, означающее самоудовлетворение) — политика хозяйственного обособления страны, направленная на создание замкнутого национального хозяйства, способного обходиться без импорта существенно необходимых товаров.

⁵ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. Перевод с немецкого. М., 1956, стр. 23—24.

⁶ Анатомия войны, стр. 129.

⁷ Т а м ж е, стр. 123.

ных сил подготовке к выполнению одной задачи — это значит создать (естественно, используя опыт, полученный во время войны) новую военную экономическую организацию, которая поставит на службу военному производству всех мужчин и женщин, все производственные сооружения и машины, все сырье. И все это будет охвачено экономической организацией, подчиненной строгому военному руководству. Вся продукция промышленности, ремесел и промыслов, а также сельского хозяйства имеет в этом смысле военное значение и поэтому должна быть включена в рамки всеобъемлющей военной экономики»¹.

Фирму «ИГ Фарбепиндустри» беспокоила нехватка рабочей силы, неизбежная в случае большой войны, и она рекомендовала министерству обороны считаться с тем, что квалифицированный рабочий «на своем рабочем месте... сможет внести более ценный вклад в общее дело обороны страны, чем своей службой с оружием в руках». В меморандуме предлагалось также скорее «подготовить подробные мобилизационные планы для промышленных предприятий, жизненно важных предприятий ремесел и промыслов, а также для всех отраслей сельского хозяйства, которые в совокупности, без каких-либо исключений, имеют жизненно важное значение...»². В министерстве обороны не только готовились такие планы, но и зрела варварская мысль принудительно использовать в промышленности и сельском хозяйстве Германии иностранных рабочих.

Чтобы не прекращался приток капиталов и военно-стратегического сырья, монополисты советовали Гитлеру заверять западные державы в лояльном к ним отношении, что полностью совпадало с расчетами фюрера. Постоянно напоминая представителям правящих кругов США, Англии и Франции о своей ненависти к Советскому Союзу и планах войны только с ним, он стремился в полной мере воспользоваться их экономической и политической поддержкой.

Новый этап в экономической подготовке к войне наступил с введением в действие «четырехлетнего плана» развертывания военного производства, который был разработан в 1935—1936 гг., а в сентябре 1936 г. утвержден съездом гитлеровской партии в Нюрнберге. Месяцем раньше Гитлер издал секретный меморандум об экономической подготовке к войне. Он заканчивался совершенно определенной директивой: «1) через четыре года мы должны иметь боеспособную армию, 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне»³. Таким образом, дата развязывания мировой войны была уже определена — не позднее 1940 г.

4. Превращение Германии в государство войны: идеологическая и военно-теоретическая подготовка агрессии, строительство вооруженных сил

В процессе подготовки к войне фашистский режим, создав разветвленный и мощный аппарат, развернул в невиданных масштабах идеологическую обработку населения. «После того как нацисты пришли к власти, — отмечает австралийский автор Е. Брэмстед, — их пропаганда приобрела тотальный характер, она не ограничивалась только непосредственно политической сферой, а охватила всю область культурной деятельности государства... должна была проникать во все поры общества»⁴. В 1933 г. было сформировано министерство пропаганды, которое возглавил Геббельс — один из главных факельщиков второй мировой войны.

¹ Анатомия войны, стр. 118—119.

² Там же, стр. 119—120.

³ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 86.

⁴ E. B r a m s t e d. Goebbels and National Socialist Propaganda 1925—1945. London, 1965, p. 52.

Народное образование, печать, радио, библиотеки, музеи, театры, кино — все средства духовной культуры министерство взяло под свой контроль и поставило на службу агрессивной политике нацистов.

Подводя некоторые итоги идеологической обработки немецкого населения, Гесс говорил в мае 1935 г.: «Воздействие новых идей распространяется в Германии не только на политику, но и на культуру в целом, во всеобъемлющем значении этого слова: на искусство и литературу, науку и экономику, на силы обороны страны и на рабочую силу, на общество и семью. Во всех ее формах жизнь народа подвержена влиянию политики национал-социализма или изменена им»¹.

Рассматривая пропаганду как одно из основных средств укрепления своего господства и подготовки населения к войне, гитлеровцы ежегодно увеличивали бюджетные ассигнования министерству Геббельса: в 1934 г. они составили 26,1 млн. марок, в 1935 г. — 40,8 млн. и в 1938 г. возросли до 70,7 млн. марок².

Дополняя методы террора, пропаганда должна была обеспечить полный контроль фашистов над мыслями и чувствами масс. Дресслер-Андресс, руководитель нацистского радиовещания, так формулировал главную задачу пропаганды: «Тотальное воздействие на народ, обеспечение единой реакции на события...»³ Пропаганда, поучал Гитлер, должна быть направлена «главным образом на чувства и только в очень ограниченной степени рассчитана на так называемый разум... Чем скромнее ее научный балласт, чем больше концентрирует она свое внимание на чувствах масс, тем значительнее ее успех»⁴. Фюреру вторил Геббельс. Пропаганда, писал он, «не имеет своей задачей быть одухотворенной... Она отнюдь не должна быть порядочной, щепетильной, мягкой или смиренной; ее задача — обеспечить успех...»⁵. Задачу всей пропаганды гитлеровцы видели в массированном идеологическом и психологическом воздействии на массы путем внушения крикливых фашистско-милитаристских лозунгов, выражавших суть их политической и военной доктрины: «Германия, проснись!», «Германия превыше всего!», «Долой Версаль!», «Народ, к оружию!», «Мы будем маршировать дальше!», «Мы устремляемся на Восток!», «Покончим с коммунизмом!».

Характерными чертами нацистской пропаганды было ее монопольное положение в стране и опора на весь аппарат государственного насилия. По существу, речь шла о массированном идеологическом принуждении. Один из ответственных сотрудников министерства пропаганды откровенно писал в 1933 г.: «Использование силы может быть частью пропаганды. Между силой и пропагандой лежит различная степень эффективного влияния на народ и массы: от внезапного привлечения внимания или дружеского убеждения отдельной личности до трескучей массовой пропаганды, от плохо организованных приверженцев до создания полугосударственных или государственных институтов, от индивидуального террора до массового террора, от санкционированного применения силы более сильным... до военного принуждения к послушанию и дисциплине по законам военного времени»⁶.

Основные усилия геббельсовской пропаганды были сконцентрированы на идеологической и психологической подготовке масс к захватнической

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7062, л. 28.

² P. S e a b u r g. Die Wilhelmstraße Die Geschichte der deutschen Diplomatie 1930—1945. Frankfurt a/M, 1956, S. 110.

³ Deutsche Kultur im neuen Reich. Berlin, 1934, S. 102.

⁴ J. I w o. Goebbels erobert die Welt. Paris, 1936, S. 14.

⁵ J. G o e b b e l s. Signale der neuen Zeit. 25 ausgewählte Reden. München, 1939, S. 28—29.

⁶ E. H a d a m o v s k y. Propaganda und Nationale Macht. Die Organisation der öffentlichen Meinung für nationale Politik. Oldenburg i. O., 1933, S. 22.

войне. Сначала исподволь, а затем все более открыто она внушала идею необходимости и неизбежности борьбы за «жизненное пространство». Немецкий народ объявлялся «народом без пространства», незаслуженно обделенным историей. Этим гитлеровцы объясняли экономические трудности, снижение жизненного уровня трудящихся¹. Населению, особенно малоземельным и безземельным крестьянам, они указывали «путь на Восток» как единственно возможный способ исполнения их надежд.

В 1933 г. осуществилось выдвинутое немецкой реакцией еще в конце 20-х годов требование сделать геополитику «географической совестью государства». Геополитика была возведена в ранг официальной «науки», изучавшейся во всех университетах «третьего рейха». Созданный нацистами «Союз геополитики» в своем печатном органе призывал: «Не ограничивайся рамками тесного, небольшого пространства, а мысли масштабами великих и обширных пространств, масштабами континентов и океанов, и следуй этим путем за своим фюрером!.. Тому, кто поддерживает фюрера в народной борьбе за жизненное пространство, требуется не только размах, но также выдержка и стойкость»². То, о чем еще умалчивала официальная пропаганда — установление мирового господства германского империализма, — стали открыто проповедовать геополитики.

Для обоснования «законности» агрессии и «права» фашистского государства на захват и порабощение других народов использовались расовая теория и тесно связанные с ней национал-шовинистические идеи. Внушая немцам, что они, как «избранный народ», самой «судьбой» и «кровью» определены к господству, нацистская пропаганда воспитывала высокомерное отношение и презрение к другим народам. Расовая теория неоднократно перестраивалась гитлеровцами в соответствии с потребностями текущей внешней политики. Так, по мере сближения с Италией и Японией на почве совместной подготовки агрессии происходила «переоценка» расовых качеств итальянцев и японцев. Итальянцев, которых нацисты относили ранее к «малоценной средиземноморской расе», вскоре объявили «достойными» потомками гордых римлян, а японцев, прежде обзываемых презрительными кличками, возвели на пьедестал «избранной расы» Азии, «арийцев Востока». Неизменным оставалось отношение к славянам как представителям «низшей расы», которых фашистские варвары планировали поработить и истребить, а их земли заселить германцами.

Определяя расовую борьбу как главную движущую силу общественного развития, нацисты стремились отвлечь трудящихся от классовой борьбы. Ненависть рабочих и других слоев трудящихся к капиталистам они старались обратить в ненависть к другим нациям. В самой Германии таким «громоотводом» должны были служить евреи, которых фашистская пропаганда объявляла виновными во всех бедах немецкого народа.

Расовая теория использовалась гитлеровцами также для обоснования господства фашизма и его идеологии. В 1933 г. на съезде нацистской партии Гитлер объявил чистоту расы единственной предпосылкой «правильного» мировоззрения: «Народ, чистый в расовом отношении, в соответствии со своей чистой сущностью инстинктивно занимает адекватные позиции во всех жизненно важных вопросах... руководствуясь лишь врожденным чувством самосохранения»³. В государстве, включающем в себя различные расовые элементы, все зависит от того, мировоззрение какого из них возьмет верх в идеологической борьбе. Заслуга национал-социализма, утверждал фюрер, «прежде всего в том, что он помог одержать победу мировоззрению, отражавшему инстинктивные потребности герман-

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 72.

² «Zeitschrift für Geopolitik», 1936, № 4, S. 247.

³ Цит. по: А. Г а л к и н. Германский фашизм, стр. 335.

ской крови»¹. В этом плане расистская теория широко использовалась для оправдания террора, жестоких репрессий против инакомыслящих. Все, кто боролись против фашизма, объявлялись «нечистыми» в расовом отношении и как носители «чуждого» германской расе мировоззрения подлежали истреблению.

На съезде нацистской партии в 1935 г. расовая «наука» была объявлена «важнейшей основой национал-социалистского понимания природы и человеческой истории», «основой . законодательства национал-социалистского рейха»². Главный теоретик расизма профессор Г. Гюнтер был награжден впервые учрежденной этим съездом «премией в области науки»³.

Ядром фашистской идеологии и основным направлением ее пропаганды был антикоммунизм. Фашисты изображали коммунизм и первое социалистическое государство «врагами всего мира», а «третью империю» объявили «бастионом западной цивилизации», требуя предоставления ей полной свободы в вопросах вооружения и организации «крестового похода» на Восток. В этом духе они развернули пропагандистскую кампанию не только в самой Германии, но и вне ее, стремясь повлиять на общественное мнение Запада, склонить правительства европейских государств поддержать мероприятия по перевооружению Германии и планы агрессии против Страны Советов. Нацистская антикоммунистическая пропаганда тесно смыкалась с дипломатией, которая строила свои расчеты на максимальном использовании антисоветских настроений правящих кругов Англии, Франции, США, Польши и других капиталистических стран

Фашистские руководители и дипломаты уверяли, будто Германия вооружается только ради обеспечения своей безопасности и ограждения других европейских государств от «угрозы большевизма». Так, 18 декабря 1935 г. Гитлер заявил польскому послу в Берлине, что единственное его желание — препятствовать «продвижению России на Запад», что он «за солидарность стран Европы, но она не должна идти дальше польско-советской границы... Как можно связать себя с Советской Россией, которая проповедует мировую революцию?»⁴. Одновременно своим приближенным он говорил другое: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться»⁵. По свидетельству английского социолога Зимана, нехитрые уловки фюрера обеспечили ему полный успех, ибо тот, кто хотел быть обманутым, оказался обманутым. Антикоммунистическая пропаганда убедила европейцев в приемлемости диктатуры Гитлера и в том, что Германии — оплоту против большевизма — следует разрешить усиливать свою мощь⁶. В первые месяцы Гитлер еще побаивался противодействия западных держав, и это удерживало его от чрезмерного риска, но, убеждаясь в их потворстве, он все более действовал с присущей фашистам наглостью.

Гитлер, пришедший к власти при сочувствии монополистов США и Англии, с помощью которых он продолжал вооружаться, вовсе не соби-

¹ Цит по А. Галкин. Германский фашизм, стр. 335.

² Der Parteitag der Freiheit vom 10—16 September 1935 Offizieller Bericht, S 50—54

³ Ibid., S 54

⁴ J. Lipski. Diplomat in Berlin 1933—1939 New York — London, 1968, p 245

⁵ K. Ludecke. I knew Hitler The Story of a Nazi who Escaped the Blood Purge New York 1938, p 468

⁶ Z. Zeman. Nazi Propaganda London, 1965.

рался превращать Германию в орудие их политики. Немецкие империалисты преследовали свои собственные цели: коренным образом переделить мир, создать грандиозную колониальную империю, сокрушить капиталистических конкурентов, социалистическое государство и завоевать мировое господство. Вследствие этого антикоммунизм германских фашистов тесно связывался с расизмом, геополитикой и другими составными частями их идеологии, которая была вся пронизана агрессивным духом, «обосновывая» захватнические устремления в любом направлении.

Истинная сущность намерений немецко-фашистского империализма выражалась в идее «империи». Нацистские идеологи утверждали, будто стремление к созданию «великой германской империи», «тоска по империи» извечно присущи немецкому народу. Однако внешние враги и раздоры среди самих немцев препятствовали полному воплощению этой идеи в жизнь. «Третья империя», созданная нацистами, призвана, наконец, осуществить то, что не удалось сделать «священной римской империи германской нации» и «второй империи». Такими «идеями» пропитана, например, книга, написанная главарями «третьего рейха» с одиозным названием «Народ, к оружию!», особенно глава «Судьба германцев. Тоска по империи»¹. В ней достаточно определено намечены основные направления фашистской агрессии — на запад и на восток. Извечными и непримиримыми врагами Германии, всегда стоявшими на пути создания ею «великой империи», объявлялись Франция и Россия. Эти мысли не были новыми, они развивались еще Бисмарком, а со времени появления «Майн кампф» составили идейный багаж нацистской партии в области внешней политики.

Милитаристская сущность нацистской идеологии концентрировалась в теории насилия. Возвеличивая войну, она рассматривала насилие как основную движущую силу истории человечества. Печать, литература, искусство пропагандировали убогие и человеконенавистнические «мысли» фюрера о войне, высказанные им в «Майн кампф» и многочисленных выступлениях. В программной речи об отношении нацизма к рейхсверу он заявил: «Если люди хотят жить, они вынуждены убивать себе подобных... Не только отдельные люди, но и целые народы, пока существуют в этом мире, вынуждены отстаивать в борьбе свои жизненные права. В действительности нет никакой разницы между войной и миром... Борьба всегда была и будет, и она постоянно требует полной отдачи людских сил. Оружие и формы борьбы, средства и тактика могут изменяться, но остается неизменным боевое использование человеческих жизней»². Гитлер утверждал, что «права и претензии германской нации» могут быть осуществлены только лишь «средствами политики силы»³ вплоть до «использования отточенной немецкой шпаги»⁴.

Пропагандируя подобные изречения фюрера, нацистская пресса, радиовещание, школа, литература, искусство насаждали в стране дух милитаризма, культ солдатчины. Воспевались прусские военные традиции. На щит поднимались немецкие завоеватели, и среди них особенно Фридрих II. Так, одна из фашистских газет писала: «...нам нужно солдатское героическое понимание истории, которое учит восхищению Фридрихом Великим за мужество отчаяния, с которым он боролся против целого мира врагов, и за то, что, как говорит Клаузевиц, он чувствовал «гордость славной гибели». Нам нужно понимание истории, которое видит

¹ Volk ans Gewehr! Berlin — Leipzig, 1935.

² Цит. по: O. S c h u d d e k o p f Das Heer und die Republik, S. 281—282.

³ Цит. по: H. J a c o b s e n Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938, S. 2.

⁴ O. S c h u d d e k o p f Das Heer und die Republik, S. 287; «Deutsche Allgemeine Zeitung», 8. September, 1934.

в битве под Танненбергом классический пример того, как воля к победе в состоянии совершить вещи, кажущиеся невозможными. Нам нужно понимание истории, которое учит, что можно преодолеть судьбу»¹.

Даже понятие «социализм» гитлеровцы трактовали в прусско-милитаристском духе. В лекции на тему «Молодежь и немецкий социализм», прочитанной Геббельсом в конце 1933 г., провозглашалось: «Наш социализм унаследован от прусской армии и прусских чиновников. Это тот социализм, который сделал возможной Семилетнюю войну Фридриха Великого и его гренадеров»².

Фашистская пропаганда войны паразитировала на германской истории и культуре. Действия древних германцев периода великого переселения народов, походы Фридриха Барбароссы, немецких псов-рыцарей, легенды о германских героях, сказания о Нибелунгах и произведения искусства на эти темы, например оперы Вагнера, использовались для эмоционального воздействия на немецкое население. Из произведений великих представителей немецкой философии, науки, литературы, искусства — Гегеля, Фихте, Канта, Гете и других — тщательно отбиралось и в фальсифицированном виде преподносилось все, что хоть в какой-то мере способствовало подготовке народа к войне.

Особое место в обосновании перевооружения Германии и захватнической политики фашизма занимала антиверсальская кампания. Нацисты спекулировали на ущемленных чувствах немецкого народа, порожденных империалистическими условиями мира, которые были навязаны побежденной Германии. Главные усилия они направили на борьбу за отмену тех статей Версальского договора, которые мешали форсированному перевооружению и связывали им руки для агрессии. Пропагандистская кампания проводилась под демагогическими лозунгами «свободы», «равноправия» для немцев, их «права на самоопределение». Под ними понимали освобождение германского государства от международных обязательств, отмену ограничений для него в области вооружения и присоединение всех территорий с немецким населением.

28 июня 1934 г. одна из газет германских финансовых магнатов — «Берлинер Берзенцайтунг» многозначительно отмечала: «Не случайно Версальский трактат впервые в истории мирных договоров не включает формулы, в которой воевавшие стороны условились бы... о взаимном согласии в длительном мире». Автор статьи делал вывод, что «этот мир связывает нас лишь фактически, но не морально». Далее он обосновывал неизбежность «потрясений», то есть войны, и подчеркивал: «Новая Германия не хочет механической ревизии, слепого восстановления всего того, что было», а добивается «переустройства всей Европы».

Министерство пропаганды развернуло активную работу в целях мобилизации творческой интеллигенции, стремясь использовать ее в духовном растлении населения и распространении фашистской идеологии. Для осуществления этих задач оно привлекло все свои отделы (кино, театра, изобразительного искусства, музыки, литературы, радио, высшего и среднего образования и другие). На видных представителей интеллигенции в каждом отделе заводились личные дела с обстоятельными справками, а также сведениями доносчиков о том, в какой степени деятельность данного человека соответствовала требованиям режима. Верных слуг фашизма поощряли, противников и колеблющихся для начала вызывали на «беседу», больше похожую на полицейский допрос, где применялись

¹ Цит. по: А. Е р у с а л и м с к и й. Германский империализм: история и современность, стр. 355.

² S t r e s s n e r. L'Allemagne, champ de manoeuvre. Le fascisme et la guerre, p. 30.

все средства запугивания и задабривания; «неисправимых» отправляли в концентрационные лагеря. Действуя в тесном контакте с гестапо, министерство пропаганды, по существу, являлось одним из его звеньев.

Все усилия пропаганды сосредоточивались на том, чтобы отравить сознание немецкого народа и бросить его в пекло войны во имя интересов германского империализма. Расчищая путь фашистской идеологии, нацисты изымали из библиотек, книжных магазинов и у населения всю прогрессивную литературу. На улицах и площадях городов, в первую очередь у университетов и библиотек, запылали костры, сложенные из книг — драгоценного достояния человеческой мысли. Фашистские варвары сжигали произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, классиков мировой литературы, выдающиеся творения немецких демократов. Гитлеровцы заполнили редакции газет и журналов, киностудии, театры, радиостанции, школы и университеты, откуда были изгнаны все прогрессивно настроенные деятели культуры. Более двух тысяч видных ученых, представителей науки и искусства, в том числе А. Эйнштейн, Т. Манн, А. Цвейг, покинули страну, десятки тысяч попали в тюрьмы и концлагеря.

Направив острие своей грязной пропаганды против Советского Союза и международного коммунистического движения, германские фашисты создали специальный орган — «антикоминтерн», который фактически стал одним из главных отделов министерства Геббельса. Согласно секретной директиве, изданной позднее, «антикоминтерн» в целях маскировки стал выступать как частное объединение.

Важное место в идеологической подготовке войны занимал так называемый «остфоршунг»¹, зародившийся еще во второй половине XIX века и связанный с самого начала с захватнической политикой германского империализма. Для оправдания этой политики были выдвинуты тезисы о «культурной и хозяйственной миссии немцев на Востоке» и «славянской опасности».

Особое место среди многочисленных институтов «остфоршунга» принадлежало институту Восточной Европы в Бреслау (Вроцлав), которым руководил Г. Кох. В Кенигсберге этими вопросами занимался экономический институт по изучению России и восточных государств во главе с Т. Оберлендером, в годы войны совершившим, как и Кох, тягчайшие преступления. В Берлине функционировали русский и украинский исследовательские институты, в Данциге (Гданьск) — институт остланда и т.д.². Все они «изучали Восток» главным образом применительно к подготовке войны против СССР и других восточноевропейских государств. Как и другие учреждения, институты не только издавали многочисленные книги, брошюры и журналы, «научно» обосновывавшие захватнические претензии германского империализма, но и консультировали органы генерального штаба при планировании войны и осуществлении оккупационной политики. Они готовили шпионов, резидентов, гаулейтеров для территорий, намеченных к оккупации. На открытии школы внешнеполитического отдела гитлеровской партии ее директор Шмидт в присутствии Розенберга, Гесса, Риббентропа, Гиммлера и других рейхсфюреров следующим образом формулировал цели Германии на Востоке: «По поручению фюрера вам предстоит работать на политических, военных и административных должностях среди славянских народов: москвитов, украинцев, белорусов... Ваша миссия так же ответственна и трудна, как историческая мис-

¹ «О с т ф о р ш у н г» — в буквальном переводе — «исследование Востока». Этим термином обозначали также систему организаций по изучению государств, расположенных к востоку от Германии.

² «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, № 6, S. 1190.

сия тевтонских и ливонских рыцарей с той разницей, что у тех были границы продвижения на восток, у вас же их нет! Вы — авангард победоносной германской расы, начинающей свой «дранг нах Остен» через болота и степи большевистской Московии. Вы — начало великого переселения народов германского племени»¹

Руководством нацистской партии было созвано специальное совещание под лозунгом «Судьбы Европы — на Востоке». Нацист в профессорском звании Машке в докладе «Возвращение немецкого Востока» утверждает, будто германский «дранг нах Остен» — всего-навсего показатель «творческого характера социальных сил германского народа» в прошлом и подтверждение, что «эти силы продолжают в нем жить». Захват земель на Востоке в прошлом он называл «великим общественно-политическим успехом», героем которого были «не отдельные лица, а весь германский народ, сплоченный воедино»². Будущая агрессия против Советского Союза представлялась на этом совещании в фальшивом облике «народной войны».

На основании указаний гитлеровского руководства все пропагандистские организации Германии сосредоточивали свое внимание на идеологической обработке молодежи, видя в ней резерв вермахта. Они превратили систему образования в орудие воспитания ненависти к другим народам, презрения и чудовищной жестокости к ним. Гитлеровские главарь похвалялись тем, что из молодых людей они делают диких зверей. На съезде нацистской партии в 1935 г. Гитлер заявил, что немецкий юноша должен стать «быстрым как борзая, крепким, как дубленая кожа, и закаленным, как крупковская сталь»³. Фюрер определил основные ступени фашистского «воспитания», которые обязан пройти каждый немец в «третьем рейхе»: мальчик вступает в организацию «юнгфольк», откуда переходит в «гитлерюгенд». Затем юноша идет в СА, СС или другие нацистские военизированные организации, отбывает обязательную трудовую повинность, после чего призывается в вермахт. Из армии или флота молодой человек снова возвращается в СА, СС и другие нацистские организации. Круг замыкается⁴. Все эти звенья духовного растления подготавливали молодежь к роти пушечного мяса для будущей войны.

Армия нацистской Германии впитывала дух расизма и реваншизма. Вся система воспитания готовила почву для тех неслыханных злодеяний, которые гитлеровская Германия творила в годы второй мировой войны.

В тесной связи с идеологической подготовкой войны находилась военная теоретическая деятельность германских милитаристов. Президент «Немецкого общества военной политики и военной науки» генерал Кохенхаузен писал: «Само собой разумеется, что исследования и дальнейшее развитие военно-теоретических и военно-научных вопросов должны осуществляться в рамках национал-социалистского мировоззрения»⁵.

В работах реакционных военных теоретиков еще периода Веймарской республики проявлялись элементы фашистской идеологии: национал-шовинизм, расизм, геополитика, апология диктаторской власти, прославление грубой силы и войны. Почти все военные теоретики Германии были сторонниками фашистского режима, его идеологии и целиком поставили себя на службу агрессивной политике. Во многих их исследованиях

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7062, лл. 8, 9.

Europas Schicksal im Osten. Breslau 1939, S. 104—105.

³ Der Parteitag der Freiheit vom 10—16. September 1935. Offizieller Bericht, S. 183.

⁴ Ibid., S. 217.

⁵ Цит. по: G. Forster. Totaler Krieg und Blitzkrieg. Berlin, 1967, S. 20.

проводилась мысль, будто только фашизм может разрешить любые военно-политические проблемы Германии. Они выдвинули лозунг «сильной личности», способной путем террористической диктатуры подавить рабочее движение внутри страны, обеспечить себе тыл для ведения будущей войны. Например, генерал Е. Бухфинк еще в 1930 г. писал, что военный диктатор должен спокойно переносить вид крови¹. Автор с восхищением обращал взоры на Италию Муссолини как «единственное государство, руководимое волей истинно великого человека, которое ни перед кем не склоняется и все с большей силой выдвигает свое требование на участие во власти»², то есть империалистическое требование передела мира и установления своего господства в районе Средиземного моря.

Подобные военные теоретики идейно подготавливали приход нацистов к власти, а в период «третьей империи» соревновались между собой в попытках «научно» доказать, что фашистский режим — и только он — вполне соответствует характеру и требованиям эпохи. Так, автор многочисленных статей о тотальной войне Э. Вальтер писал в военно-теоретическом журнале: «Двадцатый век будет назван грядущим историком веком войны... Если раньше мир хотел придать войне свой собственный порядок, втиснуть ее в правовые нормы, принудить к соблюдению своих законов и ценностей, то ныне, наоборот, он должен подчиняться требованиям войны, которая стала негласной госпожой века и отодвинула мир на положение перемирия. Эта эмансипация войны, которая является самым главным событием и чертой эпохи, требует завершающего этапа: упразднения социального порядка, основанного на предпосылках мира, и замены его таким, который соответствует требованиям войны. Создание подобной социальной конституции войны — специфическая задача нынешнего времени...»³

Военные теоретики фашистской Германии рассматривали войну как неизбежное и жизненно необходимое явление, объясняя ее в соответствии с реакционными философскими воззрениями. Используя традиционные религиозно-мистические, этические и психологические аргументы, они главный упор делали на расово-биологические, социал-дарвинистские и геополитические «объяснения» войны. Общим для всех теорий являлось отрицание исторической обусловленности и классовой сущности войны и стремление представить ее как естественное явление, абсолютно неустранимое из жизни человеческого общества. Автор книги о химической войне Г. Бюшер писал: «О смерти и жизни, о войне и мире решают не прокламации и речи, не договоры и союзы, а законы возникновения и уничтожения, которые не подвластны человеческой воле... Подобно тому как мы не можем избежать смерти, мы не в состоянии избежать и войны. Жизнь таит в себе зародыш смерти. Это судьба всего живого... Война — это судьба»⁴.

Большинство военных теоретиков «третьей империи» воспевало войну как борьбу за выживание нации, как выражение способности расы или народа к развитию, право сильного уничтожать слабого. «Война есть высшее проявление человеческих способностей, — писал генерал Сект. — Она является естественной и высшей ступенью развития в истории человечества»⁵. Подготовку войны для осуществления мирового господства фашистские военные теоретики пытались представить как борьбу за существование немецкого народа, за судьбу каждого немца в отдельности.

¹ E. B u c h f i n c k. Der Krieg von Gestern und Morgen. Langensalza 1930, S. 35

² I b i d., S. 37

³ «Die deutsche Volkskraft», 1935, № 24, S. 218

⁴ H. B u s c h e r. Giftgas! und wir? Leipzig, 1937, S. 1, 5—6

⁵ «Militärwissenschaftliche Rundschau», 1936, № 1, S. 2

В борьбе, уверяли они, победа будет за германцами как наиболее сильной, жизнеспособной расой. Фёрч, один из видных теоретиков фашистской Германии, писал: «Вся жизнь есть борьба... Сильное должно побеждать, жить и развиваться, слабое... быть побежденным, умереть и не возрождаться»¹.

Фашистско-милитаристская философия войны составляла основу взглядов нацистских руководителей и командования рейхсвера на характер будущей войны, способы ее подготовки и ведения, принципы военного строительства. Ядром военной доктрины служила теория тотальной войны, разработанная немецкими военными теоретиками еще в 20-е годы как обобщение опыта первой мировой войны. Военный эксперт нацистской партии К. Хирл изложил ее главные положения в своем выступлении на съезде национал-социалистской партии в 1929 г. По сути, оно было «программным заявлением» партии по вопросам военной политики². В первой половине 30-х годов, особенно после фашистского переворота, разработка проблем подготовки и ведения войны ускорилась. Большинство немецких военных теоретиков характеризовали будущую войну как тотальную. Своего рода обобщением и наиболее характерным выражением их взглядов по этому вопросу была книга генерала Людендорфа «Тотальная война», вышедшая в 1935 г.

Под «тотальной» фашистские теоретики понимали войну всеобъемлющую, в которой допустимы все средства и методы для разгрома и уничтожения противника. Они требовали заблаговременной и полной мобилизации экономических, моральных и военных ресурсов государства. Политика государства должна быть целиком подчинена решению этой задачи. Исходя из этого, Людендорф требовал «выбросить за борт все теории Клаузевица» и особенно его положения о соотношении войны и политики. Он утверждал, что в современную эпоху изменилась сущность и войны, и политики, что война, предпринимаемая монополистами, будю бы отвечает интересам народа. «Война и политика служат выживанию народа, но война есть высшее выражение народной воли к жизни. Поэтому политика должна служить ведению войны»³.

В центре внимания фашистских военных теоретиков была проблема подготовки населения страны к активному участию в войне. Людендорф писал: «Центр тяжести тотальной войны в народе». Его «духовная сплоченность является в конечном счете решающим для исхода этой войны...»⁴. Главным условием создания «морального» духа населения и армии теоретики считали укрепление режима военной диктатуры фашистского типа, а основными методами — террор против демократических и антивоенных сил, широкое использование национальной и социальной демагогии.

Не менее важное значение они придавали заблаговременной и всеобъемлющей подготовке германской экономики к войне. Людендорф призывал фашистское руководство извлечь уроки из опыта прошлого, заранее предусмотреть многократно возросшие потребности в материальном обеспечении войны и, учитывая вероятность установления противниками морской блокады, обеспечить максимум самоснабжения страны военными материалами и продовольствием⁵.

Существенной особенностью будущей войны считался ее истребительный характер, то есть борьба не только против вооруженных сил противника, но и против его народа. «Тотальная война беспощадна», — писал Людендорф. Фашистский военный журнал провозглашал: «Война буду-

¹ Цит. по: G. F ö r s t e r. Totaler Krieg und Blitzkrieg, S. 32.

² I b i d., S. 69.

³ E. L u d e n d o r f f. Der Totale Krieg. München, 1935, S. 9—10.

⁴ I b i d., S. 11, 28.

⁵ I b i d., S. 29—48.

щего является тотальной не только по напряжению всех сил, но и по своим последствиям; иными словами: по внутренней логике тотальной войны ей соответствует такая же победа. Тотальная победа означает полное уничтожение побежденного народа, его полное и окончательное исчезновение со сцены истории»¹.

В теоретических измышлениях немецко-фашистских милитаристов подчеркивались преимущества, которые дает отрицание норм международного права и обычаев ведения войны. «Чем энергичнее одна из сторон использует боевые средства нового времени,— говорил Бухфинк,— чем беззастенчивее она переходит все границы традиционных представлений о военном и международном праве, тем сильнее проявляется ее превосходство»². Фюрер откровенничал с одним из своих приближенных — Раушнингом: «Воздушные налеты, неслыханные по своей массированности, диверсии, террор, акты саботажа, покушения, убийства руководящих лиц, сокрушительные нападения на все слабые пункты вражеской обороны внезапно, в одну и ту же секунду... Я не останавлиюсь ни перед чем. Никакое так называемое международное право не удержит меня от того, чтобы использовать предоставляющееся мне преимущество. Следующая война будет неслыханно жестокой и кровавой»³. Так обосновывались и оправдывались варварские методы ведения войны, примененные вскоре на практике.

Немецкие военные теоретики, как правило, отдавали себе отчет в том, что затяжная война может окончиться для господствующего класса Германии катастрофой. Поэтому они считали, что «руководство тотальной войной будет исходить из того, чтобы как можно быстрее ее закончить и таким образом не подвергать опасности исход войны вследствие нарушения сплоченности народа и возникновения экономических трудностей, которые не замедлят отразиться на народе и на ведении войны, если она затянется»⁴. Это обстоятельство заставляло германских милитаристов уделять большое внимание разработке стратегической концепции «молниеносной войны», идея которой в свое время была выдвинута Шлиффеном. Анализируя опыт первой мировой войны, они единодушно пришли к выводу, что провал плана Шлиффена обусловлен не его порочностью, а ошибками германского командования, прежде всего Мольтке-младшего. Немецко-фашистские теоретики, генеральный штаб и командование вермахта настойчиво искали пути осуществления идей быстротечных операций и кампаний на основе использования новейших средств вооруженной борьбы. В этом они усматривали единственную возможность преодолеть явное несоответствие своих далеко идущих завоевательных планов экономическому и военному потенциалам Германии.

В 1933—1935 гг. многие проблемы «молниеносной войны» еще не были решены, и вокруг них развернулась полемика. Довольно влиятельная группа генералов и офицеров немецко-фашистской армии, взгляды которых мало отличались от оперативно-стратегических концепций первой мировой войны, отдавали предпочтение традиционным родам войск: пехоте, артиллерии, кавалерии. Они проявляли осторожность и даже некоторый скептицизм в оценке новой техники, в частности возможности самостоятельного оперативного использования танков и механизированных войск. Эта группа сомневалась, что в будущем можно избежать позиционных форм вооруженной борьбы. Критикуя подобные взгляды, военный еженедельник писал: «Громадное большинство генералов любит позиционную войну и осаду; там они имеют время на обдумывание, отсут-

¹ «Die deutsche Volkskraft», 1935, № 11, S. 114.

² E. B u c h f i n c k. Der Krieg von Gestern und Morgen, S. 7.

³ H. R a u s c h n i n g. Gespräche mit Hitler. Zürich — New York, 1940, S. 16.

⁴ E. L u d e n d o r f f. Der Totale Krieg, S. 49.

ствуют неожиданности, нет никакой необходимости принимать быстрые решения»¹.

Другая группа военных теоретиков и практиков была склонна переоценивать роль новейших средств борьбы, полагая, что внезапные и массированные удары танковых и мотомеханизированных войск во взаимодействии с авиацией обеспечат победу Германии в молниеносных кампаниях и войне в целом. Так, Гудериан, смакуя, описывал картину блицкрига: «В одну из ночей откроются двери авиационных ангаров и армейских автопарков, завоют моторы и части устремятся вперед. Первым неожиданным ударом с воздуха будут разрушены и захвачены важные промышленные и сырьевые районы, что выключит их из военного производства. Правительственные и военные центры противника окажутся парализованными, а его транспортная система нарушенной. В первом же внезапном стратегическом наступлении войска проникнут более или менее далеко в глубь территории противника... За первой волной авиации и механизированных войск последуют моторизованные пехотные дивизии с целью удержать захваченные территории и высвободить подвижные соединения для очередного удара»².

Концепция «молниеносной войны» вполне отвечала авантюристическим устремлениям фашистских руководителей и пользовалась их безусловной поддержкой. Из нее, как и из более общей доктрины тотальной войны, германские милитаристы исходили в строительстве вооруженных сил. С приходом гитлеровцев к власти немедленно был взят курс на создание массовой, многомиллионной, высокомеханизированной армии. Теория малых профессиональных армий, которая и ранее не пользовалась успехом среди германских милитаристов, была решительно отброшена. 9 мая 1935 г. «Берлинер Берзенцайтунг» писала: «Ложный путь, приведший к вере в маленькие, хорошо оснащенные армии, которые основаны на долгосрочной службе, окончен. Как и в первую мировую войну, в новой войне придется считаться с вооруженной силой нации, то есть с многомиллионными армиями».

Быстрое развертывание 100-тысячного рейхсвера в массовую армию стало возможным потому, что эта армия создавалась еще в годы Веймарской республики. Уже тогда были подготовлены кадры офицеров и унтер-офицеров, разработаны образцы вооружения и налажено их производство. Это, хотя и с оговорками, вынуждены признать буржуазные историки. «Во время захвата власти, — пишет немецко-фашистский военный теоретик генерал В. Эрфурт, — Гитлер нашел часть своих военных планов уже осуществленными в результате деятельности генерального штаба сухопутных сил»³.

Однако темпы роста вооруженных сил в первые же годы господства фашистов намного превзошли прежние намерения генералов рейхсвера. По плану «А», разработанному командованием рейхсвера в 1932 г., предусматривалось к 31 марта 1938 г. завершить подготовку к развертыванию 21 пехотной дивизии. Эта задача была выполнена уже к октябрю 1934 г.

Решающий шаг на пути развертывания вооруженных сил для осуществления агрессивных акций был сделан 16 марта 1935 г., когда в Германии вышел закон о создании вермахта и вводилась всеобщая воинская повинность. Сухопутная армия мирного времени определялась в 36 дивизий, объединенных в 12 армейских корпусов. Вооруженные силы,

¹ «Militärwochenblatt», 1934, № 48, S. 1665

² «Militärwissenschaftliche Rundschau», 1935, Dezember, S. 75

³ W. E r f u r t h Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945, Bd. I, S. 156.

получившие официальное название «вермахт», делились на три вида: сухопутную армию, военно-морской и военно-воздушный флоты, имевшие собственные главные командования. Министерство рейхсвера преобразовывалось в имперское военное министерство. От имени фюрера и верховного главнокомандующего координацию и практическое руководство всеми видами вооруженных сил осуществлял военный министр генерал Бломберг¹

В связи с введением всеобщей воинской повинности гитлеровское правительство официально заявило, что не считает себя связанным ограничениями в вопросах вооружения, наложенными Версальским договором² Западные державы, подписавшие договор, реагировали на это лишь формальными нотами протеста. Такое поведение Англии, Франции и Италии, писал французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсэ, убеждало Гитлера в том, что «он может себе позволить все и даже предписывать свои законы Европе»³

21 мая 1935 г. был принят закон, определявший призывной контингент, сроки службы в вермахте, обязанности и права военнослужащих⁴. Устанавливая поначалу одногодичный срок действительной службы в армии, гитлеровцы стремились за короткое время подготовить кадры для агрессивной войны. Однако по настоянию главного командования сухопутной армии, указывавшего на отрицательные последствия ускоренной подготовки солдат, с 24 августа 1936 г. срок действительной службы был увеличен до двух лет⁵. 16 марта 1935 г. германское правительство объявило, что оно доводит количество дивизий до 36. Однако и этот предел вскоре был превзойден⁶. О росте сухопутных сил фашистской Германии свидетельствует следующая таблица

Таблица 9
Темпы роста сухопутных сил Германии⁷

Соединения	Количество	
	1932 г.	1935 г.
Пехотные дивизии	7	24
Танковые дивизии	—	3
Кавалерийские дивизии	3	2
Кавалерийские бригады	—	1
Горнострелковые бригады	—	1
Всего	10	31

В 1935 г. было создано 11 корпусных и 3 окружных военных командования. Численность сухопутных сил достигла 300 тыс., то есть в три раза превысила количество личного состава, определенного Версальским договором. С учетом военно-морского и военно-воздушного флотов и всех вспомогательных войск личный состав достиг 900 тыс.

¹ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Перевод с немецкого Т. И. М., 1956, стр. 28—29.
² Н. J a c o b s e n. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938, S. 411.
³ Цит. по G. M e i n s k. Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937. Wiesbaden, 1959, S. 100.
⁴ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. I, стр. 30.
⁵ Там же, стр. 34, W. F o e i s t e r. Generaloberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg. München, 1953, S. 34.
⁶ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. I, стр. 18, 25, 28.
⁷ Там же, стр. 27.

Базой для формирования массовой армии служил не только рейхсвер, но и полиция, значительная часть которой находилась на казарменном положении. Организованная по армейскому принципу, она проходила регулярную боевую подготовку. Из полиции было взято около 2500 офицеров для вермахта¹. Вермахт пополнялся за счет кадров различных военизированных организаций, примыкавших к нацистской партии. СА, гитлерюгенда, национал-социалистских автомобильного и авиационного корпусов, спортивных обществ.

Важной задачей гитлерюгенда, насчитывавшего к началу войны до 8 млн. юношей², являлась военная подготовка молодежи и воспитание ее в милитаристско-фашистском духе. Построенная по военному образцу, эта организация имела свои части и подразделения, члены ее носили униформу, имели ранги и звания, обучались стрелковому делу под руководством офицеров-инструкторов. Один из руководителей гитлерюгенда заявил: «С течением времени мы хотим добиться того, чтобы немецкие школьники так же уверенно обращались с оружием, как с пером».

Помимо выполнения охранно-полицейских функций отряды СА занимались военной подготовкой допризывников и демобилизованных. Хотя по вооружению и боевой подготовке штурмовые отряды, несомненно, значительно уступали рейхсверу и формально не подчинялись его командованию, тем не менее они получали от него указания о военной подготовке своих членов. Прежде чем вступить в вермахт, молодежь должна была пройти военное обучение в отрядах СА или других военизированных организациях.

В составе СА были созданы специальные соединения, предназначенные для военных действий к востоку от Германии. Они были оснащены и обучены как кадровые войска. К началу 1936 г. имелось 34 таких соединения, каждое из которых по своей численности приближалось к пехотной дивизии, а в целом они насчитывали до 320 тыс. человек³.

Подготовку кадров для танковых и моторизованных войск вел нацистский автомобильный корпус, который охватывал до 400 тыс. автомобилистов и имел мощную техническую учебную базу. 26 автомотошкол, 23 отдельные мотогруппы. В его распоряжении было около 150 тыс. автомашин и мотоциклов⁴. Деятельность этой организации способствовала быстрому развертыванию фашистских танковых войск, превращению их в главную ударную силу сухопутной армии. В течение двух лет гитлеровцам удалось создать три танковые дивизии, вооруженные новейшими для того времени танками Т-I и Т-II. Одной из дивизий командовал Гудериан.

Еще более быстрыми темпами развивалась авиация. В марте 1935 г. Геринг хвастливо заявлял: «Я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, когда пробьет час, обрушатся на врага подобно карающей деснице возмездия. Противник должен считать себя побежденным еще до того, как он начнет сражаться»⁵. Военно-воздушные силы создавались с таким расчетом, чтобы не только взаимодействовать с другими видами вооруженных сил, прежде всего с сухопутной армией, но и самостоятельно вести воздушную войну. Основное внимание сосредоточивалось

¹ Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. I, стр. 33.

² В. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963, стр. 109.

³ G. M e i n c k. Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937, S. 90.

⁴ R. A b s o l o n. Die Wehrmacht im Dritten Reich, Bd. 1. Boppard am Rhein, 1969, S. 113—114; Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte Bd. 3. Wehrhaftes Volk. Der organisatorische Aufbau Bd. II. Berlin, 1939, S. 266—306; H. V o l z. Daten der Geschichte der NSDAP, S. 122—133.

⁵ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 146.

на наступательных силах — бомбардировочной авиации. В конце 1933 г. гитлеровское правительство приняло решение к 1 октября 1935 г. увеличить парк ВВС до 1610 боевых самолетов, из них бомбардировщиков — почти 50 процентов, разведчиков — 30, истребителей — 12, самолетов морской авиации — 6 процентов¹. Эта программа была досрочно выполнена благодаря заблаговременно созданной мощной авиационной промышленности.

Личный состав ВВС готовился в летных школах гражданской авиации и многочисленных спортивных союзах. К 1933 г. только общество «Спортфлюг» и его филиалы подготовили 3200 летчиков и 17 тыс. планеристов². Министерство авиации во главе с Герингом осуществляло руководство всей деятельностью по подготовке и созданию мощного военно-воздушного флота. Спортивные общества и клубы были объединены в «Германский союз спортивной авиации», основу которого составил нацистский авиационный корпус.

В июле 1934 г. была принята программа строительства ВВС, которая предусматривала создание военно-воздушных сил в составе 4021 самолета (из них половина учебные). Авиационные предприятия должны были поставить дополнительно к уже имевшимся 894 бомбардировщика, 245 истребителей, 662 самолета-разведчика, 153 самолета морской авиации³. Эта программа также проводилась в жизнь.

Развитие военной авиации приняло такие широкие масштабы, что скрывать этот факт стало невозможно. 10 марта 1935 г. Геринг официально объявил о решении германского правительства создать военно-воздушные силы. К тому времени Германия имела 2500 самолетов, из них 800 боевых⁴. Было сформировано 20 боевых эскадрилий, в том числе 4 истребительные, 7 бомбардировочных, 5 разведывательных; 20 эскадрилий имелось при летных училищах⁵.

Для развития военно-морского флота гитлеровцы получили от Веймарской республики еще более солидную базу, чем для ВВС. С 1933 г. гитлеровцы значительно расширили программу и ускорили темпы военно-морского строительства. Быстро нарастали бюджетные ассигнования на флот. В дополнение к запланированным ассигнованиям на 1933 г. в сумме 186 млн. марок в феврале — апреле этого года было выделено еще 115,7 млн. марок. В 1934 г. ассигнования составили 487 млн. марок, а в 1935 г. — 650 млн. марок⁶. Личный состав ВМС вырос за эти годы более чем вдвое и составил в 1935 г. 34 тыс. матросов и офицеров⁷. В 1934 г. были спущены со стапелей на воду и в 1935 г. вошли в строй второй броненосец («карманный» линкор) «Адмирал Шеер» водоизмещением 12,1 тыс. тонн, крейсер «Нюрнберг» (6980 тонн). Кроме того, в это время находились на стапелях 3 линкора (из них два крупных — по 31,8 тыс. брутто-тонн каждый), тяжелый крейсер, эсминцы и другие корабли⁸.

Новым толчком к усилению гонки военно-морских вооружений послужило англо-германское соглашение, заключенное 18 июня 1935 г. Германия получила право иметь флот, составлявший 35 процентов, а по подводным лодкам — даже 45 процентов от английского, причем в буду-

¹ Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus gegen die UdSSR (1933—1941). Berlin, 1970, S. 387.

² Ibid., S. 388.

³ K. V ö l k e r. Die deutsche Luftwaffe 1933—1939. Stuttgart, 1967, S. 56—57.

⁴ Ibid., S. 57.

⁵ Auf antisowjetischen Kriegskurs, S. 389—390.

⁶ IMT, vol. XXXV, p. 590, 591, 592.

⁷ R. B e n s e l. Die deutsche Flottenpolitik von 1933 bis 1939. Berlin — Frankfurt a/M., 1958, S. 21.

⁸ Ibid., S. 71.

щем она могла создать подводный флот, равный английскому¹ Поскольку общий тоннаж кораблей английского военно морского флота составлял в то время 1 200 тыс тонн, Германия получила возможность создать флот в 420 тыс тонн Фактически же общий тоннаж ее флота составлял 112,2 тыс тонн, а за вычетом совершенно устаревших броненосцев — 78 тыс тонн Следовательно, фашистская Германия могла увеличить свой флот в 5,5 раза²

Для гитлеровцев это соглашение имело огромное военное и политическое значение Оно фактически легализовало перевооружение фашистского рейха и поощряло его руководителей на дальнейшие нарушения международно-правовых обязательств и, естественно, вызвало ликование в стане гитлеровцев На Нюрнбергском процессе Риббентроп говорил «Гитлер и я были весьма довольны этим договором, Гитлер был счастлив как никогда»³

После заключения морского соглашения развернулось лихорадочное строительство большого германского военного флота 12 подводных лодок, тайное строительство которых началось давно, немедленно вошли в строй Кроме уже заложенных на стапелях вскоре началось строительство двух линейных кораблей водоизмещением 41,7 тыс тонн и 42,9 тыс тонн, ряда тяжелых крейсеров, эсминцев, 24 подводных лодок⁴

21 мая 1935 г фашистское правительство приняло закон «Об обороне империи», который вплоть до начала второй мировой войны держался в тайне В нем определялись обязанности военных и гражданских властей при подготовке, развязывании и ведении войны Закон предоставил Гитлеру право принимать единоличные решения о введении военного положения в стране, всеобщей мобилизации и объявлении войны⁵ На Нюрнбергском процессе закон об обороне квалифицировался как краеугольный камень всей подготовки нацистской Германии к войне

Стремясь превратить вооруженные силы в послушное орудие своей политики, гитлеровцы уделяли особое внимание их фашизации На руководящие должности в военном министерстве и главных командованиях видов вооруженных сил были поставлены наиболее преданные фашизму генералы и адмиралы Бломберг, Рейхенау, Редер, Фрич, Кейгель, Йодль

2 августа 1934 г, сразу после смерти престарелого президента Гинденбурга, верховным главнокомандующим вооруженными силами был объявлен Гитлер, и в тот же день войска были приведены к присяге В ней, в частности, говорилось «Клянусь перед господом богом этой священной присягой безоговорочно повиноваться фюреру германской империи и народа — Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженными силами»⁶ Если присяга Веймарской республики требовала служения германскому государству и верности его конституции, то эта — верности и безоговорочного повиновения Гитлеру Она сыграла немаловажную роль в превращении германских вооруженных сил в покорное воле нацистов средство осуществления их агрессивных планов

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением бывших гитлеровских генералов и офицеров, будто эта присяга, и только она, заставила их верно служить фюреру, совершать преступления против народов,

¹ Сборник документов по международной политике и международному праву Вып. X М. 1936 стр. 278—280

² Из истории агрессивной внешней политики германского империализма М., 1959, стр. 179

³ Там же

⁴ «Mariner Rundschau», Beiheft 3, April, 1958 S. 71, 72—73

⁵ Б. М. Ю л л е р Г и т л е б р а н д Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. I, стр. 30

⁶ Цит. по R. A. B. s. o. l. o. n. Die Wehrmacht im Dritten Reich Bd. I, S. 168

ставших жертвами фашистской агрессии. Завоевателями и поработителями они стали помимо клятвенных обязательств Гитлеру. Показательно и то, что присяга была подготовлена генералами, которые затем обеспечили приведение к ней всего личного состава рейхсвера. По приказу Бломберга текст присяги составил его ближайший помощник генерал Рейхенау¹. Никто из германских генералов и офицеров не отказался присягнуть на верность фюреру². В соответствии с духом фашистского государства, его агрессивной политикой гитлеровцы изменили формулировку «обязанностей германского солдата». Если ранее говорилось, что рейхсвер служил государству, а не партиям (что отнюдь не отвечало действительности), то новый текст гласил. «Вермахт является носителем вооруженной силы немецкого народа. Он защищает германскую империю и отечество, объединенный национал-социализмом народ и его жизненное пространство»³. Включение в документ фашистского лозунга «жизненного пространства» определило служебное предназначение вермахта как орудия захватнической политики германского империализма.

Фашизация рейхсвера и его преемника — вермахта выражалась и в насаждении внешних форм нацизма — эмблем, приветствий (вне строя), различных ритуалов. Особое значение гитлеровцы придавали идеологической обработке личного состава в духе фашистского милитаризма. Пропаганда антикоммунизма, расизма, национал-шовинизма, прославление грубой силы и войны составляли ее основу.

На словах нацисты утверждали, что их армия стоит вне политики и в ней не допускается проведение «партийной пропаганды»⁴. На деле это означало лишь запрещение вести в вооруженных силах любую пропаганду, кроме фашистской. Многочисленные документы, опубликованные в послевоенный период, свидетельствуют о том, что руководство рейхсвера и вермахта проявляло постоянную заботу об усилении фашистской пропаганды среди личного состава вооруженных сил. Так, в директиве от 21 ноября 1933 г. военный министр требовал, чтобы пресса, радио, другие средства пропаганды направляли свои усилия на насыщение вермахта национал-социалистскими идеями и борьбу вермахта против коммунизма⁵. В директиве Бломберга от 4 апреля 1934 г. о внедрении национал-социалистской идеологии в вермахт отмечалось: «Первый год национал-социалистского государства заложил основы для политического и экономического возрождения нации. Второй год на первый план ставит насыщение нации руководящими идеями национал-социалистского государства... Это в полной мере относится и к вермахту.. Поэтому я требую, чтобы в будущем занятиям по текущей политике в вермахте во всех инстанциях придавалось еще большее значение и повышенное внимание»⁶. Руководство вермахта обязывало всех офицеров изучать национал-социалистское учение и организовало специальные занятия для них⁷.

В то же время нацистское руководство требовало от всех партийных инстанций тесной связи с вермахтом, сотрудничества с его командованием,

¹ G. Buchheit. Soldatentum und Rebellion. Rastatt — Baden, 1961, S. 41.

² В. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе, стр. 95.

³ Das Dritte Reich im Aufbau. Bd. III. Berlin, 1939, S. 22.

⁴ В военном законе от 21 мая 1935 г. записано: «Военнослужащим не разрешается политическая деятельность. Принадлежность к НСДАП (официальное наименование национал-социалистской партии — *Ред.*), или ее организациям, или примыкающим к ним союзам прекращается на время действительной военной службы» (Wehrgesetz vom 21. Mai 1935. Berlin, 1943, S. 14).

⁵ K. Müller. Das Heer und Hitler, S. 591, 592.

⁶ Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte. Bd. 6. Stuttgart, 1964, S. 254.

⁷ K. Müller. Das Heer und Hitler, S. 618—619.

в том числе в вопросах воспитания личного состава. В этом отношении характерно директивное письмо заместителя фюрера Гесса от 13 мая 1935 г. В нем подчеркивалось, что единство нацистской партии и вермахта является решающим фактором, от которого зависит судьба немецкой нации. «В то время как национал-социалистская рабочая партия Германии является единственным носителем политической воли немецкого народа,— писал Гесс,— армия — единственным носителем оружия... маршируя порознь, они работают совместно над созданием основ солдатской национал-социалистской Германии... Я ожидаю от всех партийных инстанций, что они всегда и всюду будут обеспечивать выполнение задач и нужд вермахта, поддерживать их служебные органы во всех отношениях и тесно с ними сотрудничать... Я ожидаю от всех руководителей, но особенно от носителей высшей власти, что они сделают, несмотря на возникающие мелкие недоразумения, все для углубления взаимопонимания и обеспечения еще более тесной связи партии с вермахтом»¹.

Кульминационным пунктом лихорадочной деятельности гитлеровцев по превращению Германии в государство войны в 1933—1935 гг. был седьмой съезд национал-социалистской партии, состоявшийся в сентябре 1935 г. Съезд был назван «партийным съездом свободы», а 1935 год — «годом свободы». Нацисты объявили, что теперь наконец немцы обрели долгожданную «свободу» — военный суверенитет, свободу вооружаться. Съезд прошел как открытая демонстрация быстро возмраставшей военной мощи фашистского государства и как грандиозная пропагандистская акция, предназначенная для идеологической и психологической обработки немецкого населения в интересах подготовки войны.

Характерно, что антидемократическая, ультрареакционная и милитаристская сущность гитлеровской партии нашла свое выражение не только в выступлениях на данном съезде (как и на других), но и в специфической форме его проведения. Не было ни отчетного доклада, ни его обсуждения, не было и выборов руководящего органа партии. Все это считалось несовместимым с «принципом фюрерства». Вместо отчетного доклада было зачитано обращение Гитлера. Речи почти всех ораторов, особенно главных идеологов фашизма Розенберга и Геббельса, были посвящены «обоснованию» антикоммунизма, расизма и милитаризма.

Основные мероприятия съезда проходили не столько в зале заседаний, сколько на огромной специально оборудованной площади на окраине Нюрнберга, где нацистская верхушка проводила смотр массовых военизированных организаций СА, СС, нацистских автомобильного и авиационного корпусов, «рабочего фронта», отрядов отбывающих трудовую повинность, гитлерюгенда и национал-социалистской организации женщин. Каждый день посвящался одной из этих организаций. Имперский руководитель каждой из них по-военному рапортовал Гитлеру, который затем выступал перед выстроившимися колоннами с речью. После каждого мигинга проводился парад. За время съезда более 300 тыс. функционеров нацистской партии, членов СА и СС, представителей организации трудовой повинности, молодых нацистов из гитлерюгенда в униформах прошли перед трибуной, на которой находились властители «третьей империи». Шестой, заключительный день съезда посвящался вермахту. В этот день помимо речей и парадного марша многотысячных колонн войск были проведены показательные учения мотопехоты, бронетанковых войск, артиллерии, авиации с боевой стрельбой и бомбометанием. Все это должно было оглушить зрителей и слушателей радио, вселить веру в мощь и непобедимость немецкого оружия, возможность реализации захватнических планов, начертанных в библии фашизма — «Майн кампф».

¹ K. Muller. Das Heer und Hitler, S. 613—614.

Милитаристско-фашистская геббельсовская пропаганда в дни «работы» съезда была нацелена не столько на разум, сколько на чувства немцев. Грандиозный многодневный спектакль, разыгранный в Нюрнберге, многочисленные речи Гитлера и других нацистских руководителей ловко приспособлялись к психологии немецкого обывателя и пробуждали в нем самые низменные шовинистические, реваншистские, агрессивные чувства и мысли.

Используя разветвленный аппарат террора — гестапо, СС, военную контрразведку, гитлеровцы пресекали проникновение в среду солдат и офицеров демократических и антивоенных настроений, выражений недовольства фашистскими порядками. Никто не протестовал дважды, ибо за любое оппозиционное суждение каждого немца ждал концлагерь или смертная казнь. Фашистской пропаганде была обеспечена полная монополия. Дополняя террор и взаимодействуя с ним, она, по существу, контролировала поведение и даже мысли и чувства каждого, и особенно солдат вермахта. Гитлеровцы стремились воспитать «бойца», слепо повинующегося воле фюрера и готового беспрекословно выполнить любой приказ фашистского командования. Уже первые годы нацистского режима показали, какую огромную опасность для соседних народов и самой немецкой нации несет духовное рабство молодежи, солдат человеконенавистнической фашистской идеологией.

* * *

Таким образом, фашистский переворот в Германии явился поворотным пунктом в практической подготовке к войне во всей политике германского империализма, в развертывании его военно-экономического, морально-психологического и военного потенциалов. Он привел к возникновению в центре Европы опаснейшего очага войны. Дух милитаризма пропитывал всю общественную жизнь «третьего рейха».

Прогрессивные силы, и прежде всего Советский Союз, коммунисты всего мира внимательно следили за развитием событий в Германии и мобилизовали массы на борьбу против фашизма. Коммунисты дали глубокую социально-политическую оценку процессам, происходившим в 1933—1935 гг. в этой стране. «Дело явным образом идет к новой войне»¹, — указывалось в январе 1934 г. в Отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

О превращении фашистской Германии в государство войны предупреждали и некоторые буржуазные деятели. Например, посол США Додд сообщал 5 апреля 1935 г. своему правительству: «По всей Германии воздвигнуты огромные казармы, окруженные большими учебными плацами, и многочисленные аэродромы, на которых день и ночь тренируются крупные бомбардировщики... Из этих фактов вы можете заключить, что война является здесь непосредственной и главной целью»².

Ярко описывал обстановку в Германии вскоре после прихода к власти гитлеровцев бывший офицер немецкого генерального штаба С. Эркнер: «Образ жизни армии выступает в качестве всеобщей социальной формы существования общества, силы которого полностью мобилизованы на подготовку войны. Все безраздельно подчиняется армии. Казармы и война создают атмосферу каждого дня. Конституция претерпела существенные изменения. Вся государственная деятельность мирного времени ограничивается военными рамками. Государство перестало заниматься обычными

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 10.

² FRUS. 1935, vol. II, p. 321.

проблемами мирной жизни. На глазах у всех оно превратилось в военное государство — то есть такое, первейшей функцией которого стала подготовка к войне... Военные критерии и военная иерархия стали неотделимы от всей жизни общества. В гитлеровской Германии все, абсолютно все — люди и вещи — существует отныне, лишь находясь в зависимости от войны, то есть применительно к условиям военного времени»¹.

Создав к 1935 г. довольно внушительную военную силу, гитлеровцы начали переходить к конкретным агрессивным акциям, стремясь испытать свою армию и создать предпосылки для захватов. Первой такой акцией была операция под кодовым названием «Шулунг», которая предусматривала вступление вермахта в демилитаризованную Рейнскую зону. Директива о подготовке этой операции была издана военным министром Бломбергом 2 мая 1935 г. Дата проведения операции ставилась в зависимость от внешнеполитической ситуации. 7 марта 1936 г. такой момент наступил.

Осенью 1935 г. командование вермахта разработало первый детальный план войны против Франции под кодовым названием «Рот». Тогда же были составлены планы вторжения в Австрию («Отто») и Чехословакию («Грюн»)².

В полную силу заработал немецко-фашистский генеральный штаб, планировавший огонь и смерть соседним странам. Над Европой нависла страшная угроза немецко-фашистского нашествия, порабощения и даже физического уничтожения ее народов. Никогда еще человечество не стояло перед такой угрозой. Казалось бы, все страны, все политические партии должны были объединиться, чтобы сообща воздвигнуть защитный барьер на пути германской агрессии, но этого не произошло — напротив, Англия, США и Франция вместо противодействия все более поощряли агрессивные планы гитлеровской Германии.

¹ S. E r c k n e r. L'Allemagne, champ de manoeuvre. Le fascisme et la guerre, p. 19.

² H. J a c o b s e n. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938, S. 420—421.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛИТИКА ПООЩРЕНИЯ ФАШИЗМА

1. Поддержка германского милитаризма правящими кругами Англии

Главной политической силой в Англии, наиболее последовательно проводившей курс на превращение Германии в антисоветский плацдарм международного империализма, была консервативная партия, в первую очередь ее крайне реакционное крыло, так называемые «дайхардовцы» — «гвердолобыс». В. И. Ленин в работе «Вооружения и капитализм» относил английских консерваторов к числу тех буржуазных политиков, «которые составляют тесную международную шайку, подстрекающую народы к соревнованию в деле вооружений...»¹. Последующие события в полной мере подтвердили глубокую историческую обоснованность ленинской оценки.

Разжиревшие на войне английские монополии стремились сохранить завоеванные международные позиции и установить британское мировое господство. Однако экономическое положение Великобритании не соответствовало этим грандиозным замыслам.

Первые послевоенные годы характеризовались углублением кризисных явлений в английской экономике. Во второй половине 1920 г. в Англии начался экономический кризис. Индекс промышленного производства, равнявшийся в 1920 г. 90,5 (1913 г. — 100), упал в 1921 г. до 61,5 процента. В годы временной стабилизации капитализма английская экономика не сделала сколько-нибудь значительного шага вперед. Ее серьезно подорвали платежи по американским займам, составившим в годы первой мировой войны огромную сумму — 850 млн. фунтов стерлингов.

В 1929 г. Англию, промышленное производство которой едва достигло довоенного уровня, охватил мировой экономический кризис. Объем промышленной продукции в 1932 г. сократился на 17,8 процента. Особенно пострадали от кризиса старые отрасли промышленности. Так, выплавка чугуна упала с 7,59 млн. тонн в 1929 г. до 3,57 млн. тонн в 1932 г. Индекс прибылей акционерных компаний сократился почти на 25 процентов по сравнению с 1924 г.

Углубление кризиса в английской экономике имело непосредственную связь с политикой возрождения германского промышленного и военного потенциалов, проводившейся правящими кругами. Английские монополии стремились создать в Германии выгодную для себя сферу приложения капиталов и рынок сбыта. В то же время английская буржуазия рассчитывала использовать германский финансово-промышленный капи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 175.

тал в роли конкурентоспособного экономического противовеса французскому капиталу, своему главному сопернику в Европе

Некоторые западные исследователи заявляют, что «Англия старалась смягчить франко-германские разногласия»¹. Анализ событий опровергает такой тезис.

Глубоко прав Э. Тельман, который писал, что согласно концепции, выработанной английскими правящими кругами, «противоречия между отдельными государствами, и в первую очередь между Францией и Германией, должны быть использованы в интересах мировой политики Англии»².

Английские трудящиеся боролись против все нараставшей нищеты, безработицы и бесправия, против нового нажима реакционных сил, выступали в поддержку Советской России и национально-освободительного движения народов колонии Британской империи, которое особенно активизировалось в Индии, Египте и Ираке.

В 1919 г. произошло первое после войны крупное выступление английского рабочего класса — всеобщая забастовка рабочих промышленности Клайда (Шотландия). В Глазго она вылилась в ожесточенную схватку бастующих с полицией. Всеобщую стачку объявили железнодорожники. Попытка правительства использовать войска против бастующих окончилась неудачей: солдаты братались с рабочими, поэтому воинские подразделения пришлось вернуть в казармы. Усилилось влияние профсоюзного и лейбористского движения.

Крупнейшим достижением английского рабочего класса в годы подъема классовой борьбы было создание в 1920 г. Коммунистической партии Великобритании — авангарда английских трудящихся.

Опытная английская буржуазия, используя характерный для рабочего движения Англии оппортунизм лейбористских лидеров, перешла в контрнаступление. Усилились репрессии против бастующих. В стране один за другим принимались чрезвычайные антирабочие законы. Однако трудящиеся Англии оказали мощный odpor реакции, которая была вынуждена маневрировать. Свидетельство тому — формирование в 1924 г. первого лейбористского правительства и последующее признание им Советского Союза.

Забастовочное движение продолжало нарастать и принимало все более массовый характер. В 1926 г. Англию потрясла первая в ее истории всеобщая стачка. В 1931 г. на нескольких кораблях военно-морского флота Англии, находившихся в гавани Инвергордон (Северная Шотландия), произошло восстание матросов.

Экономическое положение трудящихся Англии было тяжелым. К 1932 г. количество безработных достигло 3,5 млн. человек³. Стоимость жизни возросла почти в полтора раза по сравнению с 1914 г. Часть трудящихся получала заработную плату ниже прожиточного минимума. Около 20 процентов населения могли обеспечить себе лишь нищенские нормы питания, близкие к рациону, установленному для заключенных в шотландских тюрьмах⁴ (в Шотландии население, подвергавшееся национальной дискриминации, жило особенно бедно). В последующие годы страну охватила более мощная волна классовой борьбы пролетариата. Новой формой этой борьбы стали знаменитые «голодные походы» в знак протеста против

¹ W. K l e i n e - A h l b r a n d t (Ed) *Appeasement of the Dictators Crisis Diplomacy?* New York, 1970, p. 2

² E. T h a l m a n n *Locarno der neue Kriegspakt*, S. 6

³ Н. М а т к о в с к и й *Краткий очерк профсоюзного движения в Англии* М., 1954, стр. 54

⁴ A. H u t t *The Post War History of the British Working Class* London, 1937, p. 246.

экономической политики правительства. В феврале 1934 г. в Лондоне по призыву компартии был проведен конгресс единства действий, который принял программу конкретных требований английских рабочих и безработных к правительству. После окончания конгресса состоялась грандиозная демонстрация рабочих в Гайд-парке, в которой участвовало около 200 тыс. человек. Боевая демонстрация трудящихся прошла под лозунгами борьбы против безработицы, голода, фашизма и войны.

Политику ремилитаризации и поддержки фашизма в Германии английские правящие круги рассматривали и как важный фактор для подавления антиимпериалистической борьбы трудящихся Европы, возведения плотины против большевизма и создания более благоприятных условий для разгрома рабочего движения внутри страны. «Волны классовой ненависти,— писал прогрессивный английский историк Р. Арнот,— захлестывали сторонников британских официальных устоев... Большевики — вот кто был для них самым опасным врагом»¹.

Реакционная внутренняя и внешняя политика английских правящих кругов способствовала созданию и активной деятельности фашистских организаций в самой Англии. Английский фашизм не имел широкой массовой базы и использовался монополистическими кругами Англии в качестве резервного орудия укрепления своей власти. Вместе с тем фашистское движение в стране рассматривалось реакционной английской буржуазией как одна из эффективных форм поддержки международного, особенно немецкого, фашизма.

Предшественниками фашистских организаций в Англии явились различные экстремистские группировки, которые правящие круги использовали для борьбы с рабочим движением. Одной из них был «Британский имперский союз», выступавший под националистическими лозунгами и с программой фашистского толка. Прообразом фашистских штурмовых отрядов были «специальные» части «черно-пегих» и «вспомогательные отряды», участвовавшие в 20-е годы в подавлении национально-освободительной борьбы ирландского народа. В эти части вербовались, как правило, уголовники или бывшие офицеры. В 1923 г. в кругах, близких к лидеру правого крыла консервативной партии герцогу Нортумберлендскому, создается организация «Британские фашисты», деятельность которой правительство разрешило официально. Ее программа ставила своей задачей «препятствовать распространению коммунизма и большевизма». В августе 1924 г. организация насчитывала более 100 тыс. человек, которые объединялись в мелкие группы, возглавляемые командирами. В их обязанности входило «принимать энергичные меры против революционных элементов в своем районе». Этой организацией, как и многими ей подобными, руководили представители военщины, парламентариев, бизнесменов Англии. В 1924 г. председателем «Британских фашистов» стал бригадный генерал Блэкени. Наибольшую активность организация проявила в период всеобщей забастовки в 1926 г.

В конце 20-х — начале 30-х годов в Англии появились и другие фашистские и профашистские организации. В 1928 г. были созданы «Имперская фашистская лига», издававшая газету «Фашист», «Национал-социалистская лига», организация «Зеленые рубашки» и некоторые другие. Основной костяк «Британских фашистов» и различных фашистских групп вошел в созданный в 1932 г. «Британский союз фашистов», наиболее крупную фашистскую организацию Англии в 30-е годы. Руководитель союза британский «фюрер» миллионер О. Мосли был членом исполкома лейбористской партии и входил в состав правительства Макдональда. В мае 1930 г. он вышел из правительства и попытался использовать недо-

¹ R. A r n o t. The Impact of Russian Revolution in Britain. London, 1967, p. 103.

вольство рядовых членов лейбористской партии, чтобы захватить в ней руководство и сделать себе карьеру. Когда эти попытки провалились, Мосли объявил о создании новой партии, которая затем превратилась в «Британский союз фашистов». Подражая Гитлеру, Мосли изложил свою программу в книге «Великая Англия», изданной в 1932 г. Внутривнутриполитическая программа Мосли сводилась к подчинению рабочего класса диктатуре «корпоративного государства». В ней содержалась социальная демагогия, рассчитанная на различные слои населения: безработным он обещал работу, мелким предпринимателям — защиту от «рабочих-большевиков», капиталистам — новые прибыли. Мосли выдвинул шовинистический лозунг «Англия превыше всего» и поклялся добиться установления британского мирового господства.

Программа Мосли привлекала в ряды фашистов главным образом представителей мелкой буржуазии, разочарованных своим положением, а также различные деклассированные элементы и военщину. В первые два года существования партия росла довольно быстро, хотя количество ее членов хранилось в тайне. Но известно, что к началу 1934 г. в Англии было не менее 400 действующих отделений «Британского союза фашистов», насчитывавших в среднем по 50 человек¹.

По примеру гитлеровцев Мосли ввел для членов своего союза специальную партийную форму (черную рубашку) и сформировал так называемые «оборонительные силы» с соответствующими штабами. Английские фашисты проводили митинги в Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Шеффилде и других крупных городах Англии. Нередко они кончались избиением тех, кто выступал против фашистских молодчиков. Английская полиция в этих случаях, как правило, становилась на сторону чернорубашечников.

В 30-е годы в Англии кроме «Британского союза фашистов» появились новые ультраправые организации. Видное место среди них занимала группа «Имперская политика», созданная парламентариями во главе с Р. Бэнксом. Ее члены были ярыми сторонниками политики умиротворения агрессоров и злыми врагами Советского Союза. Группа издавала ежемесячный обзор международных отношений, содержащий клевету на СССР и превозносивший фашистские режимы в Германии и Италии.

Осенью 1935 г. в Англии было создано «Общество англо-германского содружества». В него вошли представители английского финансового капитала (среди них руководители крупнейших банков) и ряд видных деятелей консервативной партии. Общество вело пропаганду за сближение Англии и гитлеровской Германии. Один из его руководителей — лорд Лондондерри заявил, что общество считает своей задачей содействовать заключению пакта между Англией, Францией, Италией и Германией, то есть добиваться того, что впоследствии было осуществлено консерваторами во главе с Чемберленом в Мюнхене.

Британские правящие круги, и в особенности консервативная партия, заняли покровительственную позицию по отношению к английскому фашизму. «Поскреби консерватора — и ты обнаружишь фашиста»² — эти слова Ллойд-Джорджа никогда не теряли актуальности. Фашистские организации создавались на деньги крупных английских капиталистов и пользовались их поддержкой. В частности, «Британский союз фашистов» в основном существовал на средства газетного магната лорда Ротермира; материальную помощь и разностороннюю поддержку союз получал из Германии и Италии.

¹ Ф М э л л а л и Фашизм в Англии. Перевод с английского М., 1947, стр. 48.

² R D u t t. Fascism and Social Revolution New York, 1935, p. 238

Рабочий класс Англии давал решительный отпор фашистским вылазкам. 9 сентября 1934 г., когда в Гайд-парке собралось около 2,5 тыс. сторонников Мосли, трудящиеся Лондона организовали контрдемонстрацию, в которой участвовало до 150 тыс. человек. Фашистский митинг был сорван. Характерно, что выступление трудящихся Лондона произошло вопреки усилиям реакционных лейбористских и профсоюзных лидеров, саботировавших антифашистскую борьбу рабочего класса. Генеральный совет британских профсоюзов препятствовал участию членов профсоюзов в контрдемонстрации против Мосли, но сила рабочего единства сорвала эту акцию оппортунистических лидеров британского рабочего движения ¹.

Английская буржуазия всеми способами показывала свое расположение к итальянскому, а затем и германскому фашизму. В 1923 г. английский король за услуги, оказанные контрреволюции, пожаловал Муссолини одну из высших наград Англии — орден Бани. В 1928 г. руководитель крупнейшей английской монополии «Импириэл кемикл индастриз» А. Монд, находясь в Риме, заверил сторонников дуче: «Я восхищаюсь фашизмом, потому что он обеспечивает социальный мир». Черчилль заявил на пресс-конференции в Риме, что он «очарован Муссолини» ². Это заявление вызвало восторженные отклики в итальянской прессе, которая особенно восхваляла Черчилля за то, что «он распознал истинный дух фашистского движения» ³.

Английская реакция всячески поддерживала нараставшее фашистское движение в Германии и способствовала приходу Гитлера к власти. Особое рвение проявили английские магнаты Детердинг и Ротермир, уже много лет финансировавшие германский фашизм. Осенью 1930 г. Ротермир выехал в Германию, где встретился с Гитлером. Затем он опубликовал в немецких и английских газетах статью, в которой ратовал за приход гитлеровцев к власти. «Переход политического влияния в Германии к национал-социалистам выгоден и для всей остальной Европы,— писал Ротермир,— ибо таким образом воздвигается еще один оплот против большевизма...» Размах истерической кампании английской реакционной печати в пользу нацизма вызвал отрицательную реакцию даже в немецкой буржуазной прессе. «Если ориентироваться только на английские газеты,— писала «Кёльнише цайтунг» 15 октября 1930 г.,— то создается мнение, будто в Германии, кроме национал-социалистов, нет никакой другой партии, которая имеет хоть какое-либо значение».

Активизировались контакты английской буржуазии с представителями нацистского руководства. На встречах британские деятели всякий раз находили «достижения Гитлера замечательными». В 1932 г. с визитом к Гитлеру собирался Черчилль ⁴. В Англию был приглашен Розенберг, а затем Риббентроп. Встречу последнего с лидером консерваторов Болдуином организовал на своей даче в 1933 г. председатель английской консервативной партии лорд Дэвидсон, который и засвидетельствовал, что она «прошла успешно» ⁵.

В конце 20-х — начале 30-х годов усилился процесс оказания Англией прямой помощи становлению германской военной машины. Условия для этого были созданы всей предыдущей деятельностью английской реакционной буржуазии: активным участием Англии совместно с США в планах Дауэса и Юнга, укреплении связей английских и германских карте-

¹ A. H u t t. British Trade Unionism. An Outline History. London, 1945, p. 128.

² «The Times», January 21, 1927.

³ «The Times», January 22, 1927.

⁴ H. M a c m i l l a n. Winds of Change. 1914—1939. London, 1966, p. 399.

⁵ R. J a m e s. Memoirs of a Conservative. J. Davidson's Memoirs and Papers, 1910—1937. London, 1969, p. 399.

лей, прогерманской дипломатической деятельностью Англии, важнейшим актом которой стал Локарнский пакт, тайной и явной поддержкой нарушений правительством Веймарской республики военных ограничений, установленных Версальским договором.

Состав английского правительства начала 30-х годов, где доминировали консерваторы, в полной мере соответствовал целям дальнейшей активизации антисоветской, фактически профашистской внешней политики. Список его членов напоминал перечень представителей крупнейших военных концернов, фирм и банков. Премьер-министр С. Болдуин был совладельцем военных заводов «Болдуинс лимитед». Министр финансов Н. Чемберлен занимал директорское кресло военной фирмы «Бирмингэм смолл армс компани». Крупным акционером химического концерна «Импириэл кемикл индастриз» был министр иностранных дел Саймон. Военный министр Хейлшем, министр внутренних дел Гильмур, а также министр колоний Кэнлиф-Листер имели тесные связи с военно-промышленным концерном «Виккерс». Руководящая верхушка буржуазной Англии, у руля которой вскоре встал Н. Чемберлен, с наибольшей последовательностью проводила опаснейшую для Англии, но выгодную для своих карманов политику ремилитаризации Германии и поощрения нацизма.

Буржуазные историки и мемуаристы, особенно из числа британских консерваторов, пытаются оправдать эту политику. Бывший премьер-министр Великобритании, один из видных деятелей консервативной партии — Г. Макмиллан писал в своих мемуарах: «Первые акции гитлеризма не давали повода для беспокойства. Более того, мы знали Муссолини и фашистскую Италию, и результаты казались неплохими... Естественно, никому не приходило в голову прочесть «Майн кампф»¹.

Но у Макмиллана короткая память. Английская реакция по-иному встретила погромные действия гитлеровцев, пришедших к власти. В Англии нашлось немало явных доброжелателей фашистского режима. В одном из документов германской дипломатии такими доброжелателями названы: королевский двор, аристократия, значительная часть духовенства, военные и другие влиятельные круги Англии².

Гитлеровскому режиму была обеспечена широкая финансовая поддержка лондонского Сити. Английский банк стал выполнять роль учреждения, под гарантии которого виднейшие фирмы Великобритании снабжали Германию в кредит медью, алюминием, никелем и другим сырьем, необходимым для военной промышленности. В конце 1934 г. банк предоставил германскому рейхсбанку заем в 750 тыс. фунтов стерлингов. «Финансисты считали,— писала 6 декабря 1934 г. газета «Дейли уоркер»,— что это является единственно возможным средством для подавления растущего недовольства германских рабочих и крестьян...»

В декабре 1934 г. после встречи главы английского нефтяного треста «Ройял датч шелл» с Гитлером была заключена сделка между германскими промышленниками и англо-американскими нефтяными магнатами: последние предоставили Германии нефтепродукты в размере ее годового потребления за 1934 год. Английские концерны «Импириэл кемикл индастриз» и «Виккерс» снабжали германскую военную промышленность сырьем и стратегическими материалами, «Бритиш петролеум компани» — алюминием. Поставки осуществлялись как открытыми, так и тайными путями, в частности через Канаду. Этот факт был вскрыт генеральным секретарем компартии Великобритании Гарри Поллитом в связи с расследованием королевской комиссией частного производства и торговли оружием, кото-

¹ H. Macmillan. Winds of Change, p. 385.

² Documents on German Foreign Policy, 1918—1945 (далее — DGFP). Series C. Vol. I. Washington, 1957, p. 752—753.

рые приняли скандальные размеры. Выступая на заседании комиссии, Г. Поллит обратил внимание присутствовавших на то, что сам председатель комиссии Д. Бэнкс является акционером английского концерна, замешанного в спекуляциях оружием¹.

Автомобильная компания «Роллс-Ройс» передала гитлеровскому правительству, якобы для «коммерческих целей», партию новых моторов типа «Кестрель», применявшихся на боевых самолетах. В апреле 1934 г. компания «Армстронг-Сиддли» продала Германии авиамоторы, созданные в результате шестнадцатилетних исследований английских инженеров². А в мае гитлеровцы разместили в Англии заказ на 80 мощных авиационных моторов этой компании. В ответ на запрос в парламенте министр иностранных дел Саймон объявил, что выполнение заказа «не противоречит условиям существующих международных соглашений». Из Англии в Германию ввозились самолеты, танки, пулеметы. Несмотря на то что перевооружение Германии принимало угрожающие размеры и она готовилась официально объявить о легализации строительства военно-воздушных сил и введении всеобщей воинской повинности, английское правительство, и в первую очередь консерваторы, продолжали поддерживать формулу «равноправия» в вооружениях³.

Активную прогерманскую роль играли английские военные круги. Имперский генеральный штаб установил тесные контакты с командованием гитлеровского вермахта. По свидетельству тогдашнего военного атташе Германии в Лондоне, командование британского генштаба считало, что «Германии следует использовать благоприятный шанс для того, чтобы в перспективе навести порядок в Европе»⁴. Английские военные представители в Германии открыто выражали свое удовлетворение наращиванием германских вооруженных сил. «16 марта 1935 года, — писал в своих воспоминаниях Гудериан, — я был приглашен на вечернюю беседу к английскому военному атташе (в Берлине. — *Ред.*). Незадолго до моего ухода из дома радио передало правительственное сообщение о введении вновь всеобщей воинской повинности в Германии. Беседа, которую я вел в тот вечер с английским атташе и присутствовавшим при этом моим знакомым офицером из Швеции, была чрезвычайно оживленной. Оба эти офицера выразили полное понимание, когда я сказал, что немецкая армия с удовлетворением встретила радостную весть о введении всеобщей воинской повинности»⁵.

Формально английское правительство направило в связи с введением в Германии всеобщей воинской повинности ноту с «возражениями». Но, по существу, она означала скрытое одобрение действий гитлеровцев. «Если германское правительство, — писала 20 марта 1935 г. «Правда», разоблачая политику английского империализма, — демонстративно отвергло какие бы то ни было гарантии безопасности и бешено вооружается, чтобы навязать Европе новую войну, то оно осмелилось на этот шаг только благодаря позиции британского империализма... Английский империализм всеми силами мешает согласованным действиям тех, для кого вооружения фашистской Германии являются непосредственной опасностью».

¹ Г. Поллит. Избранные статьи и речи (1919—1939). Перевод с английского. М., 1955, стр. 149, 153.

² Ph. Noel-Baker. The Private Manufacture of Armaments, vol. I, p. 195.

³ Parliamentary Debates. House of Commons. March 11 to March 29, 1935. Vol. 299, p. 58.

⁴ G. Schweppenburg. Erinnerungen eines Militärattachés. London 1933—1937. Stuttgart, 1949, S. 71.

⁵ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. Перевод с немецкого. М., 1954, стр. 29.

24—26 марта 1935 г. в Берлине состоялись переговоры Саймона с Гитлером. Они происходили в присутствии лорда хранителя печати Идена и английского посла в Берлине Фиппса. Со стороны Германии присутствовали также Нейрат и Риббентроп. Гитлер произнес длинную речь, в которой требовал для Германии мощной армии, флота и авиации, «необходимых для решения проблемы жизненного пространства», в том числе и за счет СССР. Он выдвинул также требования: ликвидировать «польский коридор», присоединить к Германии северные районы Чехословакии и Австрию. Во время переговоров Гитлер поставил вопрос о возвращении Германии прежних колоний, что вызвало возражение со стороны Саймона, и о пересмотре соглашения о морских вооружениях. Хотя в этой агрессивной программе, изложенной Гитлером, просматривались явные очертания военной угрозы и для западных стран, она соответствовала главному намерению британского империализма — направить германскую военную машину на Восток, против СССР. Гитлер был доволен встречей, а также другими контактами с английскими министрами. «Мы поняли друг друга»¹, — доверительно информировал он своих приближенных.

Материалы немецких дипломатических документов того времени убедительно свидетельствуют о том, что гитлеровская Германия опиралась на Англию как на основную международную силу в своей подготовке к войне. Германский посол в Лондоне докладывал на Вильгельмштрассе² в марте 1935 г.: «Сейчас достигнуто фактическое равенство прав для Германии в вооружениях на суше, задача германского государственного руководства состоит в том, чтобы завершить это огромное достижение... Ключ к положительному решению находится в руках Англии»³.

Дальнейшие события не заставили себя ждать. 18 июня 1935 г. правительство консерваторов, возглавляемое Болдуином, подписало англо-германское морское соглашение, которое представляло собой крупнейший акт поощрения английским империализмом гонки вооружений и агрессивных планов фашистской Германии.

Англо-германское морское соглашение не было «самым неожиданным актом», как пытался утверждать У. Черчилль⁴. Оно преднамеренно открывало возможности фашистской Германии для огромного, фактически безграничного, увеличения ее морских сил. Соглашение было заключено, несмотря на официальный протест Франции, и стало одним из звеньев предательской политики английских правящих кругов по отношению к своему французскому союзнику⁵.

Соглашение было в первую очередь направлено против СССР, так как вело к резкому изменению стратегической обстановки на Балтийском море в пользу Германии. Это отмечалось в английских и американских официальных кругах⁶. Одновременно оно изменяло соотношение сил и на Северном море, что создавало потенциальную угрозу со стороны Германии как Англии, так и Франции. При содействии английских правящих кругов гитлеровская Германия ковала оружие, которое в конце

¹ Цит по: E. K o r d t Wahn und Wirklichkeit Die Außenpolitik des Dritten Reiches Versuch einer Darstellung Stuttgart, 1948, S. 71

² На этой улице Берлина находилось министерство иностранных дел Германии.

³ DGFP Series C, vol. III, p. 1018

⁴ W. C h u r c h i l l The Second World War Vol. I Boston, 1948, p. 137

⁵ Саймон заверял итальянского посла в Лондоне (информация поступила в Берлин), что английские контакты с Францией носят формальный характер «Английские визиты в Париж, — говорил он, — вызваны лишь удобным географическим расположением французской столицы и ни в коем случае не означают, что Англия стремится к достижению какого-либо специального соглашения с Францией» (DGFP. Series C, vol. I, p. 131).

⁶ FRUS. 1935, vol. II, p. 337—338

концов было обращено не только против СССР, но и против Англии и Франции и их союзников.

Международное коммунистическое движение правильно оценивало происходившие события и своевременно предупреждало трудящихся о последствиях реакционной внешней политики английских правящих кругов. «Проводимая английским национальным правительством линия поддержки фашистской Германии, в особенности же англо-германское морское соглашение», — писал в конце 1935 г. Р. Палм Датт, — привела к такой обстановке, которая способствует осуществлению германских «планов насчет Австрии и Юго-Восточной Европы»¹. Последующие события подтвердили этот вывод.

Следует отметить, что не все представители правящих кругов Англии выступали в поддержку курса на ремилитаризацию Германии, по мнению противников такого курса не оказывало влияния на политику консерваторов.

Решительным и последовательным борцом против самоубийственной политики поощрения английскими правящими кругами возрождения германской военной машины и фашизма выступала Коммунистическая партия Великобритании, которая опиралась на антивоенное движение трудящихся масс.

Английский народ ответил на возрастающую опасность войны новым усилением борьбы против реакционной внутренней и внешней политики правительства. В июне 1935 г. в Англии были подведены итоги так называемого «плебисцита мира», в котором, несмотря на отрицательное отношение к нему правительства, консервативной партии и реакционной прессы, приняло участие 11,5 млн. человек. Подавляющее большинство участников плебисцита высказались за коллективную безопасность, разоружение и действенные санкции против агрессивных государств. «Несомненно, — отмечал Г. Поллит в своей речи на VII конгрессе Коминтерна, — того же результата можно было достигнуть при организации подобного голосования против фашизма»². Однако монополисты Англии и правительство консерваторов не посчитались с мнением народа. С твердым упорством они продолжали следовать антисоветскому курсу, поощряя германскую экспансию и фашизм.

Нацистское руководство, учитывая линию консерваторов, делало соответствующие выводы для своих агрессивных планов. Гитлер, по утверждению западногерманского историка С. Хаффнера, считал, что «захват жизненного пространства за счет России» он может осуществить с помощью самого надежного его союзника — Англии³. Формировавшееся на антисоветской основе англо-германское сотрудничество явилось одним из немаловажных факторов, способствовавших превращению Германии в главный очаг второй мировой войны.

2. Внутриполитическая борьба в Соединенных Штатах Америки и помощь американских монополий гитлеровской Германии

На развитие мировых событий существенно влияла **внешняя** политика Соединенных Штатов Америки, обусловленная **внутренней** политикой правящих кругов страны.

Положение в США характеризовалось острыми классовыми противоречиями, а также борьбой различных политических направлений, корни которых глубоко уходили в область экономики.

¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 22, стр. 41.

² Г. П о л л и т. Избранные статьи и речи, стр. 181.

³ С. Х а ф ф н е р. Самоубийство германской империи. Перевод с немецкого. М., 1972, стр. 29.

Первая мировая война была широко использована монополиями США как источник невиданного обогащения. Значительно возросло промышленное и сельскохозяйственное производство, возникла благодатная почва для его увеличения и в годы послевоенной капиталистической стабилизации (1924—1929). С 1913 по 1929 г. промышленное производство США поднялось на 70 процентов¹. Прибыли монополий и банков достигли огромных размеров, необычайно усилился процесс централизации капитала. К 1918 г. один процент населения страны владел более чем половиной всех богатств США. Наряду с экономическим могуществом монополий возросли их политическая сила, влияние на все стороны общественной жизни страны. Однако среди монополистов не было единства в определении курса правительства, что приводило к резким поворотам внутренней и внешней политики страны.

На внешнюю политику США значительное влияние оказывало новое соотношение экономических сил, сложившееся после первой мировой войны. К 1928 г. промышленное производство США превысило производство всей капиталистической Европы. Экономический центр мирового капитализма переместился за океан — на Американский континент. Из должника США стали могущественным кредитором: если к началу первой мировой войны они задолжали европейским странам 4,5 млрд. долларов, то к концу ее одни только военные долги капиталистической Европы Соединенным Штатам Америки составили 10 млрд. долларов.

В. И. Ленин писал: «Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов»². Отныне американские монополисты, распространяя мысль о том, что новая мировая война была бы для США не бедствием, а благодеянием, лелеяли планы нового обогащения.

Но даже при таких барышах, полученных от военных поставок и ограбления других стран, главным источником наживы Соединенных Штатов оставался труд производителей материальных ценностей, прежде всего рабочих. Их положение, а также положение фермеров оставалось крайне трудным. В годы войны и в послевоенный период резко увеличилась интенсивность труда, усилилась капиталистическая эксплуатация.

В США бурно поднималось рабочее движение, на которое оказала вдохновляющее влияние Октябрьская революция в России. Основной формой выступлений американского пролетариата против политики правящих кругов были забастовки. В 1919 г. в них участвовало более 4 млн. человек. Рост сознательности рабочего класса привел к возникновению Коммунистической партии США, основанной в сентябре 1919 г.

Рабочий класс Соединенных Штатов решительно выступал против участия своей страны в вооруженном нападении интервентов на молодое Советское государство и стремился оказать ему интернациональную поддержку. Однако всякое проявление классовой солидарности трудящихся США с Советской Россией беспощадно подавлялось правительством, все шире прибегавшим к средствам классового насилия, к оружию.

В 1929 г. США постиг жесточайший экономический кризис, откуда он и распространился по всему миру. К марту 1933 г. количество безработных достигло 17 млн. человек. Социального страхования не было, и безработные, лишенные средств к существованию, находились на грани голодной смерти.

¹ Д. А л л е н. Международные монополии и мир. Перевод с английского. М., 1948, стр. 123.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 50.

Буржуазный историк Шлезингер так описывал бедственное положение рабочей семьи: «И вот новые поиски работы — сначала энергичные и с надеждой, затем мрачные, потом отчаянные... Поиски продолжаются, одежда превращается в лохмотья, обувь расползается. Газета под рубашкой спасает от мороза, картон утепляет ботинки, вата в их носках смягчает трудную ходьбу по улицам, рогожа, намотанная на ступни, облегчает долгие часы ожидания на морозе у фабричных ворот. А тем временем сбережения тают и ужас овладевает семьей. Отец растерял свою бодрость, он многие часы проводит дома, раздраженный, виноватый... Мясо исчезает со стола, лярд заменяет масло, отец выходит на улицу все реже, он ужасно тих... Тени сгущаются в темных холодных комнатах, отец зол, беспомощен и полон стыда, исхудавшие дети все чаще болеют, а мать, бодрящаяся днем, тихо льет слезы в подушку по ночам» ¹.

Рабочий класс США не был пассивным созерцателем обрушившихся на него бедствий экономического кризиса. 6 марта 1930 г. в десятках городов состоялись многотысячные демонстрации безработных, требовавших предоставления им работы и хлеба. Крупные силы полиции, брошенные против демонстрантов, жестоко с ними расправились. В 1931—1932 гг. состоялись массовые «голодные походы» в Вашингтон.

Во время второго «голодного похода» в столицу прибыло 25 тыс. ветеранов первой мировой войны. Они раскинули свой лагерь в Анакостия-Флэтс — болотистом предместье Вашингтона. Манифестация бывших солдат проходила под лозунгами верности существующей системе и не была связана с левым движением в стране. Однако правительство направило против ветеранов войска под командованием начальника штаба американской армии генерала Д. Макартура. Были применены танки, кавалерия и слезоточивые газы.

В борьбу против правящих кругов, стремившихся всю тяжесть кризиса свалить на плечи трудящихся, включились и фермеры. В ряде районов США возникли объединенные комитеты действия из фермеров и рабочих. К движению присоединялись и представители прогрессивной интеллигенции. Экономический кризис перерастал в кризис политический, кризис всей системы американского капитализма. Газеты с тревогой писали: «Вызывающие беспокойство экономические явления не только превосходят все прежние эпизоды подобного рода, но и угрожают гибелью капиталистической системе» ².

Массы внимательнее прислушивались к голосу коммунистов, влияние которых усиливалось, особенно среди безработных. Создавшееся положение вызывало глубокое беспокойство у правителей США. Хотя за коммунистами шла относительно небольшая часть сознательных рабочих, Вашингтон пытался обвинить компартию США во всех бедах, которые переживала страна. В мае 1930 г. в палате представителей был организован комитет по «расследованию коммунизма». Борясь с лицами, придерживавшимися левых взглядов, правительство широко прибегало к высылке из страны «нежелательных элементов». В 1930—1933 гг. из США было депортировано 74 тыс. человек.

Антикоммунистическая кампания вопреки надеждам ее зачинщиков не могла смягчить обстановку в стране. Для миллионов американцев было очевидно, что в кризисе повинна капиталистическая система, и они все активнее поднимались против буржуазного строя.

Но правительство было готово подавить любые массовые выступления. В январе 1934 г. Г. Вудринг, вскоре назначенный военным мини-

¹ A. Schlesinger. The Crisis of the Old Order, 1919—1933. Boston, 1957, p. 167—168.

² «The New York Times», September 14, 1931.

стром, откровенно заявил: «Люди, которые считают, что американская армия не готова и не способна взять контроль над страной, просто не знают фактов. Наша армия — единственная правительственная организация, которая уже стоит в готовности не только к защите страны, но и способна справиться с социальными и экономическими проблемами в случае чрезвычайного положения... Давайте говорить прямо! В случае если создастся угроза внешней войны, экономического хаоса или социальной революции, армия имеет подготовку, опыт, организацию и людей для защиты правительства...»¹

Однако некоторые представители американской буржуазии считали, что одной готовности вооруженных сил к подавлению социальных волнений недостаточно. Они требовали встретить угрозу революции на дальних подступах, настаивая на изменении государственной структуры США. В этом вопросе единства в правящих кругах не было. Определенная часть монополистов, банкиров и военщины склонялась к тому, чтобы, позаимствовав опыт Италии, установить фашистскую диктатуру. Консервативный публицист В. Джордан так характеризовал настроения участников ежегодной конференции торговой палаты в 1931 г.: «В считанные месяцы экономический диктатор, подобный Муссолини, может побудить их маршировать в красных, белых, синих рубашках, приветствуя какой-нибудь новый символ». Весной 1932 г. сенатор от штата Пенсильвания Д. Рид счел возможным публично заявить: «Я редко завидую системе правления в других странах, но я говорю: если нашей стране когда-либо был нужен Муссолини, то именно теперь пробил час». В 1931 г. президент Колумбийского университета Н. Батлер встретил первокурсников речью, в которой, между прочим, сказал, что тоталитарные системы «выдвигают куда более умных, волевых и значительно более мужественных людей, чем государства с представительной формой правления»². Эти оценки распространялись и на главарей фашистской диктатуры в Германии. Председатель комиссии сената по иностранным делам К. Питтмэп называл Гитлера «человеком мужества и усердия», «крестоносцем... в борьбе против большевизма»³.

В пользу фашистского режима высказывались в США не только отдельные лица, но и целые организации. В сентябре 1931 г. Американский легион (ультраправая организация бывших военнослужащих) на своем съезде принял решение о том, что кризис не может быть «быстро и эффективно разрешен существующими политическими методами». На Среднем Западе возникла террористическая организация «Черный легион», центр деятельности которой находился в штате Мичиган. «Черный легион», получивший название по форме, которую носили его члены, — черный балахон с изображением черепа и скрещенных костей и капюшоном, прикрывающим лицо, был типичной фашистской организацией.

«Черный легион» строился по военному образцу. Его члены включались в территориальные «дивизии», которыми командовали «полковники». Деятельность легиона держалась в строгой тайне. На чрезвычайно мрачной церемонии посвящения в легионеры каждому вручалась крупнокалиберная пуля с предупреждением, что он получит другую, если не будет молчать. С 1933 г. штаты Мичиган, Индиана, Огайо стали ареной кровавой деятельности «Черного легиона», который в тесном контакте с предпринимателями развернул террор против активных профсоюзных работников и демократически настроенных людей. В середине 30-х годов ле-

¹ Цит. по: Ch. Beard, M. Beard. America in Midpassage. Vol. III. New York, 1939, p. 569, 570.

² A. Schlesinger. The Crisis of the Old Order, 1919—1933, p. 204, 268.

³ «New York Herald Tribune», March 18, 1935.

гионеры убили несколько десятков человек, стремясь запугать в первую очередь представителей рабочего движения.

В январе 1932 г. в Капитолии появился новый сенатор, Хью Лонг, от штата Луизиана. Началась короткая, но шумная карьера человека, стремившегося создать фашистскую диктатуру. До избрания в сенат Лонг был губернатором штата Луизиана, где создал мощную политическую машину, лично ему преданную.

Слав сенатором, Лонг с первых дней бросил вызов не только правительству, но и фракции демократической партии, к которой принадлежал. Действуя в духе фашистских демагогов, Лонг объявил, что «в Америке мы, конечно, стоим перед лицом коммунизма». Обрушивая проклятия на «богачей», он туманно обещал широким слоям народа лучшее будущее, где не будет вопиющего неравенства. И это он говорил, широко пользуясь поддержкой крупных монополий, олицетворявших неравенство. Однако более влиятельная часть монополистов считала, что крайности фашизма подольют горячее в огонь народного негодования и создадут еще большую опасность для общественного и государственного строя США. Они склонялись к тому, чтобы поставить во главе страны человека, который сможет системой реформ, не затрагивающих основ американской буржуазной демократии, внести успокоение в массы, ослабив их страдания, вызванные экономическим кризисом.

Избирательная кампания 1932 г. по выборам президента проходила в крайне напряженной обстановке. Демократическая партия выдвинула своим кандидатом Франклина Д. Рузвельта, который обещал «новый курс» для страны.

Рузвельт был убежденным защитником капиталистической системы, и вся его политика направлялась на ее укрепление. Проводя «новый курс», он широко пользовался методами социального маневрирования, пытался облегчить положение трудящихся, но отнюдь не за счет ослабления роли монополистического капитала. Напротив, «новый курс» способствовал усилению роли государственно-монополистического капитализма в экономике и политической жизни страны.

Уильям Фостер, длительное время возглавлявший Коммунистическую партию США, писал: «...Рузвельт поддерживал профсоюзное движение, но, идя на уступки рабочим и неграм, он тем самым, несомненно, действовал в интересах капиталистической системы. Если бы он не сделал этих уступок, то массы, исполненные боевого духа, вероятно, пошли бы значительно дальше влево и в открытой борьбе добились бы от предпринимателей и правительства гораздо более существенных реформ»¹.

Ф. Рузвельт шел на различные, часто противоречивые меры. Критерием ценности того или иного закона в его глазах было только одно — в какой мере он отвечал укреплению традиционных основ американского капитализма.

Правое крыло правящих кругов США было недовольно социальным маневрированием администрации Рузвельта, в ходе которого иногда делались существенные уступки трудящимся. Оппозиция «новому курсу» существовала постоянно, в ее рядах и возникали различные фашистские организации, количество которых со временем достигло 700.

На следующий день после прихода нацистов к власти в Германии — 31 января 1933 г. — У. Пелли основал в США организацию «Серебряные рубашки». Он заявил, что ее цель — спасти Америку «таким же образом, как Муссолини и его чернорубашечники спасли Италию, а Гитлер со своими коричневорубашечниками принес спасение Германии». «Серебряные рубашки» стали одной из самых активных фашистских организаций в США.

¹ У. Ф о с т е р. Очерк политической истории Америки, стр. 595.

Другой реакционный деятель — «почетный командор ордена рыцарей белой камелии» Дж. Дитеридж объявил, что стремится объединить всех «христиан» (то есть расистов) под эмблемой свастики¹. Активная деятельность фашистских организаций была бы невозможна без финансовой помощи представителей крупного капитала, которые держали их как резерв на случай неудачи правительства с социальным экспериментированием.

Фашистские организации США открыто заявляли о своей солидарности с европейскими фашистскими державами. Деятельность их носила подрывной характер, так как они являлись агентурой гитлеровской Германии в США.

В 1931—1934 гг. в некоторых банкирских конторах Уолл-стрита подумывали произвести с помощью Американского легиона фашистский переворот в США. Профашистские симпатии руководителей легиона не составляли секрета. Еще в 1931 г. национальный командор Р. О'Нейл передал через посла фашистской Италии в Вашингтоне приветствие национального исполнительного комитета легиона «его светлости Бенито Муссолини». Спустя два года национальный вице-командор посетил Италию и даровал дуче звание почетного члена легиона.

Заговорщики решили во главе переворота поставить отставного генерала С. Батлера, в прошлом командовавшего морской пехотой. Но здесь они ошиблись: С. Батлер, притворившись простаком, выяснил детали заговора, источники его финансирования и, найдя это предприятие антиконституционным и сомнительным, передал собранную информацию в конгресс, где в 1934 г. было проведено соответствующее расследование. Рассмотрение дела, порученное одному из комитетов конгресса, было в высшей степени поверхностным. Однако правдивость показаний Батлера не вызвала сомнений. Как ни пытались пособники американских фашистов принизить их значение, комиссия признала в отчете о расследовании: «Были представлены свидетельские показания, указывающие на то, что некоторые лица сделали попытку создать фашистскую организацию в нашей стране. Не подлежит сомнению, что подобные планы обсуждались, разрабатывались и могли бы быть приведены в действие..»²

Неудача с Батлером не обескуражила правых. Они основали в августе 1934 г. «Лигу американской свободы», объявившую, что она будет «бороться с радикализмом», «охранять и защищать конституцию». «Лигу» поддерживал ряд крупнейших монополистов, в первую очередь Дюпоны и Морганы. «Лига американской свободы» была активным фронтом правых сил, стремившихся пресечь дальнейшие уступки трудящимся в рамках «нового курса». Она неуклонно выступала против новых мер такого рода, и ее массированная пропаганда была отмечена лютой злобой к администрации Ф. Рузвельта. Это была куда более серьезная попытка организации сил реакции, чем заговор, руководство которым было предложено Батлеру.

Министр внутренних дел Г. Икес, характеризуя обстановку, сложившуюся в США в 1935 г., говорил: «С каждым днем становится все яснее, что в нашей стране существует опасное движение, которое стремится изменить наши свободные установления ненавистным фашизмом. Эта группа состоит из (или по меньшей мере пользуется активной поддержкой) людей, наживших огромные состояния и добившихся могущества путем эксплуатации не только естественных богатств Америки, но и ее мужчин, женщин

¹ А. В о с а, М. Г и о в а н а *Fascism Today A World Survey* New York, 1969, p. 328

² Д. Г р е й *Правда об Американском легионе* Перевод с английского М., 1949, стр. 165.

и детей. Они не останавливались ни перед чем в своей погоне за этими богатствами, а теперь они не остановятся ни перед чем, чтобы их сохранить и приумножить. Стремясь довести нас до патриотической горячки разговорами о том, что «нашей стране грозит коммунистическое восстание», эти господа пытаются заручиться нашей поддержкой для фашистского переворота»¹.

Как признал впоследствии промышленный магнат К. Вандербильт, ультраправые бизнесмены долго обсуждали план похищения президента с целью изменить политический курс страны².

Хотя горячие головы среди правых были готовы пойти на переворот, однако их шансы на успех были невелики. Наибольшие возможности сулила попытка перестроить США в фашистском духе, используя на первых порах традиционные институты страны, то есть добиваясь воцарения в Белом доме в результате обычной избирательной процедуры человека с диктаторскими полномочиями. В США в первой половине 30-х годов были две потенциальные кандидатуры такого рода — начальник штаба американской армии генерал Д. Макартур и сенатор Х. Лонг. При надлежащей поддержке финансовых воротил любой из них мог победить на президентских выборах и даже в случае неудачи вырасти в фигуру первостепенного национального значения. Ф. Рузвельт в кругу своих приближенных именовал их «двумя самыми опасными людьми в США».

Генерал Макартур был кумиром крайней реакции, которая запомнила и благословила его «победу при Анакостия-Флэтс». «Никто другой, — говорил Рузвельт, — не наделен таким обаянием, верностью традициям и величественной внешностью, как Макартур, и нацистски настроенные американские лидеры с одобрением вспоминали инцидент, который всем либералам казался достойным порицания — битву при Анакостия-Флэтс»³.

Против фашистских тенденций вели борьбу прогрессивные силы, и прежде всего американские коммунисты. Они неустанно разоблачали происки правых сил, вскрывали тайные замыслы реакции.

То, что со временем стало очевидным, далеко не всегда ясно проявлялось в бурном водовороте 30-х годов. Левые силы, критиковавшие администрацию Ф. Рузвельта, сосредоточивая внимание иной раз на крутых методах претворения в жизнь реформ «нового курса», в сущности, не представляли себе четко, что между правительством и фашистскими кругами были существенные различия. Рузвельт опирался на ту часть американской буржуазии, которая считала, что ресурсы традиционной системы правления в США не исчерпаны. Народ, получивший определенное облегчение от «нового курса», стоял за Рузвельта. В сложившихся условиях отождествление «нового курса» и фашизма было бы крайне ошибочным.

На VII конгрессе Коммунистического Интернационала Г. Димитров говорил: «Но и сейчас еще имеются остатки схематического подхода к фашизму. Разве не проявлением такого... подхода является утверждение отдельных товарищей, что «новый порядок» Рузвельта представляет собой еще более ясную, острую форму развития буржуазии в сторону фашизма... Нужна значительная доля схематизма, чтобы не видеть, что самые реакционные круги американского финансового капитала, атакующие Рузвельта, как раз представляют собой прежде всего ту силу, которая стимулирует и организует фашистское движение в Соединенных Штатах. Не ви-

¹ Цит. по: А. К а н. Измена родине. Перевод с английского. М., 1951, стр. 222—223.

² C. V a n d e r b u i l t. Man of the World. My Life on Five Continents. New York, 1959, p. 261.

³ Цит. по: R. T u g w e l l. The Democratic Roosevelt. New York, 1957, p. 349—350.

деть за лицемерными фразами таких кругов о «защите демократических прав американских граждан» зарождающегося в Соединенных Штатах действительного фашизма — это значит дезориентировать рабочий класс в борьбе против его злейшего врага»¹.

Администрация Ф. Рузвельта вела борьбу с теми, кто, по мнению Белого дома, представлял реальную угрозу существующему порядку. В 1935 г. Макартур был удален с ключевого поста начальника штаба армии и отправлен служить на Филиппины. Честолюбивый генерал смертельно обиделся и в последующие 16 лет ни разу не побывал на родине — в Соединенных Штатах.

Значительно труднее было сбросить с политической арены сенатора Х. Лонга, развернувшего лихорадочную деятельность уже на дальних подступах к президентским выборам 1936 г. Когда стало понятно, что Лонг добился определенной известности, к нему начали поступать средства из темных источников, что дало ему возможность основать газету «Американский прогресс». Хотя газета постоянно терпела убытки, помощь правых позволила Лонгу в 1935 г. довести ее тираж до 375 тыс. экземпляров. Еще в октябре 1933 г. вышла книга Лонга с демагогическим названием «Каждый человек — король!». На 343 страницах этой новой фашистской библии сенатор пытался доказать, что он «борется за права простого человека». Даже при ничтожной, по американским понятиям, цене — 1 доллар удалось продать всего лишь 20 тыс. книг, еще 70 тыс. экземпляров сторонники Лонга распространили бесплатно.

В том же направлении, что и Лонг, устремил свои усилия другой фашистский демагог — детройтский католический священник Ч. Кофлин. Его деятельность началась в годы кризиса и достигла кульминационного пункта в середине 30-х годов. Проповеди «святого отца», передававшиеся по радио из его церкви в штате Мичиган, по минимальным подсчетам, слушали 3,5 млн. человек. Кофлин поносил Уолл-стрит, интеллигентов, евреев, открыто выступал на стороне фашистских держав, стремился заславить американцев проникнутостью сочувствием к глобальной стратегии германского фашизма и методам реализации его программы. По словам министра юстиции в правительстве Рузвельта Ф. Биддла, Кофлин и «его бойцы из Христианского фронта и Христианских активистов придерживались тактики яростного антисемитизма, проповедовавшегося коричневорубашечниками Гитлера и СА»².

В начале 1935 г. Лонг и Кофлин заключили негласный союз. Зловещий «радиопоп» счел возможным поддержать кандидатуру сенатора, если она будет баллотироваться на президентских выборах 1936 г.³ Рузвельт, озабоченный деятельностью Лонга и его сторонников в ходе подготовки к президентским выборам, предпринял ряд контрмер. В частности, он отдал секретное указание расследовать деятельность организации Лонга, чтобы добыть компрометирующие его сведения. Федеральные власти вплотную занялись изучением коррупции в штате Луизиана. Они изобличили нескольких соратников Лонга в воровстве и предали их суду. В ответ на это Лонг объявил, что он будет драться с правительством Рузвельта до конца⁴.

Не оставалось сомнений, что Хью Лонг несет Соединенным Штатам фашизм. В публикациях компартии постоянно подчеркивалось, что Лонг — «олицетворение фашистской угрозы»; именно он, разъяснялось, например, в «Дейли уоркер» 12 и 15 марта 1935 г., выступает претендентом на роль

¹ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 458.

² F. Biddle. The Fear of Freedom. New York, 1971, p. 79.

³ T. Williams Huey Long New York, 1969, p. 801

⁴ L. Stiles. The Man Behind Roosevelt. Cleveland, 1954, p. 285.

американского Гитлера или Муссолини. Хотя Лонг, безусловно из тактических соображений, отвергал аналогии между ним и Гитлером, весь его образ действий свидетельствовал о противоположном.

В марте 1935 г. генерал Х. Джонсон, человек, близкий к Белому дому, резко выступая против союза Лонга и Кофлина, говорил: «Вы можете смеяться над отцом Кофлином, вы можете фыркать при имени Хью Лонга, но никогда наша страна не подвергалась большей опасности». По его словам, «великий демагог из Луизианы и политиканствующий падре» надеялись осуществить план, по которому «американский Гитлер во главе войск въедет в Вашингтон». Джонсон призывал своих соотечественников отвергнуть Лонга и Кофлина, сплотиться вокруг Ф. Рузвельта, ибо «в нем наша единственная надежда»¹.

До президентских выборов оставалось еще больше года, а избирательная кампания Лонга вступила в практическую стадию. Он не скупился на расходы. Помимо крупных поступлений от партийной машины штата Луизиана он получил тайные заверения от представителей ряда ведущих монополий и банков, что они предоставят в его фонд до 2 млн. долларов, а если потребуется — и больше с единственным условием — убрать Ф. Рузвельта из Белого дома².

В начале сентября 1935 г. Лонг приехал в штат Луизиана по политическим делам. Он провел ряд совещаний, а вечером 8 сентября отправился к губернатору штата. В коридоре приемной губернаторского дворца при неясных до сих пор обстоятельствах началась перестрелка, в ходе которой Лонг был убит.

Движение сторонников Лонга после его убийства фактически распалось. Хотя фашистские организации США не прекратили своей деятельности, ни один из их лидеров даже отдаленно не пользовался такой популярностью, как Лонг. Обнаглевшие бандиты из «Черного легиона» после ряда убийств были привлечены к ответственности; одиннадцать из них приговорили к пожизненному тюремному заключению³. Судебное преследование, конечно, коснулось далеко не всех виновных, но послужило определенным предостережением для распоясавшихся фашистов.

Фашистское движение в США не получило дальнейшего развития, потому что подавляющая часть правящих кругов страны оценила «новый курс» как наиболее эффективное средство сохранения капитализма в американских условиях. «Они понимали, — писал член Национального комитета компартии США Г. Грин, — что американский капитализм еще обладал обширными резервами, при помощи которых можно было выдержать бурю; он не находился в таком отчаянном положении, как германский капитализм... Капиталистические группировки, поощрявшие внутреннюю политику Рузвельта или по меньшей мере активно не выступавшие против нее, как правило, испытывали больший, чем другие, страх перед германским империализмом и требовали твердой политики по отношению к нему. Они даже благосклонно взирали на антифашистское движение как внутри страны, так и за границей, поскольку оно было направлено против германского империализма»⁴.

В результате маневрирования на путях «нового курса» администрации Ф. Рузвельта удалось снизить накал социального напряжения в Соединенных Штатах. В данной ситуации сползание к фашизму было просто не нужным для монополистов.

¹ Цит. по: A. Schlesinger. The Age of Roosevelt. Politics of Upheaval. Boston, 1960, p. 244—245.

² T. Williams. Huey Long, p. 844—845.

³ А. Кан. Измена родине, стр. 243.

⁴ Г. Грин. Забытый враг. Перевод с английского. М., 1958, стр. 164.

Сложные и противоречивые процессы, протекавшие во внутренней жизни США, влияли и на их внешнюю политику.

Правящие круги США знали, что германские монополисты в своих завоевательных планах зарятся и на Американский континент. Однако это не порождало беспокойства, потому что, во-первых, американский империализм считал гитлеровскую Германию опасной только для СССР, а во-вторых, в США бытовала уверенность, основанная на опыте первой мировой войны, что и новая мировая война не затронет территорию их страны, но зато позволит выйти из экономического кризиса и станет источником прибылей монополий. Монополии, не связанные с военным производством, опасались войны, ее социальных последствий.

Чтобы не ослабить свои позиции внутри США, Рузвельт и его окружение не хотели вступать в конфликт с теми американскими монополиями и банками, которые активно помогали подготовке Германии ко второй мировой войне. Хотя в речах американского президента нередко звучало опасение перед немецко-фашистской агрессией, однако необходимых реальных мер даже внутри страны (против фашистских организаций и монополий, связанных с германскими фирмами), а тем более в области внешней политики правительство США не предпринимало. Пресловутый «нейтралитет» по отношению к агрессорам, а на деле их поощрение, отражал суть политики тех американских монополий, влияние которых на правительство преобладало.

Идеологи американского империализма, освещая события предвоенных лет, стремятся обелить преступную политику поощрения фашистской агрессии «изоляционизмом масс». Д. Перкинс пишет, что именно по этой причине правительство США «не предпринимало больших усилий, чтобы направить свою европейскую политику по линии согласованных действий»¹.

У. Лэнжер и С. Глисон утверждают, что «преобладающим настроением было решительное противодействие не только любому вмешательству в конфликты за рубежом, но и участию в любых коллективных действиях для предотвращения или урегулирования таких конфликтов. За высокой стеной нейтралитета американский народ считал разумным спокойно работать для собственного блага, невзирая на все бури, которые могли разразиться в других местах»².

Существование таких настроений — безусловный исторический факт. Но исходили-то они как раз не от масс, а от правящих кругов и их пропаганды. Трудящиеся же США, по свидетельству У. Фостера, активно выступали против фашизма и вовсе не поддерживали фальшивого «изоляционизма» правящих кругов³.

Правительство Рузвельта проводило своеобразный «нейтралитет» и в отношении связей американского и германского монополистического капитала. Оно не противодействовало таким связям, а лозунг «защиты демократии против тоталитаризма» в определенной мере им способствовал⁴.

И хотя большая часть американских капиталов в германскую про-

¹ D. P e r k i n s. The New Age of Franklin Roosevelt. 1932—45. Chicago, 1957, p. 91.

² W. L a n g e r, S. G l e a s o n. The Challenge to Isolation. The World Crisis of 1937—1940 and American Foreign Policy. Vol. I. New York — Evanston — London, 1964, p. 51.

³ W. F o s t e r. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 320.

⁴ «Наш прямой и косвенный вклад в гитлеровскую военную машину, — писал американский исследователь, — продолжает оставаться важным фактором в борьбе за сохранение демократии» (J. T e n e n b a u m. American Investments and Business Interests in Germany, p. 4).

мышленность была вложена до прихода Гитлера к власти, их поступление продолжалось и после, вплоть до начала второй мировой войны.

Важную роль в укреплении отношений гитлеровской Германии с США сыграл Я. Шахт. Еще в феврале 1933 г. он убеждал поверенного в делах США в Берлине, что фашистский режим «не представляет никакой опасности для американского бизнеса в Германии»¹. Вскоре после своего назначения на пост президента рейхсбанка, что было воспринято международными монополиями положительно, Шахт в мае 1933 г. выехал в США для закрепления и расширения контактов между фашистскими лидерами Германии и правящими кругами Америки. В качестве эмиссара Гитлера и германских монополистов Шахт встретился с президентом Рузвельтом, членами правительства и заправилами Уолл-стрита. Шахт заверял своих собеседников, что «нет более демократического правительства в мире, чем правительство Гитлера», что фашистский режим «является лучшей формой демократии»², и добивался предоставления Германии новых американских займов. Отбывая из Нью-Йорка в Европу, Шахт заявил, что он вполне удовлетворен результатами своего визита.

Шахт способствовал также расширению связей гитлеровцев с монополистическими кругами других стран. В июне 1933 г., будучи членом германской делегации на международной экономической конференции в Лондоне, он вместе с идеологом фашистской партии Розенбергом принял участие в разработке так называемого «меморандума Гугенберга», при помощи которого гитлеровцы пытались запугать западные державы «опасностью большевизма» и выторговать для себя кредиты³.

После ряда маневров германское правительство шаг за шагом сокращало уплату платежей по займам, а в 1935 г. полностью приостановило выплату долгов. Так, с помощью американской и английской финансовой олигархии, заинтересованной в восстановлении военно-экономического потенциала фашистской Германии, гитлеровцы получили крупные суммы, которые они направили на вооружение.

Большую роль в координации усилий международной банковской олигархии в финансировании фашистского движения в Германии играл кёльнский банкир барон Шредер, связанный с нацистской партией. Он поддерживал тесные контакты с отделениями своей банковской фирмы в США и Англии. Все юридические формальности по займам, проходившие через банк Шредера, выполнялись в Америке адвокатской фирмой «Салливан энд Кромвэл», во главе которой стояли братья Джон Фостер Даллес, Аллен Даллес и другие.

Вскоре после установления фашистской диктатуры Германию посетили представители банковских объединений США Олдрич и Манн для обсуждения вопросов, связанных с финансированием вооружений Германии. Спустя несколько дней в беседе с американским послом в Берлине они заявили, что с Гитлером «можно иметь дело»⁴. В результате переговоров было достигнуто важное соглашение. Американские банки отсрочили получение с Германии платежей по ранее предоставленным кредитам. Они дали обязательство, что впредь все доходы с американских капиталов и имущества в Германии будут расходоваться исключительно внутри этой страны. Немецкие и американские банкиры договорились о самом важном — о том, что капитал США примет деятельное участие в перевооружении Германии либо путем строительства новых военных предприятий на ее территории, либо путем реконструкции уже имевшихся. Среди них

¹ FRUS. 1933, vol. II, p. 186.

² «New York Evening Post», May 5, 1933.

³ «The Evening Standard», July 6, 1933.

⁴ Ambassador Dodd's Diary 1933—1938. New York, 1941, p. 31.

были автомобильные заводы Форда в Кёльне и завод «Опель» в Рюссельгейме, в расширение которого вложила капиталы «Дженерал моторс», заводы американских компаний «Дженерал электрик» и «Интернэйшнл телефон энд телеграф корпорейшн» («ИТТ»); «Стандард ойл» построила в Гамбурге нефтеперегонный завод, по тому времени крупнейший в мире.

Из американских фирм и банков, активно способствовавших захвату гитлеровцами власти в Германии, а затем их военным приготовлениям, многие принадлежали сионистскому капиталу. Список банков и фирм, помогавших гитлеровской Германии, выглядит как справочник сионистского капитала США. Особую активность проявляли банкиры Лазар и Лимэн, связанные с германскими фирмами деловыми и родственными отношениями. Видный сионистский деятель Н. Гольдман, длительное время возглавлявший всемирный еврейский конгресс и всемирную сионистскую организацию, отмечает в автобиографии, что, когда некоторые еврейские организации США пытались организовать международный экономический бойкот Германии, сионистские фирмы, являясь контрагентами германских компаний, сорвали этот бойкот¹.

Помогали гитлеровцам и сионистские главари из других стран. Так, еще в 1929 г. амстердамский банкирский дом «Мендельсон и К°» перевел в распоряжение Гитлера 10 млн. долларов. В 1931 г. он же совместно с роттердамским банковским консорциумом и при посредстве римского коммерческого банка вручил главарию немецких фашистов еще 15 млн. долларов. Наконец, уже после прихода Гитлера к власти им было получено по тем же каналам 126 млн. долларов².

Большое значение для вооружения Германии и создания ее военной машины имели прямые вложения американского капитала в германскую промышленность. По официальным данным, прямые американские капиталовложения в германскую промышленность в 1930 г. составляли 216,5 млн. долларов. В Германии имелось до 60 филиалов американских концернов³. Сенатор Килгор говорил в 1943 г.: «Огромные суммы американских денег шли за границу на строительство заводов, которые теперь являются несчастьем для нашего существования и постоянной помехой для наших военных усилий»⁴. Килгор имел все основания сделать такое заявление, поскольку сенатская комиссия, возглавляемая им, определила сумму американских капиталовложений в Германии в 1 млрд. долларов. Комиссия Килгора установила также, что только часть американских компаний владела столь большой долей акционерных капиталов, которая позволяла контролировать 278 немецких акционерных обществ. Это показывает, насколько за годы гитлеровской диктатуры укрепились связи американских и германских монополистов и сколь велика была роль капитала США не только в воссоздании, но и в дальнейшем развитии военно-промышленного потенциала фашистской Германии.

Американские капиталовложения были направлены в первую очередь в машиностроительную, автомобильную, электротехническую, авиационную, нефтяную, химическую и прочие отрасли промышленности военного значения. Монополии США помогали Германии не бескорыстно. Их капиталовложения давали большие прибыли.

Большинство картельных соглашений между американскими и немецкими фирмами были заключены в 1926—1929 гг., в период осуществления «плана Дауэса».

¹ The Autobiography of Nahum Goldmann Sixty Years of Jewish Life. New York, 1969, p. 153

² «Einheit», 1949, № 1, S. 74

³ J. T e n e n b a u m. American Investments and Business Interests in Germany, p. 7.

⁴ Congressional Record. Vol. 89. Pt. 7. Washington, 1943, p. 9015.

Особенно большую роль в подготовке войны сыграли картельные связи концернов металлургической промышленности. Еще в 1926 г. был создан международный стальной картель, в который вошли металлургические магнаты Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Саара. Организатором картеля был Э. Пенсен — глава концерна «Стальной трест»¹.

Позже круг участников картеля расширился. В него вошли главные производители стали в Австрии, Польше, Чехословакии, Англии и США, крупнейшие американские компании по производству стали «Юнайтед Стейтс стил», «Бетлехем стил» и «Рипаблик стил». Картель стал давать около 90 процентов чугуна и стали, поступавших на мировой рынок. Руководящая роль в картеле принадлежала немецким монополиям, в частности «Стальному тресту». Гитлеровцы высоко ценили заслуги Пенса в вооружении Германии.

В 1929 г. было заключено соглашение между американским нефтяным трестом «Стандард ойл» и германским химическим концерном «ИГ Фарбениндустри», сыгравшее важнейшую роль в подготовке гитлеровской Германии к мировой войне. Концерн «ИГ Фарбениндустри» получил от «Стандард ойл» свыше 60 млн. долларов для разработки технологии производства синтетического горючего в промышленных размерах². С приходом фашистов к власти связи монополий США и Германии стали еще более тесными.

При активной помощи американских фирм немецкие империалисты организовали в широких масштабах ввоз оружия из-за границы. Только за восемь месяцев 1934 г. американская авиационная фирма «Эйркрафт корпорейшн» увеличила экспорт своей продукции в Германию по сравнению с 1933 г. в 6,4 раза. Кроме «Эйркрафт корпорейшн» поставками самолетов занимались и другие американские фирмы. Компания «Юнайтед эйркрафт транспорт» ввозила части для постройки самолетов, фирма «Сперри жирокоп компани» — авиационную радиоаппаратуру. В широких масштабах направляли в Германию свою продукцию — в основном моторы и самолеты — американские компании «Кертисс райт», «Америкэн эйркрафт» и другие.

Особое значение для Германии имело предоставление ей американскими фирмами патентов на новейшие изобретения в области авиации. Фирма «Пратт энд Уитни» заключила с германской компанией «Байерише мотор верке» договор о передаче Германии патента на авиадвигатели с воздушным охлаждением. Свои патенты на военные самолеты передала немецкой фирме американская компания «Юнайтед эйркрафт экспорт». Продала Германии патент на новый самолет крупнейшая американская компания «Дуглас».

В феврале 1933 г. американский химический трест Дюпона заключил соглашение с «ИГ Фарбениндустри» о продаже взрывчатых веществ и боеприпасов, которые направлялись в Германию через Голландию.

Уже в 1934 г. поставки оружия из США в Германию приняли такие размеры, что ими заинтересовалась сенатская комиссия по расследованию деятельности военных предприятий. Комиссия установила, что между американскими и немецкими фирмами существует множество секретных соглашений о взаимной информации и обмене патентами в области вооружения. Член комиссии сенатор Кларк заявил: «Если бы Германия проявила завтра активность в военном смысле, она оказалась бы более мощной благодаря патентам и техническому опыту, переданным ей американскими фирмами».

¹ Д. М а р т и н. Братство бизнеса, стр. 66, 69.

² G R e i m a n n Patents for Hitler New York, 1949, p 58.

В 1940 г. морской министр США Фрэнк Нокс признал, что «в 1934 и 1935 гг. Гитлеру поставлялись сотни первоклассных авиационных моторов, изготовляемых в США», а сенатская комиссия в том же 1940 г. пришла к выводу, что «американские промышленники с согласия правительства США свободно продавали германскому правительству патенты и права на конструирование моторов...»¹.

«Стандард ойл» взял на себя финансирование строительства новых заводов синтетического горючего в Германии². О размахе финансирования можно судить по заявлению американского коммерческого атташе в Берлине, который в декабре 1935 г. в официальной беседе отметил, что «по истечении двух лет Германия будет производить нефть и газ из каменного угля в количестве, достаточном для длительной войны. «Стандард ойл» предоставил ей для этого миллионы долларов»³.

Трест «Стандард ойл» не только активно помогал налаживать производство синтетического бензина, но и расходовал крупные суммы на разведку и организацию добычи нефти в Германии⁴. Тресту принадлежало более половины капитала нефтяной компании, в собственности которой находилось более трети всех бензозаправочных станций. Германо-американская нефтяная компания владела нефтеперерабатывающими заводами, заводами минеральных масел. Когда началась мировая война, заводы по гидрогенизации угля имелись в Германии и Японии. Но их не было в США.

В 1935 г. вскоре после разрыва Гитлером военных статей Версальского договора и введения в Германии всеобщей воинской повинности американская компания «Этил газолин корпорейшн» передала с разрешения американского правительства патент, которым она владела монопольно, на производство тетраэтилсвинца — антидетонационной присадки в бензин. В одном из секретных документов, ставших известными после войны, эксперты «ИГ Фарбениндустри» следующим образом оценивали значение помощи американской фирмы: «Нет необходимости подчеркивать, что без тетраэтилсвинца современная война немыслима. Мы же с начала войны были в состоянии производить тетраэтилсвинец исключительно потому, что незадолго до этого американцы построили для нас завод, подготовили его к эксплуатации и передали нам необходимый опыт»⁵. Столь же велика была помощь американского капитала и в разработке способов производства синтетического каучука.

В лабораториях «Джаско» и на ее опытном заводе в Батон-Руж (штат Луизиана) была разработана технология массового производства каучука «буна». Право собственности на этот патент перешло к германскому тресту. «Стандард ойл» разработал способ получения и технологию производства нового вида каучука — бутилового, более высокого по качеству, чем «буна».

Американские монополии помогали фашистской Германии и в производстве алюминия, магния, никеля, карбид-вольфрама, бериллия и других стратегических материалов.

В 1935 г. германское производство легких и цветных металлов уже превосходило французское и канадское в четыре раза, британское и норвежское — в шесть раз, на 16 тыс. тонн превышало американскую выработку⁶.

¹ Цит. по: Г. Мейер. Неизбежна ли гибель Америки? Перевод с английского. М., 1950, стр. 39.

² А. Норден. Уроки германской истории. Перевод с немецкого. М., 1948, стр. 176.

³ Ambassador Dodd's Diary 1933—1938, p. 292.

⁴ I b i d., p. 357—358.

⁵ «The New York Times», October 9, 1945.

⁶ G. R e i m a n n. Patents for Hitler, p. 203.

Для успешной подготовки войны гитлеровцы считали крайне необходимым ослабить зависимость Германии от ввоза железной руды. В Германии имелось несколько железорудных месторождений с 20—25-процентным содержанием железа. Разработка таких бедных руд считалась нерентабельной. Тем не менее на базе этих месторождений началось строительство трех заводов с годовым производством стали 6 млн. тонн, что составляло треть всей выплавки стали в Германии. Официально работы производились концерном Германа Геринга, но в действительности их выполняла специально созданная американская фирма «Р. Брассерт». «Эта компания,— пишет английский экономист Н. Мюлен,— до того почти неизвестная в Германии... оказалась тесно связанной с «автаркией» рейха в области снабжения его железной рудой — одним из главных элементов экономической независимости в производстве вооружений»¹. Фирма «Р. Брассерт» была только филиалом крупной чикагской фирмы Брассерта, сотрудничавшей с американским трестом Моргана.

По условиям картельных соглашений американские фирмы должны были информировать своих немецких партнеров о всех интересующих их технических новинках. Так, фирма «Бауш энд Ломб» охотно предоставляла Цейсу военные секреты США и лишь просила хранить все сведения в тайне².

Крупную роль, которую играли американские монополии в подготовке Германии к войне, подтвердил впоследствии не кто иной, как Я. Шахт, являвшийся правой рукой Гитлера в вопросах финансирования военного производства. Находясь в своей камере во время Нюрнбергского процесса, Шахт рассмеялся, услышав, что немецким промышленникам будет предъявлено обвинение в вооружении «третьего рейха». «Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии,— сказал он американскому офицеру,— то вы должны будете судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежавшие «Дженерал моторс», работали только на войну»³.

Тесные связи банкирского дома Моргана с немецкими фашистами были установлены через находившуюся под его полным контролем международную телефонно-телеграфную корпорацию — «ИТТ».

Вскоре после фашистского переворота в Германии председатель правления «ИТТ» был принят Гитлером. В результате беседы во главе всех трех немецких фирм, принадлежавших «ИТТ», был поставлен агент Риббентропа Г. Вестрик, который назначил на руководящие посты в правлениях фирм и на предприятиях главарей СС и других видных гитлеровцев⁴.

Если через «ИТТ» дом Моргана установил контроль над многими предприятиями, производившими телеграфную и телефонную аппаратуру, а также над радиопромышленностью Германии и протянул щупальца к самолетостроению, то через другую крупную американскую фирму — «Дженерал электрик» он имел тесные связи с электропромышленностью Германии.

За годы фашистской диктатуры «Дженерал электрик» добилась полного контроля над «Альгемайне электрицитетс гезельшафт» (АЭГ) — крупнейшим германским электротехническим концерном с капиталом 120 млн. марок. Через АЭГ фирма «Дженерал электрик» приобрела косвенный контроль над значительной частью электропромышленности Германии, в том

¹ N. M ü h l e n. Hitler's Magician: Schacht. London, 1939, p. 191.

² Economic and Political Aspects of International Cartels. A Study Made for the Subcommittee on War Mobilization of the Committee on Military Affairs. United States Senate. Washington, 1944, p. 57.

³ А. Н о р д е н. Уроки германской истории, стр. 174.

⁴ Д. М а р т и н. Братство бизнеса, стр. 255, 256.

числе и над известным электроконцерном Сименса, компанией электроламп «Осрам» и т. п.¹.

Так, несмотря на то что фашизм в пределах США потерпел поражение, часть американских монополий придерживалась политики содействия вооружению гитлеровской Германии. На них лежит большая доля ответственности за то развитие событий, которое привело к мировой войне.

3. Внешнеполитическая поддержка агрессивного курса Германии правящими кругами Англии, США и Франции

Тактика гитлеровцев в области внешней политики состояла в том, чтобы не допустить создания системы коллективной безопасности народов, за которую последовательно боролось правительство СССР, поддерживаемое рядом государственных деятелей капиталистических стран. Такая тактика встретила понимание и поддержку в правящих кругах США и Англии, влиятельными были ее приверженцы и во Франции.

С приходом к власти в Германии гитлеровцев правительства западных держав увидели новую возможность для внешнеполитической изоляции Советского Союза путем создания блока крупных империалистических держав, включая фашистскую Германию. Этот курс нашел отражение в «пакте четырех». Инициатором пакта выступил фашистский диктатор Италии Муссолини, поддержанный премьер-министром Англии Макдональдом и министром иностранных дел Саймоном. В марте 1933 г. итальянский посол в Берлине вручил министру иностранных дел Германии Нейрату проект пакта. Гитлеровское правительство восприняло его с энтузиазмом. После длительных переговоров, во время которых были учтены пожелания фашистской Германии, «пакт четырех» (пакт согласия и сотрудничества Англии, Франции, Германии и Италии) был подписан в Риме 15 июля 1933 г.

Под дымовой завесой сотрудничества «в целях поддержания мира» четыре империалистические державы договаривались об установлении на антисоветской основе своего диктата в Европе, о сотрудничестве в политических и во всех других вопросах. В частности, пакт предусматривал ревизию версальской системы мирных договоров, признание за Германией равенства прав в вооружении, сотрудничество в европейских и внеевропейских вопросах, в том числе и колониальном². Поистине это было щедрым подарком Гитлеру, значительно укрепившим позиции фашистской Германии на международной арене. Пакт означал сговор правительств Англии и Франции с фашистскими правительствами Германии и Италии, отказ от коллективного отпора агрессорам и был направлен на отстранение Советского Союза, активно боровшегося за обуздание поджигателей войны, от участия в решении вопросов европейской политики. Большую угрозу пакт представлял для малых государств Юго-Восточной и Центральной Европы, находившихся в союзных отношениях с Францией.

«Пакт четырех» получил также одобрение и поддержку в правящих кругах США. 9 июня 1933 г. в правительственном заявлении он характеризовался как «доброе предзнаменование»³.

Правительства Англии и Франции считали, что «пакт четырех» приведет к исполнению их давнишнего желания — создать в Европе директо-

¹ J. T e n e n b a u m. American Investments and Business Interests in Germany, p. 24, 25.

² Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. VI. М., 1934, стр. 10—11.

³ Roosevelt's Foreign Policy 1933—1941. Franklin D. Roosevelt's Unedited Speeches and Messages. New York, 1942, p. 22.

рию четырех держав (во главе с англо-французским блоком) и повернуть германскую военную машину на восток.

Однако «пакт четырех» не разрешал империалистических противоречий, особенно франко-германских. Он не устранял заинтересованности Франции в сохранении версальской системы. Серьезные опасения вызвал пакт в странах Малой Антанты и Польше. Еще в марте 1933 г. конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты выступила против проекта «пакта четырех».

Исчерпывающая политическая оценка пакта и его неизбежных последствий была дана Советским Союзом¹. Разоблачение подлинного смысла пакта привело к тому, что он не был ратифицирован Францией. Однако, хотя формально «пакт четырех» и не вступил в силу, он оказал пагубное влияние на последующее развитие международных событий. Пакт способствовал подрыву системы французских союзов в Европе и росту капитулянтских и прогерманских настроений в правящих кругах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он сыграл свою роль и в том, что поощрил реализацию гитлеровцами программы милитаризации страны и подготовки агрессивной войны.

Установление фашистского режима в Германии было положительно встречено Ватиканом. По его указанию фракция католической партии центра в рейхстаге в марте 1933 г. проголосовала за Гитлера, а затем объявила о самороспуске. Кстати, одним из первых успехов гитлеровской дипломатии стало соглашение (конкордат), заключенное с Ватиканом 20 июля 1933 г. от имени Гитлера фашистским дипломатом и международным разведчиком Папеном. Католическая церковь получала официальную защиту и поддержку со стороны гитлеровского правительства. В свою очередь католические священники включались в систему «духовного воспитания» немецкого народа и вермахта в соответствии с шовинистической программой нацизма. Конкордат был первым открытым международным признанием фашистского террористического режима в Германии.

Борьба против Советского Союза, мирового революционного и демократического движения служила основой сговора двух наиболее реакционных сил мира — германского фашизма и Ватикана. В беседе с секретарем папы кардиналом Пачелли² Папен говорил, что «теперь германское правительство имеет во главе человека, являющегося бескомпромиссным противником коммунизма и русского нигилизма во всех его формах»³.

Большую роль в дипломатической подготовке второй мировой войны, в подрыве безопасности народов Европы имел также заключенный гитлеровцами договор о ненападении с правящей кликой буржуазно-помещичьей Польши.

К моменту установления фашистской диктатуры германо-польские отношения достигли крайней остроты. В течение всего периода Веймарской республики не прекращались польско-германские таможенные конфликты.

По Версальскому договору (статья 87) значительная часть польских западных земель осталась за Германией. Правительства США, Англии и Франции, не желая удовлетворить законные требования Польши о выходе к морю, создали так называемый «польский коридор», который использовался провокаторами войны как источник постоянных конфликтов между Германией и Польшей. Старинный польский город Гданьск (Дан-

¹ «Известия», 27 марта 1933 г.

² Кардинал Пачелли — в 20-х годах папский нунций в Мюнхене и Берлине. Был тесно связан с лидером католической партии центра — Брюнингом и реакционными кругами германской буржуазии. Избранный в 1934 г. на папский престол под именем Пия XII, поддерживал агрессивную политику фашистских государств.

³ F. P a p e n. Memoirs. London, 1952, p. 279.

циг), контролирующий устье Вислы, был объявлен «вольным городом» под эгидой Лиги наций. Границы Польши на западе, северо-западе и севере были определены так, что Польша оказалась в стратегическом отношении в германских клещах. Восточная Пруссия — очаг германского милитаризма и агрессии — нависала над Польшей. Более 700 тыс. немцев, оставшихся на территории Польши, использовались германскими империалистами для всевозможных провокаций. Лига наций почти на каждом своем заседании занималась рассмотрением жалоб Германии на положение немецкого национального меньшинства в Польше.

Империалистическая Германия никогда не желала гарантировать западные границы Польши. Германские империалисты рассматривали польское государство как временное и называли его «Saisonstaat» («государство на сезон»). В каннибальских гитлеровских планах «дранг нах Остен» одно из первых мест (вслед за Австрией и Чехословакией) отводилось планам агрессии против Польши.

В первых выступлениях после захвата власти главари фашистской Германии продолжали требовать отторжения польских территорий. 12 февраля 1933 г. Гитлер говорил, что вопрос о «польском коридоре» должен быть вскоре разрешен. В том же году он потребовал передачи Германии Данцига и «польского коридора». С помощью гитлеровцев данцигские фашисты захватили большинство в сенате «вольного города», и гаулейтер Форстер стал президентом сената.

Гитлер устроил помпезную демонстрацию в начале 1933 г. у гробницы Фридриха II, инициатора раздела Польши, говорившего, что ее надо «обдирать», как кочан капусты, «лист за листом, город за городом».

Германо-польские противоречия широко использовались империалистическими кругами США, Англии и Франции в своих закулисных комбинациях. Вскоре в американской и английской прессе появились статьи, а в США вышла книга «Кипящий котел», где настойчиво пропагандировалась мысль о целесообразности передачи «польского коридора» Германии взамен присоединения к Польше литовской Клайпеды. Постоянные связи издателя ряда английских газет лорда Ротермира с немецкими центрами пропаганды и его деятельность в пользу передачи Германии Поморья, Верхней Силезии, Данцига и «польского коридора»¹ поощряли реваншистские притязания германского империализма.

Гитлеровцы старались создать видимость изменения своей политики в отношении Польши. Они прибегли к обманному методу: усыпить бдительность жертвы, чтобы использовать ее, насколько возможно, в своих агрессивных целях, а затем напасть на нее.

Поворот в политике гитлеровцев в отношении Польши соответствовал планам польской реакции. Хотя захват власти фашистами в Германии и поощрение германской агрессии империалистами Англии и Франции, что особенно подтверждалось подписанием «пакта четырех», создавали большую угрозу для Польши, антинародная правящая клика Польши решила использовать новую обстановку в своих узкоклассовых интересах.

С захватом власти гитлеровцами в Германии буржуазное правительство Польши связывало большие надежды. Оно считало, что наступил долгожданный час совместного с Германией похода против Советского Союза. Поэтому правящая клика Польши очертя голову бросилась в объятия гитлеровской Германии.

2 мая 1933 г. Гитлер в беседе с польским послом Высоцким, а затем 15 ноября при встрече с новым послом Липским говорил о желании Германии установить «дружественные» отношения с Польшей. Играя на антисоветских устремлениях правящих кругов Польши, Гитлер, повто-

¹ F. B e r n a ś, L. M e i s s n e r. Płonąca granica. Warszawa, 1961, str. 112.

рая слова Черчилля и Клемансо, заявил, что Польша является форпостом Европы против Азии, «стражем Запада против проникновения коммунизма с Востока»¹.

Вскоре было опубликовано сообщение о прекращении германо-польской таможенной войны и подписано германо-польское экономическое соглашение, чрезвычайно выгодное для Германии. Его подписание состоялось в день, когда Германия заявила о выходе из Лиги наций. В Женеве польский министр иностранных дел Ю. Бек продолжал закулисные переговоры с представителями фашистской Германии.

Завершил сделку германо-польский пакт (сроком на 10 лет) от 26 января 1934 г. с официальным названием «Декларация о неприменении силы между Польшей и Германией». Оба правительства заявили о своем желании «открыть новую эпоху в политических отношениях между Польшей и Германией», обязались «ни в коем случае не прибегать к применению силы с целью разрешения спорных вопросов».

Германо-польский пакт был подготовлен всей предшествующей антисоветской политикой правительств Польши, Англии, Франции и США, поощрявших Германию к нападению на Советский Союз. Пакт стал одним из серьезных этапов на пути ко второй мировой войне. Уже сам факт подписания договора был выгоден германским империалистам. В нем даже не упоминалось о признании Германией незыблемости своих восточных границ, что обеспечивало ей возможность дальнейших провокаций против Чехословакии и самой Польши. Пакт укреплял внутреннее и международное положение германского фашизма. Объявляя о прекращении затянувшегося германо-польского конфликта, он помогал гитлеровцам создать ложное впечатление о своих мирных устремлениях и тем самым ввести в заблуждение и ослабить бдительность народов. Он сводил на нет франко-польский союз, ослаблял позиции Франции, особенно в Восточной Европе, наносил еще один удар по ее системе военно-политических союзов².

Пакт нанес серьезный урон идее коллективной безопасности в Европе, помог Гитлеру расстроить ряды ее сторонников. Германия приобрела в лице правительства Польши союзника, которого использовала в своих агрессивных целях для подрыва конференции по разоружению и Лиги наций, для срыва мероприятия, выдвигаемых Советским Союзом по сохранению мира и созданию системы коллективной безопасности, для планирования войны против СССР. В своих подрывных действиях в Европе гитлеровцы широко использовали пилсудчика Ю. Бека. Западногерманские историки пишут, что пакт с Польшей «оправдался для Гитлера четыре года спустя, сыграв свою роль в его мероприятиях против Австрии и Чехословакии»³.

Советский Союз еще в январе 1934 г. указывал на опасность германо-польского пакта как для самой Польши, так и для мира в Европе. Газета «Известия» от 29 ноября 1934 г. предупреждала, что пакт подрывает союз Польши с другими странами и оставляет «изолированную Польшу лицом к лицу с фашистской Германией. Будет ли тогда договор о ненападении достаточной основой для мирных отношений обеих стран? Не встанет ли тогда снова вопрос о польско-германской границе и вообще о польско-германских отношениях, и уже не только в дипломатической плоскости?»

Однако польское правительство не вняло этим вполне обоснованным предостережениям. Пренебрегая коренными национальными интересами

¹ Цит. по В. Ф. О м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе, стр. 160.

² Как отмечал Э. Бенеш, одна из главных целей пакта состояла в том, чтобы повергнуть наземь всю французскую систему союзов (E. B e n e š. Paměti Od Mnichova k nové valce a k novému vítězství. Praha 1947, str. 16).

³ Н. М а u, Н. К r a u s n i c k. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945. Tübingen — Stuttgart, 1953, S. 78.

польского народа и государства, правящая клика буржуазно-помещичьей Польши рассматривала пакт с фашистской Германией как решающее событие в подготовке войны против Советского Союза.

В январе 1934 г. польский посол в Германии Липский, подписавший от имени своего правительства германо-польский пакт, говорил французскому дипломату Роша, что теперь «никогда не будет и речи о каком-либо восточном Локарно. Мы предупреждаем об этом Москву. Отныне германская экспансия меняет направление и цель. Мы спокойны. Судьба Австрии и Богемии не интересует более Польшу...»¹. Реакционный журналист Мацкевич признал, что польская правящая клика рассматривала это соглашение в первую очередь как антисоветский акт. «Договор Гитлера с Польшей от 26 января 1934 г., — писал он, — являлся началом осуществления германского похода против Советского Союза при активном участии Польши, при нейтралитете Англии и Франции»².

Польские фашистские публицисты-эмигранты после войны пытались утверждать, что в сложившейся международной обстановке 1934 г. в условиях, когда Англия и Франция подписали «пакт четырех» с Германией и Италией, польскому правительству будто не оставалось иного выхода, как заключить пакт с Гитлером. Будучи врагами Советского государства, они сознательно замалчивают о другой возможности — сближения с СССР, что действительно гарантировало бы безопасность Польши. Подписанный еще 25 июля 1932 г., польско-советский пакт о ненападении мог стать действительной гарантией независимости Польши. Советский Союз настойчиво добивался установления дружественных отношений с Польшей, вносил ряд конкретных предложений, но все его добрые намерения наталкивались на глухую стену антисоветизма.

Для того чтобы еще больше вовлечь Польшу в антисоветские акции и использовать ее для подрыва безопасности в Европе, гитлеровцы сулили польскому правительству территориальные приобретения, особенно за счет Советского Союза. Во время частых поездок лидеров фашистской Германии в Польшу обсуждались планы совместной войны против Советского Союза. Гитлеровцы знали, что предложения совместной войны против СССР вызовут одобрение со стороны правящей клики Польши.

Наиболее полно и откровенно планы войны против СССР обсуждались во время визитов Геринга в Польшу в 1935 г. на так называемую «охоту» в Беловежскую пущу. Суть этих переговоров изложена в официальной записке тогдашнего заместителя министра иностранных дел Польши графа Шембека.

«Сегодня обсуждал с господином Липским вопрос о визите Геринга в Польшу, — пишет Шембек. — Посол утверждал, что во время бесед в Беловеже и в Варшаве Геринг был весьма откровенен. Особенно в беседе с генералами, когда он наметил в общих чертах далеко идущие планы, намекнув об антирусском союзе и совместном нападении на Россию. Геринг давал понять, что при этих условиях Украина стала бы польской сферой влияния, а Северо-Западная Россия — германской»³.

С фашистским диктатором Пилсудским и президентом Мосьцицким Геринг имел еще более откровенный разговор. Он предложил Пилсудскому принять на себя общее командование объединенными германо-польскими силами в войне против СССР. Предложение было встречено с восторгом.

¹ Цит. по: Ж. Т а б у и. Двадцать лет дипломатической борьбы. Перевод с французского. М., 1960, стр. 222.

² Z. M a c k i e w i c z (Cat). Polityka J. Becka. London, 1946, str. 125.

³ Republic of Poland Ministry for Foreign Affairs. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933—1939. London — Melbourne, S. a., p. 26.

Таким образом, вопрос о совместной войне против Советского Союза был основой германо-польского союза и служил той приманкой, с помощью которой Гитлеру удавалось использовать польскую правящую клику в своих целях. Правительство Польши послушно следовало в фарватере политики гитлеровской Германии и часто даже опережало ее в подрыве мира и безопасности народов Европы.

Именно по тому, что польско-германская сделка наносила сильный удар по планам организации европейской безопасности, она вызвала одобрение в правящих кругах США, Англии и даже Франции, которые увидели в польско-германском пакте продолжение их собственных планов возрождения германского милитаризма и поощрения антисоветской политики Германии. Польский посол в США Соколовский доносил в Варшаву о том, что помощник государственного секретаря Филиппс выразил большой интерес и удовлетворение развитием германо-польских отношений¹.

Правящие круги Англии также подталкивали Польшу к сделке с гитлеровской Германией. Советник польского посольства в Лондоне Вселаксия сообщал о своей беседе 11 декабря 1933 г. с двумя директорами департаментов МИД Англии — Виграмом и Коллиером, которые заявили ему об идентичности целей внешней политики Англии и Польши, о том, что Форин оффис (министерство иностранных дел Великобритании) «очень хорошо проинформирован» о польско-германских переговорах и что правительство Англии согласно оказать давление на Литву с целью ее «объединения с Польшей»².

Когда же пакт был подписан, министр иностранных дел Великобритании Саймон просил польского посла Скимунга передать польскому правительству от себя лично и от правительства благодарность по этому поводу. Он сказал также, что поручил послу в Берлине принести Гитлеру поздравление британского правительства³.

Несмотря на то, что германо-польский пакт создавал брешь в системе французских союзов в Европе, крайне правые круги Франции, однако, восприняли германо-польскую сделку с одобрением и рассматривали ее как пример, которому должна следовать Франция. Польский посол в Париже Хлаповский сообщал 25 ноября 1933 г., что «Кэ д'Орсе (так именуют министерство иностранных дел Франции по названию набережной, на которой оно расположено — *Ред*) довольно итогом немецко-польского примирения и выражает недовольство только тем, что не было проинформировано о подготовке заключительной фазы переговоров»⁴.

С одобрением был встречен германо-польский пакт также реакционными силами других стран капиталистического мира. Они увидели в нем прототип будущей организации международных отношений в Европе, альтернативу политике мира и борьбы за создание системы коллективной безопасности, предлагаемой прогрессивными силами во главе с Советским Союзом.

В связи с тем, что в правящих кругах западных держав все более брали верх капиталистские элементы, гитлеровцы решили использовать обстановку для дальнейшего подрыва версальской системы, и в частности для присоединения Саара. И это понятно. Для гитлеровских планов перевооружения страны Саарская область с ее развитой угольно-металлургической базой имела важное значение.

¹ Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел СССР (далее — ИДА), ф. 15, оп. 1, д. 93, лл. 81—82.

² ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 112, л. 19.

³ Там же, л. 26, Д. Климовский. Зловещий пакт. Минск, 1968, стр. 79—80.

⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 93, л. 118.

Путем обмана, шантажа и террора гитлеровцы стремились убедить безработных Саарской области в том, что они будут обеспечены работой в Германии. Печать, радио, кино, театры, массовые зрелища, витрины магазинов — все было использовано для агитации за присоединение Саара к Германии. На результаты саарского плебисцита повлияла позиция церковников, призывавших голосовать за фашистскую Германию.

В день плебисцита, 13 января 1935 г., у избирательных урн дежурили вооруженные гестаповцы. Гитлеровская агитация, террор, а также благосклонная позиция Англии и Франции обеспечили исход плебисцита в пользу Германии. 1 марта Саарская область была присоединена к рейху. Это был крупный внешнеполитический успех гитлеровцев, достигнутый при содействии правительств Англии и Франции. Присоединение Саарской области — важного стратегического пункта на границе с Францией — усиливало военно-экономический потенциал Германии и способствовало укреплению фашистского режима. Фашистская пропаганда стала еще более открыто требовать возвращения Германии других территории и ревизии границ, установленных Версальским договором.

Требования нацистов о равенстве в вооружениях были поддержаны монополиями и правительствами ряда империалистических держав.¹ В целях легализации германских вооружений международной империалистической реакцией была использована Женевская конференция по разоружению, возобновившая свою работу в феврале 1932 г. Ее участники отвергли конструктивные предложения советской делегации о всеобщем разоружении.²

Особенно неблагоприятную роль играло английское правительство. Именно по его инициативе еще в декабре 1932 г. на совещании пяти держав (Великобритания, Франция, Италия, США, Германия), созванном в Женеве, было достигнуто соглашение о том, что Германии будет предоставлено «право равенства (на вооружение — *Red*) в системе, которая обеспечит безопасность всех наций».³ Соглашение фактически освободило Германию от соблюдения Версальского договора.

Некоторые историки отмечают, что даже в начале 30-х годов, когда Франция была более сильной, чем Германия, военной державой, ее государственные деятели не хотели полностью противиться влиянию английской политики. Из-за боязни восстановить против себя Англию Франция не только пассивно наблюдала за перевооружением Германии, но в декабре 1932 г. Эррио под давлением Макдональда предоставил Германии равноправие в вооружении, а в 1933 г. Даладье парафировал задуманный Макдональдом и Муссолини пакт четырех держав, который даже Рейно называл «первым актом умиротворения».⁴

Весной 1933 г. английское правительство внесло на конференцию по разоружению так называемый «план Макдональда», предусматривавший увеличение германской армии со 100 тыс. до 200 тыс. человек с краткосрочной службой солдат (до восьми месяцев). План был поддержан также и американским правительством. Чувствуя попустительство западных

¹ Монополии, как правило, даже опережали правительство. Когда Германия только начинала перевооружаться и французское правительство еще оспаривало ее требование на перевооружение, одна из крупнейших французских фирм производителей оружия продала гитлеровскому правительству 400 танков новейших образцов. Чтобы обмануть общественность, танки были отправлены в Германию морем через Голландию (H. Engelbrecht F. Hanighen Merchants of Death A Study of the International Armament Industry New York 1934 p. 244).

² Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. IV. М. 1933, стр. 49—57, 59.

³ DBFP Second series, vol IV, p. 377.

⁴ A. F. F. The Diplomacy of Appeasement Anglo French Relations and the Prelude to World War II 1931—1938. Washington, 1960, p. 390.

держав, Германия увеличивала свои требования, затем, ссылаясь на отказ Лиги наций признать за ней равное право на вооружение, 14 октября 1933 г. объявила о выходе из Лиги наций и об уходе с конференции по разоружению.

Новый шаг по пути легализации германских вооружений правительствами западных держав был сделан во время франко-английских переговоров в начале февраля 1935 г. В официальном коммюнике об итогах переговоров выдвигалось предложение о необходимости сотрудничества с Германией и заключения ряда соглашений, среди которых важнейшим явилась западная воздушная конвенция («воздушное Локарно») с участием Англии, Франции, Германии, Италии и Бельгии.

Убедившись, что западные державы согласны на легализацию германских вооружений, гитлеровцы 10 марта 1935 г. открыто объявили о создании военно-воздушного флота Германии. Но и это нарушение Версальского договора не обеспокоило правительства Англии и Франции.

Одностороннее расторжение Германией военных статей Версальского договора означало нарушение одной из важнейших основ послевоенного мирного урегулирования. Германия провозглашала, что она переходит к ускоренным темпам перевооружения, к подготовке войны. Такой акт наносил удар по безопасности народов Европы. Однако западные страны не оказывали противодействия.

Нота английского правительства от 18 марта 1935 г. содержала лишь призрачный намек на протест. Одновременно английское правительство сообщало, что оно не откладывает визит Саймона в Германию. Как признает бывший советник германского посольства в Лондоне Е. Кордт, «отсюда Гитлер заключил, что с английской стороны не следует ждать более серьезного противодействия»¹.

Правительство Франции, которое было более чувствительно к перевооружению Германии, предложило передать вопрос на рассмотрение Лиги наций.

Усилия гитлеровцев получали таким образом все большую поддержку со стороны реакционных кругов Англии, которые направляли британскую внешнюю политику. Как говорил Риббентроп на Нюрнбергском процессе, Гитлер исходил из того, что, «учитывая изменившееся положение в Европе и быстрое усиление России, Англия теперь хочет видеть сильную Германию».

Получив санкцию на неограниченное вооружение со стороны крупнейшей европейской державы — Великобритании и опираясь на помощь американских монополий, фашистская Германия считала возможным начать реализацию своих агрессивных планов.

Немало буржуазных ученых задают вопрос: «Как это могло случиться?» Они имеют при этом в виду помощь США, Англии и Франции гитлеровской Германии. Американский историк Е. Беннетт пишет: «Теперь мы имеем документальные свидетельства германских архивов, которые показывают безоговорочное стремление правительства (Гитлера.— *Ред.*) изменить существующий порядок. Однако союзники имели доказательства этого уже и тогда — в донесениях атташе, в речах в рейхстаге, в германской прессе. Дело было не в отсутствии доказательств, а скорее в неумении осознать их важность»².

Неумение или нежелание? Ошибка или преступление? Давно сказано: лучший судья — время. Опыт истории, оплаченный горем, мучениями,

¹ E. K o r d t. Wahn und Wirklichkeit. Die Außenpolitik des Dritten Reiches, S. 68.

² E. B e n n e t t. Germany and the Diplomacy of the Financial Crisis, 1931. Cambridge, 1962, p. 311.

кровью и жизнями многих миллионов людей, неопровержимо свидетельствует, что тогдашняя политика поощрения фашизма со стороны правительств западных держав была всецело порочной.

* * *

Основные тенденции развития капитализма после первой мировой войны подтвердили историческую правоту и научную прозорливость ленинской теории империализма, ее важнейшее положение о том, что война коренится в самой сущности капиталистического мира.

Реакционные историки ФРГ, США и Англии пытаются снять с повестки дня исторической науки исследование процессов зарождения войны, предполагающее раскрытие глубинных противоречий капитализма. Анализ же этих противоречий подрывает главнейшую основу трактовки фальсификаторами истории второй мировой войны, утверждающими, что она возникла случайно, в силу действия не коренных, а привходящих факторов.

Реакционные историки ФРГ¹ стремятся опровергнуть ту бесспорную истину, что главной движущей силой в подготовке войны выступали влиятельные круги немецкого монополистического капитала, скрыть взаимосвязь фашизма, его политики и идеологии со всей системой империализма.

Многие буржуазные авторы пытаются представить фашизм внеклассовым явлением, ничего общего не имеющим с крупной буржуазией. Э. Нольте в книге «Эпоха фашизма» писал, что фашизм определяется прежде всего «относительно бесклассовым обликом»² и что он никогда не был «главным детищем аристократии и крупной буржуазии»³. Чтобы обелить монополистический капитал, Нольте готов обвинить фашизм. В. Тройе в 1966 г. утверждал, что лишь немногие промышленники стремились установить контакт с Гитлером и нацистской партией⁴ и что еще до прихода их к власти в Германии влиятельные группы промышленников Рура были напуганы «гитлеровским тоталитаризмом»⁵. Однако ставшие широко известными в послевоенное время документы свидетельствуют о том, что те, кто в 1932 г. подписал письмо на имя Гинденбурга о передаче власти Гитлеру, стояли на капитанском мостике германской политики, приведшей к войне⁶.

Реакционная историография всячески стремится дискредитировать марксистско-ленинскую оценку сущности фашизма и доказать отсутствие его органической связи с основными тенденциями развития государственно-монополистического капитала, поставившего систему капиталистического регулирования на службу гитлеровскому тоталитарному режиму⁷.

¹ Среди них находятся даже такие, которые не брезгают попытками «оправдать» Гитлера. Так, В. Герлиц писал, что Гитлер был «предтечей нового порядка в Европе, призванного под руководством немцев бороться против большевистской мировой революции» (W. G o r l i t z. Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. I. Stuttgart, 1951, S. 15).

² E. N o l t e. Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus. München, 1963, S. 51.

³ В том же духе писали и другие буржуазные западногерманские историки. См., например: W. C o n z e. Die deutsche Nation — Ergebnis der Geschichte. In: Die deutsche Frage in der Welt. Bd. 1. Göttingen, 1965, S. 124.

⁴ W. T r e u e. Die Einstellung einiger deutscher Großindustrieller zu Hitlers Außenpolitik — «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1966, № 8, S. 498.

⁵ I b i d., S. 496.

⁶ Анатомия войны, стр. 79—85, 89—90.

⁷ E. N o l t e. Vierzig Jahre Theorien über den Faschismus. In: Theorien über den Faschismus. Köln — Berlin (West), 1967; Komintern und Faschismus. Dokumente zur Geschichte und Theorie des Faschismus. Herausgegeben und kommentiert von Theo Pirker. Stuttgart, 1965.

Экономические истоки второй мировой войны были заложены во все более углублявшемся конфликте между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, в неравномерности развития капиталистических стран, значительном усилении различных форм милитаризма при государственно-монополистическом капитализме, образовании всемогущих финансово-промышленных объединений, экономически поделивших мир, обострении конкурентной борьбы на международных рынках.

Подготовка к войне нашла свое выражение в целой системе экономических, научно-технических, социальных и идеологических мероприятий в складывавшихся группировках противостоявших капиталистических стран. Эти мероприятия привели к одностороннему развитию экономики, усилению ее мобильности и военных возможностей, концентрации стратегического сырья и рабочей силы в интересах гонки вооружений, к высокой степени подчиненности военным целям научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, к государственному финансированию монополий, производивших боевую технику.

По мере вызревания факторов, которые вели к военному конфликту, происходили существенные сдвиги в социально-политическом строе империалистических государств, в расстановке и соотношении их внутренних классовых сил. Постепенно ликвидировались завоеванные борьбой рабочего класса демократические свободы, развертывалось широкое наступление на коммунистические партии и массовые организации трудящихся. В ряде стран устанавливались военно-диктаторские режимы, проводились меры по укреплению социальной базы милитаризма и военщины, происходило подчинение государственного аппарата военно-промышленным монополиям и военному руководству. Чем больше убыстрялся ход военномилитаристской машины, тем отчетливее обнаруживалась тенденция к росту политической реакции по всем линиям.

Именно в этот период на авансцене истории появился фашизм — опаснейшее орудие наиболее реакционных и воинственных кругов монополистического капитала. Фашизм стал главной контрреволюционной и антидемократической силой, грозившей человечеству неисчислимыми бедствиями мировой войны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И НАРОДЫ
МИРА
ПРОТИВ ВОЙНЫ**

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР ДЛЯ ОТЦОРА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Созидательная направленность Великой Октябрьской социалистической революции

Было время, когда, несмотря на противодействие рабочего класса, народных масс в целом, империалистические государства могли решать вопросы войны и мира по своему усмотрению, так как их намерениям еще не противостояла достаточно мощная материальная, политическая и моральная сила.

Такая сила зародилась с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Она была представлена Страной Советов, могущество которой — экономическое, политическое, моральное, оборонное — в ходе социалистического строительства постепенно возрастало. Рождение, а затем развитие Советского государства, как и предвидел В. И. Ленин, стало важнейшим фактором мирового революционного процесса, интернациональным вкладом в него советского народа. Под влиянием идей и дела Великого Октября росло и крепло движение народных масс против империализма. В мировой политике произошли огромные изменения коренного, качественного характера, соответствующие новой эре в истории человечества — эре перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Реакционная буржуазия видит только одну сторону социалистической революции — разрушительную — и не считается с тем, что уничтожение победившим рабочим классом старой государственной машины буржуазии и старых производственных отношений означает не конец преобразований, а их начало, важнейшую предпосылку социалистического строительства. От разрушения старого к созиданию нового — вот путь революционного творчества народа, руководимого Коммунистической партией. Созидательная сторона Великой Октябрьской социалистической революции после победы над интервентами приобрела во внутренней жизни страны главенствующую роль. Этой внутренней политике полностью соответствовала и внешняя политика. В силу классового характера социалистического государства его внешняя политика не может не быть направленной против войны и империалистического насилия над народами.

В результате победоносной социалистической революции в России утвердилась диктатура пролетариата, возникло государство нового типа — власть Советов, высший тип демократии — демократия для народа. Коммунистическая партия стала правящей партией. Она оказалась единственной из всех политических партий и групп, существовавших в то время в стране, которой рабочий класс и большинство народа доверили управление революционной Россией. «Мы, партия большевиков, Россию

убедили, — писал В. И. Ленин. — Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся»¹.

Экономическое, социально-политическое раскрепощение народных масс стало целью рожденной революцией власти рабочих и крестьян. «В этом — глубочайший смысл революционного гуманизма Октября. Человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов, за социальный прогресс»².

По мере упрочения Советов, подавления сопротивления враждебных классов, постепенного перехода в руки пролетариата командных экономических высот, выхода из империалистической войны путем заключения Брестского мира Советская республика сосредоточивала свои силы на созидательной деятельности — главной задаче социалистической революции.

Социализм не может возникнуть в недрах капиталистического строя. Перед социалистической революцией наряду с преодолением и ликвидацией капиталистических общественных отношений встает неизмеримо более высокая задача: создание нового общества — первой фазы коммунизма. «Это — самая трудная задача, — указывал В. И. Ленин, — ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей»³.

Уже в первые месяцы Октябрьской революции Коммунистическая партия и Советская власть должны были решить проблему организации управления страной и ее экономикой. Ленинский план приступа к социалистическому строительству, изложенный весной 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти», а также в других статьях и документах, всецело отвечал назревшим потребностям жизни и опирался на глубокий и всесторонний анализ экономики и классов переходного периода. Вскрывая своеобразие экономики России, В. И. Ленин показал, что в ней переплетались элементы пяти различных общественно-экономических укладов. Экономика переходного периода содержала в себе черты и свойства рождающегося социализма и умирающего капитализма. Борьба социализма и капитализма по принципу «кто — кого» неизбежна для всего переходного периода. Только революционная диктатура пролетариата способна осуществить громадную работу по созданию и развитию нового социального уклада, обеспечить победу социализма над капитализмом.

Развивая учение марксизма о диктатуре пролетариата, В. И. Ленин с исчерпывающей полнотой охарактеризовал ее необычайную сложность и многообразие. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»⁴. В. И. Ленин убедительно показал особую роль политики пролетарского государства для развития социалистической экономики.

Советская власть в своих экономических, политических и социальных преобразованиях предполагала использовать различные пути и методы: национализацию фабрик, заводов, рудников, шахт, транспорта, банков, земли и ее недр, установление монополии внешней торговли и вместе с тем широкое использование государственного капитализма и концессий для постепенного преобразования капиталистической частной собственности в общественную. Партия признавала необходимым сочетать решительную борьбу против капиталистов, срывавших экономические меро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 172.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 9.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 173.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

приятия Советской власти, с компромиссом по отношению к тем представителям старого общества, которые проявляли лояльность к Советской власти и могли быть полезными для пролетариата в качестве опытных организаторов промышленности.

Но буржуазия предпочитала решать вопрос насильем, боем, войной. «Как класс,— писал А. Вильямс,— русская буржуазия смотрела на революцию с ужасом и ненавистью. Она думала лишь об уничтожении революции. Ослепленная жаждой мести, буржуазия отбросила в сторону все законы чести, морали, чувство патриотизма. Она призывала иностранные войска, чтобы с их помощью подавить революцию. Она не брезгала никакими средствами, вплоть до убийств. За личиной цивилизованности обнажились звериные когти и клыки»¹.

Организатором вооруженной борьбы против Советской республики выступил международный империализм, стремившийся всеми силами уничтожить ее и восстановить в России старый строй, сметенный революцией. Первое в мире государство рабочих и крестьян, подобно острову в океане, было окружено враждебными силами. Интервенция германских, японских, американских, английских и французских войск помогла внутренней реакции, разгромленной в первые же месяцы после Октября, вновь собраться с силами и развязать гражданскую войну. Без вооруженного вмешательства иностранных империалистов и оказания ими всесторонней помощи внутренним контрреволюционным силам гражданская война не привела бы к образованию огромных фронтов и не была бы столь длительной и напряженной.

Предотвратить гражданскую войну не удалось и из-за предательской позиции меньшевиков и эсеров, а также правых лидеров социал-демократических партий, которые сначала выдвигали мелкобуржуазные теории о том, что время социализма будто бы еще не пришло, «большевистский эксперимент», как они говорили, быстро лопнет, а впоследствии докатились до прямого пособничества контрреволюции.

Военная интервенция, натиск белогвардейских полчищ сливались с контрреволюционными мятежами и заговорами эсеров, меньшевиков, остатков буржуазных партий. Свергнутые эксплуататорские классы и международный империализм яростно боролись против нового общественного строя, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией, открывшей миру путь к социализму и показавшей историческую неизбежность конца господства буржуазии.

В течение трех лет Страна Советов находилась в огненном кольце военных фронтов и отстаивала свое существование от внутренних и внешних врагов. Справедливую освободительную войну рабочий класс и беднейшее крестьянство вели в союзе со средним крестьянством под руководством Коммунистической партии, сумевшей создать социалистическую армию и подчинить всю жизнь страны интересам победы над врагом. В смертельной схватке с мировым империализмом Республика Советов не только выстояла, но и разгромила своих врагов.

Советский народ одержал всемирно-историческую победу над силами международного империализма и внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции, отстоял завоевания Октября. Организатором и вдохновителем его победы была Коммунистическая партия; главную тяжесть борьбы вынес на себе рабочий класс. Партия и правительство сплотили все народы страны, подняли их на борьбу с врагами, создали кадровую Советскую Армию, воспитали выдающихся полководцев — народных героев гражданской войны. К их числу принадлежат В. К. Блюхер, С. М. Буден-

¹ А. В и л ь я м с. О Ленине и Октябрьской революции. Перевод с английского. М., 1960, стр. 201.

ный, С. С. Вострецов, О. И. Городовиков, П. Е. Дыбенко, Г. И. Котовский, С. Г. Лазо, А. Я. Пархоменко, В. М. Примаков, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаев, Н. А. Щорс, И. Э. Якир и другие. К строительству Советской Армии были привлечены старые военные специалисты М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, В. М. Гиттис, А. И. Егоров, С. С. Каменев, А. И. Корк, Б. М. Шапошников, В. И. Шорин и другие. На руководящей военно-политической работе находились видные деятели партии В. А. Антонов-Овсеенко, А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев, К. А. Мехоношин, А. И. Микоян, А. Ф. Мясников, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, Н. И. Подвойский, П. П. Постышев, И. В. Сталин и многие другие.

Вопреки ожиданиям врагов социализм при сочувствии и поддержке международного рабочего класса выиграл первую решающую битву. Поражение объединенных сил мирового империализма и полный разгром внутренней контрреволюции имели огромное значение не только для судеб нашей страны, но и для освободительной борьбы трудящихся других стран.

Первый опыт вооруженной защиты социалистического Отечества подтверждал правильность марксистско-ленинского вывода: свергнутые эксплуататорские классы любыми средствами попытаются вернуть утраченные позиции, поэтому победивший народ должен всегда быть готов защищать свои завоевания. Социалистическая революция в России показала всему миру величайшую способность защитить себя. Но враги принесли неисчислимые бедствия и страдания советскому народу, не дав сразу же, немедленно, сделать такой шаг вперед к социализму, который раскрыл бы в полной мере величайшие преимущества социалистического строя. «Россия из войны вышла в таком положении, — говорил В. И. Ленин на X съезде партии, — что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении!»¹

Мирное строительство Советское государство начало с восстановления народного хозяйства, которое находилось на крайне низком уровне. В 1921 г. производство продукции крупной промышленности по сравнению с 1913 г. составляло всего-навсего пятую часть, а выплавка стали — менее чем двадцатую. На 40 процентов уменьшился объем валовой продукции сельского хозяйства. Оборонные возможности страны не отвечали требованиям обстановки. Республика Советов испытывала яростное противодействие как со стороны империалистических государств, окружавших ее, так и со стороны остатков эксплуататоров, свергнутых политически, но не лишенных еще окончательно экономической частнособственнической базы.

Положение осложнялось активизацией и открытыми выступлениями антиленинских группировок в самой партии, не веривших в силы рабочего класса и возможность построения социализма в одной стране. Атаки троцкистов и бухаринцев на позиции партии особенно усилились после смерти В. И. Ленина. Они получали шумное одобрение и поддержку всех врагов Советской власти и совпадали по времени с атаками самых агрессивных сил капиталистического окружения. Борьба с троцкизмом, прикрывавшим свое капитулянтство «левыми» фразами, и правыми оппортунистами была борьбой за победу социализма в России.

В чрезвычайно сложной внутренней и международной обстановке Коммунистическая партия, вооруженная передовой теорией и опытом

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

политической борьбы трех революций, проявила величайшую прозорливость, железную выдержку, монолитное единство и строжайшую организованность, твердую веру в творческие силы народных масс и нерушимую связь с ними

Отстаивая перспективы строительства социализма в Стране Советов, партия решительно выступала против оппортунистов в собственных рядах, а также в международном рабочем и коммунистическом движении «Вся партия во главе с ее Центральным Комитетом поднялась на защиту ленинизма. Она идеино разоблачила и организационно разгромила троцкизм. Та же участь постигла правых оппортунистов, ревизовавших генеральную линию партии в духе буржуазной идеологии, выступавших против высоких темпов индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса»¹

Несостоятельность утверждений оппортунистов о том, что в России якобы нет экономических и культурных предпосылок для социалистических преобразований, была доказана еще В. И. Лениным. Страстно отстаивая идею строительства социализма и возражая меньшевику Н. Суханову, Ленин в статье «О нашей революции» отмечал, что нельзя определить тот уровень культуры и техники экономического развития, с которого можно двигаться вперед. Но вполне реально создать революционным путем необходимые предпосылки для успешного движения к социализму: изгнать помещиков и капиталистов, завоевать политическую власть. Октябрьская революция открыла советским людям возможность на основе пролетарской власти строить социализм и догнать те западноевропейские государства, которые в экономическом отношении ушли вперед. «Нашим Сухановым, — писал В. И. Ленин, — не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»²

Провозгласив строительство социализма, партия во главе с Лениным исходила из того, что в России имелись все необходимые для этого условия: политические — диктатура пролетариата, экономические — социалистическая собственность на основные средства производства, социальные — союз рабочего класса с крестьянством. Огромная территория и несметные естественные богатства страны, героизм рабочего класса, размах творчества народных масс, вызванный революцией, наличие крупных промышленных, культурных и научных центров — все это, вместе взятое, создавало основу для невиданного прогресса производительных сил.

После того как была отбита вооруженная атака империализма, в мировой обстановке наступила новая полоса. «Наше основное международное существование в сети капиталистических государств, — подчеркивал В. И. Ленин, — отвоевано»³

Решение задач строительства социализма Коммунистическая партия видела в переходе от политики военного коммунизма, навязанной войной, к новой экономической политике, отвечавшей условиям и задачам времени. Эта политика была рассчитана на преодоление разрухи, создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной промышленности, установление экономической смычки между городом и деревней, укрепле-

¹ К 100 летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС М., 1969, стр. 20.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 22.

ние союза рабочего класса и крестьянства, вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов — на победу социализма

Ленинская партия была преисполнена уверенности в осуществимости идеи построения социализма в нашей стране. Этой уверенностью были пронизаны труды В. И. Ленина и решения съездов партии. В своем последнем выступлении на заседании пленума Московского Совета 20 ноября 1922 г. В. И. Ленин говорил о перспективах социалистического строительства: «Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает. Все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России неповской будет Россия социалистическая»¹

Основным звеном плана построения социалистического общества партия считала восстановление и развитие машинной индустрии, а также электрификацию всей страны. Электрификация рассматривалась как первая ступень в создании материально-технической базы социализма и коммунизма. Ленин выразил это формулой: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»²

План ГОЭЛРО³, принятый VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г., возвестил всему миру, что рабоче-крестьянское правительство Советской России ставит перед собой грандиозные задачи социалистического созидания.

Другим важным звеном ленинского плана построения социализма в нашей стране было кооперирование крестьянских хозяйств и переход к крупному социалистическому хозяйству, основанному на достижениях науки и передовой техники. Социалистический путь развития сельского хозяйства, так же как и социалистическая индустриализация, представлял собой объективную экономическую необходимость. Опыт Советского государства показал, что нельзя долгое время базировать социалистическое строительство на двух различных основах: крупной социалистической промышленности и мелком раздробленном крестьянском хозяйстве.

Социализм — не только новая экономическая система и политический строй. Это и новый тип культуры, воспитание нового человека. Вот почему составной частью ленинского плана социалистического строительства явилась культурная революция — глубочайший переворот в духовной жизни общества.

Для строительства социализма необходимы были средства, материальные ресурсы. Надежд на получение их извне не было. Существовал только один путь — суровое самоограничение. «Страна была поставлена перед выбором: либо пойти на сознательное ограничение уровня жизни людей и героическими усилиями, в кратчайший срок создать могучую экономику и укрепить свою обороноспособность, либо быть раздавленной объединенными силами реакции»⁴. Иного выбора не было — так ставил вопрос В. И. Ленин.

Советским людям предстояло своими силами преодолеть отсталость страны, усугубленную разорением, причиненным империалистической и гражданской войнами, за счет внутренних ресурсов осуществить индуст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 308, 309.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.

³ План ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России) разработан по инициативе В. И. Ленина группой видных ученых во главе с Г. М. Кржижановским. Подчеркивая громадную важность плана ГОЭЛРО для судьбы Советского государства, В. И. Ленин указывал, что «это — наша вторая программа партии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 157).

⁴ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, стр. 27.

сериализацию. Примеров такого рода мировая история еще не знала. Революционный порыв масс к коренному преобразованию экономики родной страны и воспитанию человека социалистического общества органически сочетал в себе патриотический и интернациональный долг — сделать максимум возможного в одной стране для коммунистического будущего всего человечества. Советский народ под руководством ленинской партии прошел великий и трудный путь преобразования старого общества на основах социализма. Сложность этого пути состояла в том, что наша страна первой строила социализм и не имела исторического опыта.

Крупную роль в достижении победы социализма — в индустриализации, коллективизации, культурной революции, укреплении международного и военного могущества СССР — сыграли руководящие партийные, государственные, военные и общественные деятели А. А. Андреев, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. М. Горький, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, С. В. Косиор, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, П. П. Постышев, Г. И. Петровский, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, Г. В. Чичерин, В. Я. Чубарь, Н. М. Шверник и другие.

Продолжением Великой Октябрьской социалистической революции, ярким этапом на пути революционных преобразований в масштабах всей страны стало образование нового, невиданного в истории государства — многонационального Союза Советских Социалистических Республик.

Добровольное объединение советских республик в единое союзное государство в декабре 1922 г. по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям — событие огромного всемирно-исторического значения. Это объединение стало одним из решающих факторов, обеспечивавших благоприятные условия для переустройства общества на социалистических началах, подъема экономики и культуры всех советских республик, укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального государства трудящихся.

«Создание Советского Союза, — говорил Л. И. Брежнев, — образование и вступление в него в дальнейшем ряда новых союзных республик приумножили силы и возможности народов нашей страны в строительстве социализма. Великая социалистическая держава — Союз Советских Социалистических Республик — заняла подобающее ей место на мировой арене к огромной пользе для дела мира, свободы и независимости всех народов земли. Объединение всех народов страны в единый союз, создание единого многонационального социалистического государства открыло невиданные возможности социального, экономического и культурного прогресса нашей Родины. Сама история как бы ускорила свой бег»¹

Претворяя в жизнь ленинский план построения социализма, партия добивалась высоких темпов развития социалистической экономики и культуры страны. Советское государство в технико-экономическом отношении отставало тогда от развитых капиталистических стран на 50—100 лет. Оно должно было ликвидировать это отставание примерно за 10 лет. И советский народ под руководством Коммунистической партии успешно решил эту историческую задачу. При этом партия и правительство исходили из возможности использования диктатуры пролетариата как созидательной силы. На роль диктатуры пролетариата как ускорителя процесса экономического развития указывали в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, в письме Конраду Шмидту Энгельс, возражая своим противникам, писал «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролета-

¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 9—11.

риата, если политическая власть экономически бессильна?»¹ Ленин еще в период подготовки Октябрьской революции указывал, что завоевание политической власти пролетариатом необходимо «для осуществления экономических и политических мероприятий, составляющих содержание социалистической революции»²

Битва за создание фундамента социалистической экономики развернулась с восстановления народного хозяйства, прежде всего с подъема сельского хозяйства, без чего нельзя было поставить на ноги тяжелую промышленность. Главный итог восстановительного периода заключался в упрочении ведущей роли крупной социалистической индустрии во всей экономике страны, и в первую очередь ее ведущей и преобразующей роли по отношению к крестьянскому хозяйству, в росте численности и активности рабочего класса, укреплении его союза с основными массами крестьянства. За 1918—1928 гг. было построено, восстановлено и введено в действие 2200 предприятий.

Так партия подготовила советский народ к социалистической индустриализации СССР. Курс, взятый XIV съездом ВКП(б) на индустриализацию, на «развитие производства средств производства»³, предполагал не только реконструкцию старых предприятий, но прежде всего создание новых отраслей промышленности.

Задача ликвидации экономической отсталости страны требовала огромного строительства. Программа его была определена первым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР, директивы по составлению которого партия дала на своем XV съезде в декабре 1927 г. Пятилетний план после его обсуждения на местах был принят V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г. В постановлении съезда говорилось: «Предложенный правительством пятилетний план, являясь развернутой программой социалистической реконструкции народного хозяйства, соответствует генеральному курсу Советской власти на индустриализацию Союза ССР, на социалистическое переустройство деревни, на преодоление капиталистических и последовательное усиление социалистических элементов в хозяйственном строе страны и на повышение обороноспособности Союза ССР»⁴.

Развивая основные положения плана ГОЭЛРО, пятилетний план установил высокие темпы социалистической реконструкции всего народного хозяйства на основе передовой техники. Принимая оптимальный вариант плана, съезд Советов учитывал высокий трудовой энтузиазм масс, опыт рабочего класса, всех трудящихся, опыт коммунистов в строительстве новой жизни, приобретенный в восстановительный период.

Период реконструкции, последовавший за восстановительным периодом, увенчался такими успехами в хозяйственном и культурном строительстве, каких не знала мировая история. Подводя итоги социалистической реконструкции, И. В. Сталин в докладе XVII съезду Коммунистической партии, состоявшемуся в 1934 г., говорил: «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. т. 37, стр. 420.

² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 32, стр. 140.

³ КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 247.

⁴ Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов 1922—1938 гг. Т. III. М., 1960, стр. 156.

⁵ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 15.

Уже в первую пятилетку индустриализация охватила всю территорию страны — от Полярного круга до пустынь Средней Азии. «Вдруг почувствовали люди человеческую силу свою, мощь своих рук и коллективных усилий. Все стало возможным: покорение пустынь и перековка людей, осушение болот и переделка мира. Уже заканчивался Турксиб и зачищался Беломорский канал. Покорялась Арктика, и ждала топора колымская тайга. Арматурщики Сталинграда, закончив свое дело на Тракторном, долгими эшелонами уходили на восток, в Магнитную степь, о которой было известно, что она пустынная, рыжая, злая и что ветры над нею свистят свирепо»¹. Повсюду вырастали новые промышленные центры. Это явилось фактором первостепенной важности для осуществления ленинской национальной программы, расцвета и сближения наций, для разрешения проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства и подъема культуры, а также для укрепления обороноспособности Советского государства. В активное, сознательное строительство социализма вовлекались народы самых отдаленных окраин, где прежде царили дикость и патриархальщина.

Победа генеральной линии партии в деревне привела к тому, что к концу 1933 г. вместо 24,5 млн. мелких раздробленных индивидуальных крестьянских хозяйств возникло 224,5 тыс. колхозов, около 3 тыс. машинно-тракторных станций, 5 тыс. крупных совхозов, часть из них — на целинных землях. Успешное строительство колхозов, МТС и совхозов означало решительный поворот деревни к социализму. Само собой разумеется, что невиданный в истории переворот в классовых отношениях не мог произойти без ожесточенного сопротивления кулачества и колебаний среди отдельных, наиболее зажиточных слоев среднего крестьянства. Решение поставленного Лениным вопроса «кто — кого» протекало в классовой борьбе старого с новым, в которой социалистическое новое одержало победу.

Победа колхозного строя в деревне означала глубочайший революционный переворот в экономическом базисе и классовой структуре общества. Трудящееся крестьянство от единоличного хозяйства перешло на путь коллективного социалистического производства. С ликвидацией кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, превратившей мелкую частную собственность в общественную, были уничтожены последние источники реставрации капитализма. Социалистические производственные отношения утвердились во всем народном хозяйстве. Расширилась и укрепились социальная база диктатуры пролетариата. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, — отмечается в Программе КПСС, — означал **великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства**. Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»².

В результате коллективизации сельского хозяйства было преодолено противоречие между крупной социалистической промышленностью и мелкокрестьянским частным хозяйством. Сельское хозяйство также стало крупным, механизированным, социалистическим. Колхозы и совхозы открыли широкие возможности для развития производительных сил в земледелии и животноводстве.

Для построения социализма нужно было поднять культуру народных масс, освободить их от влияния буржуазных взглядов, утвердить социалистическую идеологию во всех сферах духовной жизни общества, то есть

¹ Б. Г о р б а т о в. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1955, стр. 13.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 14.

совершить революцию в области культуры и идеологии. Люди — главная производительная сила общества и носители его производственных отношений. Они — основная движущая сила социально-экономических преобразований.

Партия руководствовалась ленинским указанием о том, что подлинно народная социалистическая культура может быть создана лишь на основе критической переработки и усвоения всех запасов знаний, накопленных человечеством. Вместе с тем, как постоянно напоминал В. И. Ленин, социализм призван сделать новый шаг вперед в развитии мировой культуры и духовном обогащении человечества.

Крупным завоеванием культурной революции явилось создание советской системы народного образования. Было покончено с неграмотностью — одним из самых тяжелых наследий царской России. В среднюю и высшую школу пришла рабочая и крестьянская молодежь. Миллионы рабочих и колхозников учились в школах фабрично-заводского ученичества, школах крестьянской молодежи, на различных курсах и рабфаках. Развернулось огромное школьное строительство. С 1930 г. было введено всеобщее бесплатное начальное обучение и обязательное семилетнее образование в городах и рабочих поселках.

Индустриализация страны вызвала быстрый рост рабочего класса, повышение его культурно-технического уровня.

Один из главных результатов культурной революции — формирование социалистической интеллигенции. В ходе революции на службу народу перешли лучшие представители старой интеллигенции. Готовились многочисленные кадры новой интеллигенции из рабочих и крестьян. Советские высшие и средние специальные учебные заведения выпускали в среднем в год: в 1918—1928 гг. — 48,9 тыс. специалистов, в 1929—1932 гг. — 115,3 тыс., в 1933—1937 гг. — 198,6 тыс.¹

Повысилась насыщенность экономики инженерно-техническими кадрами. По количеству занятых в народном хозяйстве инженерно-технических специалистов Советская страна к середине 30-х годов вышла на первое место в мире.

Значительных успехов достигла советская наука. Страна стала располагать мощным научным потенциалом. Ученые и конструкторы решали сложные научно-технические проблемы, часть которых имела большое значение для укрепления обороны. Благодаря этому Советская Армия и Военно-Морской Флот получали отечественное вооружение высокого класса.

Глубокие изменения происходили в области литературы и искусства. Коммунистическая партия, уделяя особое внимание духовному обновлению общества, направляла развитие литературы и искусства на преодоление пережитков капитализма в сознании людей, воспитание трудящихся в духе советского патриотизма, беззаветной преданности своей социалистической Отчизне, готовности всеми силами защищать ее от покушений врагов. Следуя принципам социалистического реализма, деятели литературы и искусства внесли неоценимый вклад в формирование коммунистического мировоззрения трудящихся, повышение их мобилизационной готовности и революционной бдительности.

Культурная революция явилась одним из факторов технического перевооружения народного хозяйства, подъема производительных сил, повышения эффективности производства, производительности общественного труда, укрепления обороны страны. В 1935 г. валовая продукция промышленности СССР по сравнению с 1913 г. увеличилась более чем в

¹ Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах. Статистический сборник. М., 1957, стр. 277, 280.

4 раза, а крупной промышленности — почти в 6 раз¹. Коренным образом изменилось социально-экономическое содержание труда. Повысился удельный вес умственного труда в совокупном общественном труде.

Осуществление культурной революции в СССР способствовало совершенствованию социалистических производственных отношений. Было покончено с монополией эксплуататорских классов на использование достижений цивилизации. Огромная политико-воспитательная работа партии укрепила социалистическую надстройку и повысила моральный потенциал государства. Духовная мощь советского народа стала неисчерпаемым источником массового трудового героизма.

Советская власть предпринимала конкретные меры к тому, чтобы покончить с той особой отсталостью, в которой царизм держал национальные меньшинства, помочь им развить свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию, интернационалистскую по сущности. Во всех республиках, краях, автономных областях, округах создавался совершенно новый культурный мир: открывались учебные заведения всех степеней, учреждения науки и культуры; на языках всех ранее угнетенных народов издавались газеты, журналы и книги.

Советская власть решила национальный вопрос, доставшийся ей в наследство от прошлого. Это достижение по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция. «В нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов. Эта дружба, товарищи, — сказал Л. И. Брежнев, — наше бесценное достояние, одно из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма»².

Социалистические преобразования пробуждали в народе дух творчества и инициативы. Могучим источником прогресса экономики, науки и культуры становилось массовое социалистическое соревнование. Его история восходит к великому почину — коммунистическим субботникам 1919 г., когда молодая Советская республика представляла собой военный лагерь. Соревнование трудящихся было выражением единства партии и народа, неустанной заботы рабочих и крестьян об увеличении производительности труда, об охране и приумножении народного достояния.

Коммунистические субботники знаменовали переход к свободной и сознательной дисциплине, которая может возникнуть только в условиях труда, освобожденного от господства эксплуататорских классов. В статье «Великий почин» В. И. Ленин писал, что «коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн»³. В. И. Ленин учил коммунистов и всех трудящихся страны видеть в социалистической организации труда, налаживании новой трудовой дисциплины трудную, но и благородную задачу партии, Советской власти. «...Когда мы решим ее практически, — говорил он на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г., — лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребяемого нами капиталистического общества»⁴.

¹ Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957, стр. 51; Экономическая жизнь СССР. Кн. 1. М., 1967, стр. 284—285.

² Л. И. Б р е ж н е в. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 12.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 18—19.

⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 386.

Следуя заветам Ленина, партия совместно с профсоюзами и комсомолом провела среди трудящихся громадную воспитательную и организаторскую работу, которая способствовала развитию массового социалистического соревнования. Она всячески содействовала возможно более широкому проявлению творческой инициативы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, укрепляла все формы товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, воспитывала коммунистическое отношение к труду. Она подняла через все общественные организации трудящихся активность народа в борьбе за накопление средств для осуществления индустриализации, за режим экономии, снижение себестоимости продукции, увеличение внутрихозяйственных накоплений, за повышение производительности труда.

20 января 1929 г. «Правда» опубликовала написанную В. И. Лениным в 1918 г. статью «Как организовать соревнование?». Слово и мысль вождя явились могучим ускорителем превращения соревнования в действительно всенародное. 29 апреля 1929 г. XVI партийная конференция в историческом обращении о социалистическом соревновании призвала «всех трудящихся города и деревни с еще большей энергией под ленинским знаменем ВКП(б) развернуть борьбу за индустриализацию СССР, за социализм»¹. Вся многомиллионная страна ответила на призыв партии социалистическими обязательствами досрочно выполнить задания первой пятилетки.

Ростки нового отношения к труду, о которых В. И. Ленин говорил как о великом почине, укоренились и разрослись в годы первой пятилетки. Социалистическое соревнование стало общенародным. Оно стало школой, в которой миллионы учились строить социализм. Ленинское указание, что социализм не могут «ввести» меньшинство, партия, его могут создать только массы, научившиеся это делать сами, претворялось в жизнь. Рост творческой активности народных масс в историческом процессе, повышение их сознательности — одна из главных черт новой эры, открытой Великим Октябрем.

2. Создание материально-технической базы социализма, превращение СССР в передовую индустриальную державу

Советский народ под руководством Коммунистической партии в исторически короткий срок осуществил социалистическую индустриализацию. В результате выполнения плана ГОЭЛРО и первой пятилетки СССР стал развитой в промышленном отношении державой. Исключительно высокими темпами росло промышленное производство. В первую пятилетку среднегодовой прирост промышленной продукции составил 19,2 процента². Во второй пятилетке прирост промышленной продукции составил: в 1934 г. — 20,1 процента, в 1935 г. — 23,1 процента³. Коренным образом изменилась отраслевая структура общественного производства. Удельный вес промышленности в совокупном продукте народного хозяйства поднялся с 54,5 процента в 1929 г. до 70,8 в 1933 г. и до 75,6 процента в 1935 г.⁴.

Основные силы и средства были сконцентрированы на строительстве предприятий тяжелой промышленности, развивавшейся быстрее легкой. С 1928 по 1935 г. продукция первого подразделения промышленности

¹ КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 253.

² Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах. Статистический сборник, стр. 44.

³ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, стр. 16.

⁴ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, стр. 167.

(группа «А») возросла в 4,6 раза, а второго (группа «Б») — в 2,1 раза¹. Глубокие качественные сдвиги привели к тому, что доля производства средств производства в общей промышленной продукции повысилась в 1935 г. до 55,3 процента против 33,3 в 1913 г. Социалистическая тяжелая индустрия заняла главенствующее место во всем народном хозяйстве. Структура промышленности СССР к концу первой пятилетки уже не уступала таким странам, как Англия и Германия.

Особое внимание уделялось развитию тех отраслей тяжелой промышленности, которые имели первостепенное значение в обеспечении технико-экономической независимости Советского Союза от капиталистических стран и его надежной обороноспособности. Это была важнейшая составная часть экономической политики Коммунистической партии. Еще в директивах XV съезда по составлению первого пятилетнего плана подчеркивалось: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»².

Вопросы социалистической индустриализации, неразрывно связанные с задачами укрепления материальных основ обороны, обсуждались и на последующих съездах, конференциях, пленумах ЦК партии. В резолюции по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР XVII съезд ВКП(б) ориентировал на создание новых опорных пунктов индустрии в восточных районах СССР, а также дал указание строить и размещать промышленные объекты ближе к источникам сырья, что позволяло в случае военного нападения империалистов в кратчайший срок перевести всю промышленность на военные рельсы и обеспечить ее мобилизационное развертывание.

Усилиями партии и народа была создана прочная металлургическая база, являющаяся стержнем всей экономики. В 1935 г. выплавка чугуна составила 12,5 млн. тонн против 116 тыс. тонн в 1920 г. и 3,3 млн. тонн в 1928 г.; выплавка стали — 12,6 млн. тонн вместо 194 тыс. тонн в 1920 г. и 4,3 млн. тонн в 1928 г.³ Производство цветных и качественных металлов было организовано заново, освоена выплавка всех видов специальных сталей, налажено изготовление проката сложных профилей, броневых листов, снарядных заготовок.

В строй вступили гиганты металлургии: Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Керченский, Ново-Липецкий и Ново-Тульский металлургические заводы, Челябинский завод ферросплавов, Волховский и Днепропетровский алюминиевые заводы, Челябинский цинковый и Чимкентский свинцовый комбинаты. Хотя в этот период ощущался недостаток отдельных видов цветных и качественных металлов, отечественные предприятия производили все виды продукции металлургической промышленности, обеспечивая полную независимость социалистического государства от капиталистического рынка. Советская металлургия подводила прочную базу под оборонную промышленность.

Быстро развивалась топливно-энергетическая база страны. В 1935 г. производство электроэнергии достигло 26,3 млрд. киловатт-часов — почти в 14 раз больше, чем в 1913 г. Добыча угля поднялась до 109,6 млн. тонн, что в 3,8 раза превышало уровень дореволюционной России. Добыча неф-

¹ Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник, стр. 52.

² КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 33.

³ Народное хозяйство СССР в 1956 году. Статистический ежегодник, стр. 66, 68; Экономическая жизнь СССР, кн. 1, стр. 67.

ти в 1935 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в 2,7 раза, составив 25,2 млн. тонн. Производство нефтепродуктов росло прежде всего за счет выпуска высококачественных сортов, особенно светлых. Все это имело исключительно важное оборонное значение.

В годы первых двух пятилеток построен целый комплекс отраслей современной химической индустрии, представленный мощными заводами и комбинатами: коксохимическими, азотными, калийными, апатитовыми, искусственного волокна, пластических масс. Особую заботу партия и правительство проявили о создании собственного производства каучука. Решение задачи осложнялось отсутствием в СССР природного сырья. В 1926 г. Советское правительство объявило международный конкурс на способ получения синтетического каучука. Был премирован способ изготовления каучука из этилового спирта, разработанный советским ученым С. В. Лебедевым. По решению правительства создается опытный завод; в феврале 1931 г. он выдал первую партию синтетического каучука. Летом 1931 г. развернулось строительство четырех крупных заводов по производству каучука способом С. В. Лебедева. В июле 1932 г. вступил в строй первый в мире завод синтетического каучука в Ярославле, а в октябре — в Воронеже. В июле 1933 г. начал выпускать продукцию завод синтетического каучука в Ефремове Тульской области, а в 1936 г. — в Казани.

Важнейшим звеном индустриализации страны явилось создание современного машиностроения, от которого в решающей степени зависели техническое перевооружение всего народного хозяйства, а также мобилизационные возможности экономики. Ключевая отрасль промышленности развивалась самыми высокими темпами. Менее чем за 15 лет — с 1922 по 1935 г. — были созданы станкостроительная промышленность, точное машиностроение и приборостроение, химическое, металлургическое и энергетическое машиностроение, тракторная, автомобильная промышленность и многие другие. Отрасли машиностроения, существовавшие в дореволюционной России, например сельскохозяйственная, транспортная, электротехническая и др., коренным образом реконструировались. Развитое отечественное машиностроение позволяло организовать при необходимости массовый выпуск оружия и боевой техники.

Значительно расширилась минерально-сырьевая база тяжелой индустрии, в том числе для оборонной промышленности. По степени обеспечения промышленным сырьем Советский Союз уже в те годы стоял намного выше любой капиталистической страны. Из 26 главнейших видов стратегического сырья СССР имел в достаточном количестве 20 видов, США — всего 10, Франция (с колониями) — 9, Англия (с колониями без доминионов) — 8.

Руководствуясь ленинскими принципами размещения производительных сил и учитывая реальную возможность нового военного нападения империалистов на социалистическое государство, Коммунистическая партия и Советское правительство неослабное внимание уделяли строительству устойчивой промышленной базы в глубоком тылу. Главный упор делался на сооружение новых индустриальных центров в восточных районах страны, богатых естественными ресурсами. Здесь выросла вторая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс, закладывались основы нового нефтяного центра в Урало-Волжском районе, вступили в строй заводы и комбинаты цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности.

Вновь построенные и реконструированные предприятия уже в начале второй пятилетки давали стране четыре пятых всей промышленной продукции. Железнодорожный транспорт был оснащен мощными паровозами и новыми вагонами, сельское хозяйство — тракторами, комбайнами и другой техникой. За первые две пятилетки потребление электроэнергии

в промышленности возросло в 7,7 раза, на транспорте — в 7 раз, в других отраслях — в 5,8 раза

Социалистическая индустриализация страны имела великое историческое значение. Она обеспечила создание материально-технической базы социалистического общества. На индустриальную основу последовательно переводились все отрасли экономики, механизировались и электрифицировались основные производственные процессы. Социалистическая индустриализация обеспечила вытеснение капиталистических элементов, расширение и укрепление общественной собственности в решающей отрасли экономики — промышленности. Она заложила необходимую материальную основу для перевода сельского хозяйства на социалистический путь развития. Таким образом, было преодолено противоречие между самой передовой в мире политической властью и унаследованной ею отсталой технико-экономической базой.

СССР достиг серьезных успехов в экономическом соревновании двух противоположных общественных систем. В мировой промышленной продукции доля нашей страны значительно возросла. В середине 30-х годов по общему объему промышленного производства Советский Союз занял первое место в Европе и второе в мире.

Советская промышленность, достигшая высокого технического уровня, производила теперь самые совершенные машины на отечественном оборудовании и из отечественных материалов. СССР не только удовлетворял свои потребности в средствах производства, но и экспортировал их в другие страны.

Одним из важнейших итогов индустриализации явилось подведение прочной материальной основы под оборону Советского государства. Сознывая постоянную угрозу вооруженного нападения агрессивных империалистических держав, партия и правительство уделяли пристальное внимание развитию оборонной промышленности. Это нашло свое отражение в изменении структуры государственного бюджета. Если в первую пятилетку ассигнования на оборону составили 8,5 млрд рублей, то есть всего лишь 11,5 процента всех бюджетных расходов, то во вторую — 54,3 млрд рублей, или 16,4 процента всех расходов¹. Темпы роста военного производства начали превышать темпы роста промышленности в целом.

Мощная оборонная индустрия имела развитую отраслевую структуру производства. В годы социалистической индустриализации возникли такие ее отрасли, как самолето- и танкостроение, производство новых видов артиллерийского и стрелкового оружия, надводных и подводных кораблей. Динамика развития оборонной промышленности видна из таблицы 10.

В мирное время оборонная промышленность обеспечивала текущие потребности Вооруженных Сил и накопление запасов военных материалов. В случае войны она должна была в основном удовлетворить действующую армию необходимой техникой и вооружением, пока народное хозяйство не будет переведено на военные рельсы.

Нарастающая угроза нападения на СССР обязывала партию и народ заботиться о постоянной мобилизационной готовности всех отраслей промышленности, которые при необходимости должны служить фронту. Крупные гражданские предприятия, имевшие заблаговременно разработанные военно-мобилизационные планы, выполняли специальные заказы для армии и флота. Эти мероприятия не только увеличивали выпуск военных материалов, но и укрепляли военно-промышленную базу, повышали ее мобильность, создавали условия для перестройки индустрии в минимально короткие сроки.

¹ ЦГАСА, ф. 51, оп. 2, д. 488, л. 115, Экономическая жизнь СССР, кн. 1, стр. 295

Производство вооружения и боевой техники в 1930—1935 гг.¹

Боевая техника и вооружение	Количество (шт)					
	1930 г	1931 г	1932 г	1933 г	1934 г	1935 г
Самолеты . .	899	860	1734	2952	3109	2529*
В том числе						
бомбардировщики	—	100	72	291	392	59
истребители	—	120	74	336	570	776
Танки и танкетки	170	740	3038	3509	3565	3055
Артиллерия**	952	1966	2574	4638	4123	4383
В том числе						
малых калибров	344	1040	972	2884	2521	3395
средних калибров	600	870	1576	1703	1527	974
Винтовки (тыс шт)	126	174	224	241	303	222
Пулеметы*** (тыс шт)	9 7	41 0	45 0	32 7	29 2	29 6

* В том числе поступило в НКО 1612 самолетов
** Без морской артиллерии
*** В том числе станковые, ручные, танковые авиационные

Партия и правительство принимали энергичные меры, направленные на улучшение качества боевой техники и вооружения. Наряду с модернизацией вооружения велась напряженная работа по созданию новейших его образцов.

Таким образом, благодаря индустриализации была обеспечена экономическая и техническая независимость СССР, окреп оборонный потенциал страны. Оснащение Советской Армии отныне базировалось на собственных производственных и технических возможностях.

Для строительства Вооруженных Сил и укрепления военного потенциала государства исключительно важное значение имела культурная революция. Рост культурно-технического уровня рабочих и колхозников, создание многочисленной народной интеллигенции существенным образом повлияли на общий уровень призывников. Вооруженные Силы пополнялись грамотными людьми, способными в короткие сроки овладеть сложной боевой техникой. Расширились возможности подготовки и накопления обученных стратегических резервов для развертывания массовой армии в случае войны.

Высокий уровень системы общего и специального образования, достижения советской военной науки послужили прочным фундаментом для формирования высококвалифицированных военных кадров, потребность в которых резко возросла в связи с увеличением численности Вооруженных Сил и их технической реконструкцией.

Успешное решение проблемы кадров оказало огромное влияние на укрепление экономической и оборонной мощи СССР, давало возможность в случае войны быстро организовать слаженное военное хозяйство и обеспечить Вооруженные Силы технически подготовленным личным составом.

Усилиями народа, руководимого Коммунистической партией, была создана сильная социалистическая экономика. Поднялись индустриальные гиганты, неизмеримо возрос экономический потенциал страны. Однако социализм, утверждение которого первыми на Земле отмечали в середине 30-х годов трудящиеся СССР, был во многом не похож на зрелый социализм. Наглядно это различие проявлялось в несоответствии медленно изменявшегося внешнего облика страны сущности бурных революционных преобразований, происходивших в ней.

¹ Составлено по ЦГАОР, ф. 8418, оп. 25, д. 14, лл. 1—5. Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 8044, оп. 1, д. 2976, л. 5.

Люди еще только привыкали к тому, что необходимое можно приобрести без карточек, норм, ограничений. Городские дома современного типа терялись среди зданий, почерневших от времени. Антенны высились на крышах, а подвальные помещения еще были густо заселены. В деревнях было много старых ветхих строений. И свои, отечественные грузовики, первые из которых прошли по Красной площади во время праздничной демонстрации, с шумом проезжали по булыжным мостовым, вязли в цепкой грязи проселочных дорог. Капуло в прошлое время, когда взрослые люди не могли прочитать вывески и распознавали магазины по их витринам. В то же время книг не хватало, и даже подписка на газеты жестко лимитировалась. Всеобщий спрос на печатное слово превышал возможности бумажных фабрик и типографий.

Но социалистический базис уже был создан, новое общество построено. И хотя оно еще не развернуло всех своих качеств, его неисчислимые преимущества давали реальные возможности добиться еще большего в ближайшем будущем. Главное же заключалось в том, что социализм, несмотря на родимые пятна старого мира, уже был достаточно мощным, чтобы успешно противостоять любой империалистической агрессии.

3. Социально-политическое и идейное единство советского народа — новая движущая сила советского общества

В результате социалистического обобществления средств производства и утверждения общественной собственности в СССР была преобразована вся совокупность социальных отношений. Вопрос «кто — кого» в борьбе с внутренними враждебными силами был бесповоротно решен в пользу социализма. Коренным образом изменилось положение людей в производстве. Трудящиеся поставлены в равное отношение к средствам производства как к общественной собственности. Между людьми установлены отношения товарищеской взаимопомощи и сотрудничества, исключающие всякие формы социального гнета.

На основе социалистической собственности возникли и развились экономические законы социализма. Содержанием и целью общественного производства стало все более полное удовлетворение растущих потребностей трудящихся. Утверждение социалистической собственности на средства производства и создание плановой экономики избавили общественное производство от стихии, анархии, экономических кризисов, разрушения производительных сил. Планомерная организация экономики обеспечила высокие и устойчивые темпы развития народного хозяйства СССР. В то же время капиталистическое хозяйство дважды испытало разрушительные экономические кризисы. С 1913 по 1935 г. выпуск промышленной продукции в США увеличился на 28,6 процента, в Англии — на 4, в Германии — на 5,9 процента, а во Франции сократился на 6 процентов.

Социализм уничтожил капиталистический способ распределения материальных и духовных благ — по капиталу, земле и стоимости рабочей силы. Поскольку в социалистическом обществе средства производства принадлежат трудящимся, производимые блага также являются их достоянием и распределяются в прямой зависимости от количества и качества труда. Осуществлялся великий принцип социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду; в сочетании с моральными стимулами он стал мощным двигателем общественного прогресса.

Социально-экономическое содержание труда коренным образом изменилось. Освобожденный от эксплуатации, он из частного дела каждого все более превращался в почетную общественную обязанность. Сознание того, что трудящиеся работают на себя, на свое общество, поро-

дило массовый трудовой энтузиазм и творческую инициативу. Во всех отраслях народного хозяйства возникло движение за пересмотр технически устаревших норм, освоение новой техники и высокую производительность труда, которое получило название стахановского движения по имени одного из зачинателей этого движения забойщика А. Г. Стаханова, вырубившего в ночь на 31 августа 1935 г. за одну смену 102 тонны угля и превысившего установленную норму в 14 раз. В числе зачинателей новой формы социалистического соревнования были также: в угольной промышленности — забойщик Н. А. Изотов, на транспорте — машинист П. Ф. Кривонос, в автомобильной промышленности — кузнец А. Х. Бусыгин, в обувной — затяжчик Н. С. Сметанин, в текстильной — ткачихи Е. В. Виноградова и М. И. Виноградова, в станкостроении — фрезеровщик И. И. Гудов и другие.

Движение новаторов развернулось и в сельском хозяйстве. Начало ему положили М. С. Демченко, М. В. Гнатенко, П. Н. Ангелина, К. А. Борин, Ф. И. Колесов. Шла упорная борьба за повышение урожайности зерновых и технических культур, преодоление отставания животноводства, хозяйственно-организационное укрепление колхозного строя.

Коммунистическая партия дала высокую политическую оценку новому патриотическому движению и возглавила его. Опыт новаторов был обобщен на Всесоюзном совещании стахановцев промышленности и транспорта, созванном ЦК ВКП(б) в ноябре 1935 г. Стахановское движение означало качественно новое в социалистическом соревновании и отражало более высокий этап в строительстве социализма.

Сдвиг в экономике привел к коренным изменениям в классовом составе населения. Исчезли эксплуататорские классы, так как была ликвидирована породившая их экономическая основа — феодальная и капиталистическая собственность. В соответствии с двумя формами социалистической собственности — общенародной и кооперативно-колхозной — общество состояло теперь из двух классов — рабочего класса и крестьянства. В ходе социалистического строительства и они претерпели коренные изменения. Рабочий класс перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова. Совместно со всем народом он стал владеть всеми средствами производства, играя руководящую роль во всех сферах жизни общества. В процессе социалистического строительства неуклонно возрастали численность и удельный вес рабочего класса в общем населении страны.

В самой социальной структуре рабочего класса произошли качественные изменения. Если в первые годы Советской власти небольшая часть рабочих была занята на частнокапиталистических предприятиях, а также в хозяйствах кулаков (батраки), то теперь все рабочие трудились на социалистических предприятиях. В связи с ликвидацией безработицы рабочий класс перестал делиться на активную и резервную часть.

Существенно преобразовался и его национальный состав. В результате социалистического размещения производительных сил, расцвета экономики национальных республик при братской помощи русского народа сформировались национальные кадры рабочих, что способствовало повышению роли рабочего класса и расширению его влияния в стране.

Иными стали источники и процесс пополнения рабочего класса. Теперь крестьянство шло в город не стихийно, не под влиянием разорения и нищеты, а на основе организованного набора рабочих путем договоров промышленных предприятий и строительных организаций с колхозами и колхозниками. Это были люди, уже прошедшие школу общественного труда в коллективных хозяйствах.

Другой стала социальная психология рабочего класса. С победой социализма рабочие начали по-иному относиться к общественной собствен-

ности, труду и друг к другу. Труд, наполненный глубоким социальным содержанием, становился творческим. Конкуренция из-за получения работы или большей заработной платы сменялась подлинным товариществом и братской взаимопомощью. Морально-политический облик рабочего класса обогатился новыми чертами, отражавшими советский образ жизни.

Крестьянство из класса мелких товаропроизводителей, в прошлом эксплуатируемого помещиками, кулаками и городской буржуазией, также превратилось в совершенно новый класс — колхозное крестьянство. На 1 июня 1935 г. колхозы объединяли 83,2 процента крестьянских хозяйств. Это означало победу курса партии на коллективизацию сельского хозяйства. Общественная собственность, коллективный труд и повышение уровня техники способствовали ускорению развития производительных сил сельского хозяйства и повышению благосостояния колхозного крестьянства. Под руководством рабочего класса оно активно участвует в социалистическом строительстве и управлении государством.

С построением социализма ликвидирована былая противоположность между городом и деревней. Социалистический город оказал деревне огромную помощь в ликвидации помещиков и кулаков, в обеспечении крестьянства машинной техникой и кадрами. Новые взаимоотношения между городом и деревней укрепили союз двух дружественных классов — рабочих и крестьян. Теперь в основе классовых различий между рабочими и крестьянами лежали лишь различия между двумя формами общественной социалистической собственности — общенародной и кооперативно-колхозной. Их однотипность является объективной предпосылкой для постепенного устранения всех классовых различий.

Победа колхозного строя привела к глубокому изменению духовного облика и психологии крестьянина. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин писал в «Правде» в июле 1932 г., что «на колхозы нельзя смотреть только со стороны материально-производственной. Коллективное производство есть основа, на которой строится социалистическая жизнь в деревне. Изменяется психология людей, расширяется их кругозор вначале до понимания общеколхозных, а затем до общегосударственных, социалистических задач».

Вступив в колхоз, крестьянин становился носителем социалистической собственности, изменялась его роль в общественной организации труда. В деревне также распространилось социалистическое соревнование и ударничество как проявление нового отношения к труду, преодоление прежней индивидуалистической психологии крестьянина.

Для миллионов крестьян колхозный строй стал замечательной школой общественно-политической деятельности.

Морально-политический облик крестьянства все более характеризовался глубоким пониманием общественных интересов, патриотическими чувствами и высокой трудовой активностью. Из среды колхозников выросли талантливые организаторы производства; к активной общественной жизни приобщились женщины, в прошлом самая отсталая часть деревенского населения.

Социалистическая интеллигенция по своему составу отражала новую социальную структуру общества, которое уничтожило межклассовый антагонизм. Совершенно иным стал и характер деятельности интеллигенции. Если раньше ее основная часть служила интересам имущих, то в условиях социализма она служит народу. Вместе с рабочим классом и крестьянством советская интеллигенция строит новое общество, содействуя научно-техническому и социальному прогрессу. Она стала массовой социальной группой. Значительно увеличилась ее численность, возросла

роль в развитии материального производства и духовной культуры. С полным основанием А. М. Горький говорил: «Нашу культуру строят удивительно даровитые и дерзкие люди — бывшие батраки, батрачки, рабочие, работницы, ныне — уже мастера своего дела. Они — плоть от плоти и кость от кости своего класса»¹

Социалистический строй устранил противоположность между умственным и физическим трудом. Достижения науки, культуры, искусства стали достоянием народа и используются в его интересах.

Таким образом, классовые отношения при социализме характеризуются товарищеским сотрудничеством, взаимопомощью и нерушимой дружбой рабочих, крестьян, интеллигенции.

Социализм ликвидировал экономическую и социально-классовую основу национальной розни и неравенства между народами. Ранее отсталые нации и народности шли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Опираясь на братскую взаимную помощь всех народов СССР, они создали современную крупную промышленность и колхозы. При этом экономика в прошлом слабо развитых районов и республик развивалась более быстрыми темпами, чем в старых промышленных районах страны. Так, в Центральной России объем промышленного производства в годы первой пятилетки возрос в 2 раза, а в национальных республиках и областях — более чем в 3,5 раза. Быстрее развивалась тяжелая индустрия, особенно электроэнергетика, машиностроение и металлообработка.

Одновременно с выравниванием уровня экономики республик и районов страны развивалась культура, воспитывались кадры из среды местного коренного населения. На основе социалистических преобразований экономики и общественных отношений, изменения классовой структуры, культурной революции сформировались социалистические нации. Стоял могучий союз наций, спаянный единой марксистско-ленинской идеологией, пролетарским социалистическим интернационализмом. Социально-политическое и идейное единство народов СССР еще более укрепил оборонный потенциал страны.

Вместе с экономическим базисом и классовой структурой социалистического общества изменялись роль и функции политической надстройки — государства диктатуры пролетариата. Отпала функция подавления эксплуататорских классов внутри страны. Совершенствовались хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность государства, функции по охране и умножению общественной собственности, контролю за мерой труда и потребления. Дальнейшее развитие получила функция обеспечения обороны от империалистических агрессоров. Строительство нового общества в условиях борьбы двух противоположных социальных систем требовало создания мощных Вооруженных Сил, способных надежно защищать завоевания социализма.

Важнейшей закономерностью строительства социализма является руководство Коммунистической партии. После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин выдвинул положение о расширении масштабов руководящей деятельности партии, повышении ее ответственности за судьбы Советской страны. В начале 20-х годов, когда антипартийные группы пытались принизить руководящую роль партии, В. И. Ленин дал им решительный отпор: «Чтобы управлять, — говорил он, — надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией»². Это ленинское положение, получившее дальнейшее творческое развитие в решениях съездов и конференций партии, легло в основу всей политической, организаторской

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 27, стр. 137.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 254.

и идеологической деятельности партии в период борьбы за построение социализма в СССР.

Огромные социально-политические изменения, происшедшие в стране, еще больше повысили роль партии в жизни советского общества, укрепили ее авторитет, расширили связи с массами. Партия рабочего класса постепенно становится партией всего народа. В Конституции, принятой VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г., положение Коммунистической партии в стране определялось следующим образом: «...наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»¹.

Только партия коммунистов могла так последовательно, целеустремленно и научно выражать объективные общественные потребности социализма, вдохновлять и побуждать массы трудящихся на их осуществление. Она, как политический вождь рабочего класса и всех трудящихся, является организатором борьбы за коммунистические идеалы, заботливым учителем и воспитателем народных масс. В этих направлениях разворачивалась революционно-преобразующая деятельность партии на всех этапах ее славной истории.

Намечая перспективы социалистического строительства, ВКП(б) совершенствовала формы и методы своей политической и организаторской деятельности, творчески развивала ленинское учение о партии. Существенным вкладом в него явилась конкретизация положения о соотношении между политической и организаторской работой, научном подходе к подбору, воспитанию и выдвижению кадров, организации проверки исполнения, укреплению единства и чистоты рядов партии, идейно-политическом воспитании ее членов. Все это обеспечило успешное выполнение партией роли передового борца за построение коммунистического общества в нашей стране.

Взросшая роль Коммунистической партии как политического вождя советского народа выразилась прежде всего в выработке научно обоснованной экономической политики. Когда в СССР закончилась в основном техническая реконструкция народного хозяйства, партия поставила задачу: догнать и перегнать наиболее развитые в экономическом отношении капиталистические страны. Значительный рост технической вооруженности народного хозяйства, всемерное развитие машиностроения и всей тяжелой промышленности, решительное улучшение организации и технологии производства, широкое внедрение новейших достижений науки и техники, количественный и особенно качественный рост производственных кадров, повышение производительности труда и трудовой дисциплины — вот главные пути решения этой задачи.

Учитывая нарастание агрессивности империализма, партия и Советское правительство предусматривали создание крупных государственных резервов металла, топлива, электроэнергии, продовольствия. Вместе с тем принимались меры, способствовавшие развитию оборонной промышленности, всех видов транспорта, а также более рациональному размещению производительных сил.

На пленумах ЦК партии всесторонне обсуждались коренные вопросы хозяйственного строительства. Центральным Комитетом конкретно определялись основные принципы развития отдельных отраслей промышленности

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937, стр. 31.

и сельского хозяйства. Эти решения учили партийные и хозяйственные кадры ленинским принципам руководства.

Партия с помощью Советов, профессиональных союзов и комсомола подняла миллионы людей на активный, творческий и созидательный труд.

Как и на предыдущих этапах социалистического строительства, партия привлекала через Советы широкие массы трудящихся к управлению государством, активному участию в хозяйственном и культурном строительстве. Огромную работу в этом направлении проводили секции и депутатские группы Советов. В 1934 г. только в РСФСР действовало более 60 тыс. депутатских групп, насчитывавших почти 2 млн. активистов.

Другой важной формой вовлечения трудящихся в активную борьбу за социализм, выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов служили профессиональные союзы — школа коммунизма, школа хозяйствования. Под руководством партии профсоюзы своей повседневной работой в массах поднимали их творческую активность, организовывали социалистическое соревнование и ударничество, боролись за твердую производственную дисциплину и высокую производительность труда.

Возросшая роль профессиональных союзов в советском обществе нашла выражение в ряде постановлений, принятых партией и правительством. В 1933 г. профсоюзам были переданы управление государственным социальным страхованием и контроль за соблюдением трудового законодательства, охраны труда и техники безопасности. В 1934 г. на профсоюзы были возложены функции низовых органов рабоче-крестьянской инспекции на предприятиях и руководство общественным контролем за работой магазинов, столовых, отделов рабочего снабжения. ВЦСПС и центральным комитетам союзов было поручено проверять выполнение директив партии и правительства по вопросам производства и заработной платы, а также по реализации предложений рабочих.

Расширение функций профсоюзов и активизация их деятельности во всех сферах общественной жизни явились одним из ярких показателей развития в СССР социалистической демократии, непрерывно крепнувших связей партии и народа.

Большую роль в социалистическом строительстве играл Ленинский комсомол. Коммунистическая партия направляла его усилия на организацию активного участия советской молодежи в строительстве нового общества, на воспитание подрастающего поколения в духе коммунистических идей. Комсомольцы вместе с коммунистами шли в первых рядах строителей социалистической индустрии и коллективного сельского хозяйства и не жалели сил для укрепления обороны страны. Комсомол выступал инициатором многих патриотических начинаний, проявлял упорство, мужество и героизм в их претворении в жизнь.

Ленинский комсомол вел оборонно-массовую работу, активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи, готовил идейно и физически закаленных защитников Родины. Многие юноши и девушки занимались в аэроклубах, стрелковых кружках, сдавали нормы спортивного комплекса «Готов к труду и обороне СССР».

Возросла роль партии в духовном развитии советского общества. Ее усилия были направлены прежде всего на разработку важнейших проблем строительства социализма. Партия развернула огромную идеологическую работу, стремясь к тому, чтобы советские люди, и прежде всего коммунисты, глубоко овладевали знаниями марксизма-ленинизма. Учитывая сложность и напряженность международной обстановки, она придавала первостепенное значение пропаганде славных революционных традиций рабочего класса, народа, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, разоблачала агрессивные планы империализма, прививала трудящимся чувство постоянной бдительности.

В отличие от капитализма, раздираемого непримиримыми классовыми противоречиями, социализм породил новые движущие силы общественного развития, вытекающие из природы нового строя: социально-политическое и идейное единство народов СССР, их дружбу и патриотизм. Это придало обществу невиданную ранее прочность и жизнеспособность.

Социально-политическое единство советского народа означает, что все классы и социальные группы общества объединены социалистическим способом производства, безраздельно признают политику Коммунистической партии как свою собственную. Оно явилось результатом многолетней деятельности Коммунистической партии по созданию и упрочению союза рабочего класса и крестьянства. Это единство советского народа представляет собой более высокую качественную ступень союза рабочего класса и крестьянства в условиях победы социализма.

В процессе социалистического строительства наряду с экономическим и политическим единством рабочих, крестьян и интеллигенции сложилось их идейное, духовное единство. На базе социалистических общественных отношений, советского уклада жизни, широкого распространения марксистско-ленинской идеологии, роста образования и культуры формировалось социалистическое сознание советских людей, в их взаимоотношениях утверждались принципы коммунистической морали и нравственности.

Высшее проявление социально-политического и идейного единства советского общества — сплоченность всего народа под руководством Коммунистической партии, последовательно выражающей жизненные интересы всех советских людей, беззаветно борющейся за их осуществление. Нерушимое единство Коммунистической партии и советского народа — главная черта социально-политического облика социализма.

Если социально-политическое и идейное единство выражает экономическую, политическую и духовную общность советского общества, то дружба народов отражает нерушимую сплоченность наций и народностей нашей Родины. Она — естественный результат претворения в жизнь ленинской национальной политики и принципов социализма.

Социальная структура, присущая социалистическому строю, стала единой для всех наций СССР. На смену буржуазным пришли социалистические нации с новым социально-экономическим и духовным обликом. Великие идеи пролетарского интернационализма нашли реальное воплощение в дружбе и братской взаимопомощи всей многонациональной семьи советских народов. Дружба народов СССР способствует дальнейшему расцвету и сближению наций и народностей, сплочению их вокруг Коммунистической партии, повышению их политической и трудовой активности, укреплению экономического и оборонного могущества страны, успешному движению ее по пути к коммунизму.

Неотъемлемым элементом общественного сознания советских людей, подлинно всенародным чувством, сплотившим рабочих, крестьян и интеллигенцию, является советский патриотизм, который возник одновременно с зарождением советского общества. Впитав в себя лучшие прогрессивные и революционные традиции народов нашей страны, он ярко проявился в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны, развился и окреп в процессе социалистического строительства.

Забота об идейно-политическом сплочении советского народа диктовалась не только внутренними потребностями развития социалистического государства, но и усилением угрозы военного нападения на нашу страну. Международный империализм стремился за счет СССР разрешить свои глубокие противоречия. Нужно было всемерно повышать политическую сознательность и бдительность советских людей. Коммунистическая пар-

тия воспитывала в советских людях благородные качества строителей коммунизма: высокую идейность, принципиальность, бдительность, укрепляла в них чувство несокрушимого единства, коллективизма и интернационализма. Социализм, все более утверждавшийся в СССР, представлял собой решающий фактор защиты от врагов завоеваний Великого Октября.

Выдающийся трудовой подвиг советского народа, сумевшего в кратчайший исторический срок осуществить невиданные в истории социалистические преобразования и выдвинуть экономику своей страны на одно из первых мест в мире, радовал всех поборников социального прогресса, сторонников революционного переустройства мира на основах коммунизма. Приверженцы же империалистического общества были встревожены тем, что социализм обретал материальную силу и раскрывал свои неоспоримые преимущества перед капитализмом.

Буржуазные фальсификаторы истории, прибегая к самой изощренной лжи, всегда ставили под сомнение достижения СССР, распространяли версию, будто успехи в развитии советской экономики не связаны с социалистическим общественным строем. Но подобное утверждение равносильно тому, что могучее дерево способно вырасти без той почвы, в которую уходят его корни.

Некоторые буржуазные фальсификаторы пытаются доказать, что советская экономика развивалась за счет помощи других стран, поставлявших Советскому Союзу машины, оборудование, открывавших ему новейшие достижения науки и техники. На такой ложной позиции находится французский социолог Шамбр¹.

Конечно, Советский Союз никогда не отказывался от возможностей взаимовыгодного обмена с капиталистическими государствами. Однако успехи его экономики объяснялись прежде всего достижениями советской научно-технической и конструкторской мысли, созданием и развитием отечественного машиностроения и самоотверженным трудом рабочих и крестьян. Роль иностранного машиностроения была невелика: удельный вес импорта в общем размере потребления машин и оборудования в СССР составлял в 1932 г. всего лишь 12,7 процента, снизившись к 1937 г. до 0,9 процента². В январе 1935 г. Г. К. Орджоникидзе с гордостью за успехи народа отмечал, что за редким исключением все оборудование, все машины для нужд страны производятся на отечественных заводах³.

Некоторые буржуазные авторы вслед за троцкистами утверждают, что развитие экономики Советского Союза якобы противоречило его интернациональному долгу. Так, фальсификатор Шарндорф пишет: Коммунистическая партия «превращала аграрную страну в одну из крупнейших промышленных держав мира в надежде создать рабочий класс... Она... предала забвению мировую революцию»⁴. Даже теперь, когда для оценки событий прошлого можно воспользоваться накопленным историческим опытом, троцкисты и их буржуазные сообщники ставят вопрос: способствовало ли строительство социализма в СССР делу мировой революции? На это можно ответить контрвопросом: как обстояло бы дело с судьбами мировой революции, если бы в канун второй мировой войны Советская страна не обрела своей экономической и оборонной мощи?

Американский политический деятель сенатор Дж. Фулбрайт откровенно признал: «Успех коммунизма как революционной силы в мире является... результатом влияния и примера Советского государства, которое...

¹ H. S h a m b r e. Union Soviétique et développement économique. Paris, 1967, p. 188.

² Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.). Статистический сборник. М.—Л., 1939, стр. 28.

³ Г. О р д ж о н и к и д з е. Статьи и речи. Т. 2. 1926—1937. М., 1957, стр. 639.

⁴ W. S c h a r n d o r f f. Die Geschichte der KPdSU. München, 1961, S. 7.

превратило в течение жизни одного поколения отсталую Россию в мощную современную промышленную державу»¹.

Превращение Советского Союза в мощную индустриальную державу протекало в тесном взаимодействии с укреплением социально-политического и идейного единства советского народа.

4. Борьба Советского государства с подрывной деятельностью империалистических разведок

Одним из важных направлений деятельности Коммунистической партии и Советского государства, имеющей своей целью укрепление обороноспособности страны как оплота прогресса и мира на земле, является борьба с антисоветскими происками империалистических разведок.

В условиях подготовки империалистами новой мировой войны резко активизировалась шпионская и диверсионно-террористическая деятельность против СССР.

На службе английской, французской, германской, японской, польской и других разведок находились «вожди» белоэмигрантского воинства: Кутепов, Врангель, Петлюра, Савинков, Семенов, Скоблин и другие. Империалистические разведки и белоэмигрантские центры выступали единым фронтом против СССР, тесно координируя свои антисоветские планы.

Главными целями этих планов являлись подрыв оборонной и экономической мощи Советского государства, проведение в широких масштабах акций идеологической диверсии, подготовка условий для новой вооруженной интервенции.

Активно проявляли себя в подрывной работе против СССР английские спецслужбы. Организуемые ими антисоветские политические провокации должны были осложнить международное положение СССР, а шпионская, диверсионно-террористическая и вредительская деятельность ослабить его военно-экономический потенциал.

Реакционная буржуазная печать не скрывала, что английская секретная служба ведет интенсивную работу против СССР. В британском журнале «Аэроплейн» от 26 апреля 1933 г. была помещена статья, в которой говорилось, что созданный в английских разведорганах отдел «промышленного шпионажа» имеет будто бы «фактически полный список всех русских авиационных заводов с достаточно достоверным описанием характера выпускаемой ими продукции, а также сведения о производительности этих заводов».

Однако в результате предпринятых органами госбезопасности СССР мер были сорваны попытки «Интеллидженс сервис» собрать шпионскую информацию об оборонной мощи Советского государства, затормозить восстановление и развитие промышленности, ослабить морально-политический потенциал Советской страны.

Органы госбезопасности вскрыли и использовали немало резидентур и агентов английских спецслужб. В 1925 г. был положен конец шпионско-террористической деятельности профессионального английского разведчика Рейли. По операции «Трест» органы ОГПУ передавали английской разведке и спецслужбам других капиталистических государств фиктивную «разведывательную» информацию, которую высоко оценивали правящие круги и генеральные штабы Англии, Франции, а также лидеры белой эмиграции.

В 1927 г. была ликвидирована диверсионно-террористическая группа, возглавлявшаяся заведующим консульской частью миссии Великобрита-

¹ J. Fulbright. Prospects for the West. Cambridge (Massachusetts), 1963, p. 4—5.

нии в Москве Уайтом, по заданию которого готовились взрывы в Кремле и Большом театре.

В 1930 г. органы госбезопасности обезвредили шпионско-диверсионную организацию, действовавшую в судостроительной промышленности под прикрытием английской фирмы «Ллойд-Регистр». В 1933 г. такая же участь постигла вредительскую организацию, занимавшуюся шпионажем под прикрытием английской электротехнической фирмы «Метро-Виккерс».

Через эти организации английская разведка намеревалась подготовить и осуществить ряд диверсий после того, как начнется война против СССР, вывести из строя важнейшие военные и промышленные объекты и сорвать снабжение Советской Армии оружием и боеприпасами.

Французская разведка совместно с английскими и польскими разведывательными службами организовывала различного рода провокации, вела активную шпионскую работу на территории СССР, стремясь выявить военный потенциал страны, материальные и людские резервы, состояние тыла и т. п.

С французской разведкой была тесно связана шпионско-диверсионная и террористическая деятельность «Народного союза защиты родины и свободы», «Российского общевойска союза», «Высшего монархического совета», «Национально-трудового союза нового поколения России» и других центров белой эмиграции.

Совместно с английской разведкой и «Торгпромом»¹ спецслужбы Франции в 1928 г. создали и субсидировали шпионско-диверсионную организацию «Промпартия», подрывная деятельность которой нанесла большой ущерб нашему народному хозяйству.

Органы государственной безопасности СССР выявляли и пресекали деятельность французской разведки, нейтрализовали проiski белой эмиграции, препятствуя объединению ее центров в единый антисоветский блок. Успешно были проведены мероприятия по разгрому эсеровского «Народного союза защиты родины и свободы» (операция «Синдикат»), вскрытию резидентур французской разведки в Ленинграде, Одессе, Николаеве и других городах СССР. В 1930—1931 гг. органы ОГПУ ликвидировали «Промпартию», «Трудовую крестьянскую партию» и «Союзное бюро РСДРП (меньшевиков)». Ликвидация этих организаций в значительной степени расстроила планы английских и французских империалистов по подготовке вооруженной интервенции против СССР.

С образованием очага новой мировой войны на Дальнем Востоке усилилась подрывная деятельность японской разведки. Милитаристские правящие круги Японии и военщина поставили перед своими специальными службами задачу разведывательной подготовки войны против СССР в форме сбора военной, политической и экономической информации, организации акций, направленных на подрыв его военно-экономической мощи. С этой целью территория советского Дальнего Востока была даже разбита на ряд стратегических направлений (хабаровское, владивостокское, куйбышевское, благовещенское, биробиджанское и борзинское).

Подрывную деятельность против СССР японская разведка тесно координировала с разведслужбами фашистской Германии. В 1934 г. Японию посетил майор Отт — один из ближайших помощников полковника Николай, начальника немецкой военной разведки.

В планах организации антисоветских провокаций, бандитских налетов на советскую территорию японские милитаристы и спецслужбы Японии делали ставку на многочисленные белоэмигрантские центры, находившиеся в Маньчжурии, в том числе «Российский фашистский союз», «Бюро по

¹ Торгово-промышленный комитет объединял бежавших после революции крупных русских промышленников и банкиров.

делам российских эмигрантов», «Украинскую национальную громаду» и др. Маньчжурия была превращена в очаг антисоветских провокаций, центр по подготовке и заброске на советскую территорию шпионов, диверсантов и террористов.

С 1931 г. резко усилилась провокационная деятельность японских спецслужб и белоэмигрантских организаций в Северной Маньчжурии, особенно в районе КВЖД. Пытаясь спровоцировать конфликт между СССР и Японией, японская разведка в декабре 1931 г. готовила провокационное покушение на японского посла в Москве. Однако эта акция была своевременно вскрыта органами госбезопасности. Для шпионажа на территории нашей страны спецслужбы Японии широко использовали японские официальные представительства (посольство, консульства, концессии и т. п.).

Советские органы госбезопасности вскрыли и ликвидировали на Дальнем Востоке ряд шпионско-диверсионных групп, созданных японской разведкой из бывших белогвардейцев, кулаков и контрабандистов. Были выявлены десятки диверсионных организаций, арестованы шпионы и террористы, заброшенные в нашу страну под видом политэмигрантов, предотвращены диверсионные акты на Транссибирской железнодорожной магистрали, важных военных и промышленных объектах.

После того как в 1933 г. гитлеровцы захватили власть в Германии, Советскому государству и его специальным органам пришлось вести активную борьбу с происками немецко-фашистской разведки.

В 1933—1935 гг. органы государственной безопасности разоблачили в Москве, на Украине и в других районах несколько крупных резидентур «Форшунгсамта», чем нанесли серьезный удар по планам разведывательных служб фашистской Германии.

В 1933 г. была вскрыта и ликвидирована резидентура фашистской разведки, действовавшая в СССР под прикрытием немецких представительств паромных и транспортных компаний.

Немецко-фашистскую разведку особенно интересовали районы Украины и Белоруссии как будущий театр военных действий. Используя легальные и нелегальные каналы, она пыталась создать там широкую шпионскую сеть. Однако происки вражеской разведки решительно пресекались органами госбезопасности.

С усилением угрозы военного нападения на СССР резко возросло количество нарушений советской государственной границы. Среди нарушителей было разоблачено много шпионов, диверсантов и террористов. Так, если в 1927 г. органы пограничной охраны задержали более 48 тыс. нарушителей, то в 1933 г. — более 110 тыс.

С 1931 по 1933 г. пограничники задержали более 12 тыс. нарушителей на советско-румынской границе. Территория и разведорганы боярской Румынии активно использовались английской разведкой для организации подрывной работы против СССР. В Бухаресте под руководством резидента «Интеллидженс сервис» Богомольца действовала шпионско-диверсионная резидентура, направлявшая на советскую территорию эмиссаров и агентов с целью шпионажа, совершения диверсионных и террористических актов.

В широких масштабах английские спецслужбы организовывали подрывную работу против Советского Союза с территории прибалтийских буржуазных государств, а также Турции, Ирана и Афганистана. Пограничные районы этих стран использовались для забрасывания в СССР многочисленных бандитских отрядов и групп.

Весной 1933 г. было спровоцировано вооруженное нападение на советскую территорию басмаческих банд общей численностью более 3 тыс. человек, которыми руководил английский агент Ибрагим-бек. В качестве советника при нем находился полковник английской армии Ахметдин-хан.

Налеты вооруженных банд из-за рубежа носили систематический характер. Только за июль — декабрь 1932 г. на границах СССР в Азии было зафиксировано 185 случаев нападения вооруженных банд на советскую территорию.

В борьбе реакции против СССР активную роль играл также американский империализм и его разведывательные службы. Еще в 20-х годах они пытались использовать в своих целях «Организацию помощи голодающим» (АРА). Разведслужбы США стремились создать на советской территории широкую шпионскую сеть, организовать контрреволюционные группы, подготовить опорные базы. С этой целью в миссию АРА включались профессиональные разведчики. Так, из 300 американских сотрудников русского отдела АРА более 200 человек являлись офицерами американской армии, большинство из которых были разведчиками.

В связи с этим Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены были принять специальные меры к пресечению антисоветской деятельности АРА. Руководствуясь указаниями ЦК РКП(б) и Советского правительства, органы государственной безопасности провели соответствующие мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению шпионской деятельности американских разведчиков и их агентов на советской территории, очищению аппарата АРА от враждебных элементов, изъятию антисоветской литературы.

Наряду с АРА американская разведка в 1921—1923 гг. активно использовала в качестве прикрытия для шпионажа в СССР сионистскую организацию «Джойнт». «Благотворительные» цели «Джойнт» служили лишь ширмой, за которой скрывалась истинная деятельность американской разведки в большинстве стран Европы и Азии, и прежде всего в Советской стране.

Находившиеся в СССР под видом сотрудников «Джойнт» американские разведчики и агенты проводили враждебную работу против Советской власти, объединяясь в этом деле с клерикальными буржуазными сионистскими элементами, активно используя их для сбора шпионской информации и проведения иной подрывной деятельности.

Однако правящим кругам США и их разведслужбам не удалось осуществить широко задуманные акции с целью подрыва и ослабления политической и экономической основ Советского государства.

Деятельность органов госбезопасности по борьбе с происками империалистических государств и их разведок способствовала осуществлению активных внешнеполитических мероприятий Советского государства, направленных на предотвращение новой мировой войны, обеспечение мира и безопасности.

5. Советский Союз — оплот прогресса и мира на земле

История подтвердила ленинский анализ мирового развития, его оценку Великой Октябрьской социалистической революции как начала перехода человечества от капитализма к социализму. Самой характерной чертой новой эры явилось громадное ускорение общественного развития и вовлечение в него новых сотен миллионов людей.

Под влиянием Великого Октября подъем революционной волны во всем мире стал реальным фактором, который мешал империалистам уничтожить военной силой Республику Советов.

По ряду объективных и субъективных причин мощное революционное движение 1918—1920 гг. не привело к победе революций в странах Западной Европы.

Но весь ход событий вновь и вновь подтверждал, что будущее принадлежит коммунизму. В. И. Ленин учил, что коммунистические партии

могут и должны соединять в революционной борьбе величайшую страстность с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии, осужденной историей на гибель. Они призваны длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей рабочего класса вырабатывать необходимые знания, опыт, политическое чутье для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов.

На подъем мирового рабочего и коммунистического движения и овладение широкими массами идеями марксизма-ленинизма все большее воздействие оказывала практика строительства социализма в Советском Союзе. В этом коренном вопросе мирового прогресса неразрывно связывались два момента: отпор насилию эксплуататоров и создание новых социально-экономических отношений. В обоих случаях от Республики Советов требовалось показать миру пример, как это делается. «Здесь, — говорил Ленин, — в высшей степени важная задача всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, с точки зрения победы над капитализмом вообще»¹.

Своей военной организацией Страна Советов блестяще доказала, что она в состоянии дать отпор насилию империализма. Теперь революция, победившая в одной стране, перед всем миром должна была отстоять себя не только как сила, способная сорвать новые планы военного удушения, но и как сила, способная осуществить социализм на практике.

Хозяйственное строительство приобретало значение совершенно исключительное. «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию, — говорил В. И. Ленин в мае 1921 г. на X Всероссийской партийной конференции, — мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»².

Всестороннего укрепления экономического потенциала СССР требовали коренные интересы не только советского народа, но и всех антиимпериалистических сил. От уровня развития народного хозяйства, состояния экономики, науки и техники зависела оборонная мощь Советского Союза — главного оплота мира на земле, возможность противостоять империалистической политике агрессии и войны.

Укрепление социализма расширяло возможности эффективной помощи мировому революционному и освободительному движению. Экономические достижения Советского Союза, утверждение ленинских принципов и методов хозяйствования наглядно демонстрировали всему миру великие преимущества нового общественного и государственного строя. Они воочию убеждали, что задачи, которые советский народ временно решал в одиночку и которые казались чисто русскими, будут делом трудящихся всех стран в их борьбе за социализм.

Оценивая международное значение экономического соревнования социализма и капитализма, В. И. Ленин отмечал, что советский народ получил возможность с громадной быстротой развить производительные силы и «доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»³.

Советский Союз в те трудные годы отвоевал себе условия, при которых мог существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными вступать в дипломатические и торговые отношения с социалистическим государством.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 27.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 341.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402.

Его внешнеполитические успехи представляли собой не бесплатный дар исторической судьбы, но результат активной, самоотверженной деятельности людей — строителей социалистического общества, Коммунистической партии, Советского государства и миллионных масс трудящихся за рубежом.

Мирная внешняя политика Советского государства являлась мощным фактором, сдерживавшим агрессивный курс правящих империалистических кругов. Благодаря Советскому Союзу человечество не было ввергнуто в новую мировую войну к середине 30-х годов. Пальмиро Тольятти, выступая на VII конгрессе Коминтерна с докладом «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны», говорил: «Если бы не существовало Советского Союза, передышка между двумя турами войны не была бы столь длительной. Народы давно уже были бы брошены в новую бойню. Наша борьба за мир, в которой мы опираемся на мощь Советского Союза, имеет, следовательно, все шансы на успех»¹.

Однако дело борьбы за мир было чрезвычайно трудным. Всех, кто полагал, что мира можно достигнуть легко, В. И. Ленин называл наивными. Он неустанно напоминал о том, что Советская республика окружена классами, правительствами, людьми, которые открыто выражают величайшую ненависть к ней. «Поэтому, — говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, — кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике»².

Социалистическая система хозяйства успешно выдержала проверку и за короткий исторический срок убедительно доказала свое превосходство над капиталистической. Лучшим агитатором за социализм для трудящихся всего мира служили те большие изменения, которые произошли в общественном положении, материальном и культурном уровне жизни советских людей. Притягательная сила примера нового общественного строя оказывала сильнейшее революционизирующее воздействие на широкие трудящиеся массы за рубежом.

Ленинское положение о силе примера передового отряда мировой революции опрокидывало мелкобуржуазную теорию «подталкивания» революции. Вместе с тем оно способствовало правильному пониманию всеми отрядами международного коммунистического движения их интернационального долга. Партия большевиков видела свой интернациональный долг в том, чтобы, строя социализм в одной стране, развивать и поддерживать революцию в других странах.

«С своей стороны международный пролетариат, — говорилось в программе Коминтерна, принятой на VI конгрессе, — имеющий в СССР свое единственное отечество, важнейший оплот своих завоеваний и главнейший фактор своего международного освобождения, обязан способствовать успехам социалистического строительства в СССР и всеми мерами защищать его от нападения со стороны капиталистических держав»³.

Большое революционизирующее воздействие на трудящихся за рубежом оказывала внешняя политика Советского государства. Политика мира, которая ранее была лишь требованием рабочего класса, всех трудящихся, стала государственной политикой Страны Советов. Стремление многомиллионных народных масс к миру получило государственную поддержку на международной арене.

¹ П. Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи. Перевод с итальянского. Т. 1. М., 1965, стр. 149.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 173.

³ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 3. Программа мировой революции. М.—Л., 1929, стр. 185.

Успешное строительство социализма в СССР, его мирная внешняя политика вдохновляли прогрессивные силы на борьбу против фашизма и войны. Мировой рабочий класс, широкие народные массы пили к первой стране социализма глубокие чувства любви и уважения, видя в ней верного поборника мира и социального прогресса. Достижения советского народа вселяли в сердца миллионов людей за рубежом уверенность в победе социализма во всем мире.

Правительство Советского Союза делало все, чтобы дать возможность рабочему классу Запада через своих делегатов убедиться в том, что СССР есть то рабочее государство, за которое им стоит драться и которое стоит защищать от посягательств капитализма. Посещение Страны Советов зарубежными делегациями во второй половине 20-х и первой половине 30-х годов вылилось в подлинное паломничество. Советское государство и общественные организации трудящихся, оказывая братский прием этим делегациям, завоевывали доверие рабочего класса капиталистических стран, угнетенных народов колоний и прогрессивной интеллигенции.

В период социалистической индустриализации СССР тысячи иностранных рабочих, инженеров из Европы и Америки изъявили желание участвовать в социалистическом строительстве. Прибыв на работу в Советский Союз, они плечом к плечу с советскими людьми создавали первые комплексы социалистической индустрии. Многие иностранные рабочие и специалисты стали членами ударных бригад, а некоторые из них (всего в 1932 г. в СССР работало около 20 тыс. квалифицированных рабочих и специалистов — иностранцев) навсегда остались в Советском Союзе и обрели здесь свою вторую Родину.

Советские и зарубежные рабочие коллективы заключали договоры на международное революционное соревнование. Трудящиеся СССР брали обязательства досрочно выполнить пятилетний план, всемерно поддерживать международное рабочее движение и революционную борьбу народов колоний. Пролетариат за рубежом обещал вести активную классовую борьбу, быть на страже интересов первой в мире власти рабочих и крестьян, готовить рабочий класс к защите социалистического государства в случае покушений со стороны империалистов. Такие договоры были подписаны коллективами балтийских судостроительного и механического заводов и других промышленных и сельскохозяйственных предприятий с делегациями рабочих Англии, Америки, Франции и Германии.

Страну Советов стремились посетить делегации рабочих, деятели культуры, науки и техники. Известный ученый-историк, славный сын негритянского народа У. Дюбуа, впервые посетив Советский Союз в 1926 г., восторженно говорил: «Если то, что я сам увидел и услышал в России, есть большевизм, тогда я большевик»¹. «Я бы считал цель своей жизни не достигнутой полностью, если бы не приехал сюда»², — говорил Рабиндранат Тагор. Приехав в 1930 г. в СССР, он восхищался его историческими успехами. Свои впечатления великий индийский писатель, поэт и общественный деятель выразил в знаменитых «Письмах о России». Лжи, распространяемой недругами советского народа, Тагор противопоставил правду о гигантских сдвигах, происшедших на шестой части земного шара.

Возвращаясь на родину, члены иностранных делегаций в выступлениях, докладах, заявлениях, воззваниях рассказывали об успехах первой страны социализма, разоблачали антисоветские происки империалистов, призывали трудящихся встать на защиту социалистического государства.

¹ Цит. по Н. В е л ь т о в. Успехи социализма в СССР и их влияние на США. М., 1971, стр. 33.

² Р. Т а г о р. Сочинения в восьми томах. Т. 8. М., 1957, стр. 175.

Американская рабочая делегация, посетившая Советский Союз в мае 1931 г., отмечала в декларации: «Огромные достижения в промышленной и культурной области, виденные нами, дают нам возможность лучше понять основы гнусных антисоветских кампаний относительно «религиозных преследований», «демпинга» и «принудительного труда». Мы узнали на митингах и из разговоров с рабочими, что заявления, сделанные во время этих кампаний, — абсурдная ложь; что рабочие в СССР — самые свободные во всем мире люди и полностью поддерживают свое правительство и все его начинания»¹. В знак международной солидарности представители рабочего класса США взяли обязательства помочь советским рабочим в защите от возможных вооруженных нападений².

Делегация рабочих Англии, гостившая в Советском Союзе в мае 1932 г., писала в своем отчете: «Единственное заключение, которое можно вывести из всего нами виденного, — что русские рабочие одержали крупную победу не только для самих себя, но и для рабочих всего мира. Они указали путь, по которому все другие страны должны рано или поздно следовать»³.

Рабочие Швеции, которые приезжали в Советский Союз на празднование 16-й годовщины Октября, писали: «Мы будем рассказывать правду о первом в мире рабочем государстве и этим бороться против той лжи, которую капитализм распространяет об этой стране, против агентов буржуазии в рабочем движении... Поездка открыла нам глаза, так что теперь мы яснее видим преимущество советской системы по сравнению с гнилой капиталистической системой»⁴.

Характерно, что в своих заявлениях иностранные делегации подчеркивали необходимость защиты Советского Союза трудящимися всех стран. Так, женские делегации, прибывшие в СССР в 1934 г. по случаю Международного женского дня, в воззвании к трудящимся женщинам капиталистических стран писали: «Мы призываем вас: сплотитесь вокруг Советского Союза для защиты этого источника социализма, потому что дело рабочих и крестьян Советского Союза является также нашим делом».

В мае 1934 г. с ярким выражением пролетарской солидарности с трудящимися СССР выступила кубинская рабочая делегация. Она заявила: «Псы империализма не ограничиваются лишь одной клеветой на Советский Союз; они стараются всеми средствами развязать войну против страны, которая является гордостью и отечеством мирового пролетариата».

Поэтому мы считаем, что священный долг мирового пролетариата — защищать Советский Союз...»⁵

Великий гуманист XX века французский писатель Ромен Роллан в послании народам Советского Союза писал: «В этот час, когда против СССР направлена ненависть всех разновидностей фашизма и всех видов взбесившейся реакции... я хочу выразить Советскому Союзу свою неизменную верность и свою привязанность к его огромному народу и к его вождям. Я должен сказать, что больше всего привязан к советской молодежи, полной горячей веры и самоотверженности, и что я чувствую себя братски связанным с ней. Живой или мертвый, я всеми своими идеями непрестанно буду с ней и с народами Советского Союза в их испытаниях и боях, в их радостях и горестях, в их геркулесовой работе, расчищающей болота старого мира, чтобы построить на оздоровленной земле новый мир».

¹ Гости пролетариата СССР. М., 1932, стр. 112.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937). М., 1961, стр. 163, 164.

⁵ Там же, стр. 213.

Я буду с ними и в час решающей победы, которая объединит народы всей земли»¹.

Движение в защиту СССР, как и помощь советских людей трудящимся капиталистических стран в их революционной борьбе, есть одно из самых ярких проявлений международной солидарности трудящихся.

Советский Союз и его столица Москва в эпоху социализма стали центром притяжения всех прогрессивных людей планеты. В Москве собирались международные форумы борцов за мир. В ознаменование 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции здесь заседал Всемирный конгресс друзей СССР. Его делегатов — людей различных политических взглядов и партийной принадлежности — сближало одно: желание укреплять дружбу с Советским Союзом, бороться против поджигателей войны, за мир во всем мире. В воззвании, опубликованном всей прогрессивной печатью, участники конгресса заявили: «Война против СССР означает войну против трудящихся всего мира, означает поддержку самой черной международной реакции в ее стремлении к уничтожению рабочего движения во всех странах и к подавлению освободительной борьбы угнетенных народов»².

* * *

Успехи социалистического строительства в СССР продемонстрировали перед всем миром огромное превосходство социализма перед капитализмом, его жизненность и неодолимость. Опыт СССР вместе с тем подтвердил учение марксизма-ленинизма о том, что не реформы, не соглашения с буржуазией, а революционная борьба, свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата приведут народы к подлинному общественному прогрессу, к социализму.

Героический, самоотверженный и вдохновенный труд советского народа, руководимого Коммунистической партией, полностью опроверг доводы, выдвигавшиеся ранее идеологами буржуазии, ревизионистами и троцкистами о невозможности построения социализма в СССР. Сколько усилий потратили враги социализма, доказывая, будто рабочий класс не сумеет управлять предприятиями и социализм не создаст стимулов для эффективной производственной деятельности, будто крестьянские массы нельзя вовлечь в социалистическое строительство и трудящиеся не сумеют защитить свое Отечество. Жизнь опрокинула все эти домыслы.

Построение социализма в СССР — выдающийся подвиг советского народа, возглавляемого Коммунистической партией. Успехи советского народа в строительстве социализма имели не только национальное значение. Они внесли весомый вклад в развитие мирового революционного процесса. Впервые во всемирной истории страна, располагавшая большим экономическим и оборонным могуществом, поставила свои силы на службу делу мира и борьбы против империалистической агрессии. Это явилось ярким свидетельством глубочайших изменений коренного, качественного характера, происшедших на земном шаре и влияющих на судьбы всех стран и всех народов.

¹ Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937), стр. 467.

² «Правда», 15 ноября 1927 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

АРМИЯ ЗАЩИТЫ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

1. Защита социалистического Отечества — великий национальный и интернациональный долг советского народа

В новую эпоху всемирной истории, главное содержание которой составляет смена капитализма социализмом, Советская республика выполняет почетную и ответственную роль авангарда мирового революционного процесса. Все события мировой политики сосредоточились вокруг одного центрального пункта: борьбы всемирной буржуазии против Страны Советов, которая группировала вокруг себя, «с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом»¹.

Советская республика представляла собой оплот социализма, который нужно было во что бы то ни стало любой ценой удержать, сохранить, «пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды»².

Приступая к строительству социализма, Коммунистическая партия отчетливо понимала, что новое общество может быть успешно создано лишь в условиях мира. Вот почему В. И. Ленин в мае 1918 г. от имени всей партии и Советского правительства говорил: «...мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем»³.

Страна Советов всегда выступала истинным борцом за мир, а ее враги (от российской белогвардейщины до заокеанских миллиардеров) — в роли организаторов новых войн, стремящихся огнем и мечом стереть с лица земли ненавистную им власть рабочих и крестьян. Уже на второй день после победоносного Октябрьского восстания в Петрограде вооруженная защита завоеваний революции фактически стала для молодой Советской республики вопросом жизни и смерти.

Организуя вооруженную защиту социалистического Отечества, Коммунистическая партия опиралась на теоретические положения основоположников научного коммунизма. Еще Ф. Энгельс в свое время предвидел, что после завоевания пролетариатом политического господства не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода⁴. Он указывал, что социалистическому обществу совершенно чужды какие бы то ни было захватнические стремления, но, когда ему будет навязана

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 163.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 251.

³ Там же, стр. 343.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 298.

война, каждый гражданин этого общества будет защищать «действительное отечество, *действительный* очаг...»¹. Теоретические выводы основоположников научного коммунизма о вооруженной защите революционных завоеваний, возможности «оборонительных войн» со стороны победившего пролетариата и необходимости создания военной организации нового типа имеют непреходящее значение.

В новых исторических условиях В. И. Ленин творчески обогатил, развил принципиальные указания К. Маркса и Ф. Энгельса о войне и армии, разработал военную программу пролетарской революции, стройное учение о вооруженной защите социалистического Отечества.

Совершив гениальное открытие о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране и невозможности одновременной победы социализма во всех странах, В. И. Ленин сделал научно обоснованный вывод о неизбежном стремлении буржуазии других стран уничтожить социалистическое государство военным путем. Война со стороны победившего пролетариата против империалистических агрессоров, учил он, будет законной и справедливой.

История неопровержимо доказала великую правоту В. И. Ленина: вооруженная защита социалистического Отечества является объективной исторической необходимостью, порожденной агрессивной природой империализма. Это со всей силой подтвердилось в период гражданской войны и иностранной интервенции. Первый поход мирового империализма против Страны Советов потерпел крах. Так, уже в годы борьбы с объединенными силами международной и внутренней контрреволюции проявились преимущества социалистического государства и его вооруженных сил, закономерность их победы над классовыми врагами. Но, ослепленные ненавистью, противники Советской власти настойчиво готовили новую агрессию.

Обосновывая насущную необходимость всемерного укрепления обороноспособности Советской республики как объективную закономерность строительства коммунистической формации, В. И. Ленин неустанно подчеркивал, что, хотя советская дипломатия делает все, чтобы избежать новой интервенции, она возможна в любой день, поскольку враг нас подкарауливает на каждом шагу².

И действительно, опасность новой империалистической агрессии всегда стояла у нашего порога. Империалисты, боясь, как бы искры революционного пожара не перепали на их крыши, лихорадочно готовили новые силы и изыскивали пути ликвидации Советского государства. Они всячески подстрекали к войне с Советской республикой сопредельные ей страны, плели паутину заговоров и провокаций, искали силы, при помощи которых могли бы расправиться с Советским Союзом. С образованием очагов второй мировой войны над нашей страной нависла непосредственная угроза нападения.

Ленинская идея защиты завоеваний социализма стала боевым знаменем партии и народа. В ней сконцентрированы указания, имеющие основополагающее значение для советского военного строительства, дано обоснование ведущей роли Коммунистической партии в объединении всех сил для военной защиты Советского государства; преимуществ социалистического строя над капиталистическим; решающего значения деятельности народных масс, союза рабочих и крестьян как незыблемой основы советского строя; соотношения экономического и морально-политического факторов войны; путей развития Советских Вооруженных Сил на основе прогресса производства, науки и техники; единства фронта и тыла, превра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 539.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112; т. 39, стр. 407.

борьбе против буржуазии, в борьбе за демократию и социализм. Защита социалистического Отечества в одной стране была защитой будущего всего человечества.

В. И. Ленин учил: «...убить войну — значит победить капитал...»¹ В этом смысле победа социалистической революции в нашей стране, защита ее завоеваний имели поистине всемирно-историческое значение для организации борьбы человечества против империалистической агрессии. Само существование Советского государства, его успехи в становлении коммунистической общественно-экономической формации, систематическое укрепление обороноспособности Советского Союза превращали его во все более серьезную преграду империалистическим агрессорам, создавали благоприятные условия для борьбы прогрессивных сил зарубежных стран против милитаризма.

Образование СССР знаменовало новый этап в истории Советской Армии как армии дружбы и братства всех народов Страны Советов. М. В. Фрунзе говорил: «Союз Советских Республик есть союз трудящихся разных национальностей. Красная Армия, являющаяся его отражением... это тоже союз, но союз боевой, в который трудящиеся всех наших советских республик посылают своих сыновей учиться военному делу и рука об руку, единой дружной стеной стоять на страже советской земли»².

Основой основ укрепления могущества первого в мире социалистического государства является руководящая роль Коммунистической партии. Без партии было бы невозможно «...руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата неосуществима»³, — писал В. И. Ленин.

Политика Коммунистической партии — жизненная основа советского строя; политика в области военного строительства, специфической сферы общественной деятельности людей, непосредственно связанной с укреплением обороноспособности государства и мощи его вооруженных сил, — ее важная составная часть.

Неустанно разъясняя великое национальное и интернациональное значение защиты социалистического Отечества, Коммунистическая партия и В. И. Ленин требовали исключительно серьезного подхода к вопросам подготовки страны к обороне. В большом комплексе самых разнообразных мероприятий государства и партии по обеспечению защиты СССР на первый план выдвигалась задача создания и укрепления могучей социалистической армии — армии нового типа, ибо именно она, по словам В. И. Ленина, была нашим главным защитником⁴.

2. Советская Армия — армия нового типа

История убедительно доказала, что выдающуюся роль в обеспечении мира, свободного развития народов, в организации отпора империалистическим агрессорам и разгроме военной машины фашистского блока сыграли Вооруженные Силы Советского государства. Основы их будущего могущества закладывались в дни Октября, во время гражданской войны и в послевоенные годы.

Историческое назначение и классовый характер Вооруженных Сил Советского государства были четко определены в декрете Совета Народных Комиссаров от 15 (28) января 1918 г.: «Старая армия служила ору-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 116.

² М. Фрунзе. Избранные произведения. Т. II. М., 1957, стр. 194.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 94.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 212.

дием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти... Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс»¹.

Всемирно-историческое значение создания Советской Армии состояло прежде всего в том, что впервые в истории была ликвидирована монополия эксплуататорских классов на военную силу. Выступая против империалистической агрессии, трудящиеся всех стран могли теперь рассчитывать не только на экономическую, политическую и идеологическую помощь, но и на реальную военную силу — армию молодого социалистического государства.

Создание Советских Вооруженных Сил — великий подвиг рабочего класса и всех трудящихся нашей страны, руководимых партией коммунистов во главе с В. И. Лениным. История неопровержимо доказала выдающееся значение этого подвига, представлявшего собой неоценимую заслугу Советской России перед человечеством.

Создание вооруженных сил нового типа было сопряжено с преодолением невиданных трудностей. Старая армия для защиты социалистического Отечества была совершенно непригодна. Требовалось совершить подлинный переворот в сознании широких народных масс России, столетиями ненавидевших царскую солдатчину, измученных трехлетней империалистической войной, чтобы изменить их отношение к воинской службе, убедить в необходимости крепкой дисциплинированной социалистической армии. Строительство Советской Армии было совершенно новым делом. Коммунистической партии приходилось многое делать впервые: возглавлять победоносную социалистическую революцию, созидать социалистическое общество, строить социалистическую армию. По словам В. И. Ленина, каждый историк, который будет способен воспроизвести в целом всю деятельность Центрального Комитета партии и Советского правительства за первые годы новой власти, подчеркнет тот факт, что «мы должны были сплошь и рядом идти ощупью», ибо «мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался»².

Эксплуататорские классы создавали свои армии и вырабатывали воинскую дисциплину десятилетиями и даже столетиями. Советскому государству приходилось решать эти сложнейшие проблемы в принципиально ином духе и в крайне сжатые исторические сроки.

Новая военная организация строилась не только необычайно быстрыми темпами, но и в обстановке исключительно тяжелой, по определению В. И. Ленина, «бешеной» гражданской войны, в кровопролитной борьбе с внутренней белогвардейщиной и силами всемирного империализма. Огромные дополнительные трудности возникали в связи с общей экономической отсталостью страны, хозяйственной разрухой, порожденной мировой войной, почти полным отсутствием командно-начальствующего состава из трудящихся классов, особенно старшего и высшего звена, нехваткой вооружения, боевой техники и боеприпасов.

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс молодой республики героически преодолел величайшие трудности и в огне гражданской войны создал новую армию, сумевшую с честью отстоять завоевания Великого Октября.

С переходом Советской Армии на мирное положение сохранилась ее главная задача — стоять на страже государственных интересов диктатуры пролетариата. Так же, как создание и упрочение социализма в целом,

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957, стр. 356.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 138.

строительство вооруженных сил в условиях мирного времени требовало «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы»¹. Оно осложнялось острой классовой борьбой, активизацией внутрипартийных оппозиционных группировок в связи с переходом к новой экономической политике, недостаточным материально-техническим обеспечением Советской Армии и Военно-Морского Флота, малограмотностью и даже неграмотностью значительной части рядового состава. Иначе говоря, и здесь сказывался общий «*р а з р ы в* между всемирно-историческим величием задач, поставленных и начатых и ничтогой материальной и *к у л ь т у р н о й*»².

В той трудной обстановке величайшая заслуга Коммунистической партии заключалась в ее непоколебимой уверенности в возможности обеспечить мирные условия для строительства социализма в СССР. Такая уверенность базировалась на точном анализе уроков исторического развития человечества, особенно побед в Октябре 1917 г. и в вооруженной схватке с мировым империализмом и российской белогвардейщиной в 1918—1920 гг.

Верная политическая линия партии, выработанная на основе марксизма-ленинизма и глубокого исследования исторического опыта революционного движения широких народных масс, весь героический путь большевистской партии, решительная ее поддержка российским и международным рабочим классом и большинством трудящихся, личное руководство великого теоретика и стратега коммунизма В. И. Ленина — все это составляло надежный фундамент в исторической борьбе советских коммунистов. Автор знаменитого романа о Чапаеве Д. А. Фурманов, анализируя трудности в деле социалистического просвещения красноармейцев, писал еще в конце 1920 г.: «Препятствия и затруднения, как водится, неисчислимы... Но может ли это удержать, остановить коммунистов, шагающих через царские троны и божьи престолы? Раз следует препятствия сокрушить — они будут сокрушены»³. Эти слова как нельзя лучше характеризуют общий настрой коммунистов.

В борьбе за укрепление Советской Армии и Военно-Морского Флота Коммунистическая партия и весь советский народ имели оружие огромной силы — ленинский пример решения вопросов военного строительства и ленинское военно-теоретическое наследие.

Выдающаяся роль В. И. Ленина как организатора вооруженных сил социалистического государства, величайшего пролетарского стратега и полководца нового типа, непосредственного вдохновителя и организатора бессмертных побед советского народа на поле битв с многочисленными врагами особенно ярко проявилась в годы гражданской войны. О напряженности военной деятельности В. И. Ленина в те годы можно судить хотя бы по таким фактам: только за 15 месяцев (с 1 декабря 1918 г. по 27 февраля 1920 г.) Совет Рабочей и Крестьянской Обороны провел 101 заседание, на которых было обсуждено около 2300 вопросов организации обороны страны. На всех заседаниях, за исключением двух, председательствовал В. И. Ленин. Только за годы гражданской войны В. И. Лениным написано и отправлено в разные концы страны не менее 600 директивных документов, указаний, распоряжений, писем по военным вопросам⁴. За это же время, по далеко не полным данным, Владимир Ильич 216 раз выступил на массовых собраниях и митингах.

Неустанное внимание В. И. Ленин уделял всемерному укреплению Вооруженных Сил и в годы мирного строительства. Советские военные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 17—18.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 414.

³ «Политработник», 1921, № 2, стр. 5.

⁴ Ю. Корблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, стр. 44.

работники учились у вождя стилю его работы. Многие видные деятели прошли ленинскую школу в огне трех революций, закалились в горниле гражданской войны.

Воспитываясь на ленинских идеях, которые раскрывали необходимость, сущность и главные пути решения задачи вооруженной защиты социалистического Отечества, весь личный состав Советской Армии проникался сознанием величия революционного долга, возложенного на него историей в деле создания и укрепления армии нового типа.

Особенности Советской Армии как армии нового типа, коренным образом отличающие ее от армий эксплуататорских государств, определяются самой сущностью нового строя, порожденного Октябрьской революцией. Важнейшие из них состоят в том, что Советская Армия является армией социалистического государства, неразрывно связана с народом, многонациональна; ее воины воспитаны в духе высокой коммунистической сознательности, в духе дружбы народов и пролетарского интернационализма; она — армия товарищеской железной дисциплины, самоотверженный борец за мир между народами, всегда готовый дать отпор империалистической агрессии. В своей резолюции VIII съезд РКП(б) записал: «...исторический смысл существования Красной Армии состоит в том, что она является орудием социалистической самообороны пролетариата и деревенской бедноты...»¹

В противоположность буржуазным армиям, которые складывались на базе буржуазных производственных отношений, общественного, государственного строя и идеологии, Советская Армия строилась на основе крепнущего социалистического базиса, советского общественного и государственного строя, союза рабочих и крестьян, единства и дружбы народов, марксистско-ленинской коммунистической идеологии.

Советская власть как государственное воплощение союза рабочего класса и крестьянства создавала вооруженные силы по образу и подобию своему. Если эксплуататоры скрывали классовый характер своей армии и пытались выдать ее за защитницу интересов всей нации, то Советская Армия с первого дня своего существования носила открыто классовый характер, являлась орудием диктатуры пролетариата и действительно защищала коренные интересы трудящихся многонационального Советского государства.

Идеологи буржуазии распространяют лживый тезис о политической «нейтральности» армии, армии «вне политики». Причем этот тезис они пытаются распространить и на армию социалистического государства. «Советская Армия сегодня столь же аполитична, — утверждает американский военный теоретик Р. Гартгофф, — как и русская армия полвека назад», она продолжает развиваться как «аполитичный по своей сущности инструмент государства»².

Некий Р. Колкович, несколько не смущаясь, заявляет, что советский офицерский корпус стремится добиться профессиональной автономии и обособленности от общества, а партия заставляет военных соглашаться с идеальной моделью коммунистической военной организации³. Клевета на Советскую Армию очевидна.

«Не втягивать армию в политику, — отмечал В. И. Ленин, — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику...»⁴ Социалистическая армия выступает не только политическим средством в осуществлении важных обще-

¹ КПСС в резолюциях, т. 2, стр. 68.

² I. V a n D o o r n (Ed.). *Armed Forces and Society. Sociological Essays*. Paris, 1968, p. 256.

³ *Ibid.*, p. 149.

⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 113.

ственных задач, но и школой политической деятельности находящихся в ней граждан. Советские воины в отличие от солдат капиталистических армий, лишенных политических прав, — полноправные граждане СССР и активно участвуют в общественно-политической и культурной жизни народа. Они наравне с трудящимися избирают и могут быть избранными в органы государственной власти. Уже на заре Советской власти ЦК РКП(б) в специальном циркулярном письме «О Красной Армии» от 12 января 1921 г. указывал: «Во все Советы немедленно должны быть произведены выборы от красноармейцев... между казармой и заводом, казармой и Советом, воинской ячейкой и общепартийной организацией должна быть неразрывная связь»¹. Представители армии честно и активно выполняли и выполняют свои депутатские обязанности, входят в состав многих комиссий советских органов, ведут большую работу среди населения.

Армия Страны Советов, защищающая самый прогрессивный, передовой социалистический строй от вооруженных посягательств отживающего мира, выполняла и выполняет дело глубоко революционное и самое справедливое. В военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние армии, а в революционном отношении, отмечал В. И. Ленин, она незаменима ничем другим².

Решающая роль в укреплении Советской Армии всегда принадлежала Центральному Комитету Коммунистической партии, руководившему всей ее жизнью и деятельностью. Исчерпывающе точно это было сформулировано в постановлении ЦК РКП(б) в декабре 1918 г.: «Политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»³.

Верность Вооруженных Сил Страны Советов делу социалистической революции крепили командиры, военные комиссары и партийные организации. Легендарные комиссары были представителями большевистской партии в войсках. Они воплощали в себе и несли в армию дух партии, ее организованность и дисциплину, твердость и мужество, непоколебимую верность социалистическим идеалам. Их роль в строительстве Советской Армии безмерно велика. Многочисленные партийные ячейки⁴ цементировали и мобилизовывали весь личный состав армии и флота на безусловное выполнение воли партии, воли Советского государства.

Советская Армия коренным образом отличается от буржуазных армий и по своему социальному составу. Если в капиталистических странах вооруженные силы комплектуются из представителей антагонистических классов и там, следовательно, неизбежна классовая рознь между офицерским составом и солдатскими массами, то советский солдат и командир являются представителями освобожденных от ига эксплуатации рабочих и крестьян, сыновьями семьи единой. Недаром уже первая военная присяга, утвержденная ВЦИК в 1918 г., начиналась замечательными словами: «Я — сын трудового народа...»

Важнейшей особенностью Советской Армии является ее неразрывное единство с народом. Давно ушли в прошлое те времена, когда армии были немногочисленными. Массовые армии на основе принудительного комплектования стали создаваться уже в XIX веке. Но участие трудящихся масс

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов. 1917—1958. М., 1958, стр. 189.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304.

³ «Правда», 26 декабря 1918 г.

⁴ Уже в августе 1920 г. в РККА насчитывалось 6937 коммунистических ячеек с 278 040 членами и кандидатами в члены РКП(б), что составляло почти половину численности партии в тот момент (X лет Красной Армии. М., 1928, стр. 42).

в армиях эксплуататорских государств обычно обеспечивается при помощи насилия, подкупа, массированного идеологического воздействия, строящегося прежде всего на обмане, разжигании низменных инстинктов. В итоге рабочие и крестьяне, оказавшись в рядах буржуазной армии, вольно или невольно становятся силой, выступающей против коренных интересов народа. Поэтому эти армии фактически оторваны от народа и противостоят ему. Армия Страны Советов — плоть от плоти народной, беззаветно и до конца защищает интересы трудящихся, пользуется их всеобщей искренней любовью и поддержкой. Вот почему уже в январе 1918 г., когда делались лишь первые шаги по созданию социалистической армии, В. И. Ленин отмечал растущее в народных массах понимание того, что «теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров»¹.

Советская Армия неразрывно связана с гегемоном революционного движения — рабочим классом. Именно рабочий класс как самый передовой общественный класс нашей эпохи наиболее полно и последовательно выражает и защищает коренные интересы всех трудящихся. Еще в 1905 г. В. И. Ленин писал, что только пролетариат «...может создать ядро могучей революционной армии, могучей и своими идеалами, и своей дисциплиной, и своей организацией, и своим героизмом в борьбе...»².

Именно такую роль и играл рабочий класс как в годы гражданской войны, так и в мирное время. Несмотря на преимущественно крестьянский состав Советской Армии, партия обеспечила в ней руководящее пролетарское влияние.

Одна из форм связи Советской Армии с народом — ее участие в решении экономических задач. В годы мирного социалистического развития многие воинские части и соединения принимали активное участие в строительстве крупных промышленных объектов и городов страны: Днепрогэса, Беломорско-Балтийского канала, Магнитогорского и Ново-Кузнецкого металлургических комбинатов, Комсомольска-на-Амуре и других. Советские воины оказывали большую помощь труженикам села в благоустройстве населенных пунктов, в проведении посевных и уборочных кампаний.

Вся история развития и совершенствования Советской Армии свидетельствует о том, что воины живут единой созидательной и культурной жизнью с народом. Ни одно крупное политическое, культурное и спортивное мероприятие республиканского или союзного значения не проводится без участия представителей Вооруженных Сил.

В армии и на флоте молодежь приобретает профессии, нужные народному хозяйству. Например, в войсках в течение 1927 г. было подготовлено для советской и кооперативной работы, а также для службы в милиции более 31 тыс. человек, в 1928 г. — 70 тыс. человек, а в 1929 г. — более 120 тыс. человек. В 1930 г. в войсках были организованы курсы подготовки колхозных кадров, охватившие около 100 тыс. человек³. Получив специальность, пройдя школу армейской закалки, большинство воинов, отслужив действительную службу, уезжали на новостройки промышленности, в колхозы и совхозы, внося в трудовые коллективы дух высокой дисциплинированности, творческого поиска, товарищества и взаимопомощи. Один из прославленных героев первой пятилетки — Н. Изотов писал в 1935 г.: «Наша Красная Армия учит не только защищать наше социалистическое Отечество, но учит и побеждать на фронте социалисти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 269.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 57.

³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 33, л. 4.

ческого правительства. Я недавно пришел из Красной Армии. Она научила меня не только метко стрелять, она научила меня бороться и побеждать на угольном фронте...»¹

В. И. Ленин придавал огромное значение высокой коммунистической сознательности победивших рабочих и крестьян. «По нашему представлению, — говорил он, — государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»².

Политическая сознательность воинов Советской Армии — один из самых глубинных источников ее силы, необходимое условие ее побед. Социалистическая армия в противоположность буржуазной может выполнить свое историческое предназначение только тогда, когда у всего личного состава будут воспитаны классовое сознание, правильное понимание органического единства коренных интересов всех воинов с интересами Советского государства и в конечном счете всего прогрессивного человечества.

С особой силой классовое сознание красноармейцев проявилось в гражданской войне. «...Если война эта ведется с повышенной энергией, — говорил В. И. Ленин, — с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет, и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции»³.

Решающее значение для воспитания политической сознательности всего личного состава Советской Армии имеют идеология и политика Коммунистической партии и Советского государства, их забота о коренных интересах трудящихся масс, неуклонное осуществление ленинских норм партийного, государственного, общественного руководства. Воспитание политического сознания происходит как под влиянием общественного бытия, успехов в строительстве социализма, всего советского образа жизни, так и в результате усвоения определенных идей. Коммунистическая партия располагает могучей силой — теорией научного коммунизма. В этом великое преимущество Советского государства и его армии. Однако научно обоснованное социалистическое сознание не может появиться стихийно. Исключительная роль в распространении и утверждении социалистической идеологии в Вооруженных Силах Советской страны принадлежит партийно-политической работе.

Высокая политическая сознательность бойцов и командиров Советской Армии помогала им преодолевать трудности, стойко переносить невзгоды, рождала чувство личной причастности к великим историческим свершениям эпохи. Партия постоянно разъясняла всемирно-историческое значение той великой освободительной миссии, которую история отвела социалистической армии в деле защиты народов от империалистической агрессии.

В отличие от армий многонациональных буржуазных государств, строительство которых всегда шло на основе преимущественного положения господствующей нации, а воспитание — в духе национализма, шовинизма и презрения к представителям национальных меньшинств своих стран, а также национальной ненависти к народам других государств, Советская Армия всегда строилась как армия многонациональная, где

¹ «Красная звезда», 4 марта 1935 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 211—212.

на абсолютно равных правах служат представители всех многочисленных наций и народностей, населяющих Советскую республику¹.

С первых дней своего существования армия Страны Советов неизменно воспитывается в духе дружбы и братства всех народов нашей многонациональной страны, понимания личной ответственности воина любой национальности за вооруженную защиту революционных завоеваний Великого Октября, в духе пролетарского социалистического интернационализма.

«Наша армия,— подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— особая армия и в том смысле, что она есть школа интернационализма, школа воспитания чувств братства, солидарности и взаимного уважения всех наций и народностей Советского Союза. Наши Вооруженные Силы — единая дружная семья, живое воплощение социалистического интернационализма»².

В 20-е годы широко развернулось строительство национальных частей в Советской Армии, совершенствованию которых партия и В. И. Ленин придавали большое значение³. На основе постановления XII съезда РКП(б) к защите Советского государства стали привлекаться трудящиеся всех национальностей, в том числе и те, которым царизм не доверял оружие. Уже к весне 1925 г. национальные формирования Советской Армии составляли 10 процентов всей ее численности⁴. Они играли важную роль не только в укреплении дружбы и братства народов нашей страны, но и в подготовке политически воспитанных и грамотных кадров для национальных республик.

Военно-политический союз советских республик, сложившийся в их совместной борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, окреп и получил дальнейшее развитие после создания СССР. «Образование Советского Союза,— отмечается в постановлении ЦК КПСС,— явилось одним из решающих факторов, обеспечивших благоприятные условия для переустройства общества на социалистических началах, подъема экономики и культуры всех советских республик, укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального государства трудящихся»⁵.

Ярким доказательством интернационального характера армии Страны Советов служит непосредственное участие трудящихся капиталистических стран в вооруженной борьбе за сохранение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. По неполным данным, в Советской Армии и партизанских отрядах против иностранных интервентов и белогвардейцев сражалось около 80 тыс. венгров, около 100 тыс. поляков, около 10 тыс. чехов и словаков, а также представители других народов. Общее количество воинов-интернационалистов, воевавших с оружием в руках за Советскую власть, составляло примерно 300 тыс. человек⁶.

Советская республика, ведя кровопролитную борьбу за свое существование, была готова на величайшие жертвы во имя интернационализма, готова при первой возможности оказать любую помощь трудящимся других стран. В составе интернациональной бригады, сформированной в мае

¹ По данным на 15 марта 1923 г., в РККА русские составляли 63,22 процента личного состава, украинцы — 23,03, белорусы — 3,97 процента, представители других национальностей — 9,78 процента (Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 год. М., 1925, стр. 42—43).

² Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 23.

³ А. Ф. Мясников вспоминал, как в декабре 1922 г. В. И. Ленин, находясь на излечении, живо интересовался тем, «достаточно ли крепка национальная Красная Армия...» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1957, стр. 155).

⁴ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, стр. 174.

⁵ О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. М., 1972, стр. 4.

⁶ Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965, стр. 160.

1919 г. в Будапеште, находился русский батальон численностью более 1000 человек¹. По указанию В. И. Ленина Советская Армия готовилась оказать помощь Венгерской советской республике в ее борьбе против контрреволюции, но крайне неблагоприятная обстановка на фронтах не позволила тогда решить эту задачу. Воины Советской Армии совместно с Народно-революционной армией Монголии разгромили белогвардейские банды Унгерна и войска иностранных захватчиков, вторгшихся на территорию Монголии. Большую военную помощь оказало Советское государство Китаю в 1921 г. и революционному правительству Кантона в 1924—1927 гг.

Так в борьбе за общее дело освобождения трудящихся от ига капитала крепло боевое содружество наших народов с пролетариями других стран.

Важнейшей особенностью социалистической армии является принципиально новый характер воинской дисциплины. В любой армии воинская дисциплина составляет часть общественной (прежде всего государственной) дисциплины, господствующей в данном обществе. Как советская общественная дисциплина в целом коренным образом отличается от дисциплины всех предшествовавших общественно-экономических формаций, так и воинская дисциплина в Советской Армии носит принципиально новый характер в сравнении со всеми армиями эксплуататорских государств; ее сила основывается на иных источниках, и укрепляется она принципиально иными путями.

Дисциплина Советской Армии создавалась под решающим воздействием советской общественной дисциплины, на основе сознательности, преданности, самоотверженности самих рабочих и крестьян. История показала, что один из решающих источников советской воинской дисциплины — это осознание красноармейцами своих коренных классовых интересов.

Качественно новый характер советской воинской дисциплины отражает новые отношения между людьми в социалистическом обществе. В. И. Ленин отмечал 5 июля 1918 г.: «...со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе»². В то же время он неустанно подчеркивал необходимость железной дисциплины, требовал решительной и беспощадной борьбы с элементами партизанщины, расхлябанности, своеволия. В. И. Ленин говорил: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, тот сгронник колчаковщины, того надо истреблять беспощадно»³.

В целом сущность ленинского понимания советской воинской дисциплины можно выразить формулой: товарищеская, сознательная и в то же время железная дисциплина воинов страны социализма. На первый взгляд эта формула кажется противоречивой. Но это противоречие — диалектическое, оно отражает сложность и противоречивость исторической действительности, специфики рождения и становления воинской дисциплины нового типа в армии, преимущественно крестьянской, в условиях острой классовой борьбы не только внутри страны, но и на международной арене. Характер воинской дисциплины определял соответствующие методы и пути ее укрепления. На первый план выдвигался метод убеждения, а также личный пример командира. Однако в определенных условиях во имя интересов всех трудящихся не исключалось и принуждение.

¹ В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., 1969, стр. 387.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 500.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 152.

Советская Армия выступает в качестве самоотверженного борца за мир между народами, всегда готового дать отпор империалистической агрессии. Эта особенность, проистекающая из самой сущности социалистической армии как армии нового типа, является конкретным проявлением пролетарского интернационализма. Сила и жизненность пролетарского интернационализма — в международном единстве трудящихся в их борьбе против эксплуататоров, за построение бесклассового общества, за мир и национальную независимость всех наций и народностей, за демократию.

Роль Советской Армии как гаранта мира в Европе хорошо понимали даже некоторые буржуазные деятели. Например, французский генерал Мальтер в 1922 г. писал: «Призрак Красной Армии парил над Генуэзской конференцией»¹. Такое признание доказывает, что империалистические участники Генуэзской конференции не могли не считаться с победой Советского государства в гражданской войне и его армией как силой, противодействующей империалистической агрессии.

Социально-политические особенности Советской Армии, обусловленные ее происхождением и историческим предназначением, не только определяют наиболее глубокие, постоянно действующие источники ее силы и могущества, но и коренным образом отличают ее от всех армий старого типа. В капиталистических странах армия, по определению В. И. Ленина, «есть самый закоренелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся»². Советская Армия — надежный защитник завоеваний социалистической революции, борец за счастье всего человечества.

Оценивая итоги первых лет деятельности Советской власти и становления Советской Армии как армии нового типа, В. И. Ленин говорил: «Нашими заслугами... в области политической и военной...мы имеем право гордиться. Они вошли в историю, как мировое завоевание, которое еще покажет себя во всех областях»³.

Обеспечивая безопасность первого в мире социалистического государства, Советская Армия укрепляла надежду на лучшее будущее в сердцах сотен миллионов угнетенных трудящихся капиталистических стран.

3. Укрепление Советских Вооруженных Сил после гражданской войны

Первое вооруженное нашествие империализма на молодое социалистическое государство потерпело полный крах. Советская республика вступила в такую полосу жизни, когда ее основное международное существование среди капиталистических государств было отвоевано. Перед советским народом открылись перспективы развертывания хозяйственной деятельности, направленной на возведение величественного здания социализма.

Но это не означало, что Страна Советов избавилась от угрозы новой агрессии со стороны мировых империалистических хищников. В условиях постоянной опасности военной интервенции и насильственной реставрации капитализма укрепление обороноспособности государства рабочих и крестьян становилось обязательной и неотъемлемой частью строительства социализма и коммунизма.

¹ Цит. по: К. С к е р с к и й. Красная Армия в освещении современников — белых и иностранцев. М. — Л., 1926, стр. 131.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 295.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 309.

Опираясь на марксистскую теорию, повседневный опыт борьбы народных масс за укрепление обороны социалистического Отечества, Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным четко и ясно определила важнейшие принципы строительства новой армии. Они сформулированы в резолюциях партийных съездов, документах ЦК партии, постановлениях съездов Советов, Совета Труда и Обороны, декретах других высших органов Советской власти, трудах В. И. Ленина. По своему содержанию и назначению они составляют несколько групп — идейно-теоретические, социально-политические, организационные, воспитания и обучения войск.

Многолетний исторический опыт убедительно свидетельствует, что все успехи в укреплении Советской Армии стали возможными благодаря тому, что Коммунистическая партия неуклонно руководствовалась ленинскими принципами строительства социалистической армии, осуществляя его в духе общего советского строительства.

В. И. Ленин обосновал необходимость научного подхода к строительству социалистического общества и его вооруженных сил. В противоположность всем досоциалистическим общественно-экономическим формациям, складывавшимся стихийно, коммунистическое общество впервые в истории человечества строится на основе науки. Поэтому В. И. Ленин требовал «...чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом». Он подчеркивал, что только такое требование «...достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну»¹.

Армия нового типа должна иметь не только свою военную науку и использовать достижения естественных, технических и психологических наук, но и широко применять всю систему общественных наук, учитывать закономерности общественного развития, осуществлять научный подход к решению вопросов своего строительства.

Осуществляя строительство Советской Армии, Коммунистическая партия опиралась прежде всего на марксизм, на новейшие достижения общественных наук и учитывала уроки военной истории. «...Мы поступали согласно тому, чему учил нас марксизм»², — заявил В. И. Ленин VIII съезду РКП(б), имея в виду не только советское строительство в целом, но и строительство молодой армии. Ученики В. И. Ленина — М. В. Фрунзе, С. И. Гусев и другие решительно выступили против попыток Троцкого отвергнуть даже возможность применения марксизма к военному делу, к строительству Советской Армии.

Творческое использование выводов марксистско-ленинской теории и постоянное, всестороннее изучение, глубокое научное обобщение многообразного практического опыта строительства Советских Вооруженных Сил характеризуют всю историю их создания, развития и укрепления.

Надежный фундамент советской военной науки был создан непосредственно В. И. Лениным. Его теоретические труды и кипучая практическая деятельность по руководству строительством армии нового типа, всем делом обороны социалистического Отечества заложили прочные основы советской военной науки, важнейшие проблемы которой более детально стали разрабатываться его учениками и последователями, советскими военными деятелями.

Выработка правильных практических выводов и научных рекомендаций в значительной степени зависела от умения своевременно учитывать накопленный исторический опыт. «Нельзя научиться решать свои задачи

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 391.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 138.

новыми приемами сегодня,— учил В. И. Ленин,— если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»¹.

Критический анализ опыта, практики представляет собой главный критерий истинности научного предвидения. Глубокое научное обобщение исторических явлений В. И. Ленин рассматривал «...не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»².

Неуклонное соблюдение этого важнейшего ленинского принципа позволяет сочетать в военной науке преемственность опыта прошлого со смелой постановкой и решением новых актуальных проблем военного дела.

Однако военная теория в своем формировании не может полностью положиться только на практический опыт ведения прошлой войны. Кроме того, ситуации и события никогда не повторяются в их прежнем виде. По этому поводу непревзойденный мастер диалектики В. И. Ленин замечал: «...я оглядывался на прошлое только с точки зрения того, что понадобится завтра или послезавтра для нашей политики»³.

Ленинское умение работать с предвидением, с перспективой имело и имеет особое значение в теории и практике военного дела. На основе ленинских заветов советская военная наука в 20-х и середине 30-х годов добилась значительных успехов. ЦК партии и Советское правительство направляли внимание военных деятелей на исследование сущности и характера будущей войны, что имело важное значение для совершенствования военной организации и развития военного искусства.

Разработкой этой важнейшей проблемы занималась целая плеяда талантливых представителей передовой советской военно-теоретической школы — М. В. Фрунзе, С. И. Гусев, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников, В. К. Триандафиллов, К. Б. Калиновский и другие.

Советская военная теория не могла, конечно, установить, когда именно грянет новая война, но приоткрыть завесу в будущее и увидеть общие очертания такой войны, присущие ей специфические особенности, определить наиболее вероятного противника было совершенно необходимо и в определенных пределах возможно.

Социально-политический характер грозящей СССР войны был бесспорен: опасность угрожала со стороны империалистических государств и война с ними должна была стать войной за спасение социалистического Отечества. А кто именно будет вероятным противником, как сложится соотношение сил в будущей войне, какое место займут различные виды и рода вооруженных сил, какова будет роль человека и техники — эти и многие другие вопросы предстояло решить советской военной науке.

Особое значение имела сама постановка проблемы о необходимости строительства системы обороны страны в соответствии с ясным представлением о характере будущей войны и правильной оценкой сил вероятного противника. Партия исходила из того, что самым опасным является недооценка возможных противников. Уже в декабре 1921 г. в резолюции IX Всероссийского съезда Советов было записано: «Новые враги могут оказаться лучше организованными, обученными и вооруженными, чем те, над коими Красная Армия одержала столько славных побед»⁴.

Большая заслуга в конкретизации этого положения принадлежит М. В. Фрунзе, который всесторонне анализировал исключительную сложность военных задач страны после победы в гражданской войне. В част-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 205.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 136.

⁴ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов 1917 — 1922. Т. I. М., 1959, стр. 180.

ности, исходя из обстановки того времени, он считал, что Советская Армия может оказаться в техническом отношении слабее противников и, следовательно, помимо напряжения всех сил и средств для повышения своего технического уровня она должна настойчиво искать пути, которые помогут хотя бы до некоторой степени компенсировать эту крайне невыгодную сторону

М В Фрунзе принадлежит приоритет в постановке и принципиально правильном решении другой стороны этой проблемы — возможной политической стойкости вероятного противника. Осенью 1921 г он предложил критически отнестись к широко распространенному мнению, будто армия любой империалистической державы из-за классовых противоречий и классовой борьбы в ближайших столкновениях не может представлять прочно организованной и внутренне спаянной силы, отстаивающей империалистические цели войны. Учитывая материальные возможности, опытность и изощренное коварство буржуазии, Фрунзе считал, что «вполне вероятным является факт появления перед нами противника, который очень туго будет поддаваться доводам революционной идеологии»¹. По этому, писал далее Фрунзе, в расчетах будущих операций в собственной военной организации необходимо уделить главное внимание не надеждам на политическое разложение противника, а возможности «активно физически раздавить его»

М В Фрунзе предвидел решительный, бескомпромиссный характер будущей войны. В выступлении 27 февраля 1925 г он предупреждал «это будет борьба не на живот, а на смерть»², а в речи 17 июня 1925 г. говорил «Нам нельзя рассчитывать на то, что война, которую нам придется вести, будет легкой войной, что она может быть кончена без больших усилий, без больших жертв. Эта возможность почти исключается»³

Давая оценку характеру будущих войн, М В Фрунзе отмечал, что они втянут в свой круговорот целые народы, многомиллионные армии, подчинят себе все стороны общественного быта, подвергнут испытанию все экономические и политические устои государства. Театром военных действий станут не узко ограниченные пространства, «а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей»⁴. Грядущая война примет «характер длительного и жестокого состязания»⁵.

Тщательный анализ перспектив развития теории и практики военного дела, особенно стратегии и оперативного искусства, содержался в трудах М Н Тухачевского, Н Е Варфоломеева, Е А Шиловского («Армейская операция»), А А Свечина («Стратегия»), В К Триандафиллова («Характер операций современных армий») и других исследователей, в Полевом уставе 1929 г

На смену прежней теории затухающих последовательных операций была выдвинута теория ведения глубокого боя и операции⁶ с массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов

Глубокий прогноз международной военно-политической и стратегической обстановки и общей расстановки сил в мире, выявление магистральных путей научно-технического прогресса и развития средств вооруженной борьбы, учет военных приготовлений агрессивных империалистических группировок и общих возможностей своей страны, оценка географических и других факторов позволили советской военной науке правильно определить возможный характер вооруженной борьбы, способы ее веде-

¹ М Фрунзе Собрание сочинений Т I М — Л, 1929, стр 247.

² М Фрунзе Избранные произведения, т II, стр 221.

³ М Фрунзе Собрание сочинений, т III, стр 301

⁴ М Фрунзе Избранные произведения, т II, стр 6

⁵ Там же, стр 133

⁶ Подробно см второй том труда «История второй мировой войны 1939 — 1945».

ния, место видов сил и родов войск в общей системе армии, предназначение в ней каждого вида оружия и боевой техники.

Обобщенное решение всех этих проблем и определение наиболее эффективных путей подготовки страны и вооруженных сил к возможной войне составляют содержание военной доктрины. Советская военная доктрина полностью вытекает из политики КПСС и Советского правительства в области защиты социалистического Отечества и поддержания мира между народами, преследует цель подготовить страну и ее Вооруженные Силы к сокрушительному разгрому агрессоров. Военное строительство, обучение и воспитание, боевое слаживание войск и органов их управления развертывалось в соответствии с советской военной доктриной с учетом сложившейся международной и внутренней обстановки.

В целях сохранения высокой мобилизационной готовности страны при резко сократившейся численности армии был проведен целый комплекс мероприятий, известных как военная реформа 1924—1925 гг.

Военная реформа включала мероприятия по перестройке и укреплению Вооруженных Сил Советского государства. Коренной реорганизации подверглись центральный, окружной и местный аппараты военного управления; была проведена в жизнь смешанная система строительства армии; развернулось национальное строительство в армии создана более четкая система снабжения Вооруженных Сил; разработана и введена новая организационно-штатная структура частей и соединений; перестроена система подготовки командных кадров; разработаны и введены новые уставы и наставления. В ходе военной реформы был укреплен партийно-политический аппарат, значительно улучшилась воспитательная работа в армии и на флоте. Система боевой подготовки приводилась в соответствие с требованиями военной науки. Важное значение имела также широко развернувшаяся реорганизация мобилизационного аппарата, осуществлявшего планомерную и всестороннюю подготовку страны к обороне.

Одним из основных элементов военной реформы явилась перестройка системы военного управления на основе требований ЦК партии придать всей работе центрального аппарата наибольшую планомерность, провести там, где это представлялось возможным, максимальную децентрализацию системы управления, с тем чтобы разгрузить центральные органы и старших начальников и одновременно повысить чувство ответственности у подчиненных органов и лиц; определить и достаточно ясно разграничить функции внутри военного аппарата.

Штаб РККА стал руководящим оперативным органом общей подготовки страны к обороне. Он занимался разработкой оперативных и мобилизационных планов, обобщением боевого опыта гражданской и империалистической войн, а также разработкой основ строительства Вооруженных Сил. «Этот оперативный штаб должен стать не только мозгом Красной Армии, — говорил М. В. Фрунзе, — он должен стать военным мозгом для всего нашего Советского государства и должен поставлять тот материал, который ляжет в основу работ Совета Обороны»¹. Подчиненный штабу инспекторат РККА руководил подготовкой командного состава, боевой подготовкой Вооруженных Сил, инспектировал войска. Административное руководство повседневной жизнью и деятельностью Вооруженных Сил было возложено на Главное управление РККА.

Реорганизация системы военного управления, осуществленная Центральным Комитетом партии, создала необходимые условия для коренного улучшения руководства строительством, повседневной жизнью и деятельностью Вооруженных Сил, а также для разработки вопросов обороны

¹ М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, стр. 32.

Советского государства в соответствии с его экономическими, политическими и стратегическими возможностями.

В последующие годы в общую схему организации центрального военного аппарата вносились некоторые уточнения, обусловленные причинами экономического порядка и дальнейшим техническим оснащением Вооруженных Сил. Однако в целом до середины 30-х годов она оставалась без изменений.

Основополагающим ленинским принципом строительства социалистического общества и его армии является признание необходимости активного участия и влияния широких народных масс на это строительство. Армия социалистического государства не может быть по-настоящему боеспособной и социалистической без активного, непосредственного, повседневного участия и все более возрастающего влияния народа на самые разнообразные стороны ее строительства. К процессу создания могучей социалистической армии полностью применимы слова В. И. Ленина, что победит лишь тот «...кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества»¹. Вот почему как для ведения революционной войны, так и для строительства армии нового типа Коммунистическая партия стремилась привлечь «все народные силы»².

Под непосредственным руководством Центрального Комитета Коммунистической партии широкие слои партийной, военной, советской, комсомольской общественности участвовали в творческом поиске оптимальных путей строительства социалистической армии в мирных условиях.

Важные проблемы строительства Советской Армии и Флота выносились на всероссийские и всесоюзные съезды партии, Советов, комсомола. Материалы обсуждений, первые попытки обобщения практического опыта строительства армии нового типа широко публиковались в центральной и местной печати. Партия действовала в соответствии с мудрым ленинским указанием: «...чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач»³.

Сотни тысяч рабочих и крестьян ежегодно призывались в ряды Вооруженных Сил. Своим ратным трудом они крепили мощь армии. Местные исполкомы Советов и партийные комитеты повседневно занимались проблемами повышения уровня политического воспитания и улучшения материального положения воинских частей. В армии и на флоте широкое распространение получило пролетарское (материальное и идейное) шефство заводов, фабрик, местных Советов⁴, культурное шефство профессиональных союзов и коллективов работников просвещения и искусства, комсомольское шефство над Военно-Морским, а затем и Военно-Воздушным Флотом. Забота различных местных организаций особенно проявлялась в строительстве территориальных частей. Широко развернулась деятельность общественных оборонных организаций.

Огромное значение для улучшения строительства армии и флота имел пример самоотверженного труда рабочих и крестьян по восстановлению народного хозяйства, созданию и укреплению фундамента социалистического общества.

Решающим условием успеха как всего социалистического строительства, так и военного В. И. Ленин считал постоянное повышение руководя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 61.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 383.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 446.

⁴ Так, к концу 1923 г. насчитывалось 1280 шефов над 1300 подшефными воинскими единицами; за один 1923 год шефская помощь составила 2,5—3 млн. рублей золотом («Политработник», 1924, № 6, стр. 95, 96).

щей роли Коммунистической партии, усиление активности и влияния партийных организаций. Исключительное значение партийного руководства в Советской Армии не только обуславливалось самой сущностью учения марксизма, но и убедительно подтвердилось боевой практикой гражданской войны.

Гражданская война показала, что именно коммунисты своим героизмом, доходившим до самопожертвования, увлекали за собой миллионные красноармейские массы на битву со вчерашними угнетателями и их защитниками. «Кровью своего сердца лучшие рабочие, члены нашей партии сцементировали Красную Армию»¹, — справедливо говорилось в обращении ЦК РКП(б) к трудящимся СССР в связи с 25-летием первого съезда РСДРП.

С переходом к мирному созиданию в центре внимания съездов и конференций нашей партии, естественно, встали важнейшие экономические, политические, идеологические проблемы строительства социалистического общества. В то же время на партийных съездах и конференциях обсуждались вопросы совершенствования строительства армии и флота.

Непосредственное руководство **всей** деятельностью партии и народа в области строительства вооруженных сил осуществлял Центральный Комитет партии. Военные вопросы систематически обсуждались на пленумах, заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Только в период между X и XI съездами партии (за год с небольшим) на заседаниях ЦК РКП(б) было обсуждено 311 военных вопросов². Все важнейшие мероприятия военного ведомства повседневно направлялись и контролировались Центральным Комитетом партии.

Обсуждению военных проблем в Политбюро, на пленумах ЦК предшествовала работа специальных комиссий, выделенных ЦК и ЦКК для более полного изучения состояния дел. Кроме того, подготовка материалов по отдельным вопросам военного строительства распределялась Политбюро между его членами. В деятельности Центрального Комитета широко практиковались постановления, циркуляры, письма, инструкции по вопросам строительства армии и флота. Наряду с этим осуществлялось повседнежное живое общение руководящих деятелей партии с личным составом.

Непосредственным проводником партийной линии в войсках было Политическое управление РККА (ПУРККА), работавшее на правах отдела Центрального Комитета партии. Под руководством ПУРККА на местах действовала широко разветвленная система политорганов и парторганизаций. ЦК провел ряд организационных мер по сохранению и укреплению партийного ядра в армии и на флоте. Число коммунистов в Советской Армии с 52 тыс. на январь 1924 г. возросло до 93 тыс. на январь 1929 г.³; партийная прослойка в командном составе за эти же годы увеличилась с 30,6 процента до 51,1 процента, а по сравнению с 1920 г. возросла почти в пять раз⁴.

Осуществление ленинских принципов строительства вооруженных сил встретило яростное противодействие со стороны троцкистов и других антипартийных группировок. Их деятельность была направлена прежде всего на подрыв руководящей роли Коммунистической партии в армии и на флоте, что, безусловно, вело к ослаблению обороноспособности Советского государства. ЦК партии, поддержанный широким партийным акти-

¹ «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 2, стр. 5.

² «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 4, стр. 19.

³ X лет Красной Армии, стр. 33; Справочник партийного работника. Вып. VII. Ч. 2. М., 1930, стр. 379.

⁴ А. Б у б н о в. ВКП(б). Отдельный оттиск из XI тома БСЭ. М., 1930, стр. 542.

вом, принял меры по очищению военного ведомства от троцкистов ¹. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) в январе 1925 г. на пост народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР ² был назначен верный ленинец, выдающийся полководец гражданской войны и один из видных организаторов Вооруженных Сил — М. В. Фрунзе. В новый состав Реввоенсовета СССР вошли П. И. Баранов, А. С. Бубнов, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, С. С. Каменев, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт и другие. Укрепление центрального и местных военных аппаратов сыграло решающую роль в организационной перестройке Вооруженных Сил, проведенной в ходе военной реформы.

Борьба с троцкизмом, а затем с различными антиленинскими группировками — «новой оппозицией», объединенным антипартийным блоком, сформировавшимся на общей платформе троцкизма, и правыми уклонами — идейно закалила военных коммунистов. Партийные организации армии и флота еще теснее сплотились вокруг ленинского Центрального Комитета.

Подводя итоги борьбы против антипартийных группировок, ЦК партии в своем постановлении «О работе военных ячеек» (декабрь 1928 г.) отмечал, что «идейная большевистская устойчивость армейских парт-организаций за последние годы значительно выросла и окрепла, что нашло свое выражение как в борьбе с троцкизмом, в ходе которой парт-организации Красной Армии обнаружили твердую ленинскую выдержку, так и в борьбе с выявившимся правым уклоном и примиренчеством к нему, которые встретили решительный отпор со стороны партийной массы Красной Армии»³.

Важнейшим принципом строительства Советских Вооруженных Сил являлся классовый принцип их комплектования. Он был закреплен в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), и последовательно проводился в жизнь (таблица 11).

Таблица 11
Изменение социальной структуры Советской Армии⁴

Социальный состав	Количество (проценты)		
	1921 г	1928 г	1933 г
Рабочие	18	21	43
Крестьяне	71	67	47
Прочие	11	12	10

¹ Выступая против КПСС и международного коммунистического движения, буржуазные идеологи восхваляют врагов ленинизма, особенно Троцкого, изображая его создателем Советской Армии, заявляют, будто бы «благодаря его усилиям был создан военно-политический аппарат. .» (J. E r i c k s o n. The Soviet High Command. A Military-Political History 1918—1941. London, 1962, p. 83, 28). Это один из способов грубой фальсификации истории Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства и его Вооруженных Сил

² Революционный Военный Совет Республики был учрежден постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 2 сентября 1918 г. в качестве высшего органа военной власти в стране. На него возлагалось руководство всеми фронтами и военными учреждениями Республики. После окончания гражданской войны и образования СССР — с 12 ноября 1923 г. являлся коллегией Народного комиссариата по военным и морским делам Союза Советских Социалистических Республик. Приказы Народного комиссариата по военным и морским делам отдавались от имени Революционного Военного Совета Союза ССР и подписывались его председателем — народным комиссаром по военным и морским делам или заместителем председателя.

³ Справочник партийного работника, вып. VII, ч. 1, стр. 534.

⁴ «Правда», 5 марта 1933 г.

Особое значение этот принцип имел в отборе, подготовке и расстановке командно-начальствующего состава. Коренные изменения в классовом характере командного состава произошли еще в первые годы Советской власти. Если в 1912 г. 87,5 процента генералов и 71,5 процента штаб-офицеров происходили из потомственных дворян, 10 процентов генералов и более 17 процентов штаб-офицеров — из потомственных почетных граждан, а также из духовного и купеческого звания ¹, то в 20-е годы положение коренным образом изменилось.

Таблица 12

Социальное положение высшего, старшего и среднего командного состава Советской Армии²

Социальный состав	Количество (проценты)		
	1920 г.	1925 г.	1929 г.
Рабочие	17,2	20,7	29,4
Крестьяне	48,5	47,3	34,4
Прочие	34,3	32,0	36,2

А по всему командному составу в целом на 1 июля 1933 г. рабочая прослойка составляла уже 42,3 процента ³.

В соответствии с программной линией Коммунистической партии и усложнением военного дела важное значение придавалось всемерно-му повышению общеобразовательного и культурного уровня военнослужащих.

До середины 20-х годов количество неграмотных среди призывников доходило до 20 процентов, малограмотных — до 60. Многие из них ни разу не видели трамвая, автомобиля, железной дороги. Подавляющее большинство призывников, особенно из деревень, было заражено религиозными предрассудками. Обучение их грамоте проводилось в крайне тяжелых условиях. По воспоминаниям Н. К. Крупской, «приходилось учиться без учебников, бумаги и чернил, чинить карандаши топором, учиться при лучине»⁴.

И все же задача резкого повышения культурного уровня личного состава армии и флота была в конце концов решена железной волей Коммунистической партии, революционным подвижничеством политработников, командиров, самоотверженной помощью рабочего класса, местных партийных и советских органов, передовых представителей интеллигенции.

В «Манифесте ЦИК Союза ССР» по поводу 10-летия Октябрьской революции с законной гордостью отмечалось, что «Красная Армия и Флот не только увеличивают свою боеспособность, но и превращаются в первоклассную культурную силу»⁵, которая имеет поистине неоценимое значение для распространения социалистического просвещения среди трудящихся городов и деревень демобилизованными воинами.

Повышение уровня грамотности и образованности красноармейцев было необходимой предпосылкой для успешного осуществления такого важнейшего ленинского принципа строительства социалистической армии, как всемерное повышение политической сознательности ее личного состава. Эта сознательность формировалась самим социалистическим

¹ Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. Спб., 1914, стр. 232—233 (данные приводятся без учета казачьих войск).
² X лет Красной Армии, стр. 34; А. Б у б н о в. ВКП(б), стр. 542.
³ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 233.
⁴ Н. К. К р у п с к а я. Ликвидация неграмотности. Сборник статей, докладов и разных материалов за 1920—1936 гг. М., 1938, стр. 87.
⁵ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 16 октября 1927 г.

строим, советским образом жизни, вырабатывалась в процессе активного участия воинов в обеспечении безопасности Советской Родины, в ее общественно-политической жизни. У каждого красноармейца возникало и крепло чувство хозяина своей страны, своей судьбы, священная гордость борца за освобождение своего класса и всего человечества от векового ига эксплуатации. Огромную роль в формировании высокой политической сознательности советских воинов играла теоретическая и идеологическая работа Коммунистической партии. Неизменной основой политического воспитания советских воинов был марксизм-ленинизм.

В ноябре 1918 г. В. И. Ленин говорил, что «в смысле идей у нас все пушки на нашей стороне...»¹. А через три года, характеризуя «...растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим», Владимир Ильич с гордостью заявил: «...морально... мы сильнее всех»².

На протяжении 20—30-х годов, учитывая внутреннюю и международную обстановку, Коммунистическая партия, Советское правительство вели поистине титаническую работу по политическому воспитанию личного состава армии и флота. Она велась неустанно, систематически, напряженно, со строгим учетом специфических задач, форм и методов воспитания различных категорий военнослужащих.

Центральное место во всей системе этого воспитания занимали идеи «советизации» и «интернационализации». «Советизацией» тогда называли воспитание у каждого военнослужащего правильного представления о политике Советского государства, его огромных усилиях по сохранению мира, о необходимости союза рабочих и крестьян при ведущей роли в нем рабочего класса, братской дружбы народов СССР, укрепления и повышения руководящей роли Коммунистической партии, постоянной готовности к вооруженной защите социалистического Отечества. Разъяснение этих идей способствовало выработке у красноармейцев и командиров глубокой убежденности в том, что политика Советского государства — это их политика. На основе осознанной преданности личного состава делу Советской власти воспитывались единство внутри самой армии и чувство неразрывной связи ее со всем советским народом.

В продолжение всего срока пребывания бойца в армии проходило его интернациональное воспитание. Необходимо было вывести кругозор красноармейца-крестьянина за пределы привычной ему деревенской околицы, заинтересовать успехами международного рабочего движения. Командиры и политработники настойчиво и систематически разъясняли классовую природу противоречий между Советским Союзом и капиталистическим миром, на конкретных примерах показывали, что любой враждебный акт империалистов по отношению к СССР есть форма классовой борьбы против пролетарского государства.

Воспитывая чувство пролетарской солидарности с зарубежными братьями по классу, командиры и политорганы систематически знакомили красноармейцев с работой Коминтерна, развитием мирового коммунистического движения. Партия неуклонно руководствовалась указанием XIV съезда ВКП(б), что «...интернационалистски-революционное воспитание молодежи... является вопросом жизни и смерти социализма»³. На политзанятиях и через печать красноармейцы узнавали о работе конгрессов Коммунистического Интернационала. В части приезжали члены Исполкома Коминтерна, делегаты конгрессов. В войсках проводились торжественные чествования героев классовой борьбы зарубежного пролетариата.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 230.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 299, 300.

³ КПСС в резолюциях, т. 3, стр. 288.

Братские компартии шефствовали над соединениями и частями: в 1923 г. почетное шефство над 19-й стрелковой дивизией приняла итальянская компартия, над горской дивизией — турецкая компартия, над дивизией червонного казачества — французская компартия. Компартия Германии преподнесла Советской Армии Почетное Красное знамя; в 6-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции оно было передано на хранение 10-му стрелковому полку 4-й стрелковой дивизии, который стал именоваться «Десятым имени германского пролетариата полком».

Все это помогало красноармейцам и краснофлотцам осознать свои великие интернациональные задачи и значение неразрывной связи укрепления боеспособности Вооруженных Сил Страны Советов с развитием мирового революционного процесса. Чувство интернационализма побуждало их к практической помощи братьям по классу. Так, в 1923 г. красноармейская конференция войск Крыма постановила отчислить однодневный паек во всех красноармейских частях в пользу французских и немецких коммунистов, томящихся в тюрьмах; собрание личного состава школы младшего комсостава 28-й стрелковой дивизии отчислило 10 процентов месячного жалованья и организовало сбор пожертвований в помощь рабочим Рура; курсанты 7-й казанской пехотной школы отчислили 1 процент месячного жалованья пролетариату Японии, пострадавшему от землетрясения. В 1926 г. красноармейцы активно участвовали в сборе пожертвований для бастующих английских горняков. Как и весь советский народ, они гневно протестовали против сфабрикованного в США процесса над Н. Сакко и Б. Ванцетти и злодейской расправы с ними. Многие воины работали в ячейках Международной организации помощи борцам революции (МОПР).

Важнейшей составной частью политического воспитания воинов была пропаганда всемирно-исторического значения социалистической революции в России. «Мы делаем мировое, планетарное дело»¹, — с законной гордостью писал А. М. Горький еще в разгар гражданской войны. Разъяснение великого социального смысла строительства принципиально нового общества в нашей стране, естественно, подводило к мысли о необходимости укрепления Советской Армии, помогало осознать личную ответственность за обеспечение мирных условий строительства, за готовность выступить против империалистической агрессии.

Многообразная и напряженная работа Коммунистической партии дала замечательные результаты. В постановлении от 30 октября 1928 г. «О политико-моральном состоянии Красной Армии» Центральный Комитет ВКП(б) констатировал, что «усилиями политорганов и партийных организаций Красной Армии за последние годы были достигнуты как сплоченность и идейная выдержанность партийных рядов, так и вполне политически устойчивое общее состояние Красной Армии при наличии повышения в ней руководящей роли партии, роста политического уровня командного состава и значительного увеличения в его рядах партийных командиров, роста авторитета Советской власти в армии и флоте»².

Политические воспитатели армии и флота СССР сумели успешно решить главную задачу: мужественно преодолевая огромные трудности тех незабываемых лет, «...в стране, меньше всего воспитанной...»³ они из крестьянской по своему составу армии вырастили верного и надежного защитника государства диктатуры пролетариата, завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, самоотверженного борца против империалистической агрессии, за счастье трудящихся всего земного шара.

¹ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 140.

² КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов 1917—1958, стр. 306

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 241.

В деле политического воспитания воинов армии и флота, особенно патриотическом и интернациональном воспитании, укреплении дружбы народов, повышении классового сознания, общеобразовательного и культурного уровня личного состава и формировании у него высоких морально-боевых качеств огромную роль играли армейские и флотские политорганы и партийные организации, а также местные партийные комитеты.

Особое значение в строительстве Вооруженных Сил придавалось развитию и укреплению советского единоначалия. Именно В. И. Ленину принадлежит заслуга в обосновании объективной необходимости единоначалия как наиболее целесообразной формы управления в социалистической армии. В первые годы революции миллионы вчерашних солдат, знавших лишь феодальное и буржуазное единоначалие, нередко переносили свою законную классовую ненависть на единоначалие вообще, считая его непригодным для социалистической армии. Широкое распространение коллегиального метода управления после Октября 1917 г. отражало не только сущность социалистического переворота, но и соответствующее настроение масс.

Однако первый опыт гражданской войны и начало социалистического строительства показали неизбежность перехода к единоначалию «...как к единственно правильной постановке работы»¹, очевидной «и технически, и экономически, и исторически...»².

В известном письме «Все на борьбу с Деникиным!» В. И. Ленин указывал, что безответственность, прикрываемая ссылками на коллегиальность, «...в военном деле сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению», и требовал, чтобы коллегиальность не применялась «дальше абсолютно необходимого минимума», а «...практическое распоряжение учреждением, предприятием, делом, задачей должно быть поручаемо одному товарищу...»³. Необходимость введения единоначалия в Вооруженных Силах Советского государства обуславливалась задачами повышения их боевой готовности, всемерного укрепления и повышения морально-боевых качеств. Но реальная возможность повсеместного введения единоначалия смогла превратиться в действительность, лишь когда появились в достаточном количестве командные кадры, способные осуществлять советское единоначалие, а красноармейские массы осознали насущную необходимость его введения и применения⁴.

Советское единоначалие — единоначалие нового, высшего типа. Оно принципиально отличается от единоначалия в буржуазной армии по своей классовой сущности, целям и формам проведения.

В отличие от буржуазного единоначалия, которое осуществляется в интересах эксплуататорских классов, советское единоначалие — своеобразная форма выражения воли народа и может обеспечить выполнение этой воли только на партийной основе, то есть под руководством Коммунистической партии как организации, наиболее полно и глубоко выражающей коренные интересы масс. Выступая в роли проводника политики партии, советский командир-единоначальник непременно опирается на партийные организации в войсках, во всей своей деятельности проявляет коммунистический подход.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 77.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 200.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45, 46.

⁴ В начале 1930 г. количество единоначальников в ротном звене возросло до 52 процентов, а среди командиров полков — до 73 процентов (Ю. Петров. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота. М., 1968, стр. 166). На 1 апреля 1931 г. командиры-единоначальники среди командиров дивизий составляли 91,5 процента, а среди командиров корпусов — 92 процента (КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967, стр. 148).

Развитие и совершенствование единоначалия, несомненно, способствовало укреплению боеспособности Советских Вооруженных Сил и более эффективной их подготовке к отпору надвигавшейся империалистической агрессии.

Особое внимание Коммунистическая партия уделяла постоянному поддержанию высокой боеготовности армии и флота. После окончания гражданской войны В. И. Ленин говорил, что «... военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность»¹. В успешном решении этой задачи исключительное значение имело правильное, как можно более полно и точно отражающее реальную действительность представление о политическом и военно-техническом характере войн современной эпохи и возможностях наиболее вероятного противника.

Постоянная забота Коммунистической партии о повышении боевой мощи Вооруженных Сил обеспечила неприкосновенность границ Советского государства от посягательств империалистических агрессоров в 20-е — начале 30-х годов. После разгрома иностранных интервентов и белогвардейщины Советская Армия неоднократно пресекала и отражала военные провокации империалистов. Так, в 1921 г. она разгромила белофинскую авантюру в Карелии, а в 1929 г. дала решительный отпор китайским милитаристам, спровоцировавшим вооруженный конфликт на КВЖД, неоднократно отражала налеты банд буржуазно-помещичьей Польши и Румынии, ликвидировала басмачество в республиках Средней Азии, а также очаги бандитизма в различных районах страны.

Укрепление Вооруженных Сил СССР отрезвляюще действовало на империалистическую военщину, сковывало силы империализма. Советский Союз оказывал помощь народам МНР, Китая, Турции, Ирана, Афганистана и других стран в их борьбе за социальное освобождение и национальную независимость.

На протяжении ряда лет серьезнейшим тормозом в обеспечении боевой готовности Советской Армии являлась ее слабая техническая оснащенность. По официальному заявлению наркомвоенмора XVII партийному съезду, вплоть до конца 20-х годов «армия была вооружена сравнительно слабо, и все наши надежды покоились главным образом на беззаветной преданности делу социализма наших бойцов, командиров и политработников, на нашей организованности, на боевой революционной дисциплине, на единомышленном стремлении всей армии и всего трудящегося народа во что бы то ни стало отстоять свою социалистическую родину»².

И как только у страны появились соответствующие экономические возможности, Коммунистическая партия немедленно приступила к решению новой сложнейшей задачи — технической реконструкции армии и флота.

4. Техническая реконструкция Советских Вооруженных Сил

Конец 20-х и первая половина 30-х годов характеризовались усилением агрессивности реакционных империалистических кругов, быстрым количественным и качественным ростом вооружений буржуазных армий, повышением их технической оснащенности. В этих условиях Советский Союз должен был всемерно крепить свою обороноспособность. Продолжая активно бороться за мир и коллективную безопасность, Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли неустанную заботу о Воору-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 130.

² XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 228.

женных Силах — надежном средстве обуздания агрессоров, сохранения и упрочения базы мирового освободительного движения.

В результате напряженной деятельности в течение пяти лет после военной реформы 1924—1925 гг. были заложены прочные основы организации Советской Армии, повысилась ее боеспособность. Однако техническая вооруженность армии того времени, отражая уровень развития производительных сил Советского Союза, значительно отставала от армий крупных империалистических государств. Дальнейшее повышение обороноспособности СССР и мощи Вооруженных Сил было возможно только на основе социалистической индустриализации страны, создания современной тяжелой промышленности. Главную роль в решении этой задачи должен был сыграть первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, который требовал форсированного развития «...отраслей промышленности, повышающих обороноспособность Советского Союза»¹.

Главной целью и важнейшим содержанием решения военных задач на предстоящее пятилетие определялось создание современной военно-технической базы для обороны и поднятия технической и боевой мощи Вооруженных Сил Страны Советов «до уровня первоклассных европейских армий»².

Отложить или надолго растянуть выполнение этой задачи не позволяла международная обстановка. Партия учитывала, что империалисты могли в любой момент напасть на Страну Советов, воспользовавшись ее технико-экономической слабостью. Вопрос стоял так: либо советский народ создаст тяжелую индустрию и одновременно сильную оборонную промышленность в самый короткий срок, либо Советское государство, находившееся в положении осажденной крепости, будет смято новой интервенцией империалистических агрессоров. Поэтому партия вынуждена была, проводя политику ускоренного развития тяжелой промышленности, в том числе и оборонной, поддерживать напряженность производственных планов, ограничивать производство предметов широкого потребления, урезать снабжение дефицитными материалами и сырьем многих заводов и фабрик второстепенных отраслей народного хозяйства.

В беспрецедентной по трудности и сложности работе нужны были высокая организованность, железная дисциплина, творческая инициатива, громадное напряжение сил и самоотверженность. Именно эти качества и проявил рабочий класс, руководимый Коммунистической партией. Своими подвигами он вдохновлял многомиллионные массы трудового крестьянства и интеллигенции.

Первый пятилетний план строительства Советских Вооруженных Сил, утвержденный ЦК ВКП(б) и Советским правительством в 1928 г., разрабатывался РВС СССР и штабом РККА с таким расчетом, «чтобы обороноспособность государства ни в коем случае не отставала от общего хозяйственного роста страны»³.

Наступило время технической реконструкции Советских Вооруженных Сил, включавшей в себя как перевод их на новую военно-техническую базу, так и подготовку всего личного состава к эффективному использованию новой техники.

Развитие экономики страны в первые два года первой пятилетки показало, что благодаря энтузиазму народа и использованию материальных резервов контрольные цифры плана значительно перекрывались. Это позволило Центральному Комитету ВКП(б) и Советскому правительству

¹ КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 440.

² Там же, стр. 282; XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. 2. М., 1962, стр. 993.

³ Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, стр. 391.

пересмотреть и увеличить многие задания и контрольные цифры пятилетнего плана развития вооруженных сил.

Первая конкретизация была сделана в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР», где предлагалось «усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной Армии; наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин и пр.». В области авиации считалось первоочередным «скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран»¹. Необходимым условием являлось создание своих, советских научно-конструкторских кадров, особенно в моторостроении. В области организационного строительства ЦК ВКП(б) предлагал продолжить курс на дальнейшее увеличение удельного веса технических войск и уменьшение вспомогательных и обслуживающих частей.

В период подготовки к XVI съезду партии ЦК ВКП(б) и Советское правительство потребовали от РВС СССР вновь пересмотреть план военного строительства на следующих основах:

а) по численности — не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны;

б) по технике — быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно: по воздушному флоту, артиллерии и танкам².

В июне 1930 г. РВС СССР утвердил уточненный план строительства РККА. В качестве первоочередной и главной задачи в нем предусматривалось полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники; исходя из требований современной войны, создать и совершенствовать новые рода войск (авиацию, бронетанковые войска), специальные войска (химические, инженерные и другие), повысив их удельный вес в системе Вооруженных Сил страны; модернизировать старую технику; моторизовать и организационно перестроить пехоту, артиллерию, кавалерию; осуществить массовую подготовку технических кадров и всему личному составу армии овладеть новой техникой. В январе 1931 г. РВС СССР утвердил календарный план строительства РККА на 1931—1933 гг. Это завершило разработку научно обоснованного плана военного строительства, положенного в основу всей работы по технической реконструкции армии.

Вся работа по выполнению этого плана проходила под непосредственным руководством Центрального Комитета ВКП(б), таких видных деятелей партии, как И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, С. В. Косиор, А. А. Жданов.

Наряду с этим совершенствовалась система руководства Вооруженными Силами. 18 июля 1929 г. была учреждена должность начальника вооружений РККА. На него возлагалось непосредственное руководство вопросами технического перевооружения войск. До 1931 г. этот пост занимал И. П. Уборевич, затем М. Н. Тухачевский, одновременно являвшийся заместителем народного комиссара по военным и морским делам. Тогда же создается Управление моторизации и механизации РККА, которое возглавил И. А. Халепский. Проведенные мероприятия во многом помогли обеспечить успех грандиозного дела технической реконструкции армии, авиации и флота в невиданно короткие сроки, способствовали более целеустремленной работе центральных учреждений, Народного комиссариата

¹ КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 282—283.

² Архив МО, ф. 15а, оп. 165, д. 3, л. 4. В январе 1931 г. в первый пункт была внесена существенная поправка: «По численности — превосходить наших вероятных противников на главнейшем театре войны» (Архив МО, ф. 15а, оп. 439, д. 1, л. 5).

по военным и морским делам в выработке правильных взглядов на создание современных по тому времени видов вооружения и на тактико-технические требования к ним.

Пятилетний план предусматривал оснащение войск современным стрелковым оружием, особенно автоматическим. Благодаря заботе Коммунистической партии к началу 30-х годов сложилась замечательная школа советских оружейников во главе с выдающимися учеными В. Г. Федоровым, А. А. Благодоровым, Н. М. Филатовым и конструкторами В. А. Дегтяревым, Ф. В. Токаревым, Б. Г. Шпитальным и другими, которые разработали теорию конструирования и образцы нового стрелкового оружия. В годы первой пятилетки на вооружение войск поступили счетверенные зенитные пулеметные установки на базе станкового пулемета «максим», усовершенствованный ручной пулемет системы Дегтярева и созданные на его основе танковые, авиационные пулеметы, не уступавшие иностранным образцам. В 1930 г. на вооружение был принят самозарядный пистолет системы Токарева — ТТ. В результате модернизации прославленной русской трехлинейной винтовки капитана С. И. Мосина армия получила усовершенствованную винтовку образца 1891/30 г. Основные усилия конструкторской мысли направлялись на облегчение веса, упрощение устройства, увеличение скорострельности и автоматизации огня стрелкового оружия.

На основе принятого Реввоенсоветом СССР плана артиллерийского перевооружения РККА, рассчитанного на пять лет, почти заново создавалась промышленная база для производства орудий, были организованы крупные конструкторские бюро, где советские специалисты С. Н. Маханов, Л. А. Магдосеев, В. Н. Сидоренко, А. Г. Гаврилов и другие разработали новые образцы артиллерийского вооружения: 37-мм противотанковую пушку образца 1930 г., 76-мм зенитную пушку образца 1931 г., 203-мм гаубицу образца 1931 г. и 45-мм противотанковую пушку образца 1932 г.¹ Для увеличения дальности стрельбы, маневренности, скорострельности и разрывной силы снарядов некоторые артиллерийские системы подверглись модернизации.

Большой вклад в развитие отечественной артиллерии в эти годы внесли ученые-артиллеристы В. М. Трофимов, Р. А. Дурляхов, Г. А. Забудский, И. П. Граве, Д. А. Вентцель и другие.

В годы первой пятилетки Советская Армия начала получать вполне современное артиллерийское вооружение. Но эти первые успехи еще не решали основного — создания качественно новых образцов артиллерии, которые по своим тактико-техническим данным превосходили бы артиллерийские системы капиталистических стран.

В конце 20-х и начале 30-х годов на основе научной теории ракетостроения, разработанной К. Э. Циолковским, советские ученые добились значительных успехов в конструировании ракетных двигателей, ракет и реактивных снарядов.

Ученые-конструкторы В. А. Артемьев и Н. И. Тихомиров создали такие ракеты-снаряды на твердом топливе и в 1928 г. провели первые испытания². В 1932 г. группа во главе с Б. С. Петропавловским сконструировала реактивный противотанковый снаряд калибра 65 мм. Коллектив под руководством Ф. А. Цандера создал тепловой реактивный двигатель ОР-1. Ленинградская газодинамическая лаборатория и группа по изучению реактивного движения (ГИРД) сконструировали две первые советские ракеты на жидком топливе, которые были запущены в августе и ноябре 1933 г. При повторных пусках одна из них поднялась на 1,5 км. Испытания

¹ История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 8. М. — Л., 1964, стр. 33.

² ЦГАСА, ф. 20, оп. 19, д. 227, л. 47.

всех этих ракет имели чрезвычайно важное значение. Они показали, что советские ученые находятся на верном пути.

При активной поддержке Г. К. Орджоникидзе и М. Н. Тухачевского в октябре 1933 г. создается Реактивный научно-исследовательский институт, где впервые в широком масштабе развертываются исследования по созданию ракет для освоения космоса.

В 1934—1937 гг. в Советском Союзе были произведены успешные пуски новых ракет. Одна из них достигла высоты 3 км, что несколько превышало максимальный подъем американских и немецких ракет того времени. Все это позволило выдающемуся советскому ученому, будущему конструктору космических ракет С. П. Королеву заявить уже тогда: «Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники»¹.

Начало 30-х годов характеризовалось бурным ростом советской бронетанковой техники. В постановлении РВС СССР о системе танкоавтомобильного вооружения РККА, исходившем из возраставшей роли танков в современной войне, ставилась задача создать бронетанковый парк, который имел бы танкетки, легкие и средние танки, самоходные пушки, броневые автомобили трех типов (легкие, средние, тяжелые)². В кратчайшие сроки молодые советские конструкторские коллективы под руководством и при участии Н. В. Барыкова, С. А. Гинзбурга, Н. Н. Козырева, И. А. Лебедева, К. Н. Тоскина, А. О. Фирсова и других создали танки, по тактико-техническим данным не уступавшие соответствующим заграничным образцам, а по отдельным характеристикам даже превосходившие их. В течение 1931—1932 гг. на вооружение были приняты танкетка Т-27 и легкий танк Т-26. Разрабатывались образцы быстроходного колесно-гусеничного танка БТ, средних танков Т-28 и Т-24, тяжелого танка Т-35 с максимальной толщиной брони 30 мм.

Однако массовое производство отечественных танков удалось наладить не сразу. В 1929 г. план по производству танков был выполнен только на 20 процентов, в первом квартале 1930 г. — на 65, а во втором и третьем кварталах — лишь на 20 процентов³. Причины этого — острая нехватка квалифицированных кадров, слабое обеспечение танкового производства высокосортными сталями, инструментом, приборами зажигания, опоздание со специализацией и кооперированием автотракторной промышленности с танкостроением. Переломным в работе танковой промышленности стал 1931 год. За годы первой пятилетки танковая промышленность выпустила 3949 танков и танкеток, из них 3039 — в 1932 г.⁴ Существенными недостатками бронетанкового вооружения являлись многотипность боевых машин, большой удельный вес танкеток и легких танков, сравнительно слабая огневая мощь и недостаточная броневая защита. Быстрое развитие танковой техники в основных капиталистических странах требовало создания в СССР новых, более совершенных типов танков.

Вновь созданная авиационная промышленность уже за годы первой пятилетки добилась значительных успехов. Учитывая возросшую роль авиации в современной войне, Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли исключительное внимание вопросам самолето- и моторостроения, подготовки конструкторских и инженерных кадров. Большую роль в этом сыграли Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ), Главное управление авиапромышленности во главе с П. И. Бара-

¹ С. К о р о л е в. Ракетный полет в стратосфере. М., 1934, стр. 109.

² Архив МО, ф. 112а, оп. 796, д. 13, лл. 195—197.

³ Архив МО, ф. 112а, оп. 796, д. 16, л. 87; д. 48, л. 175.

⁴ ЦГАОР, ф. 8418, оп. 25, д. 14, лл. 1—5.

новым Основоположниками передовой советской школы самолетостроения были ученики Н. Е. Жуковского — талантливые ученые Б. С. Стечкин, В. П. Ветчинкин, Б. Н. Юрьев и выдающиеся конструкторы Д. П. Григорович, С. В. Ильюшин, С. А. Кочергин, В. М. Петляков, Н. Н. Поликарпов, А. Н. Туполев, А. А. Микулин, В. Я. Ктимов, С. К. Туманский, А. Д. Швецов и другие.

В январе 1930 г. Реввоенсовет СССР утвердил программу создания различных типов самолетов, аэростатов и дирижаблей, делая основной упор на бомбардировочную и истребительную авиацию.

Выполняя задания партии и правительства, советские ученые и авиаконструкторы в кратчайшие сроки разработали разнообразные типы самолетов бомбардировочной, истребительной, штурмовой и разведывательной авиации. На вооружение были приняты тяжелый бомбардировщик ТБ-3 конструкции А. Н. Туполева, истребитель И-5 и штурмовик ТШ-2 Д. П. Григоровича, легкий бомбардировщик Р-5 Н. Н. Поликарпова. В 1933 г. Поликарповым был создан истребитель И-15 с большей маневренностью и высокой скоростью, в 1935 г. самолет получил премию на Миланской выставке. Для морского флота были построены дальний разведчик МДР-2, летающие лодки МБР-2 и МТБ-2.

За годы первой пятилетки количество истребителей в ВВС увеличилось более чем в 3 раза, а тяжелых бомбардировщиков — почти в 8 раз. Если в 1929 г. на разведывательную авиацию приходилось около 82 процентов боевых машин, то в 1932 г. самолеты-разведчики составляли лишь 30 процентов, зато бомбардировщики и штурмовики — 45, а истребители — 25 процентов¹.

Военно-Воздушные Силы были почти полностью обеспечены отечественной техникой. К концу 1932 г. 96 процентов истребителей и 97 процентов тяжелых бомбардировщиков строились на отечественных предприятиях. Это позволило в последующие годы отказаться от импорта авиационной техники. К началу второй пятилетки советская оборонная промышленность имела 6 крупных самолетостроительных и 4 моторостроительных заводов, мощность которых в военное время могла быть увеличена вдвое².

В целом за годы первой пятилетки производство самолетов возросло в 2,7 раза, а моторов в 6 раз по сравнению с 1928 г., причем технический уровень советской авиации по ряду показателей значительно приблизился к зарубежному. Вместе с тем ряд важных задач в области авиации требовал дальнейшего решения. Уровень отечественного авиационного моторостроения не позволил в те годы добиться высоких летно-тактических характеристик (по скорости и высоте). Отсутствовали образцы самолетов-штурмовиков, необходимых для поддержки наземных войск на поле боя. Предстояла напряженная работа по созданию всех видов авиации и увеличению ее скорости, высоты полета и радиуса действия³.

Развертывание оборонной промышленности дало возможность начать оснащение армии новым инженерным имуществом, средствами противохимической защиты, радиооборудованием и аппаратами линейной связи. В 1934 г. инженером П. К. Ощепковым были созданы первые экспериментальные установки для радиопобуждения самолетов в воздухе. Этим было положено начало развитию отечественной радиолокационной техники.

Важным результатом внедрения новой техники был возросший уровень механизации и моторизации советских войск. Если в 1929 г. на одно-

¹ Архив МО, ф. 7, оп. 462, д. 220, л. 16.

² Архив МО, ф. 35, оп. 1618, д. 58, л. 42.

³ Архив МО, ф. 7, оп. 138671, д. 104, л. 2, *Авиация и космонавтика СССР*. М., 1968, стр. 62.

го красноармейца в среднем приходилось 2,6 (механической) лошадиной силы, то в 1932 г. — 6,5.

Большая работа проводилась по укреплению Военно-Морского Флота. В результате успешного выполнения первой судостроительной программы (1926—1928 гг.) корабельный состав Военно-морских сил почти полностью был восстановлен.

В феврале 1929 г. была разработана вторая судостроительная программа (1928—1933 гг.), уточненная решениями Реввоенсовета СССР от 13 июня и 23 декабря 1930 г., в которой предусматривалось: достроить и отремонтировать 3 линкора, 2 крейсера, 3 эсминца; построить 2 эсминца, 6 подводных лодок, 3 сторожевых корабля и 36 торпедных катеров; начать постройку 28 подводных лодок, 6 эсминцев, 18 сторожевых кораблей, 60 торпедных катеров, 10 тральщиков. В развитии советских Военно-морских сил ставилась задача правильно сочетать надводный и подводный флот, береговую, минно-позиционную оборону и морскую авиацию, исходя из характера будущих боевых операций и наличия морских театров. В 1930 г. впервые началось серийное строительство сторожевых кораблей, торпедных катеров. На следующий год появились первые подводные лодки отечественной конструкции типа «Д», а с 1933 г. стали вступать в строй подводные лодки типа «Л» и «Щ». Большой вклад в развитие советского судостроения внесли выдающиеся ученые и кораблестроители А. Н. Крылов, П. Ф. Папкович, В. Л. Поздунин, В. Ф. Попов, В. П. Костенко, Б. М. Малинин, Ю. А. Шиманский, А. П. Шершов, Н. В. Исаченков, В. Г. Власов и другие.

Уровень отечественного судостроения еще не позволял развивать флот в таких масштабах и темпах, каких требовали интересы безопасности СССР. Партия и правительство принимали меры к созданию новых центров судостроительной промышленности — на Севере, Юге и Дальнем Востоке. В 1932 г. закладывается город Комсомольск-на-Амуре, которому отводилась большая роль в развитии отечественного судостроения.

В 1932 г. по решению партии и правительства для охраны морских дальневосточных границ началось строительство Тихоокеанского военного флота. В 1933 г. создается Северная военная флотилия. Огромную роль в этом сыграла постройка Беломорско-Балтийского канала — внутреннего водного пути, соединившего два моря. Численно выросли Днепровская, Каспийская, Амурская военные флотилии. Большая работа проводилась по расширению и усовершенствованию береговых баз флота. Для охраны морского побережья завершалось строительство 14 морских укрепленных районов, формировалось 12 дивизионов ПВО и т. д.

В связи с усилившейся опасностью нападения империалистических государств на СССР в 1931—1932 гг. Центральный Комитет партии и Советское правительство обязали Реввоенсовет СССР укрепить западные и восточные границы. В сжатые сроки была создана полоса пограничных укрепленных районов от Ладожского озера до Черного моря, проведены большие работы по укреплению сухопутных и морских границ на Дальнем Востоке. На наиболее угрожаемых участках создавалась система взводных и ротных районов обороны, где долговременные огневые точки сочетались с полевыми инженерными укреплениями. «В 1932 г., — писала «Правда», — когда угроза нападения на ДВК (Дальневосточный край. — *Ред.*) стала особенно реальной, Центральный Комитет партии и Советское правительство вынуждены были перестроить промышленность, поставить ее на службу обороны страны. И в короткий срок мощная опора на отдаленных дальневосточных границах была создана. Прозорливость и железная воля ЦК спасли от интервенции»¹.

¹ «Правда», 23 февраля 1933 г.

Таковы основные направления и результаты деятельности партии по техническому перевооружению армии, авиации и флота в годы первой пятилетки. Несмотря на исключительные трудности, связанные с новизной, огромными масштабами задач, необходимостью форсированных темпов, намеченные партией и правительством планы успешно претворялись в жизнь. Это потребовало от государства больших средств и напряжения сил работников социалистической промышленности и военного аппарата. В 1932 г. расходы на техническое оснащение РККА увеличились более чем в 10 раз по сравнению с 1927—1928 гг.¹

Техническое перевооружение армии и развитие способов ведения вооруженной борьбы обусловили изменение организационной структуры Вооруженных Сил страны.

В свете решений ЦК ВКП(б) Реввоенсовет СССР проводил линию на создание мощных, оснащенных современной боевой техникой сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Партия предостерегала военные кадры от переоценки старых родов войск, а также от увлечения теориями малых механизированных армий, которые проповедовали некоторые буржуазные военные теоретики.

Изменения в организации сухопутных войск заключались главным образом в увеличении удельного веса артиллерии и бронетанковых войск. Чтобы повысить огневую и техническую мощь стрелковых войск, их способность успешно вести наступательные и оборонительные действия, в состав общевойсковых соединений включались подразделения бронетанковых войск, противотанковой и зенитной артиллерии, в состав кавалерийских соединений — отдельные механизированные дивизионы и полки, зенитные и химические подразделения.

Большим достижением стало создание батальонной противотанковой артиллерии, а также рост дивизионной и корпусной артиллерии. Почти в три раза увеличилось количество частей артиллерии резерва Главного Командования (РГК).

Вплоть до 1929—1930 гг. советские автоброневойска находились в зачаточном состоянии, их основу составляли бронеавтомобили и бронепоезда. К концу же первой пятилетки в сухопутных силах завершился процесс оформления нового рода войск — бронетанковых и механизированных.

Советская военная мысль своевременно определила значение и перспективы этого рода войск в современной войне. 17 июля 1929 г. Реввоенсовет СССР принял постановление о создании опытной механизированной части. В нем говорилось: «Принимая во внимание, что новый род оружия, каким являются бронесилы, недостаточно изучен как в смысле тактического его применения (для самостоятельного и совместно с пехотой и конницей), так и в смысле наиболее выгодных организационных форм, признать необходимым организовать в 1929—1930 годах постоянную опытную механизированную часть»². В конце 1929 г. был сформирован опытный механизированный полк (в составе танкового батальона, артбатареи, автобронедивизиона и мотострелкового батальона), а в 1930 г. на его базе — первая механизированная бригада, в следующем году сформирована вторая механизированная бригада. В 1932 г. кроме этих бригад создаются впервые в мире два механизированных корпуса. Это были самостоятельные оперативные соединения. В состав каждого корпуса входили две механизированные и одна стрелково-пулеметная бригады (500 танков и более 200 бронеавтомобилей).

В 1929—1933 гг. в Советской Армии появились уставы и наставления, излагавшие основы применения и действий бронетанковых и механи-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 514, вып. 1, л. 126.

² 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 202.

зированных войск. Мотомеханизированные войска превращались в серьезную боевую силу. Их организационная структура правильно учитывала возможности боевого применения и условия современной войны. Народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов на пленуме Реввоенсовета СССР в октябре 1932 г., отмечая, что принятая структура мотомеханизированных и танковых войск наиболее полно отвечает интересам и задачам обороны, говорил: «Самостоятельные танковые и мотомеханизированные части, наряду с этим пехота и артиллерия, усиленные танками и моторами, вот по-настоящему единственно правильная организационная форма использования танка и мотора в интересах обороны государства»¹. В декабре 1932 г. вышло постановление Реввоенсовета СССР о развертывании авиадесантных отрядов, положивших начало созданию воздушнодесантных войск.

Важные мероприятия были осуществлены по совершенствованию организации противовоздушной обороны страны. В 1932 г. постановлением СНК СССР все руководство системой ПВО страны было возложено на Народный комиссариат по военным и морским делам, в составе которого учреждалось Управление ПВО РККА. В военных округах создавались управления ПВО. Были организованы заново дивизии и полки ПВО, увеличено количество отдельных зенитных дивизионов и зенитных батарей береговой артиллерии, усилены технические средства ПВО.

В постановлении Реввоенсовета СССР от 23 марта 1932 г. «Об основах организации Военно-Воздушных Сил РККА» излагались новые стратегические и оперативно-тактические взгляды на организационное строительство и боевое применение Военно-Воздушных Сил в случае нападения на нашу страну².

Из рода войск ВВС стали превращаться в вид вооруженных сил. Уже с 1929 г. осуществляется переход к бригадам истребительной, штурмовой, легкой и тяжелой бомбардировочной авиации. В 1933 г. тяжелые бомбардировочные авиабригады были объединены в корпуса, способные самостоятельно решать оперативные задачи.

Удельный вес артиллерии, авиации, бронетанковых войск в целом за период первой пятилетки поднялся с 20 до 35 процентов³. Снижился удельный вес пехоты и конницы, но их огневая мощь и боевые возможности увеличились.

В ходе технической реконструкции и организационной перестройки Советской Армии Центральному Комитету партии и Реввоенсовету СССР пришлось преодолеть имевшие место консерватизм, недооценку значения новой военной техники, в частности танков, и преувеличение роли конницы в современной войне, фетишизацию опыта гражданской войны 1918—1920 гг.

Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский писал об этом: «Прежде всего пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря»⁴.

¹ Цит. по: КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР (1918 — июнь 1941). М., 1959, стр. 341—342.

² 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 205.

³ Н. Кузьмин. На страже мирного труда (1921—1940). М., 1959, стр. 173.

⁴ «Красная звезда», 6 мая 1937 г.

Учитывая происходившие изменения в военном деле, вооружении и организации буржуазных армий, Центральный Комитет партии исправлял ошибки и промахи в военном строительстве, проводил линию на гармоничное сочетание и развитие родов войск и видов вооруженных сил

Оснащение армии и флота новой боевой техникой, изменения в их организации, создание новых родов войск, усложнение дела управления войсками потребовали усовершенствования подготовки военных кадров. Огромная работа, развернувшаяся в этой области, проводилась на основе решений партии, в частности постановления ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА», в котором указывалось, что при подготовке командных кадров в органическом единстве должны решаться две задачи: непрерывное повышение военных и военно-технических знаний и совершенствование навыков организации партийно-политической работы. Подчеркивалась необходимость увеличения рабочей и партийной прослойки среди командных кадров, особенно в артиллерии, специальных технических войсках, на флоте и в штабах. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 г. говорилось: «ЦК считает основной, решающей сейчас задачей в деле дальнейшего повышения боеспособности армии — решительное повышение военно-технических знаний начсостава, овладение им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя. На наиболее быстрое и успешное разрешение этой задачи должны сейчас сосредоточить свое главное внимание и силы Реввоенсовета Союза, весь начсостав и парторганизация армии. Военно-техническое совершенствование командира должно стать важнейшим звеном работы всего начсостава и всех армейских организаций»¹. В этом же постановлении отмечалось, что в результате выполнения Реввоенсоветом СССР предыдущего постановления достигнуты значительные успехи в деле укрепления кадров начальствующего состава: выросла партийная и рабочая прослойка, окрепла сплоченность, возросло влияние партии на беспартийных.

Руководящие документы партии обеспечивали твердую организационную основу процессу дальнейшей подготовки кадров и придавали ему необходимую логическую последовательность. Ведущими центрами в боевой и политической подготовке, овладении техникой, в военно-научной работе и обеспечении армии высококвалифицированными кадрами должны были стать военно-учебные заведения.

Ранее сложившаяся и оправдавшая себя система военного обучения получила большую четкость и размах. Старший начальствующий состав готовился в военных академиях, средний — в военных школах и училищах, младший — в полковых школах при частях и в специальных школах технических специалистов. Сохранялись курсы усовершенствования и переподготовки.

При активной помощи политорганов и партийных организаций Реввоенсовет СССР провел большую работу по улучшению качественного состава командных кадров. На должности командиров соединений, частей и подразделений выдвигались опытные, достойные командиры коммунисты.

В 1932 г. по указанию ЦК ВКП(б) во всех воинских частях была введена плановая регулярная марксистско-ленинская подготовка командно-начальствующего состава. Произведения классиков марксизма-ленинизма, решения Коммунистической партии, марксистско-ленинское учение о войне и армии стали систематически изучаться всеми командирами и политработниками.

¹ КИСС в резолюциях, т. 4, стр. 522.

Систематически стала проводиться военная учеба командно-начальствующего и политического состава, главное место в которой отводилось освоению оружия и боевой техники со сдачей обязательного технического минимума. Наряду с этим большая часть командного состава проходила переподготовку на краткосрочных курсах.

Центральный Комитет партии провел важные мероприятия, направленные на улучшение работы военно-учебных заведений. В военных школах и академиях укреплялся профессорско-преподавательский состав, военно-учебные заведения насыщались новой боевой техникой, улучшался качественно состав курсантов и слушателей. В 1931 г. при академиях были созданы вечерние и заочные факультеты, сыгравшие большую роль в переподготовке командного и начальствующего состава в войсках. Количество военных академий выросло в полтора раза (с 7 в 1928 г. до 10 в 1932 г.), а число слушателей — в пять раз (с 3198 человек в 1928 г. до 16 550 в 1932 г.)¹. Значительно расширилась сеть танковых, артиллерийских, авиационных, инженерных и других военных школ, готовивших средние командно-политические и технические кадры. Общее число военных школ увеличилось с 48 до 73. В 1930—1932 гг. действовало 18 десятимесячных курсов усовершенствования командного состава; 73 процента слушателей этих курсов проходили переподготовку с общевойсковых и кавалерийских командиров на командиров технических войск². Резко повысился уровень военного образования командных кадров. К началу 1934 г. академии и курсы усовершенствования окончили 48,2 процента старшего и 78,9 процента высшего командного состава; 42,7 процента старшего и 81,4 процента среднего командного состава — нормальные военные школы³.

Возросло значение партийно-политической работы в армии. В связи с задачей овладения новой техникой потребовалось расширить и улучшить подготовку кадров политсостава. В 1931—1932 гг. часть военно-политических курсов была преобразована в военно-политические школы с двухгодичным сроком обучения. Создавались также курсы усовершенствования политсостава⁴. По сравнению с 1928 г. число слушателей Военно-политической академии увеличилось вчетверо. В начале 30-х годов ЦК партии направил на политическую работу в армию и на флот несколько тысяч опытных партийных работников.

Боевая техника, как бы совершенна она ни была, становится грозным и действенным оружием только в руках людей, овладевших ею. Вот почему первоочередной задачей обучения и воспитания личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота стало овладение новой техникой и оружием.

Выдвинутый партией в те годы лозунг «Большевики должны овладеть техникой!» был в центре внимания командиров, политорганов и партийных организаций. Социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция, развернувшиеся в стране, изменили социальный облик рабочего класса и крестьянства. Миллионы советских людей не только города, но и деревни стали сознательными и активными участниками строительства социализма. Быстро росли квалифицированные кадры рабочих и техников, трактористов, комбайнеров, шоферов и других специалистов. Множились ряды советской интеллигенции. Резко возросла и общая культура советских людей. Благодаря этому

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 211.

² Архив МО, ф. 32, оп. 22792, д. 6, л. 208; оп. 1637, д. 1963, л. 79; ф. 1, оп. 2103, д. 76, л. 73.

³ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 233.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 1. М., 1963, стр. 95.

армия и флот с каждым годом получали все более грамотное в техническом отношении пополнение.

Коммунистическая партия призвала всех советских воинов успешнее овладевать новой техникой. В приветствии ЦК ВКП(б) по случаю 15-летия Советской Армии говорилось:

«Усилиями пролетариев и трудящихся Советского Союза в СССР создана мощная социалистическая промышленность — основа обороноспособности СССР. Пролетарии вооружают Красную Армию новой могучей военной техникой.

Ваше дело, товарищи, овладеть этой техникой, научиться в совершенстве управлять и действовать теми новейшими машинами и орудиями, которые созданы руками трудящихся СССР»¹.

Политорганы, партийные и комсомольские организации армии мобилизовали все силы на выполнение указаний Коммунистической партии. В войсках развернулась борьба за отличное освоение новой техники и оружия.

Большую роль в успешном решении этой задачи сыграл приказ Реввоенсовета СССР от 14 мая 1932 г. «Об овладении техникой и технической пропаганде». В приказе говорилось, что оснащение войск большим количеством новой техники, более совершенными видами вооружения обязывает весь личный состав в совершенстве овладеть новой техникой, организовать тщательный уход за ней, исключить аварийность, неисправность механизмов и машин. Реввоенсовет предлагал в связи с этим развернуть сеть военно-технических кружков, курсов для рядового и младшего командного состава, семинары и курсы для начальствующего состава².

Важным средством мобилизации личного состава на овладение новой техникой являлась военно-техническая пропаганда, которая широко развернулась на страницах армейской печати, с помощью кино, радио. Она дополняла и углубляла знания, получаемые личным составом в процессе боевой подготовки.

Уже в 1933 г. в армии и на флоте насчитывалось 5 тыс. военно-технических кружков, ставших массовой формой повышения военно-технических знаний. В 1932 г. в Белорусском военном округе в кружках и на курсах обучалось около 80 процентов бойцов. В соединениях Балтийского флота только за второе полугодие 1932 г. было прочитано 900 лекций и докладов, организовано 250 «боев» и 75 конкурсов на лучшее знание техники и оружия³. От бойцов, командиров, политработников и целых армейских коллективов в 1932 г. поступило 182 тыс. рационализаторских предложений и заявок на технические изобретения, а в 1933 г. — 152 тыс.; многие из них успешно внедрились.

Коммунистическая партия уделяла огромное внимание развитию массовой оборонной и спортивной работы в стране. 23 февраля 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об Осоавиахиме, потребовав решительного улучшения его деятельности. Руководящим органам Осоавиахима предлагалось сосредоточить усилия на массовой оборонной работе среди трудящихся, особенно молодежи, обучении их владению оружием и действиям в противовоздушной обороне.

Возраставшая политическая и трудовая активность широких народных масс оказала благотворное воздействие на укрепление обороны страны и боевой мощи Вооруженных Сил. Активное участие в этом деле принимали профсоюзы, фабрично-заводские и местные комитеты, которые систематически обсуждали на своих заседаниях вопросы массовой оборон-

¹ «Красная звезда», 23 февраля 1933 г.

² Архив МО, ф. 32, оп. 15801, д. 130, л. 15.

³ «Красная звезда», 23 февраля 1933 г.

ной работы и выносили их на общие собрания рабочих и служащих. Профсоюзы оказывали большую помощь организациям Осоавиахима в подготовке «ворошиловских стрелков». Многие заводы, фабрики, учреждения соревновались за образцовую постановку массовой оборонной работы и лучшее шефство над частями армии и флота. Сотни самолетов, десятки танков и других технических средств были построены в те годы на деньги, собранные трудящимися.

Активным помощником партии в укреплении обороны страны был комсомол. Шефствуя над морским и воздушным флотом, он посылал туда своих лучших воспитанников. IX съезд ВЛКСМ (январь 1931 г.) поручил ЦК ВЛКСМ обеспечить широкое участие комсомольцев в укреплении обороноспособности страны. «Съезд считает невозможным, — указывалось в его решениях, — пребывание в рядах ВЛКСМ людей, недооценивающих военной опасности, не проходящих военной учебы, не подготавливающих себя к надвигающимся боям»¹. Выполняя решения съезда, комсомол выдвинул задачу — в ближайшие два года подготовить для советского воздушного флота 150 тыс. летчиков².

Претворение в жизнь намеченного партией и правительством первого пятилетнего плана строительства РККА было сопряжено с преодолением немалых трудностей, вызывавшихся грандиозностью и напряжением народнохозяйственных планов, одновременностью процесса технической перестройки промышленности и сельского хозяйства с задачей технической реконструкции армии и флота, необходимостью подведения новой технической базы под оборону страны в крайне сжатые сроки. Коммунистическая партия успешно справлялась с этими задачами потому, что ее научно обоснованная политика и практическая деятельность по укреплению обороны СССР, могущества Вооруженных Сил пользовались полной поддержкой рабочего класса, всех трудящихся СССР.

Благодаря самоотверженности трудящихся масс СССР, работников оборонной промышленности, военного аппарата во главе с Реввоенсоветом СССР первый пятилетний план строительства РККА был выполнен. Это означало, что техническая реконструкция армии развернулась широким фронтом.

Разумеется, эти грандиозные задачи не могли быть решены за одну пятилетку. Наркомвоенмор К. Е. Ворошилов 8 июня 1932 г. в докладе правительству «Об основных моментах плана строительства Красной Армии во вторую пятилетку», подводя итоги первой пятилетки, отмечал недостаточную механизацию армии, отсутствие механизированной тяги в артиллерии и необходимого резерва техники и боеприпасов, недостаточное количество танков и бронемашин для развития непрерывных и глубоких операций³.

Все более обострявшаяся международная обстановка требовала дальнейшего укрепления Вооруженных Сил. Второй пятилетний план развития народного хозяйства, утвержденный XVII съездом, предусматривал превращение СССР в экономически независимое и передовое в техническом отношении государство в Европе, дальнейшее развитие оборонной промышленности и завершение на этой базе технической реконструкции Вооруженных Сил.

Учитывая международную обстановку и ожидаемые сдвиги в экономике страны, план военного строительства на очередное пятилетие предусматривал к концу его иметь такую армию, которая в случае империалистической агрессии, действуя одновременно на нескольких фронтах,

¹ Справочник партийного работника. Вып. VIII. М. — Л., 1934, стр. 763.

² Краснознаменное оборонное. М., 1971, стр. 53.

³ Архив МО, ф. 1, оп. 1762, д. 66, л. 192.

была бы в состоянии нанести действительно сокрушительные удары по армиям империалистических государств¹. Поставленная цель определила характер и содержание разрабатываемого Реввоенсоветом СССР второго пятилетнего плана строительства РККА на 1933—1938 гг.

В июне 1933 г. Совет Труда и Обороны принял постановление «О программе военно-морского строительства на 1933—1938 гг.»; в августе того же года — «О системе танкового вооружения РККА на вторую пятилетку»; в марте 1934 г. — «О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку»; в апреле 1935 г. был утвержден план развития Военно-Воздушных Сил на 1935—1937 гг.

На вторую пятилетку намечались следующие задачи дальнейшей технической реконструкции Вооруженных Сил:

- самое широкое внедрение механизации в РККА; достижение такого темпа механизации армии, который позволил бы бронетанковым и механизированным войскам стать одним из основных, решающих элементов в боевых операциях; создание новых крупных механизированных соединений — корпусов и отдельных бригад, насыщение танками стрелковых войск, ликвидация многотипности боевых машин, конструирование и внедрение новых, более совершенных типов танков, повышение удельного веса средних и тяжелых машин;

- увеличение авиации в три раза, форсированное развитие тяжелой бомбардировочной и перевооружение истребительной авиации более современными образцами, внедрение качественно лучших типов самолетов и моторов; превращение ВВС в мощный вид вооруженных сил, решающий самостоятельные оперативные задачи и полностью обеспечивающий тесное взаимодействие с сухопутными силами и флотом;

- модернизация существующих и создание новых, более совершенных артиллерийских систем, преимущественно зенитных, противотанковых, артиллерии большой мощности и перевод ее на механическую тягу, повышение мощности войсковой артиллерии;

- моторизация и реорганизация стрелковых войск с целью усиления их оперативно-тактической мобильности и гибкости на базе новой техники и установления наиболее правильного коэффициента соотношения живой силы и технических средств вооруженной борьбы, повышение боевого значения стрелковых войск за счет усиления артиллерией, введения механизированных полков и танковых батальонов;

- дальнейшее развитие средств связи, обеспечение радиостанциями всех родов войск до роты, эскадрона, батареи, самолета, танка включительно; увеличение инженерных средств, обеспечивающих быстрое строительство мостов, дорог, оборонительных сооружений;

- создание мощного подводного флота, строительство на Тихом океане, Черном, Балтийском, Баренцевом и Белом морях ряда береговых батарей для обороны основных военно-морских баз.

Завершение технической реконструкции и перевооружение всех видов и родов войск новой боевой техникой должно было создать превосходство Советских Вооруженных Сил над капиталистическими армиями по решающим средствам вооруженной борьбы — артиллерии, танкам, авиации².

Общие итоги напряженной работы Коммунистической партии и всего советского народа в 1929—1935 гг. по технической реконструкции Советской Армии и Флота показаны в таблице 13.

¹ Архив МО, ф. 1, оп. 1762, д. 66, л. 194.

² Архив МО, ф. 7, оп. 21567, д. 18, лл. 138, 140; ф. 1, оп. 1762, д. 66, лл. 36—37, 115, 151, 170, 192—194.

Таблица 13

Рост вооружения и боевой техники Советских Вооруженных Сил в 1928—1935 гг.¹

Виды вооружения и боевой техники	Состояло на вооружении (шт.)		
	1928 г.	1932 г.	1935 г.
Винтовки (тыс.)	1 596	2 292	3 050
Ручные пулеметы	8 811	22 553	83 922
Станковые пулеметы	24 230	33 118	53 492
Орудия (76-мм и выше)	6 645	10 684	13 837
Танки (преимущественно легкие)	92	1 053	7 633
Танкетки	Не было	348	2 547
Бронемашинны	7	213	464
Бронепоезда	52	46	42
Автомобили	1 050	5 669	35 303
Тракторы	301	1 387	5 550
Самолеты	1 394	3 285	6 672

Во второй пятилетке неуклонно рос удельный вес кадровых дивизий. В 1932 г. Советская Армия имела 44 процента территориальных и 56 процентов кадровых стрелковых дивизий. Такое соотношение уже не соответствовало требованиям боеготовности армии в связи с усилившейся военной опасностью. К концу 1935 г. по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) это соотношение было изменено. В РККА стало 65 процентов кадровых и 35 процентов территориальных стрелковых дивизий². Численность армии возросла с 617 тыс. человек в 1928 г. до 930 тыс. в 1935 г. Увеличился и корабельный состав Военно-Морского Флота СССР. Количество линкоров, крейсеров и эсминцев осталось почти то же, зато подводных лодок стало 103 вместо 14, а торпедных катеров — 205 вместо 50.

Техническая реконструкция закономерно привела к серьезному изменению соотношения видов вооруженных сил, о чем свидетельствует следующая таблица.

Таблица 14

Изменение соотношения видов вооруженных сил³

Виды вооруженных сил	Удельный вес (проценты)		
	1928 г.	1932 г.	1935 г.
Сухопутные войска	92,6	84,4	79,3
Военно-воздушные силы	2	9,1	9,6
Военно-морские силы	5,4	4,7	8,9
Противовоздушная оборона	0	1,8	2,2

Дифференциация и техническое насыщение армии еще отчетливее проявлялись внутри видов вооруженных сил.

Соотношение родов авиации в сухопутных силах менялось в пользу бомбардировочной и штурмовой авиации. Если в 1932 г. тяжелая, легкая бомбардировочная и штурмовая авиация составляла 45 процентов всей авиации, то уже в 1935 г. этот показатель равнялся 51 проценту. Удельный вес разведывательной авиации уменьшился до 19 процентов⁴. Особенно возросла авиация дальнего действия, тяжелая и средняя бомбардировочная, что свидетельствовало о росте возможностей советских воздуш-

¹ Составлена по: Архив МО, ф. 15а, оп. 2154, д. 1, лл. 4, 53—58, 84—85; оп. 165, д. 1, лл. 82—85, 91—95; оп. 443, д. 2, лл. 45—46; ф. 38, оп. 11373, д. 65, л. 40.
² Архив МО, ф. 15а, оп. 1842, д. 1, лл. 96—98.
³ Составлена по: Архив МО, ф. 15а, оп. 443, д. 2, л. 30; оп. 1842, д. 1, л. 113; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 602, лл. 4—7.
⁴ Архив МО, ф. 2, оп. 1528, д. 1, л. 11; ф. 15а, оп. 1840, д. 8в, л. 22.

ных сил в нанесении ответного удара по агрессорам. В сухопутных войсках появились и заняли значительное место новые рода войск — бронетанковые, химические, противовоздушной обороны, воздушно-десантные, потеснившие старые — стрелковые войска, конницу и другие, которые в свою очередь сами стали в техническом отношении более оснащенными, механизированными и моторизованными.

Продолжая совершенствовать организационную структуру войск, Коммунистическая партия приняла меры к укреплению центрального и окружного аппарата военного управления. 20 июня 1934 г. постановлением ЦИК СССР был упразднен Революционный Военный Совет, а Народный комиссариат по военным и морским делам преобразован в Народный комиссариат обороны СССР, во главе которого был поставлен К. Е. Ворошилов, его заместителем стал М. Н. Тухачевский.

22 ноября 1934 г. был учрежден Военный совет как совещательный орган при народном комиссаре обороны. В 1935 г. штаб РККА в связи со значительным повышением его роли преобразуется в Генеральный штаб. Первым начальником Генерального штаба стал А. И. Егоров. Структура центрального и окружного военного аппарата была закреплена Положением о Народном комиссариате обороны СССР, которое 22 ноября 1934 г. утвердили Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров. Все эти изменения способствовали повышению уровня руководства Вооруженными Силами. Ярким проявлением заботы Коммунистической партии об укреплении армии и флота явилось введение в сентябре 1935 г. персональных воинских званий (от лейтенанта до Маршала Советского Союза)¹.

Советская Армия была сильна не только техникой, но и высокой политической сознательностью личного состава, беззаветной преданностью бойцов и командиров социалистической Родине.

Годы второй пятилетки характеризуются особенно большим размахом политико-воспитательной работы.

В 1934—1935 гг. в армии только в системе низовой сети партпросвещения работало 2140 кружков истории ВКП(б), 2800 кружков текущей политики, 7425 комсомольских и 2144 кандидатские школы. В воинских частях работали тысячи политических, общеобразовательных, технических, спортивных и других кружков. Только за первое полугодие 1935 г. в красноармейских клубах и Домах Красной Армии было прочитано 74 тыс. докладов и лекций, на которых присутствовало 2 млн. человек. Для повышения теоретической подготовки партийно-комсомольского актива организовывались дивизионные партийные школы, охватившие 20 тыс. человек. Регулярно проводились политические занятия и политинформации. В крупных гарнизонах работали вечерние комвузы.

Советское правительство с каждым годом увеличивало ассигнования на культурно-просветительную работу в войсках: если в 1929—1930 гг. на эти нужды было отпущено 8,3 млн. рублей, то в 1934 г. — 72 млн. рублей. Политорганам и партийным организациям создавались необходимые материальные возможности для организации политического и культурного воспитания личного состава. На 1 января 1934 г. в войсках имелось свыше 15 тыс. ленинских уголков, 1336 клубов, 142 Дома Красной Армии.

Показателен также рост технических средств партийно-политической и культурно-просветительной работы. В 1930 г. в частях имелось 240 радиоузлов, 800 радиопередвижек, 534 кинопередвижки, 945 киноустано-

¹ Звание Маршала Советского Союза впервые в Советском государстве было присвоено постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 ноября 1935 г. выдающимся полководцам гражданской войны и крупным военным деятелям В. К. Блюхеру, С. М. Буденному, К. Е. Ворошилову, А. И. Егорову, М. Н. Тухачевскому.

вок, 8 звуковых киноустановок, а в 1933 г. — 1366 радиоузлов, 4800 радиопередвижек, 3425 кинопередвижек, 1540 киноустановок, 327 звуковых киноустановок и кинопередвижек¹.

Большого размаха достигла художественная самодеятельность. Если в 1934 г. в войсках работало 3500 коллективов и кружков художественной самодеятельности (в них участвовало 50 тыс. человек), то в 1935 г. их стало более 10 тыс. (они охватывали 200 тыс. участников).

Коммунистическая партия постоянно заботилась о военной периодической печати. В 1936 г. издавалось 17 военных журналов: «Красноармеец и краснофлотец», «Коммунист РККА», «Пропагандист РККА», «Культработник РККА», «Красноармейская печать», журналы родов и видов войск и другие. В войсках выходило 15 окружных газет, более 2100 многотиражек.

* * *

Возросшая опасность агрессии против Советского государства заставила пойти на увеличение численности Вооруженных Сил и широкое развертывание их технической реконструкции, на что потребовались дополнительные военные ассигнования. В 1934 г. Наркомат обороны израсходовал 5,8 млрд. рублей. Однако эта сумма составила всего лишь 11,9 процента общегосударственного бюджета, в то время как военный бюджет Японии равнялся 46,5².

К середине 30-х годов Вооруженные Силы Советского Союза полностью соответствовали уровню развития экономики нашей страны и задачам ее обороны. Наряду с совершенствованием Вооруженных Сил большое внимание уделялось укреплению как сухопутных, так и морских границ на Дальнем Востоке, Балтийском и Черном морях. Протяженность оборонительных сооружений на наших границах к началу 1935 г. по сравнению с 1928 г. увеличилась в 240 раз³. Техническая оснащенность армии продолжала расти, а организационная структура ее улучшаться. К концу 1935 г. Советская Армия располагала довольно значительными по тем временам силами: 86 стрелковых и 19 кавалерийских дивизий, 4 механизированных корпуса, 14 механизированных бригад, 22 артиллерийских полка РКК, 5 управлений авиакорпусов, 19 авиабригад, 2 дивизии и 4 бригады ПВО⁴.

Многое еще предстояло сделать, однако армия страны социализма к середине 30-х годов стала в целом способной не только надежно обеспечивать государственные интересы Советского Союза, но и в случае необходимости оказывать эффективную помощь народам и правительствам других стран, жизненно заинтересованным в обуздании нараставшей империалистической агрессии. Армия Страны Советов все больше становилась важным международным фактором, надеждой всего прогрессивного человечества в его борьбе за предотвращение новой мировой войны.

Опираясь на успехи социалистического строительства и укрепление обороноспособности страны, советская внешняя политика все настойчивее и решительнее боролась за организацию реального коллективного отпора нагляющим агрессорам.

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 233.

² ЦГАСА, ф. 51, оп. 2, д. 488, стр. 115.

³ Архив МО, ф. 7, оп. 1975, д. 62, л. 183.

⁴ Архив МО, ф. 15а, оп. 1840, д. 2, лл. 2—7; оп. 443, д. 2, лл. 38—39, 41, 45.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА СТРАЖЕ МИРА

1. Задачи внешней политики СССР

Советская внешняя политика, рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией, формировалась и развивалась вместе с Советским государством, полностью отвечая его классовому характеру. С первого своего шага — Декрета о мире — она была направлена на укрепление мирных отношений между странами и народами, поддержку революционных освободительных движений, содействие объективному историческому процессу социалистического преобразования жизни на земле.

В. И. Ленин — основоположник и творец внешней политики Советского государства — определил ее основной курс, цели и задачи, стратегию и тактику. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции и до конца своей жизни В. И. Ленин продолжал разрабатывать теорию советской внешней политики и конкретно руководил ее претворением в жизнь. За эти годы накоплен огромный опыт, ставший бесценным достоянием Коммунистической партии и Советского правительства.

Главная задача внешней политики СССР — обеспечение наиболее благоприятных международных условий для мирного созидательного труда, укрепление той могучей базы революционного преобразования и обновления мира, которую представляет собой Советский Союз. Характерные черты, принципы, методы, формы внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства постоянно совершенствуются в ходе развития страны и мирового революционного процесса и воплощаются на практике.

Определяя внешнеполитическую линию СССР, Коммунистическая партия исходит из коренных интересов советского народа, его интернационального долга. Верность пролетарскому интернационализму — важнейшему революционному принципу международного коммунистического и рабочего движения — характерная черта советской политики. Эта верность проявляется во всей деятельности советских людей по строительству нового общества, вносящей неоценимый вклад в мировой революционный процесс, в неизменной поддержке Советским Союзом освободительного движения народов мира. Внешняя политика СССР сочетает строгое соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела других государств со всесторонней помощью революционным силам, социалистическому и национально-освободительному движению.

Одной из основ советской внешней политики на всем протяжении ее истории является ленинский принцип мирного сосуществования госу-

дарств с различными социальными системами, который зиждется на факте существования на земном шаре государств с различным общественным и государственным строем. Сама объективная действительность настоятельно диктует всем государствам необходимость жить в мире и сотрудничестве, решать самые сложные и трудные вопросы взаимных отношений путем переговоров и согласования точек зрения, без войны.

Политика мирного сосуществования предполагает действенный отпор империалистической агрессии и поддержку народов, борющихся против чужеземного господства, за свою свободу и независимость. Она противостоит различным империалистическим теориям мирового господства, преимуществ одних рас и наций над другими, исходит из того, что интересы мира требуют уважения суверенных прав, чести и достоинства каждого народа. Мирное сосуществование государств с различными социальными системами — это специфическая форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом в мировом масштабе. Оно не распространяется на классовые взаимоотношения внутри эксплуататорских государств, а также на область идеологии; мирное сосуществование буржуазной идеологии с социалистической невозможно.

Внешняя политика СССР сыграла важную роль в победе армии молодой республики над иностранными интервентами и белогвардейцами. В. И. Ленин говорил: «Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты. На этом поприще борьбы мы лучше всего себя проявили, во всяком случае не хуже, чем на поприще деятельности Красной Армии...»¹

После окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции задача советской внешней политики состояла в том, чтобы превратить мирную передышку в длительную полосу сосуществования, обеспечить необходимые внешние условия для строительства социализма.

Главным направлением острой борьбы, развернувшейся на мировой арене, являлось стремление врагов социализма создать единый антисоветский фронт для войны против СССР, в котором Германии отводилась роль ударной силы. Советская внешняя политика, направляемая В. И. Лениным, его учениками и последователями, неустанно вела борьбу против подобных планов. В течение 12 лет (1918—1930 гг.) Народный комиссариат по иностранным делам возглавлял талантливый дипломат ленинской школы Г. В. Чичерин. К 100-летию со дня его рождения «Правда» писала, что он «последовательно осуществлял ленинские принципы внешней политики и внес значительный вклад в дело защиты завоеваний пролетарской революции в нашей стране, в дело обеспечения мира и безопасности Советского государства... Будучи широкообразованным человеком, он много сил отдавал научной работе, был страстным публицистом... Его работы — свидетельство глубокого ума, большой культуры, точности и научной добросовестности, преданности делу, которому он посвятил свою яркую жизнь»².

Одну из объективных основ успеха в борьбе Советского Союза против империалистического сговора составляли противоречия между его возможными участниками. Правящие классы Германии были заинтересованы в отсрочке конфликта с СССР и в развитии экономических связей с ним. В дни локальных переговоров между СССР и Германией был подписан торгово-экономический договор. Учитывая настойчивые предупреждения советской дипломатии о том, что присоединение Германии к Лиге наций из-за 16-й статьи ее устава³ может привести к ухудшению отно-

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 248.

² «Правда», 24 ноября 1972 г.

³ Статья предусматривала совместные действия против страны, которая будет сочтена «нарушительницей мира».

шений с СССР, представители Германии заявили в Локарно, что они не считают возможным безоговорочно принять обязательства, вытекающие из этой статьи. 24 апреля 1926 г. в результате миролюбивых усилий СССР между Советским Союзом и Германией был подписан договор о ненападении и нейтралитете. Он исключал участие Германии в антисоветских акциях, притупляя острие Локарнского договора, направленное против СССР. Заключение договора с Германией явилось крупной победой миролюбивой политики Советского государства.

В 1925—1927 гг. Советский Союз заключил договоры о ненападении и нейтралитете с Афганистаном, Литвой, Ираном, Турцией.

Британские консерваторы недооценили значение миролюбивых шагов Советского правительства. Они полагали, что в Локарно была создана достаточная основа для новой ангисоветской военной интервенции. Их ненависть усугублялась международным революционизирующим влиянием Страны Советов. Крупнейшие стачки рабочих потрясли Англию, ширилось освободительное движение народов колоний и полуколоний. В Индонезии, Сирии и Марокко вспыхнули вооруженные народные восстания. В Китае с 1924 г. шла гражданская война.

Советская дипломатия успешно противостояла усилиям правительства Англии, которое пыталось вовлечь в антисоветскую авантюру Германию и Францию. Промышленники этих стран получили крупные советские заказы, ранее размещавшиеся в Англии. В переговорах с правительством Германии Г. Чичерин получил заверения, что оно сохранит добрососедские отношения с СССР, не присоединится к Англии и приложит усилия к сохранению мира. Германское правительство дало такие обещания, считая невыгодным для себя участие в антисоветской аванюре, организуемой британской реакцией.

Французский министр иностранных дел Бриан призвал отметить 10-ю годовщину вступления Соединенных Штатов Америки в первую мировую войну франко-американской декларацией об отказе от войны как средства внешней политики. Государственный секретарь США Келлог предложил сделать эту декларацию многосторонней. Но из числа государств, которые должны были подписать этот документ, исключался Советский Союз, что превращало пакт Бриана — Келлога в составную часть политики окружения и подготовки интервенции против СССР. При подписании пакта, состоявшегося в Париже 27 августа 1928 г., оговорки некоторых буржуазных правительств сводили на нет их обязательства об отказе от войны. Британское правительство заявило, что действие пакта не распространяется на районы, от которых зависит благополучие и безопасность Англии.

В заявлении по поводу предстоящего заключения пакта Советское правительство указало, что изоляция СССР свидетельствует о враждебных замыслах его инициаторов. Вместе с тем оно изъявило готовность присоединиться к пакту. Правительству Франции пришлось пригласить СССР к участию в нем. Приняв приглашение, Советское правительство выразило свое несогласие с оговорками других участников пакта и сделало свою «оговорку», что не признает никаких изъятий из договора и всякую войну, объявленную или необъявленную, сочтет его нарушением. Однако правительства капиталистических держав не спешили с его ратификацией. Советский Союз выступил инициатором соглашения о досрочном вступлении пакта в силу. Такой протокол был подписан СССР, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией, к нему присоединились Турция, Иран и Литва.

Считая разоружение важным фактором обеспечения мира, Советский Союз предложил в 1927 г. подготовительной комиссии всемирной конференции по разоружению конструктивный план всеобщего и полного разоружения. Это поставило империалистических организаторов конференции,

созывавшейся исключительно для обмана общественного мнения, в затруднительное положение. Они не хотели действительного разоружения, но и не могли разоблачить себя отказом от советских предложений. Многоопытная буржуазная дипломатия нашла выход: было выдвинуто утверждение, будто советский план всеобщего и полного разоружения выходит за пределы повестки дня будущей конференции, задача которой сводится только к ограничению вооружений. Тогда советская делегация внесла реалистический план прогрессивно-пропорционального частичного разоружения. Но и к нему представители империалистических держав отнеслись отрицательно.

Потерпели крушение антисоветские провокации на Дальнем Востоке. Летом 1929 г. гоминьдановцы захватили Китайско-Восточную железную дорогу (принадлежавшую Советскому Союзу), ее советский персонал заменили белогвардейцами, произвели массовые аресты граждан СССР. Отряды белогвардейцев и чанкайшистов вторгались на территорию Советского Союза. Правительство СССР было вынуждено дать отпор. В ноябре 1929 г. части Особой Дальневосточной армии разгромили войска китайских милитаристов, бесчинствовавшие на советских границах.

Советская внешняя политика сыграла важную роль в срыве планов вооруженной интервенции против СССР. В 1929 г. правительство Англии, агрессивные намерения которого не были поддержаны другими правительствами, восстановило дипломатические отношения с СССР.

С началом мирового экономического кризиса империалисты, особенно французские, вновь вернулись к планам военного похода против СССР. Это привело к ухудшению отношений Франции с СССР. Советские заказы, размещавшиеся во Франции, свертывались. Так как в условиях экономического кризиса потеря советского рынка становилась особенно чувствительной, правительству Франции пришлось изменить свое отношение к СССР. Главной причиной наметившегося поворота Франции к сближению с Советским Союзом было создававшее для нее прямую угрозу возрождение германского реваншизма.

ЦК ВКП(б) придавал первостепенное значение договорам о ненападении и нейтралитете и предлагал Наркоминделу продолжать курс на подписание таких договоров. В частности, Политбюро ЦК предписало Наркоминделу добиваться заключения пакта о ненападении с Польшей.

В 1932—1933 гг. система советских договоров о ненападении и нейтралитете существенно расширилась. В нее были включены договоры с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей, Францией и Италией.

Таким образом, в трудной борьбе против империалистических провокаций советская политика мирного сосуществования во второй половине 20-х и начале 30-х годов добилась серьезных успехов. Она выполнила свою главную задачу — помогла обеспечить сравнительно длительную мирную передышку, необходимую для созидательного труда народа, для построения социализма.

2. Мероприятия СССР по созданию системы коллективной безопасности

Нападение Японии на Маньчжурию в 1931 г. и захват власти гитлеровцами в Германии в 1933 г. создали новую международную обстановку, характеризовавшуюся быстрым развитием событий на путях к новой мировой войне. В этой обстановке советская внешняя политика, несмотря на успокоительные речи деятелей капиталистических стран¹, дала совер-

¹ Западногерманский историк Нольте отмечает, что Гитлер в своих речах, в отличие от Муссолини, никогда «не употреблял одно слово в его прямом значении — слово «война» (E. Nolte. Die faschistischen Bewegungen. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Bd. 4. München, 1966, S. 106).

шенно точную оценку военной опасности и призвала к расширению борьбы за сохранение мира.

Коммунистическая партия и Советское правительство внимательно следили за опасным ходом событий на Дальнем Востоке. Вопреки Лиге наций, которая рассматривала японскую агрессию как частный эпизод, не создающий угрозу миру, советская внешняя политика оценила нападение Японии на Маньчжурию как начало большой войны, и не только против Китая. 11 февраля 1932 г. глава советской делегации М. М. Литвинов на пленарном заседании конференции по сокращению и ограничению вооружений говорил об этом следующее: «Где тот оптимист, который может добросовестно утверждать, что начатые военные действия ограничатся только двумя странами или одним только материком?»¹

Об опасности расширения масштабов войны свидетельствовали и непрерывные провокации японской военщины на советских дальневосточных границах. Пресекая их, правительство СССР продолжало укреплять оборону Дальнего Востока и, используя средства дипломатии, стремилось улучшить отношения с Японией. 23 декабря 1931 г. эти меры обсуждались Политбюро ЦК ВКП(б). Для дальнейшей разработки мероприятий по ослаблению военной опасности на Дальнем Востоке решением Политбюро была создана комиссия в составе И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и Г. К. Орджоникидзе.

Советское правительство приступило к осуществлению соответствующих внешнеполитических акций. В ноте от 4 января 1933 г. правительство СССР выражало сожаление по поводу отказа японского правительства заключить двусторонний договор о ненападении и заявляло, что советская сторона уверена, что между СССР и Японией нет таких споров, которые нельзя было бы разрешить мирным путем². Позиция японского правительства подтверждала его агрессивность.

Коммунистическая партия и Советское правительство предвидели возможность захвата власти фашистами в Германии и связанную с этим угрозу для всеобщего мира и безопасности народов. Об этом говорилось летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б)³. Западная пресса уверяла в необоснованности подобных прогнозов, так как «демократический строй» Германии якобы исключал фашистскую опасность. Однако менее чем через три года обнаружилось, что буржуазная демократия в Германии сыграла роль ширмы, под прикрытием которой фашизм прорвался к власти и уничтожил последние остатки демократии.

После фашистского переворота в Германии Советский Союз возглавил силы, активно выступившие против завоевательной программы нового правительства этой страны. Об угрозе мировой войны, исходившей от Германии, предупреждали советские представители на всех международных форумах, сообщала печать, за мир решительно боролась дипломатия СССР. Советское правительство заявляло энергичные протесты гитлеровскому правительству как против бесчинств в отношении учреждений и отдельных граждан СССР, так и против антисоветской клеветы фашистских главарей. Речь Гитлера в берлинском дворце спорта 2 марта 1933 г. характеризовалась в одном из протестов как «содержащая неслыханно резкие нападки» на Советский Союз, ее оскорбительность была признана противоречащей существующим отношениям между СССР и Германией⁴.

На Международной экономической конференции, проходившей летом 1933 г. в Лондоне, а также на конференции по разоружению советские

¹ Документы внешней политики СССР, т. XV, стр. 101.

² Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 16—17.

³ КПСС в резолюциях, т. 4, стр. 408.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 149.

делегаты, осуждая выступления германских представителей, раскрыли подлинное лицо фашизма и его замыслы. Делегация гитлеровской Германии на Международной экономической конференции выступила с меморандумом в духе фашистской разбойничьей идеологии. В нем содержалось требование, чтобы в распоряжение «народа без пространства» были предоставлены «новые территории, где эта энергичная раса могла бы учреждать колонии и выполнять большие мирные работы». Далее прозрачно намекалось, что такие земли можно получить за счет России, где революция будто бы привела к разрушительному процессу, который пора остановить. Меморандум был оценен советской внешней политикой — и на заседаниях конференции, и в ноте правительству Германии — как прямой «призыв к войне против СССР»¹.

В ноте протеста от 22 июня 1933 г. обращалось внимание на то, что подобные действия гитлеровского правительства не только противоречат существующим договорным добрососедским отношениям между СССР и Германией, но являются прямым их нарушением. При ее вручении советский полпред в Германии заметил: «...имеются лица в правящей партии «наци»... которые еще питают иллюзии раздела СССР и экспансии за счет СССР...»² Он, в частности, имел в виду опубликованное 5 мая 1933 г. английской газетой «Дейли телеграф» интервью Гитлера, заявившего, что Германия будет целиком занята поисками «жизненного пространства» на востоке Европы. В то время подобные заверения давались гитлеровскими главарями направо и налево, чтобы успокоить общественное мнение Запада и заручиться поддержкой других империалистических правительств.

Советский Союз обращал внимание и на все возрастающую милитаризацию Германии. В ноябре 1933 г. нарком иностранных дел СССР сделал следующее заявление: «Не только возобновилась и усилилась враждебная гонка вооружений, но — и это, быть может, еще более серьезно — подрастающее поколение воспитывается на идеализации войны. Характерным для такого милитаристского воспитания является провозглашение средневековых лженаучных теорий о превосходстве одних народов над другими и права некоторых народов господствовать над другими и даже истреблять их»³. Опасность, которую нес народам фашизм, подчеркнул XVII съезд ВКП(б). В Отчетном докладе Центрального Комитета говорилось:

«Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков»⁴.

В беседе с послом Германии в СССР Надольным, состоявшейся 28 марта 1934 г., советская сторона заявила, что «германская правящая партия имеет в своей программе вооруженную интервенцию против Советского Союза и от этого пункта своего катехизиса до сих пор не отказалась»⁵. Участие в беседе народного комиссара по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилова придало ей значение самого серьезного предостережения.

Решительная позиция Советского Союза в отношении планов немецко-фашистской и японской агрессии ободряла свободолюбивые народы,

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 359.

² Там же, стр. 361.

³ Там же, стр. 686.

⁴ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 11.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 219.

в то время как пособничество захватчикам со стороны правящих кругов США, Англии и Франции внушало величайшие опасения за судьбы человечества. Повседневные факты убеждали правительства и народы многих стран, что только социалистическое государство стремится к сохранению мира и независимости народов, пресечению немецко-фашистских и японских домогательств в отношении других государств.

Советский Союз приобретал все возрастающий авторитет в мировых делах, игнорировать его уже было нельзя. Этим, а также желанием вместе с СССР противодействовать немецко-фашистской и японской агрессии обуславливалась вторая (после 1924 г.) полоса установления дипломатических отношений с Советским Союзом, характерная для 1933—1934 гг. К числу государств, установивших в это время дипломатические отношения с СССР, принадлежали Албания, Болгария, Венгрия, Испания, Румыния, США, Чехословакия. В 1935 г. к ним прибавились Бельгия, Колумбия, Люксембург.

Правительство США было вынуждено пересмотреть свою политику непризнания СССР по многим причинам: укрепление могущества и рост международного авторитета Советской державы, заинтересованность деловых кругов США в развитии с нею торговых отношений, серьезные опасения правящих кругов США в связи с японскими планами установления господства на Тихом океане, свойственный правительству Ф. Рузвельта реализм, широкое движение в США за признание Советского Союза и другие.

Установление дипломатических отношений между СССР и США свидетельствовало о полном провале политики непризнания, проводившейся американским правительством на протяжении шестнадцати лет. Даже накануне установления дипломатических отношений такая возможность категорически отрицалась многими руководящими деятелями заокеанской страны. Когда государственному секретарю США Г. Стимсону в 1932 г. посоветовали встретиться с советским делегатом, он «принял возмущенно-торжественный вид, поднял к небу руки и воскликнул: «Никогда, никогда! Пройдут столетия, но Америка не признает Советского Союза».

Новый государственный секретарь К. Хэлл прямо не выступал против установления дипломатических отношений, но выдвигал такие условия, которые сделали бы их невозможными. В своих мемуарах он писал, что признание СССР несло ему мрачные думы и мучительные переживания. В результате он представил президенту свой меморандум, где перечислял целый список претензий, рекомендуя предъявить их Советскому Союзу и требуя «использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства для нажима на Советское правительство в целях удовлетворительного разрешения существующих проблем»¹.

Разработкой различных претензий к Советскому Союзу был занят Келли, считавшийся в США признанным «экспертом по русским делам». В годы американской вооруженной интервенции против Советской России и в последующее время он давал президенту США «рекомендации». Возглавляя восточный отдел государственного департамента, Келли составил меморандум, отличавшийся особой враждебностью по отношению к СССР. Этот «эксперт» рекомендовал выдвинуть следующие условия для установления дипломатических отношений с Советским Союзом: отказ правительства СССР от «международной коммунистической деятельности», выплата долгов царского и Временного правительств, признание собственности и капиталов американцев, принадлежавших им в царской России и национализированных Советской властью.

В установлении дипломатических отношений с СССР были заинтересованы многие монополисты, рассчитывавшие на сбыт товаров на совет-

¹ C. H u l l . Memoirs. Vol. I. New York, 1948, p. 295.

ском рынке. По словам американского буржуазного историка, именно они в 1930 г. «первыми выступили за пересмотр тринадцатилетней правительственной политики непризнания»¹.

Не менее важным обстоятельством, способствовавшим установлению Соединенными Штатами дипломатических отношений с СССР, явилось обострение американо-японских империалистических противоречий и обусловленное этим стремление правящих кругов США создать «величайший противовес растущей мощи Японии»². Известный американский журналист У. Липпман писал: «Признание имеет много преимуществ. Великая держава Россия лежит между двумя опасными центрами современного мира: Восточной Азией и Центральной Европой»³. Газета «Нью-Йорк таймс» 21 октября 1933 г. высказалась более определенно: «Советский Союз представляет барьер против агрессии милитаристской Японии на одном континенте и гитлеровской Германии на другом». Сама жизнь вынуждала даже реакционную печать признавать огромное значение миролюбивой политики СССР. Но за этим стояло и другое: стремление столкнуть Советский Союз с Японией и Германией для того, чтобы Соединенные Штаты Америки оказались в положении третьей стороны, находящейся вне вооруженного конфликта, но извлекающей все выгоды из него.

10 октября 1933 г. президент Рузвельт обратился к председателю ЦИК СССР М. И. Калинину с предложением устранить трудности, связанные с отсутствием советско-американских дипломатических отношений, «откровенными дружественными разговорами». В ответе М. И. Калинина отмечалось, что ненормальное положение, которое имеет в виду президент, «неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств, но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира и поощряя силы, направленные к нарушению этого мира»⁴.

Последующие переговоры были недолгими. 16 ноября 1933 г. между США и СССР состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений, о пропаганде, по религиозным вопросам, по вопросам правовой защиты граждан и судебным делам. Оба правительства обязались придерживаться принципа невмешательства в дела друг друга, строго воздерживаться от возбуждения или поощрения вооруженной интервенции, не допускать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы, посягающей на территориальную целостность другой страны, а также не субсидировать, не поддерживать и не разрешать создания военных организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу против другой стороны, стремящихся к насильственному изменению ее политического и социального строя⁵.

Ноты сняли все препятствия, которые мешали развитию нормальных отношений между обеими странами. В ноте правительству США заявлялось, что Советское правительство отказалось от претензий на возмещение ущерба, причиненного действиями вооруженных сил США в Сибири⁶.

М. И. Калинин в обращении к американскому народу (оно передавалось по радио) подчеркнул, что советский народ усматривает в разнообразном и плодотворном сотрудничестве с народом США возможность сохране-

¹ R. B r o w d e r. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton, 1953, p. 31.

² Ch. B e a r d. American Foreign Policy in the Making 1932—1940. A Study in Responsibilities. New Haven, 1946, p. 146.

³ W. L i p p m a n. Interpretations 1933—1935. New York, 1936, p. 335.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 564, 565.

⁵ Там же, стр. 641—654.

⁶ Там же, стр. 654.

ния и упрочения мира, являющегося самым важным условием обеспечения технического прогресса и благосостояния людей¹.

Однако силы, противившиеся развитию дружественных советско-американских отношений, оставались достаточно влиятельными в Соединенных Штатах. Под их нажимом первым американским послом в СССР был назначен один из его закоренелых противников — В. Буллит. Исходившие от него документы, частично опубликованные в американских официальных изданиях, свидетельствуют о враждебной СССР деятельности, которую развернул посол США. В одном из своих донесений в государственный департамент Буллит выразил надежду, что Советский Союз «станет объектом нападения из Европы и с Дальнего Востока», вследствие чего он не сможет превратиться в величайшую силу в мире. «Если, — писал посол, — между Японией и Советским Союзом возникнет война, мы не должны вмешиваться, но должны воспользоваться своим влиянием и своей силой к концу войны, чтобы она закончилась без победы и равновесие между Советским Союзом и Японией на Дальнем Востоке не было нарушено»².

Буллит предлагал своему правительству ввести в отношении советских граждан особый унижительный порядок получения виз для посещения Соединенных Штатов. Надо, требовал он, «отказывать в визах всем советским гражданам, если они не представят вполне удовлетворительных доказательств того, что они не состояли и не состоят членами коммунистической партии»³. Если подобное предложение было бы принято, то условия, на которых состоялось установление советско-американских дипломатических отношений, оказались бы подорванными. Буллит того и добивался. В то время когда в Москве проходил VII конгресс Коминтерна, он советовал своему правительству проводить в дальнейшем политику балансирования на грани разрыва дипломатических отношений между США и СССР⁴.

В противоположность американским реакционерам Советский Союз в интересах мира стремился к улучшению отношений с США, что ясно было сказано в обращении М. И. Калинина к американскому народу.

В борьбе СССР за мир важное значение имели договоры о ненападении и нейтралитете, представлявшие собой один из конструктивных элементов его внешней политики. Советско-германский договор о ненападении и нейтралитете, подписанный 24 апреля 1926 г. сроком на пять лет, 24 июня 1931 г. был продлен без ограничения каким-либо сроком. В протоколе о продлении говорилось, что каждая из сторон «имеет право в любое время, но не ранее чем 30 июня 1933 года, с предупреждением за один год, денонсировать этот Договор»⁵. Ратификация протокола затягивалась по вине германского правительства, в чем сказывались все возраставшие антисоветские устремления правящих кругов Германии. Но даже гитлеровская клика пыталась замаскировать свои военные планы, направленные против СССР. Советская дипломатия, потратившая немало труда, добилась вступления протокола в силу; его ратификация состоялась в апреле — мае 1933 г., уже после захвата фашистами власти в Германии. Таким образом, наша страна располагала обязательством гитлеровского правительства воздерживаться от нападения и соблюдать нейтралитет, если такое нападение на Советский Союз будет предпринято третьими державами, еще за шесть с лишним лет до заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г.

¹ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 21 ноября 1933 г.

² FRUS. The Soviet Union 1933—1939, p. 245, 294.

³ Ibid., p. 246—247.

⁴ Ibid., p. 246.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. XIV, стр. 396.

Меры, предпринятые СССР, способствовали сохранению мира в 20-е и начале 30-х годов. Но с установлением в Германии фашистской диктатуры они стали недостаточными для решения этой задачи. Одними договорами о ненападении нельзя было остановить агрессора, ему необходимо было противопоставить единый фронт миролюбивых сил и объединенными усилиями многих стран и народов помешать развязыванию войны. Так появилась новая конструктивная идея советской внешней политики — идея коллективной безопасности. Она вытекала из того факта, что в вопросах войны и мира земной шар неделим. В. И. Ленин указывал, что всякая империалистическая агрессия, даже локальная, затрагивает интересы стольких стран и народов, что развитие событий ведет к расширению войны. В условиях тесного переплетения экономических, финансовых и политических связей государств, безудержных завоевательных планов агрессора любой военный конфликт, хотя бы ограниченного масштаба, втягивает в свою орбиту многие государства и грозит перерасти в мировую войну.

Ряд мероприятий, направленных на создание системы коллективной безопасности, был предпринят еще до того, как новая идея получила свое выражение в специальном решении Центрального Комитета ВКП(б).

На пленарном заседании конференции по сокращению и ограничению вооружений в феврале 1932 г. глава советской делегации М. М. Литвинов от имени своего правительства предлагал разработать эффективные гарантии против войны. Одной из них могло быть всеобщее и полное разоружение. Советская делегация, не питая никаких иллюзий относительно судьбы такого предложения, соглашалась «обсуждать любые предложения в направлении сокращения вооружений...»¹.

6 февраля 1933 г. на заседании Генеральной комиссии этой конференции Советский Союз предложил принять декларацию об определении агрессии. Цель предложения состояла в том, чтобы понятие «агрессия» получило совершенно определенное толкование. Ранее в международной практике не существовало такого общепринятого определения.

Советский Союз выдвинул подлинно научное определение агрессии, не оставлявшее места для ее оправдания. В советском проекте предлагалось считать агрессором такое государство, которое объявит войну другому либо без ее объявления вторгнется на чужую территорию, предпримет военные действия на суше, море или в воздухе. Особое внимание обращалось на разоблачение замаскированной агрессии, а также тех мотивов, которыми агрессоры пытаются оправдать свои действия. В проекте декларации говорилось: «Никакие соображения политического, стратегического и экономического порядка, включая стремление к эксплуатации на территории атакуемого государства естественных богатств или к получению всякого рода иных выгод или привилегий, ни ссылка на значительные размеры вложенного капитала или на другие особые интересы в той или иной стране, ни отрицание за ней признаков ее государственной организации — не могут служить оправданием нападения...»²

Комитет безопасности конференции по разоружению принял советское предложение об определении агрессии. На заседании Генеральной комиссии конференции по разоружению высказывалось одобрение советской инициативы. Против какого бы то ни было определения агрессии поспешил выступить английский представитель А. Иден, заявивший, что установить наличие агрессии будто бы невозможно. Его поддержал американский делегат Гибсон. В донесении госдепартаменту он изложил свою позицию: «Я не был расположен выступать с каким-либо заявлением по

¹ Документы внешней политики СССР, т. XV, стр. 108.

² Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 81.

данному вопросу. Но когда в ходе развернувшейся дискуссии выяснилось преобладание чувств в пользу принятия соответствующего определения, я счел необходимым поставить некоторые вопросы уже не колеблясь, поскольку английский делегат ясно заявил о нежелании его правительства принять определение (агрессии. — *Ред.*)»¹. Обструкционистская линия представителей Англии и Соединенных Штатов Америки привела к тому, что Генеральная комиссия отложила решение данного вопроса на неопределенное время.

Английское правительство, желая подорвать авторитет Советского Союза, значительно окрепший за время конференции, прибегло к своему обычному методу обострения отношений. Утром 19 апреля 1933 г. полпреду СССР в Лондоне был вручен текст королевского указа о запрещении ввоза в Англию советских товаров. Спустя несколько месяцев этот враждебный СССР акт был отменен, но он отрицательно сказался на отношениях между обеими странами.

Провокационные действия правительства Великобритании не ослабили твердой решимости советской дипломатии добиваться осуществления принципов декларации об определении агрессии. Был избран путь заключения соответствующих соглашений с другими государствами. В 1933—1934 гг. СССР подписал конвенции об определении агрессии с Афганистаном, Ираном, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Турцией, Финляндией, Чехословакией, Эстонией, Югославией. С тех пор им практически руководствуется международное право, хотя формально оно было принято только частью государств земного шара. Такое определение явилось одним из руководящих принципов установления виновности главных немецких военных преступников на Нюрнбергском процессе в 1946 г. Главный обвинитель от США Джексон в своей вступительной речи сказал, что вопрос об определении агрессии «не представляет собой ничего нового, и по этому поводу уже существуют вполне сложившиеся и узаконенные мнения». Он назвал советскую конвенцию «одним из наиболее авторитетных источников международного права по данному вопросу...»².

14 октября 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению, а 19 октября вышла из Лиги наций. Представители империалистических государств воспользовались этим, чтобы свернуть работу конференции. Советский Союз внес предложение превратить ее в постоянный орган защиты мира. Большинство участников отклонили предложение, что было на руку Германии.

Агрессивность фашистской Германии все более приобретала явно антисоветскую направленность. Осенью 1933 г. Гитлер заявил, что «восстановление германо-русских отношений (в духе Рапалло. — *Ред.*) будет невозможно»³.

В условиях нараставшей угрозы со стороны Германии ЦК ВКП(б) разработал идею коллективной безопасности, изложенную в его постановлении от 12 декабря 1933 г.

Постановление предусматривало возможность вступления Советского Союза в Лигу наций и заключения региональных соглашений с широким кругом европейских государств о взаимной защите от агрессии. Система коллективной безопасности, впервые в истории международных отношений предложенная Коммунистической партией и Советским правительством, была призвана стать эффективным средством предотвращения войны и обеспечения мира. Она отвечала интересам всех свободолюбивых народов, которым угрожала фашистская агрессия.

¹ FRUS. 1933. Vol. I, p. 29.

² Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. I, стр. 331.

³ Цит. по: G. Weinberg. The Foreign Policy of Hitler's Germany, p. 81.

В совпадении интересов поборников национальной независимости и свободы заключалась первая важнейшая объективная предпосылка, которая обуславливала возможность создания системы коллективной безопасности. Вторая состояла в том, что Советское государство настолько выросло экономически, настолько укрепило свои международные позиции и авторитет, что возникла реальная возможность перейти от отдельных договоров о ненападении к борьбе за создание европейской системы обеспечения мира и безопасности народов.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 12 декабря 1933 г., Наркоминдел разработал предложения о создании европейской системы коллективной безопасности, «одобренные инстанцией 19 декабря 1933 г.»¹. Эти предложения предусматривали следующее:

«1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3. СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения.

5. Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу»².

Захватнические устремления гитлеровцев создали реальную опасность для всех стран Восточной и Северо-Восточной Европы. Советское правительство сочло своим долгом помочь укреплению их безопасности, тем более что угроза им со стороны Германии была и угрозой для Советского Союза. 14 декабря 1933 г. правительство СССР направило правительству Польши проект совместной декларации. Предлагалось, чтобы оба государства объявили «об их твердой решимости охранять и защищать мир на востоке Европы», сообща отстаивать «неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость стран... выделившихся из состава бывшей Российской империи...»³. Таким образом, Советское правительство протянуло Польше дружескую руку, предлагая совместные действия по обеспечению мира и безопасности.

Ответ на советское предложение гласил, что польское правительство «считает принципиально возможным сделать эту декларацию при подходящем случае»⁴. Ответ был двучленным. Правительство Польши уже сделало выбор: оно предпочло встать на путь антисоветского сговора с гитлеровской Германией, политика которой представляла огромную опасность для независимости Польши.

Польские капиталисты и помещики, ослепленные пагубными идеями «великодержавности», помышляли об ограблении и покорении Советской Украины и Советской Белоруссии, всерьез мнили себя «вершителями судеб» народов Центральной и Восточной Европы. Такие планы и такая политика были подлинной находкой для гитлеровцев. Германское правительство, замышлявшее уничтожение польского государства и его населе-

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 876.

² Там же, стр. 876—877.

³ Там же, стр. 747.

⁴ Там же, стр. 755.

ния, заверяло его руководителей, будто нуждается в «сильной Польше» для борьбы против СССР, а «Польша и Германия вместе представляют силу, которой было бы трудно противостоять в Европе», и именно она способна отбросить Советский Союз «далеко на восток»¹. Опыленные подобными перспективами, министры-пилсудчики, и прежде всего министр иностранных дел Бек, стали усердными коммивояжерами Гитлера в Европе². Их роль раскрылась в начале 1934 г., когда Бек совершил поездку в Таллин и Ригу, чтобы уговорить правительства Эстонии и Латвии не соглашаться на совместную с СССР защиту безопасности Восточной Европы.

В начале февраля 1934 г. Польша заявила о своем отказе участвовать в какой-либо декларации с Советским Союзом, имеющей своей целью гарантию независимости прибалтийских стран. Народный комиссар иностранных дел СССР сказал Беку, а затем польскому послу Лукасевичу, что Советский Союз рассматривает германо-польский договор как шаг, весьма опасный для восточноевропейских стран³.

Правительство СССР с вниманием отнеслось к предложению румынского министра иностранных дел Титулеску, разработавшего на основе советской идеи коллективной безопасности план такого договора между СССР, Польшей и Румынией, который предусматривал, что в случае нападения одного из этих государств на другое третье оказывало бы помощь подвергшемуся нападению⁴. Однако реализовать этот план не удалось: он не учитывал внутреннего положения Румынии, где укреплялись фашистские элементы, и был несовместим с румыно-польским союзом, направленным против СССР.

Большое влияние на политику стран Малой Антанты оказывала Чехословакия, входившая в состав этого блока. Ее министр иностранных дел Бенеш не пытался противодействовать немецко-фашистской агрессии и даже особенно опасному для Чехословакии захвату Австрии, о чем Бенеш открыто говорил представителю СССР⁵.

Вызывающие действия немецких милитаристов порождали растущее беспокойство французской общественности, которая понимала, что планы гитлеровцев несут величайшую опасность для Франции. Некоторые ее политические деятели стремились к укреплению отношений с Советским Союзом — главной миролюбивой силой, противостоявшей нацистским планам мирового господства. Выразителями этой тенденции были бывший французский премьер Э. Эррио, министр авиации П. Кот, в ее сторону склонялся и министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур.

В беседах М. М. Литвинова и полпреда СССР во Франции В. С. Довгалева с Поль-Бонкуром постепенно вырисовывалась идея дополнить франко-советский договор о ненападении обязательствами взаимной помощи против агрессии⁶.

28 декабря 1933 г. между Довгалевым и Поль-Бонкуром состоялась важная беседа. Переговоры были обнадеживающими, хотя Поль-Бонкур и не во всем соглашался с советскими предложениями. Казалось, СССР и Франция смогут вступить на путь коллективных мер защиты мира. Во время переговоров французский министр иностранных дел торжественно заявил советскому полпреду: «Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю»⁷.

¹ Republic of Poland Ministry for Foreign Affairs. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933—1939, p. 25, 31.

² В 1923 г. Бек, являвшийся военным атташе Польши во Франции, был уличен в связях с германской разведкой.

³ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 136, 156.

⁴ Там же, стр. 361.

⁵ Там же, стр. 125.

⁶ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 595.

⁷ Там же, стр. 773.

Но за словами не последовало соответствующих действий. По вине французского правительства переговоры о пакте взаимопомощи были отложены на целых четыре месяца. Отсрочка не была случайной. Курс на франко-советское сотрудничество против агрессии натолкнулся на противоположную тенденцию — антисоветского сговора с Германией. Его активно поддерживали французские политические деятели и дипломаты, связанные с крупнейшими металлургическими и химическими монополиями, которые были заинтересованы в получении больших прибылей от перевооружения Германии и руководствовались антисоветскими устремлениями.

Все эти месяцы французские дипломаты, прежде всего посол в Германии А. Франсуа-Понсэ, нащупывали возможность сговора с гитлеровцами. Посол еще до этого дважды посетил Гитлера: 24 ноября и 11 декабря 1933 г. Глава немецких фашистов поделился со своим собеседником планами захватнической войны против СССР. Он не скрывал и своих намерений установить германский приоритет в Европе.

В апреле 1934 г. руководящие французские политические деятели поняли всю иллюзорность своих надежд войти в сговор с Германией и таким путем ликвидировать угрозу с ее стороны. 20 апреля 1934 г. министр иностранных дел Л. Барту заявил временному поверенному в делах СССР, что его правительство намерено продолжить переговоры в духе позиции Поль-Бонкура¹. Сказалось, безусловно, влияние Барту и министра нового кабинета Э. Эррио. Они являлись сторонниками той традиционной французской политики, которая опасалась возрождения промышленной и военной мощи Германии (особенно в условиях существования в ней фашистского правительства) и не доверяла британской политике «равновесия сил» с ее неизменным стремлением играть на франко-германских противоречиях. Считая совершенно необходимым проведение самостоятельной внешней политики, отвечающей национальным интересам Франции, Барту шел на сближение с социалистическим государством. Но, приняв такое решение, он не хотел отказаться от системы взаимоотношений государств Западной Европы, установленной договором в Локарно в 1925 г. Вот почему о своих переговорах с представителями Советского Союза Барту информировал остальных участников локарнской системы, и прежде всего Германию².

Франко-советским переговорам, проходившим в мае — июне 1934 г., придавалось особое значение, поэтому их вели непосредственно министры иностранных дел двух государств. Были подробно рассмотрены французские предложения, отразившие двойную ориентацию Франции: на сближение с СССР и сохранение локарнской системы. Проявляя большую гибкость, советская дипломатия нашла путь к сочетанию обоих моментов французской политики. Вместо единого договора ряда стран был выдвинут советско-французский план заключения двух договоров. Предполагалось, что первый договор, так называемый Восточный пакт, охватит государства Восточной Европы, а также Германию (см. карту 6). Участники пакта взаимно гарантируют нерушимость границ и обязуются оказать помощь тому из них, который подвергнется нападению агрессора. Второй договор — между Францией и СССР — будет содержать обязательства по взаимной помощи против агрессии. Советский Союз возьмет на себя такие обязательства в отношении Франции, как если бы он участвовал в локарнской системе, а Франция — обязательства в отношении Советского Союза, как если бы она была участницей Восточного пакта. Предусматривалось также вступление СССР в Лигу наций.

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 279.

² DBFP. 1919—1939. Second series, vol. VI, p. 746.

Советская дипломатия считала целесообразным участие Германии в Восточном пакте, поскольку обязательства, налагаемые им, связали бы ее. В Советском Союзе встретило поддержку желание французской стороны привлечь к участию в Восточном пакте прибалтийские государства. В окончательном проекте в качестве участников Восточного пакта были названы Польша, СССР, Германия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва¹. Румыния, отклонив советские и французские предложения, отказалась участвовать в пакте².

Устранение антисоветской направленности договора в Локарно и превращение его в пакт мира имело бы большое позитивное значение. Сама идея Восточного пакта основывалась на могуществе Советского Союза — надежного стража мира. Признавая это и обосновывая реальность плана, Барту говорил: «Наши малые союзники в центре Европы должны быть готовы рассматривать Россию как опору против Германии...»³

Общественность ряда восточноевропейских стран признавала роль Советского Союза как опоры против домогательств германского фашизма. Под воздействием такого мнения правительства Чехословакии, Латвии, Эстонии и Литвы выразили свое согласие участвовать в Восточном пакте. Правительства Германии и Польши, найдя общий язык с правительством Англии, противились его заключению.

Руководители гитлеровской Германии сразу поняли, что Восточный пакт может сковать их агрессивные устремления, но прямо выступить против него не решились. Поэтому они предприняли попытку заставить страны Восточной Европы отклонить идею пакта. Дипломаты Чехословакии, Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы поодиночке приглашались в германское министерство иностранных дел, где им внушали мысль, будто Восточный пакт не отвечает интересам их государств. Об этом французский посол в Берлине проинформировал советское полпредство⁴.

Не ограничиваясь подобными беседами, германское правительство направило Франции ноту с возражениями против пакта. Главные из них заключались в следующем: Германия не может пойти на договор, пока она не пользуется равными с другими его участниками «правами» на вооружение. Оно выдвинуло чисто казуистический «довод»: «Лучшее средство обеспечения мира заключается не в том, чтобы войну противопоставить войне, а в том, чтобы расширять и укреплять средства, исключаяющие возможность развязывания войны»⁵.

Отвергая объединение всех миролюбивых сил как средство противодействия войне, гитлеровцы добивались того, чтобы ответом на их агрессию был не отпор, а капитуляция. Вот в чем и состоял скрытый смысл их возражений. В своем кругу они были откровенны. На конференции «руководителей политорганизаций, окружных организаций и комсостава СА и СС» 18 февраля 1935 г. группенфюрер Шауб говорил: «Наш отказ от подписи под Восточным пактом остается твердым и неизменным. Фюрер скорее отрубит себе руку, чем подпишет акт, ограничивающий справедливые и исторически законные притязания Германии в Прибалтике и пойдет на отказ германской нации от ее исторической миссии на Востоке»⁶.

Важную роль в борьбе против коллективной безопасности гитлеровские главари отводили Польше, и тогдашнее польское правительство охотно взяло на себя такую позорную миссию. Выполняя директивы свое-

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 480.

² Там же, стр. 501.

³ Цит. по: G. T a b o u i s. Ils l'ont appelée Cassandre. New York, 1942, p. 198.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 524.

⁵ Архив МО, ф. 1, оп. 2091, д. 9, л. 321.

⁶ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7062, л. 7.

го министра, французский посол в Варшаве Лярош вел переговоры о Восточном пакте с Беком, информируя об их ходе и советского полпреда В. А. Антонова-Овсеенко. В феврале 1934 г., еще до того как французское правительство разработало свои проекты, Лярош сообщил, что Польша пойдет на поводу у Германии, с политикой которой она себя связала¹. 17 июля Лярош рассказал полпреду СССР о своей беседе с Беком. Польский министр иностранных дел дал понять французскому послу, что он против Восточного пакта, так как «Польша, собственно говоря, не нуждается в таком пакте»². Вскоре польское правительство заявило, что сама идея пакта неосуществима, поскольку Советский Союз не является членом Лиги наций. А когда на повестку дня встал вопрос о приеме СССР в Лигу наций, польское правительство пыталось помешать этому, продолжая свои антисоветские интриги.

Правительство Великобритании, всемерно поддерживая антисоветские планы Гитлера, отнеслось к идее Восточного пакта с явным неодобрением. Но английские руководители решили не выступать открыто. Поэтому во время переговоров с Барту в Лондоне 9—10 июля 1934 г. английский министр иностранных дел Саймон заявил, что при некоторых условиях его правительство может поддержать предложение о таком пакте. Одним из условий Саймон выдвинул согласие Франции на перевооружение Германии, иначе говоря, использовал довод, который уже выдвинуло гитлеровское правительство³. Барту возражал против попытки повернуть идею Восточного пакта не против агрессора, а ему на пользу. Он даже пригрозил Саймону, что Франция может пойти на военный союз с СССР и без Восточного пакта⁴. Все же Барту вынужден был согласиться включить в коммюнике об итогах англо-французских переговоров следующее положение: оба правительства согласны на возобновление «переговоров о заключении конвенции, разрешающей в области вооружений разумное применение в отношении Германии принципа равноправия в условиях безопасности всех наций»⁵.

Вскоре английское правительство объявило правительствам Италии, Польши и Германии, что оно поддерживает проект Восточного пакта. Последней дополнительно сообщалось, что ее требование на «равенство в правах» в области вооружений будет полностью удовлетворено⁶.

В ответ германское правительство заявило, что его не устраивает англо-французское предложение и потому оно «не может участвовать в какой-либо международной системе безопасности до тех пор, пока другие державы будут оспаривать равноправие Германии в области вооружений»⁷. Так мотивировался формальный отказ от участия в Восточном пакте, содержавшийся в меморандуме германского правительства от 8 сентября 1934 г. Менее чем через три недели о своем отказе сообщило и польское правительство.

Идея Восточного пакта не встретила поддержки и в правительстве США. Американские дипломаты в Европе, в том числе и посол в СССР Буллит, открыли против него активную кампанию. Систематически информируя государственный департамент о своих действиях, Буллит ожесточенно клеветал на советскую внешнюю политику, стремясь предоставить своему правительству новые доводы для проведения курса, враждебного Восточному пакту. Буллит совершенно бездоказательно утверждал, буд-

¹ АВП, ф. 0122, оп. 15, д. 697, л. 280.

² Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 482.

³ DBFP. 1919—1939. Second series, vol. VI, p. 813, 821—822.

⁴ АВП, ф. 05, оп. 14, п. 87, д. 117, л. 178.

⁵ DBFP. 1919—1939. Second series, vol. VI, p. 822.

⁶ Ibid., p. 841.

⁷ АВП, ф. 05, оп. 15, п. 88, д. 3, лл. 18—21.

то «за вывеской» объединенного фронта против фашизма и войны скрываются коварные планы большевиков «сохранить Европу разделенной», что «жизненным интересам СССР отвечает поддержание яркого огня франко-германской ненависти»¹.

В интересах борьбы за коллективную безопасность Советское правительство приняло решение о вступлении в Лигу наций. Такой шаг не означал каких-либо изменений в принципиальных основах советской внешней политики, а представлял лишь дальнейшее их развитие в новой исторической обстановке. Советская внешняя политика, проявляя необходимую гибкость, добивалась своей главной цели — создания в Европе системы коллективной безопасности как залога сохранения мира.

В обстановке образования двух очагов мировой войны Лига наций в определенной мере утрачивала свою прежнюю роль орудия антисоветской политики и могла стать немаловажным препятствием на пути непосредственных организаторов войны. Наличие такой возможности стало еще более очевидным, когда Япония и Германия покинули Лигу наций.

Инициативу пригласить Советский Союз в Лигу наций поддержали 30 государств. Они обратились к СССР с предложением «вступить в Лигу наций и принести ей свое ценное сотрудничество»² в борьбе за укрепление мира. Советский Союз вступил в Лигу наций 18 сентября 1934 г., заявив, что, несмотря на все ее недостатки, Лига наций может в какой-то мере помешать развитию событий по пути ко второй мировой войне. В своем первом выступлении на пленарном заседании Лиги наций представитель СССР подчеркнул, что Советское государство не несет ответственности за действия и решения Лиги, принятые до его вступления в эту международную организацию. Политический деятель США С. Уэллес писал: «Когда Советский Союз вступил в Лигу наций, даже самые упрямые вынуждены были вскоре признать, что он является единственной великой державой, которая принимает Лигу всерьез»³.

Успехи внешней политики СССР были очевидными. Все большее значение в мировой политике приобретало сближение Советского Союза и Франции.

Фашистские правители Германии решили прибегнуть к своему излюбленному методу, который они широко использовали во внутренней и внешней политике, — к террору. По всей Европе прокатилась волна насилий. По требованию Берлина многие политические деятели европейских государств были или смещены, или убиты. Был уничтожен румынский премьер Дука, отстранен и вынужден покинуть родину министр иностранных дел Румынии Титулеску, действовавший в целях сохранения независимости и безопасности своей страны.

Среди тех, кто пал жертвой фашистского политического террора, оказался и французский министр иностранных дел Барту. Зная, что его жизнь находится под угрозой, он мужественно продолжал проводить свою линию.

Исполнение плана убийства Барту, санкционированного Гитлером и разработанного разведкой Геринга, возлагалось на помощника немецкого военного атташе в Париже Г. Шпейделя, тесно связанного с французскими ультраправыми⁴. Непосредственным организатором убийства Шпейдель избрал А. Павелича — одного из лидеров реакционной террористической организации хорватских националистов, находившейся в услуже-

¹ FRUS. The Soviet Union 1933—1939, p. 226, 246.

² Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 590. Это приглашение было поддержано еще четырьмя государствами.

³ S. Welles. The Time for Decision. New York — London, 1944, p. 31.

⁴ После второй мировой войны Шпейдель несколько лет командовал войсками НАТО в центральной зоне Европы (включая Францию).

нии у гитлеровцев. Тщательно разработанная злодейская акция «Меч тевтонов» была осуществлена в Марселе 9 октября 1934 г. Убийца, В. Георгиев, беспрепятственно вскочив на подножку автомашины, выстрелами в упор убил югославского короля Александра, прибывшего во Францию с официальным визитом, и ранил в руку Барту. Раненому министру не была оказана срочная медицинская помощь, и он скончался от потери крови.

Гитлеровцы знали, в кого целили: был уничтожен самый горячий сторонник идеи коллективной безопасности из числа буржуазных политических деятелей. «Кто знает, — писала 11 октября 1934 г. фашистская газета «Берлинер бёрсенцайтунг», — какие средства пытался бы пустить в ход этот старик с сильной волей... Но костлявая рука смерти оказалась сильнее дипломатической воли Барту. Смерть появилась в надлежащий момент и оборвала все нити».

Убийство Барту и последовавшая затем очередная смена в составе кабинета министров ослабили ряды сторонников национальной внешней политики во Франции. Пост министра иностранных дел перешел к П. Лавалю — одному из наиболее отвратительных предателей страны, которые по праву заслужили клеймо «могильщиков Франции». Лаваль представлял ту часть правящих кругов страны, которая находилась на крайне антисоветских, прогерманских позициях. Сторонник антисоветского сговора с Германией, он поставил своей задачей похоронить проект Восточного пакта, отказаться от курса франко-советского сближения и прийти к соглашению с фашистскими государствами. Лаваль выдвинул план, продиктованный ему крупными монополиями: заключить гарантийный пакт только трех государств — Франции, Польши и Германии. Такое предложение полностью устраивало германское и польское правительства. Однако реализации планов Лавалья препятствовала советская внешняя политика, пользовавшаяся возрастающим авторитетом среди прогрессивных сил французской нации.

Советский Союз распространял принципы коллективной безопасности и на страны, берега которых омывались водами Тихого океана. Советская дипломатия не теряла буквально ни одного дня. Уже в беседе народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова с американским президентом Рузвельтом, состоявшейся в день обмена нотами об установлении дипломатических отношений, был поставлен вопрос о Тихоокеанском пакте. Предполагалось, что участниками пакта станут США, СССР, Китай и Япония, которые примут на себя обязательства о ненападении, а возможно, и «о совместных действиях в случае опасности миру»¹. Рузвельт поручил Буллиту вести дальнейшие переговоры по данному вопросу.

Встреча наркома с послом США состоялась в декабре 1933 г. Буллит, не скрывая отрицательного отношения к проекту Тихоокеанского пакта, ссылаясь на позицию Японии. В отношении двустороннего советско-американского договора о ненападении, а быть может, и о взаимопомощи он с иронией заметил: «...такой пакт вряд ли и нужен, ибо мы друг на друга нападать не собираемся»², но обязался сообщить президенту о состоявшейся беседе. Спустя три месяца Буллит информировал наркома иностранных дел, что Рузвельт склонен заключить многосторонний Тихоокеанский пакт о ненападении с участием в нем СССР, США, Японии, Китая, Англии, Франции и Голландии³. Об этом же в конце ноября 1934 г. советскому полпреду в Лондоне заявил Н. Дэвис — американский делегат на конференции по разоружению. Полпред заверил его, что со стороны Советского Союза отношение к данной идее будет самым благожелательным.

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVI, стр. 659.

² Там же, стр. 759.

³ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 179.

Вскоре Дэвис сообщил, что США не возьмут на себя инициативу заключения такого пакта

Президент Рузвельт продолжал поддерживать идею Тихоокеанского пакта еще в течение нескольких лет¹. Но препятствия на пути его заключения были большие. Внутри США против пакта выступали те силы, которые под флагом изоляционизма предпочитали не мешать германской и японской агрессии, рассчитывая направить ее против Советского Союза. Они мотивировали свою позицию тем, что заключение пакта вынудит Соединенные Штаты занять более решительную позицию в отношении захвата Японией Маньчжурии. Об этом говорил и Буллит. Против пакта, естественно, была и Япония. Позиция Англии казалась уклончивой, в действительности же была отрицательной. Таким образом, в борьбе за мир Советский Союз сталкивался с огромными препятствиями.

Борьба СССР за создание системы коллективной безопасности имела важное значение. Величайшая заслуга Коммунистической партии и Советского правительства состоит в том, что еще в то время, когда империализм находился на отдаленных подступах к замышлявшейся им войне, его агрессивной политике был противопоставлен реальный, хорошо продуманный и обоснованный план сохранения и укрепления мира. И хотя для его осуществления силы, выступавшие за мир, оказались недостаточными, советский план коллективной безопасности сыграл свою роль. Он вселял в массы уверенность в возможности победы над фашизмом путем объединенных действий. Советская идея коллективной безопасности несла в себе зародыш грядущей победы свободолюбивых народов над фашистскими поработителями.

3. Заключение Советским Союзом договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией

Советская идея коллективной безопасности встречала растущую поддержку трудящихся масс, классовое сознание которых давало им возможность лучше, чем многоопытным буржуазным деятелям, предвидеть дальнейший ход событий. Опираясь на эту поддержку, Советский Союз продолжал борьбу за мир с нарастающей энергией.

Когда Лаваль стал министром иностранных дел Франции, советская дипломатия продолжила с ним переговоры о коллективной безопасности. Полпреды СССР во Франции — В. С. Довгалецкий, затем В. П. Потемкин — встречались с ним еженедельно, вновь и вновь обсуждая вопросы о заключении Восточного пакта. Даже опытных советских дипломатов Лаваль удивлял своей циничной откровенностью. Уже в первой беседе с советским представителем он заявил, что не будет скрывать своего намерения добиться франко-германского сближения и соглашения². Последующие переговоры были пронизаны подобными же высказываниями французского министра иностранных дел. Он даже хвастался, что «из всех политических деятелей Франции он, Лаваль, больше всех сделал для сближения с немцами»³, с гитлеровцами. «Заслуги» Лавалья в этом черном деле особенно сказались впоследствии — во время гитлеровской оккупации Французский народ расплатился с ним сполна — в 1945 г. по приговору суда он был повешен как изменник.

Тогда, в 1934 г., Лаваль открыто сказал советскому полпреду, почему он все же продолжает переговоры с СССР, если соглашение с Германией

¹ Окончательно президент отказался от проекта Тихоокеанского пакта в июне 1937 г.

² Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 647.

³ АВП, ф. 05, оп. 14, п. 86, д. 95, л. 146.

возможно только обходным путем соглашения Франции с Москвой, он готов пойти и этим путем¹. Иначе говоря, Лаваль прибег к самому нечистоплотному приему, который в канун второй мировой войны широко применялся не только французской, но и в не меньшей степени британской дипломатией. Суть его заключалась в том, чтобы, запугивая Германию сближением с СССР, добиваться антисоветской сделки с ней на более выгодных для себя условиях.

Тем кругам, которые представлял Лаваль, все же пришлось считаться с огромной популярностью, которую в народных массах Франции приобрела идея совместной с Советским Союзом борьбы за мир. В этой борьбе советская дипломатия опиралась и на мощное патриотическое движение против войны, в защиту национального суверенитета, охватившее всю Францию. Она опрокинула главный довод противников Восточного пакта, утверждавших, что заключение его невозможно, поскольку Германия и Польша отказались принять в нем участие. Советское правительство решило добиться заключения Восточного пакта при любом составе его участников, даже если это будут только Советский Союз и Франция². Именно такой подход диктовался реальной обстановкой и интересами предотвращения нового военного пожара. К сожалению, даже и после второй мировой войны находятся буржуазные историки, которые не стесняются повторять гитлеровскую клевету о том, что Советский Союз хотел сблизиться с Францией и заключить с ней договор в начале 30-х годов якобы прежде всего для того, чтобы «распространить коммунистическое влияние на Западную Европу»³.

Для быстрейшего заключения договора надо было воспрепятствовать стремлению монополий, интересы которых представлял Лаваль, сговориться с гитлеровской Германией за счет СССР. Советское правительство предложило Франции обменяться взаимными обязательствами, что ни одна из сторон не заключит политического соглашения с Германией без предварительной информации другой стороны о любых переговорах подобного характера и подготовляемом соглашении. Советская дипломатия обратила внимание французского правительства на то обстоятельство, что Германия предложила Советскому Союзу заключить Восточный пакт без участия Франции и Чехословакии⁴.

Взаимные обязательства, предложенные СССР, составили содержание франко-советского протокола, подписанного 5 декабря 1934 г. К нему присоединилась и Чехословакия⁵.

Не прошло и месяца, как Лаваль изменил своим обязательствам. В Риме на встрече с Муссолини он обещал, что Франция не будет препятствовать Италии в захвате Эфиопии, и согласился признать за Германией право на вооружение. Подобное поведение министра иностранных дел было соответствующим образом оценено советским полпредом. Он обратил внимание Лавалья на то, что если Германия получит право вооружаться, то она тем более «не будет иметь побудительных причин примкнуть к Восточному пакту»⁶.

Позиция Лавалья вызвала резкую критику не только в самой Франции, но и со стороны стран Малой Антанты: Румынии, Югославии, Чехословакии. Румынский министр иностранных дел заявил, что «Румыния будет на стороне Франции только в случае заключения франко-советского

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 648.

² АВП, ф. 05, оп. 14, п. 87, д. 117, лл. 234—235.

³ A. Furnia. The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II. 1931—1938, p. 88.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVII, стр. 670.

⁵ Там же, стр. 725—726, 738—739.

⁶ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 229, д. 2303, л. 26.

соглашения», если же такого не будет и Советскому Союзу придется искать других путей обеспечения мира, то с ним «пойдет также и Румыния»¹.

Продолжая противодействовать Восточному пакту, Лаваль в феврале 1935 г. посетил Лондон. В результате франко-английских переговоров было опубликовано коммюнике, в котором предлагался план «общего урегулирования» международных проблем². Смысл его сводился к следующему: связать осуществление Восточного пакта с решением других вопросов, вплоть до разоружения. Вернувшись во Францию, Лаваль заявил советскому полпреду, что отныне он «не расположен выделять Восточный пакт как самостоятельную и первоочередную акцию»³.

На проходивших в начале 1935 г. переговорах Англии и Германии широко обсуждался вопрос о легализации вооружений последней. Было совершенно очевидно, что английское правительство готово идти навстречу германским домогательствам, руководствуясь расчетами повернуть фашистскую агрессию против Советского Союза.

В интересах всеобщего мира советская внешняя политика использовала все свои возможности помешать этой сделке и расчистить путь для заключения Восточного пакта. Советский полпред в Англии систематически встречался с британским министром иностранных дел Д. Саймоном, его заместителем Р. Ванситтартом и лордом хранителем печати А. Иденом, ранее заместителем министра иностранных дел. Но заставить британских политиков отойти от полускрытого пособничества гитлеровской Германии оказалось невозможным, что с исчерпывающей ясностью выяснилось в конце марта 1935 г., когда Саймон и Иден посетили Берлин.

Английские представители с сочувствием отнеслись к словам Гитлера, заявившего при встрече о своем отрицательном отношении к Восточному пакту. Играя на антисоветизме британских дипломатов, Гитлер запугивал их мифической «советской опасностью», убеждал в том, что фашистская Германия — единственный оплот Запада против «большевистской Азии»⁴. Иден позднее рассказывал, что «Гитлер неоднократно возвращался к вопросу о советской опасности. Его аргументация сводилась в основном к тому, что Германия является главным стражем и оплотом «европейской цивилизации» и что поэтому ей должна быть дана возможность надлежащим образом вооружиться»⁵. Идена не смущало, что заявку на роль «пастыря» европейской цивилизации подают фашистские волки!

Конечно, среди британских консерваторов были люди, которые видели, что вооруженная, агрессивная Германия представляет опасность не только для Советского Союза. Так, У. Черчилль в беседе с советским полпредом говорил: «Величайшая опасность для Британской империи идет из Германии... Гитлеровская Германия — это огромная научно организованная военная машина с полдюжиной гангстеров во главе. От них всего можно ожидать...»⁶ Черчилль был «склонен думать, что первый удар со стороны Германии последует, пожалуй, не в сторону СССР, ибо это довольно-таки опасно. Будут, вероятно, другие направления»⁷. Но те, кто стоял тогда у руля британской внешней политики, не задумывались о «других направлениях» возможной германской агрессии.

После Берлина Иден направился в Москву. 28 марта он был принят народным комиссаром иностранных дел СССР. В беседе нарком отметил, что «Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную

¹ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 225, д. 2270, лл. 36—39.

² Survey of International Affairs. 1935. Vol. I. London, 1936, p. 122—123.

³ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 229, д. 2303, л. 80.

⁴ DGFP. 1918—1945. Series C, vol. III, p. 1051.

⁵ АВП, ф. 05, оп. 15, п. 88, д. 3, л. 249.

⁶ АВП, ф. 05, оп. 15, п. 89, д. 17, л. 138.

⁷ Т а м ж е.

экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкций его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении»¹. 29 марта состоялась встреча Идена с советскими руководителями. Британский дипломат пытался убедить советскую сторону, будто Восточный пакт не столь уж необходим, а легализация вооружений Германии не представит угрозы делу мира. Он даже обратился с вопросом: не считает ли Советское правительство «возможным санкционировать на известном уровне вооружения Германии, в частности вооружения так называемыми агрессивными видами оружия»². На это советские руководители заявили, что СССР будет продолжать борьбу против легализации германских вооружений, выдвинув совершенно четкую позицию: «Мы не можем закрывать глаза на то, что Германия вооружается для нападения, стало быть, в настоящий момент нам нужно принять меры к тому, чтобы помешать Германии вооружиться»³. Иден возразил: в Англии «не так уверены в агрессивности Германии, как в СССР»⁴. Советская сторона намекнула, что как бы самой Англии не пришлось убедиться в противоположном.

В буржуазной литературе распространен взгляд, что призывы советских дипломатов к созданию системы коллективной безопасности будто бы не поддерживались правительством СССР⁵. Действительное отношение ЦК партии и Советского правительства видно не только из постановления ЦК от 12 декабря 1933 г., но и из беседы советских руководителей с А. Иденом. В начале этой беседы Иден сказал, что Гитлер «очень обеспокоен могуществом вашей Красной Армии и угрозой нападения на него с востока». Он повторил, следовательно, то объяснение военных приготовлений Германии, которое выдвигалось ее деятелями, чтобы получить поддержку со стороны западных держав. Когда в ответ на его слова советской стороной было сообщено, что Германия предлагает продать СССР вооружение, Иден был потрясен настолько, что на мгновение потерял присущую ему выдержку. «Это поразительно! — воскликнул британский дипломат. — Такое поведение не свидетельствует в пользу искренности Гитлера, когда он говорит другим о военной угрозе со стороны СССР»⁶.

И. В. Сталин заявил Идену, что считает международную обстановку, характеризующуюся наличием двух очагов военной опасности, крайне тревожной, так как «имеются факты, которые заставляют нас опасаться худшего на Дальнем Востоке. В самом деле, Япония вышла из Лиги наций и открыто издевается над принципами Лиги наций; Япония на глазах у всех разрывает международные договоры, под которыми стоят ее подписи. Это очень опасно... В Европе большое беспокойство вызывает Германия. Она тоже вышла из Лиги наций... тоже открыто на глазах у всех разрывает международные договоры»⁷.

Во всех переговорах с Иденом представители СССР подчеркивали, что Восточный пакт взаимной помощи явился бы реальной гарантией мира. Британский дипломат, которого уверяли в Берлине, что Восточный пакт будто бы направлен к «окружению» Германии, спросил, считает ли СССР возможным ее участие в этом пакте. И. В. Сталин ответил: «Мы

¹ АВП, ф. 05, оп. 15, п. 88, д. 3, л. 253.

² Там же, л. 263.

³ Там же, л. 264.

⁴ Там же.

⁵ D. D o n n e l l y. Struggle for the World. The Cold War: 1917—1965. New York, 1965, p. 52.

⁶ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, док. 148.

⁷ Там же.

не хотим никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях... Такой великий народ, как германцы, должны были вырваться из цепей Версаля. Однако формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу, и для того, чтобы предупредить возможность каких-либо неприятных осложнений, сейчас нужна известная страховка. Такой страховкой является Восточный пакт взаимной помощи, конечно, с Германией, если к тому имеется какая-либо возможность»¹.

Под давлением советской аргументации Идену пришлось пойти на определенные уступки. В официальном коммюнике об итогах переговоров было сказано, что в «нынешнем международном положении более, чем когда-либо, необходимо продолжать усилия в направлении к созданию системы коллективной безопасности в Европе». Вернувшись в Англию, Иден уже сожалел, что «согласился на излишне обязывающую формулу» коммюнике.

Во время пребывания Идена в Москве советская дипломатия приняла важный шаг в практическом осуществлении принципа коллективной безопасности. 29 марта 1935 г. Лавалю было сделано официальное предложение заключить франко-чехословацко-советский договор о взаимной помощи против агрессии. Французский министр иностранных дел оказался между двух огней: борьба сторонников и противников коллективной безопасности достигла небывалой остроты. К числу ее противников относился и американский посол в Москве Буллит, уже готовившийся к выполнению обязанностей посла своей страны во Франции. Впоследствии он сам признавал, что приложил большие усилия к тому, чтобы воспрепятствовать заключению договоров о взаимопомощи². И все же перевес оказался на стороне тех, кто создавал преграды на пути агрессии.

Переговоры о заключении договора о взаимной помощи вступили в практическую стадию. Французское министерство иностранных дел предприняло попытку протолкнуть такой проект договора, который свел бы на нет обязательства взаимной помощи. Оно предложило включить в текст оговорку, согласно которой выполнение договорных обязательств подчинялось решению на сей счет Совета Лиги наций. Помимо того что соответствующее решение не могло быть принято быстро, Англия и Франция, пользуясь большинством голосов в Лиге наций, всегда могли сорвать нежелательную для них резолюцию. Следует отметить, что и во время англо-франко-советских переговоров 1939 г. британская дипломатия вновь предлагала подобный механизм взаимной помощи.

Советская внешняя политика взяла инициативу в свои руки. 15 апреля 1935 г. Лаваль получил советский проект договора. Французская сторона представила контрпроект. В последующих переговорах был достигнут необходимый компромисс. Советский Союз отстоял выдвинутые им основные принципы договора о взаимной помощи.

Советско-французский договор о взаимной помощи против агрессии был подписан в Париже 2 мая 1935 г. Статья 2 договора гласила, что, если СССР или Франция явятся, «несмотря на искренне мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку»³. Одновременно был заклю-

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, док. 148.

² W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947. New York — Toronto, 1952, p. 247.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946, стр. 30.

чен протокол подписания, который учитывал совершенно категорическое требование французской стороны: обязательства обоих государств должны соотнобразовываться с решением Совета Лиги наций. Однако в пункте 1 протокола значилось: «...обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, дабы достичь того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всей скоростью, которой потребуют обстоятельства, и что если, несмотря на это, Совет не вынесет, по той или иной причине, никакой рекомендации, и если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи *тем не менее будет выполнено* (курсив наш. — *Ред.*)»¹. Последние слова придавали обязательствам договора тот безусловный характер, на котором все время настаивало Советское правительство.

В заключении франко-советского договора значительную роль сыграла прогрессивная общественность Франции, усматривавшая в нем путь к спасению страны от германской агрессии. В программе Народного фронта, выработанной по инициативе Французской коммунистической партии, содержалось требование о создании в Европе системы договоров, которые укрепляли бы мир.

Подписание договора с Советским Союзом не означало каких-либо изменений в общем плане Лаваль. Перед отъездом в Москву он говорил своему другу социалисту С. Грумбаху: «Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином»². Лаваль заблаговременно информировал о предстоящем подписании договора германского посла в Париже Вельчека и заверил его, что франко-советский договор не исключает теснейшего сотрудничества Франции с Германией. «Доведите до сведения своего правительства, — говорил Лаваль, — что я в любое время готов отказаться от столь необходимого франко-советского пакта, с тем чтобы заключить франко-германский договор большого масштаба»³. В тот самый момент, когда поезд с французской делегацией, направлявшейся в Москву, пересекал границу СССР, Лаваль озабоченно спросил у бывшего посла Франции в Советском Союзе Альфана: «Как же, следовательно, устроить так, чтобы я смог на обратном пути остановиться в Берлине и побеседовать с фюрером?»⁴

На встрече в Москве была достигнута договоренность, что переговоры о заключении многостороннего Восточного пакта будут продолжены. Касаясь франко-советских отношений на новом этапе их развития, советская сторона решительно заявила о необходимости дополнить договор конкретными обязательствами и заключить соответствующую военную конвенцию⁵.

На обратном пути Лаваль остановился в Варшаве — якобы для того, чтобы склонить Польшу к участию в Восточном пакте. В действительности он говорил Беку, что Франция, даже после заключения договора с Советским Союзом, не собирается прибегать к помощи СССР или помогать большевикам в случае нападения на их государство кого бы то ни было. Там же, в Польше, Лаваль встретился с Герингом и обсудил вопрос о заключении франко-германского военного союза. Тем временем посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе вступил в переговоры с Гитлером, заверяя фашистского главаря, что франко-советский пакт не направлен против Германии и не может служить препятствием для франко-германского сближения⁶.

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, стр. 31—32.

² Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы, стр. 289.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ M. Mourin. Les relations franco-soviétiques. 1917—1967. Paris, 1967, p. 207.

⁶ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 229, д. 2305, лл. 138—142.

Ратификация советско-французского договора преднамеренно затягивалась. Согласно французской конституции он мог быть ратифицирован решением президента республики. Но его вынесли на рассмотрение парламента, которое продолжалось десять месяцев и завершилось лишь после отставки Лаваля.

Договор был ратифицирован палатой депутатов только 27 февраля 1936 г. За ратификацию проголосовало 353 депутата, против — 164, воздержалось — 100.

16 мая 1935 г. в Праге был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, содержащий те же обязательства, что и советско-французский пакт. Его подписание явилось крупным успехом Коммунистической партии Чехословакии, постоянно разъяснявшей народу, что действительной гарантией национальной самостоятельности страны может быть только союз с СССР. Уже тогда партия развернула борьбу за общенародную защиту республики.

И все-таки министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш потребовал включить в протокол подписания важную оговорку: «...обязательства взаимной помощи будут действовать между ними (СССР и Чехословакией. — *Ред.*) лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции»¹. Оговорка явно свидетельствовала, что чехословацкое правительство, равно как и правительство Франции, меньше всего заботилось о выполнении договора. «Эта оговорка, — заявил руководитель Коммунистической партии Чехословакии К. Готвальд, — была включена в договор усилиями здешних реакционных кругов, которые еще и сегодня стыдятся того, что Советский Союз является нашим верным союзником»².

Роль Бенеша в появлении данной оговорки установлена документально. В официальной инструкции чехословацкого министерства иностранных дел говорилось, что Бенеш вставил в текст следующую фразу: «...обязательства пакта распространяются на нас лишь в том случае, если они распространяются на Францию». Тем самым Бенеш хотел предотвратить автоматическое действие пакта. Однако главное заключалось не в том, каков будет механизм действия пакта, а в том, что министр ориентировался не на союз с СССР. Это подтверждает та же инструкция: «Этот пакт не означает, что мы хотим изменить направление своей политики с западного на восточное. Мы не хотим односторонне связываться с Россией, понимая свою принадлежность к Западной Европе»³. К чему привела антинациональная позиция чехословацкой буржуазии, интересы которой выражал Бенеш, хорошо известно.

Характерно заявление, сделанное Бенешем в беседе с английским посланником в Праге Ньютоном в мае 1938 г., когда над Чехословакией уже нависли черные тучи немецко-фашистской агрессии: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, они будут зависеть от отношений Франции и Великобритании. Только наличие франко-русского союза сделало возможным современный союз Чехословакии с Россией. Если же, однако, Западная Европа отвернется от России, Чехословакия поступит так же»⁴. Признавая объективную роль СССР как «противовеса» Германии, Бенеш в то же время говорил, что он всегда был противником «чрезмерного влияния России в Центральной Европе»⁵.

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, стр. 39.

² K. G o t t w a l d. Se Sovětským svazem na věčné časy. Praha, 1949, str. 52.

³ Внешняя политика Чехословакии 1918—1939. Сборник статей. М., 1959, стр. 366.

⁴ DBFP. Third series, vol. I, p. 314.

⁵ I b i d., p. 315.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры все-таки могли стать надежным фундаментом общеевропейской системы коллективной безопасности. Честное выполнение договоров всеми участниками, поддержка коллективной безопасности другими европейскими государствами могли бы помешать развязыванию войны.

4. Готовность Вооруженных Сил СССР к выполнению обязательств по обеспечению коллективной безопасности

Заключение договоров Советского Союза с Францией и Чехословакией о взаимной помощи правящие круги Германии восприняли с плохо скрываемым унынием. Планы установления мировой гегемонии немецких монополистов могли повиснуть в воздухе. Даже спустя два с половиной года Гитлер в тайной беседе с английским эmissаром лордом Галифаксом не мог без содрогания говорить о франко-советском договоре. Свои опасения он более подробно изложил английскому послу в Берлине Н. Гендерсону. При встрече с ним Гитлер сказал, что франко-русский пакт «после присоединения Чехословакии сделался для Германии особенно опасным», так как объединенные силы союзников всегда «в состоянии поразить Германию (как агрессора.— *Ред.*) в самое сердце»¹.

Опасения Гитлера разделяли некоторые политические деятели не только Англии и США, но даже союзных СССР стран — Франции и Чехословакии. Чтобы успокоить Гитлера и расчистить ему путь, они разбивали основы коллективной безопасности в Европе: подрывали авторитет Советского Союза, сеяли неверие в его способность оказать помощь жертве агрессии.

В связи с этим большое международное значение приобретали события, в которых раскрывалась мощь СССР, например челюскинская эпопея второй половины 1934 г. Огромные усилия, энергия и организованность, проявленные при спасении людей с корабля, попавшего в ледовый плен, ошеломили Запад. Советская держава, продемонстрировавшая неиссякаемую силу, высокое благородство и подлинный гуманизм, предстала перед народами мира во всем своем величии. В беседе с советским полпредом в Лондоне И. М. Майским патриарх английской буржуазии Д. Ллойд-Джордж говорил: «Это потрясающе!.. Это очень благородно!.. Вы одержали большую дипломатическую победу»².

И все же реакционные силы, особенно Англии, продолжали твердить, будто Советское государство не располагает достаточным военным потенциалом и потому не может стать надежным союзником в борьбе против гитлеровской Германии. В своих воспоминаниях А. Иден признал существование в Англии «почти всеобщего» мнения, что Вооруженные Силы Советского Союза находятся в «плохом состоянии»³. Н. Чемберлен, занявший в 1937 г. пост премьера Великобритании, писал: «Должен сознаться, что я питаю самое глубокое недоверие к России. Я совсем не верю в ее способность вести эффективные наступательные операции, даже если бы она того хотела»⁴.

Учитывая нерешительность и уступки правительств Англии, Франции и США, Гитлер все больше склонялся к нанесению ближайшего удара не в сторону СССР. Такие плоды давала политика вскармливания и умиро-

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Ноябрь 1937—1938 гг. Т. 1, М., 1948, стр. 64.

² И. М а й с к и й. Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла). М., 1962, стр. 34.

³ A. E d e n. Memoirs. Facing the Dictators. Boston, 1962, p. 184.

⁴ K. F e i l i n g. The Life of Neville Chamberlain. London, 1947, p. 403.

творения агрессоров, которая все более разрушала систему оборонительных союзов стран Западной и Восточной Европы, содействовала возрастанию военно-стратегического потенциала Германии, Италии и Японии, изменяя соотношение сил в их пользу.

«...Империалистические планы Гитлера,— писал в своей статье «Военные планы нынешней Германии» командарм 1 ранга М. Н. Тухачевский,— имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)... Германии нужна французская руда... и расширение ее морской базы». Опыт первой мировой войны со всей очевидностью показал, что «без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить». Последний момент неизбежно сыграет роль в развертывании борьбы Германии против Франции и Англии¹.

Эти разумные и своевременные предупреждения СССР не встретили должного понимания в руководящих кругах западных стран. Высокомерное пренебрежение к внешнеполитическим акциям, направленным на обуздание агрессоров, вело к роковым последствиям.

В интересах мира необходимо было не только укреплять оборону Советской страны, но и показать широкой общественности достигнутые в этой области результаты, а также реальные возможности Вооруженных Сил СССР. Вот почему на маневры Советской Армии начиная с 1935 г. приглашались представители буржуазных армий. Учения организовывались в интересах дальнейшего повышения и совершенствования боевой и оперативно-тактической подготовки войск. На больших маневрах войск Киевского военного округа, проходивших с 12 по 17 сентября 1935 г., впервые в мировой военной практике проверялась новая советская теория глубокого боя и операции с привлечением для совместных действий помимо стрелковых и кавалерийских соединений механизированного корпуса и авиадесанта.

Руководил учениями командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир. На маневрах присутствовали нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов, его заместители С. М. Буденный, Я. Б. Гамарник, М. Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба А. И. Егоров, руководители Коммунистической партии и правительства Советской Украины, а также военные делегации зарубежных стран.

На большом пространстве были приведены в движение войска в составе 12 корпусов, насчитывавших 65 тыс. человек, 1040 танков, 600 самолетов, 300 орудий².

Огромное впечатление на присутствующих произвели массированные атаки танков и выброска крупного авиадесанта с целью деморализации и разрушения тыла противника. Военная история еще не знала такого десантирования: в нем участвовало 2953 человека, имевших на вооружении (кроме карабинов) 29 станковых пулеметов, 10 орудий, танк и 6 автомашин³.

Подобные маневры были проведены и в Ленинградском военном округе под руководством его командующего Б. М. Шапошникова. Здесь на полях учений действовало 10 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, механизированный корпус, 5 авиабригад. Широко применялись авиадесанты⁴.

¹ «Правда», 31 марта 1935 г.

² ЦГАСА, ф. 25899, оп. 74, д. 25, лл. 1—12.

³ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 74, д. 29, лл. 373, 376.

⁴ Архив МО, ф. 112а, оп. 796, д. 70, лл. 85, 87.

Представители иностранных держав получили убедительное доказательство, что Советская Армия за короткий срок превратилась в первоклассную современную армию, способную надежно защищать первое в мире социалистическое государство, эффективно выполнять свои союзнические обязательства по обузданию агрессора и поддержанию мира в Европе и Азии.

Киномента, запечатлевшая киевские маневры, была показана в советских посольствах ряда европейских государств членам правительств и представителям генеральных штабов.

Воздушную мощь СССР продемонстрировали советские летчики В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков, совершившие беспосадочный перелет по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — бухта Тикси — Петропавловск-Камчатский — остров Удд продолжительностью 56 часов 20 минут. Они впервые в истории проложили воздушный путь в Америку через Северный полюс, преодолев расстояние от Москвы до Ванкувера (США) за 63 часа 15 минут. Менее чем через месяц по этому же маршруту совершил перелет второй экипаж в составе М. М. Громова, А. Б. Юмашева, С. А. Данилина. Рекорды по дальности, продолжительности и высоте полета установили летчицы В. С. Гризодубова, П. Д. Осипенко, М. М. Раскова, В. Ф. Ломако.

Замечательную отечественную боевую технику, опытные кадры, передовую военную теорию Советский Союз был готов поставить на службу делу коллективной безопасности в Европе.

Но ее противники не сложили оружия. Обсуждение договора о взаимопомощи против агрессии, заключенного между СССР и Францией, которое проходило в палате депутатов французского парламента, сопровождалось антисоветскими выпадами. Так, депутат Ф. Лоран 12 февраля 1936 г. говорил, что французский генералитет отрицательно оценивает Советскую Армию и ее кадры, а другой член парламента — П. Тэттенже 18 февраля заявил, что Советский Союз «не способен выдержать войну с первоклассным государством, он не сможет перейти от обороны к наступлению»¹.

Подобные уверения преследовали совершенно определенную цель — помешать налаживанию военного сотрудничества СССР и Франции. Правительства Франции и Чехословакии, подвергавшиеся большому давлению как со стороны внутренней реакции, так и со стороны гитлеровской Германии и ее англо-американских друзей, не собирались укреплять свои отношения с Советским Союзом. Договоры о взаимной помощи были фактически сведены ими на нет. Было очевидно, что советско-французский и советско-чехословацкий договоры станут действенным орудием в борьбе с агрессией только тогда, когда они будут дополнены военными конвенциями. Но этого как раз и не хотели реакционеры. Через два дня после подписания договора с Советским Союзом генеральный штаб Франции, возглавляемый Гамеленом, и министерство иностранных дел пришли к договоренности, что «вопрос о методах франко-русского военного сотрудничества в настоящее время обсуждаться не будет»².

Конечно, Советскому Союзу об этом сообщено не было. Советское главнокомандование разгадало линию французского генерального штаба. Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов докладывал в Политбюро ЦК ВКП(б): «Хотя французский генштаб и взял на себя инициативу начала переговоров о военном выражении договора о взаимопомощи, но делает он это в такой форме, которая похожа на желание получить

¹ Annales de la Chambre des Députés, 15-me Législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1936. T. I. Du 14 Janvier au 20 Mars 1936. Paris, 1936, p. 355, 457.

² M. G a m e l i n. Servir. Le prologue du drame (1930 — août 1939), p. 166.

расплывчатый и ничего не значащий ответ, который позволил бы Гамелену доказать в правительстве бесполезность и невыгоду дружественных отношений с Советским Союзом»¹.

Французские правые социалисты поддерживали отрицательное отношение реакции к заключению военной конвенции с Советским Союзом. В 1936 г., когда их лидер Л. Блюм возглавил правительство, положение не изменилось. Французский премьер признавал, что «русские очень добивались, чтобы было заключено соглашение между генеральными штабами обеих стран... Но этого не было сделано. На настойчивые предложения русских давались уклончивые ответы. Россия торжественно обязалась сообщать полные данные о своих военных ресурсах, промышленных возможностях, о поставках, которые могла бы нам обеспечить в случае европейского конфликта. Она просила, чтобы мы со своей стороны передавали ей аналогичные сведения, но их передача задерживалась»².

После войны, когда перед парламентом Франции предстали виновники ее поражения в 1940 г., Блюм дал важные показания. Он сообщил, что в 1936 г. получил через побывавшего в Праге своего сына доверительное письмо от Бенеша, в котором содержалось предупреждение «соблюдать величайшие предосторожности в наших отношениях с советским генеральным штабом», так как он, Бенеш, располагает сведениями, будто советские военные руководители «поддерживают подозрительные отношения с Германией»³.

Буржуазный мир шел на все ухищрения, чтобы подорвать боевую мощь Советских Вооруженных Сил. Так поступали даже руководители правительств, заключивших с СССР договоры о взаимной помощи против агрессии.

Советский Союз относился к своим обязательствам по договорам с Францией и Чехословакией в высшей степени ответственно. Руководствуясь положениями В. И. Ленина, советская внешняя политика прилагала много усилий для разработки важнейших и неотложных способов укрепления обороны Советского государства, поддержания мира на земле; уже тогда она занималась и проблемами создания антигитлеровской коалиции. В обстановке того времени, когда в Европе существовало только одно социалистическое государство, такая коалиция была возможна лишь как военно-оборонительный союз стран с различными социальными системами. Возникал вопрос: возможна ли вообще коалиция столь разных по своему государственному и общественному строю европейских стран? На этот вопрос, имевший решающее, принципиальное значение, советская политика давала совершенно определенный положительный ответ.

При этом учитывалось, что отношение членов коалиций такого рода к своим союзническим обязательствам не может не быть различным. В добросовестном отношении Советского Союза к своим обязательствам перед союзниками не могло возникнуть никаких сомнений. Со стороны же буржуазных участников коалиций можно было предположить стремление уклониться от выполнения своих обязательств и даже подставить социалистическую страну под вражеский удар. Было ясно, что, вступая в коалицию с СССР, капиталистические правительства сохранят идеологическую, а в ряде случаев и не только идеологическую враждебность к стране социализма, что будет сказываться на всей их деятельности в составе коалиции.

¹ Архив МО, ф. 1, оп. 2103, д. 31, лл. 73—75.

² Цит. по: P. Reynaud. Mémoires. T. II. Paris, 1963, p. 161—162.

³ Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la Commission d'enquête parlementaire. T. I. Paris, 1951, p. 129.

Но тогда напрашивался еще один вопрос: стоит ли в такой ситуации идти на коалицию? Ответ на него был дан в свое время — правда в другой связи — В. И. Лениным, который считал, что не следует отказываться от «всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»¹.

Из всего этого вытекал вывод, что советской стороне придется вести борьбу за определенное политическое, военное и экономическое единство членов коалиции. Политическое единство должно было выразиться в разработке совместных, хотя бы компромиссных целей и действий коалиции; военное единство — в конкретных планах использования вооруженных сил и материальных ресурсов членов коалиции в различных ситуациях; экономическое единство мыслилось в виде создания слаженной системы экономической и финансовой взаимопомощи, которая в случае войны могла успешно выдержать всю тяжесть неизбежных испытаний.

Советский Союз считал, что вопросы сотрудничества членов коалиции надлежит разработать и оформить в договорном порядке. В первую очередь следовало заключить военные конвенции членов коалиции, разработке и принятию которых придавалось большое значение, поскольку без них политические союзы лишались практической ценности.

В конвенциях должны быть четко сформулированы взаимные союзные обязательства относительно военно-технической стороны коалиционной борьбы, определена единая точка зрения по коренным военным проблемам, касающимся выбора главного театра войны, основных оперативно-стратегических направлений, примерных вариантов действий союзных сил, рубежей и времени развертывания войск, принципов руководства войной в целом и на отдельных театрах военных действий, системы связи союзного командования и политического руководства.

Все специфические военные вопросы, возникавшие из потребностей вооруженной борьбы, но не изложенные в военной конвенции, рекомендовалось выносить на совместные заседания генеральных штабов союзных держав. В их компетенцию входило бы определение основной группировки противника и ее численности в каждой конкретной ситуации, установление решающего театра военных действий и операционных направлений, подсчет необходимого количества войск и объема материально-технических средств для успешного проведения той или иной операции, выявление способов действий, поддержание устойчивой связи союзного командования.

Советское военное руководство исходило из того, что военная мощь коалиции зависит от способности союзных стран в короткие сроки мобилизовать свои промышленно-экономические ресурсы на нужды войны, от размеров и боеспособности армий, возможностей и умения сосредоточить превосходящие силы на решающих театрах, постоянно развивать и поддерживать высокую техническую оснащенность и необходимую численность вооруженных сил на протяжении всей войны.

Помимо политических, экономических и военных проблем чрезвычайно важное значение придавалось влиянию географической структуры коалиции. Ее географические контуры могли представлять компактное целое либо состоять из отдаленных одна от другой частей.

Всесторонний подход ко многим важнейшим аспектам построения коалиции и ее функционирования позволил советским дипломатическим и военным органам уверенно и квалифицированно решать на практике широкий круг вопросов в связи с заключением договоров о взаимопомощи

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.

с Францией и Чехословакией. Однако довести до конца разработку этих вопросов не удалось, поскольку все попытки СССР конкретизировать взаимные обязательства с Францией и Чехословакией против агрессии встречали противодействие со стороны правительств этих стран.

Выдающийся советский военный деятель Б. М. Шапошников, вскоре ставший начальником Генерального штаба РККА, по заданию Центрального Комитета партии и Советского правительства готовил план действий Вооруженных Сил СССР в соответствии с этими обязательствами. Советский Союз предложил Франции два варианта оказания ей военной помощи в случае агрессии со стороны Германии.

Согласно первому варианту, если Польша и Румыния — союзники Франции — дадут (по собственному решению или решению Лиги наций) согласие на пропуск советских войск через свою территорию, СССР изъявлял готовность «предоставить помощь всеми родами войск» и «в необходимом объеме, который должен быть установлен специальным соглашением между заинтересованными государствами».

По второму варианту, если Польша и Румыния откажутся предоставить советским войскам проход через их территорию, СССР обязывался осуществлять помощь «путем посылки сухопутных войск морем» и по воздуху, а воздушных сил — своим ходом. «Размеры этой помощи (как и в первом варианте) должны быть установлены специальным соглашением между заинтересованными странами». В обоих случаях СССР обещал оказать «помощь своими военно-морскими силами» и обеспечить поставку Франции и Чехословакии бензина, мазута, масел, марганца, продуктов питания, вооружения, моторов, танков, самолетов и т. д.

Со своей стороны СССР задавал закономерные вопросы: какую помощь могла бы предоставить ему Франция, если он подвергнется нападению со стороны Германии, и каким путем должен быть установлен объем этой помощи? Какие виды вооружения могла бы Франция поставить СССР?¹

Советский Союз предлагал обсудить эти или другие возможные варианты на уровне генеральных штабов, конкретизировать взаимные обязательства по борьбе с агрессией. Но его предложение не нашло поддержки со стороны французского правительства. Военные министры Франции — Даладье, Морэн и Дельбос, руководство французского генерального штаба — генералы Гамелен и Вейган отрицательно относились к союзу с СССР и военной взаимопомощи.

Советский Союз, располагая значительными Вооруженными Силами, хорошо подготовленными кадрами, передовой военной теорией, стремился использовать их для поддержания системы коллективной безопасности в Европе. В условиях острых международных кризисных ситуаций он не только был готов в любой момент прийти на помощь своим союзникам, но и предпринимал практические шаги в этом направлении.

Вступление войск фашистской Германии в Рейнскую демилитаризованную зону 7 марта 1936 г. не оставило Советский Союз безучастным. Правительство СССР заявило, что готово оказать всяческую помощь Франции, если она, выступив в защиту мира и мирных переговоров, подвергнется нападению Германии. Оно указывало, что договор между СССР и Францией «не содержит никаких ограничений» в отношении тех условий, при наличии которых должна быть оказана взаимная помощь². Советское правительство не искало в тексте договора каких-либо лазеек, чтобы избежать выполнения своих обязательств, а, напротив, стремилось сделать больше того, что требовали формальные его условия.

¹ М. G a m e l i n. Servir. Le prologue du drame (1930 — août 1939), p. 286.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, стр. 114.

Советское государство реально оценивало соотношение сил. В момент вступления германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону Германия имела 36 дивизий, Франция и Чехословакия — 55, а Советский Союз на своей западной границе — 60 дивизий¹. Налицо были все условия для отпора агрессору. Но именно этого и не хотела французская реакция.

Ярким примером выполнения Советским Союзом своих обязательств могут служить его действия в защиту Монгольской Народной Республики. 12 марта 1936 г. в связи с угрозой нападения на нее японских милитаристов был подписан советско-монгольский протокол о взаимной помощи². Обстоятельства потребовали укрепить оборону МНР. На основании положений договора СССР направил на помощь республике 57-й особый стрелковый корпус, что заставило японских захватчиков отсрочить нападение на Монгольскую Народную Республику.

* * *

Таким образом, в середине 30-х годов шла острая борьба между Советским Союзом, шедшим во главе сил мира и прогресса, и фашистскими странами, наращивавшими свою военную мощь при поддержке всей мировой реакции.

Главным содержанием этой борьбы являлось решение вопроса — быть миру или войне. СССР выступал за мир, за широкое сотрудничество со всеми странами. Советская дипломатия придерживалась правила: «Не ждать мира, а бороться за него». Агрессивной внешнеполитической стратегии стран фашистского блока СССР противопоставил принцип неделимости мира и коллективной безопасности.

Важным результатом дипломатических усилий Советского Союза явилось его вступление в Лигу наций, заключение договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, которые укрепляли военно-стратегическое положение их участников и вынуждали фашистскую Германию, в случае агрессивных акций против той или иной страны, считаться с вероятностью войны на два фронта.

Ленинская принципиальная и вместе с тем гибкая внешняя политика позволила СССР достигнуть самого главного — обеспечить мирные условия для социалистического строительства, досрочного осуществления пятилетних планов и построения социализма. Исторические успехи Страны Советов изменили расстановку сил на международной арене. Советский Союз укрепил свою роль великой державы и главного оплота борьбы за мир, против угрозы новой войны, завоевал себе в лице трудящихся масс верных союзников в благородной борьбе за светлое будущее человечества.

¹ Архив МО, ф. 15а, оп. 1842, д. 1, л. 96.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, стр. 106—107.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗВИТИЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Международный рабочий класс — ведущая антивоенная сила

Советский Союз в борьбе за мир не был одинок. Эту священную миссию он выполнял в тесном единении со всеми прогрессивными силами планеты. Наиболее принципиальным, решительным и последовательным противником войны выступал международный рабочий класс и его авангард — коммунистические партии. Объективно в успехе антивоенного движения были заинтересованы самые широкие массы народа: крестьянство, ремесленники, мелкая буржуазия города, интеллигенция и все честные люди, понимавшие, какие ужасы может принести новая мировая война.

Выступления против военных авантур господствующих классов — давняя традиция рабочего движения, которую целеустремленно развивают коммунисты. В программных документах I Интернационала, написанных К. Марксом и Ф. Энгельсом, многократно подчеркивалась необходимость решительной борьбы пролетариата против грабительских войн. «Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих, — писал К. Маркс, — то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа?»¹

Развивая это положение, он говорил об обязанности рабочего класса «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами...». Когда же нет возможности предотвратить войну, то пролетариат призван объединяться для борьбы с ней, добиваясь того, чтобы «простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»².

Антивоенное движение масс под знаменем рабочего класса явилось серьезным препятствием на пути империализма к первой мировой войне. Еще задолго до нее пролетариат провозгласил своей задачей предотвращение военной катастрофы. Однако засилье оппортунистов в большинстве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 11.

² Там же.

партий II Интернационала привело к тому, что решение этой задачи было сорвано. Когда же война разразилась, вожди большинства социал-демократических партий голосовали в парламентах за военные кредиты. Они заключили классовый мир с буржуазией и под лозунгом «защиты отечества» призывали трудящихся идти на фронт, стали открытыми союзниками и соучастниками «своей» империалистической буржуазии, ведущей грабительскую войну. Оппортунизм перерос в социал-шовинизм, сомкнулся с национализмом и милитаризмом.

В. И. Ленин и партия большевиков, сохраняя верность социализму и пролетарской солидарности, сплотили вокруг себя революционных интернационалистов других стран. Они высоко подняли знамя борьбы против разбойничьей мировой войны. Большевистская партия была первой политической партией, провозгласившей лозунги: превратить империалистическую войну в гражданскую, подготовить и осуществить революционный выход из нее, решительно порвать с социал-шовинизмом и центризмом, создать новый, революционный Интернационал. Большевистская партия на практике показала, как надо сочетать борьбу за мир с борьбой за революцию. Ее тактика в 1914—1917 гг. стала образцом пролетарской тактики в условиях империалистической войны.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции движение за мир слилось в политике и действиях международного пролетариата с борьбой в защиту Советского государства от посягательств империалистов. Это произошло потому, объяснял В. И. Ленин, что пролетарии других стран поняли: «...всякая победа международной буржуазии над Советской Россией означала бы величайшую победу всемирной реакции над рабочим классом вообще»¹.

После первой мировой войны и поражения антисоветской интервенции, в период временной и частичной стабилизации капитализма, рабочий класс и его коммунистические партии бдительно следили за всеми уловками империалистических политиков, сознавая опасность новых грабительских войн. Во главе миролюбивых сил встали народы Советского Союза, руководимые Коммунистической партией. Именно она своим примером, опытом, последовательностью и непримиримостью к врагам мира вдохновляла антивоенное движение, обогащала его новыми традициями.

Появление на мировой арене Советского государства, образование коммунистических и рабочих партий, нарастание национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах привело к тому, что антивоенное движение приняло более массовый и боевой характер. Мощным фактором его усиления являлся рост численности рабочего класса в крупнейших капиталистических государствах — ведущей политической силы антивоенной борьбы. Если в начале XX века промышленный пролетариат Англии, США, Франции и Германии насчитывал в своих рядах 30 млн. человек², то к 30-м годам — более 60 млн. Удельный вес рабочих (включая семьи) в обществе составил: в США в 1929 г. — 65—66 процентов, в Англии в 1931 г. — 80, в Германии в 1933 г. — 68—71 процент³.

Повысились авторитет и влияние коммунистических партий. Об этом свидетельствовал рост III, Коммунистического Интернационала. Если к моменту его создания (март 1919 г.) в мире насчитывалось всего лишь несколько компартий и коммунистических групп, то в 1928 г. на конгрессе Коминтерна было представлено 57 партий. В их рядах в капиталистических странах находилось 445 300 коммунистов. В 1935 г. Коминтерн объ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 263.

² Международное революционное движение рабочего класса. М., 1966, стр. 106.

³ Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937). М., 1938, стр. 82.

единял уже 76 коммунистических партий и организаций, а число коммунистов в капиталистическом мире выросло до 785 тыс.¹.

Коммунистические партии, опираясь на ленинские идеи и опыт ВКП(б), влияли на рабочий класс через массовые международные организации: красные и революционные профсоюзы, входившие в Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн); организации Международной рабочей помощи (Межрабпом); Международную организацию помощи борцам революции (МОПР); комсомольские, объединенные в Коммунистический интернационал молодежи (КИМ); различные общества друзей Советского Союза и т. д. Они вели также работу в массовых пролетарских организациях, примыкавших к другим политическим течениям — социал-демократии, анархо-синдикализму и т. п. Передовые пролетарии — члены Революционной профсоюзной организации (РПО) — действовали в рядах реформистских профсоюзов многих стран, входивших в Международное объединение профсоюзов (Амстердамский интернационал), находившееся под влиянием социал-демократии и насчитывавшее в 1929 г. 13,8 млн. человек². Коммунисты имели некоторые позиции в организациях, входивших в анархо-синдикалистский интернационал профсоюзов, который объединял в 1933 г. более 1 млн. членов³.

Повышение сплоченности и организованности пролетариата, усиление влияния коммунистических и рабочих партий способствовали активизации деятельности различных всемирных конгрессов и конференций, выступавших за мир, против угрозы войны. В ряде случаев такие международные форумы начали переходить с позиций отвлеченного пацифизма к более активной борьбе с конкретными виновниками и зачинщиками новых войн и вооруженных конфликтов. Ширилось антивоенное движение в отдельных колониях и зависимых странах.

Хотя коммунистические партии капиталистических стран еще не смогли завоевать на свою сторону большинство рабочего класса и во многих странах оставались малочисленными, они тем не менее имели устойчивые связи с трудящимися массами, активно участвовали в их борьбе за сохранение мира. Но более широким, чем организационное воздействие, было политическое влияние коммунистического движения. Его сила заключалась в том, что оно выступало с программой, отвечавшей коренным интересам широких слоев народа, и намечало путь борьбы против зарождавшейся войны.

В борьбе за объединение трудящихся против наступления буржуазии и ее военных авантур большую роль играла выработанная в 1921 г. тактика единого рабочего фронта. Антивоенные задачи приобрели особенно важное значение во второй половине 20-х годов, когда ясно проявилась опасность подготовки империализмом новой мировой войны. На VIII пленуме Исполкома Коминтерна в мае 1927 г. были приняты тезисы «Задачи Коммунистического Интернационала в борьбе против войны и военной опасности».

В тезисах говорилось о росте милитаризма и фашистских тенденций в капиталистических странах, стремлении укрепить тыл для войны, об идеологической подготовке буржуазии к войне, намечалась тактическая линия коммунистических партий в борьбе против империалистической войны.

В 1928 г. на VI конгрессе Коммунистического Интернационала была выработана четкая и детальная программа борьбы против империалисти-

¹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 287, 391.

² Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens. Bd. I. Berlin, 1931, S. 834

³ Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. XIV. New York, 1934, p. 499.

ческой войны. В решениях конгресса было записано: «Капитализм — вот причина войн повеишей истории»¹, а также сказано, что при вооруженных столкновениях империалистических государств между собой пролетариат борется за поражение собственных правительств, добиваясь превращения империалистической войны в гражданскую. Такую же принципиальную позицию должен занять рабочий класс капиталистических стран в случае войны буржуазии против национально-революционного движения колониальных народов и в случае контрреволюционной войны империализма против пролетарской диктатуры. В то же время пролетариат поддерживает и ведет национально-революционные войны и войны социализма против империалистической агрессии, организуя оборону национальных революций и государств пролетарской диктатуры.

Конгресс отмечал, что в основе роста опасности новой империалистической войны лежит стремление капиталистических держав к уничтожению Советской власти в СССР и удушению китайской революции. «Но при обострении противоречий между самими империалистическими державами возможно также, прежде чем эта война возникнет, столкновение между двумя империалистическими группами государств в борьбе за мировую гегемонию»².

Таким образом, марксистско-ленинский анализ международного положения позволил VI конгрессу Коминтерна еще за 11 лет до второй мировой войны предсказать возможный вариант ее возникновения, наметить программу антивоенного движения, выработать целый комплекс мер, которые коммунистическим партиям следовало осуществлять в борьбе против агрессии империалистических держав.

Коминтерн справедливо подчеркивал необходимость связывать антивоенное движение с классовой борьбой против капитала, но в то время он считал, что только свержением буржуазии в важнейших империалистических странах можно помешать развязыванию мировой войны³. Вследствие этого в антивоенной платформе VI конгресса Коминтерна излишне заострялся удар против социал-демократии и пацифистских движений. Тем не менее выработанная программа действий против империалистической войны явилась важнейшим политическим документом, оказавшим огромное воздействие на последующий ход антивоенной борьбы.

Развитие событий в 20-е годы показывало, что социал-демократия как главная опора буржуазии в рабочем классе всеми силами стремилась сохранить капитализм, распространяла иллюзии о его «миролюбии» и тем самым прикрывала его агрессивность. Она ориентировалась на то, что международно персплетенный капитал якобы создает общность социальных интересов, возможность вечного мира между различными странами. Отрицая виновность империализма, К. Каутский считал, что в Европе его «стремление к расширению» исчезло; если говорить о военном насилии, то в нем «индустриальный капитализм не нуждается»⁴.

В решении Марсельского конгресса Социалистического рабочего интернационала (август 1925 г.) социал-демократические теоретики предприняли попытку оправдать империалистическую агрессию. Ее корни они искали не в природе империализма, а в развитии национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, а также в том, будто «Коммунистический Интернационал питает иллюзии, что освобождение рабочих может быть принесено на штыках победоносной Красной

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6. М. — Л., 1929, стр. 85

² Там же, стр. 84

³ Там же, стр. 84, 87.

⁴ К. Каутский. Материалистическое понимание истории. Перевод с немецкого. Т. II. М. — Л., 1931, стр. 430.

Армии и что нужна новая мировая война, чтобы победила мировая революция»¹. Так правые лидеры социал-демократии изменяли рабочему делу, переходя в вопросах войны и мира на идеологические позиции империалистической буржуазии.

На Брюссельском конгрессе Социалистического рабочего интернационала (август 1928 г.) вожди социал-демократии под давлением обстоятельств вынуждены были сказать о пороках капитализма, о присущих ему тенденциях, толкающих к войне, выступить с пацифистской программой разоружения. Но они продолжали удерживать рабочих, которые шли за ними, от решительной борьбы и по-прежнему клеветали на Советский Союз и Коминтерн. О. Бауэр, например, в своей речи заявил, что «большевики ориентируются сейчас на новые войны как источник новой революционной волны»². Меншевик Ф. Дан, называя советский строй «социализмом войны», ратовал за замену в СССР «режима диктатуры режимом республиканской демократии и политической свободы»³.

Курс социал-демократов на классовое сотрудничество с буржуазией в области внешней политики раскалывал международное рабочее движение, значительно ослаблял антивоенную борьбу трудящихся.

Как и ранее, в годы частичной стабилизации капитализма рабочий класс и его компартии являлись организаторами массовых выступлений трудящихся против военных акций капиталистических держав, использовали международные прогрессивные организации. Крупнейшим антивоенным выступлением явилась 900-тысячная политическая забастовка французских рабочих в октябре 1925 г. против колониальной войны империалистов в Марокко и Сирии. В ходе ее рабочее движение впервые в истории Франции проявило полную и безоговорочную солидарность с народами колоний, потребовав для них права на самоопределение.

Весной 1927 г. в ответ на провокации против Страны Советов и военное вмешательство англо-американских империалистов в Китае широко развернулась кампания под лозунгами «Руки прочь от Советской России!», «Руки прочь от китайской революции!». Как только стало известно о событиях в Китае, Политсекретариат ИККИ направил руководству компартий телеграмму, где говорилось: «Нет никаких сомнений, что заговор организован Англией, провоцирующей войну с СССР. Китайские порты занимают империалистами. Положение крайне напряженное. Война против китайской революции налицо, грозит война против СССР. Все компартии обязаны поднять на ноги самые широкие массы, использовать все вспомогательные организации и молодежь. Категорически необходимо в кратчайший срок организовать массовые антианглийские демонстрации, по возможности перед английскими посольствами и консульствами. Где возможно, необходимы запросы в парламент, требования ясности в позиции правительства»⁴. В знак солидарности с советским народом в Лондоне прошла многотысячная демонстрация английских трудящихся, осудившая провокаторов и поджигателей войны.

В июне 1927 г. ЦК ВКП(б), учитывая обострение международной обстановки, вызванное разрывом Великобританией дипломатических отношений с СССР, обратился ко всем партийным организациям, ко всем рабочим и крестьянам с письмом, в котором призывал к бдительности.

На состоявшемся в Москве в ноябре 1927 г. Всемирном конгрессе друзей СССР было принято «Воззвание конгресса друзей СССР». В нем по-

¹ Zweiter Kongreß der Sozialistischen Arbeiterinternationale in Marseille. 22 bis 27. August 1925. Berlin, S. a., S. 362—363.

² Брюссельский конгресс Рабочего социалистического интернационала (Резолюции, тезисы, речи). М., 1928, стр. 60.

³ Там же, стр. 84.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 18, л. 2.

сланцы 43 стран твердо заявили, что война против СССР будет рассматриваться как величайшее преступление против человечества.

Определенную роль в антивоенной кампании 1927 г. сыграли Межрабпом, а также Лига борьбы против колониального угнетения (Антиимпериалистическая лига). С их помощью в борьбу против империалистической войны вовлекались лучшие представители интеллигенции, многие деятели национально-освободительного движения.

Активно боролась против милитаризации страны компартия Германии. Когда правительство начало осуществлять программу расширения военно-морского флота, в стране по ее призыву развернулась кампания под лозунгом «Ни одного пфеннига для строительства броненосцев!». КПП выступила в 1928 г. за проведение народного опроса против строительства броненосцев. К октябрю 1928 г. было собрано 1,2 млн. подписей¹.

Коммунисты всех стран стремились поднять на антивоенные выступления широкие рабочие и крестьянские массы. Они выступали с призывами, листовками, брошюрами, разоблачавшими империалистическую политику подготовки войны, объясняли трудящимся связь между их непосредственными требованиями и антивоенными лозунгами. В соответствии с решениями VI конгресса Коминтерна конференция 13 компартий, состоявшаяся 16 мая 1929 г. в Брюсселе под руководством западноевропейского бюро ИККИ, предложила ежегодно 1 августа проводить Международный день борьбы против империалистической войны и выработала формы антивоенной кампании². X пленум Исполкома Коминтерна (июль 1929 г.) утвердил это решение и рекомендовал компартиям «принять все необходимые подготовительные меры для того, чтобы придать выступлению международного пролетариата 1 августа против империалистической войны и в защиту СССР характер боевого смотра революционных пролетарских сил»³.

В качестве одного из главных лозунгов компартии выдвигали защиту Советского Союза от империалистического нападения. 1 августа 1929 г. во многих капиталистических странах, несмотря на полицейский террор, были организованы антивоенные демонстрации, забастовки, состоялись многочисленные митинги и собрания. Во Франции, например, в предместьях Парижа бастовало 8 тыс. рабочих автомобильного завода «Ситроен», 65 процентов рабочих района Сен-Дени, покинули шахты 70 процентов горняков Сент-Этьенна, бастовало около 90 процентов докеров в Бордо и Марселе. Забастовки проходили также в Лилле, Рубе, Руане, Нанси, Лонгви, Тулузе и других городах. В Труа со стачечниками текстильных фабрик братались солдаты кавалерийского дивизиона⁴. Подводя итоги этим событиям, французская компартия в своем решении отмечала, что в важнейших районах страны рабочие поддерживали ее призыв и что частично выступления охватили и провинцию⁵.

Антивоенные демонстрации состоялись также в США, Англии, Германии, Польше, Румынии, Югославии, Греции, Аргентине и других странах. Однако Коминтерн и компартии оценили выступления 1 августа 1929 г. как частичный успех, поскольку движение не приняло должного размаха, не охватило всего пролетариата, связь с борьбой за единый фронт рабочих была еще слаба, а сеть антивоенных комитетов недостаточно широка.

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. IV, S. 181.

² «Internationale Presse-Korrespondenz» (далее — «Inprekorr»), 1929, № 44, S. 1061.

³ X пленум Исполкома Коминтерна. О международном красном дне. Вып. 2. М., 1929, стр. 78—79.

⁴ «Inprekorr», 1929, № 81, S. 1919—1920.

⁵ «Inprekorr», 1929, № 80, S. 1899—1900.

Компартии обращались с призывом к рабочим — членам социал-демократических партий и реформистских профсоюзов — создать единый фронт для борьбы за повседневные нужды трудящихся и против войны. Пролетарская печать уделяла большое внимание разоблачению империалистических планов правящих кругов Франции, Англии, Японии, вскрывала антисоветскую направленность проектов создания «пан-Европы», «Балканской федераций» и им подобных. Журнал «Коммунистический Интернационал» подчеркивал, что в сложных условиях роста капиталистических противоречий и обострения борьбы на мировой арене кампания по проведению международного антивоенного дня в 1930 г. должна **«стать важнейшим задерживающим войну фактором, усилить и расширить сопротивление рабочего класса против всякой попытки империалистической войны и укрепить его волю к защите СССР»**¹.

1 августа 1930 г. состоялись демонстрации и забастовки, которые оказались более массовыми по сравнению с антивоенным днем предыдущего года. Но в результате репрессий буржуазных правительств, упорного противодействия социал-демократических лидеров, а также недостатков в организаторской работе коммунистических партий и отдельных проявлений сектантства в их рядах большинство рабочего класса все еще оставалось в стороне от активного участия в движении. «Узким местом боевого дня в 1929/30 г. было то, — писал «Коммунистический Интернационал», — что эти кампании часто имели характер узкопартийный, недостаточно мобилизовывали широкие рабоче-крестьянские массы»². Коммунисты недооценивали силу связей социал-демократических рабочих с их лидерами. И когда коммунисты нацеливали удар в антивоенной кампании и против социал-демократии, не разделяя в нужной мере ее реакционных вождей и рядовых социал-демократических рабочих, то это, естественно, мешало созданию единого антивоенного фронта рабочих.

Конец стабилизации капитализма, развертывание жесточайшего кризиса 1929—1933 гг., усиление агрессивности империализма внесли новые моменты в антивоенную борьбу международного рабочего класса. Несомненной заслугой компартий было то, что они, учитывая новую обстановку, первыми во весь рост и во всем значении поставили вопрос о необходимости массовой мобилизации трудящихся за мир, против империалистической войны и начали упорную борьбу за создание широкого антивоенного фронта. Выдающуюся роль в этом сыграла ВКП(б). По ее инициативе, поддержанной другими компартиями, вопросы войны и мира обсуждались в марте—апреле 1931 г. на XI пленуме Исполкома Коминтерна в Москве.

С докладом «Об усилении военной опасности и задачах коммунистов» выступил М. Кашен. Он, как и участвовавшие в прениях Г. Димитров, Э. Тельман и другие, показал, что международная обстановка обострилась, что в империалистических странах Европы вынашиваются планы интервенции против СССР, при этом во главе различного рода антисоветских выступлений стоят правящие круги Франции. Остатки белогвардейского офицерства, укрывшегося за границей, указывалось на пленуме, постоянно финансируются империалистическими державами, готовятся для борьбы против Страны Советов. Приводились материалы об активной поддержке планов интервенции правящими кругами США.

Усиление милитаризма, а также рост вооружений в мире капитала определили антивоенный характер документов, принятых XI пленумом ИККИ. В частности, в его резолюции было записано: «Развертывающийся мировой экономический кризис вследствие борьбы империалистических

¹ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 19—20, стр. 14.

² Там же, стр. 9.

держав за рынки сбыта усугубляет все империалистические противоречия, придавая им особую остроту. Увеличивается опасность военных конфликтов между империалистическими державами. Но рост противоречий интересов империалистов не ослабляет, а, наоборот, обостряет опасность интервенционной войны против СССР»¹.

Выступления всех участников пленума пронизывала мысль о необходимости усиления антимилитаристской работы. «Наш долг,— говорил М. Кашен,— развернуть мощное широчайшее движение против империализма, его убийств и разрухи, против неслыханной жестокости авиационной, химической и бактериологической войны, против массовой бойни, которая сейчас готовится и которая снова затопит человечество в океане крови»². Г. Димитров указывал, что одних симпатий к Советскому Союзу еще недостаточно для предотвращения интервенции. Военная машина массового принуждения, подчеркивал он, «не останавливается перед пассивным нежеланием масс воевать, и... только активная революционная борьба масс под руководством компартии может задержать пуск ее в ход или, когда она в ходу, ее дезорганизовать»³. Выступавшие призывали популяризировать среди трудящихся капиталистических стран славные традиции антивоенной борьбы под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», восстание французских моряков на Черном море в 1919 г. и другие исторические примеры пролетарской солидарности.

В решениях XI пленума подчеркивалось, что настала «необходимость усиления антимилитаристской работы коммунистических партий, и в особенности коммунистических союзов молодежи...»⁴. В его резолюции говорилось, что от активности компартий и каждого коммуниста зависит, «превратится ли сочувствие к рабочему классу СССР со стороны широчайших масс рабочих, трудящихся крестьян, угнетенных наций капиталистических стран в активную революционную борьбу против опасности войны и военной интервенции против СССР, или капиталистам удастся вновь повести трудящихся на братоубийственную войну»⁵.

Борьба рабочего класса и компартий за расширение фронта противников империалистической войны наталкивалась, как и прежде, на противодействие лидеров правых социал-демократов. Так, на IV конгрессе Социалистического рабочего интернационала в Вене, будучи не в состоянии отрицать возросшую опасность войны, они пропагандировали свой старый тезис о том, что ее угроза исходит от диктаторских режимов «красных или белых», то есть и от СССР. Председатель Исполкома этого интернационала Э. Вандервельде в своей речи пытался доказать, будто советский режим не может существовать без сильного милитаристского аппарата⁶.

В то же время на Венском конгрессе были выступления, отражавшие взгляды и настроения передовой части социал-демократов, стремившихся к активной антивоенной борьбе. Представитель Независимой рабочей партии Великобритании Ф. Броквей предлагал движение против войны связать с борьбой против империализма и капитализма, а в случае ее развязывания выступить за свержение капитализма⁷. Но эти предложения были отвергнуты конгрессом.

¹ XI пленум ИККИ. Военная опасность и задачи Коминтерна. Вып. 2. М.— Л., 1931, стр. 239—240.

² Там же, стр. 37—38.

³ Там же, стр. 151.

⁴ Там же, стр. 245.

⁵ Там же.

⁶ Vierter Kongreß der Sozialistischen Arbeiterinternationale. Wien, 25. Juli bis 1. August 1931. Berichte und Verhandlungen. Zürich, 1932, S. 632—637.

⁷ Ibid., S. 671—672.

Таким образом, в ответ на рост опасности войны активизировалось антивоенное движение широких слоев населения, во главе которого шел международный рабочий класс и его боевой авангард — Коминтерн. Возникновение очагов новой империалистической войны за передел мира выдвинуло перед революционным пролетариатом задачу создания широкого антивоенного фронта.

2. Борьба за создание антивоенного фронта в период возникновения очагов войны

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. положил конец временной стабилизации капитализма. Международная обстановка еще более обострилась. Вторжение в 1931 г. Японии в Маньчжурию и приход в 1933 г. к власти фашизма в Германии не оставляли сомнения в том, что капиталистический мир стремительно движется к новой большой войне.

В этот период усилилась революционная борьба пролетариата, трудящихся масс. Во многих странах возрастало влияние коммунистических партий.

Рабочий класс и его компартии выступали инициаторами образования антивоенных комитетов, стремились активизировать деятельность профсоюзов, союзов молодежи, Межрабпома, МОПРа, обществ друзей Советского Союза, прогрессивных обществ интеллигенции и т. д., организовывали революционные кружки допризывников, развертывали большую агитационно-пропагандистскую антивоенную работу. Во многих странах прошли многочисленные митинги под лозунгами: «Против угрозы войны!», «Война империалистической войне!», «На защиту Советского Союза!», «Долой японский империализм!» и т. д. Был создан международный комитет помощи Китаю во главе с Р. Ролланом и А. Барбюсом¹.

После нападения Японии на Китай состоялись массовые антивоенные демонстрации в Токио, Осаке, Иокогаме и некоторых других городах. В воззвании, с которым в сентябре 1931 г. КПЯ обратилась к трудящимся, провозглашались лозунги: «Прекратите производство оружия! Рабочие, крестьяне, безработные, организуйте стачки и демонстрации протеста против войны!», «Японские солдаты на фронте, братайтесь с китайскими солдатами!», «Защищайте революционный Китай и Красную армию! (Китай. — *Ред.*)», «Защищайте Советский Союз!», «Долой японский империализм!»².

В связи с событиями на Дальнем Востоке особую опасность представлял курс японского милитаризма на паназиатизм, его пропаганда борьбы против «белого империализма», за создание «восточноазиатской сферы взаимного процветания». Такой курс определял политику Японии в отношении Маньчжурии, создания паназиатских экономических и политических блоков, политику, направленную в конечном счете против Китая и СССР.

Захват Маньчжурии, кровавые события в Шанхае, как и все злодеяния японских хищников, вызвали гнев и возмущение народов Азии, всего мира, подняли тысячи патриотов на борьбу с агрессией. Задачи КПЯ в этот период были сформулированы в одном из документов, разработанных совместно с Коминтерном. В нем говорилось: «Война неизбежно до крайности обострит классовые противоречия внутри страны. Она поставит перед японским пролетариатом и его компартией задачу соеди-

¹ Д. М и ч е в. Межрабпом — организация пролетарской солидарности. 1921—1935. М., 1971, стр. 234.

² XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. Т. III. М., 1933, стр. 7.

нить борьбу против войны с борьбой за насущные интересы рабочих, крестьян и всех трудящихся, против экономического и политического их рабства с целью превращения империалистической войны в гражданскую, с целью революционного свержения буржуазно-помещичьей монархии»¹.

Состоявшийся в августе — сентябре 1932 г. XII пленум ИККИ указал, что КПЯ обязана усилить свою работу в армии и на флоте, в особенности в Маньчжурии, вскрывать неразрывную связь между империалистической войной и непосредственной подготовкой военной интервенции против СССР, с одной стороны, и усилением военно-полицейской реакции и грабежа трудящихся масс в самой Японии — с другой².

С началом японской агрессии на Дальнем Востоке особенно сложные задачи встали перед Коммунистической партией Китая. Определяя их, Коминтерн нацеливал коммунистов на организацию массового антияпонского движения в Китае, на повсеместное вооруженное сопротивление захватчикам. Пленум отметил, что КПК и впредь должна «прилагать все усилия, чтобы обеспечить гегемонию пролетариата в массовом антиимпериалистическом движении в гоминьдановском Китае, применять широко и последовательно тактику единого фронта снизу в антиимпериалистической борьбе масс...»³.

С первых дней военных действий компартия Японии приступила к организации массовых демонстраций и собраний, к антивоенной кампании на предприятиях. Под ее руководством произошло несколько крупных стачек, которые приобрели политический, антивоенный характер. Усилиями коммунистов были созданы нелегальные кружки в университетах, колледжах. В мае и августе 1932 г. состоялись антивоенные демонстрации во многих деревнях. Большую работу вела партия среди солдат, вовлекая их в революционное движение.

В движение против войны включились и другие компартии Азиатского континента. В Индии компартия с 1925 по 1933 г. была фактически лишена единого руководства: все члены ЦК находились в тюрьмах. В 1933 г. был избран новый ЦК, который возглавил руководство партией в масштабе всей страны. В тесном содружестве с компартиями Японии и Китая, непрерывно увеличивая свои ряды, выступали против войны коммунисты Кореи, Тайваня.

Создание и укрепление партий нового типа — коммунистических партий — во многих странах Азиатского континента явилось шагом по пути консолидации сил народов Азии против японской агрессии, за предотвращение новой мировой войны, по пути развертывания национально-освободительного движения. Коммунисты стран Азии выступали против империализма как самоотверженные бойцы, не страшась репрессий и преследований. Там, где народ брался за оружие, они были в его первых боевых шеренгах. Под руководством компартий во многих странах Азии успешно проводились стачки, демонстрации, кампании против перевозок военных материалов для Японии.

Народы планеты, прекрасно понимая, что пограничная черта между миром и войной все более стирается, усилили движение против развязывания новой империалистической войны, против агрессивного курса японской военщины, против подготовки нападения на Советский Союз. 6 февраля 1932 г. было опубликовано совместное воззвание коммунистических партий Германии, Франции, Англии, Чехословакии и Польши, в котором подчеркивалась необходимость защиты Китая от угрозы раздела его империалистическими державами, усиления международной проле-

¹ «Inprekorr», 1932, № 42, S. 1304.

² XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. III, стр. 175.

³ Т а м ж е.

тарской помощи антиимпериалистическому движению китайского народа. Воззвание призывало рабочий класс буржуазного Запада к борьбе против попыток империалистов организовать антисоветский военный поход¹.

По призыву коммунистических партий Европы, Америки во многих городах проходили антивоенные демонстрации, забастовки докеров, рабочих военных заводов, протестовавших против отправки оружия в Японию. Огромную помощь китайскому народу в его справедливой борьбе с японскими захватчиками оказал Комитет друзей Китая, созданный по инициативе компартий США, Англии, Голландии и других стран. Помимо сбора средств в помощь китайскому народу комитет руководил организацией бойкота японских товаров.

Таким образом, японское вторжение в Китай повсеместно вызвало активизацию революционных прогрессивных сил против подготовки империалистами новой войны, образования ее очага на Дальнем Востоке, попыток превратить Маньчжурию в плацдарм для нападения на первое в мире социалистическое государство.

В связи с быстрым ростом фашизма в Европе возрастала опасность войны. Самим ходом событий германский рабочий класс и его компартия выдвигались на передний край антивоенной и антифашистской борьбы.

Важное значение в это время имела идея созыва международного антивоенного конгресса, поддержанная Коминтерном. 27 апреля 1932 г. Политическая комиссия ИККИ создала подготовительную комиссию и направила компартиям соответствующее письмо². В международный инициативный комитет по подготовке конгресса вошли виднейшие прогрессивные деятели: А. Барбюс, М. Горький, Т. Драйзер, П. Ланжевэн, Г. Манн, М. Андерсен-Нексе, Б. Рассел, Р. Роллан, генерал А. Сандино, Сен Катаяма, Э. Синклер, А. Эйнштейн и другие. В своем воззвании комитет призывал «всех женщин и мужчин, независимо от их партийной или профсоюзной принадлежности, все пролетарские, культурно-просветительные и социально-политические организации объединиться для проведения большого международного конгресса борьбы против войны»³.

Это было стремление сплотить против войны не только сторонников коммунистических партий, но и все партии и организации, заинтересованные в сохранении мира.

Однако секретарь Исполкома Социалистического рабочего интернационала Ф. Адлер (6 июля 1932 г.), а затем и бюро Исполкома интернационала (23 июля 1932 г.) выступили против созыва конгресса, квалифицировав его как «коммунистический маневр», задуманный якобы «прежде всего для борьбы с социалистическими партиями»⁴. Они одобрили решение тех партий, которые саботировали антивоенный конгресс и заявили, что «признают эту позицию правильной»⁵. Однако вожди социал-демократии вынуждены были учитывать рост в массах антивоенных настроений и симпатий к СССР. На заседании Исполкома Социалистического рабочего интернационала в Цюрихе 19—20 мая 1932 г. они впервые отметили угрозу антисоветской войны и заявили о солидарности рабочих с Советским Союзом, если на него будет совершено нападение⁶. Социал-демократические партии обращались к собственным правительствам

¹ «The Daily Worker», February 6, 1932

² ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 4, ед. хр. 186, лл. 5, 8—12.

³ «Inprekorr», 1932, № 55, S. 1749

⁴ «Internationale Information». Periodische Publikation, herausgegeben vom Sekretariat der Sozialistischen Arbeiterinternationale, 1932, № 26, 11 Juli, 1932, N° 27, 23 Juli.

⁵ «Internationale Information», 1932, № 27, 23 Juli

⁶ «Internationale Information», 1932, № 13, 28 Mai.

с благими призывами проводить политику мира и разоружения. Они вели кампанию по сбору подписей под петицией о разоружении, чтобы представить эти подписи Лиге наций. Хотя эта кампания имела некоторое значение для создания антивоенного общественного мнения, в целом политика социал-демократии продолжала разворачиваться в русле буржуазного пацифизма, а правые лидеры социал-демократии, как и прежде, участвовали в антисоветских кампаниях и обвиняли СССР в агрессивных намерениях, помогая тем самым буржуазии и отвлекая внимание масс от действительных источников опасности войны.

Благодаря активной работе компартий, примыкавших к ним организаций и других прогрессивных объединений кампания за созыв всемирного антивоенного конгресса охватила более широкие массы, чем предшествовавшие кампании. Летом 1932 г. на антивоенных митингах и собраниях трудящиеся принимали резолюции против империалистической войны, избирали делегатов на конгресс, учреждали антивоенные комитеты, на базе которых образовывались районные, окружные и общенациональные комитеты. Их удалось создать даже во многих странах, где компартии находились на нелегальном положении. К началу конгресса действовало 35 национальных и более 1000 местных антивоенных комитетов ¹.

Буржуазия изощрялась в клевете и нападках на участников движения. В ряде стран были запрещены антивоенные собрания и конференции. Швейцарские и английские власти не разрешили проведение конгресса в их странах.

Всемирный антивоенный конгресс состоялся 27—29 августа 1932 г. в Амстердаме. В его работе участвовали 2200 делегатов из 29 стран и сотни гостей. Наиболее многочисленными были делегации Германии — 759 человек, Франции — 585 человек и Голландии — 458 человек ². Советской делегации было отказано в визах на въезд в Голландию, и ее членам пришлось обращаться к конгрессу по радио. Большинство делегатов конгресса — 1865 человек — рабочие, 249 — представители интеллигенции, 72 — крестьяне. По партийной принадлежности делегаты делились следующим образом: коммунисты — 830 человек, социал-демократы — 291, независимые социалисты — 24, представители других партий — 10 человек и свыше 1000 — беспартийные ³. Конгресс представлял более 30 млн. людей разного социального положения, разных политических взглядов, но стремившихся к миру и обузданию фашизма.

В своем докладе А. Барбюс подчеркнул, что главной целью конгресса, который открыт для всех партий, является объединение широких масс против империалистической войны, не только коммунистов, но и социал-демократов, членов профсоюзов, пацифистов — всех, кто выступает за мир.

Призывая крепить антивоенное движение, делегаты разоблачали подготовку империалистов к мировой войне и нападению на СССР, отвергали злостные выдумки о «красном империализме», высоко оценивали последовательную миролюбивую политику Советского Союза.

Манифест Амстердамского антивоенного конгресса призывал создать «коллективную массовую преграду против войны». В нем говорилось: «Конгресс видит спасение только в единстве действий рабочих, крестьян и всех эксплуатируемых и угнетенных на земном шаре». Он подчеркивал жизненную необходимость «создать единый фронт всех угнетенных во всем мире» и призывал массы как «единственно непреодолимую силу в ужасающем хаосе современности подняться сомкнутыми дисциплини-

¹ «Inprekorr», 1932, № 72, S. 2310.

² «Inprekorr», 1932, № 76, S. 2443.

³ I b i d e m.

рованными рядами против этого хаоса и возвысить против него свой мощный голос»¹.

Закрывая конгресс, А. Барбюс подвел его важнейшие итоги: «Его сила и достоинство в том, что он, избежав ужасной западни официального пацифизма, сеющего иллюзии и обращающего здоровые силы к бесплодному теоретизированию, оторванному от действительности... свел вопрос о войне на землю, рассматривая его как вопрос о людях, истекающих кровью»².

Для руководства борьбой за мир Амстердамский конгресс создал постоянный Всемирный комитет борьбы против войны из 115 человек, в который вошли А. Барбюс, Д. Бернал, П. Вайян-Кутюрье, М. Горький, Г. Мильолл, Р. Роллан, Сен Каяяма, Е. Стасова, К. Цеткин, Н. Шверник, А. Эйнштейн и другие.

Несмотря на то что на работе и в решениях конгресса еще сказывалось чрезмерное заострение удара против официальной линии социал-демократии и чувствовалось влияние некоторых сектантских установок, основные положения, провозглашенные в Амстердаме, отвечали интересам мобилизации всех антивоенных сил.

Состоявшиеся во время конгресса профсоюзная и женская конференции, совещания крестьянских делегатов, пацифистов, молодежи, писателей, врачей прошли под его влиянием. Они также сказали свое решительное «нет» империалистической войне.

Большое внимание задачам антивоенной борьбы уделил XII пленум Исполкома Коминтерна. В основном докладе, с которым выступил О. Куусинен, отмечалось дальнейшее усиление военных приготовлений капиталистических держав; попытки германских монополистов войти в число империалистических хищников, грабящих мир; направленность агрессивных планов прежде всего против СССР и Китая; наметившееся стремление империалистов взять Страну Советов в клещи с востока и запада³.

XII пленум ИККИ с особой силой подчеркнул задачу защиты СССР и китайской революции, призвал компартии активизировать борьбу против угрозы империалистической войны, активно реагировать на все антисоветские кампании, популяризировать мирную политику СССР, систематически вести идеологическую борьбу против шовинизма и национализма и его крайней формы — фашизма, пропагандировать пролетарский интернационализм, разоблачать каждое мероприятие по подготовке войны. Конкретно указывалось на значение тактики единого фронта, с помощью которой компартии могли вовлечь в антивоенное движение безработных, молодежь, женщин, крестьян и всех, кто хотя и не разделял взглядов коммунистов, но был готов противостоять империалистической войне⁴.

Коминтерн и компартии стремились развивать антивоенное движение на широкой социальной основе. Подводя итоги Амстердамского конгресса, журнал «Rundschau» (орган ИККИ) в передовой статье писал: «Речь идет не о деле одной партии, а о действительно массовом движении, охватывающем все силы, желающие вести борьбу против империалистической войны»⁵.

Политсекретариат ИККИ рекомендовал придать органам, созданным Амстердамским конгрессом, широкий непартийный характер и «руково-

¹ «Inprekorr», 1932, № 75, S. 2411—2412.

² Цит. по: А. В и д а л ь. Анри Барбюс — солдат мира. Перевод с французского. М., 1962, стр. 254.

³ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. I, стр. 19—25; т. III, стр. 2—7.

⁴ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. III, стр. 34—35, 176.

⁵ «Rundschau», 1932, № 3, S. 41.

дить и влиять на них методом убеждения»¹. Это указание стало проводиться в жизнь. Только в последние месяцы 1932 г. прошли Международная конференция за мир делегатов от предприятий и профсоюзов в Амстердаме, конгресс Международной лиги женщин за мир и свободу в Гренобле. Усилилось движение по созданию антивоенных комитетов и проведению национальных конгрессов в защиту мира, за сплочение антифашистов.

Характерным примером интернациональной солидарности были действия компартий Франции и Германии. В мае 1932 г. ЦК КПГ призвал к развертыванию кампании «Антифашистского действия», а в июле в Берлине состоялся антифашистский конгресс единого фронта. В октябре компартии Германии и Франции опубликовали совместную декларацию, которая призывала трудящихся этих стран объединить усилия против шовинизма и националистической пропаганды, против фашизма². 31 октября 1932 г. в Париже в зале Булье состоялся грандиозный интернациональный митинг, на котором выступили М. Торез и Э. Тельман, нелегально прибывший во Францию.

ФКП, КПГ и другие европейские коммунистические партии разоблачили сговор западных держав в Женеве в конце 1932 г., когда под видом попытки восстановить Германию в равных правах эти державы позаботились прежде всего о ее равных правах на вооружение и помогли тем самым развязать руки германскому милитаризму. Тогда, 30 декабря 1932 г., близ Эссена (Германия) представители коммунистических партий Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Люксембурга, Польши, Франции и Чехословакии собрались на конференцию. Она приняла решение усилить работу по интернациональному сплочению трудящихся, развернуть мобилизацию масс против производства и перевозки военных материалов в связи с возросшей опасностью военной интервенции против СССР и нападением Японии на Китай, укрепить и расширить связи между компартиями, организовать международные митинги и пограничные встречи трудящихся против войны³.

Особенно ягучей стала проблема создания широкого фронта антивоенных сил с приходом к власти в Германии фашистов и возникновением очага войны в Европе. Коминтерн предупреждал, что правительство Гитлера является правительством беспощадной борьбы не только против германского пролетариата, но и против мирового социализма, это есть «правительство подготовки реваншистской войны германского империализма против Польши и Франции и провокаций против СССР...»⁴. Коммунисты разъясняли массам, что германский фашизм ставит своей целью войну и является «носителем империалистической войны»⁵. Они указывали, что с установлением фашистской диктатуры в Германии возникли новые трудности в борьбе за предотвращение империалистической войны, поэтому необходима еще более энергичная и настойчивая мобилизация сил трудящихся.

Одной из форм интернационального сплочения трудящихся стали антивоенные встречи, организуемые по инициативе компартий. Например, в сентябре 1933 г. состоялась встреча польских, чешских и немецких горняков и металлистов близ Моравска-Осгравы⁶. В октябре 1933 г. в Меце (Франция) делегаты железнодорожников Франции, Бельгии и Саара об-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, ед. хр. 339, л. 45.

² «L'Humanité», 26 octobre, 1932, «Die Rote Fahne», 26. October, 1932.

³ Die Antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik, Mai 1932 bis Januar 1933 Berlin, 1965, S. 328—331

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1933, № 4—5, стр. 4.

⁵ «Коммунистический Интернационал», 1933, № 15, стр. 4.

⁶ «Rundschau», 1933, № 37, S. 1457.

суждали меры борьбы против войны, в частности вопрос о бойкоте перевозок для Японии, Германии, Австрии, Польши¹.

Рабочие-коммунисты, члены массовых организаций, примыкавших к Коминтерну, вместе с другими сторонниками мира кропотливо и настойчиво вели работу по расширению сети антивоенных комитетов, участвовали в организации и проведении национальных антивоенных конгрессов. Во Франции, где антивоенное движение достигло наибольшего размаха, к весне 1933 г. существовало уже около 500 местных комитетов².

В начале марта 1933 г. в Лондоне проходил национальный антивоенный конгресс, в работе которого участвовало 1500 делегатов, представлявших 1,5 млн. рабочих. Он выразил волю передовых слоев английских трудящихся к борьбе против империалистической войны. Делегаты восторженно встретили телеграмму команды парохода «Стенливилль», которая отказалась везти военный груз в Японию³. В том же месяце провели конгресс в Монтевидео южноамериканские борцы против войны⁴.

В апреле 1933 г. в Копенгагене состоялась Скандинавская рабочая конференция, 400 делегатов которой представляли 35 профсоюзных организаций и другие рабочие союзы Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии⁵. В июне 1933 г. прошли антивоенные конференции в Голландии и Болгарии⁶.

Большую роль в развертывании движения против войны и фашизма сыграл Европейский антифашистский конгресс, состоявшийся 4—6 июня 1933 г. в Париже в зале Плейель. В его подготовке активно участвовали многие организации. 3500 делегатов конгресса от всех европейских стран представляли более 3 млн. трудящихся — коммунистов, часть социал-демократов, передовую интеллигенцию и широкие слои беспартийных⁷.

В основе решений конгресса лежала идея образования единого фронта на базе сплочения всех антифашистов и противников войны без различия партийной, профсоюзной и религиозной принадлежности. Конгресс сделал многое для разоблачения фашистского террора в Германии и агрессивных устремлений правительства Гитлера. В принятом им документе отмечалось, что наступление фашизма означает непосредственный переход к империалистической агрессии и борьба с ним тесно переплетается с борьбой против войны. Поручалось «в целях объединения всех сил против фашизма и войны установить тесные деловые отношения между антифашистскими комитетами и комитетами борьбы против войны»⁸.

Созданный конгрессом антифашистский Центральный комитет стал инициатором многих антифашистских и антивоенных кампаний: бойкота немецких судов в портах, демонстраций протеста перед германскими посольствами и консульствами, засылки марксистской литературы в Германию и т. д. Антифашистские комитеты и комитеты борьбы против войны все чаще действовали совместно. Позднее П. Тольятти писал, что «со времени конгресса в зале Плейель началось движение, которое, не будучи связано с какой-либо партией, создало по крайней мере в одной стране — во Франции почву, на которой рабочие и низовые функционеры социал-демократических партий и реформистских профсоюзов стали сближаться с коммунистическими рабочими и руководящими кадрами компартии»⁹.

¹ «Rundschau», 1933, № 39, S. 1528.

² «Rundschau», 1933, № 5, S. 124.

³ I b i d e m.

⁴ «Rundschau», 1934, № 35, S. 1357.

⁵ I b i d e m.

⁶ I b i d e m.

⁷ «Коммунистический Интернационал», 1933, № 19—20, стр. 92; «Kämpfer», 6 Juni, 1933.

⁸ «Коммунистический Интернационал», 1933, № 19—20, стр. 99.

⁹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 20—21, стр. 49.

В августе 1933 г. антифашистский ЦК и Всемирный комитет борьбы против войны объединились во Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма. Возглавляемое им движение, известное под названием амстердамско-плейельского, ставило своей задачей сплотить всех антифашистов и противников империалистической войны на базе единого фронта.

Замечным явлением в международной антивоенной борьбе стал Американский конгресс против фашизма и войны, состоявшийся в Нью-Йорке 29 сентября — 1 октября 1933 г. На нем присутствовало более 2600 делегатов из 35 штатов¹. Прибывший на конгресс А. Барбюс обратился со страстным призывом к американским трудящимся «присоединиться к движению против фашизма и империалистической войны»². Конгресс образовал Американскую лигу против войны и фашизма. Через год лига, несмотря на выход из нее некоторых организаций, сумела созвать второй конгресс, делегаты которого представляли 1 807 тыс. американцев³.

В сентябре—октябре 1933 г. состоялись Дальневосточный антивоенный конгресс в Шанхае, Австралийский антивоенный конгресс, в котором участвовали делегаты от 340 различных организаций, Всемирный конгресс молодежи против войны, собравший 1100 делегатов из 34 стран, Международная студенческая конференция против войны и фашизма и другие⁴.

В большинстве стран прокатилась мощная волна собраний, митингов и демонстраций протеста против гитлеровского террора. В декабре 1933 г., когда фашистский суд в Лейпциге готовил приговор над Г. Димитровым, в Париже бывали дни, в течение которых в рабочих районах происходило по 20 демонстраций. Движение вовлекло не только коммунистов, но и рабочих—социал-демократов, членов реформистских и христианских профсоюзов. Значительные силы интеллигенции стали активными участниками антифашистской и антивоенной борьбы.

В условиях наступления фашизма, с одной стороны, и роста антивоенного движения трудящихся — с другой, правосоциалистическим лидерам становилось все труднее игнорировать изменения в настроении и психологии масс. На парижской сессии Исполкома Социалистического рабочего интернационала в августе 1933 г. они были вынуждены признать поворот рядовых социал-демократов к борьбе против военной опасности, во много раз усиленной фашизмом. Левое течение, представленное на сессии группами левых социалистов Франции, Италии, Австрии, молодежных социалистических организаций Испании и Бельгии, потребовало соглашения с коммунистами для практических действий против фашизма и войны. Их выступления свидетельствовали о том, что в социал-демократических низах росло стремление к единству действий с коммунистами. Однако вожди Социнтерна категорически отвергли это. Ф. Адлер заявил: «Как мы это делали и до сих пор, мы будем изо всех сил сопротивляться любым маневрам единого фронта в любой форме, проводимым Москвой»⁵.

Коммунисты, сознавая свою роль и ответственность перед человечеством, настойчиво проводили антивоенную политику. На XIII пленуме Исполкома Коминтерна (1933 г.) были сделаны новые важные выводы, в частности сформулировано положение о том, что своей борьбой про-

¹ 7½ Million Speak for Peace. American League for Peace and Democracy. New York, 1939, p. 52.

² Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1935—1937), стр. 141.

³ Д. Н. А. Д. Ж. а. Ф. о. в. Народ США — против войны и фашизма (1933—1939). М., 1969, стр. 52.

⁴ «Rundschau», 1933, № 38, S. 1495, № 49, S. 1906, «Rundschau», 1934, № 17, S. 630.

⁵ «Le Populaire», 22 août, 1933.

летариат способен задержать войну. «...Мирная политика Советского Союза, — говорилось в докладе О. Куусинена, — может если не вообще предотвратить войну, то все же значительно затруднить военную политику империалистических врагов СССР и, возможно, даже несколько отсрочить начало этой войны, прежде всего при условии активной и действенной поддержки его мирной политики пролетариатом капиталистических стран»¹. Пленум выступил против фаталистического тезиса о невозможности помешать империалистической войне, выдвинул мысль о революционном влиянии борьбы за мир и содействии ее росту и укреплению сил социализма.

В соответствии с выводами ВКП(б) и других компартий пленум назвал главные очаги войны — Японию и Германию. В его документах отмечалось, что Лига наций, из состава которой вышли Япония и Германия и которую собиралась покинуть Италия, при определенных условиях может содействовать борьбе с поджигателями войны. Серьезно ставился вопрос о том, чтобы компартии научились до конца разоблачать буржуазную клевету на внешнюю политику СССР, раскрывать перед массами миролюбивый характер его мероприятий.

Наряду с этим Коминтерн еще не осуществил поворот к тому, чтобы на первый план выдвинуть борьбу с военной опасностью, продолжая ориентироваться на непосредственно социалистические революции. Признание необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата отличает каждого коммуниста и подлинного революционера от реформистов и соглашателей, но речь шла о другом. Жизнь выдвигала на первый план антифашистские, антивоенные, общедемократические задачи, через решение которых лежал путь к социалистическому этапу борьбы. В то же время большинство трудящихся, антифашистов в капиталистических странах еще не было готово бороться за свержение капитализма, но было кровно заинтересовано в борьбе против фашизма и войны.

XIII пленум ИККИ по-прежнему заострял удар против социал-демократии, что сужало возможности создания широкого антивоенного фронта. Тем не менее выводы XIII пленума по вопросам борьбы с войной, о классовой сущности фашизма содержали уже зерно новых важных решений, направленных на объединение сил, боровшихся против фашизма и войны.

В связи с быстрым ростом фашизма в Германии компартия призывала массы сплотиться, разъясняя им, что «Гитлер — это война», что его приход к власти означает для страны национальную катастрофу. Немецкий рабочий класс широко поддерживал КПГ, которая на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. получила около 6 млн. голосов. Однако в Германии — на одном из решающих участков фронта борьбы против фашизма и войны — прежде всего из-за социал-демократической политики раскола пролетарского движения, несмотря на героизм и самоотверженность коммунистов, не удавалось сплотить всех антифашистов, которые смогли бы противостоять силам мракобесия, реакции и милитаризма.

Таким образом, события в Германии вскрыли основные факторы, мешавшие антифашистскому и антивоенному сплочению масс. Фашистский террор привел к тому, что позиции КПГ были значительно ослаблены. Все попытки германских коммунистов добиться единства действий с другими партиями и организациями наталкивались на сопротивление правых социал-демократов, которые своими действиями способствовали сохранению раскола рабочего класса, а следовательно, и упрочению гитлеровской фашистской диктатуры.

¹ XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, стр. 15.

3. Поворот компартий к новым формам борьбы

К середине 30-х годов нараставшая опасность второй мировой войны потребовала от коммунистов новой стратегической ориентировки. Возникла объективная необходимость развертывания дальнейшей борьбы за единый антифашистский фронт для сохранения мира.

ЦК КПП с первых дней установления фашистской диктатуры дал правильную оценку ее классовому характеру, агрессивной сущности ее внешней и внутренней политики. В качестве ближайшей цели был выдвинут лозунг свержения фашистской диктатуры единым фронтом рабочего класса и его союзников.

В конце января и в феврале 1933 г. по всей Германии прошли рабочие демонстрации, в которых участвовали коммунисты, социал-демократы, члены профсоюзов, выступавшие против гитлеровского режима. Борьба за создание антифашистского фронта осложнялась тем, что после провокационного поджога рейхстага начались широкие репрессии против коммунистов и всех противников гитлеровского режима. Сохранение КПП в тех условиях являлось важнейшей предпосылкой развертывания движения прогрессивных сил германской нации против превращения фашистского государства в главный очаг второй мировой войны.

В обстановке глубокой нелегальности и постоянных ударов по кадрам партии, по ее руководящим и низовым организациям КПП развернула героическую борьбу за свое существование, приспособливала организационную структуру и формы руководства к изменившимся условиям.

В середине мая 1933 г. политбюро приняло решение организовать в Париже заграничное бюро в составе Ф. Далема, В. Флорина и В. Пика¹. В его задачи входило издание центрального органа партии газеты «Роте Фане», обеспечение переходов через границу и налаживание работы эмигрировавших немецких коммунистов, поддержание связи с ИККИ и содействие совместно с братскими партиями развертыванию движения солидарности с немецкими антифашистами.

В состав руководства, оставшегося внутри страны, вошли Д. Шер, Г. Шуберт, Ф. Шульце и В. Ульбрихт. Они направляли работу партийных организаций и антифашистское движение Сопротивления. Члены политбюро, находившиеся в Париже и Берлине, поддерживали с ними тесную связь. Партия сумела наладить контакт и с Тельманом, который, находясь в застенках тюрьмы Моабит в Берлине, оказывал посильную помощь советами и рекомендациями.

Осенью 1933 г. руководство КПП приняло решение в целях безопасности переправить в Париж часть членов партийного аппарата, оставшихся в стране. Из руководителей партии в Германии был только Д. Шер, в задачу которого входило сформировать подпольное руководство партии. Орган политбюро, находившийся в Париже, направлял работу партийных организаций в Германии с октября 1933 г. по март 1935 г.² Осенью 1933 г. в стране насчитывалось 48 местных партийных округов³.

Большую помощь КПП при ее переходе на нелегальное положение оказали ВКП(б) и другие братские партии. Они передали ей богатый опыт подпольной работы. Кадры КПП для работы внутри страны обучались в международной ленинской школе Коминтерна. Коммунистические партии Чехословакии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии и Дании оказывали помощь в создании опорных баз КПП на границах Германии и в организации переходов через границу.

¹ ZPA, 135/2/1780, Bl. 34.

² ZPA, NJ 10706.

³ ZPA, 135/7/1884, Bl. 13, 16.

После поджога рейхстага представители политбюро ЦК КПП вновь пытались установить связь с руководством СДПГ и Объединения профсоюзов. Попытки ни к чему не привели. В Центральном совете профсоюзов их вообще не приняли, а правление СДПГ заявило, что совместные действия с КПП нецелесообразны, поскольку они ставят под угрозу легальность партии¹. Такая линия правления в обстановке фашистского террора вела к тому, что многие низовые социал-демократические организации начали распадаться. Значительная часть членов СДПГ, разочаровавшись в своих руководителях, прекратила всякую политическую деятельность.

Борясь за реализацию стратегии и тактики, которая велась в масштабе международного коммунистического движения, ответственные работники Коминтерна всемерно поддерживали марксистско-ленинские силы в руководстве КПП. Так, ИККИ, его президиум, секретариат и политические комиссии много раз обсуждали вопросы антифашистской борьбы в Германии и давали ценные советы. В выступлениях Г. Димитрова с конца сентября по конец декабря 1933 г. в фашистском имперском суде, где ему было предъявлено ложное обвинение в поджоге рейхстага, анализировалась политическая обстановка в Германии, указывались причины установления фашистской диктатуры в стране, разоблачалась нацистская клевета на коммунистическое движение. «Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт и никакого авантюризма — вот в чем заключается альфа и омега тактики коммунистов»², — говорил он в одном из своих выступлений.

Осенью 1934 г. Г. Димитров рассказал о своем отношении к клеветническому обвинению коммунистов в поджоге рейхстага. «В ходе полицейского разбирательства, а также при судебном расследовании моя позиция была следующей: прежде всего я стремился политически опровергнуть обвинение в связи с поджогом рейхстага и разъяснить, что такой поступок не могут совершить коммунисты, что это может быть делом рук провокаторов или политических безумцев. Поджог рейхстага является покушением на немецкий рабочий класс и направлен против коммунистической партии. Отсюда следует и фактически и политически, что я лично, как коммунист, и особенно как руководящий болгарский коммунист, не мог иметь ничего общего с этим делом и фактически не имел ничего общего»³.

Кампания, связанная с лейпцигским процессом, защитой обвиняемых на нем коммунистов, явилась важным моментом борьбы КПП против фашизма.

Лейпцигский процесс стал судом над германским фашизмом. В этом была заслуга Г. Димитрова. Закованный в наручники, лишенный информации о событиях в мире, он сумел превратить скамью подсудимых в трибуну антифашистской борьбы, проявил себя как революционер безграничного мужества, блестящий полемист и оратор. В те дни имя Димитрова для миллионов людей стало символом стойкости и бесстрашия коммунистов, символом борьбы против фашизма.

Лейпцигский процесс получил широкий отклик во всем мире, способствовал активизации антифашистских сил в Германии и во многих других странах. Коммунисты, социал-демократы, члены профсоюзов, а также прогрессивные представители интеллигенции активно выступили в защиту Г. Димитрова и требовали его освобождения. Всемирный конгресс в защиту жертв фашизма издал в 1933 г. «Коричневую книгу о поджоге рейхстага

¹ Н. N i e m a n n. SPD und Hitlerfaschismus. Der Weg der deutschen Sozialdemokratie vom 30. Januar 1933 bis 21. April 1946, Phil. Diss. Berlin, 1965, S. 27.

² Цит. по: А. K u r e l l a. Dimitroff contra Göring. Nach Berichten Georgi Dimitroffs über den Reichstagsbrandprozeß 1933. Berlin, 1964, S. 318.

³ «Вопросы истории КПСС», 1972, № 6, стр. 57.

п о гитлеровском терроре», а в следующем — «Коричневую книгу — Димитров против Геринга. Разоблачения истинных поджигателей». Они были переведены на различные языки и распространялись во многих странах, в том числе нелегально и в Германии.

В конце июля 1934 г. пленум ЦК КПП выработал резолюцию, которая нацеливала партию на создание единого антифашистского фронта трудящихся. В качестве конкретных мер рекомендовалось договариваться с социал-демократическими организациями о совместной борьбе, проявлять инициативу в развертывании кампании за восстановление свободных профсоюзов, вести работу среди членов массовых фашистских организаций, налаживать контакты со средними слоями населения¹.

При выполнении этих решений КПП столкнулась с серьезными рецидивами сектантства и «левого» доктринерства, которые мешали делу создания народного фронта борьбы против Гитлера. В январе 1935 г. политический секретариат ИККИ рекомендовал членам политбюро ЦК КПП, представителям руководства внутри страны, членам берлинской парторганизации и Коммунистического союза молодежи Германии обсудить поведение сектантских элементов и тем самым помог КПП восстановить коллективность партийного руководства. Предлагалось выработать и осуществить меры по сотрудничеству с социал-демократическими группами и организациями, а также еще раз попытаться достичь договоренности с эмигрантским правлением СДПГ в Праге о совместных действиях против фашистской диктатуры².

В 1935 г. КПП вновь понесла тяжелые потери. Была прервана связь с местными организациями, явки и нелегальные квартиры провалены. По данным КПП, из 422 функционеров, членов центрального и окружных комитетов, руководителей массовых организаций партии было арестовано 219 и убито 24 человека³. Создать новое партийное руководство внутри страны оказалось невозможным, поскольку не было достаточного количества подготовленных кадров, а гестапо усилило слежку за всеми подозреваемыми в принадлежности к КПП. В соответствии с новым распределением обязанностей внутри политбюро руководство партийными организациями в Германии было возложено на Ф. Далема и В. Ульбрихта, находившихся в Праге. Остальные члены политбюро переехали в Москву, которая стала местом пребывания руководства партии.

На смену антифашистам, схваченным гестапо, приходили новые борцы. Классовое сознание и высокий моральный дух коммунистов, основанные на марксистско-ленинской закалке и партийном воспитании, проявлялись в непрекращавшемся сопротивлении гитлеризму даже тогда, когда в организации оставалось несколько человек, не имевших связи с другими группами и партийным руководством.

Известный немецкий поэт Иоганнес Бехер написал стихотворение «Где была Германия...». Отвечая на этот вопрос, он подчеркнул, что лучшие люди Германии были тогда в тюрьмах и концентрационных лагерях. И далее он продолжал:

Но в камерах тюремных, в казематах,
Где трупы изувеченных, распятых
Безмолвно проклинаят палачей
И где к отмщенью призывает жалость,
Там новая Германия рождалась,
Там билось сердце родины моей!⁴

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 87—88.

² «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1970, № 3, S. 460.

³ ZPA, PSt, 3/466, Bl.5/6; 135/11/1988, Bl. 4.

⁴ И. Б е х е р. Стихотворения. Перевод с немецкого. М., 1970, стр. 61.

Несмотря на большие потери, Коммунистическая партия Германии продолжала действовать. Партийные организации завершили переход на нелегальное положение, переформировали свои силы и вели антифашистскую борьбу, используя самые разнообразные методы и формы. В контакте с социал-демократами, беспартийными рабочими, крестьянами и другими трудящимися они создавали нередко общие ячейки и группы Сопротивления.

Самоотверженная борьба коммунистов против фашистского режима способствовала формированию подпольного Народного фронта, что отвечало установкам Коминтерна. К этому фронту примыкала и часть социал-демократов, не согласная с капитуляцией их руководства перед фашизмом. От имени сторонников Народного фронта, выступавшего за мир, свободу и хлеб, в декабре 1936 г. подпольно было издано «Обращение к немецкому народу». Под ним стояли подписи коммунистов — В. Пика, В. Флорина, В. Ульбрихта, Ф. Далема, В. Мюнцбергера, социал-демократов — В. Брандта, Р. Брейтшейда и выдающихся представителей прогрессивной интеллигенции — Л. Фейхтвангера, А. Цвейга, Г. Манна¹.

В феврале 1934 г. произошла попытка фашистского переворота во Франции, которая была сорвана решительными действиями рабочего класса, сплотившего вокруг себя подавляющее большинство народа. Коммунисты увидели в этом факте благоприятные возможности для новых усилий в деле объединения противников фашизма и войны на общедемократической платформе.

Благодаря Французской коммунистической партии и ее умелому подходу к рабочим-социалистам, проявившим все большую тягу к совместным антифашистским выступлениям, в июле 1934 г. был заключен пакт о единстве действий коммунистической и социалистической (СФИО) партий. ФКП пошла навстречу многим пожеланиям СФИО, но добилась главного: обе партии обязались принять действенные меры против фашизма и реакции. Впервые после длительной и острой борьбы коммунисты и социалисты пришли к соглашению, которое оформило единый рабочий фронт, нацеленный против фашизма.

Серьезным уроком для прогрессивных сил, международного рабочего движения послужили события 1934 г. в Австрии. Ее компартия предупреждала, что в стране растет фашистская опасность и против нее необходимы совместные действия всех рабочих. Но силы компартии были слабы, поскольку социал-демократы вели за собой большинство рабочего класса и долгое время твердили, что надо лишь тогда действовать, когда придет время, удерживали пролетариат от массовых выступлений против наглевшего фашизма.

В феврале 1934 г., когда события дошли до острого вооруженного столкновения трудящихся с фашизмом, центристская социал-демократия оказалась не в состоянии организовать отпор. Баррикадные бои австрийского пролетариата окончились его поражением. Если на примере Франции рабочие всего мира убедились в возможности успешного отпора фашизму, то события в Австрии показали, насколько пагубна реформистская политика уклонения от решительной борьбы. В то же время в результате этих событий низы социал-демократии начали осознавать необходимость единства действий и сотрудничества с коммунистами, вплоть до вооруженной борьбы против фашизма.

Всеобщая забастовка в октябре 1934 г. в Испании, особенно восстание рабочих в Астурии, подтвердила жизненную силу солидарности рабочих в борьбе с фашизмом, необходимость преодоления сектантства, цеховщины, претензий на монопольное руководство движением, характер-

¹ ZPA, IX/16. Bl. 1—8.

ных для анархистов и социал-демократов. Практика доказала возможность единого фронта коммунистов, социалистов и анархо-синдикалистов.

Поворот к политике единого рабочего фронта, основанного на антифашистской платформе, совершала и коммунистическая партия Италии, которая в августе 1934 г. добилась соглашения о единстве действий с социалистами. Борьба за единый фронт становилась характерной чертой стратегии и тактики коммунистических партий других капиталистических стран Европы.

Во время подготовки VII конгресса Коминтерна коммунисты творчески пересматривали устаревшие взгляды, искали новые решения. Большую роль в выработке новой ориентировки сыграли в Исполкоме Коминтерна Г. Димитров, Д. Мануильский, О. Куусинен и другие товарищи. Они поставили вопросы программного значения: стратегическая цель коммунистического и рабочего движения в сложнейших условиях; основы единства рабочего фронта; изменение отношения к социал-демократии, в рядах которой в условиях наступления фашизма усилилась дифференциация; необходимость расширения единого рабочего фронта путем союза с непролетарскими слоями; развертывание борьбы против левацко-сектантских ошибок в компартиях и т. д.¹

Лозунг народного фронта, выдвинутый коммунистами Франции и поддержанный другими компартиями, явился важным вкладом в разработку новой ориентировки, в развитие ленинской идеи союза рабочего класса с другими слоями трудящихся. Народный фронт, указывала ФКП, — это боевой союз всех пролетарских и демократических сил страны для обуздания, разоружения и роспуска фашистских лиг, защиты демократических прав и свобод трудящихся и удовлетворения насущных экономических интересов всех, кого угнетали «двести семейств»². Впервые в истории революционной борьбы намечалось объединение широких демократических сил. Главные цели народного фронта отвечали страстным стремлениям различных слоев населения: дать отпор злейшей капиталистической реакции — фашизму и милитаризму, защитить права масс.

Инициативные мероприятия коммунистических партий, разработка ими новой ориентировки опирались на глубокое понимание сущности и перспектив антивоенной борьбы. Коммунисты подходили к ней как к общедемократическому движению, могущему сыграть огромную роль в международных событиях для создания антивоенного фронта, как самой широкой коалиции демократических сил, в которой вокруг пролетариата сплачиваются другие слои населения. Г. Димитров, оценивая опыт антивоенной борьбы, указывал, что в подготовке и проведении антивоенных мероприятий коммунисты правильно поступали, обращаясь непосредственно к рабочим массам, к социал-демократам. Но неверным было то, что тут же они концентрировали «все усилия против социал-демократии как таковой, и особенно против левой социал-демократии, не конкретизируя и не дифференцируя жалких «левых» демагогов от искренних левых элементов, которые расшевелились еще в 1931—32—33 гг. Ясно, товарищи, что мы здесь правой рукой делали одно: имели очень хорошие намерения расшевелить наши партии, организовать миллионы на борьбу, но, с другой стороны, левой рукой мы разрушали то, что хотели, мешали этому»³. Теперь компартии стремились убрать все помехи на пути расширения антивоенного движения, найти контакт с социал-демократами, среди которых росло число левых элементов.

¹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 375—380.

² «L'Humanité», 25 octobre, 1934.

³ «Коммунист», 1972, № 8, стр. 29.

Благодаря действиям коммунистов стремление к единству становилось характерной чертой антивоенных мероприятий. Призыв к сплочению всех пролетарских и демократических сил прозвучал в Лондоне в феврале 1934 г. на конгрессе против голода, фашизма и войны, объединившем представителей примерно 800 организаций¹. Этой идеей была пронизана и первая в США конференция общества друзей СССР, состоявшаяся в марте. Общество друзей СССР в США насчитывало к этому времени 10 тыс. членов. 980 делегатов конференции представляли самые различные слои трудящихся и интеллигенции. Уделив большое внимание вопросам военной опасности, разъяснению миролюбивой политики Советского Союза, конференция призвала к объединению всех противников войны².

Активно включились в антивоенную борьбу союзы и общества друзей СССР в других странах. Во Франции такое общество к осени 1934 г. имело уже 310 местных организаций с 12 тыс. членов и издавало свой иллюстрированный журнал³.

В связи с приближением 20-й годовщины начала первой мировой войны Всемирный комитет против войны и фашизма развернул большую агитационно-пропагандистскую работу, разъясняя массам причины прошлой войны и угрозу новой. Орган комитета, издававшийся на французском («Front Mondial») и немецком («Die Weltfront») языках, умело разоблачал виновников первой мировой и главных поджигателей второй мировой войн. Комитет провел антивоенные конференции во Франции, Чехословакии, Швейцарии и антивоенный конгресс в Мексике⁴. В ряде стран успешно шло создание антивоенных комитетов и укрепление ранее существовавших.

Создание единого рабочего фронта дало сильный толчок развитию антивоенного движения и антивоенных комитетов во Франции. Весной 1934 г. в стране действовало 1000 таких комитетов, в которые входили не только коммунисты и беспартийные, но и социалисты (в том числе 150 секций СФИО). К ноябрю количество антивоенных комитетов возросло до 1600⁵.

Во многих странах работа по созданию новых комитетов наталкивалась на серьезные трудности, в частности на противодействие правой социал-демократии, продолжавшей квалифицировать эти комитеты как дело рук одних коммунистов.

В манифесте, принятом на заседании бюро Всемирного комитета против войны и фашизма и Молодежного комитета против войны и фашизма в июле 1934 г., говорилось об общедемократическом характере борьбы и ставилась задача собирания «всех сил трудящихся на борьбу, независимо от их партийной принадлежности... Ворота движения широко открыты для всех организаций и течений, которые отвергают войну и фашизм»⁶.

Коминтерн и компартии были самыми активными участниками антивоенной кампании, связанной с 20-летием начала первой мировой войны. Коммунистическая печать показывала предысторию войны и размеры причиненного ею ущерба, разоблачала происки империалистической дипломатии после войны, раскрывала экономическую, политическую, идеологическую и военно-техническую стороны подготовки империалистов к новой войне, сосредоточивая особое внимание на Японии и Германии. Одновременно она пропагандировала последовательно мирную политику Советского Союза, показывала соответствие ее жизненным интересам всех миро-

¹ «Rundschau», 1934, № 20, S. 746.

² «Rundschau», 1934, № 24, S. 906, 907; № 35, S. 1357.

³ «Rundschau», 1934, № 54, S. 2361.

⁴ «Rundschau», 1934, № 30, S. 1171; № 60, S. 2700.

⁵ «Rundschau», 1934, № 30, S. 1170; № 35, S. 1358; № 62, S. 2817.

⁶ «Rundschau», 1934, № 47, S. 1981.

любивых сил на земле. Когда в сентябре 1934 г. СССР вошел в Лигу наций, коммунисты разъясняли, что этот шаг — победа миролюбивой политики Советского государства, стремящегося использовать поворот в политике ряда капиталистических стран к сближению с ним для усиления сопротивления развязыванию войны, для изоляции ее главных зачинщиков.

Компартии поддержали кампанию за расследование деятельности «производителей оружия», достигшую значительного размаха в США, Англии и некоторых других странах. Статьи, памфлеты и книги видных деятелей науки и культуры содержали требования обуздать фабрикантов оружия и торговцев им. Такие произведения получили широкое распространение. Ярким примером участия коммунистов в кампании явились показания в мае 1935 г. генерального секретаря Коммунистической партии Великобритании Г. Поллита в комиссии по вопросу о частном производстве оружия и торговле им. Основанные на фактах, не известных общественности, они стали настоящим обвинительным актом против монополий¹.

К 20-летию начала первой мировой войны была также приурочена кампания за созыв Всемирного конгресса женщин против войны. В ходе его подготовки была сделана попытка объединить антивоенные усилия женских организаций и союзов самых различных политических направлений. Инициативный комитет по созыву конгресса предложил руководству Социалистического рабочего интернационала принять участие в движении и в работе самого конгресса. После того как лидеры социал-демократии отвергли это предложение под прежним предлогом, будто речь идет о «коммунистическом маневре», инициативный комитет 15 июня 1934 г. обратился с открытым письмом к Э. Вандервельде и Ф. Адлеру. Он вновь приглашал Социалистический рабочий интернационал участвовать в конгрессе, в национальных женских антивоенных комитетах и заверял, что женщины-социалистки будут встречены по-товарищески². Но правые вожди социал-демократии снова отказались от единых действий в антивоенной борьбе.

Всемирный женский конгресс против войны и фашизма, состоявшийся 4—7 августа 1934 г. в Париже, свидетельствовал о расширении круга организаций, течений, групп, которые участвовали в антивоенном движении. Были представлены многие пацифистские и благотворительные организации (341 делегат), культурно-просветительные организации (132 делегата), движение комитетов против войны и фашизма, то есть амстердамско-плейельское движение (102 делегата), революционная профсоюзная оппозиция (более 100 делегатов), реформистские профсоюзы (80 делегатов), Межрабпом (34 делегата), компартии и комсомол (94 делегата), социалистические партии и их молодежные организации (20 делегатов), английские кооперативы (27 делегатов), христианско-социальные партии (16 делегатов) и т. д.³. Манифест, принятый на конгрессе, содержал страстный призыв к созданию единого фронта всех, кто выступает против фашизма и войны.

Таким образом, Коминтерн и компартии, опираясь на накопленный опыт антифашистского и антивоенного движения, подошли к осознанию необходимости выработки целостной программы сохранения мира. Они руководствовались тем, что такая программа должна составлять важнейший элемент движения народного фронта, учитывать расширение его социальной основы.

Историческая заслуга в разработке программы борьбы трудящихся против войны и фашизма принадлежит VII конгрессу Коминтерна, который работал с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве. Участники конгресса

¹ Г. П о л л и т. Избранные статьи и речи (1919—1939), стр. 149—171.

² «Rundschau», 1934, № 37, S. 1467.

³ «Rundschau», 1934, № 45, S. 1895.

заслушали отчет о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (В. Пик) и доклады: «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» (Г. Димитров), «Подготовка империалистической войны и задачи Коммунистического Интернационала» (П. Тольятти), «Итоги строительства социализма в СССР» (Д. Мануильский). В разработке основных теоретических положений докладов активное участие принимали ЦК ВКП(б) и представители других секций Коминтерна.

Анализируя положение и расстановку классовых сил в мире, конгресс отметил историческое значение победы социализма в СССР. ВКП(б), представляя доклад об итогах социалистического строительства в СССР, отчитывалась перед международным пролетариатом о том, что сделано в стране для превращения ее в могучую индустриальную державу, непобедимый оплот социализма и мира на земле. В резолюции конгресса указывалось: победа социализма в СССР означает *«новый крупнейший сдвиг в соотношении классовых сил в мировом масштабе в пользу социализма, в ущерб капитализму...»*¹.

Большое внимание VII конгресс Коминтерна уделил характеристике фашистской диктатуры и фашистской опасности. На нем был сделан принципиально важный вывод: приход фашизма к власти — не обычная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии другой — открытой террористической диктатурой. Это положило конец вредному приравниванию различных буржуазных парламентских режимов к фашизму, дало научную ориентировку для понимания противоречий между фашизмом и буржуазной демократией.

На конгрессе подчеркивалась опасная роль германского фашизма, в котором воплотились самые реакционные и самые человеконенавистнические черты фашистского движения вообще. Германский фашизм, выступая в роли ударного кулака международной контрреволюции, говорил Г. Димитров в своем докладе, является главной силой мировой фашистской реакции, главным поджигателем новой империалистической войны². Характеризуя фашизм как огромный шаг назад по сравнению с буржуазной демократией, как чудовищное порождение загнивающего капитализма, он отмечал: *«...фашистская контрреволюция атакует буржуазную демократию, стремясь установить над трудящимися режим самой варварской эксплуатации и подавления их. Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»*³.

Важнейшей задачей коммунистических партий VII конгресс считал создание единого рабочего фронта и широкого народного фронта против фашизма и войны. Содержание докладов Г. Димитрова, П. Тольятти, В. Пика, выступлений М. Тореза, Г. Поллита, Ю. Ленского и многих других делегатов было подчинено одному — выяснить пути успешного создания единого рабочего и народного фронта, этого, по определению конгресса, главного оружия трудящихся в борьбе с фашизмом и войной.

Оценив опыт борьбы компартий Франции, Испании и некоторых других за создание единого фронта, конгресс в своей резолюции провозгласил: «Защита непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса, защита его против фашизма должна быть исходным пунк-

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, стр. 41.

² Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 377.

³ Т а м ж е, стр. 468.

том и составлять главное содержание единого фронта рабочих во всех капиталистических странах»¹.

Успех создания единого рабочего фронта как в международном масштабе, так и в рамках отдельных стран зависел прежде всего от отношений между коммунистическими и социал-демократическими партиями. Указывая на роковые последствия социал-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией, делегаты отмечали, что в новых условиях позиции социал-демократов стали изменяться, наметилось их колебание.

Развивая ленинское учение о союзе рабочего класса с другими слоями трудящихся, о связи борьбы за демократию с борьбой за социализм, конгресс всесторонне обосновал политику народного антифашистского фронта. Он показал, что такой фронт, объединив пролетариат, крестьянство, мелкую буржуазию города, трудовую интеллигенцию, может нанести поражение фашизму, добиться ограничения власти капитала и создания благоприятных исходных условий для борьбы за социализм.

Конгресс выдвинул лозунг создания правительств народного фронта, опираясь при этом на выводы Коминтерна, сделанные при участии В. И. Ленина, в частности на лозунг «рабоче-крестьянского правительства».

Конгресс считал, что правительство народного фронта призвано взять на себя проведение решительных мероприятий против фашизма и реакции. Оно должно стать силой, подрывающей корни могущества монополистического капитала. В зависимости от конкретного соотношения классовых сил в той или другой стране намечалась роль правительства народного фронта. В одних странах оно организует отпор фашизму и реакции, не затрагивая основы буржуазных режимов. В странах, где разворачивается буржуазно-демократическая революция, оно может стать правительством демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, то есть правительством целого переходного этапа развития революции, создающего предпосылки для перерастания ее в социалистическую. Своеобразной переходной формой правительство народного фронта могло стать и в империалистических странах, где гнет монополий вновь сделал актуальной борьбу за демократические требования. «Быть может, правительство единого фронта, — говорил Г. Димитров, — в ряде стран окажется одной из важнейших переходных форм»² и проложит путь к диктатуре пролетариата.

Конгресс обязал коммунистов поддерживать все правительства народного фронта, борющиеся против реакции и фашизма.

Разработанная VII конгрессом Коминтерна политика единого рабочего и антифашистского народного фронта, выдвинувшая на первый план общедемократические задачи, не означала отказа от социалистических целей. Наоборот, именно через единый рабочий и народный фронт лежал тогда путь к объединению всех трудящихся вокруг коммунистов, путь подготовки, привлечения широчайших масс к борьбе за социализм.

Выводы конгресса по вопросам национально-освободительного движения также имели большое значение. Указывалось, что в колониальных и полуколониальных странах первым шагом действительно народной революции неизбежно будет этап национально-освободительной борьбы, направленной преимущественно против империализма, «против растущей империалистической эксплуатации, против жестокого порабощения, за изгнание империалистов, за независимость страны»³. Этим определялись главные цели борьбы компартий в угнетенных странах. Для успешного

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 13.

² Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 435.

³ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 22.

осуществления антиимпериалистической революции коммунисты должны добиваться создания единого антиимпериалистического фронта. Компартии ориентировались на осуществление смелой политики сплочения в такой фронт всех, кто способен бороться с империализмом, в том числе и национальной буржуазии, противоречия которой с империализмом не только сохранились, но в ряде стран и резко обострились. Особое значение для создания антиимпериалистического фронта имели единство действий пролетариата, в частности единство профсоюзов, и союз пролетариата с крестьянством, составляющим большинство населения поработанных стран.

Общая заинтересованность в разгроме фашизма, империализма, в предотвращении мировой войны создавала почву для союза национально-освободительных движений поработанных народов с международным рабочим движением. Конгресс обязал все компартии «активно поддерживать национально-освободительную борьбу угнетенных колониальных и полуколониальных народов...»¹. Для этого необходимо воспитание широких трудящихся масс метрополий и колоний в духе интернационализма, непримиримости к национализму и шовинизму.

Решения конгресса означали не только поворот в тактике, способах борьбы. Это была новая политическая стратегия, обосновавшая рабочему классу пути приближения к социалистическому перевороту через антифашистскую борьбу, успешное решение других общедемократических задач.

На VII конгрессе Коминтерна всесторонне рассматривалась политика коммунистов в борьбе за мир. Детальному анализу проблемы был посвящен доклад П. Тольятти, в котором отмечалось, что генеральная линия борьбы коммунистов против войны выдержала «испытание огнем» и остается их основной линией. Но в международной расстановке сил произошли глубокие изменения, которые следует учитывать.

В докладах Г. Димитрова, П. Тольятти, В. Пика делался совершенно определенный вывод: агрессивные силы международного империализма, прежде всего фашистские государства, начали непосредственную подготовку новой мировой войны. Конгресс показал, насколько велика и реальна опасность фашистской агрессии. Выступая злейшим врагом рабочего класса и всех демократических сил внутри «своей» страны, фашизм и на внешнеполитической арене действовал как орудие империалистической реакции, угрожая национальному существованию народов других стран, прежде всего СССР. Фашистская диктатура, указывалось на конгрессе, одна из форм организации тыла империалистической буржуазии для новой войны. «Сосредоточить огонь нашей борьбы против германского фашизма, как главного поджигателя войны, смертельного врага Советского Союза и пролетарской революции, — говорил П. Тольятти, — долг каждого революционера»².

Подчеркивая антисоветскую направленность военных планов фашизма и империалистической реакции, конгресс сделал важный вывод, что в условиях, когда фашистская агрессия угрожает не только Советскому Союзу, но и ряду других стран — соседям Германии, когда на повестку дня встает вопрос о поработании их народов, в Европе возможны национально-освободительные войны против агрессора. Представитель компартии Чехословакии Я. Шверма говорил: «Уже сейчас ясно, что нападение гитлеровского империализма на Чехословакию в данном положении может быть лишь империалистической наступательной войной — войной за передел мира, войной за уничтожение самостоятельности чешского народа,

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 32.

² П. Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи, т. 1, стр. 132—133.

войной за подчинение фашистской диктатуре Гитлера всех народов Чехословакии. Оборона Чехословакии против гитлеровского империализма была бы в этих условиях справедливой войной, ибо это была бы оборонительная война, которая велась бы на стороне Советского Союза, против главного представителя фашистской контрреволюции»¹. Делегат компартии Нидерландов А. де Леув, напомнив слова В. И. Ленина о возможности в Европе национально-освободительных войн, сказанные им еще в годы первой мировой войны, подчеркнул, что в ситуации, когда гитлеровцы стремятся поработить многие европейские страны, ленинское положение приобретает вдвое большее значение².

В резолюции конгресса отмечалось, что, если какое-либо малое государство подвергнется нападению со стороны одного или нескольких империалистических государств, стремящихся уничтожить его национальную независимость, «война национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться»³. Такая позиция не означала безоговорочной поддержки коммунистами буржуазного правительства малой страны, подвергшейся агрессии. Пролетариат должен, указывал в заключительном слове П. Тольятти, умело и гибко сочетать защиту отечества в национально-освободительной борьбе с защитой классовых интересов широких масс трудящихся, добиваться демократизации режима, и в особенности армии, пресекать капитулянтские поползновения буржуазии.

Была рекомендована гибкая политика по отношению к оборонительным мероприятиям буржуазных правительств. Коммунистические партии, подчеркивалось в решениях конгресса, должны стать «в первые ряды бойцов за национальную независимость и вести освободительную войну до конца, не давая «своей» буржуазии идти на сделку с нападающими державами за счет интересов своей страны»⁴.

Конгресс указал на кровную заинтересованность народов стран, которым угрожала фашистская агрессия, в тесном сотрудничестве и союзе с СССР и особенно подчеркнул мысль об объективном совпадении внешнеполитических интересов первой страны социализма с надеждами трудящихся всего мира, со стремлениями всех миролюбивых сил.

Высший форум коммунистов считал, что острые межимпериалистические противоречия, усиление агрессивности фашистских государств создают обстановку, при которой возможно сотрудничество СССР с капиталистическими державами, заинтересованными в данный момент в сохранении мира, или даже с теми, кто не ставит перед собой немедленных завоевательных целей. Учитывая размежевание в политике капиталистических держав, конгресс не встал на точку зрения одинаковой ответственности их за развязывание войны и конкретно назвал зачинщиков агрессии. Теоретически обосновывая такую стратегию, П. Тольятти напомнил высказывание В. И. Ленина о необходимости гибкой тактики компромиссов и использования противоречий в стане классового врага.

Конгресс высоко оценил договоры СССР о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, как направленные «на сплочение всех сил, какие только можно привлечь в этот момент к активной защите мира»⁵, как важнейший шаг к созданию основ коллективной безопасности в Европе.

¹ Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за единый фронт—против войны и фашизма. М., 1935, стр. 27—28.

² Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 416.

³ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 32.

⁴ Там же.

⁵ П. Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи, т. 1, стр. 160.

Коминтерн выявил и назвал те основные факторы, которые делали возможным сплочение всех сил, выступающих за мир. Он поставил вопрос о необходимости создания широкого фронта мира, охватывающего рабочий класс, трудящихся и демократические слои. В ряды борцов коммунисты призывали всех пацифистов, готовых на деле противостоять войне. Конгресс отметил, что антивоенное движение растет, захватывая массы, и все более выступает не просто с благими пожеланиями, а за действенный отпор поджигателям войны и агрессорам. О размахе этого движения свидетельствовал тот факт, что в Англии в плебисците мира, организованном в 1935 г. обществом друзей Лиги наций, участвовало 11,5 млн. человек. Коммунисты должны быть с массами, чтобы помочь им перейти на позиции активной борьбы против войны.

VII конгресс Коминтерна дал совершенно ясный ответ и на вопрос о соотношении борьбы за мир и борьбы за социалистическую революцию. «Мы защищаем мир, — говорил П. Тольятти, — не потому, что мы принадлежим к числу мягкотелых толстовцев, но потому, что мы стремимся обеспечить условия победы революции»¹. Так коммунисты, являясь наиболее последовательными гуманистами, рассматривали борьбу за мир, за предотвращение войны как условие упрочения сил революции.

Конгресс выступил против недооценки борьбы за мир «левыми» оппортунистами и троцкистами, рассматривавшими войну как средство, якобы расчищающее путь революции.

На конгрессе указывалось, что сохранение мира, даже временная отсрочка войны обеспечивают дальнейшие успехи социализма в СССР, рост его экономического и политического могущества, способствуют укреплению позиций революционного пролетариата и всех антивоенных сил. Борьба за мир открывает перед коммунистическими партиями широчайшие возможности для сплочения антифашистов в народном фронте, объединения вокруг пролетариата его союзников и всех заинтересованных в предотвращении войны.

Отвергая фаталистические представления о неизбежности войны, VII конгресс Коминтерна указал на возросшие возможности борьбы за мир. Представитель ВКП(б) В. Кнорин говорил: «Победа Октябрьской революции и превращение СССР в мощное социалистическое государство, ведущее активную политику мира и привлекающее на свою дорогу целые народы и государства, ныне войны не желающие, дало пролетариату новые возможности воздействия на организаторов войны. Сочетание этой силы с силой громадного массового движения трудящихся должно придать борьбе за мир несравненно большую силу, чем это было когда-либо до сих пор»². В докладах и выступлениях на конгрессе подчеркивалось, что рост могущества СССР и усиление других отрядов мирового революционного процесса повышают шансы на успех в борьбе против угрозы империалистической войны.

Новая стратегическая ориентировка Коминтерна — политика единого рабочего и широкого народного фронта для решения общедемократических, антифашистских задач — позволяла достичь наибольшего слияния борьбы против фашизма с борьбой против войны и соответствовала возрастающей роли пролетариата в решении общедемократических, общенациональных и международных проблем.

Конгресс признал защиту социализма великой задачей международного коммунистического движения. Отстоять и укрепить Советский Союз — главное завоевание международного рабочего класса, бастион мира, не-

¹ П. Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи, т. 1, стр. 150.

² Цит. по: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 415—416.

зависимости малых наций, оплот культуры — от военного нашествия империалистов — великая миссия рабочих всех стран¹.

Сложность обстановки требовала от компартий быть готовыми в условиях войны сохранять возможность руководства массами. Они должны бороться за превращение империалистической войны в гражданскую, чтобы свергнуть эксплуататорские режимы и открыть путь к миру и освобождению народов. В случае войны против Страны Советов компартиям предлагалось призвать трудящихся всеми средствами способствовать победе Советской Армии над империалистическими агрессорами.

Ставя вопрос о формах антивоенной борьбы в мирное время, конгресс рекомендовал отвергать такие меры, как бойкот мобилизации, бойкот армии, саботаж на предприятиях, отказ от несения военной службы, отказ от работы в молодежных организациях, в которых буржуазия занимается милитаристским воспитанием, и т. д. Такая тактика могла лишь оторвать коммунистов от масс и помочь буржуазии еще более свирепо обрушиться на коммунистов.

Программа борьбы за мир, разработанная на конгрессе, стала основой последующей антивоенной деятельности Коминтерна и нашла самый благоприятный отклик в различных слоях населения, пробудила новую энергию в рядах бойцов за мир, зажгла новые надежды. Коммунистические партии, вооруженные решениями конгресса, заметно повысили свою активность, завоевывая все более широкую поддержку в массах. Призыв Коминтерна к совместной борьбе коммунистов и социал-демократов, всех антифашистов против коричневой чумы встретил горячее сочувствие в большинстве рабочих организаций, особенно среди левых социал-демократов, требовавших от своих партий по-боевому развернуть борьбу против фашизма и войны.

На пути реализации стратегии и тактики, разработанных VII конгрессом, стояло немало трудностей как объективного, так и субъективного характера. Но Коминтерн смело приступил к их осуществлению. Он был глубоко убежден, что в этом ключ к успеху в борьбе против фашизма и войны.

Программа борьбы за мир, разработанная VII конгрессом Коминтерна, мобилизовала против фашизма и угрозы войны немалые силы. В ряде стран под лозунгом единого народного фронта развернулось широкое антифашистское, антивоенное движение. Но, как показали последующие события, эти силы, к сожалению, были еще недостаточно мощными и организованными, чтобы предотвратить войну.

* * *

Перед лицом надвигавшейся войны Коминтерн и коммунистические партии выступили как политическая сила, решительно боровшаяся против поджигателей империалистической войны, за сплочение всех трудящихся на защиту СССР — великого оплота мира между народами, демократии и социализма. В напряженной обстановке середины 30-х годов, когда фашизм и империалистическая реакция перешли в наступление, была выработана единственно верная общедемократическая программа борьбы против фашизма и войны, направленная на создание широкого фронта мира, объединяющего всех противников войны и фашизма. Она отвечала интересам не только рабочего класса и других слоев трудящихся, но и стремлениям всех честных людей к сохранению мира.

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 29.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождение второй мировой войны по сравнению с первой мировой войной происходило в неизмеримо более острой взаимной борьбе империалистических держав. Кайзеровская Германия, обладавшая колониями в Африке, в бассейне Тихого океана и широко пользовавшаяся владениями Турции на Ближнем Востоке, после поражения в войне 1914—1918 гг. лишилась всех заморских владений. Победа Великой Октябрьской социалистической революции сократила сферы капиталистической эксплуатации, привела к усилению национально-освободительного движения, ослаблявшего глубокие империалистические «тылы». В то же время борьба на внешних рынках — альфа и омега империалистической внешней политики — стала еще более «жизненно необходимой» для капиталистических стран, чем до первой мировой войны. Существенное влияние на обострение внешнеполитических противоречий оказали тяжелейшие кризисы перепроизводства 1923—1924 гг., 1929—1933 гг.

Подготовка новой мировой войны началась империалистами задолго до образования ее главных очагов и вылилась в целую систему скоординированных и целенаправленных действий и мероприятий, охватывавших все сферы общественной жизни. Особенно интенсивной и напряженной она была в дипломатической и военной сфере, отражая (часто в скрытой форме) всю остроту противоречий, раздиравших капиталистический мир.

В условиях роста государственно-монополистического капитализма, развития массовых регулярных армий, тайной дипломатии эта подготовка в агрессивных странах вела ко все большему увеличению доли национального бюджета, безудержно расходуемой на обеспечение грабительских планов нового передела мира. Наиболее мощной и развитой военно-экономической базой располагала Германия, где с приходом Гитлера к власти был создан и технически переоснащен вермахт. В течение 1933—1935 гг. небольшая группа финансово-промышленных воротил, господствовавших в экономике страны, создала централизованную военно-бюрократическую машину, которая должна была мобилизовать ресурсы нации для войны. Этому способствовало и преступное сотрудничество международных монополистических объединений США, Англии, Франции и Германии, вкладывавших оружие в руки реваншистов и фашистов.

Подготовка второй мировой войны была связана с постепенной перестройкой всей буржуазной системы идеологического и психологического воздействия на массы. Утверждение фашистских политических режимов сопровождалось чудовищной социальной демагогией, направленной на одурманивание населения, особенно молодежи, идеями классового «сотрудничества» и классовой «гармонии», национализма, доходившего

до крайнего расизма и шовинизма. Средства массовой информации использовались для восхваления культа силы, разжигания зоологической ненависти к нациям, против которых готовилась агрессия.

В результате действий германского фашизма Европейский континент, внесший колоссальный вклад в сокровищницу мировой цивилизации и культуры, к середине 30-х годов был поставлен перед дилеммой: либо в скором времени превратиться в бесправную колонию «третьего рейха», либо объединиться и в борьбе с агрессором опрокинуть его планы. Делать выбор необходимо было как можно скорее, так как уже первые внешнеполитические акции гитлеровского государства показали его полную противоположность интересам свободлюбивых народов. Антисоциалистическая направленность нацистской экспансии создавала величайшую опасность для Советского Союза — оплота мировой пролетарской революции.

Производство боевой техники и оружия в капиталистическом мире, особенно в странах-агрессорах — Японии, Германии, Италии, — быстро росло. Агрессоры выбирали оптимальные методы комплектования массовых армий, совершенствовали их организационную структуру, материально-техническое и тыловое обеспечение, размещали войска на предполагаемых театрах военных действий и операционных направлениях. Разрабатывались основы различного рода агрессивных теорий, приоритет среди которых отводился «молниеносной войне».

Особенность исторической обстановки зарождения второй мировой войны заключалась в том, что мировой империализм рассматривал Германию и Японию как военно-политическую силу, противостоявшую Советскому Союзу и способную сокрушить его ударом с двух сторон. Англия, Франция и США, занимавшие ведущее положение в капиталистическом мире, путем различного рода дипломатических интриг, тайных сделок, экономических и политических соглашений способствовали развитию японской агрессии на Дальнем Востоке, ремилитаризации Германии и превращению ее в главное орудие борьбы против революционных движений и СССР. Антисоветская ориентация правящих кругов Англии, Франции и США в 20-х — начале 30-х годов сказывалась в попытках помешать Советскому Союзу в строительстве социализма, опорочить успехи нового строя, доказать невозможность соглашений между странами с различным социальным строем, убедить общественность всего мира в неспособности социалистического государства и его армии противостоять напору фашизма.

В такой сложной и напряженной обстановке Советское государство, с первых дней своего образования последовательно проводившее в жизнь политику мира и сотрудничества между народами, было вынуждено укреплять свою обороноспособность. Опираясь на ленинское учение о защите социалистического Отечества, партия коммунистов призывала народ к бдительности, готовности с оружием в руках оборонять завоевания революции, выполнить свой интернациональный долг по отношению к международному рабочему классу.

Быстрое восстановление народного хозяйства, понесшего огромный урон в годы первой мировой и гражданской войн, осуществление ленинского плана ГОЭЛРО, а также успешное выполнение первых пятилеток, в то время когда в странах капитализма бушевали разрушительные мировые экономические кризисы, стали ярчайшим доказательством превосходства социалистической системы над капиталистической. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, коренные изменения в духовной сфере упрочили политическую основу советского строя — союз рабочего класса и крестьянства, обеспечили быстрое развитие экономической и оборонной мощи СССР. Организация и строитель-

во армии и флота опирались на экономические, социальные и культурные завоевания, достигнутые советским народом в ходе создания фундамента социализма.

Уже в течение первых лет существования Страны Советов неизмеримо высоко поднялся ее международный авторитет. Внешнеполитическая деятельность СССР постоянно доказывала, что социализм и мир нераздельны. Своими успехами Советский Союз способствовал развитию мирового революционного процесса, звал к единству действий в антифашистской борьбе. По мере упрочения основ социализма становилось ясно, что его сильнейшим оружием является превосходство над капитализмом в организации общества, государственном строе, в экономике, подъеме жизненного уровня и духовной культуры трудящихся. Укрепляя оборону, Советский Союз создавал материальную основу для борьбы за предотвращение второй мировой войны, становился могучим фактором всей международной политики.

СССР отстаивал единственно разумный принцип отношений между государствами в условиях разделения мира на две противоположные системы — принцип мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Советская внешняя политика добивалась отказа государств от войны, выступала за решение всех спорных вопросов путем переговоров на основе равноправия и взаимопонимания, развития сотрудничества и невмешательства во внутренние дела. В обстановке нарастания опасности войны ЦК ВКП(б) и Советское правительство выдвинули в 1933 г. идею коллективной безопасности, предполагавшую в случае необходимости военно-политическое сотрудничество государств с различным общественным строем против фашистской агрессии. Претворение такой идеи в жизнь позволило бы загасить очаги войны, не дать им разгореться в большой пожар.

Марксистско-ленинский анализ зарождения войны приобрел огромное значение для всего рабочего и коммунистического движения, выработки его политической стратегии и тактики классовой борьбы. Боевая международная организация рабочего класса всех стран — Коммунистический Интернационал ориентировал пролетариат на то, что в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму агрессивности империалистических держав необходимо противопоставить революционную энергию, решимость и единство рабочего класса и его союзников.

Коминтерн подчеркивал силу и жизненность марксистско-ленинской стратегии и тактики в отношении войн, призывал рабочий класс и коммунистов всех стран выполнить свой интернациональный долг — укреплять и защищать позиции Советского государства в его борьбе против надвигавшейся войны. Коминтерн неустанно разоблачал политику правых лидеров социал-демократии. Он разработал на своих конгрессах четкую классово-партийную линию в отношении основных типов войн современной эпохи, призывал поддерживать гражданские войны пролетариата против буржуазии, войны народов, борющихся за свою национальную независимость, войны в защиту социализма. Выдвинув в начале 30-х годов тактику единого антифашистского народного фронта, Коминтерн вооружил рабочий класс программой борьбы с фашизмом, сыгравшей огромную роль в интернациональном сплочении трудящихся во время «малых» войн, готовивших почву для мирового вооруженного конфликта. Он подчеркивал несправедливый, империалистический характер возможной войны между главными капиталистическими державами.

Вопрос о зарождении второй мировой войны является предметом острой идеологической борьбы, так как это вопрос о виновности системы империализма в самом тяжком преступлении перед человечеством. Марксистско-ленинская историческая наука вскрывает корни этого преступ-

ления, буржуазные фальсификаторы прилагают огромные усилия, чтобы их скрыть. Реакционная буржуазная историческая наука не способна выйти из того тупика, в который ее завел оголтелый антикоммунизм.

В трудах реакционных историков нередко проводится мысль, будто бы вопрос о зарождении войны настолько ясен, что и заниматься им нет необходимости. «По этому вопросу,— констатирует профессор Дартмутского университета Л. Мортон,— написано так много, что историку, кажется, уже нечего делать»¹. Такое утверждение нужно для того, чтобы протащить концепцию, пытающуюся скрыть тот факт, что сама природа эксплуататорского строя порождает войны и что виновником второй мировой войны является капиталистическая система. Буржуазная историография ведет планомерные атаки на научные принципы исторических исследований, берет на вооружение «новейшие» социологические теории, пытается доказать, что марксизм устарел и не способен объяснить социальные явления XX века, в том числе и вторую мировую войну.

Отрицание какой-либо связи процессов зарождения второй мировой войны с социально-экономическим строем капиталистических государств— одна из главных характерных классовых черт буржуазной историографии.

Значительная часть буржуазных историков считает, что война—естественное и неустранимое для человеческого общества явление, корнящееся в биолого-психологической природе людей. Видный американский историк и дипломат Ч. Йост утверждает, что самым большим препятствием на пути к международному миру является якобы не капитализм, не империализм, не национализм, а «просто человеческое поведение»². Чем же вызвано такое «поведение»? Является ли оно продуктом определенного общества? Эти вопросы Ч. Йост старательно обходит.

Таким образом, в исследовании зарождения второй мировой войны представители реакционного крыла буржуазной историографии, выполняя социально-классовый заказ монополистической буржуазии, стремятся не только исказить, фальсифицировать процессы зарождения войны, но и представить весь исторический процесс в виде, противоположном действительному ходу общественного развития.

Подлинную и достоверную картину зарождения и причин второй мировой войны воссоздает марксистско-ленинская историческая наука Советского Союза и других социалистических стран, работы видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения. Тем самым наносится сильнейший удар по буржуазным фальсификаторам истории.

История зарождения второй мировой войны показала, какую страшную угрозу для человечества несет в себе империализм, способный пойти на любое преступление. Породив фашизм, а затем и необычайно усилив его, монополистическая буржуазия открыла путь к новой мировой войне, которая с середины 30-х годов, то есть с превращением Германии в ее главный очаг, стала все более зримо надвигаться на человечество. Противостоявшие фашизму социально-политические силы во главе с Советским Союзом, несмотря на свою титаническую антивоенную деятельность, приостановить развитие этого процесса не смогли. Отдельные акты агрессии, с которых начинали гитлеровцы, были первыми их шагами к практической реализации планов германского империализма по завоеванию мирового господства. Человечество вступало на порог большой войны.

¹ «American Historical Review». Vol. LXXV, № 7, December, 1970, p. 1988.

² Ch. Y o s t. The Insecurity of Nations. International Relations in the Twentieth Century. New York, 1968, p. 21.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1918 год

- 11 ноября** — Подписание соглашения между странами Антанты и Германией (Компьен, Франция). Окончание первой мировой войны.
- 13 ноября** — Создание в Германии реакционной военизированной организации «Стальной шлем».
- 23–27 ноября** — Высадка англо-французских войск в Новороссийске, Севастополе и Одессе.
- Ноябрь** — Оккупация Далмации, Хорватского Приморья, Черногории, Воеводины войсками Италии, США, Франции и Сербии.
- Ноябрь — декабрь** — Создание коммунистических партий в Венгрии, Германии, Греции и Польше.
- 7 декабря** — Декрет СНК РСФСР о признании независимости Эстонской Советской Республики.
- 9–18 декабря** — Вторжение кораблей английского флота на рейды Либавы, Ревеля и Риги.
- 22 декабря** — Декрет СНК РСФСР о признании независимости Литовской Советской Социалистической Республики, Советской Социалистической Республики Латвии.
- 23 декабря** — Высадка английских интервентов в Батуми.

1919 год

- 5 января** — Основание в Мюнхене фашистской партии Германии (германская рабочая партия, с 1920 г. — германская национал-социалистская рабочая партия).
- 18 января — 28 июня** — Парижская мирная конференция 27 стран, вырабатывавшая условия империалистического мира с государствами, побежденными в первой мировой войне.
- Январь** — Первая национальная конференция в Лондоне под лозунгом «Руки прочь от России!».

- 2–6 марта** — В Москве состоялась 1-я Всемирная конференция коммунистических партий и групп из 30 стран мира. Учредительный конгресс III, Коммунистического Интернационала.
- 4–6 марта** — Начало объединенного похода Антанты против Советской республики.
- 18–23 марта** — В Москве состоялся VIII съезд РКП(б), принявший вторую Программу партии.
- 21 марта** — Провозглашение Венгерской советской республики.
- 23 марта** — Создание в Милане первой фашистской организации — «Союза борьбы» Муссолини.
- 13 апреля** — Создание Советской республики в Баварии.
- 16 апреля** — Начало вооруженной интервенции Антанты против Советской Венгрии.
- 16–27 апреля** — Восстание матросов на кораблях французской эскадры на Черном море.
- 1 мая** — Подавление Советской республики в Баварии.
- Май** — Начало захватнической войны Англии против Афганистана.
- Май 1919 г. — октябрь 1922 г.** — Греко-турецкая война, развязанная империалистами Антанты с целью расчленения Турции.
- 16 июня** — Провозглашение Словацкой советской республики.
- 7 июля** — Подавление Словацкой советской республики.
- 25 июля** — Обращение Советского правительства к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая. Отказ от всех завоеваний и привилегий России в Китае.
- 1 августа** — Поражение Венгерской советской республики в результате военной интервенции стран Антанты и действий внутренней контрреволюции.
- 10 октября** — Верховный совет Антанты объявил экономическую блокаду Советской России.

19 ноября — Отказ США от участия в Лиге нации.

1919 г. — Создание коммунистических партий Дании, Мексики, Нидерландов, США, Югославии.

— Принятие конгрессом США программы военно-морского строительства, согласно которой американский флот должен был стать к 1924 г. самым крупным в мире.

1920 год

12 января — Принятие военным комитетом Антанты решения об оказании «помощи» буржуазным республикам Закавказья в расчете использовать их для борьбы против Советской республики.

15—22 января — В Хельсинки состоялась конференция представителей Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, созванная по инициативе Антанты с целью создания антисоветского военного блока.

Январь — ноябрь — Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции.

24 февраля — Обращение Советского правительства к японскому правительству с предложением начать мирные переговоры.

1 марта — Провозглашение Хорти регентом Венгрии. Установление фашистской диктатуры.

16 марта — Оккупация Стамбула войсками держав Антанты с целью осуществления империалистических планов раздела Османской империи.

29 марта — 5 апреля — IX съезд РКП(б) в Москве.

4—5 апреля — Японские войска вероломно напали на революционные отряды во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и других местах советского Приморья.

25 апреля — Вторжение войск буржуазно-помещичьей Польши на Украину.

29 апреля — Высадка японского десанта в Александровске-Сахалинском.

Июнь — июль — Вооруженная борьба албанского народа за изгнание итальянских оккупантов.

19 июля — 7 августа — II конгресс Коммунистического Интернационала (начался в Петрограде, затем проходил в Москве).

14 августа — Подписание в Белграде договора об «оборонительном союзе» между Чехословакией и Югославией. Начало формирования Малой Антанты.

9 октября — Захват Вильно Польшей.

29 ноября — Создание постоянной мандатной комиссии при Лиге наций.

Передел колоний между странами-победительницами.

1920 г. — Создание коммунистических партий Австралии, Великобритании, Индонезии, Ирана, Испании, Турции, Уругвая, Франции.

1921 год

19 февраля — Подписан договор о военном союзе между Польшей и Францией.

3 марта — Подписание в Бухаресте договора о военном союзе между Румынией и Польшей, направленном против Советской России.

8—16 марта — X съезд РКП(б) в Москве.

7 июня — Завершение формирования Малой Антанты в составе Румынии, Чехословакии и Югославии.

22 июня — 12 июля — Работа III конгресса Коммунистического Интернационала (Москва).

12 ноября 1921 г. — 6 февраля 1922 г. — Вашингтонская конференция девяти держав.

1921 г. — Создание коммунистических партий Бельгии, Италии, Канады, Китая, Люксембурга, Монголии, Новой Зеландии, Португалии, Румынии, Сан-Марино, Чехословакии и Швейцарии.

— Начало захватнической войны Испании против Рифской республики в Марокко.

1922 год

27 марта — 2 апреля — XI съезд РКП(б) в Москве.

10 апреля — 19 мая — В Генуе (Италия) проходила конференция 29 государств. Советская делегация внесла предложение о всеобщем разоружении и урегулировании взаимных финансово-экономических претензий. Капиталистическими государствами эти предложения не были приняты.

16 апреля — Подписание Рапалльского договора между Германией и Советской Россией.

1—4 августа — Всеобщая антифашистская забастовка в Италии.

30 сентября — Протест правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции и Италии против блокады Черного моря.

25 октября — Советская Армия освободила Владивосток. Конец японской интервенции на Дальнем Востоке.

28 октября — Захват власти фашистами в Италии.

5 ноября — 5 декабря — IV конгресс Коммунистического Интернационала в Петрограде, затем в Москве.

- 2—12 декабря** — Московская конференция представителей Советской России, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы по сокращению вооружений
- 30 декабря** — В Москве состоялся I съезд Советов СССР Образование Союза Советских Социалистических Республик
- 1922 г.** — Создание коммунистических партий Бразилии, Чили и Японии — Начало захватнической войны итальянского фашизма в Ливии.

1923 год

- 11 января** — Оккупация франко-бельгийскими войсками Рура (Рейнская область)
- 17—25 апреля** — XII съезд РКП(б) в Москве
- 8 мая** — Предъявление Англией ультимативных требований Советскому правительству («ультиматум Керзона»)
- 10 мая** — Убийство в Лозанне советского дипломата В. В. Воровского
- 11 мая** — Ответ Советского правительства на «ультиматум Керзона»
- 9 июня** — Фашистский переворот в Болгарии
- 31 августа — 27 октября** — Попытка фашистской Италии захватить греческий остров Корфу
- 13 сентября** — Государственный переворот в Испании Установление военно-монархической диктатуры Primo de Rivera
- 19—29 сентября** — Антифашистское восстание в Болгарии
- 4 ноября** — Создание Коммунистической партии Норвегии
- 8—9 ноября** — Попытка группы реакционеров во главе с Гитлером установить в Германии фашистскую диктатуру (мюнхенский «пивной путч»).

1924 год

- Февраль — октябрь** — Установление дипломатических отношений СССР с Англией, Австрией, Грецией, Данией, Италией, Китаем, Мексикой, Норвегией, Францией, Швецией
- 23—31 мая** — XIII съезд РКП(б) в Москве
- 10 июня** — Убийство итальянскими фашистами депутата социалиста Д. Маттеотти
- 15 июня** — Образование антифашистского «Авентинского блока» в Италии
- 17 июня — 8 июля** — V конгресс Коммунистического Интернационала в Москве Конгресс дал оценку фашизму как одной из форм контрреволюции в условиях общего кризиса капитализма
- 16 июля — 16 августа** — Лондонская конференция союзных держав При-

нятие «плана Дауэса» Создание условий для восстановления немецкого промышленного и военного потенциала

- 29 сентября** — Обращение Германии в Лигу наций с требованиями «равноправия» в вопросах вооружения, возвращения бывших колоний
- Октябрь** — Создание Коммунистической партии Сирии
- 24 декабря** — Контрреволюционный переворот А. Зогу в Албании Разрыв дипломатических отношений Албании с СССР

1925 год

- 20 января** — Установление дипломатических отношений между СССР и Японией.
- 13 апреля 1925 г. — 27 мая 1926 г.** — Война Франции и Испании против Рифской республики в Марокко
- 30 мая** — Обстрел антиимпериалистической демонстрации китайских рабочих и студентов полицией международного селтльмента в Шанхае Начало «движения 30 мая»
- 5—16 октября** — Международная конференция Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Германии, Польши и Чехословакии в Локарно Формирование антисоветского фронта
- 12 октября** — Всеобщая политическая стачка протеста во Франции против колониальных войн в Марокко и Сирии
- 18—31 декабря** — XIV съезд ВКП(б) в Москве
- 1925 г.** — Создание коммунистических партий Индии, Кореи и Кубы — «Стабилизационный заем» Моргана фашистскому правительству Италии в размере 100 млн. долларов

1926 год

- 24 апреля** — Подписание в Берлине договора между СССР и Германией о ненападении и нейтралитете
- 4—12 мая** — Первая всеобщая забастовка в истории английского рабочего движения
- 12—14 мая** — Государственный переворот в Польше Установление реакционного режима санации
- 23 мая** — Создание Коммунистической партии Эквадора
- 9 июля** — Приход к власти генерала Кармона и начало установления фашистской диктатуры в Португалии.
- Октябрь — ноябрь** — Принятие чрезвычайных законов правительством Муссолини Запрещение компартии Италии
- 27 ноября** — Подписание итало-албанского пакта «О дружбе и безопасности» Установление фактического протектората Италии над Албанией

- 12 декабря** — Решение стран-победительниц о снятии военного контроля над германскими вооружениями.
1926—1933 гг. — Война США против законного правительства Никарагуа.

1927 год

- 23 февраля** — Провокационная нота Великобритании Советскому Союзу («нота Чемберлена»)
24 марта — Обстрел Нанкина американскими и английскими кораблями.
27 марта — Призыв Исполкома Коминтерна к трудящимся и угнетенным народам всего мира подняться на борьбу в защиту китайской революции.
6 апреля — Полицейский налет на советское полпредство в Пекине и консульство в Тяньцзине.
Апрель — Подавление французскими империалистами национально-освободительного восстания в Сирии и Ливане.
12 мая — Налет английской полиции на общество англо-русской кооперативной торговли «Арко» (Лондон).
27 мая — Разрыв Англией дипломатических отношений с Советским Союзом.
29 мая — Утверждение VIII пленумом ИККИ тезисов «Задачи Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности».
31 мая — Захват японцами Циндао.
1 июня — Обращение ЦК ВКП(б) к организациям партии и ко всем рабочим и крестьянам с письмом об угрозе военной опасности в связи с разрывом Великобританией дипломатических отношений с СССР.
5 июня — В Лондоне состоялась многотысячная демонстрация протеста против разрыва правительством Великобритании дипломатических отношений с СССР.
7 июня — Убийство в Варшаве полпреда СССР П. Л. Войкова.
20 июня — Начало работы Женевской конференции по вопросам морских вооружений (Япония, США, Англия).
8 июля — Первая посылка японских войск в Шаньдун.
15—16 июля — Антифашистские выступления рабочих Вены.
10—12 ноября — Всемирный конгресс друзей СССР (Москва).
22 ноября — Подписание итало-албанского договора «Об оборонительном союзе», установившего итальянский контроль над албанской армией.
30 ноября — Выступление советской делегации на IV сессии Подготовительной комиссии Лиги наций в Женеве с декларацией «Об основных принципах полного и всеобщего разоружения»
2—19 декабря — XV съезд ВКП(б) в Москве.

- 13 декабря** — Налет гоминьдановских властей на советское консульство в Кантоне.
1927 г. — Создание в Румынии фашистской организации «Легион Михаила Архангела».

1928 год

- 16 января — 20 февраля** — VI панаме-
 риканская конференция под нажимом делегации США отклонила предложение Сальвадора о том, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого государства» (Гавана).
15 февраля — Советская делегация внесла проект конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении на V сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению.
23 марта — Советский Союз представил в Лигу наций проект конвенции о сокращении вооружений.
20 апреля — Вторжение японских войск в китайскую провинцию Шаньдун.
17 июля — 1 сентября — VI конгресс Коммунистического Интернационала в Москве. Конгресс принял тезисы «Меры борьбы с опасностью империалистических войн» и постановление о проведении международной кампании против войны.
10 августа — Правительство Германии приняло решение о начале строительства крупных боевых кораблей (броненосцев).
16 августа — ЦК КПГ принял решение о проведении референдума против строительства броненосцев в Германии.
27 августа — В Париже подписан договор пятнадцати стран о запрещении войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана — Келлога).
6 сентября — Декларация о присоединении СССР к пакту Бриана — Келлога.
1928 г. — Создание коммунистических партий Парагвая и Перу.
 — Международный конгресс молодежи за мир (Билховен, США).

1929 год

- 6 января** — Военный переворот в Югославии.
9 февраля — Подписание СССР, Польшей, Эстонией, Румынией и Латвией Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога.
11 февраля — Подписание латеранских соглашений между Италией и Ватиканом об установлении дипломатических отношений — дальнейшее укрепление итальянского фашизма на международной арене.

9—10 марта — Международный антифашистский конгресс (Берлин).

16 мая — Конференция тринадцати компартий в Брюсселе приняла решение проводить ежегодно 1 августа Международный день борьбы против империалистической войны.

Июнь — Первая конференция коммунистических партий Латинской Америки, на которой обсуждался вопрос об антиимпериалистической борьбе (Буэнос-Айрес).

15 июля — Принятие ЦК ВКП(б) постановления о состоянии подготовки страны к обороне и задачах в этой области.

18 июля — Обращение Исполкома Коминтерна к трудящимся всего мира с призывом дать отпор поджигателям войны и организаторам контрреволюционного похода против СССР.

Июль — декабрь — Конфликт на КВЖД. Разрыв Китаем дипломатических отношений с СССР.

19—22 июля, 3 декабря — Попытка США, Англии и Франции сорвать переговоры по урегулированию советско-китайского конфликта. Стремление США добиться контроля над Маньчжурией под предлогом установления международной опеки над КВЖД.

1 августа — Международный день борьбы против империалистической войны. Проведение массовых антивоенных демонстраций, митингов и собраний.

6 августа — Издание Реввоенсоветом СССР приказа о создании Особой Дальневосточной армии для защиты советских границ от японской агрессии.

3 октября — Подписание протокола о восстановлении советско-английских дипломатических отношений (Лондон).

12 октября — 20 ноября — Разгром частями Советской Армии маньчжурских милитаристов на КВЖД.

24 октября — Биржевой крах в США. Начало мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

22 декабря — Подписание Хабаровского протокола между СССР и Китаем о ликвидации конфликта и восстановлении статус-кво на КВЖД.

1930 год

20 января — Принятие Гаагской репарационной конференцией «плана Юнга» — нового плана возрождения германского милитаризма.

21 января — 22 апреля — Лондонская конференция по морским вооружениям; усиление позиций Японии в гонке морских вооружений.

19 марта — Провозглашение римским папой Пием XI «крестового похода» против СССР.

17 мая — Предложения французского министра иностранных дел Бриана об организации антисоветского блока под видом объединения Европы («пан-Европа»).

26 июня — 13 июля — XVI съезд ВКП(б) в Москве.

30 июня — Заключение англо-иракского договора «о союзе» — новая форма колониальной экспансии английского империализма.

24 августа — Опубликование Коммунистической партией Германии «Программы национального и социального освобождения немецкого народа».

1930 г. — Создание коммунистических партий Индокитаея, Исландии, Колумбии, Малайи, Панамы, Сальвадора и Филиппин.

1931 год

Март — апрель — Обсуждение на XI пленуме ИККИ в Москве вопросов борьбы против империалистической войны и фашизма.

14 апреля — Свержение монархии в Испании.

20 июня — Меморандум президента США Гувера о предоставлении Германии моратория в оплате репараций.

24 июня — Продление советско-германского договора 1926 г. о ненападении и нейтралитете.

18 сентября — Вторжение японских войск в Маньчжурию (Северо-Восточный Китай).

Сентябрь — Обращение Коммунистической партии Японии к трудящимся с воззванием о прекращении производства оружия и оказании помощи Китаю.

11—12 октября — Конференция реакционных организаций Германии: национал-социалистской партии, партии националистов, «Стального шлема» в Гарцбурге («гарцбургский фронт»).

9 декабря — Принятие республиканской конституции в Испании.

10 декабря — Создание комиссии Совета Лиги наций (комиссия Литтона) для расследования «инцидента» в Маньчжурии.

31 декабря — Предложение СССР Японии заключить пакт о ненападении.

Конец 1931 г. — Завершение оккупации японскими войсками всей территории Маньчжурии.

1931 г. — Создание Коммунистической партии Венесуэлы.

— Подавление английскими колонизаторами общенационального освободительного восстания в Бирме.

1932 год

- 7 января** — Провозглашение доктрины Стимсона (политика «открытых дверей» в отношении Китая), являвшейся выражением экспансионистских устремлений США
- 27 января** — Доклад Гитлера о программе фашистской партии на собрании финансистов и промышленников в Дюссельдорфе
- 29 января** — Вооруженное нападение японских империалистов на Шанхай
- 29 января — 4 марта** — Оборона Шанхая от японских захватчиков трудящимися города и войсками 19-й армии
- 2 февраля** — Открытие международной конференции по разоружению (Женева)
- 6 февраля** — Воззвание коммунистических партий Германии, Франции, Англии, Чехословакии и Польши с призывом к защите Китая от японской агрессии
- 18 февраля** — На конференции по сокращению и ограничению вооружений (Женева) советская делегация предложила проект резолюции о всеобщем и полном разоружении
- 27 февраля — 7 марта** — Фашистский мятеж тапуасцев в Финляндии
- 9 марта** — Провозглашение японцами «независимого государства» Маньчжоу-Го во главе с марионеточным правительством Пу И
- 14 апреля** — Объявление Временным центральным правительством освобожденных районов Китая войны Японии
- 15 мая** — Попытка военно-фашистского путча в Японии
- 26 мая** — Призыв ЦК КПГ к развертыванию кампании «Антифашистского действия»
- Май — август** — Массовые антивоенные демонстрации в Японии
- 10—11 июля** — Антифашистский конгресс единого фронта (Берлин)
- Юль** — Создание по инициативе компартии Румынии «Антивоенного комитета».
- 9 августа** — Принятие в Германии декрета о введении чрезвычайных судов и смертной казни за участие в вооруженных столкновениях, направленных против фашистов.
- 27—29 августа** — Международный антивоенный конгресс (Амстердам) Образован Всемирный комитет борьбы за мир
- Август — сентябрь** — XII пленум ИККИ Разработка программы мобилизации масс против наступления капитала, фашизма, империализма и войны
- 17 октября** — Расторжение Великобританией торгового договора с Советским Союзом
- 31 октября** — Международный антифашистский митинг в Париже.

- 12 ноября** — Обращение крупнейших немецких промышленников и банкиров к президенту Германии с требованием передать власть Гитлеру
- 11 декабря** — Декларация Англии, Франции, Италии и США о признании равноправия Германии в вопросе о вооружении
- 12 декабря** — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Китаем
- 13 декабря** — Отклонение правительством Японии советского предложения заключить пакт о ненападении
- 30 декабря** — Конференция компартий европейских стран об усилении работы по интернациональному сплочению трудящихся в борьбе против войны и агрессии

1933 год

- 4 января** — Совещание немецких монополистов, принявшее решение о немедленном установлении фашистской диктатуры в Германии
- Повторное предложение Советского Союза Японии заключить пакт о ненападении
- 25 января** — Антифашистская демонстрация берлинских рабочих
- 30 января** — Назначение Гитлера рейхсканцлером Установление фашистской диктатуры в Германии
- 30 января** — Обращение ЦК КПГ к другим партиям и профсоюзам о создании единого антифашистского фронта
- 30 января — 4 марта** — Захват японскими войсками китайской провинции Жэхэ
- 6 февраля** — На Международной конференции по разоружению в Женеве Советский Союз предложил подписать соглашение об определении агрессии и агрессора (нападающей стороны)
- 7 февраля** — Нелегальный пленум ЦК КПГ Принятие программы борьбы КПГ против фашистской диктатуры в условиях нелегальной деятельности партии
- 13 февраля** — Совместное обращение коммунистических партии Германии, Франции и Польши к рабочему классу своих стран с призывом создать единый рабочий фронт для борьбы против международного финансового капитала и фашизма
- В ночь на 28 февраля** — Поджог фашистами здания рейхстага в Берлине
- 28 февраля** — Чрезвычайный декрет гитлеровского правительства об отмене статей веймарской конституции, гарантировавших свободу личности, слова, печати, собраний, союзов
- 3 марта** — Арест председателя ЦК Коммунистической партии Германии Э. Тельмана
- 5 марта** — Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интер-

национала с призывом к созданию единого фронта коммунистов и социал-демократов против фашизма и войны.

7 марта — Установление фашистской диктатуры Дольфуса в Австрии.

14 марта — Запрещение Коммунистической партии Германии.

24 марта — Предоставление рейхстагом правительству Гитлера чрезвычайных полномочий.

27 марта — Выход Японии из Лиги наций.

Март — Обращение ЦК компартии Германии ко всем членам партии с призывом укреплять единство немецкого народа в борьбе против фашизма и войны.

— Национальный антивоенный конгресс в Лондоне.

— Южноамериканский антивоенный конгресс в Монтевидео.

Апрель — Скандинавская антивоенная рабочая конференция в Копенгагене.

10 мая — Первое массовое сожжение книг прогрессивных авторов в Германии.

26 мая — Запрещение Коммунистической партии Австрии.

4–6 июня — Европейский антифашистский конгресс (Париж).

22 июня — Запрещение социал-демократической партии Германии.

Июнь — Создание Коммунистической партии Северной Ирландии.

— Антивоенная конференция в Голландии.

— Антивоенная конференция в Болгарии.

3–5 июля — По инициативе СССР одиннадцатью государствами подписана конвенция об определении агрессора.

15 июля — Подписание Англией, Францией, Германией и Италией «пакта согласия и сотрудничества «четырех держав» (Рим).

Август — Создание Всемирного комитета против войны и фашизма (на базе объединения антифашистского ЦК и Всемирного комитета борьбы за мир).

2 сентября — Подписание советско-итальянского договора о дружбе, ненападении и нейтралитете.

21 сентября — 23 декабря — Леипцигский судебный процесс по делу о поджоге рейхстага.

29 сентября — 1 октября — Американский конгресс против войны и фашизма.

Сентябрь — октябрь — Дальневосточный антивоенный конгресс в Шанхае.

— Международный конгресс молодежи против войны и фашизма (Париж).

14–19 октября — Выход Германии из Лиги наций и уход ее делегации с конференции по разоружению.

Октябрь — Налеты белогвардейцев и японо-маньчжурских частей на КВЖД и пограничные войска СССР.

16 ноября — Установление дипломатических отношений между СССР и США. Предложение Советского правительства о заключении Тихоокеанского пакта.

12 декабря — Принятие Центральным Комитетом ВКП(б) решения о развертывании борьбы за коллективную безопасность.

28 декабря — Предложение Советского Союза Франции о разработке коллективных мер защиты мира.

1934 год

26 января — Подписание германо-польского пакта о ненападении — один из этапов подготовки фашистской агрессии.

26 января — 10 февраля — XVII съезд ВКП(б) в Москве.

5–7 февраля — Попытка фашистского переворота во Франции.

7 февраля — Принятие советом имперской обороны Германии решения об экономической подготовке к войне.

9 февраля — Создание Балканской Антанты в составе Греции, Румынии, Турции и Югославии с целью «совместной обороны» балканских границ.

— Демонстрация протеста трудящихся Парижа против угрозы фашизма в стране.

12 февраля — Всеобщая антифашистская забастовка во Франции.

12–15 февраля — Вооруженное выступление австрийского пролетариата против фашизма.

Февраль — Проведение коммунистами Англии Конгресса единства действий против фашизма (Лондон).

Май — июнь — Советско-французские переговоры о заключении Восточного пакта.

— Посещение французским министром иностранных дел Барту государств Центральной и Юго-Восточной Европы с целью создания системы коллективной безопасности против угрозы агрессии фашистской Германии.

14 июля — Предложение правительства СССР всем заинтересованным государствам принять участие в Восточном пакте.

25 июля — Попытка фашистского путча в Австрии, инспирированная Германией. Убийство австрийского федерального канцлера Дольфуса.

27 июля — Подписание коммунистической и социалистической партиями Франции пакта о единстве действий в борьбе против фашизма и угрозы войны.

Июль — Принятие пленумом ЦК КПГ резолюции «О создании единого фронта трудящихся масс в борьбе против гитлеровской диктатуры».

- 2 августа** — Объявление Гитлера «фюрером и рейхсканцлером германского народа».
- 4—7 августа** — Международный женский конгресс против войны и фашизма (Париж).
- 17 августа** — Подписание коммунистической и социалистической партиями Италии пакта о единстве действий в борьбе против фашистской диктатуры.
- Август** — Создание в США профашистской «Лиги американской свободы».
- 8, 27 сентября** — Отклонение Германией и Польшей предложения о создании Восточного пакта.
- 18 сентября** — Вступление Советского Союза в Лигу наций.
- Сентябрь** — Второй антивоенный и антифашистский конгресс (Чикаго).
- 5 октября** — Всеобщая забастовка протеста против фашизации правительства в Испании.
- 9 октября** — Убийство в Марселе югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту нацистскими агентами.
- Октябрь** — Вооруженные восстания в Астурии, Мадриде, Бильбао и других промышленных центрах Испании.
- 5 декабря** — Провокационное нападение итальянских войск на эфиопскую пограничную охрану у оазиса Уал-Уал.
- 19 декабря** — Демонстрация Японией Вашингтонских соглашений 1922 г.
- 31 декабря** — Принятие в Италии закона «О воснизации итальянской нации».
- 1934 г.** — Создание коммунистических партий Ирака и Пуэрто-Рико — Международный антифашистский студенческий конгресс (Брюссель).

1935 год

- 7 января** — Римские соглашения Лавалля — Муссолини. Фактическое поощрение Италии к нападению на Эфиопию.
- 13 января** — Плебисцит в Сааре по вопросу о присоединении к Германии.
- 26 февраля** — Решение правительства Германии о создании военной авиации. Отказ от статей Версальского договора, ограничивающих вооружение Германии.
- Февраль** — Создание единого фронта коммунистов и революционных социалистов в Австрии.
- 1 марта** — Передача Лигой наций Саарской области Германии.
- 4 марта** — Принятие правительством Великобритании широкой программы вооружения.
- 16 марта** — Принятие фашистским правительством Германии в нарушение Версальского договора закона о введении всеобщей воинской повинности и создании полумиллионного вермахта.
- 24—26 марта** — Переговоры английских министров Саймона и Идена с Гитлером.
- 11—14 апреля** — Конференция представителей Великобритании, Франции и Италии выразила «сожаление» по поводу вооружений Германии (Стреза, Италия).
- 2 мая** — Подписание советско-французского договора о взаимопомощи. — Издание секретной директивы военного министерства Германии о захвате Рейнской области.
- 16 мая** — Подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи.
- 21 мая** — Тайный закон «Об обороне империи» в Германии — курс на экономическую подготовку войны.
- Май** — Приход к власти в Польше генеральской группы во главе с Э. Рыдз-Смиглы.
- 18 июня** — Подписание англо-германского морского соглашения, санкционировавшего, в нарушение Версальского договора, значительное увеличение военно-морского флота Германии.
- 21—25 июня** — Международный конгресс защиты культуры (Париж).
- Июнь** — Проведение в Англии «плебисцита мира», в котором приняло участие 11,5 миллиона человек.
- 14 июля** — Антифашистская демонстрация во Франции.
- 25 июля — 20 августа** — VII конгресс Коммунистического Интернационала (Москва). Конгресс выработал новую стратегическую и тактическую линию коммунистических партий в борьбе рабочего класса против наступления фашизма и в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны.
- 31 августа** — Принятие американским конгрессом резолюции о «нейтралитете», способствовавшей агрессии Италии в Эфиопии.
- Август** — Утверждение в Лондоне законов об управлении Индией и Бирмой, подтверждающих полное и безраздельное господство английских колонизаторов в этих странах.
- 3 октября** — Вторжение войск фашистской Италии в Эфиопию. Переход европейского фашизма к вооруженной агрессии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абсолон Рудольф — 157, 159
Абуш Александр — 45
Аварин В. Я. — 106
Адам Вильгельм — 123
Аденауэр Конрад — 136
Адлер Фридрих — 315, 320, 328
Акира Ирие — 86
Александр I, король Югославии — 290, 347
Аллен Генри — 51
Аллен Джеймс — 173
Альфан Шарль — 296
Амо Хидэдзи — 105
Ангелина П. Н. — 216
Андерсен-Нексе Мартин — 315
Андреев А. А. — 205
Антонов-Овсеенко В. А. — 202, 288
Араки Садао — 88, 97, 103
Арнот Робин — 166
Артемов В. А. — 259
Ахметдин-хан (Бейли Ф. М.) — 225

Б

Бадиа Жильбер — 31
Байдуков Г. Ф. — 300
Баранов П. И. — 251, 260
Барбюс Анри — 313, 315—317, 320
Барнс Г. — 23
Барту Луи — 286—290
Барыков Н. В. — 260
Бассет Р. — 100
Батлер Николас — 175
Батлер Семуэль — 177
Батти Петер — 35, 140
Бауэр Отто — 309
Беднарек Хорст — 125
Бек Юзеф — 190, 285, 288, 296
Белов П. А. — 140
Беляков А. В. — 300
Бенеш Эдуард — 39, 190, 285, 297, 301
Бензель Рольф — 158
Беннет Е. — 194
Бернал Джон — 317
Бернаш Франтишек — 189
Бетховен Людвиг — 118
Бехер Иоганнес — 324

Биддл Фрэнсис — 179
Бингхэм — 105
Бирд М. — 175
Бирд Чарльз — 175, 280
Бисмарк Отто — 48, 50, 66, 71, 148
Благонравов А. А. — 259
Бланк А. С. — 139
Бломберг Вернер — 108, 124, 156, 159, 160, 163
Блэкени — 166
Блюм Леон — 301
Блюхер В. К. — 82, 201, 271
Богомолец В. В. — 225
Бока Анжело — 177
Болдуин Стенли — 168, 169, 171
Боле Эрнст — 130
Бономи Иваноз — 58, 60
Бонч-Бруевич М. Д. — 202
Бора Уильям — 82
Борг Д. — 93, 105, 106
Борин К. А. — 216
Борман Мартин — 130
Брандт Вилли — 325
Брассерт Роберт — 186
Браудер Роберт — 280
Брахер Карл — 115
Бредов Фердинанд — 123, 124, 138
Брежнев Л. И. — XXI, XXIV, 205, 209, 242
Брейтшейд Рудольф — 325
Бриан Аристид — 91, 93, 275
Броквей Феннер — 312
Брэмстед Эрнст — 144
Брюк К. — 126
Брюнинг Генрих — 114, 116, 188
Бубнов А. С. — 202, 250, 251, 252
Буденный С. М. — 201, 205, 251, 271, 299
Буллит Вильям — 281, 288, 290, 291, 295
Бусше — 123, 124
Бусыгин А. Х. — 216
Бутов Роберт — 97, 99, 108
Бухфинк Е. — 152, 154
Буххейт Г. — 160
Бэнкс Джон — 170
Бэнкс Реджинальд — 167
Бюэлл Р. — 40
Бюшер Г. — 152

В

Вагнер — 115
 Вагнер Рихард — 149
 Вайнберг Дж. — 12, 283
 Вайян-Кутюрье Поль — 317
 Вакамацу — 108
 Вакацуки Рейдзиро — 86
 Вальтер Э. — 152
 Вандербилт Корнелиус — 178
 Вандервельде Эмиль — 312, 328
 Ван Доорн И. — 238
 Ванситарт Роберт — 42, 293
 Ванцетти Бартоломео — 254
 Варфоломеев Н. Е. — 247
 Вацетис И. И. — 202
 Вебер Э. — 79
 Вегерер А. — 49
 Вейган Максим — 28, 303
 Вейсс Джон — 78, 79
 Вельтов Н. — 229
 Вельчек Иоганн — 296
 Вентцель Д. А. — 259
 Вестрик Г. — 186
 Ветчикин В. П. — 261
 Виграм — 192
 Видаль Аннет — 317
 Вильсон Вудро — 9, 11, 16
 Вильсон Н. — 91, 92
 Вильямс Альберт — 201
 Виноградова Е. В. — 216
 Виноградова М. И. — 216
 Винсон — 27
 Винцер Отто — 117, 138, 142
 Власов В. Г. — 262
 Войков П. Л. — 40
 Ворошилов К. Е. — 202, 205, 251, 258, 264, 268, 271, 277, 278, 299, 300
 Вострецов С. С. — 202
 Врангель П. Н. — 223
 Вселякия — 192
 Вудман Дороти — 35
 Вудринг Гарри — 174
 Вульф С. — 54, 78, 79
 Высоцкий — 189

Г

Гаврилов А. Г. — 259
 Галифакс Эдуард — 298
 Галкин А. А. — 70, 146, 147
 Галл Э. — 84
 Гамарник Я. Б. — 299
 Гамелен Морис — 28, 300, 301, 303
 Гампльтон А. — 78
 Гарголини — 61
 Гартгофф Р. — 238
 Геббельс Йозеф — 70, 77, 114, 123, 127, 128, 130, 137, 144, 145, 149, 150, 161
 Гегель Георг — 118, 149
 Гейден Гюнтер — 46
 Гейден Конрад — 70, 128
 Геккерт Фриц — 135
 Гельмгольц Герман — 118
 Гендерсон Артур — 84
 Гендерсон Невиль — 298
 Георгиев В. — 290
 Геринг Герман — 117, 122, 127—129, 134, 137, 140, 157, 158, 186, 191, 289, 296, 324

Герман — 34
 Гесс Рудольф — 46, 117, 121, 130, 145, 150, 161
 Гёрлитц Вальтер — 32, 138, 140, 195
 Гёте Иоганн — 118, 149
 Гибсон — 282
 Гильмур — 169
 Гиммлер Генрих — 56, 122, 136, 150
 Гинденбург Пауль — 26, 49—52, 108, 115—118, 123, 124, 130, 135, 136, 138, 159, 195
 Гинзбург С. А. — 260
 Гитлер Адольф — IX, 35, 44, 46, 49, 52, 56, 58, 67—71, 75, 77, 78, 108, 113—124, 126, 127, 130, 132—140, 143—148, 151, 155, 156, 159—162, 167—169, 171, 172, 176, 177, 179, 180, 182, 183, 185—192, 194, 195, 276, 277, 278, 283, 285, 286, 288, 289, 293, 294, 296, 298, 299, 318, 319, 321, 324, 332, 335
 Гиттис В. М. — 202
 Глазнев Г. — 48
 Глисон Сарелл — 181
 Гнатенко М. В. — 216
 Годо Агнес — 33, 47
 Гольдман Наум — 183
 Горбатов Б. Л. — 207
 Гордон Д. — 113
 Городовиков О. И. — 202
 Горький А. М. — 25, 118, 205, 218, 254, 315, 317
 Готвальд Клемент — XII, 297
 Грабовский А. — 46
 Граве И. П. — 259
 Грей Джастин — 177
 Гренер Вильгельм — 37, 51
 Грёнер-Гейер Доротея — 37
 Григорович Д. П. — 261
 Гризодубова В. С. — 300
 Грин Гилберт — 180
 Громов М. М. — 300
 Грумбах С. — 296
 Грю Джозеф — 105, 108
 Гувер Герберт — 92, 100
 Гугенберг Альфред — 12, 115, 117, 182
 Гудериан Гейнц — 155, 157, 170
 Гудов И. И. — 216
 Гумбольдт Александр — 118
 Гусев С. И. — 202, 245, 246
 Гюнтер Г. — 147

Д

Даладьё Эдуард — 73, 193, 303
 Далем Франц — 322, 324, 325
 Даллес Аллен — 182
 Даллес Джон Фостер — 182
 Дан (Гурвич) Ф. И. — 309
 Данилин С. А. — 300
 Датт Раджани — 76, 114, 167, 172
 Дауэс Чарльз — 20, 24, 37, 38, 42, 93, 113, 168, 183, 341
 Дебенэ М. — 28
 Дебуци — 89
 Дегтярев В. А. — 259
 Дельбос Ивон — 303
 Деметер К. — 32
 Демиденко А. И. — 46
 Демченко М. С. — 216

Детердинг Генри — 113, 168
 Джеймс Р. — 168
 Джексон Роберт — 283
 Джентиле Джованни — 65
 Джилльберт Ф. — 93
 Джипована М. — 177
 Джолитти Джованни — 58
 Джонсон Х. — 180
 Джордан Вирджил — 175
 Дзержинский Ф. Э. — 205
 Диггинс Дж. — 73
 Дикс А. — 46
 Димитров Георгий — XII, 57, 75, 116,
 137, 178, 179, 311, 312, 320, 323,
 326, 329—331
 Дин — 121
 Дирксен Герберт — 108
 Дитеридж Дж. — 177
 Дитрих Отто — 115
 Довгалецкий В. С. — 285, 291
 Додд Уильям — 162
 Доннелли Д. — 294
 Дорпален Андреас — 46
 Драйзер Теодор — 315
 Дресслер-Адресс — 145
 Друммонд Эрнст — 91
 Дуисберг Карл — 77
 Дука Ион — 289
 Дурляхов Р. А. — 259
 Дыбенко П. Е. — 202
 Дэвидсон Дж. — 168
 Дэвис Норман — 290, 291
 Дюбуа Уильям — 229
 Дюпон — 177, 184

Б

Егоров А. И. — 202, 251, 271, 299
 Ерусалимский А. С. — 49, 149

В

Венедзава Такитаро — 33

Ж

Жданов А. А. — 258
 Жуков Е. М. — 32
 Жуковский Н. Е. — 261

З

Забудский Г. А. — 259
 Зейтц Т. — 47
 Землячка Р. С. — 202
 Зиман З. — 147
 Зогу Ахмет — 341

И

Ибрагим-бек (Чекабиев) — 225
 Иво Й. — 145
 Иден Антони — 171, 282, 293—295, 298,
 347.
 Изотов Н. А. — 216, 240
 Иидзука Кодзи — 98
 Икес Гарольд — 177
 Икль Ф. — 108
 Ильюшин С. В. — 261
 Иноуэ Киёси — 90

Иодль Альфред — 159
 Иосидзава Кэнкити — 99
 Исаченков Н. В. — 262

И

Йост Чарльз — 338
 Йохман В. — 71

К

Кавабэ Торасиро — 103
 Калбе Е. — 134
 Калпнин М. И. — 202, 205, 217, 280,
 281
 Калиновский К. Б. — 246
 Каменев С. С. — 202, 251
 Кан Альберт — 178, 180
 Канарис Вильгельм — 130
 Кант Эммануил — 149
 Кар — 69
 Кармона Антонио — 342
 Каррент Р. — 92
 Карстен Френсис — 69, 70
 Касахара — 90, 103
 Кастеллан Жорж — 29
 Катаяма Сен — 315, 317
 Каутский Карл — 49, 308
 Кашен Марсель — 311, 312
 Квинт Г. — 138
 Кейдин М. — 96
 Кейм — 50
 Кейтель Вильгельм — 124, 159
 Келли — 100
 Келли — 279
 Келлог Фрэнк — 38, 86, 91, 93, 275
 Кеплер Вильгельм — 117
 Килгор Харли — 183
 Ким Ир Сен (Ким Сон Чжу) — 101
 Киносита Хандзи — 29
 Кинт Г. — 138
 Кирдорф Эмиль — 12, 44, 58, 113, 117
 Киров С. М. — 202, 205, 258
 Кирхайзен — 48
 Кларк Беннет — 184
 Клаузевиц Карл — 148, 153
 Клейне-Альбрандт В. — 165
 Клемансо Жорж — 9, 13, 16, 190
 Клёкнер Петер — 12
 Климов В. Я. — 261
 Климовский Д. С. — 192
 Кникербокер Г. — 112, 123
 Кнорин В. Г. — 333
 Коев Джером — 87, 101
 Козырев Н. Н. — 260
 Койсо Куниаки — 89
 Колби Б. — 51
 Колесов Ф. И. — 216
 Колкович Р. — 238
 Коллнер — 192
 Кораблев Ю. И. — 237
 Кордт Эрих — 171, 194
 Корк А. И. — 202
 Королев С. П. — 260
 Косиор С. В. — 202, 205, 253
 Костенко В. П. — 262
 Кот Пьер — 285
 Котовский Г. И. — 202
 Кофлин Чарльз — 179, 180

Кох Г. — 150
 Кохенхаузен Фридрих — 151
 Кочергин С. А. — 261
 Краусник Г. — 190
 Кребс Н. — 46
 Кржижановский Г. М. — 204
 Кривonos П. Ф. — 216
 Крупп Альфред — 120
 Крупп Густав — 20, 34, 35, 71, 107, 112, 115, 120, 121, 138, 140—143
 Крупская Н. К. — 202, 252
 Крылов А. Н. — 262
 Кузьмин Н. Ф. — 264
 Куйбышев В. В. — 202, 205
 Кулидж Кальвин — 23
 Кульбакин В. Д. — 32
 Кун Бела — 17
 Купке Г. — 143
 Курелла Альфред — 323
 Курота Окануэ — 108
 Кутепов А. П. — 223
 Куусинен О. В. — 317, 321, 326
 Кучинский Юрген — 22, 136, 140
 Кэнлиф-Листер — 169
 Кэстл — 92

Л

Лаваль Пьер — 290—293, 295—297
 Лазар — 183
 Лазо С. Г. — 202
 Лакер У. — 79
 Ланжевен Поль — 315
 Ласвель Г. — 49
 Лахузен Эрих — 130
 Лебедев И. А. — 260
 Лебедев С. В. — 212
 Лей Роберт — 122
 Лемин И. М. — 29, 44, 52
 Ленин В. И. — III, XIV, XVII, XIX, 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 26, 27, 28, 36, 42, 43, 45, 51, 52, 54, 55, 65, 66, 73, 80, 81, 141, 150, 164, 173, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 218, 226, 227, 228, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 253, 254, 255, 256, 273, 274, 282, 301, 302, 306, 330, 332
 Ленский Юлиан (Лещинский) — 329
 Леув де Алекс — 332
 Либкнехт Карл — 13, 66
 Ли Ли-сань — 83
 Лимэн — 183
 Липпман Уолтер — 280
 Липсет С. — 56
 Липский Юзеф — 147, 189, 191
 Литвинов М. М. — 41, 205, 277, 282, 285, 290
 Литтон Георг — 94, 344
 Ллойд-Джордж Дэвид — 9, 16, 49, 167, 298
 Ломако В. Ф. — 300
 Лонг Хью — 176, 178—180
 Лондондерри — 167
 Лоран Ф. — 300
 Лоссон — 69
 Лори Г. — 95
 Лукасевич Ю. — 285
 Луначарский А. В. — 205

Лэнжер Уильям — 181
 Лю Да-нянь — 91
 Людвиг Эмиль — 32
 Людеке Курт — 147
 Людендорф Эрих — 50, 58, 68, 69, 118, 153—154
 Люксембург Роза — 66
 Лютер Мартин — 48
 Лярош Жюль — 288

М

Магдосеев Л. А. — 259
 Мазер В. — 67
 Майерс — 86
 Майский И. М. — 298
 Майснер Л. — 189
 Макартур Дуглас — 174, 178, 179
 Макдональд Рамсей — 166, 187, 193
 Маккиндер Г. — 46
 Макмиллан Гарольд — 168, 169
 Малинин Б. М. — 262
 Мальтер — 244
 Манн — 182
 Манн Генрих — 70, 315, 325
 Манн Томас — 150
 Мануильский Д. З. — 326, 329
 Манштейн Эрих — 35
 Мао Цзэ-дун — 83
 Маретта Р. — 29
 Маркс Карл — 41, 43, 44, 48, 52, 70, 119, 150, 205, 206, 232, 233, 305
 Мартин Джеймс — 120, 184, 186
 Масамити Рояма — 106
 Матковский Н. И. — 165
 Маттеотти Джакомо — 64, 341
 Мау Г. — 190
 Маулл О. — 46
 Маханов С. Н. — 259
 Мацкевич З. — 191
 Мацудаира — 93
 Мацуока Иосукэ — 107
 Машке — 151
 Маяковский В. В. — 234
 Мейер Гершл — 185
 Мейнк Г. — 156, 157
 Мейснер Отто — 121
 Мескил Дж. — 99
 Мехоношин К. А. — 202
 Микоян А. И. — 202, 205
 Микулин А. А. — 261
 Микульский К. И. — 121, 141
 Мильоли Г. — 317
 Мира Джованни — 45
 Михаэлис Г. — 119
 Мицубиси — 85, 87, 101
 Мицуи — 85, 101
 Мичев Добрин — 313
 Мольтке-младший Хельмут — 154
 Монд А. — 168
 Морган Джон — 177, 186, 342
 Мортон Л. — 338
 Морэн — 303
 Мосин С. И. — 259
 Мосли Освальд — 166—168
 Моссэ Дж. — 79
 Мосьицкий Игнаци — 191
 Моурер Эдгар — 63
 Мурен Максим — 296
 Муррей М. — 86

Муссолини Бенито — 45—47, 55, 60, 61, 63—65, 73, 75, 78, 152, 168, 169, 175—177, 180, 187, 193, 276, 292
 Мэллалли Фредерик — 167
 Мэнвелл Роджер — 70
 Мэхэн Альфред — 46
 Мюлен Норбет — 186
 Мюллер Винценц — 50
 Мюллер Генрих — 114
 Мюллер К. — 138, 160, 161
 Мюллер-Гиллебранд Буркхарт — 156, 157, 159
 Мюнцбергер В. — 325
 Мясников А. Ф. — 202, 242

Н

Наджафов Д. Г. — 320
 Надольный Рудольф — 278
 Нейрат Константин — 116, 171, 187
 Никиш Э. — 68
 Николай Вальтер — 224
 Ниман Г. — 323
 Нокс Фрэнк — 185
 Нольте Эрнст — 78, 79, 195, 276, 277
 Норден Альберт — 77, 185, 186
 Носке Густав — 66
 Ноэль-Бейкер Филипп — 94, 170
 Ньютон Базиль — 297

О

Оберлендер Теодор — 150
 Овада Микио — 102
 Огата Садако — 91
 Оконоги Синдзабуро — 90
 Окумия Масатакэ — 96
 Окура Маса — 85
 Олдрич — 182
 О'Нейл Р. — 177
 Орджоникидзе Г. К. — 202, 205, 222, 251, 258, 260, 277
 Орландо Витторио — 13
 Осецкий Карл — 126
 Осима Хироси — 108
 Осипенко П. Д. — 300
 Отт Ойген — 224
 Ощепков П. К. — 261

П

Павелич Анте — 289
 Папен Франц — 71, 116, 117, 188
 Папкович П. Ф. — 262
 Пархоменко А. Я. — 202
 Пачелли — см. Пий XII
 Пелли У. — 176
 Пенсген Эрнст — 12, 115, 184
 Перкинс Д. — 10, 181
 Петлюра С. В. — 223
 Петляков В. М. — 261
 Петров Л. Ф. — 97
 Петров Ю. П. — 255
 Петровский Г. И. — 202, 205
 Петропавловский Б. С. — 259
 Пий XI — 55, 344
 Пий XII — 188
 Пик Вильгельм — 121, 125, 135, 322, 325, 329, 331
 Пилсудский Юзеф — 33, 41, 46, 75, 191

Питтман Кей — 175
 Подвойский Н. И. — 202
 Поздунин В. Л. — 262
 Покладок М. — 96
 Поликарпов Н. Н. — 261
 Поллит Гарри — 169, 170, 172, 328, 329
 Полмар Н. — 34
 Поль-Бонкур Жозеф — 285, 286
 Попов В. Ф. — 262
 Попов И. И. — 96
 Постышев П. П. — 202, 205
 Потемкин В. П. — 291
 Прессэйзен Эрнст — 107, 108
 Примаков В. М. — 202
 Примо де Ривера Мигель — 74
 Пу И — 100

Р

Рагинский М. Ю. — 86
 Радзивилл Янош — 74
 Райбнитц К. — 32
 Раскова М. М. — 300
 Рассел Бертран — 315
 Ратцель Фридрих — 46
 Раушнинг Герман — 154
 Рейли Сидней — 223
 Рейман Г. — 184, 185
 Рейно Поль — 193, 301
 Рейнхардт Фридрих — 121
 Рейхенау Вальтер — 124, 159, 160
 Редер Эрих — 35, 159
 Рем Эрнст — 67, 138
 Ремер Чарльз — 84
 Рехберг — 120
 Рехлинг Герман — 120, 143
 Риббентроп Иоахим — 108, 123, 130, 150, 159, 168, 171, 186, 194
 Рид Д. — 175
 Рисс Курт — 129
 Риттер Герхард — 48
 Розенберг Альфред — 108, 130, 131, 138, 150, 161, 168, 182
 Розенблит С. Я. — 86
 Рок де ля — 73
 Роллан Ромен — 230, 313, 315, 317
 Ротермир Гарольд — 167, 168, 189
 Роша — 191
 Руге Вольфганг — 44
 Рудзутак Я. Э. — 205
 Рузвельт Франклин — 176—182, 279, 280, 290, 291
 Рыдз-Смиглы Эдвард — 347

С

Савинков Б. В. — 223
 Саймон Джон — 93, 105, 169, 170, 171, 187, 192, 194, 288, 293
 Сакаса Х. — 37
 Сакко Никколо — 254
 Сакс Ганс — 118
 Сальваторелли Луиджи — 45
 Сальвемини Гаetano — 58, 63
 Самуэли Тибор — 17
 Сандино Аугусто — 37, 315
 Сандомирский Г. Б. — 61
 Свечин А. А. — 247
 Сеабури П. — 145

Сект Ганс — 27, 35, 44, 115, 123, 152
 Семенов Г. М. — 223
 Сесиль Эдгар — 91
 Сидоренко В. Н. — 259
 Сидэхара Кидзюро — 85, 86
 Сименс Карл — 107, 112, 121, 141, 187
 Синклер Эптон — 128, 129, 315
 Скерский К. В. — 244
 Скирмунт — 192
 Скоблин Н. В. — 223
 Скшинский А. — 39
 Слободской С. М. — 27, 30
 Словес Х. — 13
 Сметанин Н. С. — 216
 Соколовский — 192
 Сталин И. В. — XVIII, 202, 205, 206, 258, 277, 294
 Стана Бела — 33, 47
 Стасова Е. Д. — 58, 317
 Стаханов А. Г. — 216
 Стечкин Б. С. — 261
 Стилз Лела — 179
 Стимсон Генри — 89, 91—93, 113, 279
 Стиннес Гуго — 12, 115
 Судзуки Тэйити — 90
 Судзуки Сёси — 90
 Сумитомо Томотика — 85, 101
 Суханов (Гиммер) Н. Н. — 203
 Сэсюли Ричард — 35

Т

Табуи Женестьева — 191, 287, 296
 Тагор Рабиндранат — 229
 Тагуэлл Р. — 178
 Тада — 106
 Такасида Тацухико — 97
 Такахару Алкава — 52
 Тамон — 32
 Танака Шичи — 86
 Тардье Андре — 9
 Тельман Эрнст — 38, 67, 117, 124, 132, 135, 165, 311, 318, 322
 Тененбаум Джозеф — 20, 181, 183, 187
 Тербовен Йозеф — 138
 Тиссен Август — 12
 Тиссен Фриц — 58, 59, 113, 115, 117, 120—123, 140
 Титулеску Николай — 285, 289
 Тихомиров Н. И. — 259
 Того Сигэноори — 103
 Тодзио Хидеки — 99
 Тодт Фриц — 141
 Токарев Ф. В. — 259
 Токугава — 108
 Тольятти Пальмиро — 228, 319, 329, 331—333
 Томас Г. — 143
 Торез Морис — XII, 31, 318, 329
 Тоскин К. Н. — 260
 Триандафиллов В. К. — 246, 247
 Тройе Вильгельм — 195
 Трофимов В. М. — 259
 Троцкий Л. Д. — 245, 251
 Туманский С. К. — 261
 Туполев А. Н. — 261
 Тухачевский М. Н. — 202, 205, 246, 247, 251, 258, 260, 264, 271, 299
 Тэйлор Т. — 35
 Тэнзилл Чарльз — 82
 Тэттенже П. — 300

У

Уайт — 224
 Уборевич И. П. — 202, 258
 Уильямс Т. — 179, 180
 Уильямс Уильям — 295
 Ульбрихт Вальтер — 117, 135, 322, 324, 325
 Унгерн Роман — 243
 Уншлихт И. С. — 251
 Уолш Джейм — 23
 Уэллес Самнер — 289

Ф

Фабрициус Я. Ф. — 202
 Файнгар И. М. — 112
 Факта Луиджи — 63
 Федерату Ф. — 142
 Федоров В. Г. — 259
 Федько И. Ф. — 202
 Фейлинг Кейт — 298
 Фейхтвангер Лион — 325
 Феглер Альберт — 12, 113, 115, 121
 Фёлькер К. — 158
 Ферстер Г. — 151, 153
 Фёрч Герман — 153
 Филатов Н. М. — 259
 Филиппс Чарльз — 192
 Финппс Эрик — 171
 Фирсов А. О. — 260
 Фихте Иоганн — 149
 Фишер — 121
 Флик Фридрих — 112, 115, 120, 140
 Флорин Вильгельм — 135, 322, 325
 Фолькман Э. — 51
 Фольц Г. — 116, 157
 Фомин В. Т. — 157, 160, 190
 Форд Генри — 20, 113, 183
 Форстер — 189
 Форстер В. — 156
 Фостер Уильям — 55, 176, 181
 Франсуа-Понсэ Андре — 156, 286, 296
 Френкель Генрих — 70
 Френч С. — 85
 Фрид Г. — 27
 Фридрих I Барбаросса — 149
 Фридрих II — 148, 189
 Фрик Вильгельм — 128
 Фрич Вернер — 159
 Фрунзе М. В. — 202, 205, 235, 245—248, 251
 Фулбрайт Джеймс — 222, 223
 Фуллер Джон — 10, 28
 Фурманов Д. А. — 237
 Фурниа А. — 193, 292

Х

Хабеданк Гейнц — 27
 Хадамовский Э. — 145
 Хайе — 35
 Халепский И. А. — 258
 Халльгартен Георг — 59
 Хаммерштейн-Экворд — 52, 123, 124
 Ханиген Ф. — 193
 Харада — 89—90
 Харрис В. — 48
 Хатт А. — 165, 168
 Хаттори Такусиро — 96

Хаусхофер Карл — 46
 Хаффнер Себастьян — 172
 Хаяси Сабуро — 99, 102
 Хаяси Сэндзиро — 45, 98
 Хегнер Г. — 71, 136, 138
 Хейлшем Дуглас — 169
 Хейнкель — 35
 Хирата Симадзаки — 98
 Хирл Константин — 153
 Хирота Хиротакэ — 89, 106
 Хирохито — 95
 Хисида Сэйдзи — 106
 Хлаповский — 192
 Хорикоси Дзиро — 96
 Хорти Миклош — 340
 Хофер В. — 50, 76, 135
 Хубач Вальтер — 27, 49
 Хэлл Кордэлл — 105, 279

Ц

Цандер Ф. А. — 259
 Цвейг Арнольд — 150, 325
 Цветков Г. Н. — 51
 Цейс — 35, 141, 186
 Цеткин Клара — 317
 Цергибель К. — 125
 Циолковский К. Э. — 259

Ч

Чан Кай-ши — 37, 83, 85, 90—93, 95, 100, 104—106, 109
 Чапаев В. И. — 202, 237
 Челлен Юхан — 46
 Чемберлен Невиль — 167, 169, 298
 Чемберлен Остин — 38, 39, 342
 Черчилль Уинстон — 16, 45, 51, 168, 171, 190, 293
 Чжан Сюэ-лян — 90, 91
 Чичерин Г. В. — 52, 205, 274, 275
 Чкалов В. П. — 300
 Чубарь В. Я. — 205
 Чубинский А. — 74
 Чунке — 131

Ш

Шамбр А. — 222
 Шапошников Б. М. — 202, 246, 299, 303
 Шарндорф В. — 222
 Шауб — 287
 Шахт Ялмар — 20, 115, 117, 118, 120, 121, 142, 143, 182, 186
 Шведе Е. Е. — 34, 96
 Швейппенбург Гейр фон — 170
 Шверма Ян — 331
 Шверник Н. М. — 205, 317
 Швецов А. Д. — 261
 Шеель К. — 55
 Шейдеман Филипп — 66
 Шембек Ж. — 191

Шер Д. — 322
 Шершов А. П. — 262
 Шетцель В. — 47
 Шпловский Е. А. — 247
 Шиманский Ю. А. — 262
 Шлезингер Артур — 174, 175, 180
 Шлейхер Курт — 116—118, 123, 124, 138
 Шленкер Макс — 117
 Шлиффен Альфред — 154
 Шмидт — 150
 Шмидт Конрад — 205
 Шмопель В. — 47
 Шнее Г. — 47
 Шорин В. И. — 202
 Шпейдель Ганс — 289
 Шпенглер Освальд — 44
 Шпитальный Б. Г. — 259
 Шредер Курт — 117, 120, 121, 182
 Штехерт К. — 119
 Штрассер Грегор — 70
 Штреземан Густав — 37, 39, 40, 44, 45
 Шуберт Г. — 322
 Шульце Фите — 322
 Шуманн Гейнц — 56
 Шюдекопф Отто — 31, 51, 52, 123, 148
 Шютцле Курт — 35, 52

Щ

Щорс Н. А. — 202

Э

Эберт Фридрих — 51, 66
 Эймансбергер Людвиг — 29
 Эйнштейн Альберт — 150, 315, 317
 Энгельбрехт Г. — 193
 Энгельс Фридрих — 8, 10, 41, 44, 48, 70, 119, 150, 205, 206, 232, 233, 305
 Эрбе Ренэ — 141
 Эрикссон Джон — 251
 Эркнер С. — 114, 149, 162, 163
 Эррио Эдуард — 193, 285, 286
 Эрфурт В. — 35, 155

Ю

Юмашев А. Б. — 300
 Юнг Оуэн — 113, 168
 Юрьев Б. Н. — 261

Я

Явата — 87
 Якир И. Э. — 202, 299
 Якобсен Ганс — 119, 133, 134, 136, 148, 156, 163
 Янгузов З. Ш. — 110
 Яноушек А. — 17
 Ян Цзин-юй — 101
 Ясперс Карл — 58
 Ясуда — 85, 101

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Австралия — 23
Австрия — 10, 25, 42, 49, 58, 68, 74,
130, 131, 136, 163, 171, 172, 184,
189—191, 285, 318—320, 325
Австро-Венгрия — 8, 13
Адриатическое море — 61
Азербайджан — 132
Азия — VI, XX, XXII, XXIII, XXVI,
XXVII, 2, 4, 13, 47, 80, 82, 85,
97, 101, 106, 107, 109, 146, 190, 226,
300, 313, 314
Албания — IX, XIX, XXII, 25, 61, 279
Амой — 84
Америка (континент) — 2, 173, 181, 300,
315
Америка — см. США
Амстердам — 316—318, 345
Анакостия-Флэтс — 174, 178
Англия — см. Великобритания
Анкара — 90
Аньту — 100
Аньцин — 83
Аньшань — 94
Апеннинский полуостров — 46
Аргентина — 23, 310
Арктика — 207
Астурия — 325
Афганистан — 18, 36, 225, 256, 275, 283
Африка — XXIII, 4, 13, 21, 24, 119, 335

Б

Бавария — 17, 68—70
Байкал, оз. — 90, 99
Балканский полуостров — 24, 131
Балтийское море — 140, 171, 269, 272
Баренцево море — 269
Батон-Руж — 185
Белград — 131
Беловежская пуща — 191
Белое море — 269
Беломорско-Балтийский канал — 207,
240, 262
Белоруссия — 225, 284
Бельгия — XII, XIII, XXII, 2, 10,
19, 34, 35, 38, 184, 194, 279, 284, 299,
318, 320, 322

Берлин — 40, 69, 70, 90, 107, 108, 113,
125, 130, 135, 138, 147, 150, 156, 170,
171, 182, 185, 187, 188, 192, 287, 289,
293, 294, 296, 298, 318, 322
Бирма — 18
Бирмингем — 167
Ближний Восток — XXVIII, 335
Богемия — 191
Болгария — XIX, XXII, 10, 25, 36,
74, 75, 131, 279, 319
Болонья — 62
Бордо — 310
Бразилия — 23
Братислава — 68
Бреслау (совр. Вроцлав) — 150
Британская империя — XIII, 34, 165,
293
Брюссель — 310
Будапешт — 243
Бухарест — 225
Бэйцин — 40, 85, 94, 95, 99, 106
Бэньси — 94

В

Ванкувер — 300
Варшава — 40, 74, 90, 131, 191, 192,
288, 296
Ватикан — 55, 188
Вашингтон — 11, 83, 85, 86, 92, 93,
105, 174, 177, 180
Веймар — 8
Великобритания — VI, VIII—XIV,
XVI, XVIII—XX, XXV, XXVII, 1, 2,
10—17, 19, 25, 30, 33, 34, 36—42,
45, 46, 48, 49, 59, 73, 74, 82—85,
93—95, 97, 99, 100, 104, 105, 107,
108, 111, 144, 147, 156, 163—172,
182, 184, 187—195, 211, 212, 215, 223,
229, 230, 275, 279, 283, 287, 288,
290, 291, 293—295, 297—299, 306,
309—312, 314, 315, 318, 328, 333, 335,
336
Вена — 17, 131, 136, 312
Венгрия — XXII, 10, 17, 25, 30, 36,
46, 47, 74, 131, 136, 243, 279
Версаль — 12, 34, 48, 295
Верхняя Силезия — 49, 189
Вестфалия — 117

Висла, р. — 189
Владивосток — 90
Воеводина — 339
Воронеж — 212
Восточная Азия — XXII, 105—107, 280
Восточная Германия — XXII
Восточная Европа — XXI, XXVII, 46, 39, 41, 150, 190, 284—287, 299
Восточная Пруссия — 189
Восточная Сибирь — 90
Вроцлав — см. Бреслау
Вупперталь — 125
Вьетнам — XX, XXIII

Г

Гавайские острова — 100
Гаити, о. — 37
Гамбург — 71, 125, 138, 183
Ганновер — 45
Гарцбург — 115
Гватемала — 37
Гданьск (Данциг) — 150, 188, 189
Германия — VI, VIII—XVII, XIX, XX, XXV—XXVIII, 1—4, 8, 10, 12, 13, 16, 17, 19—27, 29—32, 34—42, 44—51, 55, 56, 58, 59, 65—68, 70—77, 94, 99, 107—109, 112, 113, 115—130, 131, 132, 133, 136—159, 161—172, 175, 177, 181—195, 211, 215, 224, 225, 229, 254, 274—278, 280—301, 303, 304, 306, 310, 313, 314, 316, 318, 319, 321—325, 327, 331, 335—338
Германская Восточная Африка — 47
Германская Демократическая Республика — XXII, 126, 138
Гирин, провинция — 100
Глазго — 165
Голландия — см. Нидерланды
Гонконг — 82, 84, 94
Гренобль — 318
Греция — XIII, XXII, 36, 61, 75, 310
Гуандун, провинция — 84
Гуанси, провинция — 84

Д

Далмация — 339
Дальний Восток (советский) — 102, 105, 109, 110, 224, 225, 262, 272, 276, 277
Дальний Восток — XX, XXVIII, 86, 87, 92, 100, 109, 111, 224, 277, 281, 294, 313—315, 336, 337
Дальневосточный край — 262
Дания — XII, XIII, XXII, 35, 319, 322
Данциг — см. Гданьск
Демократическая Республика Вьетнам — XXII
Доминиканская Республика — 37
Дортмунд — 125, 138
Дрезден — 138
Дунайский бассейн — 24, 46
Дюссельдорф — 115, 125

Е

Европа — VI, XI, XIII, XVI, XIX, XXI, XXII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII, 2, 4, 10—15, 17, 20, 24, 25, 37, 38, 39,

41—43, 46, 53, 65, 66, 69, 74, 77, 89, 94, 107, 131, 135, 136, 147, 149, 156, 162, 163, 165, 166, 168, 170, 173, 182, 187, 188, 190—192, 194, 213, 226, 229, 244, 268, 278, 281, 285, 286, 288, 289, 294—296, 298, 300, 301, 303, 308, 311, 315, 318, 326, 331, 332
Египет — 18, 165
Ефремов (Тульской обл.) — 212

Ж

Женева — 91—93, 190, 193, 318
Жэхэ, провинция — 104

З

Забайкалье, геогр. район — 103, 110
Закавказье — 340
Западная Германия — 120
Западная Европа — XXVI, XXVII, 13, 35, 51, 104, 226, 286, 292, 297, 299
Земля Франца-Иосифа, арх. — 300

И

Инвергордон — 165
Индиана, штат — 175
Индия — 18, 97, 165, 314
Индокитай — 18, 93
Индонезия — 275
Иокогама — 313
Ирак — 165
Иран — 18, 225, 256, 275, 283
Исландия — 319
Испания — IX, 35, 37, 48, 74, 130, 279, 320, 325, 329
Италия — VIII—XI, XIV, XXII, 1, 2, 4, 10, 13, 24, 25, 27, 30, 33—35, 38, 41, 47, 48, 58—66, 73—75, 82, 119, 130, 136, 146, 152, 156, 167, 169, 175, 176, 187, 191, 193, 194, 276, 288, 292, 299, 318, 320, 321, 326, 336

Й

Йокосука — 96

К

Кавказ, геогр. район — 131
Казань — 212
Канада — 23, 169
Кантон — 82, 84, 85, 243
Капоретто — 61
Карелия — 37, 256
Каролинские острова — 99
Кассель — 125, 138
Кёльн — 117, 125, 183
Кёнигсберг (совр. Калининград) — 68, 138, 150
Киото — 87
Китай — IX, XII, XVIII, XXII, 2, 10, 14, 18, 23, 35, 37, 42, 80, 82—89, 91—102, 104—107, 109, 111, 243, 256, 275, 277, 290, 309, 313—315, 317, 318, 336
Клайд — 165
Клайпеда — 189
Кобе — 87

Колумбия — 279
Комсомольск-на-Амуре — 240, 262
Копенгаген — 319
Корея — XX, XXII, 18, 90, 95, 100, 102, 314
Крым — 254
Куба — XXII
Курильские острова — 102

Л

Ладожское озеро — 262
Латвия — 12, 36, 275, 276, 283—285, 287
Латинская Америка — XXIII, 23, 74, 75
Лейпциг — 125, 137, 320
Ленинград — 131, 132, 224
Ливерпуль — 167
Лилль — 310
Литва — 12, 36, 192, 275, 283, 284, 287
Локарно — 2, 24, 38—40, 42, 191, 275, 286, 287, 342
Лонгви — 310
Лондон — 40, 49, 85, 89, 90, 93, 108, 131, 166, 168, 170, 171, 182, 192, 194, 277, 283, 288, 290, 293, 298, 309, 319, 327
Луизиана, штат — 176, 179, 180, 185
Люксембург — 184, 279, 318

М

Магнитогорск — 131
Манчестер — 167
Маньчжоу-Го — 97, 100, 103—106
Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) — 2, 42, 83—87, 89, 90, 92—97, 99—103, 105, 107, 111, 224, 225, 276, 277, 291, 313—315
Марианские острова — 99
Марокко — 18, 37, 275, 309
Марсель — 290, 310
Мекленбург — 125
Мексика — 23, 37, 327
Мец — 318
Мичиган, штат — 175, 179
Монголия — 18, 243
Монгольская Народная Республика (МНР) — XX, XXII, 86, 87, 102—104, 256, 304
Монтана, штат — 23
Монтевидео — 319
Моравска-Острава — 318
Москва — 54, 89, 103, 131, 132, 191, 224, 225, 231, 281, 291, 293, 295, 296, 300, 309, 311, 320, 324, 328
Мукден — 85, 86, 90, 91, 94
Мюнхен — 67, 69, 115, 121, 129, 138, 167, 188

Н

Нагасаки — XIX
Нанкин — 33, 82, 83, 85, 94, 95
Нанси — 310
Неман, р. — 68

Нидерланды — XII, XIII, 10, 34, 111, 184, 193, 290, 315, 316, 318, 319, 322, 332
Никарагуа — 37
Николаев — 224
Нинбо — 83
Новая Зеландия — 23
Норвегия — XII, XIII, XXII, 319
Нормандия — XIX
Нью-Йорк — 182, 320
Нюрнберг — 108, 144, 161, 162

О

Огайо, штат — 175
Одесса — 224
Орджоникидзевский край — 132
Осака — 87, 313

П

Палестина — 18
Панама — 37
Парагвай — 118, 343
Париж — XII, 90, 93, 131, 171, 192, 275, 289, 295, 296, 310, 318—320, 322, 328
Пекин — см. Бэйпин
Пенсильвания, штат — 175
Персия — см. Иран
Петроград (совр. Ленинград) — 51, 232
Петропавловск-Камчатский — 300
Поволжье — 131, 132
Познань — 299
Польская Народная Республика — 74
Польша — X—XIII, XIX, XXII, XXV, 2, 12, 24, 33, 36, 38—41, 46, 74, 75, 136, 137, 147, 184, 188, 189—192, 256, 275, 276, 283—285, 287, 288, 290, 292, 296, 303, 310, 314, 318, 319
Полярный круг (северн.) — 207
Померания — 125
Поморье (польское) — 189
Португалия — 10
Потсдам — XXVIII
Прага — 131, 297, 301, 324
Прибалтика — 41, 287
Приморский край (Приморье) — 103, 109, 110
Пруссия — 44, 66, 116, 121, 122, 129

Р

Рапалло — 16, 283
Рейн, р. — 13, 49
Рейнская зона — 163, 303, 304
Рейнская обл. — 117
Рейнско-Вестфальский промышленный район — 68
Рендсбург — 47
Рига — 285
Рим — 45, 63, 64, 69, 90, 131, 168, 187, 292
Риф, республика — 37, 48
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) — 2, 9, 11—13, 15, 18, 24, 36, 96, 165, 173, 200—204, 209, 226, 232, 233, 279, 306

Россия (до 1917 г.) — 12, 16, 19, 24, 49, 59, 148, 173, 199—203, 208, 211, 212, 223, 254, 279, 284

Руан — 310

Рубе — 310

Румыния — XIX, XXII, 24, 25, 41, 74—76, 131, 136, 225, 256, 275, 279, 283, 285, 287, 289, 292, 293, 303, 310

Рур, промышленный район — 19, 20, 24, 68, 71, 121, 195, 254

Рюссельсгейм — 183

С

Саарская обл. — 22, 184, 192, 193, 318

Саксония, земля — 69, 113

Сан-Франциско — XXVIII

Сасебо — 96

Северная Африка — XIX

Северная Земля, о-ва — 300

Северная Корея — 90

Северная Маньчжурия — 225

Северная Шотландия — 165

Северное море — 171

Северный Китай — 96, 99, 106, 107

Северо-Американские Соединенные Штаты — см. Соединенные Штаты Америки

Северный полюс — 300

Северо-Восточная Европа — 284

Северо-Восточный Китай — см. Маньчжурия

Сен-Дени — 310

Сент-Этьенн — 310

Сибирь — 94, 97, 102, 103, 110, 280

Сирия — 18, 37, 275, 309

Словакия — 17, 36

Советская республика — см. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Советская Россия — см. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Соединенные Штаты Америки (США) — VI, VIII, X, XIII, XIV, XVI, XVIII—XX, XXIV, XXVII, XXVIII, 1, 2, 9—18, 20—24, 27—31, 33, 34, 36—41, 45, 46, 48, 73, 74, 80, 82—86, 89, 91—97, 99, 100, 104, 105, 107, 108, 111, 144, 147, 162, 163, 168, 172—190, 192—195, 212, 215, 226, 229, 230, 254, 275, 279—281, 283, 290, 291, 298, 300, 306, 310, 311, 315, 327, 328, 335, 336

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — V—XI, XIII—XXVIII, 2—4, 9, 11, 14—16, 18—20, 24, 25, 28, 33, 37—41, 42, 51—53, 59, 74—76, 82, 83, 86—95, 97—99, 102—105, 107—111, 115, 119, 124, 130—132, 137, 144, 147, 150, 151, 162, 165, 167, 171, 172, 181, 188—192, 194, 199, 203, 205—215, 218—236, 238—242, 244, 246, 248—251, 253—257, 260, 262, 267, 268, 271—318, 320, 321, 327—329, 331—334, 336—338

Средиземное море — 65, 152

Средний Восток — XXVIII

Средний Запад (США) — 175

Средняя Азия — 37, 131, 207, 256

Сталинград (совр. Волгоград) — 207

Страсбург — 68

Судеты — 121

Т

Таллин — 285

Тайвань, о. — 314

Тангу — 104

Танненберг — 50, 149

Тикси, бухта — 300

Тихий океан — XIX, XXVII, 10, 21, 85, 89, 97, 99, 105, 111, 269, 279, 290, 335

Тихоокеанский бассейн — 23, 24, 80

Токио — 85, 92, 98, 103—105, 107, 108, 313

Труа — 310

Тулуза — 310

Турция — 10, 13, 18, 36, 131, 225, 256, 275, 283, 335

Тюрингия — 69, 125

Тяньцзинь — 84, 99, 106

У

Удд, о. — 300

Украина — 12, 37, 131, 191, 225, 284, 299

Урал, геогр. район — 102

Урало-Волжский экономич. район — 212

Урало-Кузбасс, экономич. район — 212

Уругвай — 23

Ухань — 94, 95

Ф

Федеративная Республика Германии (ФРГ) — 195

Феррара — 62

Филиппины — 85, 100, 179

Финляндия — 12, 36, 276, 283, 284, 287, 319

Франкфурт-на-Майне — 138

Франция — VIII—XIII, XXII, XXV, XXVII, 1, 2, 10—13, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 28, 31, 33—41, 46, 48, 49, 59, 68, 73, 74, 82, 84, 93, 94, 99, 107, 111, 134, 144, 147, 148, 156, 163, 165, 167, 171, 172, 184, 187—194, 212, 215, 223, 224, 229, 275, 276, 279, 284—293, 295—301, 303, 304, 306, 309—311, 314, 316, 318—320, 322, 325—327, 329, 332, 335, 337

Фрейбург — 138

Фуцжоу — 83, 95

Фушунь — 94

Х

Ханчжоу — 83

Ханькоу — 85

Харбин — 85

Харьков — 131

Хиросима — XIX

Хэбэй, провинция — 106

Ц

Центральная Европа — XXII, 74—76, 187, 188, 280, 284, 297
Центральный Китай — 100, 104
Цзилинь — см. Гирин
Цзянвань — 98
Цзяндао — 100
Циндао — 95
Цицикар — 94
Цюрих — 315

Ч

Чахар, провинция — 106
Черное море — 262, 269, 272, 312
Чехословакия — IX, XII, XIII, XIX, XXII, 2, 24, 34, 38, 39, 73, 131, 136, 137, 163, 171, 184, 189, 190, 279, 283—285, 287, 292, 297—301, 303, 304, 314, 318, 322, 331, 332

Ш

Шанхай — 82—86, 94, 95, 99, 100, 313, 320
Шаньдун, провинция — 86
Швейцария — 35, 38, 322, 327
Швеция — 34, 35, 46, 170, 230, 319
Шеффилд — 167
Шотландия — 165
Штутгарт — 125

Э

Эссен — 113, 138, 318
Эстония — 12, 36, 275, 276, 283—285, 287
Эфиопия — IX, 292

Ю

Юго-Восточная Азия — 23, 24, 86
Юго-Восточная Европа — XXI, XXVII, 41, 74—76, 115, 172, 187, 188
Югославия — XIII, XIX, XXII, 24, 25, 61, 74, 75, 131, 283, 292, 310
Южная Маньчжурия — 90
Южные моря — 97, 108
Южный Китай — 84, 99
Южный Сахалин — 102

Я

Ялта — XXVIII
Янцзы, р. — 84, 85, 99
Япония — VIII, X, XI, XIII, XIV, XVI, XIX, XX, XXVI—XXVII, 1, 2, 4, 10, 13, 14, 19, 21—24, 29, 32—34, 41, 42, 44, 46, 48, 59, 75, 80—109, 111, 130, 146, 185, 224, 225, 254, 272, 276, 277, 280, 281, 289—291, 294, 299, 311, 313—315, 318, 319, 321, 327, 336
Ярославль — 212

П Е Р Е Ч Е Н Ь К А Р Т

1. Изменение политической карты Европы в итоге первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции	8 — 9
2. Источники сырья и рынки сбыта империалистических держав. 1935 г.	48 — 49
3. Установление фашистских диктатур в некоторых странах Европы. 1920—1935 гг.	56 — 57
4. Агрессия японских империалистов на Дальнем Востоке. 1931—1935 гг.	104—105
5. Превращение Советского Союза в могучую индустриальную державу. Важнейшие промышленные предприятия, электростанции и железные дороги, построенные за годы первой и второй пятилеток . . .	224—225
6. Проект Восточного пакта	280—281
7. Антивоенные и антифашистские выступления народных масс. 1929—1935 гг.	304—305
8. Условные обозначения и сокращения, принятые на картах	360—361

Примечание. На картах труда «История второй мировой войны 1939—1945» границы государств показаны на период освещаемых событий.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ АРХИВОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

АВП — Архив внешней политики СССР.

Архив МО — Архив Министерства обороны СССР.

ИДА — Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел СССР.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР.

ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.

ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

DZP — Deutsches Zentralarchiv Potsdam (Государственный архив Германской Демократической Республики).

ZPA — Zentrales Parteiarchiv der SED (Центральный партийный архив СЕПГ).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ	V
Введение	1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ НА ПУТИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Глава первая

АГРЕССИВНОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Капиталистическая система после первой мировой войны	7
2. Обострение противоречий между империалистическими государствами . . .	18
3. Рост вооружений в капиталистических странах	26
4. Агрессивный внешнеполитический курс капиталистических государств . .	36
5. Идеологическая подготовка империализмом новых войн	42

Глава вторая

ФАШИЗМ — НАИБОЛЕЕ МРАЧНОЕ ПОРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Социально-политические корни фашизма и пути его прихода к власти . . .	54
2. Фашизм в Италии	59
3. Германский фашизм	65
4. Фашизм в других странах	73
5. Фашизм — это война	76

Глава третья

ОЧАГ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1. Империалистические противоречия на Тихом океане и Дальнем Востоке . . .	80
2. Новый этап японской агрессии	87
3. Образование очага новой мировой войны	101

Глава четвертая

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАВНОГО ОЧАГА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Фашистский переворот в Германии	112
2. Карательные и разведывательные органы — орудие укрепления фашистской диктатуры	126

3. Превращение Германии в государство войны: политическая и экономическая подготовка агрессии	132
4. Превращение Германии в государство войны: идеологическая и военно-теоретическая подготовка агрессии, строительство вооруженных сил	144

Глава пятая

ПОЛИТИКА ПООЩРЕНИЯ ФАШИЗМА

1. Поддержка германского милитаризма правящими кругами Англии	164
2. Внутриполитическая борьба в Соединенных Штатах Америки и помощь американских монополий гитлеровской Германии	172
3. Внешнеполитическая поддержка агрессивного курса Германии правящими кругами Англии, США и Франции	187

Часть вторая

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ВОЙНЫ

Глава шестая

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР ДЛЯ ОТПОРА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Созидательная направленность Великой Октябрьской социалистической революции	199
2. Создание материально-технической базы социализма, превращение СССР в передовую индустриальную державу	210
3. Социально-политическое и идейное единство советского народа — новая движущая сила советского общества	215
4. Борьба Советского государства с подрывной деятельностью империалистических разведок	223
5. Советский Союз — оплот прогресса и мира на земле	226

Глава седьмая

АРМИЯ ЗАЩИТЫ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

1. Защита социалистического Отечества — великий национальный и интернациональный долг советского народа	232
2. Советская Армия — армия нового типа	235
3. Укрепление Советских Вооруженных Сил после гражданской войны	244
4. Техническая реконструкция Советских Вооруженных Сил	256

Глава восьмая

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА СТРАЖЕ МИРА

1. Задачи внешней политики СССР	273
2. Мероприятия СССР по созданию системы коллективной безопасности	276
3. Заключение Советским Союзом договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией	291
4. Готовность Вооруженных Сил СССР к выполнению обязательств по обеспечению коллективной безопасности	298

РАЗВИТИЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Международный рабочий класс — ведущая антивоенная сила	305
2. Борьба за создание антивоенного фронта в период возникновения очагов войны	313
3. Поворот компартий к новым формам борьбы	322
Заключение	335
Приложения	
Хроника основных событий	341
Указатель имен	349
Указатель географических названий	356
Перечень карт	361
Сокращенные названия архивов, встречающиеся в тексте	362

* *
* *

В труде использованы документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР, Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, Архива внешней политики СССР, Архива Министерства обороны СССР, Историко-дипломатического архива Министерства иностранных дел СССР, Архива Министерства внешней торговли СССР, Института военной истории Министерства обороны СССР, Центрального партийного архива СЕПГ, Государственного архива Германской Демократической Республики, Архива института и музея военной истории венгерской Народной армии, Государственного архива Великобритании, Государственного архива Федеративной Республики Германии, Центрального государственного архива Италии и других архивов.

Иллюстративный материал подобран в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР, Госфильмофонде СССР, Государственном музее революции СССР, Центральном музее Вооруженных Сил СССР, Фотохронике ТАСС, Агентстве печати «Новости» СССР, в архивах ГДР, Польши, а также в советских и зарубежных публикациях.

Авторские макеты карт составлены редакцией тома и выполнены сотрудниками отдела картографии и фотодокументации Института военной истории МО СССР.

Карты изготовлены Военно-топографической службой Советской Армии.

В консультировании тома участвовали: И. Х. Баграмян, П. Ф. Батицкий, П. И. Батов, И. И. Гусаковский, П. И. Ефимов, П. И. Ивашутин, М. И. Казаков, М. Х. Калашник, М. С. Колесников, И. С. Конев, К. В. Крайнюков, Н. Г. Кузнецов, В. В. Курасов, П. С. Кутахов, С. С. Маряхин, К. С. Москаленко, И. Г. Павловский, П. А. Ротмистров, Ф. А. Самсонов, Н. Д. Сергеев, Е. И. Смирнов, В. Ф. Толубко, И. В. Тюленев, В. М. Хвостов, В. И. Чуйков, Н. Д. Яковлев.

Литературные редакторы: Л. Н. Красильникова, Г. А. Хвилевицкая.

Хроника событий составлена Н. А. Виленским, И. А. Коротковым, Е. Р. Некрашевичем, указатели — Т. Н. Кузнецовой.

Научно-организационную и вспомогательную работу по тому выполнили А. Я. Анфиногенов, Б. И. Баромыкин, А. И. Борисов, Р. Т. Горбунова, В. Д. Данилов, Е. Д. Евдокимова, М. С. Зинич, В. Д. Козинец, Л. Н. Корнев, И. А. Коротков, Т. Н. Кузнецова, Е. Н. Морозова, В. В. Муратов, Е. Р. Некрашевич, В. Г. Никифоров, А. А. Пастухов, Р. Б. Самофал, И. В. Ставицкий.

Фотоиллюстрации подобраны Б. И. Баромыкиным, А. И. Борисовым, И. В. Ставицким.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим помощь при подготовке тома.